

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

VI

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА**

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. VI

1905 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

ЗЕМСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЛАН «ИСКРЫ»

*Написано
в ноябре 1904 г.*

*Напечатано
брошюрой в декабре 1904 г.
Над. «Вперед». Женевы 1904*

Земская кампания и план «Искры» ¹⁾.

*Только для членов партии *).*

За подписью редакции «Искры» только что опубликовано («для членов партии») письмо к партийным организациям. Россия никогда еще не была так близка к конституции, как теперь, — заявляет редакция и подробно излагает целый план «политической кампании», целый план воздействия на наших либеральных земцев, ходатайствующих о конституции.

Прежде чем разбирать этот, в высшей степени поучительный, план новой «Искры», припомним, как ставился вопрос об отношении к нашим либеральным земцам в русской социал--демократии с тех пор, как возникло массовое рабочее движение. Всем известно, что и по этому вопросу почти с самого начала возникновения массового рабочего движения шла борьба между «экономистами» ²⁾ и революционерами. Первые доходили до прямого отрицания буржуазной демократии в России, до игнорирования задач воздействия пролетариата на оппозиционные слои общества, и в то же время, суживая размах политической борьбы пролетариата, они, сознательно или бессознательно, предоставляли политически-руководящую роль либеральным элементам общества, отводя рабочим «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». Сторонники революционной социал-демократии в старой «Искре» вели борьбу с этим направлением. Борьба эта распадается на два крупных периода: до появления либерального органа, «Освобождение» ³⁾, и после его появления. В первый период мы направляли главным образом свою атаку против узости экономистов, «натал-

*) Мы выпускаем настоящую брошюру с надписью: «Только для членов партии» в виду того, что с такою надписью выпущено «письмо» редакции «Искры». По существу дела «конспирация» с таким планом, который подлежит сообщению в десятки городов, обсуждению в сотнях рабочих кружков, разъяснению в агитационных листках и воззваниях, просто смешна. Это один из образчиков той канцелярской тайны, которую уже отметил в практике редакции и Совета т. Галерка ³⁾ («На новый путь»). С одной только точки зрения можно было бы оправдать сокрытие редакционного письма от широкой публики вообще и от либералов в особенности: такое письмо слишком уже компрометирует нашу партию..

кивали» их на незамечаемый ими факт существования буржуазной демократии в России, подчеркивали задачу всесторонней политической деятельности пролетариата, задачу воздействия его на все слои общества, задачу стать авангардом в войне за свободу. В настоящее время тем более уместно и необходимо вспомнить этот период и его основные черты, чем грубее извращают его сторонники новой «Искры» (см. «Наши политические задачи» Троцкого, изданные под редакцией «Искры»), чем больше спекулируют они на незнакомство теперешней молодежи с историей недавнего прошлого нашего движения.

Со времени появления «Освобождения» начался второй период борьбы старой «Искры». Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: рабочая демократия не могла ограничиться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, — она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста г.г. либералов (достаточно сослаться на «Зарю»⁵⁾), критиковавшую предисловие г. Струве к записке Витте⁶⁾, и на многочисленные статьи «Искры»⁷⁾).

Ко времени II партийного съезда⁸⁾ эта новая позиция социал-демократии по отношению к либерализму, выступившему открыто, настолько уже выяснилась и упрочилась, что ни у кого не возникало даже вопроса относительно того, существует ли буржуазная демократия в России, и должно ли оппозиционное движение встречать поддержку (и какую поддержку) в пролетариате. Речь шла лишь о формулировке партийных взглядов на этот вопрос, и мне достаточно здесь указать на то, что взгляды старой «Искры» гораздо лучше были выражены в резолюции Плеханова⁹⁾, подчеркнувшей антиреволюционный и противопролетарский характер либерального «Освобождения», чем в сбивчивой резолюции Старовера¹⁰⁾, которая, с одной стороны, гонится (и совершенно несвоевременно гонится) за «соглашением с либералами, а с другой стороны, ставит фиктивные, заведомо неисполнимые для либералов условия таких соглашений.

I.

Перейдем к плану новой «Искры». Редакция признает нашу обязанность использовать до дна весь материал по вопросу о нерешительности и половинчатости либеральной демократии, по вопросу о враждеб-

ной противоположности интересов либеральной буржуазии и пролетариата, использовать «соответственно принципиальным требованиям нашей программы». «Но — продолжает редакция — но в пределах борьбы с абсолютизмом, и именно в теперешнем фазисе, наше отношение к либеральной буржуазии определяется задачей придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми выступит (? выступил?) руководимый социал-демократией пролетариат». Мы подчеркнули особенно странные словечки в этой странной тираде. В самом деле, как не назвать странным противоположение, с одной стороны, критики половинчатости и анализа враждебности интересов, а, с другой стороны, задачи придать храбрости и побудить присоединиться? Каким образом в состоянии мы придать храбрости либеральной демократии иначе, как беспощадным разбором и уничтожающей критикой ее половинчатости в вопросах демократии? Поскольку буржуазная (либеральная) демократия намерена выступать, как демократия, и вынуждена выступать, как демократия, постольку она неизбежно стремится опереться на возможно более широкие круги народа. Это стремление неминуемо порождает следующее противоречие: чем шире эти круги народа, тем больше среди них представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя, такой полной демократизации, которая грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию). Буржуазная демократия по природе своей не в состоянии удовлетворить этих требований, она по природе своей осуждена поэтому на нерешительность и половинчатость. Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а частью и мелких буржуа от либеральной демократии на сторону рабочей демократии. Каким же образом можно говорить: мы должны критиковать половинчатость либеральной буржуазии, **но** (но!) наше отношение к ней определяется задачей придать ей храбрости? Ведь это явная путаница, свидетельствующая либо о том, что авторы ее пьются назад, т.-е. возвращаются к тем временам, когда либералы вообще еще не выступали открыто, когда их надо было вообще пробуждать, расшевеливать, побуждать открыть рот; — либо о том, что авторы сбиваются на мысль, будто можно «придать храбрости» либералам посредством уменьшения храбрости пролетариев.

Как ни чудовищна эта мысль, но в следующем же пассаже редакционного письма мы видим ее еще более ясно выраженной: «Но — оговаривается паки и паки редакция — но мы впали бы в роковую ошибку, если бы поставили себе целью энергическими мерами у с т р а

шения теперь же заставить земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием паники, формальное обещание предъявить наши требования правительству. Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции» (курс. ред.).

Вот оно что! Не успел еще революционный пролетариат нанести ни одного серьезного удара царскому самодержавию в такой момент, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный удар особенно необходим, особенно полезен и может оказаться решительным ударом, а нашлись уже социал-демократы, бормочущие о рычаге для реакции. Это уже не только путаница, это — прямая пошлость. И редакция договорилась до этой пошлости, сочинив себе, специально для разговоров о рычаге для реакции, сугубо грозное пугало. Подумайте только: люди серьезно говорят, в письме к партийным организациям социал-демократической партии, о тактике устрашения земцев и понуждения их, под влиянием паники, дать формальные обещания! Нелегко было бы, даже среди русских сановников, даже среди наших Угрюм-Бурчеевых¹¹⁾, найти такого государственного младенца, который бы поверил в такое пугало. У нас есть, среди революционеров, ярые террористы, есть отчаянные бомбисты, но даже самый нелепый из нелепых защитников бомбизма не предлагал, кажется, до сих пор устрашать... земцев и вызывать панику среди... оппозиции. Неужели не видит редакция, что, сочиняя эти смехотворные пугала, пуская в ход эти банальные фразы, она неизбежно порождает недоразумения и недоумения, засоряет сознание и сеет смуту в умах борющихся пролетариев? Ведь не в пустое пространство летят эти словечки о рычаге для реакции, о компрометирующей тактике устрашения, они падают на специфическую российско-полицейскую почву, как нельзя более приспособленную для произрастания плевелов. О рычаге для реакции нам действительно говорят теперь на каждом перекрестке, но говорят — нововременцы. О компрометирующей тактике устрашения нам действительно прожужжали все уши, — не кто иной, как трусливые вожаки буржуазной оппозиции.

Возьмите профессора князя Е. Н. Трубецкого¹²⁾. Кажется, достаточно «просвещенный» и — для русского легального деятеля — достаточно «смелый» либерал. А как пошло рассуждает он в либеральном «Праве»¹³⁾ (№ 39) о «внутренней опасности», именно опасности крайних партий! Вот вам живой образчик того, кто действительно близок к панике, вот вам наглядный пример того, что действительно оказывает на настоящих либералов устрашающее действие. Уж конечно боятся они не того плана, который приснился редакторам «Искры», плана вырвать у земцев формальные обещания в пользу

революционеров (г. Трубецкой только расхохотался бы, если бы ему сказали о таком плане), — они боятся революционно-социалистических целей «крайних» партий, они боятся уличных листов, этих первых ласточек революционной самостоятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии. Этот страх порождается не смехотворными пугалами, а действительным характером рабочего движения, этот страх неизгладим из сердца буржуазии (отдельные лица и отдельные группы, конечно, не в счет). И вот почему такой фальшью звучит рассуждение новой «Искры» о компрометирующей тактике устрашения земцев и представителей буржуазной оппозиции. Пугаясь уличных листов, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, г.г. либералы всегда будут бояться лозунга: «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхами буржуазии.

Возьмите «Новое Время»¹⁴⁾. Какие нежные арии распевает оно на мотив о рычаге для реакции. «Молодежь и реакция» — читаем мы в «Заметках» № 10285 (18 окт.) — ... Не вяжутся вместе эти слова, а между тем недостаточно обдуманые действия, порывистые увлечения и желание во что бы то ни стало принять немедленное участие в судьбах государства могут привести молодежь к этому безнадежному тупику. На-днях демонстрация у Выборгской тюрьмы, затем попытка о чем-то манифестировать уже в центре столицы, в Москве прогулка с флагами и протестами против войны 200 студентов... Отсюда понятна реакция... студенческие волнения, демонстрации молодежи, да ведь это целый бенефис, это — козырь, нежданный, громадный козырь в руках реакционеров. Вот уж подлинно для них дорогой подарок, который они сумеют использовать. Не следует делать этого подарка, не нужно ломать воображаемых (! ! !) решоток: теперь и двери открыты (двери Выборгской и других тюрем, должно быть?), широко открыты!».

Эти рассуждения не требуют пояснений. Достаточно привести их, чтобы видеть, как бестактно заговаривать теперь о рычаге для реакции, т е п е р ь, когда ни одна из дверей всероссийской тюрьмы не приоткрыта для борющихся рабочих, когда царское самодержавие не сделало еще ни единой хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетариата уступки, когда все внимание и все усилия должны быть направлены на подготовку настоящей и решительной схватки с врагом русского народа. Конечно, одна уже мысль о такой схватке внушает страх и панику г.г. Трубецким и тысячам менее «просвещенных» г.г. либералов. Но мы

были бы глупцами, если бы соображались с их паникой. Мы должны соображаться с состоянием своих сил, с ростом народного возбуждения и возмущения, с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений.

II.

Выше говоря о том пугале, которое приснилось нашей редакции, мы не отметили еще одной характерной черточки в ее рассуждении. Редакция обрушилась на компрометирующую тактику, которая бы клонилась к тому, чтобы вырвать у земцев «формальное обещание предъявить наши требования правительству». Помимо указанных раньше несообразностей, тут странна сама мысль о том, чтобы «наши» требования, требования рабочей демократии, предъявляла правительству либеральная демократия. С одной стороны, либеральная демократия именно в силу того, что она представляет из себя буржуазную демократию, никогда не способна усвоить себе, не способна отстаивать искренно, последовательно и решительно «наши» требования. Если бы даже либералы дали, «добровольно» дали, формальное обещание предъявить наши требования, то, разумеется, они не сдержали бы этого обещания, обманули бы пролетариат. С другой стороны, если бы мы были так сильны, чтобы влиять серьезно на буржуазную демократию вообще и г.г. земцев в особенности, то такой силы нам было бы вполне достаточно, чтобы самостоятельно предъявить наши требования правительству.

Странная мысль редакции — не результат обмолвки, а неизбежное следствие той сбивчивой позиции, на которую она вообще встала по данному вопросу. Слушайте: «Центральным фокусом и руководящей нитью... должна служить практическая задача... внушительного организованного воздействия на буржуазную оппозицию»; в «проекте заявления от рабочих данному органу либеральной оппозиции» должно быть «объяснение, почему рабочие обращаются не к правительству, а к собранию представителей именно этой оппозиции». Такая постановка задачи в основе своей ошибочна. Мы, партия пролетариата, должны, конечно, «итти во все классы населения», открыто и энергично отстаивая перед всем народом нашу программу и наши ближайшие требования, мы должны стараться заявить эти требования и перед г.г. земцами, но центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство. Редакция «Искры» поставила вопрос о центральном фокусе как раз вверх ногами. Буржуазная оппозиция потому и является только

буржуазной и только оппозицией, что она не борется сама, не имеет своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоит между двумя борющимися сторонами (правительством и революционным пролетариатом плюс его немногочисленные интеллигентные сторонники), что она учитывает в свою пользу результат борьбы. Поэтому, чем горячее становится борьба, чем ближе момент решительной битвы, тем больше должны мы обращать наше внимание и направлять наше воздействие на нашего действительного врага, а не на того союзника, который заведомо является союзником условным, проблематичным, ненадежным и половинчатым. Неразумно было бы игнорировать этого союзника, нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его, — все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руководящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом. Заигрывая с земством, делая ничтожные уступки земству, правительство ведь ровно еще ничего не уступило фактически народу, правительство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца. Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкивания его пустыми словечками надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломлен, особенно энергично звать к продолжению и удештерению борьбы с врагом, а не переносить центра тяжести с «обращения» к правительству на обращение к земству. Именно в настоящий момент не кто иной, как заведомые пенкосниматели и предатели свободы лезут из кожи, чтобы обратить центр тяжести общественного и народного внимания на земство, вызвать доверие к земству, которое на самом деле доверия истинной демократии отнюдь не заслуживает. Возьмите «Новое Время»: в цитированной выше статье вы прочтете такое рассуждение: «Всякому ясно, что с возможностью смело и правдиво обсуждать все наши недостатки и недочеты, с возможностью каждому деятелю свободно проявлять свою деятельность скоро и недочетам должен наступить конец, и Россия может вступить безбоязненно на тот путь прогресса и совершенствования, который ей так необходим. Даже организации, инструмента этого прогресса, не приходится выдумывать: он существует налицо в виде земства, которому только (!!) предстоит дать свободу роста; в последнем залог действительно самобытного, а не заимствованного совершенствования». Такие и подобные речи не только «скрывают стремление к ограниченной монархии и цензовой конституции» (как говорит в другом месте своего письма редакция); они прямо под-

готовляют почву к тому, чтобы все дело ограничилось улыбками по адресу земства без всякого даже и ограничения монархии!

Выдвиганье, в качестве центрального фокуса, воздействия на земство, а не воздействия на правительство, естественно приводит к той несчастной мысли, которая легла в основу Староверовской резолюции, именно мысли искать сейчас же и немедленно базиса для каких-либо «соглашений» с либералами. «По отношению к нынешним же земствам — говорит в своем письме редакция — наша задача сводится (!!) к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс». Нечего сказать, хорошее определение задач рабочей партии! В такое время, когда перед нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата (редакция сама признает возможность такого союза), мы будем «сводить» свою задачу не к удешевлению энергии борьбы против правительства, а к выработке казуистических условий соглашения с либералами об обоюдной поддержке. Если я предлагаю другому лицу требования, которые он должен обязаться поддерживать, чтобы иметь право на мою поддержку, то я заключаю именно соглашение. И мы спрашиваем всех и каждого: куда улетучились те «условия» соглашений с либералами, которые сочинял Старовер в своей резолюции *) (подписанной также Аксельродом и Мартовым) и неисполнимость которых была уже предсказана в нашей литературе? Об этих условиях редакция не говорит в своем письме ни слова. Редакция провела резолюцию на съезде, чтобы бросить ее потом в корзину для ненужной бумаги. При первой же попытке практического приступа к делу сразу стало видно, что предъявление Староверовских «условий» вызвало бы только гомерический хохот г.г. либеральных земцев.

Пойдем дальше. Можно ли вообще признать принципиально правильным постановку перед рабочей партией задачи предъявлять либеральной демократии или земцам такие политические требования,

*) Напомним читателю, что в принятой съездом (вопреки моему и Плеханова мнению) резолюции Старовера поставлены 3 условия временных соглашений с либералами: 1) либералы «ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону социал-демократии»; 2) «они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание»; 3) «своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

«которые она обязана поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа?» Нет, такая постановка задачи принципиально неправильна и ведет только к затемнению классового самосознания пролетариата, к бесплоднейшей казуистике. Выступать от имени народа — это и значит выступать в качестве демократа. Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имеет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм. Следовательно, всякий буржуазный демократ «имеет хоть какое-нибудь право выступать от имени народа» (ибо всякий буржуазный демократ отстаивает, пока он демократ, то или иное демократическое требование), но в то же время ни один буржуазный демократ не имеет права по всей линии выступать от имени народа (ибо ни один буржуазный демократ в настоящее время не способен решительно и до конца доводить демократизм). Г. Струве имеет право выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» борется с самодержавием. Г. Струве не имеет никакого права выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» виляет и вертится, ограничивается цензовой конституцией, приравнивает земскую оппозицию к борьбе, уклоняется от последовательной и ясной демократической программы. Немецкие национал-либералы¹⁵⁾ имели право выступать от имени народа, поскольку они боролись за свободу передвижения. Немецкие национал-либералы не имели никакого права выступать от имени народа, поскольку они поддерживали реакционную политику Бисмарка¹⁶⁾.

Таким образом ставить рабочей партии задачу предъявлять г.г. либеральным буржуа такие требования, при условии поддержки которых они имели бы хоть какое-нибудь право выступать от имени народа, значит сочинять вздорную и нелепую задачу. Никаких особых демократических требований, помимо тех, которые изложены в нашей программе, сочинять нам незачем. Во имя этой программы мы обязаны поддерживать всякого (в том числе и буржуазного) демократа, поскольку он проводит демократизм; мы обязаны беспощадно разоблачать всякого демократа (в том числе и социалиста-революционера), поскольку он отступает от демократизма (хотя бы, например, в вопросах насчет свободного выхода из общины и свободной продажи земли крестьянином). Пытаться же наперед определить, так сказать, меру допустимой подлости, пытаться заранее установить, какие отступления от демократизма позволительны для демократа, чтобы он имел хоть какое-нибудь право выступать в качестве демократа, — это задача настолько умная, что невольно является подозрение, не помогали ли нашей редакции сочинять ее тов. Мартынов или тов. Дан.

III.

Изложив в своем письме руководящие политические соображения, редакция дает затем подробное изложение и своего великого плана.

Губернские земские собрания ходатайствуют о конституции. В городах N; X, Y комитетчики плюс развитые рабочие составляют план политической кампании «по Аксельроду». Центральный фокус агитации сводится к воздействию на буржуазную оппозицию. Выбирается организационная группа. Организационная группа выбирает исполнительную комиссию. Исполнительная комиссия выбирает специального оратора. Стараются «привести массы в непосредственное соприкосновение с земскими собраниями, концентрировать манифестацию у того самого здания, в котором заседают земские гласные. Часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания (? у председательствующего в собрании предводителя дворянства?) позволения прочитать ему заявление рабочих. В случае отказа в этом оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос народных представителей этого самого народа».

Таков новый план новой «Искры». Мы сейчас увидим, как скромно оценивает его значение сама редакция, но предварительно приведем в высшей степени принципиальные пояснения редакции насчет функций исполнительной комиссии:

«... Исполнительная комиссия должна будет заранее принять меры к тому, чтобы появление нескольких тысяч рабочих перед зданием, где заседают земские гласные, и несколько десятков или сотен в самом здании не вызвало в земцах панического страха (! !), под влиянием которого они способны были бы броситься (!) под позорную защиту полицейских и казаков, превратив таким образом мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл...» (Редакция, видимо, сама поверила в приснившееся ей пугало. У редакции выходит даже, по буквальному грамматическому смыслу фразы, так, будто земцы превращают манифестацию в побоище и извращают ее смысл. Мы очень невысокого мнения о либеральных земцах, но все же панический страх редакции насчет призыва полиции и казаков либералами в земском собрании кажется нам совершенно вздорным. Всякий, кто хоть раз был в земском собрании, прекрасно знает, что полицию позовет, в случае так называемого нарушения порядка, либо председательствующий предводитель дворянства, либо присутствующий неофициально в соседней комнате чин полиции. Или, может быть, члены исполнительной комис-

сии разъяснят по этому случаю околоточному надзирателю, что в «план» редакции новой «Искры» совершенно не входит превращение мирной манифестации в варварское побоище?)

«... Во избежание такого сюрприза, исполнительная комиссия должна заранее предупредить либеральных гласных... (чтобы они дали «формальное обещание» не вызывать казаков?) о готовящейся манифестации и ее истинной цели... (т.-е. предупредить, что наша истинная цель отнюдь не состоит в том, чтобы нас варварски били и этим извращали смысл аксельродовского плана)... Кроме того, она должна будет попытаться вступить в некоторое соглашение (слушайте!) с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии и заручиться если не их активной поддержкой, то, по крайней мере, сочувствием нашему политическому акту. Переговоры с ними она должна вести, разумеется, от имени партии, по поручению рабочих кружков и собраний, на которых не только обсуждается общий план политической кампании, но и дается отчет о ходе ее, — конечно, при строгом соблюдении требований конспирации».

Да, да, мы видим воочию, что великая идея Старовера о соглашении с либералами на базисе точно определенных условий растет и крепнет не по дням, а по часам. Правда, все эти определенные условия «временно» положены под сукно (мы, ведь, не формалисты!), но зато соглашение достигается практически, достигается немедленно, именно: соглашение о непроизведении панического страха.

Как ни вертите редакционное письмо, вы не найдете в нем никакого другого содержания пресловутого «соглашения» с либералами, кроме указанного нами: либо это соглашение об условиях, на которых либералы вправе выступать от имени народа (и тогда самая идея о таком соглашении компрометирует серьезнейшим образом выдвигающих ее социал-демократов), либо это соглашение о непроизведении панического страха, соглашение о сочувствии мирной манифестации, — и тогда это просто вздор, о котором трудно говорить серьезно. Нелепая идея о центральном значении воздействия на буржуазную оппозицию, а не на правительство, и не могла привести ни к чему, кроме абсурда. Если мы можем произвести внушительную и массовую демонстрацию рабочих в зале земского собрания, — мы, конечно, произведем ее (хотя при наличности сил для массовой демонстрации гораздо лучше было бы «концентрировать» эти силы «у здания» не земских, а полицейских, жандармских или цензорских собраний). Но руководиться при этом соображениями о паническом страхе земцев, вести переговоры об этом — верх неразумного, верх комичного. Панический страх среди изряднейшей доли, наверное среди большинства, российских земцев всегда и неизбежно вызовет самое содержание речи последова-

тельного социал-демократа. Говорить заранее с земцами о нежелательности такого панического страха значит ставить себя в самое фальшивое и недостойное положение. Другого рода панический страх будет также неизбежно вызван варварским побоищем или мыслью о возможности такового. Вести переговоры насчет этого панического страха с земцами — весьма неумно, ибо ни вызывать побоище, ни сочувствовать ему ни один даже умереннейший либерал никогда не будет, но зависит это вовсе не от него. Тут не «переговоры» нужны, а фактическая подготовка силы, не воздействие на земцев, а именно воздействие на правительство и его агентов. Если нет силы, тогда лучше о великих планах не разглагольствовать, а если есть сила, тогда надо противопоставить именно силу казакам и полиции, постараться собрать такую толпу и в таком месте, чтобы она могла отбить, или хотя задержать, натиск казаков и полиции. И если мы способны оказать, на деле, а не на словах, «внушительное организованное воздействие на буржуазную оппозицию», то уж конечно не глупенькими «переговорами» о непроизведении панического страха, а только силой, силой массового отпора казакам и царской полиции, силой массового натиска, способного перейти в народное восстание.

Редакция новой «Искры» смотрит на вещи иначе. Она так довольна своим планом соглашения и переговоров, что не может налюбоваться на него, не может нахвалиться им.

... Активные демонстранты должны быть «проникнуты пониманием коренной разницы между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику (вот как!) либеральных элементов в настоящий (курс. ред.) момент... Для устройства демонстраций обычного, так сказать общедемократического (!!) типа, не имеющих непосредственной целью конкретно противопоставить друг другу революционный пролетариат и либерально-оппозиционную буржуазию, как две самостоятельные политические силы, достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения».

«... Партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа (слушайте! слушайте!) мобилизации этих масс против абсолютизма»... «Мы делаем первые (!) шаги на новом (!) пути политической деятельности, на пути организации такого планомерного вмешательства рабочих масс (NB) в общественную жизнь, которое имеет непосредственной целью противопоставить их буржуазной оппозиции как самостоятельную силу, противоположную ей по своим классовым интересам и в то же

время предлагающую ей условия (какие же?) для совместной энергичной борьбы с общим врагом».

Не всякому дано вместить всю глубину этих замечательных рассуждений. Ростовская демонстрация¹⁷⁾, когда перед тысячами и тысячами рабочих разясняются цели социализма и требования рабочей демократии, это — «низший тип мобилизации», это — обычный, общедемократический тип, тут нет конкретного противопоставления революционного пролетариата и буржуазной оппозиции. А вот, когда специально уполномоченный оратор, которого назначила исполнительная комиссия, которую выбрала организационная группа, которая образована комитетчиками и активными рабочими, когда этот оратор, после предварительных переговоров с земцами, заявит громко протест в земском собрании о нежелании его выслушать, тогда это будет «конкретное» и «непосредственное» противопоставление двух самостоятельных сил, тогда это будет «прямое» воздействие на тактику либералов, тогда это будет «первый шаг на новом пути». Побойтесь бога, господ! ведь даже Мартынов¹⁸⁾ в худшие времена «Рабочего Дела»¹⁹⁾ вряд ли договаривался когда до подобных пошлостей!

Массовые рабочие собрания на улицах южных городов, десятки рабочих ораторов, прямые столкновения с действительной силой царского самодержавия, это — «низший тип мобилизации». Соглашение с земцами о мирном выступлении нашего оратора, обязующегося не вызывать у г.г. либералов паники, это — «новый путь». Вот они, новые тактические задачи, новые тактические взгляды новой «Искры», о которых с такой помпой возвестили всему миру через Троцкого. В одном отношении Троцкий сказал, однако, нечаянно правду: между старой и новой «Искрой» действительно лежит пропасть. Старая «Искра» не имела других слов, кроме слов презрения и насмешки, по адресу тех людей, которые способны восхищаться, как «новым путем», бутафорски обставленным соглашением классов. Э т о т новый путь давно знаком нам по опыту тех французских и немецких «государственных мужей» социализма, которые тоже считают «низшим типом» старую революционную тактику и не могут нахвалиться «плановым и непосредственным вмешательством в общественную жизнь» в виде соглашений о мирном и скромном выступлении рабочих ораторов, после переговоров с левым крылом оппозиционной буржуазии.

Перед паническим страхом либеральных земцев редакция с своей стороны испытывает такой панический страх, что усиленно рекомендует участникам сочиненного ею «нового» плана «особенную осторожность». «Как крайний случай в смысле внешней осторожности в обстановке самого этого акта, — читаем мы в письме, — мы представляем себе доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасыва-

•

ние его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания. Смущаться этим можно было бы, стоя на точке зрения буржуазного революционизма (sic), для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата — ничто».

. Смущаться рассылкой и разброской листов нашему брату не свойственно, но смущаться напыщенным и бессодержательным фразерством мы будем всегда. По поводу рассылки и разброски листов толковать с серьезным видом о процессе планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата, — для этого надо быть героем самодовольной пошлости. Накричать на весь мир о новых тактических задачах и свести дело к рассылке и разброске листов, это — поистине бесподобно, это до-нельзя характерно для представителей интеллигентского оттенка в нашей партии, которые теперь истерически мечутся в погоне за новым тактическим словом, после фиаско с их новыми организационными словами. И они еще толкуют, со свойственной им скромностью, о тщете внешнего эффекта. Да неужели не видите вы, господа, что в лучшем случае, в случае полного успеха вашего якобы нового плана, именно только внешний эффект был бы достигнут выступлением рабочего перед г.г. земцами, а о действительном «внушительном» воздействии такого выступления на «тактику либеральных элементов» можно говорить только для смеха? Не наоборот ли, не оказали ли действительно внушительного воздействия на тактику либеральных элементов те массовые демонстрации рабочих, которые вам кажутся демонстрациями «обычного, общедемократического, низшего типа»? И если суждено еще раз русскому пролетариату оказать воздействие на тактику либералов, то, поверьте, он окажет это воздействие массовым натиском на правительство, а не соглашением с земцами.

IV.

Земская кампания, открытая с милостивого разрешения полиции, нежные речи Святополка-М гского ⁸⁰⁾ и правительственных официозов, повышение тона в либеральной печати, оживление так называемого образованного общества, — все это ставит перед рабочей партией самые серьезные задачи. Но задачи эти совершенно превратно формулируются в письме редакции «Искры». Именно в настоящий момент центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию. Именно теперь всего менее уместны соглашения рабочих с земцами о мирном манифестировании, — соглашения, которые неизбежно превратились бы в чисто водевильные подстраиванья

эффектов, — всего более необходимо сплочение передовых, революционных элементов пролетариата для подготовки решительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституционное движение начинает ярко обнаруживать исконные грехи всякого буржуазного либерализма, а русского в особенности: непомерное развитие фразы, злоупотребление словом, которое расходится с делом, чисто филистерскую доверчивость к правительству и ко всякому герою лисьей политики, — именно теперь особенно бестактны фразы о нежелательности утешения и паники г.г. земцев, о рычаге для реакции и пр., и пр. Именно теперь важнее всего укрепить в революционном пролетариате твердое убеждение в том, что и настоящее «освободительное движение в обществе» неминуемо и неизбежно окажется таким же мыльным пузырем, как предыдущие, если не вмешается сила рабочих масс, способных и готовых на восстание.

Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме, призывать строиться сейчас же в штурмовые колонны и т. п. . Весь ход событий ручается за то, что царское правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом. Как в том случае, если оно даст мизерные уступки, так и в том случае, если оно ровно никаких уступок не даст, недовольство и раздражение неизбежно сделаются еще более широкими. Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной манчжурской аванюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения, и в случае затягивания безнадежной для России войны.

Дело рабочего класса — расширять и укреплять свою организацию, удешевлять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь. Нечего и говорить, что рабочим следует откликаться на земские ходатайства, устраивая собрания, разбрасывая листки, организуя там, где есть достаточные силы, демонстрации, для заявления всех социал-демократических требований, не считаясь с «паникой» г.г. Трубецких, не соображаясь с воплями филистеров о рычаге для реакции. И если уже рискнуть говорить наперед и притом из-за границы о возможном и желательном высшем типе массовых демонстраций (ибо не массовые совсем уже

лишены значения), если уже затронуть вопрос о концентрации сил демонстрантов у того или иного здания, то мы указали бы именно те здания, где вершатся полицейские дела по преследованию рабочего движения, мы указали бы на здания полицейских, жандармских, цензурных управлений, на места заключения политических «преступников». Серьезная поддержка рабочими земских ходатайств должна состоять не в соглашении об условиях, на которых земцы могли бы говорить от имени народа, а в нанесении удара врагам народа. И вряд ли можно сомневаться в том, что мысль о такой демонстрации встретит сочувствие пролетариата. Рабочие слышат теперь со всех сторон напыщенные фразы и громкие обещания, видят действительное — хотя и ничтожное, но все же действительное — расширение свободы для «общества» (ослабление узды над земством, возвращение опальных земцев, облегчение свирепства против либеральной печати), но рабочие не видят ровно ничего, расширяющего свободу и их политической борьбы. Под давлением революционного натиска пролетариата правительство разрешило либералам поговорить о свободе! Бесправность и приниженность рабов капитала выступает теперь перед пролетариями еще более ярко. У рабочих нет ни повсеместных организаций для сравнительно свободного (с русской точки зрения) обсуждения политических дел, у рабочих нет зал для собраний, у рабочих нет своих газет, рабочим не возвращают из тюрем и ссылок их товарищей. Рабочие видят теперь, что шкуру медведя, — которого они еще не убили, но которого они и только они, пролетарии, серьезно ранили, — что эту шкуру начинают делить г.г. либеральные буржуа. Рабочие видят, что эти г.г. либеральные буржуа при первом же приступе к дележу будущей шкуры начинают уже огрызаться и рычать против «крайних партий», против «внутренних врагов» — беспощадных врагов буржуазного господства и спокойствия. И рабочие поднимутся еще смелее, еще большими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать себе то, что, как милостыню, обещают дать г.г. либеральным буржуа, — свободу сходов, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную победу социализма.

1904 год.

Декабрь.

О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов ²¹⁾.

Современное конституционное движение в имущих классах нашего общества резко отличается от предыдущих движений того же типа конца 50-х и 70-х годов ²²⁾. Конституционные требования либералов, в сущности, те же. Речи радикальных ораторов повторяют знакомые положения земского либерализма. Крупной и очень важной новостью является участие в движении пролетариата. Русский рабочий класс, движение которого было главной осью всего революционного движения последнего десятилетия, давно уже перешел к открытой борьбе, к выступлению на улицу, к массовым народным собраниям, вопреки полиции, к прямым схваткам с врагом на улицах южных городов.

И теперь либерально-буржуазное движение сейчас же ознаменовалось рельефным, решительным, несравненно более резким и смелым выступлением на сцену пролетариата. Сошлемся прежде всего на демонстрацию в Спб., где участие рабочих оказалось, к сожалению, слабым вследствие дезорганизаторской попытки «меньшевиков», и на демонстрацию в Москве. Затем отметим появление рабочих на либерально-буржуазном банкете в Смоленске, на собрании просветительного общества в Нижнем-Новгороде, на заседаниях ученых, врачебных и других обществ в разных городах, на большое собрание рабочих в Саратове, на демонстрацию 6 ноября в Харьковском юридическом обществе, 20 ноября в Екатеринодарской городской думе, 18 ноября в Одесском обществе охранения народного здравия, в Одессе же, немного позже, в Окружном суде, при чем обе одесские и харьковская демонстрации сопровождались уличными демонстрациями рабочих, шествием по городу с знаменами, пением революционных песен и т. д.

Эти четыре последние демонстрации описаны, между прочим, в № 79 «Искры» в отделе под заголовком «Пролетарские демонстрации», и на этих описаниях мне хотелось бы остановить внимание читателя. Сначала — воспроизведу факты по «Искре», затем — рассуждения «Искры».

В Харькове комитет организует участие рабочих в собрании юридического общества; на собрание попадает свыше 200 пролетариев: частью рабочие стеснялись идти в парадное собрание, частью «мужиков не пускали». Либеральный председатель обращается в бегство после первой революционной речи. Следует речь социал-демократа, летят прокламации, поют марсельезу, выходят на улицу с толпой до 500 рабочих, идут с красным знаменем и рабочими песнями. Под самый конец часть избита и арестована.

Екатеринодар. В думскую залу привлечена (слухом о либеральных предстоящих речах) широкая публика. Телефон приведен в негодность. Оратор комитета с 30 — 40 рабочими проникает в зал, говорит краткую, вполне революционную соц.-демократическую речь. Аплодисменты. Прокламации. Оцепенение гласных. Беспольный протест головы. Демонстранты спокойно удаляются по окончании. Ночью — массовые обыски.

Одесса. 1-я демонстрация. На собрании около 2.000 чел., из них масса рабочих. Ряд революционных речей (с.-д. и с.-р.), гром аплодисментов, революционные возгласы, прокламации. Шествие по улицам с революционными песнями. Разошлись без побоища.

Одесса. 2-я демонстрация. Собрание в несколько тысяч. Такое же грандиозное народное революционное собрание и шествие по улицам, как предыдущее. Побоище. Масса раненых, некоторые тяжело. Одна работница умирает. 60 арестов.

Такова фактическая сторона дела. Таковы демонстрации русских пролетариев.

А вот каковы рассуждения некоторых соц.-демократов интеллигентов. Относятся эти рассуждения к демонстрации екатеринодарской, о которой пишется целая статья. Слушайте: «В этой демонстрации русский организованный пролетариат впервые встретился лицом к лицу с нашей либерально настроенной буржуазией!». . . Демонстрация эта — «еще новый шаг в развитии форм политической борьбы», она является, «как-никак, действительно новым приемом политической борьбы, дающим вполне очевидные плодотворные результаты», рабочие в подобных демонстрациях «чувствуют, что они выступают, как определенные политические единицы», они получают «чувство своей правоспособности в качестве партийных политических борцов». Распространяется «в самых широких кругах общества значение партии, как чего-то вполне опреде-

ленного, оформленного и, главное, имеющего право требовать». Привыкают смотреть на всю партию «как на активную, борющуюся, ясно и определенно заявляющую о своих требованиях, политическую силу». Надо «шире использовать новый метод борьбы — в думах, в земствах и на всевозможных съездах общественных деятелей». И редакция «Искры», в унисон с автором этих рассуждений, говорит об «идее демонстраций нового типа», о том, что «особенно в Екатеринодаре нашим товарищам удалось показать «обществу», что они действуют, как самостоятельная партия, чувствующая себя способной оказать влияние на ход событий и пытающаяся сделать это».

Так. Так. «Особенно в Екатеринодаре»... Новый шаг, новый метод, новый прием, впервые лицом к лицу, вполне очевидные, плодотворные результаты, определенные политические единицы, чувство политической правоспособности, право требовать... Чем-то старым, давно минувшим, почти забытым пахло на меня от этих напыщенных глубокомысленных рассуждений. Но раньше, чем отдать себе отчет в опознании этого старого, я спросил невольно: Позвольте, однако, господа, почему же это «особенно в Екатеринодаре», почему же это, в самом деле, новый метод? почему ни харьковцы, ни одесситы не хвастают (простите за вульгарное выражение) насчет новизны метода и насчет очевидных плодотворных результатов, насчет первой встречи лицом к лицу и насчет чувства политической правоспособности? Почему результаты собрания десятков рабочих с сотнями либералов в четырех стенах думской залы более очевидны и плодотворны, чем собрания тысяч рабочих не только в обществах врачей и юристов, но и на улице? Неужели в самом деле уличные собрания (в Одессе, а также бывшие раньше в Ростове-на-Дону и в других городах) развивают меньше, чем собрания в думах, чувство политической правоспособности и право требовать?.. Правда, я должен признаться, что испытываю некоторую неловкость, выписывая это последнее словосочетание (право требовать) — слишком уже оно неумно, но из песни слова не выкинешь.

Впрочем, в одном случае, это словосочетание получает некоторый смысл, и не только оно одно, а и все рассуждения «Искры». Это именно в том случае, если мы предположим существование парламентаризма, если мы на минуту вообразим, что екатеринодарская дума перенеслась на берега Темзы, рядом с Вестминстерским аббатством. Тогда, при этом маленьком допущении, становится ясным, почему в четырех стенах делегатского собрания можно иметь больше «права требовать», чем на улице, — почему плодотворнее борьба с премьер-министром, то-бишь с екатеринодарским головой, чем с городовым, — почему чувство политической правоспособности и сознание себя в качестве определенных

политических единиц повышается именно в зале палаты депутатов или в зале земского собрания. В самом деле, отчего не поиграть в парламентаризм за неимением настоящего парламента? Тут можно так картинно представить себе «встречу лицом к лицу», и «новый метод» и все прочее! Правда, эти представления неизбежно отвлекут нашу мысль от вопросов настоящей массовой борьбы за парламентаризм, вместо игры в парламентаризм, но это мелочи. Зато, какие очевидные, осязательные результаты!..

Осязательные результаты... Это выражение сразу напомнило мне тов. Мартынова и «Раб. Дело». Не возвращаясь к последнему, нельзя правильно оценить новой «Искры». Рассуждения о «новом методе борьбы» по поводу екатеринодарской демонстрации целиком повторяют рассуждения редакции в ее «письме к партийным организациям» (кстати: разумно ли держать под спудом, в секрете, оригинал и открыто пускать для сведения всех лишь копию?). Рассуждения редакции воспроизводят, по другому поводу, обычный ход мысли «Рабочего Дела».

В чем состояла неверность и вредность рабочедельской «теории» о придании самой экономической борьбе политического характера, об экономической борьбе рабочих с хозяевами и с правительством, о необходимости ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты? Разве мы не должны придавать экономической борьбе политического характера? Непременно должны. Но когда «Рабочее Дело» выводило политические задачи революционной партии пролетариата из «экономической» (профессиональной) борьбы, то оно непростительно суживало и опошляло социал-демократическое понимание, оно принижало задачи всесторонней политической борьбы пролетариата.

В чем состоит неверность и вредность новоискровской теории о новом методе, о высшем типе мобилизации сил пролетариата, о новом пути развития чувства политической правоспособности рабочих, их «права требовать» и пр., и пр.? Разве мы не должны устраивать рабочих демонстраций и в земских собраниях и по поводу земских собраний? Непременно должны. Но по поводу хороших пролетарских демонстраций мы не должны говорить интеллигентских глупостей. Мы будем только развращать сознание пролетариата, мы будем только отвлекать его внимание от быстро надвигающихся задач настоящей, серьезной, открытой борьбы, если будем превозносить, под именем нового метода, именно те черты обычных наших демонстраций, которые всего меньше похожи на активную борьбу, которые только на смех можно объявлять дающими особо плодотворные результаты, особо повышающими чувство политической правоспособности и пррч.

И старый наш знакомец, тов. Мартынов, и новая «Искра» грешат одним и тем же интеллигентским неверием в силы пролетариата, в его способность к организации вообще, к созданию партийной организации в частности, в его способность к политической борьбе. «Рабочему Делу» казалось, что пролетариат неспособен еще или долго не будет способен к политической борьбе, выходящей за пределы экономической борьбы с хозяевами и с правительством. Новой «Искре» кажется, что пролетариат неспособен еще или долго не будет способен к самостоятельному революционному выступлению, и поэтому она называет новым методом борьбы выступление десятков рабочих перед земцами. И старое «Раб. Дело» и новая «Искра» клятвенно повторяют слова о самостоятельности и самовоспитании пролетариата только потому, что за этими клятвами кроется интеллигентское непонимание действительных сил и насущных задач пролетариата. И старое «Рабочее Дело» и новая «Искра» говорят совершенно ни с чем несообразный глубокомысленный вздор насчет особого значения осязательных и очевидных результатов и конкретного противопоставления буржуазии с пролетариатом, отвлекая таким образом внимание этого последнего на игру в парламентаризм от все более и более надвигающейся задачи прямого натиска на самодержавие во главе народного восстания. И старое «Раб. Дело» и новая «Искра», предпринимая ревизию (пересмотр) старых организационных и тактических принципов революционной социал-демократии, суется в поисках новых слов и «новых методов», на деле тащат партию назад, выдвигают отсталые, а то и прямо реакционные лозунги.

Довольно с нас этой новой ревизии, приводящей к старому хламу! Пора пойти вперед и перестать прикрывать дезорганизацию пресловутой теорией организации-процесса, пора и в рабочих демонстрациях подчеркивать, выдвигать на первый план те черты, которые все более приближают их к настоящей открытой борьбе за свободу!

*«Вперед», № 1,
от 22 декабря 1904 года.*

Пора кончить.

Отзывы всех очевидцев согласны в том, что демонстрация 28 ноября потерпела неудачу вследствие почти полного отсутствия на ней рабочих. Но почему же рабочие не явились на демонстрацию? Почему Петербургский комитет, на призыв которого сошлась на демонстрацию учащаяся молодежь, не позаботился о привлечении рабочих и погубил этим начатое им же предприятие? Ответ на эти вопросы дает следующее

письмо рабочего, члена комитета, которое мы печатаем в главнейших выдержках.

«Настроение (в начале ноября) было приподнятое и стремилось вылиться наружу. Средством для этого должна была явиться демонстрация. И действительно, в это время появился какой-то листок от имени «студенческой социал-демократической организации» с призывом к демонстрации на 14 ноября. Узнав об этом, комитет обратился к этой организации с предложением отложить демонстрацию до конца ноября, чтобы иметь возможность выступить совместно с петербургским пролетариатом. Студенты согласились... Сознательные рабочие рвались на демонстрацию. Многие рабочие были на Невском 14 ноября, полагая, что будет демонстрация студентов. Когда им указывали, что они не должны были идти без призыва комитета, они, хотя и соглашались, но отвечали, что «думали, что там что-нибудь да будет». Во всяком случае этот факт характеризует настроение сознательных рабочих.

«18 ноября на заседании комитета решено было устроить демонстрацию 28-го. Тотчас же была выбрана комиссия, которая должна была заняться организацией демонстрации и выработкой плана действий: решено было выпустить два подготовительных агитационных листка и один призывной. Работа закипела. Пишущему эти строки пришлось лично устроить ряд собраний рабочих, представителей кружков, на которых говорили о роли рабочего класса, о цели и значении демонстрации в настоящий момент. Обсуждали вопрос о вооруженной и невооруженной демонстрации, и на всех собраниях были приняты резолюции, солидарные с решением комитета. Рабочие требовали побольше листков для распространения: «хоть целые возы давайте», говорили они.

«Итак, к 28 готовилась демонстрация, которая сулила быть грандиозной. Но тут наше петербургское «меньшинство», подобно «меньшинству» «всероссийскому» и заграничному, не могло не сыграть чисто отрицательной роли — роли дезорганизатора. Чтобы эта роль стала особенно ясна, я позволю себе сказать несколько слов по поводу местного «меньшинства» и его деятельности. До демонстрации, как и после, комитет состоял в своем большинстве из сторонников большинства II партийного съезда. Провалы и раздирающие партию разногласия ослабили во многих отношениях деятельность местных социал-демократических организаций. Местное «меньшинство» в своей борьбе с «большинством» старается дискредитировать местный комитет в пользу своих фракционных интересов. Представители районов, сторонники «меньшинства» не допускают в свои районы товарищей из «большинства», не дают комитету никаких связей. Получается страшная дезорганизация и понижение работоспособности данного района. Есть, например, такой факт. В одном районе, в последние 5 — 6 месяцев представителем был

«меньшевик». Благодаря оторванности от общей работы, этот район страшно ослаб. Вместо прежних 15 — 20 кружков теперь с трудом насчитывается 4 — 5. Рабочие недовольны таким положением дел, и их представитель старается использовать это недовольство против «большинства», восстанавливая на этой почве рабочих против комитета. «Меньшинство» старается использовать всякую слабость местной социал-демократии против «большинства» — успешны ли его старания или нет, это другой вопрос, но это факт.

«За три дня до демонстрации по инициативе «меньшинства» созывается собрание комитета. По некоторым обстоятельствам, три члена комитета из «большинства» не могут быть извещены о собрании и отсутствуют. «Меньшинством» вносится предложение об отмене демонстрации — в противном случае оно грозит противодействовать демонстрации и не распространять ни одного листка — и, благодаря отсутствию трех товарищей, отстаивавших демонстрацию, предложение это проходит. Решается: листов не распространять, а призывные уничтожить.

«Широкая масса как из общества, так и из рабочих готовится к демонстрации и ждет только призыва комитета. Начинают ходить слухи, что демонстрация отменена и откладывается на неопределенное время. Многие выражают свое недовольство такой отменой; техника протестует и отказывается впредь работать для комитета.

«В пятницу созывается собрание комитета, и трое отсутствовавших на прошлом собрании протестуют против неправильного перерешения вопроса о демонстрации; в виду того, что масса публики все равно соберется на Невском и без листов, они настаивают на принятии всех мер, чтобы рабочие тоже участвовали в демонстрации. Представитель «меньшинства» противится, мотивируя тем, что «не все рабочие достаточно развиты для того, чтобы сознательно принять участие в демонстрации и отстаивать требования, выставленные комитетом». Вопрос голосуется, и большинством голосов против одного собрание решает принять участие в демонстрации. Но тут оказывается, что большое количество — свыше 12.000 — отпечатанных призывных листов сожжено. Кроме того, широкое распространение их на фабриках невозможно, потому что к утру субботы листки никуда не поспеют, а работа на фабриках оканчивается в субботу в 2 — 3 часа. Таким образом распространение листов возможно было только в узком круге рабочих, среди знакомых, но отнюдь не в широкой массе. При таких условиях демонстрация заранее была обречена на неудачу. И она потерпела крушение»...

Теперь наше «меньшинство» может торжествовать. Оно победило! Новый факт, дискредитирующий комитет (читай «большинство»). Но надеемся, читатель отнесется серьезнее к причинам, вызвавшим такой исход демонстрации, и вместе с нами скажет: «Да, теперь создались у нас в партии такие условия, при которых успешная работа невозможна. Надо поскорее покончить с партийным кризисом, надо сплотить свои ряды. В противном случае нам грозит совершенное ослабление, и мы, не воспользовавшись настоящим выгодным моментом, останемся в хвосте великих событий».

Дезорганизаторская выходка петербургского «меньшинства», сорвавшего из мелочных кружковых интересов пролетарскую демонстрацию, есть последняя капля, которая должна переполнить терпение партии. Что наша партия серьезно больна и за последний год потеряла добрую половину своего влияния, это знает весь мир. И мы обращаемся теперь к людям, которые неспособны относиться к этой серьезной болезни с зубоскальством или злорадством, которые не могут отделяться от проклятых вопросов партийного кризиса оханьем да аханьем, нытьем да хныканьем, которые считают своим долгом вполне разобраться — хотя бы ценою неимоверных усилий, но разобраться в причинах кризиса и вырвать зло с корнем. Этим людям, и только им, мы напомним историю кризиса: без изучения ее нельзя понять и теперешнего раскола, которого «меньшевики» так и добились.

Первая стадия кризиса. На втором съезде нашей партии побеждают принципы искризма вопреки противодействию рабочедеЛЬцев и полурабочедеЛЬцев. После съезда меньшинство начинает рвать партию из-за введения в редакцию лиц, отвергнутых съездом ²³). Дезорганизация, бойкот, подготовка раскола ведется три месяца, с конца августа по конец ноября.

Вторая стадия. Плеханов уступает джентльменам, жаждущим кооптации ²⁴), при чем заявляет печатно и во всеуслышание в статье «Чего не делать» (№ 52), что делает личную уступку, во избежание большего зла, ревизионистам и анархическим индивидуалистам. Джентльмены пользуются уступкой, чтобы рвать партию дальше. Входя в редакцию Ц. О. и в Совет партии, они составляют т а й н у ю о р г а н и з а ц и ю с целью провести своих людей в Ц. К. и сорвать третий съезд. Это — факт неслышанный и невероятный, но он доказан документально письмом нового Ц. К. о сделках с этой благородной дружиной.

Третья стадия. Три члена Ц. К. ²⁵) переходят на сторону заговорщиков против партии, кооптируют трех претендентов из меньшинства (уверяя комитеты письменно в противном), и при помощи Совета окончательно срывают третий съезд, за который высказалось подавляющее большинство высказывавшихся

вообще о кризисе комитетов. В брошюрах Орловского ²⁶⁾ («Совет против партии») и Ленина («Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией») ²⁷⁾ эти факты доказаны равным образом документально. Масса партийных работников в России не знает этих фактов, но их обязан знать тот, кто не только на словах хочет быть членом партии.

Четвертая стадия. Русские работники объединяются для отпора заграничному кружку, опозорившему нашу партию. Сторонники и комитеты большинства устраивают ряд частных конференций ²⁸⁾, выбирают своих уполномоченных. Новый Ц. К. ²⁹⁾, находясь всецело в руках кооптированных претендентов, ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства. Пусть товарищи не делают себе никаких иллюзий на этот счет: иной цели нет у Ц. К. Креатуры заграничной компании готовят и составляют новые комитеты везде и повсюду (Одесса, Баку, Екатеринослав, Москва, Воронеж и т. д.). Заграничный кружок готовит себе свой подобранный съезд. Тайная организация, покончив с центрами, обратилась против местных комитетов.

Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманый шаг к расколу комитета, шаг, произведенный при помощи кооптированных в Ц. К. «меньшевиков». Еще раз повторяем: масса партийных работников в России не знает этих фактов. Мы самым настойчивым образом предостерегаем и предупреждаем их: все эти факты обязан знать каждый, кто хочет бороться против дезорганизации за партию, кто не хочет оказаться окончательно одураченным.

Мы сделали все возможные уступки и ряд самых невозможных уступок, чтобы продолжать работать в одной партии с «меньшинством». Теперь, когда сорван третий съезд, и дезорганизация направлена на местные комитеты, всякая надежда на это потеряна. Мы должны, в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения.

*«Вперед», № 1,
от 22 декабря 1904 г.*

1905 год.

Январь.

Падение Порт-Артура.

«Порт-Артур ⁸⁰⁾ капитулировал.

«Это событие — одно из величайших событий современной истории. Эти три слова, переданные вчера по телеграфу во все концы цивилизованного мира, производят подавляющее впечатление, впечатление громадной и страшной катастрофы, несчастья, которое трудно передать словами. Рушится моральная сила могучей империи, тускнеет престиж молодой расы, не успевшей еще как следует развернуться. Выносится приговор целой политической системе, обрывается длинный ряд притязаний, слабеют могучие усилия. Конечно, падение Порт-Артура давно уже предвидели, давно уже отделялись словами и утешали себя готовыми фразами. Но осязательный, грубый факт разбивает всю условную ложь. Теперь значение происшедшего краха нельзя ослаблять. Впервые старый мир унижен непоправимым поражением, которое нанесено ему новым миром, столь таинственным и, повидимому, отрочески-юным, вчера только призванным к цивилизации».

Так писала, под непосредственным впечатлением события, одна солидная европейская буржуазная газета. И, надо сознаться, ей удалось не только рельефно выразить настроение всей европейской буржуазии. Устами этой газеты говорит верный классовый инстинкт буржуазии старого мира, обеспокоенный успехами нового буржуазного мира, встревоженной крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции. Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок», царской власти. Неудиви-

тельно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры.

Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата.

Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы ⁸¹⁾. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор, презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того, как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море, — главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, в начале бывший не менее, если не более, сильным, чем японский, уничтожен окончательно. Отнята самая база для операций флота, и эскадре Рождественского ⁸²⁾ остается только позорно вернуться вспять, после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками ⁸³⁾. Считают, что одна материальная потеря России на одном только флоте составляет сумму в триста миллионов рублей. Но еще важнее потеря

десятка тысяч лучшего флотского экипажа, потеря целой сухопутной армии. Многие европейские газеты стараются теперь ослабить значение этих потерь, усердствуя при этом до смешного, договариваясь до того, что Куропаткин ³⁴⁾ «облегчен», «освобожден» от забот о Порт-Артуре! Русское войско освобождено также от целой армии. Число пленных достигает, по последним английским данным, 48.000 человек, а сколько тысяч еще погибло в битвах под Кинчау и под самой крепостью! Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию, освобождают для борьбы с Куропаткиным закаленную армию в 80 — 100 тысяч человек и притом с громадной тяжелой артиллерией, доставка которой на реку Шахэ даст им подавляющий перевес над главными русскими силами.

Самодержавное правительство, по известиям заграничных газет, решило продолжать войну во что бы то ни стало и послать 200.000 войска Куропаткину. Очень может быть, что война протянется еще долго, но ее безнадежность уже очевидна, и все оттяжки будут только обострять те неисчислимые бедствия, которые несет русский народ за то, что терпит еще у себя на шее самодержавие. Японцы и до сих пор скорее и обильнее подкрепляли свои военные силы, после каждого большого сражения, чем русские. А теперь, добившись полного господства на море и полного уничтожения одной из русских армий, они сумеют послать вдвое больше подкреплений, чем русские. Японцы до сих пор били и били русских генералов, несмотря на то, что вся масса лучшей артиллерии была у них занята в крепостной войне. Японцы добились теперь полного сосредоточения своих сил, а русским придется опасаться не только за Сахалин, но и за Владивосток. Японцы заняли лучшую и наиболее населенную часть Манчжурии, где они могут содержать армию на средства завоеванной страны и при помощи Китая. А русским приходится все более ограничиваться припасами, привозимыми из России, и дальнейшее увеличение армии скоро станет для Куропаткина невозможным в силу невозможности подвоза достаточного количества припасов.

Но военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами, — даже Куропаткин, по свидетельству Немировича-Данченко ³⁵⁾, начал понимать теперь, что эта истина годится не для одних только прописей. Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллио-

нов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству. Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей, со стороны русской социал-демократии, со стороны русского пролетариата подтверждена теперь критикой японского оружия, подтверждена так, что невозможность жить при самодержавии *чувствуется* все более даже теми, кто не знает, что значит самодержавие, даже теми, кто знает это и всей душой хотел бы отстоять самодержавие. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле своей кровью расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма.

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп! — рассуждал каждый маленький и большой Алексеев ³⁸⁾, не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times»), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же туеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмер-

ные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку велико-лепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных, со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда негодными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустраимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд³⁷⁾ во Франции и Гайндман³⁸⁾ в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия»³⁹⁾ сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской. Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией. Не могла не проявить путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем «поправляться», когда Жорес⁴⁰⁾ наглядно показал, чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая

кампания в пользу мира вообще. Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!!!?) на победу японской буржуазии и о том, что война есть бедствие «независимо от того» кончится ли она победой или поражением самодержавия.

Нет. Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неумолимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире *à la* Жорес не можешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплуатации. Но, борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу. Не даром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской.

«Прочно укоренилось мнение, — пишет один из таких трезвенных органов немецкой буржуазии, — что взрыв революции в России вещь совершенно невозможная. Защищают это мнение всеми и всяческими доводами. Ссылаются на неподвижность русского крестьянства, на его веру в царя, зависимость от духовенства. Говорят, что крайние элементы среди недовольных представлены лишь маленькой горсткой людей, которые могут устроить путши (мелкие вспышки) и террористические покушения, но никак не вызвать общее восстание. Широкой массе недовольных, говорят нам, не хватает организации, оружия, а главное —

решимости рисковать собой. Русский же интеллигент настроен обыкновенно революционно лишь до тридцати, примерно, лет, а затем он прекрасно устраивается в уютном гнездышке казенного местечка, и большая часть горячих голов продельывает превращение в дюжинного чиновника». Но теперь, продолжает газета, целый ряд признаков свидетельствует о крупной перемене. О революции в России говорят уже не одни революционеры, а такие совершенно чуждые «увлечений», солидные столпы порядка, как князь Трубецкой, письмо которого к министру внутренних дел перепечатывается теперь всей заграничной печатью. «Боязнь революции в России имеет, видимо, фактические основания. Правда, никто не думает, что русские крестьяне возьмутся за вилы и пойдут бороться за конституцию. Но разве революции делаются в деревнях? Носителями революционного движения в новейшей истории давно стали крупные города. А в России именно в городах идет брожение с юга до севера и с востока до запада. Никто не возьмется предсказать, чем это кончится, но что число людей, считающих революцию в России невозможной, убывает с каждым днем, это факт несомненный. А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат.

*„Вперед“, № 2,
от 1 января 1905 г.*

Соловья баснями не кормят.

Обращаем внимание читателей на выпущенную только-что новоискровцами брошюру Рабочего: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» с предисловием Аксельрода ⁴¹⁾. Нам придется, вероятно, неоднократно возвращаться к этому поучительнейшему произведению, которое великолепно показывает, какие плоды приносила и приносит демагогическая проповедь «меньшинства» или новоискровцев, и как эти последние стараются сами выпутаться теперь из всего того хлама, что они наговорили. Отметим пока лишь суть брошюры и предисловия.

«Рабочий имел несчастье поверить проповеди новоискровцев. Он так и сыплет поэтому рабочедельческими фразами в духе Акимова. «Наши руководители-интеллигенты... не ставили себе задачей... развивать сознание и самостоятельность рабочих...». Стремления к самостоятельности систематически преследовались. «Ни в одном из типов органи-

зации не было и нет места для развития самостоятельности рабочих. . . ». «Экономическая борьба была совсем заброшена», даже на пропагандистские и агитационные сходки рабочие не допускались» (вот даже как!). Демонстрации «пережили себя» — все эти ужасы (о которых давно кричало старое «Раб. Дело» против старой «Искры») вызваны, конечно, «бюрократическими централистами», т.-е. большинством второго нашего съезда, которое боролось с рабочеделством. Натравленный обиженным меньшинством против партийного съезда, несчастный «рабочий» разносит в пух и прах этот съезд за то, что он был «без нас» (без рабочих), «без нашего участия», там не было «почти ни одного рабочего», — причем, разумеется, скромно обходится тот факт, что все действительные рабочие, бывшие делегатами съезда, Степанов, Горский и Браун ⁴²⁾, были решительными сторонниками большинства и противниками интеллигентской бесхарактерности. Но это не важно. Важно то, до какого бесконечного разврата доводит проповедь новоискровцев, которые «разносят» съезд после поражения на выборах, разносят перед неучаствовавшими на съезде, подстрекая к оплевыванию всяких социал-демократических съездов, разносят в то самое время, когда они благородно пролезли в центральные учреждения, действующие исключительно от имени съезда. Не честнее ли позиция Рязанова ⁴³⁾ (см. его брошюру: «Разбитые иллюзии»), который открыто объявил съезд с в о з о м и который, по крайней мере, не пользуется от съезда никакими титулами и званиями?

Крайне характерно, однако, для психологии рабочего, хотя и натравленного на «большинство», что он не удовлетворяется фразами об автономии, рабочей самостоятельности и проч. Он повторяет эти слова, как и всякий новоискровец или рабочеделец, но он с трезвым пролетарским инстинктом добивается дел в подтверждение слов, он не удовлетворяется тем, что его кормят баснями. Красивые слова, говорит он, остаются словами «б е з и з м е н е н и я в с о с т а в е» (курс. «Рабочего») руководителей. Надо требовать доступа рабочих во все серьезные партийные учреждения, надо добиваться равных прав с интеллигентами. С глубоким недоверием истинного пролетария и истинного демократа ко всякому фразерству, «рабочий» говорит: **где гарантия**, что в комитетах не будут заседать одни лишь интеллигенты? Это не в бровь, а прямо в глаз нашим новоискровцам. Этот великолепный вопрос показывает, что рабочеделское науськивание не засорило еще ясной мысли пролетария. Он прямо заявляет, что комитет, где он работал, «комитетом меньшинства оставался в принципе на бумаге (слушайте!), — в практике же своей ничем не отличался от комитетов большинства. Нам, рабочим, не было доступа ни в какое (не говоря уже о комитете) ответственное, а значит руководящее, учреждение»,

Никому не удалось бы так хорошо вывести на чистую воду меньшевиков, как этому рабочему-меньшевику. Он понял, что без гарантий разглагольствование об автономии и самостоятельности пролетариата остается пошлым фразерством. А какие возможны гарантии в социал-демократических организациях, подумали ли вы об этом, товарищ «рабочий»? Какие гарантии возможны против того, что революционеры, сообща собравшиеся на съезд партии, начнут потом, обидевшись на невыбор их съездом, кричать, что съезд был реакционной попыткой закрепить искровские взгляды (Троцкий в брошюре, изданной под редакцией новой «Искры»), что решения съезда не священны, что на съезде не было рабочих из массы? Какие гарантии возможны против того, что общее решение относительно форм и норм партийной организации, решение, которое называется организационным уставом партии и которое не может существовать иначе, как в виде такого устава, — это решение рвется потом бесхарактерными людьми в той части, которая им неприятна, под предлогом бюрократичности и формалистичности таких вещей, как уставы? Какие гарантии возможны против того, что люди, нарушившие сообща принятые правила организации, начнут рассуждать потом, что организация есть процесс, организация есть тенденция, организация есть форма, идущая в ногу с содержанием, и что поэтому нелепо и утопично требовать соблюдения правил организаций? «Рабочий», автор брошюры, не подумал ни об одном из этих вопросов. Но он так близко, вплотную подошел к ним, так искренне и смело поставил их в упор фразерам и политикам, что мы от души рекомендуем его брошюру. Эта брошюра превосходный образчик того, как разоблачают рыцарей «красивого слова» их собственные сторонники.

«Рабочий» восстает, с чужих слов, против «организационного плана» Ленина ⁴⁴⁾, не указывая, как водится, ни единого ясного и определенного пункта недовольства планом, ссылаясь на Панина ⁴⁵⁾ и Череванина ⁴⁶⁾ (ничего не давших, кроме раздраженных слов) и не пытаясь даже заглянуть в пресловутое письмо Ленина к петербургскому товарищу. А если бы «Рабочий» не верил своим науськивателям на слово и поглядел это письмо, он, к своему великому удивлению, прочел бы там:

«Надо особенно стараться о том, чтобы, как можно более рабочих становилось вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадало в комитет. В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе. В комитете должны быть поэтому, по возможности,

все главные вожак рабочего движения из самих рабочих» *).

Прочтите и перечтите эти строки, товарищ «рабочий», и вы увидите, как обморочили вас рабочедельцы и новоискровцы, разносящие старую «Искру» и ее сторонников, «большинство» второго съезда. Вчитайтесь в эти строки и попробуйте принять такой мой вызов: найдите мне в нашей социал-демократической литературе другое место, где бы так же ясно и прямо и решительно ставился вами поставленный вопрос о «рабочих и интеллигентах в наших организациях», при чем указывалось бы на необходимость вводить как можно более рабочих в комитет, вводить, по возможности, всех вожakov рабочего движения из рабочих в комитет. Я утверждаю, что вы такого другого места указать не сможете. Я утверждаю, что всякий, давший себе труд изучить наши партийные споры по документам, по «Рабочему Делу», по «Искре» и брошюрам, а не по рассказам сплетников, увидит лживость и демагогический характер новоискровской проповеди.

Вы возразите, пожалуй: Ленин мог это писать, но его советы не всегда исполнялись. Разумеется, это возможно. Ни один партийный писатель не поручится за то, что все, называющие себя его сторонниками, на деле исполняют всегда его советы. Но, во-первых, разве такой социал-демократ, который называл бы себя сторонником «письма» и в то же время не исполнял его советов, не изобличался бы самым этим письмом? Разве письмо напечатано для одних интеллигентов, а не для рабочих тоже? Разве есть у писателя иные средства проводить свои взгляды, кроме печатного заявления? А, во-вторых, если эти советы не исполнялись, по свидетельству, хотя бы «рабочего», ни меньшевиками, ни большевиками, то не ясно ли отсюда, что меньшевики не имели никакого права с о ч и н я т ь подобного «разногласия» с большевиками? что их науськивание рабочих против большевиков за игнорирование последними рабочей самостоятельности было демагогией?

В чем же состоит реальная разница по этому пункту между меньшевиками и большевиками? Не в том ли, что большевики гораздо раньше и гораздо прямее давали ясные и определенные советы вводить в комитет рабочих? Не в том ли, что большевики презирали и презирают «красивые слова» об автономии и самостоятельности рабочих, когда эти слова (как у меньшевиков) остаются только словами?

Посмотрите, как вывертывается теперь почтенный, заслуженный и старейший Аксельрод в своем предисловии, припертый к стене пролетарской прямоотой и дерзостью рабочего, начитавшегося рабочедельче-

*) См. IV том Собрания сочинений Н. Ленина, стр. 146. Р е д.

ской мудрости из «замечательных» фельетонов Аксельрода ⁴⁷⁾, из незабвенных статей Мартова ⁴⁸⁾, из превосходной (с точки зрения интересов «большинства») брошюры Троцкого ⁴⁹⁾.

«Рабочий» пробует оспорить утверждение Рядового ⁵⁰⁾, что наша партийная организация со времени экономизма по личному составу стала относительно более пролетарской. «Рабочий», очевидно, неправ. Это знает всякий, кто близко наблюдал дела в нашей партии за сколько-нибудь значительный промежуток времени. Но курьезнее всего видеть, как перемывается наш Аксельрод. Кто не помнит его великолепных, так искусно использованных врагами социал-демократии, либеральными освобожденцами, утверждений, что социал-демократия есть интеллигентская организация? Кто не помнит, как повторяли и разжевывали эту клевету на партию обиженные партией новоискровцы? И вот, этот же самый Аксельрод, испугавшись тех прямых и честных выводов, которые сделал из этой клеветы «рабочий», изворачивается.

«В период зарождения и первоначального развития социал-демократии, — говорит он в предисловии, — русская революционная партия была партией чисто интеллигентской... Теперь сознательно-революционные рабочие составляют собой главные отряды (слушайте!) социал-демократической партии» (стр. 15).

Бедный «рабочий»! Как наказан он за то, что поверил «красивым словам» Аксельрода! И всегда будут наказаны те, кто верит писателям, за полтора года говорящим то одно, то другое, смотря по надобностям «кооптации».

Посмотрите, как изворачивается Аксельрод от поставленного ему в упор вопроса о «гарантиях». Ведь это прелесть, это — перл новоискровской литературы. «Рабочий» говорит об отношении рабочих и интеллигентов в о р г а н и з а ц и я х, «рабочий» т ы с я ч у р а з п р а в, когда заявляет, что без гарантий, без равных прав, т.-е. без выборного начала, красивые слова о небюрократическом централизме остаются одним фразерством. И как отвечает Аксельрод? «Увлечение мыслью об изменении правового положения рабочих в наших организациях односторонне», напрасно автор переносит вопрос об устранении зла «в область формально-организационных отношений», напрасно забывает, что «частная задача уравнивания в правах» решается лишь «в процессе дальнейшего развития нашей практики в социал-демократическом направлении». «Вопрос, специально занимающий автора брошюры, радикально может быть разрешен только в процессе сознательной коллективной работы нашей партии».

Неправда ли, разве это не перл? Ведь сам же Аксельрод поднял и первый поставил именно организационный и только организационный вопрос на съезде Лиги ⁵¹⁾ и в Новой «Искре» (№ 53), а когда «рабочий»

пишет специальную брошюру об организации, то ему величественно говорят: не формальность важна, а процесс работы!

Не принципы организации важны новой «Искре» и Аксельроду, а процесс болтовни для оправдания беспринципной позиции. И никакого другого содержания, кроме защиты беспринципности, нет во всей пресловутой теории организации-процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург)⁵²⁾, теории, опошляющей и протестирующей марксизм.

Повторяем: нельзя достаточно рекомендовать замечательной брошюры «рабочего» для ознакомления со всей фальшью организационной позиции новоискровцев. Особенно настоятельно рекомендуем мы эту брошюру рабочим, которых меньшевики науськивают на большевиков проповедью выборного начала *). Рабочие великолепно изобличают фразеров и лгунов. Они отлично ставят вопрос: либо выборное начало, либо только совет о введении рабочих в комитеты. Если выборное начало, тогда давайте формальные гарантии, уставные гарантии, уставное равноправие. Рабочие увидят, как вертятся новоискровцы от этого вопроса, точно черти перед заутреней. Если желательны советы вводить рабочих, если права старая «Искра», считавшая демократизм, т.-е. всеобщее применение выборного начала в р у с с к и х конспиративных организациях, несовместимым с самодержавно-полицейским строем, тогда вы нигде не найдете таких прямых и назидательных советов вводить рабочих в комитеты, как у большинства.

*„Вперед“, № 2,1
от 1 января 1905 г.*

Рабочая и буржуазная демократия.

Вопрос об отношении социал-демократии или рабочей демократии к демократии буржуазной есть старый и в то же время вечно новый вопрос. Он стар, ибо выдвинут с тех самых пор, как возникла социал-демократия. Его теоретические основы выяснены еще в самых ранних произведениях марксистской литературы, в «Коммунистическом Манифесте» и в «Капитале». Он вечно нов, ибо каждый шаг в развитии каждой капиталистической страны дает особое, оригинальное сочетание

*) См. Н. Л с н и н. «Заявление и документы о разрыве центр. учреждений с партией». Приведенное в этой брошюре письмо вождя меньшевиков гласит: «Рабочие требуют выборной системы, это явный симптом агонии твердокаменных». Я принадлежу к твердокаменным, но я очень доволен такой агонией. Требования рабочими выборного начала ясно показывают, что новоискровцам не удалось накормить рабочих баснями, и никакие увертки Аксельрода не спасут его теперь от полного разоблачения.

различных оттенков буржуазной демократии и различных течений в социалистическом движении.

И у нас в России этот старый вопрос сделался особенно новым в настоящее время. Чтобы отчетливее выяснить себе теперешнюю постановку, мы начнем с небольшой исторической справки. Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полу-анархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вождения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии. Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось. Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более, одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения. Но рост этого последнего сопровождался расколом среди социал-демократов. Ясно обнаружилось революционное и оппортунистическое крыло социал-демократии, выражавшие первое — пролетарские, второе — интеллигентские тенденции нашего движения. Легальный марксизм скоро на деле оказался «отражением марксизма в буржуазной литературе» ⁵³⁾ и через бернштейнианский оппортунизм ⁵⁴⁾ дошел прямиком до либерализма. Экономисты в социал-демократии, с одной стороны, увлекались полу-анархической концепцией чисто-рабочего движения, считали поддержку буржуазной оппозиции социалистами изменой классовой точке зрения; заявляли, что буржуазная демократия в России есть фантом. С другой стороны, экономисты другого оттенка, увлекаясь тем же чисто рабочим движением, упрекали революционных социал-демократов в игнорировании той общественной борьбы с самодержавием, которую ведут наши либералы, земцы, культурники.

Старая «Искра» показывала элементы буржуазной демократии в России еще тогда, когда многие не видели их. Она требовала поддержки этой демократии пролетариатом (см. № 2 «Искры» о поддержке студенческого движения, № 8 о нелегальном земском съезде, № 16 о либеральных предводителях дворянства, № 18 о брожении в земстве и др.) ⁵⁵⁾. Она отмечала постоянно классовый, буржуазный характер либерального и радикального движения и говорила по адресу виляющих освобожденцев: «Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк ⁵⁶⁾ однажды назвал самоурезываньем и самозапрятываньем, не условной ложью дипломатического

взаимопризнания, а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы» (№ 26 *).

Эта постановка вопроса старой «Искры» вплотную подводит нас к теперешним спорам об отношении социал-демократов к либералам. Как известно, начались эти споры со второго съезда, вынесшего две резолюции, соответствующие точке зрения большинства (резолюция Плеханова) и меньшинства (резолюция Старовера). Первая резолюция точно указывает классовый характер либерализма, как движения буржуазии, и выдвигает на первый план задачу выяснять пролетариату антиреволюционный и противпролетарский характер главного либерального направления (освобожденства). Признавая необходимость поддержки пролетариатом буржуазной демократии, эта резолюция не впадает в политиканское взаимопризнание, а в духе старой «Искры» сводит дело к совместности в борьбе: «поскольку буржуазия является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом», постольку соц.-демократы «должны поддерживать» ее.

Наоборот, резолюция Старовера не дает классового анализа либерализма и демократизма. Она полна добрых намерений, она сочиняет условия соглашения возможно более высокие и хорошие, но, к сожалению, — фиктивные, словесные: либералы или демократы должны заявить то-то, не выставлять требований таких-то, сделать своим лозунгом то-то. Как будто бы история буржуазной демократии везде и всюду не предостерегала рабочих от веры в заявления, требования и лозунги! Как будто бы история не показывала нам сотни примеров, когда буржуазные демократы выступали с лозунгами не только полной свободы, но и равенства, с лозунгами социализма, не переставая от этого быть буржуазными демократами и этим внося еще больше «затемнения» сознания пролетариата! Интеллигентское крыло социал-демократии хочет бороться против этого затемнения предъявлением условий (буржуазным демократам) о незатемнении! Пролетарское крыло борется анализом классового содержания демократизма. Интеллигентское крыло гонится за словесными условиями соглашений. Пролетарское — требует фактической совместности борьбы. Интеллигентское крыло сочиняет мерку хорошей, доброй и заслуживающей соглашения с нею буржуазии. Пролетарское никакой доброты от буржуазии не ожидает, а поддерживает всякую, хотя бы и самую худую буржуазию — постольку, поскольку она на деле борется против царизма. Интеллигентское крыло сбивается на точку зрения торгашества: если встанете на сторону социал-демократов, а не соц.-революционеров, тогда мы согласны войти в соглашение против общего врага, а то так нет. Пролетарское крыло стоит на точке зрения целесообраз-

*) См. IV том Собрания сочинений Н. Ленина, стр. 173. Ред.

ности: мы вас поддерживаем исключительно в зависимости от того, можем ли мы ловчее нанести хоть какой-нибудь удар нашему врагу.

В своих статьях №№ 77 и 78 «Искра»⁵⁷⁾ развивает резолюцию Старовера. Основной мыслью этих статей является различие между земцами и буржуазной демократией. Это различие проходит красной нитью через обе статьи, при чем вместо термина буржуазная демократия и на-ряду с ним употребляется, как равнозначущие, термины: демократия, радикальная интеллигенция (sic!), нарождающаяся демократия, интеллигентная демократия. Это различие возводится новой «Искрой» в великое открытие, в оригинальную концепцию, «которой не дано было уразуметь» бедному Ленину. Демократия должна действовать самостоятельно в качестве самостоятельной силы. «Российский либерализм, от которого отнята его исторически-необходимая часть, его движущий нерв (слушайте!), его буржуазно-демократическая половина, годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами». В ленинской концепции «русского либерализма не было места таким общественным элементам, на которые социал-демократия могла бы оказать когда бы то ни было (!) свое воздействие в качестве авангарда демократии».

Такова новая теория. Как и все новые теории теперешней «Искры», она представляет из себя сплошную путаницу. Во-первых, неосновательна претензия на «открытие» интеллигентной демократии. Во-вторых, неверно различие земского либерализма и буржуазной демократии. В-третьих, несостоятельно мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой. В-четвертых, несправедливо утверждение, что земский либерализм (без «буржуазно-демократической» половины) годен лишь для бичевания. Разберем все эти пункты.

Ленин будто бы игнорировал рождение интеллигентной демократии и третьего элемента.

Открываем «Зарю» № 2 — 3⁵⁸⁾. Берем то самое «Внутреннее обозрение», которое цитируется в фельетоне Старовера. Читаем заголовок отдела третьего: «Третий элемент». Перелистываем этот отдел и читаем о «росте числа и влияния служащих в земстве врачей, техников и т. п.», читаем о «непокорном экономическом развитии, вызывающем потребность в интеллигентах, число которых все возрастает», о «неизбежности конфликтов этих интеллигентов с бюрократией и с управскими воротилами», о «прямо-эпидемическом характере этих конфликтов в последнее время», о «непримиримости самодержавия с интересами интеллигенции вообще», читаем п р я м о й п р и з ы в этих элементов «под знамя» социал-демократии. . .

Неправда ли хорошо? Новооткрытая интеллигентная демократия и необходимость ее призыва под знамя социал-демократии «открыты» зловредным Лениным т р и г о д а т о м у н а з а д!

Конечно, тогда не было еще открыто противопоставление земцев и буржуазной демократии. Но это противопоставление так же умно, как если бы мы сказали: Московская губерния и территория Российской империи. Земцы-цензовики и предводители дворянства суть демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм. Передовица № 77 «Искры» ⁵⁹⁾ анализирует наш либерализм, деля его на группы: 1) крепостники-помещики; 2) либералы-помещики; 3) интеллигенция либеральная, стоящая за цензовую конституцию, и 4) крайняя левая — демократическая интеллигенция. Этот анализ — неполный и путанный, ибо интеллигентские деления смешиваются с делением разных классов и групп, интересы которых выражает интеллигенция. Кроме интересов широкого слоя помещиков, русский буржуазный демократизм отражает интересы массы торговцев и промышленников, преимущественно средних и мелких, а также (что особенно важно) массы хозяев и хозяйчиков среди крестьянства. Игнорирование этого наиболее широкого слоя русской буржуазной демократии есть первый пробел в анализе «Искры». Второй пробел есть забвение того, что русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается, по своей политической позиции, на три русла: освобожденское, социалистско-революционное и социал-демократическое. Все эти направления имеют за собой длинную историю, и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата. Нет ничего курьезнее, как невинное пожелание новой «Искры»: «демократия должна действовать в качестве самостоятельной силы», при чем тут же рядом демократия отождествляется с радикальной интеллигенцией! Новая «Искра» позабыла, что радикальная интеллигенция или интеллигентная демократия, ставшая «самостоятельной силой», это и есть наша партия социалистов-революционеров! Стоять на почве буржуазной демократии и двигаться влево от «Освобождения», значит двигаться к социалистам-революционерам и никуда более.

Наконец еще менее выдерживает критику последнее новое открытие новой «Искры», именно, что «либерализм без буржуазно-демократической половины» годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами, что «идею гегемонии разумнее выбросить за борт», если не к кому обращаться кроме земцев. Всякий либерализм годен на то, чтобы социал-демократия поддерживала его ровно постольку, поскольку он на деле выступает борцом против самодержавия. Именно эта поддержка единственным последовательным до конца демократом, т.-е. пролетариатом,

всех непоследовательных (т.-е. буржуазных) демократов, и осуществляет идею гегемонии. Только мелко-буржуазное, торгашеское понимание гегемонии видит суть ее в соглашении, во взаимопризнании, в словесных условиях. С пролетарской точки зрения гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энергичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу, у кого слово не расходится с делом, кто является поэтому идейным вождем демократии, критикующим всякую половинчатость *). Глубоко ошибается новая «Искра», думая, что половинчатость есть моральное, а не политико-экономическое свойство буржуазной демократии, думая, что можно и должно подыскать такую мерку половинчатости, до которой либерализм заслуживает лишь скорпионов, за которой он заслуживает соглашения. Это именно значит «заранее определять меру допустимой подлости». В самом деле, вдумайтесь в следующие слова: ставить условием соглашения с оппозиционными группами признание ими всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, значит «преподносить им неотразимый реактив своего требования, лакмусову бумажку демократизма, и класть на весы их политического расчета всю ценность пролетарского содействия» (№ 78). Как красиво это написано! и как хочется сказать автору этих красивых слов, Староверу: друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво! **). Г. Струве одним почерком пера отразил неотразимый реактив Старовера, когда написал в программе Союза Освобождения всеобщее избирательное право. И тот же самый Струве на деле уже не раз доказал нам, что все эти программы для либералов — простая бумажка, не лакмусова, а обыкновенная бумажка, ибо буржуазному демократу ничего не стоит сегодня написать одно, а завтра другое.

Наивная вера Старовера в неотразимость бумажных реактивов приводит его и к той великой идее, что поддерживать несогласных на всеобщее избирательное право буржуа в их борьбе с царизмом — значит сводить на-нет идею всеобщего избирательного права! Может быть, Старовер напишет нам еще один красивый **) фельетон, доказывая, что,

*) Примечание для пропихательного новоискровца. Вы возразите: борьба пролетариата против самодержавия без всяких условий с буржуазией поведет к обману пролетариата буржуазией. Мы ответим: а неужели «условия» т.-е. обещания, могут гарантировать от обмана?

**) Еще маленький образчик прозы нашего Аркадия Николаевича: «Всякий тот, кому за последние годы приходилось следить за общественной жизнью России, не мог, без сомнения, не заметить усиленной демократической тяги к обнаженной от всех идеологических наслоений, от всяких пережитков исторического прошлого к неподкрашенной идее конституционной свободы. Эта тяга была в своем роде реализацией долгого процесса молекулярных изменений в среде демократии, ее овидиевых превращений, заполнявших своей калейдоскопической пестротой внимание и интерес целого ряда сменявшихся поколений на протяжении двух десяти-

поддерживая монархистов в их борьбе с самодержавием, мы сводим на-нет «идею» республики? В том-то и беда, что мысль Старовера беспомощно вертится в рамках условий, лозунгов, требований, заявлений и упускает из виду единственный реальный критерий: степень фактического участия в борьбе. От этого на практике неизбежно получается подкрашивание радикальной интеллигенции, с которой объявляется возможным «соглашение». Интеллигенция, в насмешку над марксизмом, объявляется «движущим нервом» (а не красноречивым слугой?) либерализма. Французские и итальянские радикалы награждаются званием людей, коим чужды антидемократические или антипролетарские требования, хотя всякий знает, что эти радикалы не раз изменяли своим программам и затемняли сознание пролетариата, хотя в том же номере (№ 78) «Искры» на следующей (7-ой) странице вы можете прочитать, как монархисты и республиканцы в Италии оказались «заодно в борьбе с социализмом». Резолюция саратовских интеллигентов (санитарного общества) о необходимости участия представителей всего народа в законодательстве объявляется «действительным, голосом (!!) демократии» (№ 77). Практический план участия пролетариев в земской кампании сопровождается советом «вступить в некоторое соглашение с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии». На вопрос Ленина, куда девались пресловутые староверовские условия соглашений, редакция новой «Искры» отвечала (2-е «письмо»):

«Эти условия должны быть всегда в памяти членов Партии, и последние, зная, на каких условиях Партия только и согласна формально вступить в политические соглашения с демократической партией, морально обязаны и при частных соглашениях, о которых идет речь в письме, строго различать между надежными представителями буржуазной оппозиции — действительными демократами, и либеральными пенкоснимателями».

Со ступеньки на ступеньку. На-ряду с партийным соглашением (единственно допустимым, по резолюции Старовера) явились частные соглашения в отдельных городах. На-ряду с формальными соглашениями явились моральные. Словесное признание «условий» и их «моральной» обязательности оказалось дающим звание «надежного» и «действительного демократа», хотя всякий ребенок понимает, что десятки и сотни земских говорунов сделают любые словесные заявления, уверят даже честным словом радикала, что они социалисты, лишь бы успокоить социал-демократов.

летий». Жаль, что это неверно, ибо идея свободы не обнажается, а именно подкрашивается идеализмом у новейших философов буржуазной демократии. Жаль также, что через все калейдоскопически пестрые овидиевы превращения Старовера и Мартова проходит обнаженная тяга к фразе.

Нет, пролетариат не пойдет на эту игру в обещания, заявления и соглашения. Пролетариат никогда не забудет, что надежными демократами не могут быть буржуазные демократы. Пролетариат будет поддерживать буржуазную демократию не на основании сделок с ней о непроизведении панического страха, не на основании веры в ее надежность, а поддерживать тогда и постольку, когда и поскольку она на деле борется с самодержавием. Такая поддержка необходима в интересах достижения самостоятельных социально-революционных целей пролетариата.

*«Вперед», № 3,
от 11 января 1905 г.*

От народничества к марксизму.

Статья первая.

На-днях одна легальная газета выразила мнение, что теперь не время указывать на «противоречия» интересов различных классов, выступающих против самодержавия. Мнение это не ново. Мы встречаем его на страницах «Освобождения» и «Рев. России», конечно, с теми или иными оговорками. Естественно, что такой взгляд господствует среди представителей буржуазной демократии. Что касается социал-демократов, то среди них не может быть двух мнений по этому вопросу. Совместная борьба пролетариата и буржуазии против самодержавия не должна и не может заставить пролетариат позабыть о враждебной противоположности его интересов и интересов имущих классов. А выяснение этой противоположности необходимо требует выяснения глубоких различий между воззрениями различных направлений. Из этого никак не следует, разумеется, что мы должны отказываться от тех временных соглашений с сторонниками других направлений, которые второй съезд нашей партии признал допустимыми для социал-демократов с социалистами-революционерами и с либералами.

Социал-демократы считают социалистов-революционеров представителями крайней левой фракции нашей буржуазной демократии. Соц.-рев. негодуют на это и видят в таком мнении не что иное, как скверное стремление унижить противника и заподозрить чистоту его намерений и добросовестность. На самом же деле такое мнение не имеет ничего общего ни с каким заподозрением, будучи лишь марксистской характеристикой классового происхождения и классового характера воззрений соц.-рев. Чем яснее и определеннее излагают свои воззрения соц.-рев., тем более подтверждается марксистская характеристика их воззрений. Громадный интерес представляет, в этом отношении, проект программы партии соц.-рев., напечатанный в № 46 «Рев. России».

Проект представляет из себя значительный шаг вперед не только в отношении большей ясности изложения принципов. Прогресс сказывается и в содержании принципов, прогресс от народничества к марксизму, от демократизма к социализму. Плоды нашей критики, направленной против соц.-рев., на-лицо: критика заставила их с особенной силой подчеркнуть свои социалистические благие намерения и свои общие с марксизмом воззрения. Тем ярче выступают черты старых, народнических, расплывчато-демократических воззрений. Тому, кто упрекнул бы нас в противоречии (с одной стороны, признание социалистических благих намерений соц.-рев., с другой стороны, характеристика их социальной природы, как буржуазно-демократической), мы напомним, что еще в Коммунистическом Манифесте анализированы были образчики социализма не только мелко-буржуазного, но и буржуазного. Благие намерения быть социалистом не исключают буржуазно-демократической сущности.

Три основные черты мирозерцания соц.-рев. выступают перед нами при ознакомлении с проектом. Во-первых, теоретические поправки к марксизму. Во-вторых, пережиток народничества во взглядах на трудовое крестьянство и аграрный вопрос. В-третьих, такой же пережиток народнических мнений о небуржуазном будто бы характере предстоящей России революции.

Я сказал: поправки к марксизму. Именно так. Весь основной ход идей, весь остов программы свидетельствует о победе марксизма над народничеством. Это последнее все еще живет (при помощи впрыскиваний ревизионизма самой последней моды), но лишь в виде частичных «исправлений» марксизма. Возьмите главную обще-теоретическую поправку: теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капитализма. Эта поправка, поскольку она не сводится к одной путанице, есть внесение в марксизм старого русского субъективизма ⁶¹⁾. Признание «творческой» исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего «социальную силу», способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством и переход к марксизму. В основу теории социализма кладется объективное развитие экономики и классового деления. Поправка: «в некоторых отраслях промышленности в особенности же земледелии и в целых странах» отношение положительных и отрицательных сторон капитализма «становится (вот даже как!) все менее и менее благоприятным». Это — повторение Герца ⁶²⁾ и Давида ⁶³⁾, Ник-она ⁶⁴⁾ и В. В. ⁶⁵⁾ со всей его теорией об особых «судьбах капитализма в России». Отсталость России вообще и русского земледелия в особенности выступает уже не как отсталость к а п и т а л и з м а, а как самобытность, оправдывающая отсталые тео-

рии. На-ряду с материалистическим пониманием истории проглядывает стародавний взгляд на интеллигенцию, которая будто бы в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества и стать вне-классовым судьей капитализма, а не выразителем класса, который поро-ждается как раз в силу разрушения старых форм жизни капитализмом. Чисто по-народнически упускается из виду тот факт, что капиталисти-ческая эксплуатация в России приобретает особенно отвратительные формы вследствие переживания отношений докапиталистических.

Еще яснее народническая теория выступает в рассуждениях о кре-стьянстве. Во всем проекте употребляются без различия слова: трудя-щиеся, эксплуатируемые, рабочий класс, трудовая масса, класс эксплуа-тируемых, классы эксплуатируемых. Если бы авторы подумали хоть над этим последним, нечаянно сорвавшимся у них выражением (классы), то они поняли бы, что трудятся и подвергаются эксплуатации при капита-лизме не только пролетарии, но и мелкие буржуа. Про наших соц.-рев. приходится сказать то же, что было сказано про легальных народников: им предстояла честь открыть невиданный в мире капитализм без мелкой буржуазии. Они говорят о трудовом крестьянстве, закрывая глаза на тот доказанный, изученный, подсчитанный, описанный, разжеванный факт, что среди этого трудового крестьянства сейчас уже безусловно преобладает у нас крестьянская буржуазия, что зажиточное крестьян-ство, несомненно имея право на звание трудящегося, тем не менее не обходится без найма работников и держит в своих руках уже теперь больше половины производительных сил крестьянства.

Прекурьюзна, с этой точки зрения, та задача, которую ставит себе партия соц.-рев. в программе-минимум: «использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся». Эта задача кажется, на первый взгляд, совершенно безвредным, чисто академическим повторением давно опро-вергнутых и теорией и жизнью общинных утопий. Но на самом деле перед нами стоит тут насущный политический вопрос, решение которого русская революция обещает дать в ближайшем будущем: кто кого использует? революционная ли интеллигенция, мнящая себя социалисти-ческой, использует в интересах борьбы с буржуазно-собственническими началами трудовые воззрения крестьянства? или буржуазно-собственни-ческое и в то же время трудовое крестьянство использует социалистиче-скую фразеологию революционно-демократической интеллигенции в инте-ресах борьбы против социализма?

Мы думаем, что осуществится вторая перспектива (вопреки воле и сознанию наших оппонентов). Мы убеждены, что она осуществится,

ибо она уже на девять десятых осуществилась. Именно «буржуазно-собственническое» (и в то же время трудовое) крестьянство использовало уже в своих интересах социалистическую фразеологию народнической, демократической интеллигенции, которая своими артелями, кооперациями, травосеяниями, плужками, земскими складами, банками мнила поддержать «трудовые традиции и формы жизни», а поддержала на деле развитие капитализма внутри общины. Русская экономическая история уже доказала таким образом то, что завтра будет доказано русской политической историей. И вся задача сознательного пролетариата состоит в том, чтобы, отнюдь не отказываясь от поддержки прогрессивных и революционных стремлений буржуазного трудового крестьянства, разъяснять сельскому пролетариату неизбежность завтрашней борьбы против этого крестьянства, разъяснять ему действительно социалистические цели в отличие от буржуазно-демократических мечтаний об уравнительном пользовании. Вместе с буржуазным крестьянством против остатков крепостничества, против самодержавия, попов, помещиков, вместе с городским пролетариатом против буржуазии вообще и буржуазного крестьянства в частности — вот единственно правильный лозунг сельского пролетария, вот единственно правильная аграрная программа российской социал-демократии в настоящий момент. Именно такая аграрная программа и принята нашим вторым съездом ⁶⁶⁾. Вместе с крестьянской буржуазией за демократию, вместе с городским пролетариатом за социализм, — этот лозунг будет усвоен деревенской беднотой гораздо прочнее, чем блестящие, но мишурные лозунги народничающих социалистов-революционеров.

Мы подошли теперь к третьему из намеченных выше главных пунктов проекта. Авторы его порвали уже с взглядом последовательных народников, которые были против политической свободы, способной-де лишь передать власть в руки буржуазии. Но остатки народничества выступают очень ясно, когда проект дает характеристику самодержавия и отношения к нему разных классов. И здесь — как и всегда — мы видим, что первые же попытки мелко-буржуазной революционной интеллигенции изложить точно понимание действительности ведут неминуемо к полному изобличению противоречивости и устарелости ее точки зрения. (Заметим поэтому, в скобках, что именно к вопросу о понимании действительности надо сводить всегда споры с соц.-рев., ибо только этот вопрос вскрывает отчетливо причины нашего глубокого политического расхождения.)

«Более реакционный, чем где-либо, — читаем в проекте, — класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в покровительстве самодержавия против пролетариата». . . Это неверно, ибо нигде в Европе не сказывается так, как у нас. равнодушие передовых

буржуа к самодержавной форме правления. Недовольство самодержавием усиливается среди буржуазии, несмотря на боязнь пролетариата, — отчасти уже просто потому, что полиция при всей ее безмерной власти не может вытравить рабочего движения. Говоря о «классе» к р у п н ы х промышленников, проект смешивает подразделения и фракции буржуазии со всей буржуазией, как классом. Это тем более неправильно, что именно средних и мелких буржуа всего менее способно удовлетворить самодержавие.

«... Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждаются в такой же поддержке против трудовых масс деревни»... Вот как? Откуда же земский либерализм? Откуда взаимное влечение культурнической (демократической) интеллигенции к хозяйственному мужичку и обратно? Или кулак не имеет ничего общего с хозяйственным мужичком?

«... Существование самодержавия становится в непримиримое и прогрессивно-обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны»... .

Ну, вот и довели свои посылки до абсурда! Разве мыслимо такое «непримиримое противоречие» со всем хозяйственным и прочим ростом страны, которое бы не выражалось в настроении хозяйственно-командующих классов??. Одно из двух. Или самодержавие действительно непримиримо с хозяйственным ростом страны. Тогда оно непримиримо также и с интересами всего класса промышленников, торговцев, помещиков, хозяйственных мужичков. Что именно этот класс держит в руках «наш» хозяйственный рост с 1861 г., это, вероятно, неизвестно и соц.-революционерам (хотя они у В. В. учились обратному). Что правительство, непримиримое с классом буржуазии вообще, может спекулировать на раздоры между фракциями и слоями буржуазии, мириться с протекционистами против фритредеров, опираться на один слой против другого и тянуть такую эквилибристику годами и десятилетиями, — этому учит вся европейская история. Или же у нас и промышленники, и помещики, и крестьянские буржуа «всё сильнее нуждаются» в самодержавии. Тогда придется принять, что они, хозяйственные владыки страны, не понимают, взятые даже в целом, как класс, интересов хозяйственного роста страны, что этих интересов не понимают даже передовые, образованные и интеллигентные представители и вожди этих классов!

Но не естественнее ли принять, что не понимают дела наши соц.-революционеры? Посмотрите: немного дальше они сами признают «наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы образованного общества». Неужели наше образованное общество не

есть общество буржуазное? Неужели оно не связано тысячами нитей с торговцами, промышленниками, помещиками, хозяйственными мужичками? Неужели России бог судил переживать такой капитализм, в котором либерально-демократическая оппозиция не представляет из себя буржуазно-демократической оппозиции? Неужели соц.-революционеры знают такой исторический пример, неужели они могут представить себе такой случай, когда бы оппозиция буржуазии самодержавию выражалась не через либеральное, образованное «общество»?

Путаница проекта есть неизбежный результат смешения народничества с марксизмом. Только марксизм дал научно правильный, подтверждаемый все более и более действительностью, анализ отношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм. И у нас, как во всем мире, есть демократия буржуазная и демократия рабочая. И у нас, как и во всем мире, социал-демократия должна беспощадно разоблачать неизбежные иллюзии буржуазной демократии и непонимание ею своей природы. И у нас, как во всем мире, сознательный пролетариат должен поддерживать буржуазную демократию в ее оппозиции и в ее борьбе против остатков крепостничества, против самодержавия, ни на минуту не забывая о своей классовой особности и о своей классовой цели ниспровержения буржуазии.

*«Вперед», № 3,
от 11 января 1905 г.*

Начало революции в России.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиваться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге⁸⁷⁾. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок!», с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа — все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг героического петербургского пролетариата: «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растёт. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник 10 января столкновения рабочих с войсками становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий оружейный склад. Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10.000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 13 января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манифестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание Варшавы, происходят демонстрации пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растёт брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих, — немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона ⁶⁸⁾, который сказал после этого кровавого дня: «У нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»

Да здравствует революционный пролетариат! скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше пролержится он на своей военной позиции забастовщика-рево-

люционера, чем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей

массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

*«Вперед» № 4,
от 18 января 1905 г.*

Написано 12 января 1905 г.

Революционные дни.

Что происходит в России?

Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщаящие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку. Бунтовщики или инсургенты эти десятки тысяч пролетариев, против которых победоносно выступило царское войско? И заграничные газеты, имеющие всего более возможности «со стороны», с беспристрастием летописцев, рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И неудивительно. Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция. Кто присутствует при начале великих и грандиозных событий, кто имеет возможность лишь очень неполно, неточно, из третьих рук знать кое-что из происходящего, — тот, разумеется, не решается высказаться определенно до поры до времени. Буржуазные газеты, по старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть однако их общенационального, даже международного значения. А именно это ведь и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет переходят к речам о первых днях революции. Поворотный пункт в истории России наступил. Это не отрицается самым заядлым европейским консерватором, полным восторга и умиления перед могучей, бесконтрольной властью всероссийского самодержавия. О мире между самодержавием и народом не может быть и речи. О революции говорят не одни какие-нибудь отчаянные люди, не одни «нигилисты», какими все еще считает Европа русских революционеров, а все и всякий, сколько-нибудь способный интересоваться мировой политикой.

Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться

поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпнуть из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ» и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты.

В истории революций вспыхивают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презируемая поверхностным наблюдателем. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломяли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями. И недаром некоторые заграничные газеты завели уже «дневник русской революции». Заведем такой дневник и мы.

Первые шаги.

Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом, — стачка на одном заводе. Интересно, однако, что эта стачка 12.000 путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник 3 января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение четырех рабочих. «Когда требование о возвращении их не было удовлетворено, — пишет нам один товарищ из Петербурга от 7 января, — завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть». Тысячи и десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению. Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролета-

риата систематической монархической пропагандой, оказало не малую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмет верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплуатация подвинет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все «теории» и все потуги господ зубатовцев *).

Так оно и вышло. Один товарищ рабочий, член Петербургского комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, следующим образом излагает свои впечатления в письме к нам от 5 января:

«Пишу под свежим впечатлением происшедшего только что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода. Но прежде всего пару слов о настроении, которое господствует у петербургских рабочих. Как известно, в последнее время здесь начали возникать или лучше возрождаться «зубатовские» организации под руководством попа Гапона. Организации за очень короткое время очень размножились и усилились. Теперь уже существует 11 отделов так называемого «Собрания русских фабричных рабочих». Как и надо было ожидать, результаты этих собраний должны были быть таковыми, какими они были и на юге.

«Теперь, можно с уверенностью сказать, начинается широкое стачечное движение в Петербурге. Почти ежедневно слышно о новой забастовке то на одном, то на другом заводе. Вот уже два дня, как забастовал Путиловский завод. Недели две тому назад бастовала бумагопрядильня Шау на Выборгской стороне. Стачка продолжалась дня четыре. Рабочие ничего не добились. Сегодня-завтра эта стачка снова возобновится. Везде настроение приподнятое, но нельзя сказать, чтобы в пользу социал-демократии. Большая часть рабочих стоит за чисто экономическую борьбу и против политической. Однако, надо ожидать и надеяться, что настроение это изменится и рабочие поймут, что без политической борьбы никаких экономических улучшений не добьются. Сегодня забастовал завод Невского судостроительного общества (Семянникова). Местный отдел «Собрания русских фабрично-

*) Сравни «Что делать?» Ленина, стр. 86—88

заводских рабочих» ⁶⁰⁾ пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это, конечно, ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она здесь страшно слаба.

«Вышли листки от Петербургского комитета, два — к прядельной фабрике Шау и один — к Путиловским рабочим. Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела «Собрания». Они отклонялись от политических требований и главным образом выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской Газеты» ⁷⁰⁾ Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта, хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно. После Строева говорили товарищи-рабочие социал-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха, некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены «общества» (зубатовского ⁷¹⁾) не умолкали и продолжали расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу. Завтра предстоит большое собрание. — Возможно, что будет две-три тысячи человек. — Надо ожидать на-днях грандиозной демонстрации, чего-либо подобного июльской на юге в 1903 году. Бастует завод Франко-русского общества — около 4-5 тысяч человек. Передают, что началась стачка на бумагопрядильной фабрике Штиглица, около пяти тысяч. Ожидается стачка на Обуховском заводе — пять-шесть тысяч».

Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга), с сведениями заграничных, особенно английских газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и вырабатывали свою «хартию», свои экономические и политические требования. И те и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы вплоть до лозунга: созыв учре-

дительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов. Но предоставим слово им самим.

Письма петербургских социал-демократов.

От 7 января один товарищ пишет: «Только столкнувшись лицом к лицу с стачечной стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность *) партии. Результат ее — тот, что мы, спб. организация, совершенно бессильны пред стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листов, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листов, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе. . .

«Позавчера и вчера в Выборгском районе состоялось собрание рабочих до 500 человек. На одном из них до приезда председателя выступил какой-то рабочий и произнес вполне социал-демократическую речь, к которой аудитория отнеслась очень хорошо, наградив оратора аплодисментами. На этом же собрании выступали организованные рабочие; интеллигентов от большинства не было. Стоит отметить один инцидент, имевший место на этом собрании. Какой-то рабочий стащил со стены портрет Николая. Председатель собрания пытался установить, что это сделал подвыпивший рабочий, который случайно задел портрет, но часть собрания энергично протестовала против такого затушевывания. В конце концов, была принята резолюция, аналогичная вполне путиловской, т.-е. составленной под руководством отныне знаменитого попа Гапона.

«Еще более грандиозное собрание было на Петергофском шоссе, на котором собралось несколько тысяч рабочих. Отношение к социал-демократам этого собрания совсем иное: листки, как наши, так и меньшинства, были изорваны, от нас вначале представители отказались было взять 500 руб., отданные комитетом забастовавшим рабочим.

«Речей соц.-демократических не было (в этом виноваты мы сами), но удивительно то, что резолюция, принятая на этом собрании, такая,

*) См. о причинах этой дезорганизации в № 1 «Вперед»: «Пора кончить». Ред. «Вперед».

под которой смело может подписаться соц.-демократ; говорят, что резолюция эта составлена одним соц.-демократом, имеющим влияние на попа Гапона. Долгое время мы не могли установить, что из себя представляет этот поп; первоначальное его поведение (до стачки) заставляло нас предположить, что мы имеем дело с зубатовцем новой школы, но с момента начала стачки этот взгляд приходится оставить. Мне кажется, что перед нами какой-то наивный идеалист. Если смотреть на попа, как смотрели мы раньше, то ведь решительно невозможно объяснить его поведение на вчерашнем собрании: он заявил, что в воскресенье все забастовавшие рабочие пойдут к дворцу для предъявления Николаю своей петиции о неотложных нуждах рабочих (созыв учредительного собрания и т. д.), и если царь откажется принять эту петицию или полиция помешает собраться, то значит, что царь заодно с министрами, и значит, что к лозунгу: «долой министров» необходимо прибавить: «долой царя»; поэтому рабочие, идя ко дворцу, должны заготовить знамена с надписью: «долой царя» и вооружиться. Он призвал собрание поклясться, что ни один из собравшихся не откажется от этого решения, — даже если придется сражаться с войсками. Теперь по слухам, Гапона отыскивает полиция, но он скрывается до воскресенья.

«На Васильевском Острове вчера были собрания—принята всеобщая забастовка. Сегодня с утра по улицам расхаживают толпы рабочих, останавливая заводы, не позволяют желающим работать итти на работу. Как слух, сообщая, что мастера сами убеждают рабочих прекращать работы. Говорят о том, что капиталисты вполне терпимо относятся к забастовке, а некоторые даже видят в ней средство вырвать при посредстве рабочих от окончательно растерявшегося Николая конституцию. Но что особенно удивительно, так это поведение полиции. Я нарочно ходил сегодня по различным частям города и утверждаю, что городских меньше, чем в обыкновенное время. Только на Малом просп. В. О. возле 5 линии, где сегодня утром толпа (как говорят) разгромила участок и выпустила арестованных (??) *), можно увидеть 4 — 5 конных городских.

«Сегодня должны состояться громадные собрания на Острове, Выборг. и Петерб. и Петергоф. шоссе. На Выборг. и Петерб. шоссе посланы нами агитаторы (по 3 человека). Про другие два района не знаю — не видел два дня никого из этих районов, хотя знаю, что П. П. с агитаторами вчера был на собрании островитян.

*) П р и м е ч а н и е. Знаки вопроса принадлежат автору письма, который считает, очевидно, сообщенное ему неверным или сильно преувеличенным. Р е д. «В п е р е д».

«... Заводы и фабрики присоединяются к стачке страшно быстро, один за другим. Сегодня утром считали 40.000 забастовавших, а к вечеру насчитывают уже 24 производства и 82.000 стачечников. (Английские газеты давали цифру 75.000 Р е д. «В е р е д»).

«Говорят, будто завтра станут все типографии, булочные, мясные и конки!! Это мы еще увидим, но и то, что нынче делается, прямо грандиозно. На улицах, в вагонах — всюду разговоры. За Нарвской заставой рабочие собираются группами, выступают агитаторы и говорят. — Везде образцовый порядок. В окрестностях Невского я ходил вечером, — полная тишина на улицах, отдельные попадающиеся навстречу рабочие сдержанны и ничем не проявляют своего волнения, но в их лицах и во всем их виде чувствуется сдерживаемое с трудом возбуждение. Вчера была вечерка в Смоленской школе, — говорили рабочие соц.-революционеры и социал-демократы, — один из последних замечательно толково и содержательно. Должны были говорить свои интеллигенты, да вышло недоразумение: был пущен слух, что публика не допускается, — вследствие того, что собиралось чуть не полгорода, — а некоторые из своих приняли это всерьез, — не приготовились и не пошли. Настроение на вечерке было очень возбужденное, многие из рабочих были вооружены.

«Теперь к печальной или, во всяком случае, несколько странной стороне этого движения. Года два — три существует общество рабочих зубатовское и еще второе, — повидимому, тоже зубатовское, во главе которого стоял один поп хохол Георгий Гапон. Этот поп стал во главе движения, и теперь он герой дня. За несколько дней он заговорил вдруг резко политическим тоном, стал выставлять требование учредительного собрания и всех свобод — одним словом, конституции, — собирает громадные собрания, где открыто делают сборы на стачечников. Около этих собраний полицейские только потолкуются и выгоняются прочь. Он поднимает крест, приглашает публику помолиться, а потом начинает говорить. Действует крайне возбуждающе. Теперь выдумал звать всех к Зимнему дворцу с петицией, в которой изложены все политические требования и под которой число подписей теперь уже дошло до 7.000 (подписывают рабочие полностью имя, фамилию и адрес). — «Пойдем, говорит, убедимся, действительно ли русский царь любит свой народ, как говорит. Если даст все эти свободы — значит любит, а если нет, то это ложь и тогда мы можем поступить с ним (sic!!), как наша совесть нам подскажет. Клянись мне: конституция или смерть!» И рабочие, подняв кверху руки, кричат восторженно — «конституция или смерть!». Одни рабочие (из сознательных) говорят, что он обманщик, другие божатся, что искренний человек, но массы за ним, как бы там ни было, так и бегут. — «Пора сбросить маску!» — восклицает поп. «Пора сбросить всякую принадлежность к этому подлому сословию» (дергает свою

рясу), — т.-е. к сословию, обирающему народ. «Господа социал-демократы, господа соц.-революционеры! — мы очень уважаем вас, но просим, не мешайте нам теперь» (т.-е. с петицией к дворцу пойти). — Ему возражают, что царь в Царском. . . — «Ничего, постоим с полчаса, а его вызовут, уж вызовут!». . . — И что-то только будет у нас в воскресенье? Наши (т.-е. организованные социал-демократы. Р е д. «В п е р е д»), смотревшие сначала на все это движение, как на чисто-зубатовское, теперь видят, что, так или иначе, надо считаться с ним, пытаются повлиять на попа, пытаются руководить им хотя немного. — Социал-демократы оказались, как ни печально в этом сознаться, оттертыми этим, прямо стихийным движением. Листки все же выходят — 5 января вышел очень хороший листок к рабочим Путиловского завода. Завтра должен выйти другой.

«Недоумеваем, чем объяснить предприимчивость попа. Если все это сплошное правительственное коварство: вызвать революционную вспышку, чтобы подавить ее кровавым образом, — то слишком уже это смело в теперешнее военное время, — поп посылает депутатов рабочих и в Ораниенбаум и в Кронштадт, где и динамитные и всякие мастерские, — как знать, чем кончится. Как положиться даже на солдат, когда вчера был выстрел по Зимнему дворцу, о котором вы знаете по газетам?!»

Оба эти письма ставят вопрос, горячо обсуждаемый и заграничной печатью: кто такой поп Гапон, провокатор или христианский социалист?

Поп Гапон.

Что поп Гапон — провокатор, за это предположение говорит как будто бы тот факт, что он участник и коновод зубатовского общества. Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) х о т е л о вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело таким образом особенно свободные руки и играло беспроигрышную игру; пойдут, де, на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок будет дан пролетариату хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный;

победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9 января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана несколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть бессознательно орудием такого плана. Наличие либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д., — все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались, как видно из вышеприведенных писем, и наши товарищи из Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Как бы ни были «хитры» планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалось во много раз хитрее. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение, — это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям.

План петербургского сражения.

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало

защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплуататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплуатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война объявлена и начата. Пролетариат поднимется снова еще большими массами. Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удесятерит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу могут быть доведены правительством до расстрела. Каждый по одиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть готовым дать отпор кровожадным слугам царизма. Всякое начало трудно — говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. «Топоры? — говорит один. — Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья». Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после «Владимирова дня» в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя, Владимира, распорядившегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний Дворец (при помощи икон, крестов

и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охране мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая площадь, куда все же-таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «Владемира урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты, сознают себя воюющей стороной, и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по «планам» не одних только великих князей и царей. Призыв: «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно.

*«Вперед» № 4,
от 18 января 1905 г.*

Февраль.

Две тактики.

С самого начала массового рабочего движения в России, т.-е. приблизительно в течение десяти уже лет, среди социал-демократов существуют глубокие разногласия по вопросам тактики. Как известно, именно этого рода разногласия вызвали во второй половине 90-х годов течение экономизма, поведшее к расколу на оппортунистическое (рабочедельческое) и революционное (староискровское) крыло партии. Но русский социал-демократический оппортунизм отличался от западно-европейского своеобразными особенностями. Он отражал с чрезвычайной рельефностью точку зрения или, пожалуй, отсутствие всякой самостоятельной точки зрения у интеллигентского крыла партии, увлекавшегося и модными словечками бернштейнианства и непосредственными результатами и формами чисто-рабочего движения. Это увлечение повело к повальной измене легальных марксистов, перекочевавших в либерализм, и к созданию социал-демократами знаменитой теории «тактики-процесса», которая упрочила за нашими оппортунистами кличку хвостистов. Они плелись беспомощно в хвосте событий, бросались от одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, при чем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самостоятельность пролетариата. Это курьезно, но это факт. Никто не рассуждал так много о самостоятельности рабочих и никто не суживал, не урезывал, не принижал так своей проповедью этой самостоятельности, как рабочедельцы. «Поменьше толкуйте о повышении активности рабочей массы» — говорили сознательные, передовые рабочие своим усердным, но неумным советникам. «У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких осязательных результатов не сулящие. И не вам повышать нашу активность, ибо у вас самих как раз активности-то и не хватает. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении

своей активности, господа!» Вот как приходилось характеризовать отношение революционных рабочих к оппортунистическим интеллигентам («Что делать?» ⁷²), стр. 55).

Два шага назад, сделанные новой «Искрой» к «Рабочему Делу», воскресили это отношение. Со страниц «Искры» опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: ей, господи, верую и исповедую самостоятельность пролетариата. Во имя самостоятельности пролетариата Аксельрод и Мартынов, Мартов и Либер (бундовец) защищали на съезде право профессоров и гимназистов записываться в члены партии, не входя ни в какие организации ⁷³). Во имя самостоятельности пролетариата сочинялась теория «организации-процесса», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самостоятельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде соглашения просеянной через трехкратные выборы рабочей депутации с земцами о мирном манифестировании без произведения панического страха *). Во имя самостоятельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания.

На этом последнем вопросе, в виду его громадной практической важности, мы намерены остановить внимание читателя. Развитие рабочего движения жестоко посмеялось над мудрецами новой «Искры». Не успело еще разойтись по России ее первое письмо, где во имя «процесса планомерного развития классового самосознания и самостоятельности пролетариата» рекомендовалась, как высший тип демонстраций, «доставка заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания»; — не успело еще дойти до России ее второе письмо, где делалось совсем уже сногшибательное открытие, что в настоящий «исторический момент политическая сцена заполнена (!) тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией» и что «объективный смысл всякого (слушайте, слушайте!) революционного движения в низах один (!) и сводится к поддержке лозунгов той из двух (!!) сил, которая заинтересована в ломке данного режима» (это демократическая интеллигенция объявлялась «силой»); — не успели еще сознательные рабочие прочитать эти великолепные письма и хорошенечко осмеять их, как события действительной борьбы пролетариата сразу вывели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму. Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой способности) сила, не только заинтере-

*) См. выше брошюру: «Земская кампания и план Искры». Ред.

сованная в ломке, но и готовая приступить к настоящей ломке самодержавия. Начиная с 9 января, рабочее движение у нас на глазах вырастает в народное восстание.

Посмотрим же, как оценивали этот переход к восстанию социал-демократы, рассуждавшие о нем заранее, как о вопросе тактики, — и как стали решать этот вопрос на практике сами рабочие.

Вот что говорилось три года тому назад о восстании, как лозунге, определяющем наши ближайшие практические задачи: «Представим себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц. К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти происшествия возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

«Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы» («Что делать?»).

Подчеркнутые нами заключительные слова дают ясный ответ на вопрос о том, как представляли себе дело подготовки восстания революционные социал-демократы. Но, как ни ясен этот ответ, старая хвостистская тактика не могла не проявить себя и на этом пункте. Мартынов выпустил совсем недавно брошюру «Две диктатуры», особо рекомендованную новой «Искрой» (№ 84). Автор от всей глубины своего рабочедельческого сердца возмущен тем, что Ленин мог говорить о «подготовке, назначении и проведении вооруженного всенародного восстания». Грозный Мартынов разит врага: «Международная социал-демократия на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пронуinciaменто могут быть заранее назначены и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее назначена, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается».

Может быть читатель скажет, прочитав эту тираду, что Мартынов, очевидно, «не есть» серьезный противник и что брать его всерьез смешно. Мы вполне согласились бы с таким читателем. Мы сказали бы даже такому читателю, что нет на земле муки горшей, чем брать всерьез все теории и все рассуждения наших новоискровцев. Беда в том, что эти пустяки фигурируют и в передовицах «Искры» (№ 62) ⁷⁴⁾. Еще большая беда в том, что есть люди в партии, и немало их, которые засоряют себе головы этими пустяками. И приходится говорить о несерьезных вещах, как приходится же нам говорить о «теории» Розы Люксембург ⁷⁵⁾, открывшей «организацию-процесс». Приходится разъяснять Мартынову, что не следует смешивать восстания с народной революцией. Приходится растолковывать, что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича. Переворот этот начался в России уже с падением крепостного права, и именно отсталость нашей политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным, при чем вполне и вполне возможен крах сразу, от одного удара, ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, это неизвестно. Только оппортунистические интеллигенты, сваливающие свое филистерство на пролетариев, могут в такое время, когда обсуждаются практически способы нанесения одного из ударов второй сотни, проявлять свои гимназические познания насчет «переворота

в общественных отношениях». Только оппортунисты новой «Искры» могут истерически кричать об ужасном «якобинском» плане, в котором центр тяжести лежит, как мы видели, во всесторонней массовой агитации при помощи политической газеты!

Не может быть назначена народная революция, это справедливо. За знакомство с этой истиной нельзя не похвалить Мартынова и автора передовицы в № 62 «Искры» («да и о какой подготовке восстания вообще может идти речь у нашей партии», спрашивал там, воюя с «утопистами», верный соратник или ученик Мартынова). Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новоискровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно складывается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, несмотря на то — представьте себе, тов. Мартынов, несмотря на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди массы данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих. Поняли ли вы теперь в чем дело, тов. Мартынов и товарищ «передовик» номера 62-го «Искры»? Если поняли, то потрудитесь теперь сопоставить восстание с народной революцией. «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент.

К счастью, самостоятельность передовых рабочих оказывается далеко впереди хвостистской философии новой «Искры». Пока она вымучивает из себя теории, доказывающие, что восстание не может быть назначено теми, кто готовился к нему, организуя передовой отряд революционного класса, события показывают, что восстание могут назначать и бывают вынуждены назначать люди не готовившиеся.

Вот прокламация, присланная нам петербургским товарищем. Ее набрали, отпечатали и распространили более чем в 10.000 экземплярах сами рабочие, захватившие десятого января в Петербурге одну легальную типографию.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане!

Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей!

Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? — Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

«Они — убийцы! — смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей!—

Российская С.-Д. Рабочая Партия».

Призыв к восстанию этой кучки инициативных передовых рабочих оказался неудавшимся. Нас не удивило бы и не обескуражило несколько неудачных призывов к восстанию или неудачных «назначений» восстания. Мы предоставим новой «Искре» разглагольствовать по этому поводу о необходимости «переворота в общественных отношениях» и высокопарно осуждать «утопизм» рабочих, воскликнувших «поставим свое правительство». Только безнадёжные педанты или путаники могут видеть центр тяжести подобного воззвания в этом кличе. Нам важно отметить и подчеркнуть этот замечательный, смелый, практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами.

Призыв петербургских рабочих не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторен еще не раз, и попытка восстаний неоднократно может еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими. Приобретение, которое сделано рабочим движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном волнении на ближайшую очередь, это приобретение ничем не может быть отнято у пролетариата.

Социал-демократы выставляли лозунг подготовки восстания еще три года тому назад на основании общих соображений. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу под влиянием непосредственных уроков гражданской войны. Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятельность пролетариата, революционно инициативного, и есть самодеятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодеятельность сознательно социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленно количество раз слово «классовый». Возьмите № 84 «Искры». «Почему, — с победоносным видом наступает на нас ее

«передовик», — почему не узкая организация профессиональных революционеров дала толчок движению этой лавины (9-го янв.), а Собрание рабочих? Потому, что Собрание это было действительно (слушайте!) широкой организацией, основанною на самостоятельности рабочих масс». Если бы автор этой классической фразы не был поклонником Мартынова, то он, может быть, понял бы, что Собрание сослужило службу движению революционного пролетариата именно тогда и постольку, когда и поскольку от самостоятельности зубатовской оно перешло к самостоятельности социал-демократической (после чего оно сейчас же и перестало существовать как легальное Собрание).

Если бы новоискровцы или новорабочедельцы не были хвостистами, то они увидели бы, что именно девятое января оправдало предсказание тех, кто говорил: «в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не Зубатовым» («Что делать?»). Именно девятое января еще раз и еще раз показало всю важность там же формулированной задачи: «готовить жнецов, которые бы умели и косить сегодняшние плевелы» (т.-е. парализовать сегодняшний разврат зубатовщины) «и ж а т ь з а в т р а ш н ю ю п ш е н и ц у» (т.-е. революционно руководить движением, сделавшим шаг вперед при помощи легализации). А Иванушки новой «Искры» ссылаются на пышный урожай пшеницы, чтобы принизить значение крепкой организации революционных косцов!

Было бы преступно, — продолжает тот же новоискровский передовик, — «нападать в тыл революции». Что значит собственно эта фраза, Аллах ведает. О том, в какой связи стоит она с общей оппортунистической физиономией «Искры», мы, вероятно, поговорим в другой раз особо. Теперь достаточно указать, что действительный политический смысл этой фразы один, именно: автор пресмыкается перед тылом революции, презрительно морща нос по поводу «узкого» и «якобинского» авангарда революции.

Тактика хвостизма и тактика революционной социал-демократии выясняются во всей своей противоположности тем более, чем более усердствует в мартыновском духе новая «Искра». Мы указывали уже в № 1 «Вперед», что восстание должно примкнуть к одному из стихийных движений. Мы нисколько не забываем, следовательно, важность «обеспечения тыла», если употреблять военное сравнение. Мы говорили в № 4 о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии *). Мы закончим теперь советом, который нам

*) См. стр. 66 этого тома. Р е д.

еще много раз придется давать новоискротцам: не принижайте задач авангарда революции, не забывайте о нашей обязанности поддержать этот авангард нашей организованной самодеятельностью. Поменьше говорите общих фраз о развитии самодеятельности рабочих — рабочие проявляют бездну незамечаемой вами революционной самодеятельности! — побольше смотрите за тем, чтобы не развращать неразвитых рабочих своим собственным хвостизмом.

*«Вперед» № 6,
от 10 февраля 1905 г.*

О боевом соглашении для восстания.

«Рев. Россия» говорит (№ 58): «Пусть, наконец, хоть теперь дух боевого единения проникнет в ряды разъедаемых братоубийственной враждой революционно-социалистических фракций и воскресит преступно подточенное сознание социалистической солидарности. . .

«. . . Сбережем же сколько возможно революционных сил, увеличивая их действие путем согласованного натиска!».

Нам не раз приходилось протестовать против господства фразы у соц.-рев., мы должны протестовать против него и теперь. К чему эти страшные слова, господа, о «братоубийственной вражде» и т. п.? Достойны ли они революционеров? Именно теперь, когда идет настоящая борьба, льется кровь, о которой тоже неумеренно красиво говорит «Рев. Россия», именно теперь эти уродливые преувеличения о «братоубийственной вражде» звучат особенной фальшью. Сбережение сил, говорите вы? Но ведь силы сберегаются единой, дружной, принципиально согласной организацией, а не склеиванием разнородного. Силы не сберегаются, а растрачиваются в бесплодных попытках подобного склеивания. Чтобы на деле, а не на словах осуществить «боевое единение», нужно ясно, отчетливо и притом по опыту знать, в чем именно и насколько именно можем мы быть едины. Без этого разговоры о боевом единении суть слова, слова и слова, а это знание дается между прочим, именно, той полемикой, борьбой и враждой, о которой вы говорите в таких «ужасных» терминах. Неужели было бы лучше, если бы мы замолчали о тех разногласиях, которые разделяют целые гигантские полосы русской общественной и русской социалистической мысли? Неужели только «культ раздоров» вызвал ожесточенную борьбу народничества, этой неясной, полной социалистических мечтаний, идеологии демократической буржуазии, и марксизма, идеологии пролетариата? Полноте, господа, вы делаете только себя смешными, когда договариваетесь до этого, когда продолжаете считать «обидой»

марксистский взгляд на буржуазно-демократическую сущность народничества и вашего «социал-революционизма». Мы неизбежно будем спорить, расходиться, враждовать и в будущих революционных комитетах в России, — но надо же учиться у истории. Надо думать о том, чтобы это не были неожиданные, ни для кого непонятные, путанные споры в момент действия, надо подготовиться к тому, чтобы спорить принципиально, чтобы знать исходные точки каждого направления, чтобы заранее наметить возможное единение и неизбежную вражду. История революционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего для взаимных трений и горьких разочарований разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа.

Мы хотим воспользоваться уроком этой истории. Мы видим в марксизме, который кажется вам узкой догмой, именно квинт-эссенцию этого исторического урока и руководства. Мы видим в самостоятельной, непримиримо марксистской, партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний. Мы никогда поэтому, не исключая самых революционных моментов, не откажемся от полной самостоятельности соц.-дем. партии, от полной непримиримости нашей идеологии.

Вам кажется, что это исключает боевое единение? Вы ошибаетесь. Вы можете увидеть из резолюции нашего второго съезда, что мы от соглашений для борьбы и на борьбе не отказываемся. Мы подчеркнули в № 4 «Вперед», что начало революции в России несомненно приближает момент практического осуществления этих соглашений *). Совместная борьба революционной социал-демократии и революционных элементов демократии неизбежна и необходима в эпоху падения самодержавия. Мы думаем, что мы лучше послужим делу будущих боевых соглашений, если вместо горьких укоризненных фраз будем трезво и хладнокровно взвешивать условия их возможности и вероятные пределы их, если можно так выразиться, «компетенции». Мы начали эту работу в № 3 «Вперед», приступая к изучению прогресса «партии соц.-рев.» от народничества к марксизму **).

«Масса сама схватилась за оружие, — пишет «Рев. Россия» по поводу 9 января. — Несомненно, что рано или поздно, а будет разрешен вопрос о вооружении массы». «И тогда-то самым ярким образом проявится и осуществится то слияние терроризма и массового движения, к которому мы, согласно всему духу нашей партийной тактики, стре-

*) См. стр. 59 этого тома. Р е д.

**) См. стр. 50—55 этого тома. Р е д.

мимся словом и делом». (Заметим в скобках, что к последнему слову мы охотно поставили бы вопросительный знак, и будем продолжать цитату.) «Еще не так давно перед нашими глазами эти два фактора движения были разрознены и этой разрозненностью лишены должной силы».

Вот что правда, то правда! Именно так. Интеллигентский террор и массовое рабочее движение были разрозненны и этой разрозненностью лишены должной силы. Как раз это говорила всегда революционная социал-демократия. Как раз поэтому боролась она всегда не только против террора, но и против тех шатаний в сторону террора, которые обнаруживали не раз представители интеллигентского крыла нашей партии *). Как раз поэтому спорила против террора и старая «Искра», когда она писала в № 48: «террористическая борьба старого образца была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию решительных и самоотверженных деятелей... Теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти... наш старый терроризм перестает быть исключительно-смелым приемом борьбы... Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, встающей против своих угнетателей. Терроризм великой французской революции... начался 14 июля 1789 года взятием Бастилии ⁷⁹⁾. Его сила была силой революционного движения народа... Этот терроризм был вызван не разочарованием в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в его силу... История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера» ^{**)}.

Да, и тысячу раз да! История этого терроризма поучительна чрезвычайно. Поучительны также приведенные цитаты из «Искры», относящиеся к эпохе за 1½ года тому назад. Эти цитаты показывают нам, во весь их рост, те мысли, к которым хотели бы прийти, под влиянием революционных уроков, и соц.-револ. Эти цитаты напоминают нам о значении веры в массовое движение, напоминают о революционной выдержке, которая дается только принципиальностью и которая одна может избавить от «разочарований», вызываемых продолжительной кажущейся остановкой этого движения. Теперь, после 9-го января, ни о каких «разочарованиях» в массовом движении

*) Кричевский ⁷⁹⁾ в № 6 «Раб. Дела». Мартов и Засулич по поводу выстрела Леккерта ⁷⁷⁾. Новоискривцы вообще в листке по поводу убийства Плеве ⁷⁸⁾.

^{**)} Эта статья в «Искре» писана Плехановым и относится к тому периоду, когда редактировали ее (№№ 46—51) Плеханов и Ленин. Плеханов тогда еще не помышлял о новом курсе знаменитой уступчивости по отношению к оппортунизму.

не может быть, на первый взгляд, и речи. Но это только на первый взгляд. Надо отличать моментальное «очарование» ярким проявлением героизма массы от прочных, продуманных убеждений, неразрывно связывающих всю деятельность партии с движением массы вследствие поставленного во главу угла принципа классовой борьбы. Надо помнить, что, как ни высока теперешняя ступень революционного движения, достигнутая после 9-го января, это движение во всяком случае пройдет еще немало этапов до той поры, когда наши социалистические и демократические партии возродятся на новой базе в свободной России. И мы должны через все эти этапы, через все перипетии борьбы, пронести непоколебленную связь социал-демократии с классовой борьбой пролетариата, заботиться непрерывно об укреплении и упрочении этой связи.

Нам кажется поэтому явным преувеличением следующее утверждение «Рев. России»: «Пионеры вооруженной борьбы потонули в рядах возбужденной массы». . . Это скорее желательное будущее, чем осуществленное уже настоящее. Убийство Сергея в Москве 17 (4) февраля, о котором как раз сегодня сообщил телеграф, является, очевидно, терроризмом старого образца ⁸⁰⁾. Пионеры вооруженной борьбы еще не потонули в рядах вооруженной массы. Пионеры с бомбами, очевидно, подкарауливали в Москве Сергея в то время, как масса (в Питере) без пионеров, без оружия, без революционных офицеров и без революционного штаба, «с гневной яростью кидалась на колючую щетину штыков», как выражается та же «Рев. Россия». Разрозненность, о которой говорено было выше, еще существует, и единичный, интеллигентский террор тем более поражает своей неудовлетворительностью, чем яснее теперь стало для всех, что «масса поднялась до одиночек героев, в ней пробудился массовый героизм» («Рев. Росс.», № 58). Пионеры должны на деле потонуть в массе, т.-е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной, фактической связи с восстающей массой, идти вместе с массой не в фигуральном, не в символическом смысле слова, а в буквальном. Что это необходимо, — в том вряд ли мыслимо теперь какое-либо сомнение. Что это возможно, — это доказывает девятое января и все продолжающееся глухое глубокое брожение рабочих масс. Что это есть новая и высшая задача, более трудная по сравнению с предыдущими, это не может и не должно остановить нас от немедленного практического приступа к ее решению.

Боевое единение социал-демократической партии с партией революционно-демократической, с партией соц.-рев. могло бы оказаться одним из средств, облегчающих такое решение. Такое единение будет тем осуществимее, чем скорее «потонут» пионеры вооруженной борьбы в рядах восстающей массы, чем решительные пойдут соц.-рев. по пути,

намечаемому ими самими в следующих словах: «пусть растет и крепнет это начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических средств борьбы!». В видах скорейшего осуществления попыток такого боевого единения мы с удовольствием печатаем полученное нами следующее письмо Георгия Гапона:

Открытое письмо к социалистическим партиям России.

«Кровавые январские дни в Петербурге и в остальной России поставили лицом к лицу угнетенный рабочий класс и самодержавный режим с кровопийцем-царем во главе. Великая русская революция началась. Всем, кому действительно дорога народная свобода, необходимо победить, или умереть. В сознании важности переживаемого исторического момента, при настоящем положении вещей, будучи, прежде всего, революционером и человеком дела, я призываю все социалистические партии России немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма. Все силы каждой партии должны быть мобилизованы. Боевой технический план должен быть у всех общий. Бомбы и динамит, террор единичный и массовой, все, что может содействовать народному восстанию. Ближайшая цель — свержение самодержавия, временное революционное правительство, которое немедленно провозглашает амнистию всем борцам за политическую и религиозную свободу — немедленно вооружает народ и немедленно созывает Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. К делу, товарищи! Вперед, на бой! Повторим же лозунг петербургских рабочих 9 января — свобода или смерть! Теперь всякая проволочка и неурядицы — преступление пред народом, интересы которого вы защищаете. Отдав все свои силы на службу народу, из недр которого я сам вышел (сын крестьянина), — бесповоротно связав свою судьбу с борьбой против угнетателей и эксплуататоров рабочего класса, я естественно всем сердцем и всей душой буду с теми, кто займется настоящим делом настоящего освобождения пролетариата и всей трудящейся массы от капиталистического гнета и политического рабства.

Георгий Гапон».

По поводу этого письма мы, с своей стороны, считаем необходимым высказаться с возможно большей прямоотой и определенностью. Мы считаем возможным, полезным и необходимым предлагаемое им «соглашение». Мы приветствуем то, что Г. Гапон говорит именно о «соглашении», ибо только сохранение полной принципиальной и организационной самостоятельности каждой отдельной партии может сделать попытки их боевого единения не безнадежными. Мы должны быть

очень осторожны с этими попытками, чтобы не портить дела никчемным связыванием воедино разнородного. Нам неизбежно придется *getrennt marschieren* (врозь итти), но мы можем не раз и мы можем именно теперь *vereint schlagen* (вместе ударять). Было бы желательно, с нашей точки зрения, чтобы это соглашение охватывало не только социалистические, но и революционные партии, ибо в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического, и мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями социалистической революции. Было бы желательно и с нашей точки зрения необходимо для соглашения, чтобы вместо общего призыва к «единичному и массовому террору» задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы. Правда, добавка Гапона: «все, что может содействовать народному восстанию», ясно показывает его желание подчинить именно этой цели и террор единичный, но это желание, указывая на ту же мысль, которую мы отмечали в № 58 «Рев. России», должно быть выражено определеннее и воплотиться в совершенно недвусмысленных практических решениях. Мы заметим, наконец, — независимо от условий возможности предлагаемого соглашения, что нам кажется отрицательным явлением и внепартийное положение Г. Гапона. Само собой понятно, что, перейдя с такой быстротой от веры в царя и от обращения к нему с петицией к революционным целям, Гапон не мог сразу выработать себе ясного, революционного мирозерцания. Это неизбежно, и чем быстрее и шире будет итти развитие революции, тем чаще будет повторяться такое явление. Но полная ясность и определенность в отношениях между партиями, направлениями и оттенками есть безусловно необходимое условие сколько-нибудь успешного временного соглашения между ними. Ясность и определенность понадобятся при каждом практическом шаге и обусловят определенность и отсутствие шатаний в настоящем, практическом деле. Начало революции в России поведет вероятно к выступлению на политическую сцену многих лиц, а может быть и направлений, которые будут держаться мнения, что лозунг «революция» есть вполне достаточное для «людей дела» определение их целей и их средств действия. Ничего не может быть ошибочнее такого мнения. Кажущаяся более высокой или более удобной и более «дипломатической» внепартийная позиция на самом деле является лишь более неясной, более смутной и неизбежно чреватой непоследовательностями и колебаниями в практической деятельности. Во имя революции наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, оттенки слились в один революционный хаос. Напротив, рост и расширение революционного движения, при-

ближение его к большим и большим глубинам различных классов и слоев народа вызовет неизбежно (и хорошо, что вызовет) новые и новые направления и оттенки. Только полная ясность и определенность их в их взаимоотношении между собой и в их отношении к позиции революционного пролетариата могут обеспечить наибольший успех революционного движения. Только полная ясность взаимоотношений может обеспечить успех соглашения для достижения общей ближайшей цели.

Эта ближайшая цель намечена, по нашему мнению, вполне правильно в письме Г. Гапона: 1) свержение самодержавия, 2) временное революционное правительство, 3) немедленная амнистия борцам за политическую и религиозную свободу, — конечно, также за свободу стачек и т. д., 4) немедленное вооружение народа и 5) немедленный созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Немедленное осуществление революционным правительством полного равенства всех граждан и полной политической свободы при выборах подразумевается, конечно, Гапоном, но могло бы быть указано и прямо. Затем было бы целесообразно включить в программу временного правительства и учреждение повсюду революционных крестьянских комитетов с целью поддержки демократического переворота и осуществления его в частностях. От революционной самостоятельности крестьянства зависит очень и очень многое в успехе революции, и на лозунге, вроде указанного нами, могли бы сойтись, вероятно, различные социалистические и революционно-демократические партии.

Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного мирозерцания. Пожелаем, чтобы его призыв к боевому соглашению для восстания увенчался успехом, и революционный пролетариат, идя рядом с революционной демократией, мог ударить на самодержавие и низвергнуть его скорее, вернее и ценою меньших жертв.

*«Вперед», № 7,
от 8 февраля 1905 г.*

Должны ли мы организовать революцию?

Это было давно, очень давно, более года тому назад. В русской партии, по свидетельству небезызвестного немецкого соц.-демократа Парвуса ⁸¹⁾, возникали «принципиальные разногласия». Первейшей политической задачей партии пролетариата становилась борьба с крайностями централизма, с идеей «командовать» рабочими из какой-нибудь

Женева, с преувеличением идеи организации агитаторов, организации руководителей. Таково было глубокое, твердое и непреклонное убеждение меньшевика Парвуса, изложенное им в его еженедельном немецком листке «Aus der Weltpolitik» («Из области мировой политики») от 30 ноября 1903 г.

Доброму Парвусу было указано тогда (см. письмо Ленина в редакцию «Искры», декабрь 1903 г.)⁸²⁾, что он стал жертвой сплетни, что в основе усмотренных им принципиальных разногласий лежит дрязга, и что начинающий намечаться идейный поворот новой «Искры» есть поворот к оппортунизму. Парвус замолчал, но его «мысли» о преувеличении значения организации руководителей на сотни ладов разжевывались новоискровцами.

Прошло четырнадцать месяцев. Дезорганизация партийной работы меньшевиками и оппортунистический характер их проповеди вырисовались вполне. Девятое января 1905 года обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов. Парвус взялся за ум. В № 85 «Искры» он выступил со статьей, знаменующей, по существу дела, полнейший поворот от новых идей оппортунистической новой «Искры» к идеям революционной старой «Искры». «Был герой — восклицает Парвус по поводу Гапона — но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации»... «Оказались трагические последствия отсутствия организации»... «Массы разъединились, все идет вразброд, нет связывающего центра, нет руководящей программы действия»... «Движение пало вследствие отсутствия связывающей и руководящей организации». И Парвус дает лозунг, который мы напоминали уже в № 6 «Вперед», — «о р г а н и з о в а т ь р е в о л ю ц и ю» *). Парвус убедился под влиянием уроков революции, что «мы не можем при настоящих политических условиях организовать эти сотни тысяч» (речь идет о массе, готовой к восстанию). «Но мы можем — справедливо повторяет он давнюю мысль книги «Что делать?» — мы можем создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом, а в момент революции объединила бы вокруг себя эти сотни тысяч». «Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: готовить массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Наконец-то! облегченно воскликнули мы, встречая эти старые верные мысли, заваленные мусором новой «Искры». Наконец-то революционный инстинкт работника пролетарской партии взял верх хотя бы временно над рабочедельским оппортунизмом. Наконец-то слышим мы

*) См. выше статью: «Две тактики». Ред.

голос социал-демократа, не пресмыкающегося перед тылом революции и безбоязненно указывающего на задачу поддержки авангарда революции.

Новоискровцы, разумеется, не могли согласиться с Парвусом. «Не все мысли, выраженные тов. Парвусом, разделяются редакцией «Искры», гласит редакционное примечание.

Еще бы! Еще бы «разделили» они те мысли, которые «бьют в лицо» всю их полутораговую оппортунистическую болтовню!

«Организовать революцию!» Но ведь у нас есть умный тов. Мартынов, который знает, что революция вызывается переворотом в общественных отношениях, что революция не может быть назначена. Мартынов объяснит Парвусу его ошибку и покажет, что если даже Парвус имел в виду организацию авангарда революции, то это есть «узкая» и злобредная «якобинская» идея. И далее. Ведь наш умный Мартынов ведет за собой на веревочке Тряпичкина-Мартова, который способен еще больше углубить своего учителя, который сможет, пожалуй, лозунг «организовать революцию» заменить лозунгом «р а з в я з а т ь революцию» (см. № 85, курсив автора).

Да, читатель, именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать себе язык для свободной болтовни-процесса или для процесса болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых, по ближайшем рассмотрении, не оказывается ничего кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта.

Организовать да организовать, твердит Парвус, точно он вдруг большевиком сделался. Не понимает он, несчастный, что организация есть процесс («Искра» № 85, — а также все прежние номера новой «Искры» и особенно пышные фельетоны пышной Розы)⁸⁸). Не знает он, бедняжка, что по всему духу диалектического материализма не только организация, но и тактика является процессом. А он, точно «заговорщик», носится с организацией-планом. А он, точно «утопист», воображает, что можно так сразу, на каком-нибудь, боже упаси, втором или третьем съезде, взять да и организовать.

И ведь до каких геркулесовых столбов «якобинизма» договорился этот Парвус. «Поднять восстание по данному лозунгу», представьте себе! Это еще гораздо хуже, чем опровергнутая нашим знаменитым Мартыновым идея о «назначении» восстания. Положительно, Парвусу надо поучиться у Мартынова. Парвусу надо прочитать № 62 «Искры», из передовицы которого он узнает, какие вредные «у т о п и ч е с к и е» идеи о подготовке восстания распространялись в нашей партии так несвоевременно в 1902 и в 1904 году. Парвусу надо прочитать предисловие Аксельрода к брошюре «Рабочего», чтобы узнать о той «глубо-

кой, зловредной и прямо разрушительной для партии язве» (sic!), которая грозит социал-демократии от людей, «возлагающих все свои надежды на стихийные восстания самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых (!!) элементов народных масс».

Парвус признает невозможным организовать теперь сотни тысяч и выдвигает на первый план задачу «создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом». Как же не извиваться нашим новоискровцам, когда подобные вещи пишутся на страницах их органа? Да ведь организация в качестве связующего фермента это и есть организация профессиональных революционеров, при одном упоминании каковой наши новоискровцы падают в обморок.

Как благодарны мы «Искре» за ее передовицу рядом со статьей Парвуса. Как выпукло выделяется бессодержательное, путаное, хвостистское фразерство на-ряду с ясными, отчетливыми, прямыми и смелыми революционными лозунгами старой «Искры»! Разве это не пустая надутая фраза, будто «сходит со сцены политика доверия, чтобы н и к о г д а уже б о л е е не обморочить ни России ни Европы»? На самом деле любой номер европейской буржуазной газеты показывает, что это морочение продолжается и делает успехи. «На смерть поражен умеренный русский либерализм». Это ребяческая политическая наивность, когда за смерть либерализма принимают его «политическое» желание притаиться. На самом деле, либерализм жив, живет и оживает. Он именно теперь стоит накануне власти. Он именно для того и притаился, чтобы вернее и безопаснее протянуть в надлежащий момент руку к власти. Он именно для того и заигрывает во-всю с рабочим классом. Надо быть близоруким до последней степени, чтобы это кокетничанье (опасное стократ именно в переживаемый момент) принимать за чистую монету, чтобы хвастливо заявлять: «пролетариат — освободитель родины, пролетариат — авангард всей нации в эти дни признан в своей героической роли общественным мнением передовых элементов либерально-демократической буржуазии». Поймите же, наконец, господа новоискровцы, что либеральные буржуа признают пролетариат героем и м е н н о п о т о м у, что, нанося удар царизму, этот пролетариат еще недостаточно силен, еще недостаточно социал-демократичен, чтобы о т в о е в а т ь себе такую свободу, какую он хочет. Поймите, что не хвастаться должны мы по поводу теперешних либеральных расшаркиваний, а предостерегать пролетариат и показывать ему подоплеку этих расшаркиваний. Вы не видите этой подоплеки? так посмотрите на з а я в л е н и я ф а б р и к а н т о в, к у п ц о в, б и р ж е в и к о в о н е о б х о д и м о с т и конституции! Неправда ли, как я с н о говорят эти з а я в л е н и я о смерти умеренного либерализма? Либеральные говоруны журчат о героизме пролетариев, а фабриканты веско и внушительно требуют

кущей конституции, вот как обстоит дело, любезнейшие «руководители»! *).

Но всего бесподобнее рассуждения «Искры» по вопросу о вооружении. «Работа по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство», объявляется «технической» (!?) задачей. А мы, конечно, стоим выше презренной техники и смотрим в глубь вещей. «Как ни важны они («технические» задачи), не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию». . . «Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием — жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого. Вот куда должны мы направить свои усилия — на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания» (последние два места подчеркнуты автором).

Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, не то, что у узкого, почти дошедшего до «якобинства» Парвуса. Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всегдашняя и повсеместная задача социал-демократии, задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплуатации классы, проповедь социалиста всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта «п о т р е б н о с т ь» имеется уже на-лицо, когда начинается рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность сознательной, заставляя испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической конъюнктурой. Загляните вы, пожалуй-

*) Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили следующие небезыңтересные сведения из либерального лагеря. Специальный петербургский корреспондент немецкой буржуазно-демократической газеты «Frank.-Ztg.» (17, II. 05) передает такой отзыв о политическом положении петербургского либерального журналиста: «Либералы были бы глупцами, если бы они прозевали такой момент, как настоящий. У либералов теперь все козыри в руках, ибо им удалось запрячь рабочих в свою телегу, а у правительства нет людей, так как бюрократия никому не дает хода». Неправда ли, какая святая простота должна царить в новой «Искре», если она в подобный момент пишет о смерти либерализма?

ста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыпятся озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, сила сознания, сознания того, что индивидуальные убийства нелепы, что не настал еще час серьезной, народной, революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической конъюнктуры. Вот почему при таких условиях социалист не говорит и никогда не скажет народу: вооружайтесь, но всегда и обязательно (иначе он не социалист, а пустозвонный болтун) вооружает его жгучей потребностью вооружиться и напасть на врага. Именно от этих условий будничной работы отличаются теперь условия в России. Именно поэтому революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию! но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, теперь все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициативными рабочими, дали лозунг: к о р у ж и ю! И вот в такой-то момент, когда дан уже, наконец, этот лозунг, «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство, разве это не безнадежное тряпичничество? разве не тащат эти люди партию назад, от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата? И не от индивидуальных качеств того или иного Тряпичкина зависит это невероятное опошление наших задач, а от всей их позиции, так бесподобно формулируемой крылатыми словечками об организации-процессе или тактике-процессе. Самая уже эта позиция неизбежно и неминуемо осуждает человека на то, что он боится всякого определенного лозунга, чурается всякого «плана», пятится назад от смелой революционной инициативы, резонерствует и пережевывает старую жвачку, страшится забежать вперед — в такое время, когда мы, социал-демократы, остались явно позади революционной активности пролетариата. Поистине: мертвый схватил живого, мертвые рабочедельские теории безнадежно омертвили и новую «Искру».

Посмотрите на рассуждения «Искры» «о политически руководящей роли социал-демократии, как авангарда класса освободителя нации». «Эта роль — поучают нас — не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания». Подумайте только: роль авангарда не может быть достигнута, если нам удастся взять всецело в свои руки проведение восстания! И эти люди разговаривают еще об авангарде! Они б о я т с я т о г о, как бы история не возложила на

них руководящей роли в демократическом перевороте, они со страхом думают о том, как бы им не пришлось «проводить восстание». Им мерещится та мысль — они только не решаются еще сказать ее на страницах «Искры» прямо — что социал-демократическая организация не должна «проводить восстания», не должна стремиться к тому, чтобы брать всецело в свои руки революционный переход к демократической республике. Им чудится тут, этим неисправимым жирондистам социализма, чудовищное якобинство. Они не понимают, что чем усерднее будем мы стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем большую часть этого дела возьмем мы в свои руки, и что чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии. Им непременно хочется быть в хвосте, они выдумывают себе даже особую философию, что надо быть в хвосте, — Мартынов начал уже излагать ее и завтра, вероятно, договорится до точки на страницах «Искры».

Попробуйте шаг за шагом разобрать ее рассуждения:

«Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент кануна революции»...

Очень хорошо! Но использовать все элементы и значит взять всецело на себя руководство. «Искра» побивает сама себя и, чувствуя это, спешит добавить:

... «нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю технического руководства самой революцией и таким образом волей-неволей посодействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Использовать все элементы, не смущаясь тем, что они отнимают долю руководства!?? Побойтесь бога, господа: если действительно мы используем все элементы, если действительно наши требования перенимаются теми, кого мы используем, тогда они не отнимают у нас руководства, а принимают наше руководство. Если же эти все элементы действительно отнимают у нас руководство (и, конечно, не «техническое» только, ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор), тогда, значит, не мы их используем, а они нас используют.

«Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризировавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в последний бой против цар-

ского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу возможных приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: русская революция обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции, или не вполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и всеми силами исправлять, пополнять ее. Пока мы этого не сделали, пока масса идет за малосознательным вожаком, приходится сказать, что не социал-демократия использует все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции, вчерашний священник или генерал, или чиновник, может быть полным предассудков буржуазным демократом и, поскольку за ним пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих. Ясно ли вам это, господа новоискровцы? Если ясно, так зачем вы боитесь того, чтобы вполне сознательные (то-есть социал-демократические) сторонники революции брали на себя руководство? Зачем боитесь вы того, чтобы офицер социал-демократ (я беру нарочно аналогичный вашему пример) и член социал-демократической организации по почину и поручению этой организации взял на себя, «взял всецело в свои руки» функции и задачи вашего предполагаемого генерала?

Вернемся к Парвусу. Он кончает свою прекрасную статью прекрасным советом «выбросить за борт» дезорганизаторов. Устранение дезорганизаторов, как видно из помещенных нами в отделе «Из партии» сообщений⁸⁴⁾, есть самый страстный и самый решительный лозунг большинства русских социал-демократов. Именно так, товарищ Парвус: «выбросить за борт» самым безжалостным образом и начать это выбрасывание с тех героев социал-демократической печати, которые освящали и освящают дезорганизацию «теориями» организации-процесса, организации-тенденции. Надо не говорить только об этом, а сделать это. Надо немедленно созвать съезд всех партийных работников, желающих организовать партию. Надо не ограничиваться убеждениями и усовещеваниями, а поставить всем колеблющимся, всем шатким, неуверенным и сомневающимся прямой и непреклонный ультиматум: выбирайте! Начиная с первого номера нашей газеты, мы и ставили этот ультиматум от имени редакции «Вперед», от имени всей той массы русских партийных работников, которые доведены до небывалого озлобления дезорганизаторами. Скорее же выбрасывайте их, товарищи, и беритесь за дружную организационную работу! Лучше сотни

революционных социал-демократов, принявших организацию-план, чем тысяча интеллигентских Тряпичкиных, болтающих об организации-процессе!

*«Вперед», № 7,
от 8 февраля 1905 г.*

Извещение о созыве третьего партийного съезда.

Перепечатываем полностью следующее вышедшее в России воззвание:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Революция началась. Кровь тысяч людей обогрела улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронесся по всей стране, находя отклик повсюду. Идея свободы и народного правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооруженного восстания распространяется с поражающей быстротой. Пролетарии Петербурга подали сигнал, дело идет к развязке. Волна всеобщих политических стачек и массовых демонстраций проходит теперь по всем крупным центрам России. Вероятно, волна эта отхлынет, но она глубоко встряхнет народное сознание, она даст массам первоначальное революционное воспитание. За нею вскоре последует другая и та должна решить дело. Эта другая волна неизбежна, потому что те условия, которые вызвали первую, не только продолжают существовать, но все более усиливаются. Позорная война идет попрежнему, экономический кризис обостряется, приближаются чума, холера, голодовка, страна разорена. . . Перед рабочей партией выступает новая задача, небывалая по своей важности и трудности. Это задача политического руководства рабочим классом во время революции, задача найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России. В силах ли партия, такая, какая она есть, разрешить эту задачу? Всякий честный член партии должен открыто сказать: нет. Незачем доказывать этого; фактов слишком много, они слишком известны, довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, в главном центре, где собрана масса партийных сил и лучших сил, руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чужому партии лицу — священнику с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозно-утопическим энтузиазмом. В эти дни буржуазные группы оппозиции отказываются признать социал-демократию

законной представительницей пролетариата, ссылаясь на ее внешнюю слабость, на отсутствие в ней единства; они даже пользуются случаем заводить самостоятельные связи в рабочей среде, надеясь получить политическое влияние на нее и надеясь использовать ее силу в своих интересах. Это небывалое унижение партии. Так долгие нельзя. С этим надо покончить. Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи. Где причины слабости социал-демократии? Ответ простой. В отсутствии партийного единства, политической неспособности официальных вождей партии. Эти две причины неразделимы. Неспособность официальных вождей поддерживала и обостряла неурядицу. Неурядица, запутывая их все больше и отнимая у них возможность производительной партийной работы, делала их все более негодными. Мы сторонники партийного большинства давно уже ведем борьбу за единство партии. Мы давно указывали на единственный возможный для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный съезд.

Мы давно указывали на новые и труднейшие тактические и организационные задачи, которых не в силах и не вправе разрешить самостоятельно наши центры. Мы выяснили, что время не терпит, что скоро будет поздно, что партия рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда свою политическую честь и проиграть дело пролетариата. Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц. О. упорно продолжал свою борьбу против большинства партии и, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на съезде, хотя было выяснено, что никаких программных разногласий в партии нет, а тактические и организационные не так велики, чтобы угрожать единству партии при очной ставке ее оттенков. Совет партии отчаянно боролся против съезда, открыто нарушая устав партии. Он под фантастическими предложениями объявлял отдельные резолюции за съезд недействительными, он установил двухмесячные периоды, из которых в каждом счет должен начинаться снова, установил, прекрасно зная, что при русских расстояниях и конспиративных условиях двух месяцев практически недостаточно даже для оповещения всех комитетов о ходе партийных дел, и сделал еще целый ряд постановлений в этом же роде. Словом, он отменил своей властью установленные съездом права комитетов по созыву съезда. Ц. К. энергично агитировал против съезда, объявлял всех, боровшихся за съезд, дезорганизаторами и, наконец, сделал ряд попыток дезорганизовать местную работу комитетов, стоявших за съезд. Он неофициально поддерживает или устраивает в целом ряде городов группы организационного меньшинства, работающие параллельно с комитетом, конкурируя с ними; так поступает он в Одессе, Екатеринославе, Н.-Новгороде;

в Петербурге он официально утвердил такую группу, под именем «группы Ц. К.», вопреки прямому официальному своему обещанию, данному им за несколько дней Петербургскому комитету о том, что подобные шаги не будут предприняты без обсуждения их при участии Петербургского комитета. Следовательно, Ц. К. практически своим давлением свел к нулю право членов партии на агитацию за съезд и нарушил уставом данное комитетам право организовать всю местную работу. Так руководили центры внутрипартийной жизнью. А их внешняя политика? Ц. О. сделал одну единственную попытку реального политического руководства партией: листок «Искры» о плане земской кампании. Сущность этого плана сводится к тому, что социал-демократия должна идти в хвосте буржуазных партий, предоставляя им говорить от имени народа. Негодность этого заграничного измышления признается теперь, повидимому, даже большею частию сторонников «Искры». Ц. К., обязанный быть постоянным политическим руководителем партии, не выполнил этого ни в один из трудных моментов обще-партийной жизни: ни при начале войны, ни 1-го мая, ни при осенних мобилизациях. Он не установил никакого собственного отношения к либерально-буржуазным партиям и распространял нелепый план кампании «Искры», не высказываясь даже против него. Хода событий Ц. К. не предвидел. Когда некоторые из нас в собраниях комитетов страстно убеждали представителей Ц. К. в неотложности съезда в виду предстоящих революционных конфликтов, представители эти, пожимая плечами, отвечали: «а может быть революция будет не так скоро». Допустима ли в политических вождах такая степень близорукости и наивности? Благодаря негодности центров, партия не подготовлена к борьбе. Необходимо подготовиться как можно быстрее. Средство — немедленный созыв съезда.

Съезду предстоит решить следующие неотложные вопросы революционной тактики: 1. Вопрос о методах непосредственной политической борьбы. Здесь на наш взгляд первое место занимают вопросы: о планомерной организации всеобщих политических стачек, о способах вооружения масс, о способах организации вооруженного восстания, о способах воздействия на армию, о границах революционных действий, поскольку они затрагивают не только наших прямых врагов, но и другие классы общества (например, насколько допустимо в больших городах разрушение водопроводов, закрытие лавок, торгующих необходимыми припасами). 2. Вопрос об отношениях к буржуазной оппозиции: при каких условиях и в каких пределах возможно координировать в борьбе с самодержавием наши действия с их действиями. Какое значение придавать формальным переговорам и т. п. Их открытое выступление и та позиция, которую они заняли по отношению к социал-демократам,

изменили многое со времени второго съезда, и история с планом земской кампании показывает, как мало мы можем полагаться в этом вопросе на свои нынешние центры. 3. Вопрос о соглашениях и объединении с национальными социалистическими партиями: Бундом, польской, литовской, украинской, финляндской, армянской и др. Настоятельность вопроса очевидна: восстановление единства партии на наш взгляд чрезвычайно облегчит достойное партии разрешение этой задачи. Вопрос о соглашении с соц.-рев. на наш взгляд должен быть подвергнут детальному обсуждению. 4. Вопросы собственно организационные: I. Установление определенных границ партии путем замены нынешнего параграфа I устава мартовского ленинским, по которому членами партии являются только члены партийных организаций. II. Установление реального единства партийной организации путем следующих реформ: а) точное определение границ централизации и автономии отдельных организаций. Мы будем бороться за строгую централизацию, но против наивного бюрократического ее понимания, выдвигаемого теперь центрами, которые требуют слепого повиновения при своей очевидной негодности; надо помнить, что основу организации составляют сознательно-товарищеские отношения. Мы будем стоять за возможно-широкую автономию местных комитетов и групп, к ним примыкающих, но против выдвигаемого меньшинством якобы демократического понимания этой автономии, которое при тяжелых внешних условиях революционной борьбы привело бы на практике к настоящей анархии; б) уставное определение основ взаимных отношений комитетов с перифериями; в) преобразование центров. Мы полагаем, что центр должен быть один и притом русский. Мы не думаем исчерпать поставленными вопросами программу съезда, но считаем их важнейшими и наиболее неотложными. Уже из их перечисления видно, что у съезда будет слишком много работы в деле реформы, чтобы он мог обратиться в съезд суда над отдельными членами партии; к тому же мы и не считаем нынешних плохих руководителей партии сознательно преступными по отношению к ее интересам: они только жертвы непосильности задач, выпавших на их долю. Съезд необходим. Это сознано комитетами большинства, и они выбрали путем ряда конференций (Северной — 6 комитетов, Южной — 3 комитета, Кавказской — 4 комитета) организационное бюро III съезда⁸⁵), при чем предоставили этому бюро право, когда будут исчерпаны средства добиться, чтобы съезд был организован центрами, выступить в роли организационного комитета и устроить самый съезд. Теперь все средства исчерпаны. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать съезд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем время не ждет. Грозные события надвигаются. В виду этого организационное бюро присту-

пает к делу организации съезда. Если бы у кого-нибудь все еще остались сомнения, законен ли созыв съезда не через центры, то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практические негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата.

*«Вперед», № 8,
от 15 февраля 1905 г.*

*Работа коллективная: подпись.
«Бюро комитетов большинства».*

Новые задачи и новые силы.

Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе. Эти изменения происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов в прочности и жизненности массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали практически новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома. Но происходило все это не сразу, не без колебаний, не без борьбы направлений в социал-демократии, не без возвратов к устарелым, давно, казалось бы, отжившим и похороненным воззрениям.

Один из таких периодов колебаний переживает опять наша партия. Чтобы приспособить нашу тактику и организацию к новым задачам, приходится преодолевать сопротивление оппортунистических теорий насчет «высшего типа демонстраций» (план земской кампании) или насчет «организации-процесса», приходится бороться против реакционной боязни перед «назначением» восстания или перед революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что ход движения отметет и на этот раз все эти пережитки устарелых и безжизненных взглядов. Такое отметание должно состоять, однако, далеко не в одном опровер-

жении старых ошибок, а еще несравненно более в положительной революционной работе над практическим осуществлением новых задач, над привлечением к нашей партии и использованием ею новых сил, которые в такой гигантской массе выдвигаются теперь на революционное поприще. Именно эти вопросы положительной революционной работы должны составить главный предмет занятий предстоящего третьего съезда, именно на них должны теперь сосредоточить все свои помыслы все члены нашей партии в их местной и общей работе. Каковы стоящие перед нами новые задачи, мы в общих чертах не раз уже говорили: расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашение для этих целей с революционной демократией. Каковы новые силы для осуществления этих задач, — об этом красноречиво говорят вести о всеобщих стачках по всей России, о забастовках и революционном настроении молодежи, демократической интеллигенции вообще и даже многих кругов буржуазии. Наличие этих громадных свежих сил, особенно в рабочем классе и крестьянстве, — есть достаточное ручательство за то, что новые задачи могут быть решены и непременно будут решены. Практический вопрос, стоящий перед нами, состоит прежде всего в том, как и именно использовать, направить, объединить, организовать эти новые силы, как и именно сосредоточить социал-демократическую работу главным образом на новых высших задачах, выдвигаемых моментом, отнюдь не забывая при этом тех старых и обычных задач, которые стоят и будут стоять перед нами, пока держится мир капиталистической эксплуатации.

Чтобы наметить некоторые способы разрешения этого практического вопроса, начнем с одного частного, но очень характерного, на наш взгляд, примера. Недавно, совсем накануне начала революции, либерально-буржуазное «Освобождение» (№ 63) затронуло вопрос об организационной работе социал-демократии. Внимательно следя за борьбой двух направлений в социал-демократии, «Освобождение» не преминуло еще и еще раз воспользоваться поворотом новой «Искры» к экономизму и подчеркнуть (по поводу демагогической брошюры «Рабочего») свою глубокую принципиальную симпатию к экономизму. Либеральный орган правильно заметил, что из этой брошюры (см. о ней № 2 — «Вперед») *) вытекает неизбежное отрицание или умаление роли революционной социал-демократии. И по поводу совершенно неверных утверждений «Рабочего» об игнорировании экономической борьбы после победы правых марксистов «Освобождение» говорит:

*) См. выше статью: „Соловья баснями не кормят“. Р е д.

«Иллюзия современной русской социал-демократии заключается в том, что она боится культурной работы, боится легальных путей, боится экономизма, боится так называемых неполитических форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, легальные и неполитические формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия революционного». И «Освобождение» советует освобожденцам «взять на себя инициативу в деле создания профессионального рабочего движения» не против социал-демократии, а вместе с нею, при чем проводится параллель с условиями немецкого рабочего движения в эпоху исключительного закона против социалистов⁸⁰).

Здесь не место говорить об этой параллели, которая глубоко ошибочна. Необходимо прежде всего восстановить истину об отношении социал-демократии к легальным формам рабочего движения. «Легализация несоциалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась, — говорилось в 1902 г. в «Что делать?». — Мы не можем отныне не считаться с этим течением». Как считаться? ставится там вопрос, и указывается на необходимость разоблачения не только зубатовских учений, но и всяких гармонических, либеральных речей на тему «о сотрудничестве классов». («Освобождение», приглашая соц.-дем. к сотрудничеству, вполне признает первую задачу и умалчивает о второй.) «Делать это, — говорится далее, — вовсе не значит забывать о том, что в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не зубатовцам». Мы отделяем плевелы от пшеницы, разоблачая зубатовщину и либерализм в легальных собраниях. «Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации».

Отсюда ясно видно, что, по вопросу о «боязни» легальных форм движения, жертвой «и л л ю з и и» сделалось всецело «Освобождение». Революционные соц.-демократы не только не боятся этих форм, а указывают прямо на существование в них и п л е в е л и п ш е н и ц ы. Своими рассуждениями «Освобождение» только прикрывает, следовательно, реальную (и основательную) боязнь либералов перед разоблачением со стороны революционной социал-демократии к л а с с о в о й с у щ н о с т и л и б е р а л и з м а.

Но особенно интересует нас с точки зрения теперешних задач вопрос об освобождении революционеров от части их функций. Именно

переживаемый нами момент начала революции придает этому вопросу особенно злободневное и особенно широкое значение. «Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализовать часть профессиональной работы, снимая тем с нас часть нашего бремени», говорилось в «Что делать?». Но энергичная революционная борьба избавляет нас от «части нашего бремени» не только этим путем, а и многими другими. Переживаемый момент не только «легализовал» многое такое, что раньше было под запретом. Он настолько расширил движение, что и помимо правительственной легализации вошло в практику, стало обычным, доступным для массы многое такое, что раньше считалось доступным и было доступным только для революционера. Весь исторический ход развития соц.-дем. движения характеризуется тем, что оно завоевывает себе, несмотря на все препятствия, все более значительную свободу действий, вопреки законам царизма и мерам полиции. Революционный пролетариат как бы окружает себя известной, недоступной для правительства атмосферой сочувствия и поддержки как в рабочем классе, так и в других классах (разделяющих, конечно, лишь небольшую часть требований рабочей демократии). В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу культурнической работы, или занимать свои силы почти одной экономической агитацией. И вот, одна такая функция за другой все более переходит в руки новых сил, более широких слоев, привлекаемых к движению. В руках революционных организаций все более сосредоточивалось дело настоящего политического руководства, дело указания соц.-демократических выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства. Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле. Теперь уровень политической грамотности так гигантски повысился, что можно и должно сосредоточить все свои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком. Теперь либералы и легальная печать делают массу той «подготовительной» работы, которая до сих пор слишком занимала наши силы. Теперь открытая, не преследуемая ослабевшим правительством, пропаганда демократических идей и требований разлилась так широко, что мы должны приспособиться к совершенно новому размаху движения. Конечно, в этой подготовительной работе есть и плевелы и пшеница; конечно, социал-демократам придется теперь все больше и больше внимания уделять борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно социал-демократического содержания, чем прежняя наша деятельность, направленная главным образом к пробуждению политически-бессознательных масс.

Чем больше расширяется народное движение, тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача партии руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий. Чем больше развивается везде и повсюду всяческая революционная самодеятельность, тем очевиднее становятся пустота и бессодержательность рабочедельских словечек о самодеятельности вообще, повторяемых так охотно новоискровцами, тем больше выступает значение социал-демократической самодеятельности, тем выше требования, предъявляемые событиями нашей революционной инициативе. Чем шире новые и новые потоки общественного движения, тем важнее крепкая социал-демократическая организация, умеющая создавать новые русла для этих потоков. Чем больше работает на-руку нам независимо от нас идущая демократическая пропаганда и агитация, тем важнее организованное руководство социал-демократии для охраны независимости рабочего класса от буржуазной демократии.

Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры.

Говоря без метафор: надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть скольконибудь итти в ногу с возросшим в сто раз потоком народной революционной энергии. Это не значит, разумеется, чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма. Нет, но надо помнить, что теперь гораздо большее значение в деле подготовки и обучения имеют самые военные действия, которые уча т неподготовленных именно в нашем и всецело в нашем направлении. Надо помнить, что наша «доктринерская» верность марксизму подкрепляется теперь тем, что ход революционных событий дает везде и повсюду предметные уроки массе и все эти уроки подтверждают именно нашу догму. Не об отказе от догмы, следовательно, говорим мы, не об ослаблении нашего недоверчивого и подозрительного отношения к расплывчатым интеллигентам и революционным пустоцветам, совсем напротив. Мы говорим о новых методах обучения догме, о которых непозволительно было бы забывать социал-демократу. Мы говорим о том, как важно теперь пользоваться наглядными уроками великих революционных событий, чтобы преподавать

не кружкам уже, а массам наши старые «догматические» уроки насчет, например, того, что необходимо слияние на деле террора с восстанием массы, что за либерализмом образованного русского общества надо уметь видеть классовые интересы нашей буржуазии (ср. полемику по этому вопросу о соц.-рев. в № 3 «Вперед») *).

Значит, не об ослаблении нашей социал-демократической требовательности, нашей ортодоксальной непримиримости идет речь, а об укреплении той и другой новыми путями, новыми методами обучения. В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками! Помните, что всякое промедление наше в этом деле послужит на пользу врагам социал-демократии, ибо новые ручки ищут выхода немедленно и, не находя соц.-дем. русла, они будут устремляться в не социал-демократическое. Помните, что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно-верном учете сил и тенденций различных классов, а революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку. Не принижайте только нашей революционной науки до одной книжной догмы, не опешьте ее презренными фразами о тактике-процессе, организации-процессе, фразами, которые оправдывают разброд, нерешительность, неинициативность. Давайте больше простора самым разнообразным предприятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути кроме наших советов и помимо наших советов обеспечивается неумолимыми требованиями самого хода революционных событий. Давно уже сказано, что в политике часто приходится учиться у врага. А в революционные моменты враг всегда навязывает нам правильные выводы особенно назидательно и быстро.

Лозунг: организуйтесь! который сторонники большинства хотели дать в оформленном виде на втором съезде партии, должен быть осуществляем теперь немедленно. Если мы не сумеем смело, инициативно, создать новых организаций, мы должны тогда отказаться от пустых претензий на роль авангарда. Если мы беспомощно остановимся на достигнутых уже пределах, формах и рамках комитетов, групп, собраний, кружков, мы докажем этим свою неумелость. Тысячи кружков возникают теперь повсюду, помимо нас, без всякой опреде-

*) См. выше статью: „От народничества к марксизму“. Ред.

ленной программы и цели, просто под влиянием событий. Надо, чтобы социал-демократы поставили себе задачей создать и укрепить непосредственные отношения с возможно большим числом таких кружков, чтобы они оказывали им помощь, просвещали запасом своих знаний и опыта, оживляли своей революционной инициативой. Пусть все такие кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо примыкают к партии. В последнем случае нельзя требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами; достаточно одного революционного чувства, одного желания помогать борьбе с самодержавием, чтобы из таких примыкающих кружков при энергичном выступлении перед ними социал-демократов, под давлением хода событий, вырабатывались сначала демократические помощники социал-демократической рабочей партии, а затем и убежденные члены ее.

Людей масса и людей нет, — в эту противоречивую формулу укладывались уже давно противоречия организационной жизни и организационных запросов социал-демократии. И это противоречие с особенной силой выступает теперь: одинаково часто слышишь со всех концов страстные призывы новых сил, жалобы на отсутствие людей в организациях, и на-ряду с этим везде и повсюду гигантское предложение услуг, рост молодых сил, особенно среди рабочего класса. Организатор-практик, который при таких условиях жалуется на отсутствие людей, впадает в ту же иллюзию, в которую впадала в эпоху высшего развития великой французской революции госпожа Ролан ⁸⁷⁾, писавшая в 1793 г.: людей нет во Франции, всё пигмеи кругом. Кто говорит так, тот за деревьями не видит леса, тот признается, что его ослепили события, что не он, революционер, владеет ими в своем сознании и в своей деятельности, а они владеют им, они подавили его. Такому организатору лучше уйти на покой, очистить место молодым силам, у которых энергия может возместить нередко недостаток опытности.

Люди есть, никогда не бывало у революционной России такой массы людей, как теперь. Никогда не бывало у революционного класса таких необычайно благоприятных условий, — в отношении временных союзников, сознательных друзей, невольных пособников, — как у современного русского пролетариата. Людей масса, надо только выбросить за борт хвостистские мысли и поучения, надо только дать простор почину и инициативе, «планам» и «предприятиям», и тогда мы окажемся достойными представителями великого революционного класса, тогда пролетариат России так же геройски проведет всю великую русскую революцию, как геройски он ее начал.

«Вперед», № 9

от 23 февраля 1905 г.

Предисловие к брошюре: „Докладная записка директора департамента полиции Лопухина“ ⁸⁸⁾.

Хорошенького понемножку! — как бы говорит г. Лопухин своей докладной запиской. Хорошая для полиции вещь — это «временное» Положение об усиленной охране, которое с 1881-го года стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи. Полиция получает какие угодно права и полномочия «держат в руках обывателей», по меткому выражению записки, которое тем более бросается в глаза, чем чаще спотыкаешься, читая ее, на невероятно тяжелых, неуклюжих, канцелярских оборотах речи. Да, полиция благоденствовала при этом «Положении», но его «хорошие» свойства разбаловали самое полицию. Это с одной стороны. А с другой стороны, экстренные меры подавления, которые могли казаться экстренными двадцать пять лет тому назад, сделались настолько привычными, что и население приспособилось, если можно так выразиться, к ним. Репрессивное значение экстренных мер ослабело, как ослабевает новая пружина от долгого и неумеренного употребления. Игра не стоит свеч, — говорит директор департамента полиции, г. Лопухин, всем своим докладом, который написан в своеобразно грустном и унылом тоне.

Замечательно отрадное впечатление на социал-демократа производит этот унылый тон, эта деловитая, сухая и тем не менее беспощадная критика полицейского, направленная против основного русского полицейского закона. Миновали красные денечки полицейского благополучия! Миновали шестидесятые годы, когда даже мысли не возникало о существовании революционной партии. Миновали семидесятые годы, когда силы такой, несомненно существовавшей и внушавшей страх, партии ⁸⁹⁾ оказались «достаточными только для отдельных покушений, а не для политического переворота». В те времена, когда «подпольная агитация находила себе опору в отдельных лицах и кружках», новоизобретенная пружина могла еще оказывать некоторое действие. Но до какой степени расхлябана эта пружина теперь, «при современном состоянии общества, когда в России широко развивается и недовольство существующим порядком вещей и сильное оппозиционное движение»! До какой степени нелепы и бессмысленны оказались экстренные меры усиленной охраны, когда пришлось, именно: пришлось применять их тысячами «к рабочим за стачки, имевшие мирный характер и исключительно-экономические побуждения», когда за оружие, небезопасное в политическом отношении, пришлось признавать даже камень!

Бедный Лопухин в отчаянии ставит два восклицательных знака, приглашая г.г. министров посмеяться вместе с ним над тем же бессмыслен-

ными последствиями, к которым привело Положение об усиленной охране. Все оказалось негодным в этом положении с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ и неразрывно связалось с классовым движением рабочих масс, — все, начиная от требования прописки паспортов и кончая военными судами. Даже «институт дворников», всеспасающий, всеблагий институт дворников подвергается уничтожающей критике полицей-министра, обвиняющей этот институт в ослабляющем влиянии на предупредительную деятельность полиции.

Поистине, полное банкротство полицейского порядка!

И это банкротство подтверждается, помимо заявлений столь высоко-компетентного лица, как почтеннейший г. Лопухин, всем ходом развития царской политики. Когда не было действительно народного революционного движения, когда политическая борьба не связывалась еще в одно целое с классовой борьбой, тогда годились одни полицейские меры против лиц и кружков. Против классов эти меры оказались до смешного бессильны, их избыток стал превращаться в помеху полицейской работе. Грозные некогда параграфы Положения об усиленной охране оказались мизерными, мелкими, кляузными придирами, которые гораздо более разжигают недовольство непринявших к числу революционеров «обывателей», чем задевают серьезно революционеров. Против народной революции, против классовой борьбы нельзя опираться на полицию, надо опираться тоже на народ, тоже на классы. Такова мораль записки г. Лопухина. И такова же мораль, к которой на практике приходит самодержавное правительство. Ослабели пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную, расовую вражду, надо организовать «черные сотни» из наименее развитых слоев городской (а затем, разумеется, и сельской) мелкой буржуазии, надо пытаться сплотить на защиту трона все реакционные элементы в самом населении, надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народа.

Именно так поступает теперь правительство, натравливая татар на армян в Баку⁹⁰⁾, пытаясь вызвать новые еврейские погромы, организуя черные сотни против земцев, студентов и крамольных гимназистов, взывая к верноподданным дворянам и к консервативным элементам крестьянства. Что же! Мы, социал-демократы, не удивимся этой тактике самодержавия и не испугаемся ее. Мы знаем, что на разжигании расовой вражды правительство уже не выедет теперь, когда рабочие стали организовать вооруженный отпор погромщикам; опираясь же на эксплуататорские слои мелкой буржуазии, правительство восстановит против себя еще более широкие действительно пролетарские массы.

Мы никогда не ждали и не ждем политических и социальных переворотов от «убеждения» власть имущих или от перехода образованных людей на сторону «добродетели». Мы всегда учили и учим, что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований. Признавая полный крах полицейского крохоборства и переходя к прямой организации гражданской войны, правительство доказывает этим, что последний расчет приближается. Тем лучше. Оно начинает гражданскую войну. Тем лучше. Мы тоже стоим за гражданскую войну. Уж если где мы чувствуем себя особенно надежно, так именно на этом поприще, в войне громадной массы угнетенного и бесправного, трудящегося и содержащего все общество многомиллионного люда против кучки привилегированных тунеядцев. Конечно, разжигая расовую вражду и племенную ненависть, правительство может на время задержать развитие классовой борьбы, но только на короткое время и притом ценой еще большего расширения поля новой борьбы, ценою еще большего озлобления народа против самодержавия. Доказательство: последствия бакинского погрома, который удесятерил революционное настроение всех слоев против царизма. Правительство думало запугать народ видом крови и массою жертв уличных схваток, — на самом деле оно отучает народ от страха перед пролитием крови, перед прямым вооруженным столкновением. На самом деле оно выступает в нашу пользу с такой широкой и такой внушительной агитацией, о какой мы и не мечтали. *Vive le son du canon!* скажем мы словами французской революционной песни — «Да здравствует гром пушек!» да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!

Февраль 1905 г.

Март.

Пролетариат и крестьянство.

Начинаются крестьянские восстания. Из различных губерний приходят известия о нападениях крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота. Царское войско, наголову разбитое японцами в Манчжурии, берет реванш над безоружным народом, предпринимая экспедиции против внутреннего врага — против деревенской бедноты. Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве. Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии, к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях, при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов.

Социал-демократия неоднократно указывала уже, что крестьянское движение ставит перед нею двоякую задачу. Мы должны безусловно поддерживать и толкать его вперед, поскольку оно является революционно-демократическим движением. Мы должны вместе с тем неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства; призывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим.

Эта двоякая задача социал-демократии подчеркивалась не раз в старой «Искре», начиная с № 3, т.-е. еще ранее первого крестьянского движения 1902 года; она выражена и в нашей партийной программе; она повторена была и в нашей газете (№ 3). Теперь, когда особенно важно выяснить эту задачу в ее практической постановке,

интересно привести замечания Карла Каутского, поместившего в немецком соц.-дем. журнале «Die Neue Zeit» статью «Крестьяне и революция в России». Как социал-демократ, Каутский неуклонно отстаивает ту истину, что пред нашей революцией стоит теперь задача не социалистического переворота, а устранения политических препятствий с пути развития существующего, т.-е. капиталистического, способа производства. И Каутский продолжает: «Революционное городское движение должно оставаться нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянином и помещиком. Оно не имеет никаких оснований становиться между крестьянами и помещиком, выступать на защиту последнего против первых; его сочувствие всецело на стороне крестьянства. Но задачей революционного городского движения вовсе не является также натравливание крестьян на помещиков, которые в современной России играют совсем не ту роль, какую играло хотя бы французское феодальное дворянство времен «старого порядка». Впрочем, городские революционеры, даже если бы они и захотели, могли бы оказать весьма немного влияния на отношения между помещиками и крестьянами. Эти отношения помещики и крестьяне определяют уже сами между собой». Чтобы правильно понять эти замечания Каутского, которые, будучи вырваны из связи, могли бы вызвать немало недоразумений, надо непременно иметь в виду также следующее замечание его в конце статьи. «Победоносная революция, — говорит он там, — не встретила бы, наверное, особых затруднений в том, чтобы употребить крупные латифундии злейших врагов революции на улучшение пролетарских и крестьянских условий жизни».

Читатель, который внимательно сопоставит все эти утверждения Каутского, легко увидит в них именно ту социал-демократическую постановку вопроса, которую мы сейчас обрисовали. Отдельные неточности и неопределенности в выражениях Каутского могут быть объяснены беглостью его замечаний и недостаточным знакомством с аграрной программой русской социал-демократии. Суть дела в том, что отношение революционного пролетариата к тяжбе между крестьянами и помещиками не может быть во всех случаях и при всех условиях одинаковым при различных перипетиях русской революции. При одних условиях, при известных конъюнктурах это отношение должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки, и не только поддержки, но и «натравливания». При других условиях это отношение может и должно быть нейтральным. Каутский, судя по его приведенным замечаниям, верно схватил эту двоякую сторону нашей задачи, — в отличие не только от наших «социалистов-революционеров», целиком погрязших в вульгарных иллюзиях революционной демократии, но и от многих социал-демократов, которые, подобно Ряза-

нову или Иксу⁹¹), отыскивали «простое», для всех комбинаций одинаковое решение задачи. Основная ошибка таких социал-демократов (и всех соц.-рев.) состоит в том, что они не выдерживают классовой точки зрения и, отыскивая одинаковое для всяких комбинаций решение задачи, забывают о двойственной природе зажиточного и среднего крестьянства. В своих расчетах они оперируют, в сущности, с двумя только классами: либо с помещиками и «крестьянско-рабочим классом», либо с собственниками и пролетариями. На деле же перед нами три различных, по своим ближайшим и конечным целям, класса: помещики, зажиточное и частью среднее крестьянство и, наконец, пролетариат. На деле задача пролетариата, при таком положении вещей, не может не быть двусторонней, и вся трудность социал-демократической аграрной программы и аграрной тактики в России состоит в определении, возможно более ясном и точном, того, при каких условиях обязателен для пролетариата нейтралитет и при каких поддержка и «натравливание».

Решение этой задачи может быть только одно: вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии, такова «линия» сельского пролетария и его идеолога — социал-демократа. Другими словами: поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой-угодно «священной» барской «собственности», поскольку это крестьянство выступает революционно-демократическим. Относиться недоверчиво к крестьянству, организоваться отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, поскольку это крестьянство выступает реакционным или противопололетарским. Еще иначе: содействие крестьянину, когда борьба его с помещиком приносит пользу развитию и укреплению демократии; нейтралитет по отношению к крестьянину, когда борьба его с помещиком является исключительно сведением безразличных для пролетариата и для демократии счетов между двумя фракциями землевладельческого класса.

Разумеется, такой ответ не удовлетворит людей, которые подходят к крестьянскому вопросу без продуманных теоретических воззрений, которые гонятся за ходким и эффектным «революционным» (на словах) лозунгом, которые не понимают громадной и серьезной опасности революционного авантюризма именно в области крестьянского вопроса. По отношению к таким людям, — а их сейчас уже немало среди нас, к числу их принадлежат соц.-революц., и развитие революции вместе с крестьянским движением ручается за увеличение их рядов, — по отношению к таким людям социал-демократы должны непреклонно отстаивать точку зрения классовой борьбы против всякой революционной рас-

плавчатости, трезвый учет разнородных элементов крестьянства против революционной фразы. Говоря практически и конкретно, можно подойти всего ближе к истине таким утверждением: все противники социал-демократии в аграрном вопросе не считаются с тем фактом, что у нас в собственно Европейской России есть целый слой ($1\frac{1}{2}$ — 2 миллиона дворов из всего числа около 10 миллионов дворов) зажиточных крестьян. В руках этого слоя не меньше половины всех орудий производства и всей собственности, которой располагает крестьянство. Этот слой не может существовать без найма батраков и поденщиков. Этот слой, несомненно, враждебен крепостничеству, помещикам, чиновничеству, он способен стать демократом, но еще более несомненна его враждебность по отношению к сельскому пролетариату. Всякая попытка затушевать, обойти эту классовую враждебность в аграрной программе и тактике есть сознательное или бессознательное оставление социалистической точки зрения.

Между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией находится слой среднего крестьянства, в положении которого есть черты и того и другого из двух антиподов. Общие черты в положении всех этих слоев, всего крестьянства в целом делают, несомненно, демократическим и все его движение как бы велики ни были те или иные проявления несознательности и реакционности. Наша задача — никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата. Наша задача — уяснение себе и народу действительного демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к «земле и воле». Наша задача поэтому — самая энергичная поддержка и подталкивание вперед этого стремления, на-ряду с подготовкой элементов социалистической борьбы и в деревне.

Чтобы точно определить отношение социал-демократической рабочей партии на практике к крестьянскому движению, третий съезд нашей партии должен принять резолюцию о поддержке крестьянского движения. Вот проект такой резолюции, которая формулирует вышеизложенные и неоднократно развивавшиеся в социал-демократической литературе взгляды и которая должна быть обсуждена теперь возможно более широким кругом партийных работников:

«Росс. С.-Д. Р. Партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Росс. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства и не останавливаясь в этих целях перед экспро-

приацией помещичьей земли. При этом Росс. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснять ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснять ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

«Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Росс. С.-Д. Р. П. выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Росс. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией».

*«Вперед», № 11
от 10 марта 1905 г.*

О нашей аграрной программе.

(Письмо III съезду.)

Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе. Основной принцип этой программы, конечно, не может вызвать разногласий и споров. Партия пролетариата должна поддерживать движение крестьянства. Она никогда не станет защищать современное помещичье землевладение от революционного натиска крестьян, но на-ряду с этим она всегда будет стремиться к развитию классовой борьбы в деревне и к внесению сознательности в эту борьбу. Эти принципы, мне кажется, разделяются всеми социал-демократами. Разногласие начинается лишь тогда, когда эти принципы приходится прилагать к действительности, когда их приходится формулировать в программе применительно к задачам момента.

Действительность лучше всего разрешает всевозможные теоретические разногласия, и я уверен, что быстрый ход революционных событий устранил и эти разногласия по аграрному вопросу среди социал-демократий. **Вряд ли станет отрицать кто-нибудь, что не наше дело проекти-**

ствовать насчет всевозможных земельных реформ, что мы должны укреплять связи с пролетариатом, поддерживать крестьянское движение, не упуская при этом из виду собственнические тенденции крестьянина-хозяина, тенденции, враждебность которых пролетариату тем скорее и резче будет проявляться, чем быстрее пойдет вперед революция.

Но с другой стороны ясно, что переживаемый революционный момент требует вполне определенного конкретного лозунга. Таким лозунгом должно стать образование революционных крестьянских комитетов, и наша партийная аграрная программа очень правильно выдвинула его. В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. Этого, конечно, никто не станет отрицать. Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении вместо того, чтобы подойти к этому туманному стремлению крестьянства с классовым анализом. Социал-демократы, на основании такого анализа, утверждают, что все крестьянство вряд ли может солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и «хозяйственных мужичков». Социал-демократы, конечно, ничего не могут иметь против того, чтобы восставший мужик «добил до конца помещика», отнял у него всю землю, но они не могут вдаваться в авантюризм в пролетарской программе, не могут заслонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами таких перестроек землевладения (хотя бы и демократических перестроек), которые окажутся лишь передвижением классов или разрядов собственников.

До сих пор у нас в программе было выдвинуто требование возвращения отрезков ⁹²⁾, а в разных комментариях к программе указывалось, что отрезки вовсе не загородка, а «дверь, чтобы идти дальше», что пролетариат охотно поддержит крестьянство на этом дальнейшем пути, но непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянином-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки. Теперь, перед лицом революционных событий, невольно возникает вопрос: не целесообразнее ли перенести такое положение нашей тактики из комментариев в самую программу? Ведь как-никак программа

является официальным общепартийным выражением взглядов социал-демократии, а всякий комментарий по необходимости представляется более или менее личным воззрением того или другого социал-демократа. Не разумнее ли поэтому внести в программу более общее положение нашей политики по этому вопросу, а в комментариях развивать частные мероприятия, отдельные требования, вроде, например, отрезков?

Чтобы конкретнее выяснить мою мысль, я приведу здесь ту формулировку, которую приняло бы соответствующее место в нашей программе (Р. С.-Д. Р. П. требует прежде всего)... «4) учреждения революционных крестьянских комитетов для устранения всех остатков крепостничества, для демократического преобразования всех вообще деревенских отношений и для принятия революционных мер к улучшению положения крестьянства, не останавливающихся перед отнятием земли у помещиков. Социал-демократия будет поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических предприятиях, отстаивая самостоятельные интересы и самостоятельную организацию сельского пролетариата».

В предлагаемой формулировке в программу внесено то, что до сих пор обыкновенно развивалось в комментариях, «отрезки» же из программы переносятся в комментарии. Такое изменение имеет то преимущество, что в программе яснее указывается особенность пролетарской позиции, а ясность в таком важном вопросе перевешивает все редакционные неудобства (таким неудобством является включение в программу вместо определенного требования — разъяснения, обыкновенно относимого в комментарий. Надо заметить, впрочем, что в нашей программе уже имеются такие разъяснения: ср., например, пункт о борьбе с реформами, связанными с упрочением полицейско-чиновничьей опеки). Преимуществом является также и то, что программа раз навсегда устраняет нелепую мысль, будто социал-демократия говорит крестьянину, что дальше отрезков он не может и не должен идти. Мысль эту необходимо устранить ясной формулировкой программы, а не ограничиваться разъяснением ее в комментариях. Недостатком предлагаемой мною формулировки может показаться то, что в ней не указывается никаких определенных способов экспроприации земли. Но есть ли это, собственно говоря, недостаток?

Социал-демократы, писавшие по аграрному вопросу, неоднократно показывали, насколько неуместно нам пускаться на этот счет в прожектерство, ибо самая главная мера земельной реформы — национализация земли — в п о л и ц е й с к о м г о с у д а р с т в е по необходимости будет извращена и послужит для затемнения классового характера движения. А между тем все другие меры к преобразованию земельных отношений будут при капиталистическом строе лишь приближением к национализа-

ции, лишь частными мерами, лишь некоторыми из возможных мер, т.-е. такими, которыми ограничивать себя социал-демократия вовсе не намерена. В настоящее время социал-демократы против национализации, и даже социалисты-революционеры под влиянием нашей критики стали гораздо осторожнее относиться к этой национализации (сравни проект их программы с их прежним «удальством»).

Но дело в том, что революционное движение ведет нас к демократической республике, представляющей одно из наших ближайших требований, на-ряду с уничтожением постоянной армии и т. п.

При демократической же республике, при вооружении народа, при осуществлении других подобных же республиканских мер социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли. Итак, недостаток предлагаемой мною формулировки только кажущийся. В действительности же она дает выдержанный классовый лозунг для данной минуты, — притом лозунг вполне конкретный, — оставляя вместе с тем полный простор для тех «революционно-демократических» шагов, которые могут оказаться необходимыми или желательными, в случае благоприятного развития нашей революции. В настоящее время, а также и далее до полной победы крестьянского восстания, революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм мужаика и помещика; и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство; между тем, всевозможные «национализации», «передачи ренты», «социализации» и т. п. — и в этом как раз их недостаток — игнорируют и затемняют характерный антагонизм.

Предлагаемая мною формулировка вместе с тем расширяет задачу революционных крестьянских комитетов до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений». В нашей программе крестьянские комитеты выдвинуты, как лозунг, при чем совершенно правильно они характеризованы, как крестьянские, т.-е. сословные, ибо сословный гнет может быть уничтожен только всем низшим угнетенным сословием. Но есть ли основание ограничивать задачи этих комитетов одними аграрными реформами? Неужели же для других преобразований, например, административных и т. д., нужно создавать другие комитеты? Ведь вся беда крестьян, как я уже указывал, в полном непонимании политической стороны движения. Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, земли) с учреждением и деятельностью крестьянских комитетов и с полной санкцией этих комитетов революционными партиями (а, при особо благоприятных условиях, временным революционным правительством), тогда можно было бы считать выигранной борьбу

за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочны, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами.

Наконец, говоря о поддержке «революционно-демократических» мероприятий, предлагаемая формулировка ясно проводит грань между обманчивой, якобы социалистической, в н е ш н о с т ь ю таких мер, как захват земли крестьянами, и их действительным демократическим содержанием. Чтобы видеть, насколько важно для социал-демократа проведение такой грани, довольно вспомнить отношение Маркса и Энгельса к аграрному движению, например, в Америке (Маркс в 1848 году о Кригэ ⁹³), Энгельс в 1885 г. о Генри Джордже ⁹⁴). Теперь, конечно, никто не станет о т р и ц а т ь крестьянскую войну из-за земли, погоню за землей (в полукрепостных странах или в колониях). Мы вполне признаем ее законность и прогрессивность, но вместе с тем мы разоблачаем ее демократическое, т.-е. в к о н е ч н о м с ч е т е буржуазно-демократическое содержание, а потому, поддерживая это содержание, мы с своей стороны вносим особые «оговорки», указываем на «самостоятельную» роль п р о л е т а р с к о й демократии, на особые цели социал-демократии, как классовой партии, стремящейся к социалистической революции.

Вот те соображения, вследствие которых я предлагаю товарищам обсудить на предстоящем съезде мое предложение и расширить соответственный пункт программы в указанном мною духе.

*«Вперед», № 12
от 16 марта 1905 г.
за подписью:— «Б».*

Социал-демократия и временное революционное правительство.

I.

Всего пять лет тому назад лозунг «долгой самодержавие!» казался многим представителям социал-демократии преждевременным, непонятным для рабочей массы. Эти представители справедливо были относимы к оппортунистам. Им разъясняли и разъяснили, что они отстают от движения, что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

И вот настало время, когда революционное пламя охватило всю страну, когда в неизбежность ниспровержения самодержавия в ближай-

шем будущем уверовали самые неверующие. А социал-демократии, точно по какой-то иронии истории, приходится еще раз иметь дело с такими же реакционными, оппортунистическими попытками оттащить назад движение, принизить его задачи, затемнить его лозунги. Poleмика с представителями таких попыток становится задачей дня, приобретает (вопреки мнению многих и многих, недолголюбивающих полемики внутри партии) громадное практическое значение. Ведь чем ближе подходим мы к непосредственному осуществлению наших ближайших политических задач, тем больше необходимость совершенно ясно понимать эти задачи, тем вреднее всякие двусмысленности, недомолвки или недомыслия в этом вопросе.

А недомыслия весьма немало среди социал-демократов новоискровского или (что почти то же) рабочедельского лагеря. Долой самодержавие! — с этим все согласны, не только все социал-демократы, но и все демократы, даже все либералы, если верить их теперешним заявлениям. Но что это значит? Как именно должно произойти это низвержение теперешнего правительства? Кто должен созвать то учредительное собрание, которое теперь готовы выставить — с признанием всеобщего и т. д. избирательного права — своим лозунгом и освобожденцы (см. № 67 «Освоб.»)? В чем именно должно состоять действительное обеспечение свободных и выражающих интересы всего народа выборов в такое собрание?

Кто не дает себе ясного и точного ответа на эти вопросы, тот не понимает лозунга: долой самодержавие! А эти вопросы неизбежно приводят нас к вопросу о временном революционном правительстве; не трудно понять, что при самодержавии действительно свободные всенародные выборы в учредительное собрание с полным обеспечением действительно всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов не только не вероятны, но прямо невозможны. И если мы не зря выдвигаем практическое требование немедленного низвержения самодержавного правительства, то мы должны же выяснить себе, как и кем и как другим правительством хотим мы заменить правительство низвергаемое, или иначе сказать: как мы смотрим на отношение социал-демократии к временному революционному правительству?

По этому вопросу оппортунисты современной социал-демократии, т.-е. новоискровцы, так же усиленно тащат партию назад, как пять лет назад рабочедельцы по вопросу о политической борьбе вообще. Их реакционные взгляды по этому пункту всего цельнее развиты в брошюре Мартынова «Две диктатуры», которую специальной заметкой одобрила и рекомендовала «Искра» (№ 84) и на которую мы не раз уже обращали внимание наших читателей.

В самом начале своей брошюры Мартынов пугает нас такой страшной перспективой: «если бы крепкая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чем мечтал Ленин, то не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?»

Это невероятно, но это факт. Будущий историк русской социал-демократии с удивлением должен будет констатировать, что в самом начале русской революции жирондисты ⁹⁵⁾ социал-демократии пугали революционный пролетариат подобной перспективой! Все содержание брошюры Мартынова (и целого ряда статей и отдельных мест в статьях новой «Искры») сводится к размалевыванию «ужасов» этой перспективы. Идейному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма ⁹⁶⁾, ткачевизма ⁹⁷⁾ и прочих страшных измов, которыми так охотно пугают политических младенцев разные революционные нянюшки. И, разумеется, не обходится при этом без «цитат» из Маркса и Энгельса. Бедные Маркс и Энгельс, как только ни злоупотребляли цитатами из их произведений! Вы помните: на ту истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», ссылались для оправдания узости и отсталости наших политических задач и способов политической агитации и борьбы? Теперь лжесвидетелем в пользу хвостизма выводится Энгельс. Он писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Достаточно внимательно прочесть это начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист. Энгельс говорит о власти, обеспечивающей господство класса. Неужели это не ясно? По отношению к пролетариату это, следовательно, власть, обеспечивающая господство пролетариата, т.-е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не понимает этого, смешивая временно: революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса. А между тем, из продолжения цитаты Энгельса мысль его становится еще более ясной. Вождь крайней партии, — говорит он, — должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться

от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно».

Подчеркнутые места ясно показывают, что Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота. Для наглядности попробуем разжевать это нашему глубокомысленному Мартынову на простом примере. Когда народовольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 99 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Не начинаете ли вы понимать кое-что, почтеннейший Мартынов? Когда социалисты-революционеры изображают неизбежно предстоящие России аграрные преобразования, как «социализацию», как «передачу земли народу», как начало «уравнительного пользования», они ставят себя в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо на деле как раз те преобразования, которых они добиваются, обеспечат господство другого класса, крестьянской буржуазии, так что их фразы, обещания и уверения будут тем скорее опровергнуты действительностью, чем быстрее пойдет развитие революции. Вы все еще не понимаете, в чем дело, почтеннейший Мартынов? Вы все еще не понимаете, что суть мысли Энгельса состоит в указании на губительность непонимания действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народо-вольцам и «социалистам-революционерам»?

II.

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата не пролетарского характера переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой и тактикой (т.-е. всей пропагандой и агитацией) и организацией от революционной демократии, играли руководящую роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении вождем мнимо-социалистического и реально-демократического содержания переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя

сознательную диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Мартынов никак не в силах понять, что такая гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а напротив есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге.

Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пьются от ложащейся на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пьются от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая, таким образом, хотя бы и бессознательно, интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию б у д у щ е г о, Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию н а с т о я щ е й революции. К этому сводится его политическая мудрость. Вот его рассуждение, над которым мы очень рекомендовали бы читателю подумать:

«Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции. Это — то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма». . . (Мартынов, с. 58), — и которое, добавим мы от себя, неоспоримо доказывает неспособность почтенного Мартынова понимать, что к чему. Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому перевороту, с участием пролетариата в демократической революции, значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана ⁹⁸⁾ в министерстве убийцы Галифэ ⁹⁹⁾ с участием Варлэна ¹⁰⁰⁾ в Коммуне, отстаивавшей и отстаивавшей республику.

Но слушайте дальше, чтобы видеть, как путается наш автор. «... Но если так, то очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм против воли всей (курсив Мартынова) буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»... Во-первых, почему здесь говорится только о политических формах, тогда как в предыдущей фразе речь шла о власти пролетариата вообще, вплоть до социалистической революции? почему автор не говорит о реализации экономических форм? Потому, что он незаметно для самого себя перескочил уже с социалистического переворота на демократический. Если же так (это, во-вторых), то совершенно ошибочно автор говорит *tout court* (просто-напросто) о «воле всей буржуазии», потому что эпоха демократического переворота отличается как раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма. Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением «пролетариата» и «буржуазии» есть чистая несообразность, ибо э т о т переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелко-буржуазный, крестьянский слой. У этого гигантского слоя, именно потому, что демократический переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой вещи один из главных источников Мартыновской путаницы.

Дальше: «... Если так то путем простого устрашения большинства буржуазных элементов революционная борьба пролетариата может привести только к одному, — к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде, — и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии на худой конец, если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собою разумеется, имеет в виду не этот худой конец».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае если будет грозить мнимо конституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Мартыновым; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Мартыновым и Мартовым. Ведь это просто сапоги всмятку, почтеннейший!

Мысль, которая мерещилась Мартынову, когда он писал воспроизведенную нами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демокра-

тического переворота пролетариат станет устрашать буржуазию социалистической революцией, то это поведет только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять-таки к тому различию между демократическим и социалистическим переворотом, которое Мартынов забывает, к существованию того гигантского крестьянского и мелко-буржуазного населения, которое демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту не способно.

Послушаем нашего умного Мартынова еще: «... Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции». . . Да, это очевидно, и если бы Мартынов подумал, в чем именно состоит это отличие, то он вряд ли написал бы предшествующую галиматью да и всю свою брошюру.

«... Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом».

Эта тирада — центральный пункт брошюры Мартынова. Тут вся ее соль, все ее основные «идеи». И чем же оказываются эти умные идеи? Посмотрите: что такое эти «низы» общества, этот «народ», о котором наконец вспомнил наш мудрец? Это именно тот многомиллионный мелко-буржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом. А что такое это да в л и е пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вперед вопреки верхам общества? Это и есть та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, против которой ратует наш хвостист! Он боится только додумать до конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет, с смешными и неумными выкрутасами *), лозунги, настоящий смысл которых от него ускользает.

*) Мы уже отмечали нелепость мысли, чтобы пролетариат хотя на худой из худых концов мог толкать буржуазию назад.

Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — до этого мог договориться только Мартынов! Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил с своими новоискровскими вождями не итти вперед по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю всрхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократическо-республиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь в з я т ь н а с е б я вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте, и п о э т о м у умный Мартынов п у г а е т пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания.

Дальше некуда итти в реакционном хвостизме. Мартынову, как святому человеку, надо земно поклониться за то, что он довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их рельефно и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу *).

III.

В чем источник Мартыновской путаницы? В смешении демократического и социалистического переворота, в забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелко-буржуазная масса городской и дсревенской бедноты, «полупролетарии», полухозяйчики), в непонимании истинного значения нашей программы-минимум. Мартынов слышал, что социалисту неприлично участвовать в буржуазном министерстве (когда пролетариат борется за социалистический переворот), и поспешил «понять» это так, что не следует участвовать вместе с революционной буржуазной демократией в революционно-демократическом персвороте и в той диктатуре, которая необходима для полного осуществления такого переворота. Мартынов читал нашу программу-минимум, но не заметил, что строгое выделение в ней

*) Статья была уже набрана, когда мы получили № 93 «Искры», к которому нам еще придется вернуться.

преобразований, осуществимых на почве буржуазного общества, в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только значение, а самое жизненное, практическое; он не заметил, что в революционный период она подлежит немедленной проверке и применению на деле. Мартынов не подумал, что отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносителен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе, требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов? Разве не ясно, что речь идет тут именно не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии», а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота? Эти классы — пролетариат плюс десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелко-буржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна. Но еще более несомненно, что в интересах этой массы лежит полное осуществление демократизма, и что чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление. Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политико-экономической натуре мелко-буржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме пред-рассудков рассудок», толкающий ее вперед, к революционно-демократической диктатуре; он не забудет, что просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции, раскрывающей глаза, дающей политическую школу. При таких условиях теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философическим оправданием политической отсталости.

Революционный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать, — он обязан мечтать, если он не безнадешный филистер, — о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, — благодаря тому, что мы стоим

на плечах целого ряда революционных поколений Европы, — осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

IV.

Филистерам новой «Искры» и ее «властителю дум», нашему доброму начетчику Мартынову, чужды и странны, разумеется, такие мечты. Они боятся полного осуществления нашей программы-минимум путем революционной диктатуры простого и черного народа. Они боятся за свою собственную сознательность, боятся потерять указку по вызубренной (но не продуманной) книжке, боятся оказаться не в состоянии отличить правильные и смелые шаги демократических преобразований от авантюристских прыжков неклассового, народнического социализма или анархизма. Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутине будничной, мелкой работы; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом!»...

Неудивительно, что Парвусу, который так великодушно поддерживал новоискровцев, пока дело шло преимущественно о кооптации старейших и заслуженных, тяжело стало в конце концов в подобном болотном обществе. Неудивительно, что он стал испытывать в нем все чаще *taedium vitae*, тошноту жизни. И он, наконец, взбунтовался. Он не ограничился защитой смертельно перепугавшего новую «Искру» лозунга «организовать революцию», не ограничился воззваниями, которые «Искра» отпечатала отдельными листками, спрятав даже по случаю «якобинских» ужасов упоминание о социал-демократической рабочей

партии *). Нет. Освободившись от кошмара премудрой Аксельродовской (или Люксембурговской?) теории организации-процесса, Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «Сизифову работу» бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа, тем неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взятые Парвусом. И не из придирчивости отмечаем мы эти маленькие неверности, а потому, что кому много дано, с того много и спросится. Всего опаснее было бы теперь, если бы верная позиция Парвуса была скомпрометирована его собственной неосмотрительностью. Именно к числу по меньшей мере неосмотрительных фраз в разбираемом предисловии Парвуса к брошюре Троцкого относятся следующие: «Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения» (это верно), «быть революционнее всех». Это неверно. То-есть, это неверно, если взять это положение в том общем смысле, который придан ему фразой Парвуса, это неверно с точки зрения читателя, который берет это предисловие, как нечто самодовлеющее, независимо от Мартынова и новоискровцев, не упоминаемых Парвусом. Если взглянуть на это положение диалектически, т.-е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много лет спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл, — тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против хвостизма и, п о с т о л ь к у, это справедливо (сравни особенно последующие слова Парвуса: «если мы о т с т а н е м от революционного развития» и т. д.). Но читатель не может же иметь в виду одних хвостистов, и среди опас-

*) Не знаю, заметили ли наши читатели характерный факт: среди кучи хлама, издаваемого новой «Искрой» в виде листков, были хорошие листки, подписанные Парвусом. Редакция «Искры» отвернулась именно от этих листков, не пожелав упомянуть ни о нашей партии, ни о своем издательстве.

ных друзей революции из лагеря революционеров кроме хвостистов есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революционеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные перед революционной фразой, как Надеждины¹⁰¹), или такие, у которых инстинкт заменяет революционное миросозерцание (вроде Гапона). О них позабыл Парвус, и позабыл потому, что его изложение, развитие его мысли шло не свободно, а связанное приятным воспоминанием о той Мартыновщине, от которой он старается предостеречь читателя. Изложение Парвуса недостаточно конкретно, ибо он не считается со всей той совокупностью различных, имеющих в России, революционных течений, которые неизбежны в эпоху демократического переворота и естественно отражают классовую нерасчлененность общества в такую эпоху. Неясные, иногда даже реакционные социалистические мысли совершенно естественно облачают в такое время революционно-демократические программы, прячась за революционную фразу (вспомните социалистов-революционеров и Надеждина, который, кажется, изменил только звание, перешедши от «революционеров-социалистов» в новой «Искре»). А при подобных условиях мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционность оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падкого на ходкие и дешевые (особенно в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции.

Точно так же неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого не может быть, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелко-буржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической дикта-

туры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789 — 1793, а не 1848 — 1850-е годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, — это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожakov не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота.

И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм.

*«Вперед», № 13
от 23 марта и № 14
от 30 марта 1905 г.*

Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления.

В двух фельетонах (№№ 13 и 14) мы разобрали рассуждения Мартынова, впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (см. особенно № 93 «Искры»), так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недо-молвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы учредительное собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полную свободу на время выборов. И вот спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве? Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 января, при чем он, а вслед за ним и «Искра» решили этот вопрос отрицательно. Мартынов старался довести до абсурда взгляды революционных социал-демократов, п у г а я их тем, что, в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии, нам п р и д е т с я участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный, для классовой социал-демократической партии, «вульгарный жоресизм».

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках власть; а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т.-е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на таком предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов, — борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия

действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала, однако, всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократов, в таком положении, взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз и боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навяжет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как раз в эту сторону наши силы, силы политически-активного пролетариата. Именно ход вещей неизбежно навяжет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелко-буржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией запрещено резолюцией Амстердамского конгресса ¹⁰²⁾, это есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостня буржуазии, развращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их; — зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати; — усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной

демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило; — что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью, под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожakov, — что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого он так и не избавился, а пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно такие революционные социал-демократы, как впередовцы или Парвус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских, как небо от земли. Объективно исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т.е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немыслимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новоискровцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немыслима для пролетариата без союза его с мелко-буржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из виду условия революционного времени. Борьбаться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры, это все равно, как если бы Ойяма¹⁰⁸⁾ решил бороться с Куропаткиным под Мукденом¹⁰⁴⁾, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить

неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум.) Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец, за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (например, для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно ~~свергнуто~~, тогда, очевидно, потребуются гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоеваем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить точно аршином «по Иловайскому» скромненький кусочек будущих завоеваний, — которые до падения самодержавия, даже еще до 9-го января вздумали стращать рабочий класс России пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов. . .

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией, — плачутся они, — да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и нищеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия смотрит на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха ¹⁰⁸⁾ спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта ¹⁰⁹⁾, он отвечал: я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему. Вот точно так же и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боя-

лась и никогда не побойтся сказать, что освящает республикански-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может быть такой формы борьбы, такого политического положения, которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного мирозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам-новоисковцам) царя в голове, — тогда опасно и участие в стачках — может повести к экономизму, — и участие в парламентской борьбе — может кончиться парламентским кретинизмом, — и поддержка земской либеральной демократии — может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Оляра¹⁰⁷⁾ — может привести к брошюре Мартынова о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не во-время невыгодный для нас союз с той или иной незаслуживающей доверия интеллигентской мелко-буржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и конъюнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации, — тогда участие во временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед», — сошлемся на Парвуса. Выказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь итти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом, и т. д. Мы не оста-

навливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новоискровцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, например, новейшую попытку «Искры» провести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим Учредительным Собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, — чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад, к бесплодным словесным спорам, от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство! она назидательно замечает: «сочетание слов «да здравствует» и «правительство» сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветство-

вать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционное демократическое правительство нельзя?

Картина: Петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискрывцы и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов. . .

Нет и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный пролетариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления, — то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

*«Вперед», № 14
от 30 марта 1905 г.*

Апрель.

Маркс об американском «черном переделе».

В № 12 «Вперед» было упомянуто выступление Маркса по аграрному вопросу против Кригэ. Это было не в 1848 году, как ошибочно сказано в статье тов. — Ъ, а в 1846 году. Сотрудник Маркса, Герман Кригэ, бывший тогда еще очень молодым человеком, переселился в 1845 году в Америку и основал там журнал «Volkstribun» («Народный Трибун») для пропаганды коммунизма. Однако, он повел эту пропаганду так, что Маркс вынужден был от имени немецких коммунистов решительно встать против компрометирования коммунистической партии Германом Кригэ. Критика направления Кригэ, напечатанная в 1846 году в «Westfälisches Dampfboot» и перепечатанная во втором томе Меринговского ¹⁰⁸⁾ издания сочинений Маркса, представляет для современных русских социал-демократов громадный интерес.

Дело в том, что аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из первых мест самым ходом американского социального движения, как теперь в России, при чем речь шла как раз не о развитом капиталистическом обществе, а о создании первоначальных, основных условий для настоящего развития капитализма. Это последнее обстоятельство особенно важно для параллели между отношением Маркса к американским идеям «черного передела» и отношением русских социал-демократов к современному крестьянскому движению.

Кригэ в своем журнале не давал никакого материала для изучения конкретных социальных особенностей американского строя, для выяснения истинного характера тогдашнего движения аграрных реформаторов, стремившихся к уничтожению ренты. Зато Кригэ (совсем как наши «социалисты-революционеры») облекал вопрос об аграрной революции в пышные, широковещательные фразы. «Каждый бедняк, — писал Кригэ, — тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы. Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество

даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (именно 1.400 миллионов акров северо-американских государственных земель) будет изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах обеспечена труду *), тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец».

Маркс возражает на это: «Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Кригэ патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство».

Итак, перед нами настоящий план американского черного передела: изъятие массы земли из торгового оборота, право на землю, ограничение пределов землевладения или землепользования. И Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т.-е. на неизбежность развития капитализма, если говорить современным языком. Но было бы большой ошибкой думать, что утопические мечты участников движения заставляют Маркса отрицательно отнестись к самому движению вообще. Ничего подобного. Еще тогда, в самом начале своего литературного поприща, Маркс умел выделять реальное прогрессивное содержание движения от его мишурных идеологических облачений. Во втором отделе своей критики, озаглавленном: «Экономия (т.-е. политическая экономия) «Народного Трибуна», и его отношение к молодой Америке», Маркс писал:

«Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Кригэ, примкнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (*Anti-Rent-Bewegung*), облакает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения. Он доказывает этим, что ему совершенно неясна связь между молодой Америкой и американскими общественными условиями. Приведем еще пример его напыщенных фраз

*) Вспомните, что писала „Рев. Россия“, начиная с № 8, о перетекании земли от капитала к труду, о значении государственных земель в России, об уравнительном землепользовании, о буржуазной идее вовлечения земли в торговый оборот и пр. Совсем как Кригэ!

• плане аграриев парцеллировать землевладение в американском масштабе.

В № 10 «Народного Трибуна», в статье «Чего мы хотим» говорится: «Американские национал-реформисты называют землю общим достоянием всех людей... и требуют принятия народным законодательством таких мер, чтобы 1.400 миллионов акров земли, не попавшие еще в руки грабителей-спекулянтов, были сохранены, как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». И вот, чтобы сохранить для всего человечества это неотчуждаемое и общее достояние, он принимает план национал-реформистов: «предоставить каждому крестьянину, из какой бы страны родом он ни был, 160 акров американской земли для его прокормления». В № 14 в статье «Ответ Конзу» (Konze) этот план излагается так: «Из этого нетронутого еще народного достояния никто не должен получить во владение больше 160 акров, да и это количество лишь при том условии, чтобы он сам их обрабатывал». Итак, в целях сохранения земли «неотчуждаемым общим достоянием» и притом «всего человечества» следует немедленно начать с того, что поделить эту землю. Кригэ воображает, что он в силах запретить каким-нибудь законом необходимые последствия этого передела: концентрацию, промышленный прогресс и т. д. 160 акров земли представляются ему, как нечто само себе равное, как будто бы стоимость такой земельной площади не была различна, смотря по ее качеству. «Крестьяне» будут обмениваться между собой и с другими людьми, если не самой землей, то продуктами ее. А раз дойдет до этого, то скоро окажется, что один «крестьянин» и без капитала благодаря своему труду и большей природной плодородности своих 160 акров доведет другого до положения своего батрака. А затем, разве не все равно, земля ли или продукты земли «попадут в руки грабителей-спекулянтов»? Рассмотрим серьезно этот подарок, который Кригэ делает человечеству. 1.400 миллионов акров должны быть сохранены как неотчуждаемое общее достояние всего человечества. При этом каждому крестьянину должно достаться по 160 акров. Мы можем, следовательно, сосчитать, как велико Кригэвское «человечество»: ровно $8\frac{3}{4}$ миллионов «крестьян» или, считая по 5 голов на семью, 43 миллиона человек. Мы можем равным образом сосчитать, как долго продолжатся эти «вечные времена», на которые должен «овладеть» всей землей пролетариат в качестве представителя «человечества», по крайней мере, в Соединенных Штатах. Если население Соед. Штатов будет удваиваться так же быстро, как до сих пор, т.-е. каждые 25 лет, тогда эти «вечные времена» продлятся неполных 40 лет. В 40 лет будут заняты эти 1.400 миллионов акров, и последующим поколениям нечем будет и овладевать. Но так как даровая раздача земли чрезвычайно усилит эмиграцию, то Кригэвские «вечные времена» могут окончиться еще раньше,

особенно если принять во внимание, что количество земли на 44 миллиона человек не хватит даже для теперешнего европейского пауперизма, как отводный канал его. В Европе всякий десятый человек паупер: одни британские острова насчитывают их 7 миллионов. Подобную же политико-экономическую наивность встречаем в № 13 в статье «К женщинам», где Кригэ говорит, что если бы город Нью-Йорк отдал свои 52.000 акров земли на Лонг-Айленд, то этого было бы достаточно, чтобы «сразу» освободить Нью-Йорк навсегда от всякого пауперизма, нищеты и преступлений.

«Если бы Кригэ взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, — тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Кригэ же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества вообще. Кригэ выставляет это дело как последнюю, высшую цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу. В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни: «И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление: это моя хижина, которой вы не строили, это мой очаг, наполняющий ваши сердца завистью».

«Криге мог бы добавить: это моя куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих мечтаний? Только не коммунистические рабочие! Разве те обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами? И в чем состоит мечта, осуществляемая при помощи этих 1.400 миллионов акров? Ни в чем другом, как в том, чтобы превратить всех людей в частных собственников. Такая мечта столь же неосуществима и столь же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап».

Критика Маркса полна яда и сарказма. Он бичует Кригэ именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «соц.-

революционеров»: господство фразы, мелко-буржуазные утопии, выставаемые в качестве высшего революционного утопизма, непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития. С замечательной прозорливостью Маркс, тогда представлявший из себя лишь будущего экономиста, указывает на роль обмена, товарного хозяйства. Если не земель, — говорит он, — то продуктами земли крестьяне будут обмениваться, а этим уже все сказано! Вся эта постановка вопроса в очень и очень многом применима к русскому крестьянскому движению и его мелко-буржуазным «социалистическим» идеологам.

Но Маркс далек в то же время от простого «отрицания» этого мелко-буржуазного движения, от доктринерского игнорирования его, от боязни, свойственной многим начетчикам, запачкать себе руки прикосновением к революционной мелко-буржуазной демократии. Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически-трезво определить его действительное историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознания, мечтаний и теорий тех или иных лиц. Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами. Стоя на диалектической точке зрения, т.-е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность. Маркс признает мелко-буржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Кригэ, вы не достигнете,—вместо братства наступит мелко-буржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов — вовлечение земли в торговый оборот, вместо удара грабителям-спекулянтам — расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которого вы тщетно мните избежать, является исторически добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся.

Для нас, русских социал-демократов, постановка вопроса Марксом против Кригэ должна служить образцом. Действительный мелко-буржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разяснять это всеми силами и беспо-

щадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет. Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы. Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреодолимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

*«Вперед», № 15
от 7 апреля 1905 г.*

С больной головы на здоровую.

В № 92 «Искры» помещена статья «Зигзаги твердого курса», стремящаяся доказать, что «Вперед» на самом деле вовсе не держится твердо и неуклонно принципов и линии старой «Искры», а, напротив, зигзагом идет по следам новой «Искры». По существу, это утверждение настолько забавно, что серьезно на нем не стоило бы и останавливаться. Характерно тут не содержание ново-искровской полемики, ибо она именно лишена содержания, а ее приемы. На приемах этих остановиться стоит; разбор их показывает нам, что есть полемика и полемика. За полемику старой «Искры» не любили, но ни один человек и не помышлял никогда о том, чтобы объявить эту полемику непринципиальной. За полемику новую «Искру» презируют, потому что и масса практиков-работников и последовательные рабочедельцы и «примиренцы» с Плехановым во главе видят непринципиальный характер полемики.

Какими приемами оперирует такая полемика, мы и намерены показать читателю.

Пойдем шаг за шагом вслед за «Искрой». «Вперед» толкает партию к расколу, — говорит она. Это неправда. Все, кто изучал партийный кризис не по рассказам, а по документам, знают, что именно меньшинство сейчас же после второго съезда раскололо партию, но тайно, создав тайную организацию. Говоря теперь неправду, «Искра» лицемерит. За явный раскол можно ненавидеть, за тайный нельзя не презирать. «Вперед» не хочет тайного раскола, вот и все.

Далее, нас хотят изобличить в противоречии по вопросу об автономизме и централизме. Ленин-де в «Шагах»¹⁰⁹⁾ уверял, что автономизм есть принцип оппортунизма, а теперь само Бюро К. Б. стоит за возможно широкую автономию местных комитетов. Ленин уверял, что бюрократизм по отношению к демократизму есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов, а Б. К. Б. само говорит о бюрократизме. Таково содержание обвинения против нас. Оно опять построено на прямой неправде. Ленин в «Шагах» (и до «Шагов» в письме в редакцию «Искры») *) десятки и сотни раз оговаривался, заявлял, напоминал и подчеркивал, что фразы против бюрократизма, за автономизм и пр. крайне неопределенны, имеют самый разнообразный, по произволу меняемый смысл. По существу дела, сотни раз говорил Ленин, этими фразами прикрывается исключительно желание кооптации. Эти слова Ленина подтвердились теперь целиком и документальнейшим образом. Если же согласиться брать эти слова принципиально, — говорил Ленин (е с л и согласиться!) — тогда мы увидим следующее. Бюрократизм, вообще взятый, может означать канцелярщину, волокиту, бумажность, отписки. Такой бюрократизм нехорош, говорил Ленин и иллюстрировал свои слова на известном проекте устава Мартова. Для скольконибудь добросовестного читателя ясно, что Б. К. Б. говорит о таком бюрократизме, и обвинение «Вперед» в противоречии оказывается ребячеством. Бюрократизм может значить нарушение законных и, если позволительно так выразиться, «естественных» прав всякой оппозиции, борьбу с меньшинством неправильными средствами. Такой бюрократизм возможен, говорил Ленин, но в нем нет ничего принципиального. Бороться с ним следует, бороться выработкой конституционных гарантий прав меньшинства. Такие гарантии ясно, прямо и открыто предложили впервые твердокаменные или, по-нынешнему, впередовцы в известной декларации 22-х¹¹⁰⁾, которая вышла в августе, 7 месяцев тому назад, не вызвав с тех пор ни малейшей попытки новоискровцев недвусмысленно определить свое отношение к этой декларации.

Но кроме этих пониманий бюрократизма, анти-автономизма и пр. возможно действительно принципиальное понимание их, не как отдель-

*) См. IV том сочинений Н. Л е н и н а, стр. 300—305. Р е д.

ных неправильностей, крайностей и пр., а как общих принципов всей организации. Такое понимание навязывали нам меньшевики, вопреки нашей воле, вопреки нашему сопротивлению. Ленин и в письме в ред. «Искры» и в «Шагах» сотни раз предостерегал против такого понимания, затемняющего конкретный и фактический ход кризиса и раскола. Ленин прямо призывал в письме в ред. «Искры»: бросьте вздор, господа, тут на $\frac{9}{10}$ дрязги! На Ленина обрушились за это, и Ц. О. стал доказывать, что есть принципы. Ну, если так, тогда принцип автономизма есть действительно оппортунистический принцип соц.-дем. организации, отвечал Ленин и ответят всегда впередовцы. Если так, тогда ваши крики против бюрократизма принципиально вполне однородны с криками жоресистов во Франции, бернштейнианцев в Германии, реформистов в Италии ¹¹¹⁾. Вот как обстоит дело; чтобы убедиться в этом, стоит лишь по документам, а не по приятельским уверениям, изучать партийный кризис. Ленин еще на II съезде говорил бундовцу Либеру (смотри протоколы), что против мелочного централизма он будет защищать автономию «какого-нибудь» Тульского комитета *); Ленин ни звуком не возражал против обеспечения этой автономии § 8 нашего партийного устава. Но принципа автономизма никогда не защищал ни Ленин, ни Б. К. Б.; его защищали Акимов ¹¹²⁾, Либер, новоискровцы. Перед несведущим читателем нетрудно, конечно, запутать дело, выхватывая из разных мест сказанные при совершенно разных условиях, имеющие совершенно разный смысл словечки, — но к газетам, которые полемизируют путем таких выхватываний, относятся как к «Новому Времени».

Возьмите брошюру «Рабочего». В чем суть дела, запутываемая «Искрой»? В том, что беспринципные люди нарвались с своими криками о принципе автономизма и т. п., ибо ответом могло быть исключительно требование выборного начала. Тогда нарвавшиеся люди забили отбой. Впередовцы же говорили и говорят: щеголять фразами и «принципами» автономизма, демократизма неприлично, а если нужны серьезные, деловые изменения устава в духе возможного при русских условиях демократизма, то давайте прямо и открыто обсуждать их. «Вперед» сделал вызов «Рабочему»: укажите хоть одно место в соц.-дем. литературе, где бы так же ясно говорилось о необходимости принимать рабочих в комитеты партии, как у Ленина. «Рабочий», сбитый с толку новоискровцами, ответил печатно, что принимает вызов; но оказалось, что он не понимает, что значит принять вызов, ибо никакого другого места он нигде не показал, а только погрозился «задать» Ленину или «расправиться» с ним. Естественно, что «Вперед» не отвечал на эти страшные угрозы.

Возьмите далее вопрос об одном центре. Ленин-де в «Шагах» говорил, что за один центр стояли оппортунисты, а теперь за один центр

*) См. IV том сочинений Н. Ленина, стр. 272. Ред.

Б. К. Б. Опять та же грубая передержка, рассчитанная на несведущего или невнимательного читателя. Кто захочет прочесть «Шаги», тот увидит (на стр. 28-й, заботливо обходимой фельетонистом «Искры»), что Ленин еще задолго до первой статьи большевика против двух центров (статьи Рядового в «Наших Недоразумениях») писал, что идея двух центров «учитывала временные (слушайте!) и особые нужды именно русского соц.-дем. рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей». «Первая идея, — говорится в «Шагах» тотчас же про идею централизма вообще, — как единственно (слушайте!) принципиальная, должна была (по плану старой «Искры») проникать собой весь устав; вторая, как частная, порожаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров» (с. 28). Предоставляем теперь читателю судить о приемах полемики нашего партийного «Нового Времени!» «Искра» просто пытается обмануть читателя, скрыв от него 1) что Ленин давно указывал временное, а не постоянное значение идеи двух центров; 2) что поэтому отстаивание одного центра оппортунистами Ленин никогда не объяснял общими принципами, а исключительно «временными обстоятельствами места и образа действия», такими обстоятельствами, когда фактически стояло и должно было стоять за один центр оппортунистическое крыло партии. Что старая «Искра» была оплотом борьбы с оппортунизмом, это факт. Что на съезде именно оппортунистическое крыло составило меньшинство, это тоже факт. Что же удивительного, что теперь, когда новая «Искра» оказалась оппортунистической, когда Россия проявила больше принципиальной устойчивости и партийной выдержанности, чем заграница, что теперь «временные обстоятельства» изменились? Нас бы теперь несколько не поразило, если бы рабочедельцы, Мартынов, «болото» и новосковцы встали (к примеру скажем, на третьем съезде) за два центра, а все большевики (или почти все) — за один центр. Это было бы только изменением, сообразно «временным обстоятельствам», способов борьбы за те же самые принципы революционной социал-демократии, принципы старой «Искры», за которые Ленин и большевики неуклонно боролись и борются. Усматривать в таком повороте «чудеса» могут только люди нововременского типа. (Мы сказали, что за один центр могут быть почти все большевики. Как это будет на III съезде, мы еще увидим. Среди нас есть разные мнения о значении «временных обстоятельств места и образа действия», и мы все эти мнения сопоставим и «подытожим» на съезде.)

Кажется, приемы полемики новой «Искры» выясняются из предвещенного достаточно, и мы можем быть теперь более краткими. «Искра» говорит, что Б. К. Б. нарушило партийную дисциплину, созывая съезд

вопреки уставу, помимо Совета. Это неправда, ибо Совет гораздо раньше нарушил устав, уклоняясь от съезда. Мы это давно и открыто изложили в печати (Орловский). После того, как меньшевики тайным расколом разорвали партию и обманами уклонились от съезда, нам никакого другого практического выхода из нелепого положения не было, кроме съезда вопреки воле центров. «Искра» говорит, что передовица № 9 «Вперед» — «Новые задачи и новые силы», настаивая на необходимости расширить весьма значительно число разнообразнейших партийных организаций, противоречит идее Ленинского параграфа первого устава, ибо Ленин, защищая свою идею на съезде, говорил о необходимости сузить понятие партии. Это возражение «Искры» можно рекомендовать, как гимназическую задачу логики для обучения молодежи разбираться в полемике. Большевики говорили и говорят, что надо суживать партию до суммы, или комплекса, партийных организаций и затем увеличивать число этих организаций (см. протоколы съезда и «Шаги», стр. 40 и др., особ. 40—41 и 46). Новая «Искра» смешивает расширение ра м о к партии с расширением п о н я т и я партии, расширение ч и с л а партийных организаций с расширением партии з а п р е д е л ы партийных организаций! Чтобы пояснить эту головоломнейшую штуку, приведем примерчик не из мудреных: допустим для простоты, что вся армия состоит исключительно из людей одного рода оружия; состав армии надо сузить до суммы лиц, действительно, по проверке, умеющих стрелять, не позволяя отделяваться фразами и уверениями в своей военной годности; затем надо всячески стараться расширить число людей, способных выдержать проверку в умение стрелять. Не начинаете ли вы теперь понимать немножечко, в чем дело, господа новоискровцы?

«Искра» пишет, изобличая «Вперед»: «Раньше требовались только выдержанные социал-демократы, которые должны быть признаны, как таковые, теперь в святая святых допускаются все элементы, кроме сознательно несоциал-демократических». Возьмите № 9 «Вперед» и читайте: «Пусть все... кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо п р и м ы к а ю т к п а р т и и (курсив автора). В последнем случае нельзя требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами» *). Неужели не ясно, что «Искра» совершает прямую передержку, смешивая то, что «раньше требовалось» для включения в партию, с тем, что «теперь допускается» для группы, примыкающей к партии? Большевики и раньше говорили и теперь во «Вперед» говорят, что самозачисление в партию есть интеллигентский анархизм, что члены партии должны при-

*) См. выше стр. 100 этого тома. Р е д.

знавать не на словах только «обязательные организационные отношения». Не понять этого может только тот, кто задается целью внесения путаницы. Лозунг «Вперед» был: для новых задач организуйте новые силы в партийные организации или, по крайней мере, в организации, при-
мыкающие к партии. Лозунг «Искры» — «шире двери». Одни говорят: берите новых стрелков в свои полки, организуйте учащихся стрелять в подсобные отряды. Другие говорят: шире двери! пусть зачисляет сам себя в армию, кто как пожелает!

По вопросу об организации революции и организации вооружения «Искра» хочет уверить теперь, что у нее со «Вперед» нет разногласий. Мы спросим прежде всего: а как же Парвус? Если злодейский «Вперед» придумал разногласия, тогда почему вы не объяснитесь на чистоту с новоискровцем Парвусом, которого нельзя заподозрить в придиричivosti к «Искре»? Ведь мы же сами первые должны были признать ваше несогласие с Парвусом? К чему же эта игра в прятки? По существу дела, новая «Искра» возражает тут «Вперед» совершенно так же, как «Рабочее Дело» возражало старой «Искре». Нельзя достаточно рекомендовать товарищам, интересующимся историей с о е й партии, перечитывать «Раб. Дело», особенно № 10. «Раб. Делу» показывали, что оно при-
нижает задачи политической борьбы. Оно возражало: а «Искра» недостаточно оценивает экономическую борьбу. Новой «Искре» показывают, что она принижает задачи организовать революцию, проводить восста-
ние, вооружать рабочих, задачи участия социал-демократии во времен-
ном революционном правительстве. Новая «Искра» возражает: а «Впе-
ред» недостаточно оценивает стихийность революции и восстания, пре-
обладание политики над «техникой» (вооружение). Однородная хвостист-
ская позиция приводит к однородным доводам. Свое неумение дать
руководящий лозунг по вопросу о новых задачах люди прикрывают резо-
нерством о том, что сугубо важны старые задачи. Выхватываются
отдельные словечки, чтобы показать, как сам оппонент ценит значение
старых задач, значение азбуки социал-демократии. Конечно, товарищи
новоискровцы, мы очень ценим азбуку социал-демократии, но мы не
хотим оставаться вечно на одной азбуке. Вот
и все. Ни Парвус, ни Б. К. Б., ни «Вперед» никогда не вздумали бы спо-
рить против той азбуки, что рабочие сами могут, будут и должны воору-
жаться, помимо организаций и партии. Но если «Искра» выдвигает, к а к
л о з у н г, свое знаменитое «самовооружение», — тогда, разумеется, все
улыбаются, видя такое раболепство перед стихийностью. Если «Искра»,
п о п р а в л я я Парвуса, открывает новую, достойную глубокомыслен-
нейших произведений Кричевского и Акимова, задачу «вооружать рабо-
чих жгучей потребностью самовооружения», — тогда, естественно, что
она встречает только насмешку. Если «Искра» в такой момент, когда

к старым задачам социал-демократии прибавились новые задачи вооружения масс, уличной борьбы и т. д., поспешно бросается принижать эти задачи (к осуществлению которых едва-едва приступлено) пренебрежительными мудрствованиями насчет «техники» и ее второстепенной роли, если, вместо д о п о л н е н и я старых, обычных и постоянных политических задач партии новыми задачами «техники», «Искра» выдвигает рассуждения об о т д е л е н и и тех и других, тогда, разумеется, всё относят эти рассуждения к новым вариантам хвостизма.

В заключение, как курьез, отметим попытку «Искры» свалить с себя добрую репутацию знаменитой теории о непроизведении паники. «Искра» сама уже теперь называет этот вопрос «знаменитым», пытаясь доказать, что и Б. К. Б. тоже проповедует «непроизведение паники», когда в своем листке о восстании рекомендует быть осторожным (без крайней надобности) в уничтожении собственности мелких буржуа, чтобы понапрасну не запугать их. «Искра» ликует: вот и вы не хотите запугивать!

Неправда ли, разве это не прелестно? Соглашение с земцами о непроизведении паники при мирном манифестировании сравнивается с предостережением против не вызываемого необходимостью разрушения собственности при восстании! И притом: с одной стороны, «демонстрации высшего типа», с другой — презренная, низменная «техника» вооруженной уличной борьбы. . . Один маленький вопрос, друзья: отчего это всякий социал-демократ *) соглашается и согласится с советом не запугивать мелких буржуа без надобности при восстании? и отчего, наоборот, ваш план земской кампании стал, по вашему собственному признанию, «знаменитым» среди с.-д.? отчего против него протестовали из ваших же рядов и Парвус и многие другие? отчего вы сами до сих пор стыдитесь опубликовать этот знаменитый план? Не оттого ли, что ваши советы в пресловутом вашем письме были так же неуместны и смешотворны, как советы Бюро бесспорны и общепризнаны социал-демократией?

*«Вперед», № 15
от 7 апреля 1905 г.*

Открытое письмо председателю Совета Р. С.-Д. Р. П. тов. Плеханову.

Уважаемый товарищ!

4 (17) апреля Ц. К. обратился в Совет Партии с уведомлением о назначении представителями своими в Совет товарищей Иогансена ¹¹⁸⁾

*) Анархисты одни только выразили до сих пор несогласие с этим. Они обрушились на «Вперед» в своем листке, обнаружив полное непонимание различия между демократическим и социал-демократическим переворотом.

и Валерьяна¹¹⁴⁾ и с просьбой назначить, по возможности, в самом непродолжительном времени заседание Совета в составе, предписанном уставом Партии.

Не получив ответа на эту просьбу, мы позволили себе обратиться к вам с повторением ее и 22 (9) апреля получили ответ, в котором вы отказываетесь назначить заседание Совета, пока мы будем «продолжать выступать в качестве нарушителей партийного устава и узурпаторов функций Совета».

Положение, созданное отказом созвать официальное заседание Совета, ставит нас в невозможность сделать Совету Партии ряд сообщений, а так как ждать с ними далее, по нашему мнению, невозможно, то мы принуждены обратиться к вам перед лицом всей Партии с письменным изложением главнейших заявлений, которые должны были быть сделаны нами в ближайшем заседании Совета.

1) Центр. Комитет заявляет Совету Партии, что к 4 (17) апреля высказались за созыв III партийного съезда следующие полноправные организации Партии: комитеты: Петербургский, Московский, Сев. Союз, Нижегородский, Тверской, Тульский, Рижский, Сибирск. Союз, Воронежский, Саратовский, Одесский, Кавказский Союз (8 гол.), Николаевский, Уральский, Орловско-Брянский, Курский, Смоленский, Полесский, Северо-Зап., Харьковский, Самарский, — всего 21 организация, имеющих вместе право на 48 голосов. За созыв съезда высказался также Центральный Комитет, решив послать на съезд своего делегата и своих представителей в Совете Партии.

От комитетов Астраханского, Казанского, Кубанского, Донского, Горнозаводского Союза, Екатеринославского, Крымск. Союза, Лиги, редакции Центр. орг. и 3-х заграничных членов Совета резолюций или не получено, или получены резолюции о нежелательности созыва съезда.

Наконец, Киевский комитет, хотя и принял 25 марта резолюцию против съезда, вслед затем выбрал делегата на съезд и послал его за границу.

Таким образом, из 75 голосов *), представляющих на съезде всю партию, 52 голоса (не считая Киевского комит.) высказались за созыв III партийного съезда.

При таких условиях Центр. Комитет считает необходимым настаивать через своих представителей в Совете Партии на немедленном исполнении Советом вытекающей из § 2 Партийного устава формальной обязанности созывать съезд, когда того требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде.

Так как, по имеющимся у Центр. Комитета данным, за съезд сейчас высказалась гораздо больше требуемого уставом числа голосов (52 из 75),

*) Смотри список полноправных организаций, опубликованный в № 89 «Искры».

то объявление о созыве съезда должно быть сделано Советом немедленно и безоговорочно, без выставления каких-либо предварительных, не предусмотренных партийным уставом, условий или требований.

2) Центр. Ком. глубоко убежден, что вопрос такой чрезвычайной важности, как созыв партийного съезда в переживаемый сейчас Партией и всей Россией момент, даже при искреннем желании всех членов Совета Партии, не может быть решен исключительно чисто-формальным путем. Наш партийный устав для этого недостаточно разработан и, например, на вопрос о сроке, в течение которого Совет Партии обязан созвать съезд, при наличии законного числа голосов, за него поданных, не дает никакого ответа. Центральным Учреждениям Партии по этому и другим вопросам приходится прибегнуть к толкованию устава и сообразоваться не только с формально-выраженной волей партии, которая, как видно из п. 1, уже высказалась за съезд, но и с фактическим положением дел как в партии, так и в России вообще.

Ц. К. считает долгом довести до сведения Совета Партии, что развитие партийного кризиса в России достигло таких размеров, когда останавливается почти вся партийная работа. — Положение в комитетах запуталось до последней степени. Нет почти ни одного тактического или организационного вопроса, который не возбуждал бы на местах самых ожесточенных разногласий между фракциями, притом чаще всего не столько по существу, сколько вследствие принадлежности спорящих к различным частям партии. Ни Совет Партии, ни Центральный Орган, ни Ц. К. не пользуются необходимым авторитетом у большинства партийных работников, повсюду возникают двойные организации, тормозящие работу друг друга и дискредитирующие партию в глазах пролетариата. Товарищам, занятым по преимуществу литературной работой, могущей идти безостановочно даже и в атмосфере недоверия со стороны значительной части партии, безвыходность, невыносимость того положения, в каком стоит сейчас общепартийное дело, быть может, не так очевидны, как работникам практического центра, наталкивающимся в России с каждым днем в своей деятельности на все бóльшие и бóльшие затруднения. Наступил момент, когда развитие внутренних противоречий нашей партийной жизни давит на те узкие и, как теперь уже всем нам видно, далеко не совершенные уставные рамки, которые нам дал II партийный съезд. Необходимы новые формы или, по крайней мере, изменение старых, и сделать это может единственный законодатель соц.-дем. Партии — партийный съезд, так как ему и только ему принадлежит издание общеобязательных норм, которых не может дать никакая конференция, никакое частное соглашение. В сознании важности скорейшего урегулирования партийного кризиса путем съезда, бóльшая часть российских комитетов уже приняла все меры к его ско-

рейшему осуществлению, вплоть до выбора и посылки делегатов; при чем это относится не только к комитетам большинства, ранее высказавшимся за съезд, но и к большинству комитетов меньшинства, групп и периферий. Партия высказалась за съезд и затратила на его подготовку громадные средства и усилия. Центральные учреждения партии, не имея никакого формального права откладывать теперь, когда обязательность созыва съезда несомненна, объявление съезда, морально обязаны сделать со своей стороны все, чтобы эта затрата сил не пропала для Партии даром. Задержка за границей на неопределенное время десятков наиболее активных товарищей-делегатов, в которых так нуждается сейчас Россия, а тем более возвращение их в Россию со съезда, не состоявшегося только потому, что товарищи из Центрального Органа не пожелали отступить от буквы партийного устава во имя его духа, во имя высшего интереса сохранения партийного единства, означали бы непозволительную растрату партийных сил и неспособность руководителей Партии справиться с теми задачами, которые выдвинула перед ними партийная жизнь. Когда формы изжиты, когда растущей и развивающейся партии тесно в этих формах, нельзя видеть спасения только в том, чтобы в сотый и сотый раз твердить о святости буквы закона. Это не выход из кризиса, и единственным выходом может быть только созыв партийного съезда.

3) Центральный Комитет, на основании § 6 устава Партии, предоставляющего ему организацию и ведение всех предприятий, имеющих общепартийное значение, отстаивает, как свое неотъемлемое и неподлежащее ограничению право, право принятия подготовительных мер и выполнения всей практической работы по организации партийных съездов. Всякую попытку вмешательства со стороны других учреждений партии в эту работу Ц. К., как единственный практический центр партии, считает нарушением партийного устава и отвергает, как посягательство на свои права. Что же касается прав, предоставляемых § 2 устава Совету Партии в деле созыва партийных съездов, то Центральный Комитет понимает их в смысле объявления созыва съезда Советов и контроля над фактически произведенной Ц. К. работой.

На основании вышеизложенного, Ц. К. свое соглашение с Бюро Комитетов Большинство по созыву III парт. съезда признает противоречащим уставу партии лишь постольку, поскольку в нем выражено (см. § 1 договора) намерение созвать съезд хотя бы без предварительного формального объявления его Советом Партии.

4) Ц. К. 12 марта, получив сведения о резолюции 18 полноправных организаций партии, не считая самого Ц. К., за созыв III съезда, постановил довести об этом до сведения Совета и отправил Совету следующее заявление: «Ц. К.-т уведомляет Совет Партии, что в настоящее время

(12 марта) 18 полноправных комитетов Партии (не считая Ц. К-та), т.-е. более половины решающих голосов, присутствие которых в III съезде обеспечено уставом партии, высказалось за созыв III партийного съезда. В самом ближайшем будущем ожидаются подобные же резолюции со стороны еще нескольких комитетов. При таких обстоятельствах Ц. К. считает необходимым немедленный созыв съезда и обращается к Совету Партии с просьбой объявить об его созыве, приняв соответствующие постановления. Все документы, имеющиеся по этому вопросу у Ц. К., в ближайшем будущем будут присланы в Сов. Парт.». Вместе с этим еще 10 марта Ц. К. предложил своему агенту тов. В. немедленно отправиться за границу с целью довести о положении дел в Совет Партии, в котором тов. В. был уполномочен заседать от Ц. К. По несчастному стечению обстоятельств, тов. В. был арестован, не доехав до границы. Что же касается приводимого здесь документа, в котором Ц. К. констатирует наличие резолюций, обязывающих Совет немедленно объявить созыв съезда, то по частным сведениям, полученным членами Ц. К. т.т. И. и В. 4/17 сего апреля от тов. Дейча ¹¹⁵⁾, документ этот вовсе не был получен. Впоследствии тов. Дейч исправил это указание, заявив, что документ был получен в Локарно, но уже после заседания Совета 7 апреля. Недопущение нас, как представителей Ц. К., в заседание Совета лишает нас возможности выяснить, почему это заявление Ц. К. было доставлено членам Совета с таким опозданием. Однако, если даже оно получилось после заседания 3-х членов Совета в Локарно, то в виду важности документа, устанавливающего наличие данных для созыва съезда, товарищи из Ц. О. и 5-й член Совета должны были немедленно собраться и принять предписываемое уставом Партии решение или, по крайней мере, в виду неприезда представителя Ц. К., задержанного до границы, задержать опубликование постановления от 7 апреля.

5) Центральный Комитет оспаривает законность постановлений Совета Партии, состоявшихся с февраля 1905 года, так как с отъездом в конце января из-за границы т.т. Б—а ¹¹⁶⁾ и Второва ¹¹⁷⁾, Ц. К. никому не давал полномочия на представительство в Совете Партии. Еще задолго до настоящего конфликта Ц. К-та с заграничными членами Совета, именно 14 февраля 1904 года, общим собранием Ц. К. было принято постановление, разъясняющее § 4 устава о представительстве Ц. К. в Совете в том смысле, что входящие в Совет от Ц. К. члены получают полномочие от всей коллегии, и что даже члены Ц. К., находящиеся по тем или иным причинам за границей, не пользуются правом участия в заседаниях Совета, если об этом не состоялись резолюции общего собрания Ц. К.

Это разъяснительное постановление Ц. К. послужило основой для представительства Ц. К. за границей, и с февраля 1904 г. все без исклю-

чения представители Центр. К-та выступали в Совете Партии не иначе, как после предварительного утверждения их общим собранием Ц. К-та. Тов. Глебов¹¹⁸) и Ленин, тов. Глебов во второй приезд его за границу, тов. Б., бывший представителем Ц. К. в Совете до своего отъезда в Россию, тов. Второв, ездивший за границу в январе с правом вступать по известным вопросам в переговоры с редакцией Ц. О. и участвовать в заседаниях Совета — все они получали свои полномочия не от того или иного члена Ц. К. или своего предшественника по представительству в Совете Партии, а от общего собрания Ц. К. Причины, побудившие Ц. К. принять упомянутое постановление 14 февраля 1904 года и неуклонно придерживаться его во всей последующей практике, заключались в том, что подобная организация представительства Ц. К. в Совете являлась единственным средством предупредить выступление от имени Ц. К. в Совете Партии товарищей, не находящихся с Ц. К. в достаточно тесной связи и незнакомых в деталях с его политикой по всем вопросам партийной жизни. Мы скажем больше: назначение 2-х членов Совета т о л ь к о о б щ и м с о б р а н и е м Ц. К. было единственным средством обеспечить центру, работающему в России, влияние в Совете Партии, хоть скольконибудь приближающееся к тому, которым пользуются товарищи из Ц. О., преобладающие в Совете не только численно, но и по тому авторитету, который за некоторыми из них обеспечивают долгие годы славной борьбы в первых рядах не только российской, но и международной социал-демократии. Воздавая всегда должную дань уважения этим товарищам, членам Совета, Ц. К. нарушил бы, однако, свой долг перед всей Партией, если бы допустил хотя бы на короткое время такое изменение состава Сов. Парт., при котором дела решаются коллегией, состоящей исключительно из товарищей, хотя бы и очень заслуженных и почтенных, но силою обстоятельств не могущих стоять у непосредственной практической работы, которая ведется в России. Так как в просьбе назначить заседание Совета нам было отказано, то мы не могли убедиться, на каких основаниях тов. Дейч, назначенный тов. Второвым временным представителем Ц. К. в заграничной «технической комиссии», счел возможным выступать в Совете Партии от имени Ц. К-та, к работе которого в России он вообще никогда не имел никакого отношения. Ц. К. объявляет недействительным это выступление тов. Дейча, так как оно не было предварительно утверждено Ц. К-ом, и если даже предположить, что тов. Второв (тогда еще только агент Ц. К.), или даже какой-либо из членов Ц. К. просил товарища Дейча представлять Ц. К-т в Совете Партии, то незаконность позиции, занятой тов. Дейчем, этим не устраняется, так как указанное полномочие может быть дано только общим собранием Ц. К., а этого по отношению к представительству тов. Дейча в Совете сделано не было. На основании вышеизложенного

Ц. К-т считает все постановления Совета Партии, принятые после отъезда из-за границы тов. Б. и Второва, состоявшимися без всякого участия Ц. К. и требует пересмотра всех вопросов в новом заседании, с приглашением законных представителей Ц. К-та.

6) Центральный Комитет отрицает право за Советом Партии судить какой-либо из центров и требовать от них безусловного подчинения всем постановлениям Совета. По уставу, задача Совета согласовать и объединять деятельность Ц. К-та и редакции Ц. О., в случае же конфликта одного из центров с Советом разрешение конфликта может быть дано, очевидно, только экстренным Партийным Съездом. Голос Совета Партии не может быть решающим в разногласиях между ним самим и которым-либо из центров, потому что в этом случае Совет явился бы одновременно и судьей и стороной. А между тем, отказом созвать заседание Совета Партии с участием представителей Ц. К-та последний фактически не только осужден тремя членами Совета (членами редакции Ц. О.), но уже и наказан лишением неотъемлемого, без нарушения устава, права своего представительства в Совете Партии.

Принимаются и другие меры заставить Ц. К-т во что бы то ни стало подчиниться постановлениям 3-х членов Совета (члены ред. Ц. О.). Так, в ответ на законное требование Ц. К. своему же агенту за границей, тов. Дейчу, передать все технические и денежные дела Ц. К-та назначенному для заведывания ими члену Ц. К., товарищу Валериану, тов. Дейч ответил отказом, ссылаясь на конфликт Ц. К. с Советом.

Если таким образом Ц. К-т в § 1 своего соглашения с Б. К. Б. выразил готовность созвать съезд даже в случае отказа Совета и тем впал в противоречие с уставом, то 3 члена Совета, в свою очередь, дважды нарушили устав, лишив Ц. К. права участия в Совете и права распоряжения и контроля над техническими и денежными предприятиями Ц. К. за границей (нарушение §§ 2 и 6 парт. устава).

Констатируя перед партией вышеизложенный, неразрешимый с точки зрения устава Партии, конфликт между Советом Партии (представляемым лишь двумя членами от Ц. О. и 5-м членом Совета), Ц. К., в виду отказа председателя Совета Партии созвать Совет, заявляет, что этим своим, резко нарушающим устав, действием председатель Совета тов. Плеханов лишает Совет Партии возможности функционировать и тем самым самовольно фактически уничтожает Совет Партии.

Безусловное подчинение Ц. К-та Совету Партии, на котором вы, товарищ, настаиваете, как на неременном условии, без которого Совет не может быть создан, фактически сводится к откладыванию съезда на неопределенное время и к нарушению ясно выраженной воли Партии.

Ставя свою лояльность перед партией выше лояльности перед 3-мя заграничными членами Совета, Ц. К. отдает весь этот конфликт на суд самой Партии.

23 (10) апреля 1905 г.

Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

«Вперед», № 16

от 17 апреля 1905 г.

и отдельным листом.

Статья коллективная.

РЕЧИ НА III СЪЕЗДЕ
Р. С.-Д. Р. П.

✱

1. Речь по вопросу о законности съезда.

Я хочу ответить на замечания о законности созыва съезда. Ц. К. признавал, что съезд незаконен. Сам Ц. К. назвал свое послание Совету Партии «покаянным». Но было ли Ц. К. в чем каяться? Съезд совершенно законен. Правда, по букве устава его можно считать незаконным; но мы впали бы в карикатурный формализм, если бы так понимали устав. По смыслу же устава съезд вполне законен. Не Партия существует для Совета Партии, а Совет Партии для Партии. Еще на II съезде, по поводу инцидента с Организационным Комитетом было указано, и самим же т. Плехановым, что дисциплина по отношению к коллегии низшей уступает перед дисциплиной к коллегии высшей. Ц. К. указывал, что он готов подчиниться Совету Партии, если Совет Партии подчинится Партии, т.-е. съезду. Это вполне законное требование. Между тем Совет Партии ответил на него отказом. Но, говорят, Ц. К. заподозрил лояльность Совета Партии и выразил ему недоверие. Но ведь во всех конституционных странах граждане имеют право выражать недоверие тем или другим должностным лицам или учреждениям. Это право не может быть у них отнято. Наконец, если бы Ц. К. даже поступил незаконно, то разве это давало право Совету Партии поступать тоже незаконно? В чем гарантия того пункта устава, по которому Совет Партии созывает съезд, если высказалась половина полноправных голосов? В уставе Германской с.-д. Партии имеется пункт, предоставляющий контрольной комиссии созвать съезд, если Vorstand (Правление) отказывается его созвать. У нас такого параграфа нет, и гарантия созыва съезда лежит всецело на самой же Партии. С точки зрения духа устава и даже его буквы, если взять его в целом, ясно, что Совет Партии это — доверенный К-тов Партии. Доверенный К-тов отказывается исполнить волю своих доверителей. Если доверенный не исполняет воли Партии, Партии остается лишь осуществить эту волю самой. И К-ты нашей Партии не только имели право, но и обязаны были созвать съезд сами. И я утверждаю, что съезд созван вполне законно. Кто является судьей в рассмотрении этого спора между Советом Партии и К-тами? Да те же К-ты, Партия. Воля Партии выразилась уже

давно. Оттяжки и проволочки со стороны заграничных центров не могли ее изменить. К-ты обязаны были сами созвать съезд, и он созван законный.

Отвечаю т. Авилу (*). Т. Авил говорит, что не следует судить Совета Партии. Орг. Комитет своим докладом судит Совет Партии. Мне кажется, т. Авил ошибается, говоря, что нельзя судить заочно. В политике постоянно приходится судить заочно. Разве мы не судим постоянно в нашей публицистике, на наших собраниях и повсюду с.-р-ов, бундистов и др. Как же быть, если не судить заочно? Ведь Совет Партии не хочет явиться на съезд, в таком случае придется вообще никого никогда не судить. Даже официальные суды судят заочно, если подсудимый не желает являться на суд.

2. Речь по вопросу о полноправности Казанского и Кубанского комитетов.

Из заключения мандатной комиссии видно, что всего в Партии у нас 75 решающих голосов, так что, несомненно, при данном составе, наш съезд должен быть признан законным. Принимая во внимание то подозрительное отношение к нашему съезду, которое существует теперь, нужно признать похвальным «либеральное» стремление мандатной комиссии утвердить возможно большее число К-тов, дабы увеличить требуемое для Съезда законное большинство. С этой стороны я готов даже выразить сочувствие этому «либерализму», но, с другой стороны, необходимо быть осторожным и беспристрастным одинаково ко всем и, исходя из этих соображений, я не могу не отнестись отрицательно к утверждению мандатной комиссии относительно Казанского и Кубанского К-тов. В 89 № «Искра» опубликовала их в списке полноправных К-тов, но в списке полноправных организаций, помещенном в протоколах Совета Партии, их не имеется. В заседании Совета Партии т. Мартов приводил список полноправных К-тов до 1-го сентября 1904 г.

Вот выдержка из протоколов С. П.:

«Мартов читает свою резолюцию: С. П., согласно § 2 устава, обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Согласно примечания 1 к § 3 устава, правом представительства на съезде пользуются лишь те организации, которые являются утвержденными в этом отношении с момента принятия партийного устава.

Для организаций же, на II съезде не представленных, моментом их утверждения считается утверждение их Ц. К. не позже, как за 1 год до съезда. 1) С. П. постановляет, что этот же срок со времени утверждения

^{*}) Съездовский псевдоним Авилова — Тигров. Р е д.

организации принимается для признания ее голоса при исчислении количества организаций, высказавшихся за созыв съезда. Организации, представленные на II съезде и избранные им, считаются полноправными.

2) В виду этого, впредь до сентября 1904 г., имеющими право на решение вопроса о созыве съезда считаются только: 1) Ц. К., 2) Ц. О., 3) Заграничная Лига, 4 — 20) К-ты: Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уфимский (ныне Уральский), Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлиссский (впредь до истечения годового срока с момента утверждения Кавказского Союза), 21 — 23) Союзы: Горнозаводский (Донецкий), Сибирский и Крымский.

При полноправии этих организаций количество голосов на съезде, на которое они имеют право, равно 46. Вместе с 5 голосами, которые имеют члены С. П., общее количество голосов на съезде равно 51 голосу, а для его созыва требуется, следовательно, 26 голосов, т.-е. голоса 13 полноправных организаций, из числа здесь перечисленных, Ц. К. предлагается представить в С. П. даты утверждения им новых К-тов, появившихся после съезда».

Первая часть резолюции принята единогласно.

Дальше т. Глебов в своей речи на том же заседании привел список вновь образовавшихся К-тов.

Речь т. Г л е б о в а (из протоколов С. П.): «Я согласен с т. Мартовым и могу лишь указать на вновь образовавшиеся К-ты: Смоленский и Астраханский, утвержденные в сентябре 1903 г.; Воронежский (Касса Борьбы) в январе 1904 г.; Рижский — в январе; Полесский — в апреле; Северо-Западный — в апреле; Курский — в январе; Орловско-Брянский — в сентябре 1903 г.; Самарский — в сентябре 1903 г.; Уральский (Уфимский) — в апреле».

Эти факты были опубликованы в брошюре т. Орловского «Совет против Партии», и до сих пор С. П. не опроверг их, не опубликовал времени утверждения спорных К-тов, что говорит за то, что, очевидно, нет доказательств этого утверждения. В том же заседании С. П. т. Мартов в одной из своих речей указал на то, что, по его мнению, в августе должны быть утверждены еще 2 К-та, именно Кременчугский и Полтавский, но опять-таки ни слова о Казанском и Кубанском.

Затем после июльской декларации т. Глебов прислал мне полные протоколы заседаний Ц. К., из которых не видно утверждения ни Казанского, ни Кубанского К-ов, и после этого в заседаниях Ц. К., как свидетельствует член Ц. К. т. Любимов *), об утверждении их тоже не было речи; правда, член Ц. К. т. Красин **) как будто что-то вспоминает об

*) Съездовский псевдоним Любимова — Летнев. Р е д.

**) Съездовский псевдоним Красина — Зимин. Р е д.

утверждении Казанского и Кубанского К-та, но определенного ничего сказать не может.

Решение комиссии признать К-ты полноправными на основании того, что фактически установлено, что они работают больше года, не является правильным, а потому предлагаю эти К-ты считать неправоспособными.

3. Первая речь по вопросу о вооруженном восстании.

Тут говорилось, что принципиально вопрос достаточно ясен. Однако, в с.-д. литературе имелись заявления (см. «Искру» № 62 и предисловие т. Аксельрода к брошюре Рабочего) такого рода, которые показывают, что вопрос не так уж ясен. «Искра» и Аксельрод толковали о заговорщичестве, высказывали опасения, что о восстании будут думать слишком много. Оказалось, однако, что думали слишком мало. . . В предисловии к брошюре Рабочего т. Аксельрод говорит, что дело может идти лишь о восстании «одичалых масс народа». Жизнь показала, что дело идет не о восстании «одичалых масс», а о восстании сознательной массы, способной к организованной борьбе. Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания. Надо обратить внимание на практическую сторону дела. Тут чрезвычайно важен опыт практиков и рабочих — петербургских, рижских, кавказских. Поэтому я высказался бы за то, чтобы товарищи поделились своим опытом, — это придаст практический, а не схоластический характер нашим прениям. Надо выяснить, каково настроение пролетариата, сознают ли рабочие себя способными бороться и руководить борьбой. Необходимо подвести итог коллективному опыту, который до сих пор не был обобщен.

4. Вторая речь по вопросу о вооруженном восстании.

В дебатах вопрос поставлен на практическую почву — о настроении масс. Т. Лесков ¹¹⁹⁾ прав, что настроение пестрое. Но прав и т. Жарков ¹²⁰⁾, что нам необходимо считаться с тем, что восстание произойдет несомненно, как бы мы ни отнеслись к нему. Возникает вопрос: существуют ли принципиальные разногласия между предложенными резолюциями. Я решительно не вижу их. Хотя я значусь самым непримиримым, я все же попытаюсь примирить и согласовать обе резолюции, займусь их примирением. Я ничего не имею против поправки к резолюции т. Луначарского *). В добавлении я тоже не вижу принципиального разногласия. Из наиболее энергичного участия еще не выте-

*) Псевдоним Луначарского — Воинов. Р с д.

кает гегемонии. По-моему, т. Михайлов ¹²¹⁾ выразился позитивнее, — у него гегемония подчеркнута и притом в конкретной форме. Английский пролетариат призван осуществить социалистическую революцию, — что несомненно; но его неспособность произвести ее в настоящий момент, при его соц. неорганизованности и развращенности буржуазией, тоже несомненна. Та же мысль и у т. Луначарского; самое энергичное участие, несомненно, есть самое решающее. Решит ли исход революции пролетариат, — безусловно утверждать нельзя. То же и относительно роли вождя. В резолюции т. Луначарского выражение осторожнее. С.-д-тия может организовать восстание, может даже решить его, но будет ли обеспечена за нею руководящая роль, этого предпретить нельзя, — это будет зависеть от силы, организованности пролетариата. Мелкая буржуазия может быть организована лучше, и ее дипломаты могут оказаться сильнее, лучше подготовленными. Т. Луначарский осторожней — он говорит: «Ты можешь выполнить»; «Ты исполнишь» — говорит т. Михайлов. Может быть, решающий исход революции даст пролетариат, но безусловно утверждать этого нельзя. Т.т. Михайлов и Сосновский ¹²²⁾ впали в ту ошибку, которую они приписывали т. Луначарскому: «Не хвались, на рать идучи», — «Для обеспечения необходимо», говорит Луначарский, а они говорят: «необходимо и достаточно». По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп.

5. Речь по вопросу об отношении к политике правительства накануне переворота.

Мы находимся в затруднительном положении. У нас имеются три резолюции и три поправки ¹²³⁾. Резолюции растут и развиваются, и процесс этот совершенно не урегулирован. Тема оказалась шире, чем предполагал докладчик. Придется вернуть резолюцию в комиссию, хотя т. Рыков ^{*}), повидимому, высмеивает это предложение. Вопросы об открытом выступлении касались все ораторы. Доклад теме соответствует, но его необходимо дополнить. Насчет участия в обществах столкнулись два мнения. Съезд категорических указаний не может давать об участии в обществах. Надо пользоваться всеми средствами для агитации. Из опыта с комиссией Шидловского ¹²⁴⁾ нельзя вывести безусловно отрицательного отношения. Говорят, резолюция не дает ничего нового. Хорошее — скажи и еще раз скажи. Мнение т. Красина угловато. Ответить категорически, следует ли участвовать в Земском

^{*}) Съездовский псевдоним Рыкова — Сергеев. Р е д.

Соборе ¹²⁶), нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, Земский Собор — это обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах. Кроме общей директивы дать ничего нельзя. Повторяю, по-моему, следует вернуть все резолюции в комиссию, расширив ее состав.

6. Доклад по вопросу об участии с.-д. во Временном Революционном Правительстве.

Моя задача — изложить постановку вопроса об участии С.-д-тии во Временном Революционном Правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела С.-д-тии обстоят великолепно, и вероятность ее участия во Временном Революционном Правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы дон-кихотством. Но вопрос этот навязан нам не столько практическим положением дел, сколько литературной полемикой. Необходимо всегда иметь в виду, что вопрос этот первый поднял Мартынов до 9 я н в а р я. Вот что он писал в своей брошюре «Две диктатуры» (стр. 10 — 11):

«Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии, представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось «подготовить, н а з н а ч и т ь и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля н а з н а ч и л а б ы сейчас же после революции именно эту партию Временным Правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-нибудь другой, вручил бы ближайшую судьбу революции? Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ей раньше народом доверия, вынуждена была бы, о б я з а н а была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции?».

Такая постановка вопроса невероятна, но фактически она такова: Мартынов находит, что если бы мы очень хорошо подготовили и двинули восстание, то очутились бы в отчаянном положении. Если бы мы изложили наш спор какому-нибудь иностранцу, то он никогда не поверил бы в возможность такой постановки вопроса и не понял бы нас. Только зная историю воззрения российской С.-д-тии и зная характер «хвостистских» воззрений «Рабочего Дела», можно понять наш спор. Вопрос стал неотложным вопросом теории, выяснение которого необходимо. Это — вопрос о ясности наших целей. Я очень просил бы

товарищей при изложении наших прений перед русскими практиками усиленно подчеркивать эту Мартыновым данную постановку вопроса.

В № 96 «Искры» напечатана статья Плеханова. Мы очень ценили и ценим Плеханова за все те «обиды», которые он нанес оппортунистам, и которые навлекали на него почетную вражду массы лиц. Но за защиту Мартынова мы его ценить не можем. Тут перед нами не прежний Плеханов. Он озаглавливает статью: «К вопросу о захвате власти». Это искусственно суживает вопрос. Мы так никогда вопроса не ставили. Плеханов изображает дело так, как будто «Вперед» назвал «виртуозами филистерства» Маркса и Энгельса. Но на самом деле это не так, это маленький подмен. Общую концепцию Маркса в этом вопросе «Вперед» особо подчеркнул как правильную. Слова о филистерстве относились к Мартынову или Л. Мартову. Как ни готовы мы высоко ценить всех тех, кто работает с Плехановым, но все же Мартынов не Маркс. Плеханов напрасно затушевывает мартиновщину.

Мартынов утверждает, что если мы примем решающее участие в восстании, для нас возникает большая опасность, что пролетариат нас заставит взять власть. В этом рассуждении есть своеобразная логика, правда, понятная. По поводу этого своеобразного указания на опасность победы в борьбе с самодержавием «Вперед» спрашивает Мартынова и Л. Мартова, о чем идет речь: о социалистической или демократической диктатуре? Нам приводят знаменитые слова Энгельса об опасности положения вождя, получившего власть от имени класса, еще не созревшего для полного господства. Во «Вперед» мы разъясняли, что Энгельс указывает на опасность положения вождя, когда он *post factum* констатирует расхождение между принципами и действительностью, между словами и фактами. Такое расхождение ведет к гибели в смысле политического краха, а не физического поражения. Вы должны (такова мысль Энгельса) утверждать, что переворот социалистический, тогда как он на самом деле только демократический. Если бы мы сейчас обещали пролетариату России, что в состоянии теперь же обеспечить полное господство, то мы впадали бы в ошибку, которую делают с.-р-ы. Именно над этой ошибкой с.-р-ов, говоривших, что революция будет «не буржуазной, а демократической», мы, с.-д-ты, всегда потешались. Мы всегда говорили, что революция не ослабит, а усилит буржуазию, но даст пролетариату необходимые условия успешной борьбы за социализм.

Но раз речь идет о демократическом перевороте, то перед нами две силы: самодержавие и революционный народ, т.-е. пролетариат, как главная борющаяся сила, и крестьянство и всякие мелко-буржуазные элементы. Интересы пролетариата не совпадают с интересами крестьянства и мелкой буржуазии. Социал-демократия всегда подчеркивала, что это классовое расхождение в недрах революционного народа неизбежно.

Объект борьбы при горячей борьбе может переходить из рук в руки. Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот поэтому не может быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, интересы которых против самодержавия царя совпадают. На лозунге «врозь итти, вместе бить» сошлись и «Искра» и «Вперед», но «Вперед» добавляет: если вместе бить, то вместе добить и вместе отбить попытки врага вернуть потерянное. После свержения самодержавия борьба не прекратится, а обострится. Реакционные силы именно тогда организуются для борьбы настоящим образом. Если мы употребляем лозунг восстания, то мы не должны пугать с.-д.-тию возможностью победы восстания. Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять, — а это и есть революционно-демократическая диктатура. Бояться ее нет никаких оснований. Завоевание республики — гигантское завоевание для пролетариата, хотя для с.-д.-тии республика не «абсолютный идеал», как для буржуазного революционера, а лишь гарантия свободы для широкой борьбы за социализм. Парvus говорит, что ни в одной стране завоевание свободы не стоило таких гигантских жертв. Это верно. Это подтверждает и европейская буржуазная печать, со стороны внимательно следящая за русскими событиями. Сопротивление самодержавия элементарнейшим реформам невероятно сильно, а чем сильнее действие, тем сильнее противодействие. Отсюда высокая вероятность полного краха самодержавия. Весь вопрос о революционной демократической диктатуре имеет смысл при полном ниспровержении самодержавия. Возможно, что у нас повторятся события 48 — 50 г.г., т.-е. самодержавие будет не свергнуто, а ограничено и превратится в конституционную монархию. Тогда ни о какой демократической диктатуре не может быть и речи. Но если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т.-е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т.-е. организацией не «порядка», а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не итти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости.

Перейду к Плеханову. Он употребляет прием глубоко неправильный. Он уклоняется от важных принципиальных вопросов, пускаясь на мелочные придирки, употребляя некоторый момент подмена. «Вперед» утверждает, что в общем схема Маркса верна (схема смены самодержавия сначала буржуазной монархией, а после — мелко-буржуазной демо-

кратической республикой), но если мы будем заранее ограничивать по этой схеме пределы, до которых мы пойдем, то мы будем филистерами. Таким образом защита Маркса Плехановым есть «*verlorene Liebesmühe*» (потерянные усилия любви). Защищая Мартынова, Плеханов ссылается на «Обращение» Центр. Комитета Союза Коммунистов к членам Союза¹²⁶). Излагает это «Обращение» Плеханов опять-таки неверно. Он оставляет в тени, что «Обращение» это писалось тогда, когда полная победа народа уже не удалась, несмотря на победоносное восстание пролетариата в Берлине в 1848 г. Буржуазно-конституционная монархия уже сменила самодержавие и, следовательно, о временном правительстве, опирающемся на весь революционный народ, не могло быть и речи. Весь смысл «Обращения» состоит в том, что, после неудачи народного восстания, Маркс советует рабочему классу организовать и приготовиться. Неужели эти советы пригодны для выяснения положения в России до начала восстания? Неужели эти советы разъясняют наш спорный вопрос, предполагающий победоносное восстание пролетариата? «Обращение» начинается так «... В течение обоих революционных лет, 1848 — 1849, Союз Коммунистов двояким образом проявил себя, во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении... далее, тем, что его воззрения на движение» (изложенные, между прочим, в «Коммунистическом Манифесте») «оказались единственно правильными»... «В то же самое время прежняя крепкая организация Союза значительно ослабела. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ прошло, и что достаточно одного открытого выступления. Отдельные кружки и общины стали запускать сношения с Центральным Комитетом (Центральным Правлением — *Zentralbehörde*) и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей, и в силу этого попала в общем движении (*in der allgemeinen Bewegung*) всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов».

Итак, Маркс констатирует в 1850 г., что мелко-буржуазная демократия во время протекшей уже революции 1848 г. выиграла в организованности, а рабочая партия потеряла. Естественно, что все внимание Маркса обращается на то, чтобы рабочая партия не оказалась снова в хвосте буржуазии. «... В настоящее время, когда предстоит новая революция, крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно

более организованной, возможно более единой и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1843 г., быть эксплуатируемой буржуазией и тащиться у нее в хвосте».

Именно в силу этой большой организованности буржуазной демократии Маркс не сомневается, что она получит безусловное преобладание, если произойдет тотчас же новый переворот. «Что мелко-буржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время (*für einen Augenblick*), это не подлежит никакому сомнению». Приняв все это во внимание, мы поймем, почему об участии пролетариата во Временном Революционном Правительстве Маркс не говорит в «Обращении» ни одного слова. Совершенно неправ поэтому Плеханов, когда утверждает, будто Маркс «не допускал даже и мысли о том, что политические представители пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя» («Искра», № 96). Это неверно. Маркс не поднимает вопроса об участии во Врем. Рев. Прав., а Плеханов обращает дело так, будто Маркс решает этот вопрос отрицательно. Маркс говорит: мы, с.-д., были все в хвосте, мы организованы хуже, нам надо самостоятельно организоваться на тот случай, если мелкая буржуазия после нового переворота окажется у власти. Мартынов делает из этих посылок Маркса следующий вывод: Мы, с.-д., организованные сейчас лучше мелко-буржуазной демократии и составляющие безусловно самостоятельную партию, должны бояться того, что, в случае успеха восстания, нам придется участвовать во Вр. Рев. Пр-ве. Да! Т. Плеханов, иное дело марксизм, иное дело мартыновизм. Чтобы нагляднее указать все различие в положении России в 1905 г. и Германии в 1850 г., остановимся еще на некоторых интересных местах «Обращения». У Маркса и речи не было о демократической диктатуре пролетариата, ибо он верил в непосредственную социалистическую диктатуру пролетариата, немедленно после мелко-буржуазного переворота. Например, по поводу аграрного вопроса он говорит, что демократия хочет создать мелко-буржуазный крестьянский класс, а рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в их собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная поземельная собственность осталась государственной собственностью и была обращена на рабочие колонии, в которых ассоциированный сельский пролетариат должен пользоваться всеми средствами крупной агрикультуры. Ясно, что при такого рода планах Маркс не мог говорить о демократической диктатуре. Он писал не накануне революции, как представитель организованного пролетариата, а после революции, как представитель организуемых рабочих. Маркс подчеркивает, как первую задачу, что

«после переворота Ц. К. должен немедленно отправиться в Германию, созвать съезд партии и предложить ему принять меры для централизации рабочих клубов». Таким образом идея самостоятельной рабочей партии, которая для нас перешла в плоть и кровь, тогда была нова. Не надо забывать, что в 1848 г., когда Маркс редактировал свободную и крайне революционную газету («Neue Rheinische Zeitung»¹²⁷), он не опирался ни на какую рабочую организацию. Его газету поддерживали радикальные буржуа, которые чуть не провалили ее, когда Маркс в ней обрушился на парижскую буржуазию после июньских дней. Поэтому-то так много говорится в этом «Обращении» о самостоятельной организации рабочих. Там идет речь об образовании рядом с новым официальным правительством революционных рабочих правительств как в форме рабочих клубов и рабочих комитетов, так и в форме общинных советов и коммунальных управлений. Там идет речь о том, что рабочие должны быть вооружены и образовать самостоятельную рабочую гвардию. Как 2-й пункт программы указывается, что в них, рядом с буржуазными кандидатами, должны быть выставлены рабочие кандидаты, по возможности, из членов Союза. Как слаб был этот Союз, показывает то, что Маркс должен был доказывать необходимость выставять собственные кандидатуры. Вывод из всего этого тот, что Маркс не упоминал и не решал вопроса об участии во Вр. Рев. Пр-ве, ибо этот вопрос тогда не мог иметь никакого практического значения, и все внимание обращалось всецело на организацию самостоятельной рабочей партии.

Плеханов говорит далее в «Искре», что «Вперед» не приводит никаких доказательств по существу, ограничиваясь повторением нескольких излюбленных словечек, что «Вперед» будто бы хочет критиковать Маркса. Так ли это? Не видим ли мы, наоборот, что «Вперед» ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот? Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат. Это чудовищно, но это так. Русская ситуация настолько отличается от западно-европейской, что Парвус мог даже ставить вопрос, где у нас революционная демократия. Не имея возможности доказать, что «Вперед» хочет «критиковать» Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенариуса¹²⁸). Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре. Уж не известно ли Плеханову, что Парвус стал сторонником Маха и Аве-

нариуса? Или, может быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенариуса. Плеханов говорит далее, что Маркс и Энгельс изверились скоро в близость социальной революции. Союз коммунистов распался. Начались эмигрантские дразги, которые Маркс и Энгельс объяснили тем, что были революционеры, но не было революции. Плеханов пишет в «Искре»: «Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом, изверившимися в близость социальной революции) «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» (№ 96). Почему? Ответа нет. Плеханов подменяет опять демократическую диктатуру социалистической, т.е. сбивается на ошибку Мартынова, от которой много раз энергично предостерегал «Вперед». Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя. А о конкретных условиях Плеханов не говорит ни слова.

Еще менее удачна вторая цитата из Энгельса. Во-первых, крайне странно, что Плеханов ссылается на частное письмо, не указывая, где и когда оно было опубликовано. За опубликование писем Энгельса мы были бы очень благодарны, но желали бы видеть их полный текст. Однако, некоторые данные мы имеем, чтобы судить об истинном смысле письма Энгельса.

Мы точно знаем — это во-вторых, — что ситуация в Италии девятидесятых годов совершенно непохожа на русскую. Италия более сорока лет уже пользовалась свободой. В России рабочий класс не может и мечтать о таковой без буржуазной революции. В Италии, следовательно, рабочий класс давно уже мог развивать самостоятельную организацию для социалистического переворота. Турати ¹²⁹⁾ — итальянский Мильеран. Очень возможно поэтому, что и тогда Турати выступал с мильеранистскими идеями. Такое предположение вполне подтверждается тем, что, по словам самого Плеханова, Энгельсу приходилось разъяснять Турати разницу между буржуазно-демократическим и социалистическим переворотом. Значит, Энгельс как раз боялся того, что Турати окажется в ложном положении вождя, не понимающего социального смысла того переворота, в котором он участвует. О Плеханове, следовательно, нам приходится еще раз повторить, что он смешивает демократический и социалистический переворот.

Но может быть, у Маркса и Энгельса можно найти ответ на вопрос не о конкретной русской ситуации, а об общих принципах революционной борьбы пролетариата? По крайней мере «Искра» поставила один такой общий вопрос.

В № 93 она пишет: «Лучший путь для организации пролетариата в партию оппозиционную буржуазно-демократическому государству есть путь развития буржуазной революции с низу давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». «Искра» говорит: «Вперед» хочет, чтобы давление пролетариата на революцию (?) шло не только с улицы, но и сверху из чертогов временного правительства». Эта формулировка верна; «Вперед» действительно этого хочет. Здесь перед нами действительно общий принципиальный вопрос: допустимо ли революционное действие снизу или также и сверху. На этот общий вопрос можно найти ответ у Маркса и Энгельса.

Я имею в виду интересную статью Энгельса: «Бакунисты за работой» (1873 г.) Энгельс описывает вкратце испанскую революцию 1873 г., когда страну охватило восстание интрансигентов, т.-е. крайних республиканцев. Энгельс подчеркивает, что тогда не могло быть и речи о немедленном освобождении рабочего класса. Задача состояла в том, чтобы ускорить для пролетариата прохождение предварительных стадий, подготовляющих социальную революцию, в том, чтобы устранить препятствия, стоящие на ее пути. Испанский рабочий класс мог использовать эту возможность, только деятельно участвуя в революции. Такому участию мешало тогда влияние бакунистов и между прочим их идея всеобщей стачки, критикуемая метко Энгельсом. Энгельс описывает, между прочим, события в городе Alcoy с 30 т. фабричных рабочих. Пролетариат оказался там господином положения. Что же он тогда сделал? Вопреки принципам бакунизма пришлось участвовать во Временном Революционном Правительстве. «Бакунисты, — говорит Энгельс, — в течение многих лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз вредно; все должно быть организовано и проведено снизу вверх».

Итак, вот как ответил Энгельс на общий вопрос, поставленный «Искрой» о «сверху и снизу». Принцип «Искры»: «только снизу и ни в каком случае сверху» — принцип анархический. Делая вывод из событий испанской революции, Энгельс говорит: «Бакунисты должны были действовать вопреки собственным принципам, вопреки принципу, будто учреждение революционного правительства есть новый обман и новая измена рабочему классу» (как хочет уверить теперь нас Плеханов). «Вопреки этим принципам бакунисты должны были заседать в правительственных комитетах отдельных городов и притом в качестве бессильного меньшинства,

майоризированного и политически эксплуатируемого буржуазией». Итак, Энгельсу не нравится только то, что бакунисты были в меньшинстве, а не то, что они там заседали. Заканчивая брошюру, Энгельс говорит, что пример бакунистов «показывает нам, как не надо делать революцию».

Если бы Мартов ограничил свою революционную работу исключительно действием снизу, он повторил бы ошибку бакунистов.

Но «Искра», сочинив принципиальные разногласия со «Вперед», сама сбивается на нашу точку зрения. Так, Мартынов говорит, что пролетариат, вместе с народом, должен заставить буржуазию довести революцию до конца. Но это и есть не что иное, как революционная диктатура «народа», т.-е. пролетариата и крестьянства. Буржуазия вовсе не хочет довести революцию до конца. А народ должен хотеть этого по социальным условиям его жизни. Революционная диктатура просветит его и втянет в политическую жизнь.

«Искра» пишет в № 95:

«Но если бы, независимо от нашей воли, внутренняя диалектика революции в конце концов все-таки вынесла бы нас ко власти, когда национальные условия для осуществления социализма еще не назрели, мы бы не стали пятиться назад. Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет тому назад Франция толкнула на этот путь Восток».

Итак, «Искра» сама признает, что если бы случилось такое несчастье, что мы победили, то мы должны были бы действовать именно так, как указывает «Вперед». Следовательно, в практическом вопросе «Искра» идет вслед за «Вперед» и подрывает свою собственную позицию. Не понимаю только, как можно Мартова и Мартынова против их воли вытащить ко власти? Это уж совсем бессмыслица.

«Искра» приводит в пример Францию. Но это якобинская Франция. Пугать якобинством в момент революции величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не организация «порядка», а организация войны. Если мы бы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собой несколько Вандей¹³⁰). И Маркс прекрасно понимал это, когда в 1848 г. в «Новой Рейнской Газете» напоминал о якобинцах. Он говорил: «Террор 1793 г. есть не что иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией». Мы тоже предпочитаем разделяться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские. Русская революция имеет перед собой невиданно выгодную ситуацию (противонародная война, азиатский консерватизм самодержавия и т. д.). И эта ситуация позволяет надеяться на успеш-

ный исход восстания. Революционное настроение пролетариата растет не по дням, а по часам. И в такой момент мартиновщина не только глупость, но преступление, ибо она подрывает размах революционной энергии пролетариата, подрезывает его революционный энтузиазм. Это — та самая ошибка, которую, в другой обстановке, по вопросу не о демократической, а социалистической диктатуре делал в немецкой партии Бернштейн.

Чтобы дать вам конкретное представление, каковы на деле эти пресловутые «чертоги» Вр. Рев. Пр., сошлюсь еще на один источник. У Энгельса в его статье *Die Reichsverlassungskampagne* есть описание того, как он участвовал в революции около этих «чертогов». Он описывает, например, восстание в Рейнской Пруссии, которая была одним из самых индустриальных центров Германии. Шансы на победу демократической партии, говорит он, были здесь особенно благоприятны. Задача состояла в том, чтобы бросить все свободные силы на правый берег Рейна, распространить восстание на более широкую арену и попытаться создать здесь посредством ландвера (ополчение) ядро революционной армии. Именно такое предложение и было сделано Энгельсом, когда он ехал в Эльберфельд, чтобы сделать, что можно, для осуществления его плана. И Энгельс нападает на мелко-буржуазных вожakov за то, что они не умели организовать восстание, не запасли денег, напр., для содержания рабочих, боровшихся на баррикадах, и т. д. Нужно было действовать энергичнее, говорит Энгельс. Первым шагом должно было быть разоружение Эльберфельдской гражданской армии и распределение ее оружия среди рабочих, затем взыскание принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Но это предложение, говорит Энгельс, исходило единственно и исключительно от меня. Почтеннейший Комитет Общественной Безопасности не имел ни малейшей склонности к таким «террористическим предприятиям».

Таким образом в то время, как наши Маркс и Энгельс (то бишь Мартины и Мартов) пугают нас якобинством, Энгельс бичевал революционную мелкую буржуазию за пренебрежение к «якобинскому» образу действия. Энгельс понимал, что собираться воевать и отказываться от государственной казны и государственной власти — во время войны — значит недостойным образом играть словами. Откуда же вы возьмете деньги на восстание, если оно станет общенародным, г.г. новоскрывцы? Ведь не из государственной кассы? Это буржуазно! Это якобинство!

По поводу восстания в Бадене Энгельс пишет: «Инсurreкционное правительство имело в своих руках все шансы на успех: готовую армию, заполненные арсеналы, богатую государственную казну, единодушное население. Все и каждый задним числом поняли, что следовало делать

при таких условиях. Надо было организовать войско для защиты национального собрания, отбросить австрийцев и пруссаков, перебросить восстание в соседние государства и «поставить дряблѳое, немецкое, так наз. национальное собрание под террористическое влияние восставшего населения и восставшей армии; надо было далее организовать силы восстания, предоставить в его распоряжение обильные денежные суммы, заинтересовать в восстании земледельческое население посредством немедленной отмены всех феодальных повинностей. И все это надо было сделать немедленно, чтобы придать восстанию энергический характер. Через неделю после назначения Комитета Безопасности было уже поздно».

Мы уверены, что революционные с.-д-ы будут в момент восстания в России, по примеру Энгельса, записываясь в солдаты революции, подавать такие же «якобинские» советы. Наша же «Искра» предпочитает писать о цвете конвертов избирательных бюллетеней, отодвигая на задний план вопрос о Вр. Р. Прав. и революционной охране Учредительного Собрания. Наша «Искра» ни в каком случае не намерена действовать «сверху».

Из Карлсруэ Энгельс отправился в Пфальц. Во Временном Правительстве заседал его друг д'Эстер (освободивший однажды Энгельса из-под ареста). «Об официальном участии в движении, которое было чуждо нашей партии, не могло быть и речи, — говорит Энгельс. — Я должен был занять в движении то место, которое только и могли занять работники «Ново-Рейнской Газеты», — место солдата». Мы говорили уже о том распадении Союза Коммунистов, которое ставило Энгельса вне почти всякой связи с рабочими организациями. Это делает понятным приведенную нами цитату: «Мне предлагали много гражданских и военных мест, — пишет Энгельс, — мест, которых я ни минуты бы не поколебался принять при пролетарском движении. При данных условиях я отклонил их все».

Как видите, Энгельс не боялся действовать сверху, не боялся слишком большой организованности и силы пролетариата, могущей привести его к участию во Временном Правительстве. Энгельс сожалел, напротив, что движение было недостаточно успешным, недостаточно пролетарским в силу полной неорганизованности рабочих. Но даже и при этих условиях Энгельс принял место: он служил в армии в качестве адъютанта Виллиха, брал на себя доставку амуниции, перевозил с неимоверными трудностями порох, свинец, патроны и т. д. «Умереть за республику, такова была моя тогдашняя цель», пишет Энгельс.

Предоставляю вам, товарищи, судить, похожа ли эта нарисованная со слов Энгельса, картина Вр. Прав. на те «чертоги», которым старается отпугать от нас рабочих новая «Искра».

(Далее оратор читает проект своей резолюции¹⁸¹) и комментирует ее.)

7. Речь о поправках к резолюции о Временном Революционном Правительстве.

В общем и целом я разделяю мнение т. Красина ¹³²⁾. Естественно, что я, как литератор, обратил внимание на литературную постановку вопроса. Важность цели борьбы указана т. Красиным очень правильно, и я всецело присоединяюсь к нему. Нельзя бороться, не рассчитывая занять пункт, за который борешься. . .

Поправка т. Красина к пункту 2): «что осуществление и т. д. . . Временное Правительство, которое одно только» и т. д., — вполне целесообразна, и я ее охотно принимаю. — То же самое и поправка к пункту 3-му, — тут очень кстати указать, что при данных общественно-экономических условиях буржуазия по необходимости усилится. — В пункте а) резолютивной части выражение «пролетариат потребует» лучше моей формулировки, так как центр тяжести перенесен на пролетариат. В пункте б) вполне уместно указание на зависимость от соотношения сил. При этой формулировке, мне кажется, отпадает поправка т. Андреева ¹³³⁾. Кстати, мне хотелось бы знать мнение русских товарищей, ясно ли выражение «ближайших требований», и не следует ли прибавить в скобках «программы-минимум». В пункте в) у меня употреблено слово «является», а у т. Красина «ставится», — очевидно, здесь нужна стилистическая поправка. Там, где говорится о контроле Партии, мне кажется, моя старая формулировка: «охранение независимости с.-д.» — лучше, чем предложенная т. Красиным — «сохранение». Наша задача не только «сохранить» независимость с.-д., но и постоянно «охранять» ее. Поправка т. Сосновского ¹³⁴⁾, касающаяся этого пункта, только ухудшает формулировку, делая ее более расплывчатой. Поправки т. Андреева входят по частям в пункты моей и т. Красина резолюции. Кстати, едва ли уместно вносить в формулировку выражение «Временное Правительство» во множественном числе, как предлагает т. Андреев. Конечно, у нас могут быть многие Временные Правительства, но отмечать этого не следует, так как мы вовсе не стремимся к подобному дроблению. Мы всегда будем стоять за единое Российское Временное Правительство и будем стараться создать «единый центр и притом русский».

8. Доклад о резолюции относительно поддержки крестьянского движения.

В виду заявления 17-ти товарищей, указывавших на крайнюю необходимость ускорения работ съезда ¹³⁵⁾, я постараюсь быть как можно более кратким. Собственно говоря, принципиально спорных пунктов

в рассматриваемом вопросе нет; их не было выдвинуто даже во время богатого «принципиальными» разногласиями партийного кризиса.

Кроме того проект резолюции довольно давно напечатан уже в газете «Вперед», и я ограничусь простой защитой этой резолюции.

Вопрос о поддержке крестьянского движения разбивается собственно на два: 1) теоретические основания и 2) практический опыт Партии. На последний вопрос ответ даст второй докладчик, т. Цхакая*), прекрасно знакомый с самым передовым крестьянским движением — в Гурии. Что же касается до теоретических основ вопроса, то дело сводится теперь к повторению выработанных с.-д. лозунгов в применении к данному крестьянскому движению. Движение это на наших глазах ширится и растет. Правительство выступает опять со старыми попытками надуть крестьян лжеуступками. Необходимо противопоставить этой политике разврата лозунги нашей Партии.

Эти лозунги, по моему мнению, формулированы в проекте следующей резолюции:

«Росс. С.-Д. Р. Партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Росс. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли. При этом Р. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснять ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснять ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Росс. С.-Д. Р. П. выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Росс. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях,

*) Съездовский псевдоним Цхакая — Барсов. Р е д.

а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией» («Вперед», № 11).

В комиссии по аграрному вопросу, образованной делегатами еще до начала съезда для подготовки работ его, обсуждался уже этот проект. Несмотря на большую разногласию, наметились некоторые главные оттенки, и я остановлюсь на них. Характер возможных и необходимых революционных мер в аграрном вопросе сводится, по проекту резолюции, к «улучшению положения крестьянства». Следовательно, резолюция ясно выражает этим общее убеждение всех с.-д., что преобразование самых основ современного общественно-экономического строя этими мерами отнюдь не может быть достигнуто. Это наше отличие от с.-р. Революционное движение крестьянства может привести к значительному улучшению их положения, но не к замене капитализма другим способом производства.

Резолюция говорит о мерах, не останавливающихся перед экспроприацией помещичьих земель. Говорят, что эта формулировка изменяет нашу аграрную программу. Я считаю это мнение неверным. Конечно, редакция может быть улучшена: не наша Партия, а крестьянство не остановится перед экспроприацией; наша же Партия поддерживает крестьянство, — поддерживает и тогда, когда оно не остановится перед этими мерами. Вместо экспроприации следует употребить более узкое понятие — «конфискация», ибо мы решительно против всякого выкупа. Мы никогда не остановимся перед мерами конфискации земли. Но если оставить в стороне эти частные поправки, то мы увидим, что изменения аграрной программы в нашей резолюции нет. Все писатели с.-д. всегда высказывались в том смысле, что пункт об отрезках никоим образом не указывает предела крестьянскому движению, — никоим образом не урезывает и не ограничивает его. И Плеханов и я в печати указывали, что с.-д. партия никогда не станет удерживать крестьян от революционных мер аграрного преобразования вплоть до «черного передела». Таким образом мы не изменяем нашей аграрной программы. Мы должны решительно высказаться теперь по практическому вопросу о поддержке крестьян до конца, чтобы устранить всякую возможность всяких недоразумений и перетолкований. Теперь крестьянское движение стоит на очереди дня, и партия пролетариата должна официально заявить о том, что она всячески поддерживает и отнюдь не ограничивает размах этого движения.

Дальше резолюция говорит о необходимости выделения интересов сельского пролетариата и особой организации последнего. Перед собранием социал-демократов защищать эту элементарную истину нет надобности. В аграрной комиссии говорилось, что желательно добавить указание на поддержку стачек сельских рабочих и крестьян особенно

во время жатвы, покоса и т. п. Принципиально против этого, разумеется, ничего иметь нельзя. Пусть выскажутся практики о возможном значении такого указания для ближайшего будущего.

Резолюция говорит, затем, об образовании революционных крестьянских комитетов.

В № 15 «Вперед» развита подробнее та мысль, что требование немедленного образования революционных крестьянских комитетов должно стать центральным пунктом агитации. Об «улучшении быта» говорят теперь даже реакционеры, но они стоят за чиновничий, бюрократический способ якобы улучшения, а с.-д., конечно, должна стоять за революционный путь. Главная задача — внести политическую сознательность в крестьянское движение. Крестьяне смутно сознают, что им надо, но связать свои пожелания и требования с общим политическим строем они не умеют. Поэтому их всего легче могут обмануть политические мошенники, перенося вопрос с политических преобразований на экономические «улучшения», которые на деле неосуществимы без политических преобразований. Поэтому лозунг революционных крестьянских комитетов есть единственно верный. Без революционного права, осуществляемого этими комитетами, крестьяне никогда не смогут отстоять того, что они завоюют теперь. Возражают против того, что мы и здесь изменяем аграрную программу, которая не говорит о революционных крестьянских комитетах, не говорит об их задачах в области демократических преобразований. Это возражение несостоятельно. Мы не изменяем нашу программу, а применяем ее к данному конкретному случаю. Раз нет сомнения, что крестьянские комитеты могут быть только революционными при данных условиях, то мы, указывая это, применяем программу к революционному моменту, а не изменяем ее. Например, наша программа говорит, что мы признаем самоопределение наций; если конкретные условия заставят нас высказаться за самоопределение известной нации, за ее полную независимость, — это будет не изменением, а применением программы. Крестьянские комитеты — учреждение гибкое, которое пригодно и при теперешних условиях и, скажем, при Временном Революционном Правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами. Говорят, что эти комитеты могут стать реакционными, а не революционными. Но мы, с.-д., никогда не забывали о двойственной природе крестьянина и о возможности реакционного крестьянского движения против пролетариата. Вопрос теперь не в этом, а в том, что в настоящее время крестьянские комитеты, образуемые для санкционирования земельных преобразований, могут быть лишь революционными. В настоящее время крестьянское движение, несомненно, является революционным. Говорят: после захвата земли крестьяне успокоятся. Возможно. Но самодержавное

правительство не может успокоиться при крестьянском захвате земли, и в этом вся суть. Санкционировать этот захват сможет только революционное правительство или революционные крестьянские комитеты.

Наконец, заключительная часть резолюции еще раз определяет позицию с.-д. в крестьянских комитетах, именно необходимость идти вместе с сельским пролетариатом и организовать его отдельно и самостоятельно. И в деревне только пролетариат может быть до конца революционным классом.

9. Речь по вопросу об отношениях между интеллигентами и рабочими в с.-д-ских организациях.

Я не могу согласиться с товарищами, которые говорили, что расширение вопроса неуместно. Оно вполне уместно. — Здесь говорили, что носителями с.-д. идей являлись преимущественно интеллигенты. Это неверно. В эпоху экономизма носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты. Это подтверждает и «Рабочий», автор брошюры, изданной с предисловием т. Аксельрода.

Т. Рыков утверждал здесь, что выборное начало не даст большей осведомленности. Это неверно. Если бы выборное начало применять на деле, оно, несомненно, дало бы больше осведомленности. Далее, указывали на то, что во главе расколов стояли обыкновенно интеллигенты. Это указание очень важно, но оно не решает вопроса. Я давно уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в К-ты вводили рабочих в возможно большем числе. Период времени после II съезда характеризуется недостаточным исполнением этой обязанности, — такое впечатление я вынес из бесед с практиками. Если в Саратове в К-т ввели только 1 рабочего, то значит не умели выбрать подходящих людей из рабочих. Несомненно, что это обуславливалось и расколом внутри Партии: борьба из-за отстаивания К-тов вредно отразилась на практической работе. Поэтому-то мы всячески и старались ускорить созыв съезда.

Задача будущего центра переорганизовать значительное число наших К-тов, — необходимо преодолеть инертность.

Я слышу, что т. Рыков свистит, а не-комитетчики хлопают. Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в Комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших К-тов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе, — по возможности вводить рабочих в К-ты, — оказался недоста-

точным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда.

10. Речь при обсуждении устава Партии.

Должен признаться, что аргументы, которыми т. Иванов защищает свою идею единоцентризма, кажутся мне несостоятельными. Вот аргументация т. Иванова:

«К §§ 4 и 5-му. Система двух центров с балансиrom — Советом осуждена самою жизнью. Из истории партийного кризиса очевидно, что она — слишком благоприятная почва для развития разногласий, дразни, придворных интриг. Она означает подчинение России загранице: Ц. К. непостоянен по своему составу в силу провалов, ред. Ц. О. постоянна, Совет живет за границей. Все важнейшие возражения против одного центра, основанные на фактической разъединенности России с заграницей, с одной стороны, только подтверждают мысль о возможности и вероятности раскола между двумя центрами, с другой стороны, в значительной мере отпадают, если съезд сделает обязательными периодические совещания между русскими и заграничными членами Ц. К.».

Упомянутые здесь милые качества оказались, однако, присущи в одинаковой мере как заграничному Ц. О., так и «истинно-русскому» Ц. К. Во всем построении т. Иванова я вижу ошибку, предусмотренную логикой: *post hoc, ergo propter hoc*. Так как три центра нам, извините за выражение, напакостили, — то пусть будет у нас один центр. Я не вижу здесь «*propter*»! Наши беды обусловлены были не механизмом, а личностями: дело-то в том, что отдельные личности, прикрываясь формалистическим толкованием устава, уклонялись от исполнения воли съезда. Разве «истинно-русский» Ц. К. не превратился «диалектически» в свою противоположность? Т. Иванов рассуждает так: заграница вела себя дурно, — надо поставить ее в «осадное положение» и взять ее в «ежовые рукавицы». Я всегда, как известно, был сторонником и «осадного положения» и «ежовых рукавиц», поэтому против таких мер возражать не буду, но разве Ц. К. не заслужил того же? Кроме того кто же станет оспаривать, что Ц. О. может быть постоянным а Ц. К. не может? Ведь это — как-никак факт. Но практически я воздержусь от всякого спора: прежде у нас был Совет, а теперь будет совещание (заграничной и русской части Ц. К.). Всего три лишние буквы. Телега наша валилась все направо в сторону Ц. О. — т. Иванов подкладывает справа солому на будущее время, но, по моему мнению, надо бы подложить ее и слева, со стороны Ц. К. Я бы присоеди-

нился к предложению т. Михайлова о раскассировании К-тов, но я, право, не знаю, что такое периферия? «Заседателей и хранителей печати» выкуривать надо, но как точно определить понятие — периферия? « $\frac{2}{3}$ голосов периферии!» — но кто сможет вести ей точный регистр? Я должен, кроме того, предостеречь съезд от заполнения устава множеством §§-ов. Писать хорошие §§ легко, но на практике они большею частью оказываются лишними. Не надо превращать устав в собрание благих пожеланий. . .

11. Речь по вопросу о редакции § 9 устава Партии.

Я стоял за раскассирование К-тов, но в Совете Партии, в момент, когда разгорелась наша фракционная вражда, я высказался против него, потому что применять это право было до некоторой степени неприлично. Если этот § грозит К-там, состоящим из интеллигенции, я сугубо высказываюсь за него. Интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах. Она всегда стоит во главе всевозможных дрязг, и поэтому я предлагаю вместо слов «периферия» поместить слова: «организованные рабочие», т.-е. сказать так: «§ 9. Местный комитет должен быть распушен Ц. К-том, если за распушение выскажутся $\frac{2}{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации».

На маленькую интеллигентскую периферию положиться нельзя, но на сотни организованных рабочих можно и должно. Этот § я хочу тесно связать с вопросом об отчетности. Нам в этом отношении нужно взять пример с Бунда, которому всегда точно известна цифра организованных рабочих. И если наш Ц. К. всегда будет знать, сколько есть в данной организации организованных рабочих, с их мнением Ц. К. должен считаться и обязан раскассировать местный К-т по требованию организованных рабочих.

12. Речь по поводу соглашения с с.-р.-ами.

Я должен доложить съезду об одной неудачной попытке соглашения с с.-р. За границу приехал т. Гапон. Повидался с с.-р., потом с «Искрой», затем и со мной. Он говорил мне, что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь очень хорошая, — но не между революционерами. Нашего разговора не передаю — его содержание изложено во «Вперед». На меня он произвел впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания.

Через некоторое время я получил от т. Гапона письменное приглашение на конференцию социалистических организаций, имевшую целью, по мысли Гапона, согласование их деятельности. Вот список тех 18 организаций, которые, по этому письму, были приглашены на конференцию т. Гапона:

1) Партия соц.-революционеров. 2) Р. С.-Д. Р. П. «Вперед». 3) Р. С.-Д. Р. П. «Искра». 4) Польская Партия Социалистическая. 5) С.-Д. Польши и Литвы. 6) П. П. С. «Пролетариат». 7) Латышская С.-Д. Р. П. 8) Бунд. 9) Армянская С.-Д. рабочая организация. 10) Армянская революционная федерация (Дрошак). 11) Белорусская Социалистическая Громада. 12) Латышский С.-Д. Союз. 13) Финляндская Партия активного сопротивления. 14) Финляндская Рабочая Партия. 15) Грузинская Партия соц.-федер. революционеров. 16) Украинская революционная Партия. 17) Литовская С.-Д. Партия. 18) Украинская Соц. Партия.

Я указывал и т. Гапону и одному видному с.-р., что сомнительный состав конференции может затруднить дело. На конференции складывается огромное преобладание с.-р. Дело созыва конференции надолго затянулось. «Искра» ответила, как видно из предъявленных мне т. Гапоном документов, что она предпочитает прямые соглашения с организованными партиями. «Тонкий» намек на «Вперед», который-де является дезорганизатором и т. д. В конце концов «Искра» на конференцию не явилась. Мы, представители и от редакции «Вперед» и от Бюро Комитетов Большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является с.-р. Оказалось, что рабочие партии либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены. Так была представлена Финляндская Партия активного сопротивления, но не было Финляндской Рабочей Партии.

На наш вопрос, почему? — нам ответили, что приглашение Финляндской Рабочей Партии передано через Партию активного сопротивления, так как, по словам говорившего это с.-р., они не знали, как сообщить это непосредственно. Между тем всякому, хоть сколько-нибудь знающему дела за границей, известно, что с Финляндской Рабочей Партией можно снестись хотя бы через вожда Шведской С.-Д. Р. П. Брантинга¹³⁰). На конференции были представители П. П. С., но не было представителя С.-Д. Польши и Литвы. И нельзя было добиться сведений, были ли они приглашены? От Литовской С.-Д., Революционной Украинской Партии ответа не получилось, как нам сообщил тот же с.-р.

С самого начала выдвинут был национальный вопрос. П. П. С. подняла вопрос о нескольких учредительных собраниях. И это дает мне основание сказать, что вперед необходимо будет или вовсе отказы-

ваться от участия в конференции, либо устраивать конференцию из представителей рабочих партий одной национальности, либо приглашать на конференцию представителей местных партийных К-тов, из районов с не-русским населением. Но я вовсе не вывожу отсюда, что конференции невозможны из-за принципиальных разногласий. Необходимо лишь, чтобы вопросы были поставлены чисто деловые.

Мы не можем из-за границы контролировать состав конференций и т. п. Необходимо, чтобы был представляем русский центр и обязательно с участием представителей местных К-тов. Вопрос, из-за которого мы удалились, был вопрос относительно латышей. Уходя с конференции, мы предъявили следующее заявление:

«Переживаемый Россией важный исторический момент ставит перед действующими в стране с.-д. и революционно-демократическими партиями и организациями задачу практического соглашения для более успешного нападения на самодержавный режим.

Придавая поэтому чрезвычайно серьезное значение созываемой для этой цели конференции, мы естественно должны самым строгим образом относиться к вопросу о ее составе.

В созданной т. Гапоном конференции, к сожалению, это необходимое условие плодотворности ее работы не было достаточно соблюдено, и мы вынуждены были в виду этого уже при самом начале ее конституирования принять меры, которые обеспечили бы реальный успех данного совещания.

Чисто деловой характер конференции требовал, например, прежде всего, чтобы доступ к участию в ней был предоставлен лишь таким организациям, которые составляют действительную реальную силу в России.

А между тем состав конференции в смысле реальности некоторых организаций оказался весьма неудовлетворительным. На ней оказалась представленной даже такая организация, фиктивность которой стоит вне сомнений. Мы говорим о Латышском С.-Д. Союзе.

Представитель Латышской С.-Д. Р. П. потребовал отвода этого Союза, придав этому требованию ультимативный характер.

Выяснившаяся, затем, на особом совещании представителей четырех с.-д. организаций при участии делегатов «Союза» полная фиктивность последнего, естественно, заставила и нас — остальные бывшие на конференции с.-д. организации и партии — присоединиться к этому ультимативному требованию.

Но тут же, с первых шагов, мы натолкнулись на резкий отпор всех рев.-демокр. партий, которые своим отказом в удовлетворении нашего ультимативного требования предпочли одну фиктивную группу ряду известных с.-д. организаций.

Наконец, практическое значение конференции еще более умалялось отсутствием на ней целого ряда других с.-д. организаций, участие которых, насколько нам удалось выяснить, не было обеспечено надлежащими мерами.

Вынужденные в виду всего этого оставить конференцию, мы выражаем вместе с тем уверенность, что неудача одной попытки не остановит настойчивого стремления к повторению ее в самом близком будущем, и что стоящая пред всеми революционными партиями задача практического соглашения будет выполнена этой ближайшей конференцией в составе действительно работающих в России, а не фиктивных организаций.

За Латышскую С.-Д. Р. П. — Ф. Розин.

За «Вперед» Росс. С.-Д. Р. П. — Н. Ленин.

За Центр. Ком. Бунда — И. Гельфин.

За Арм. С.-Д. Р. П. Организацию — Лерр».

Через 1¹/₂ — 2 недели т. Гапон передал мне следующее заявление:

Дорогой товарищ! Препровождая вам две декларации, исходящие от известной вам конференции, прошу сообщить их предстоящему III съезду Р. С.-Д. Р. П. Считаю долгом оговориться лично за себя, что я принимаю эти декларации с некоторыми оговорками в вопросах социалистической программы и федералистического принципа.

Георгий Гапон.

При этом заявлении были переданы два интересных документа, в которых обращают на себя внимание следующие места: «Применение федеративного начала в отношениях между национальностями, остающимися под одной государственной кровлей»...

«Социализация, т.-е. переход в общественное заведывание и в пользование трудового земледельческого населения всех земель, обработка которых основывается на эксплуатации чужого труда, при чем определение конкретных форм, последовательности в проведении этой меры и ее размеров остается в сфере компетенции партий отдельных национальностей, сообразно особенностям местных условий их страны; развитие общественного, муниципального и общинного хозяйства»...

«... Хлеба — голодным!

Земля и ее блага — всем трудящимся!».

«... Учредительного Собрания из представителей всех мест Российской империи, за исключением Польши и Финляндии».

«... Созыв для Кавказа, как автономной, федеративно связанной с Россией части, — Учредительного Собрания»...

Результат конференции, как видно из приведенных цитат, вполне подтвердил опасения, побудившие нас покинуть конференцию. Здесь

перед нами сколок с с.-р. программы со всевозможными уступками националистическим непролетарским партиям. Странно было без национальных пролетарских партий участвовать в решении выдвинутых на конференции вопросов. Ею выставлено, например, требование особого Учредительного Собрания для Польши. Мы не можем быть ни за, ни против. Наша программа признает принцип самоопределения национальностей. Но недопустимо решать этот вопрос без с.-д. Польши и Литвы. Конференция поделила Учредительное Собрание — и это без присутствия рабочих партий! Мы не можем допустить практического решения подобных вопросов помимо партий пролетариев. Но вместе с тем нахожу, что принципиальные разногласия не исключают все же возможности практических конференций, но, во-1-х, — в России, во-2-х, по проверке реальности сил и, во-3-х, отделяя национальные вопросы, или по крайней мере приглашая на конференцию представителей местных К-тов тех из районов, где есть национальные с.-д. и не с.-д. партии.

Перехожу к предлагаемой резолюции о практических соглашениях с с.-р. (читает проект в редакции т. Луначарского:)

Резолюция о практических соглашениях с социальными революционерами.

«Подтверждая отношение Р. С.-Д. Р. П. к партии с.-р., определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения с.-д. с организацией с.-р. в целях борьбы с самодержавием являются в настоящее время в общем желательными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности с.-д. раб. партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. и местным К-там в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями с.-р., при чем местные соглашения могут заключаться лишь под непосредственным контролем Ц. К.».

Я согласен с этим проектом. Только нельзя ли как-нибудь смягчить конец, напр., вместо «под непосредственным контролем Ц. К.» оставить лишь «под контролем Ц. К.».

13. Речь по докладу о деятельности Ц. К.

Действительно, доклад о деятельности Ц. К. касался больше техники, чем политики Ц. К. С 1900 г. я слежу за деятельностью центрального аппарата Партии и должен констатировать гигантский прогресс. Если он нас не удовлетворяет, то ведь полное удовлетворение

наступит разве при диктатуре пролетариата, да и то едва ли! Имейте в виду, что «кооптация» все еще вредит! Ц. К. говорит мало о своей политике, ибо ничего хорошего о ней он не мог сказать. Главная его ошибка — это борьба против созыва съезда. Будь съезд созван годом раньше, он был бы более примиренческим, чем теперь. Я сам стою за раскассирование, но я против него безусловно в одном случае, — когда оно делается из-за агитации за съезд, но на этом я не хочу останавливаться: больше радости об одном грешнике раскаявшемся, чем о 99 праведниках. Что касается упреков по моему адресу, то я скажу лишь, что литератор без Партии ничего сделать не в состоянии.

М а й.

Извещение о III съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III съезд Р. С.-Д. Р. П., который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплуатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность широкой, открытой массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой — и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет — будет подкапывать власть капитала и подготавливать победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую С.-Д. Рабочую Партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Большинство второго съезда не захотело подчиниться большинству его

и начался раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. Первым шагом этого раскола было нежелание исполнять постановления второго съезда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III съезде. III съезд был созван Бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и Ц. К.-том партии. На съезд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на съезд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного съезда, и только отказ трех заграничных членов бывшего Совета Партии повлек за собой бойкот съезда всем меньшинством партии. III съезд, как видно из приводимой ниже резолюции его, возлагает на этих трех членов всю ответственность за раскол партии. Но тем не менее III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам экономизма, который наметился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательным для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу, — лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. Ц. К.-ту партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т.-е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т.-е. у Ц. К. отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $\frac{2}{3}$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для Ц. К., раз $\frac{2}{3}$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному к-ту дано право утверждать периферийные организации в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены комитетов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобла-

дание работающих в России товарищей над заграничной частью партии. Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч. и т. п. Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать уверенно в ряды одной партии, достаточно широкой и жизненной, достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой кружковщины, чтобы стереть следы минувших трений и мелочных конфликтов. Пусть же все действительно ценящие партийность работники социал-демократии последуют теперь призыву III-го съезда, пусть его постановления послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата. Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами второго съезда, III съезд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец, об отношении ее к временному революционному правительству. Съезд обратил внимание всех членов партии на необходимость пользоваться всяким колебанием правительства, всяким юридическим или фактическим расширением свободы нашей деятельности для укрепления классовой организации пролетариата, для подготовки открытого выступления его. Но кроме этих общих и основных задач социал-демократической рабочей партии переживаемый революционный момент выдвигает перед ней роль передового борца за свободу, роль авангарда в вооруженном восстании против самодержавия. Чем упорнее становится сопротивление царской власти народному стремлению к свободе, тем могучее растет сила революционного натиска, тем вероятнее полная победа демократии с рабочим классом во главе ее. Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю.

Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно ожидают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

*«Пролетарий», № 1
от 14 мая 1905 г.*

Работа коллективная.

Всероссийский съезд адвокатов.

Перед нами два отчета о состоявшемся 28 — 30 апреля всероссийском съезде адвокатов: один — напечатанный в № 69—70 «Освобождения», отчет, очищенный и исправленный опытной рукой либерального публициста, второй — гектографированный, изданный в России и коварно разоблачающий буржуазную сущность т. наз. «демократов». Мы воспользуемся обоими отчетами, так как только сопоставление их дает более или менее полную картину этого характерного съезда.

Адвокаты представляют своеобразную группу в буржуазном обществе. В обществе, основанном на частной собственности, а следовательно, на постоянной борьбе из-за этой собственности, адвокаты, естественно, занимают очень выгодное и почетное положение. Они являются какими-то прирожденными носителями идеи буржуазного общества, и не даром адвокаты играли такую видную и крикливую роль во всей истории буржуазии, начиная с самых первых, еще робких шагов ее. Адвокаты — защитники буржуазных прав, — и буржуазия всегда выдвигала их на почетное место. Адвокаты — профессиональные болтуны, и они всегда пролезали во все общественные говорильни.

Естественно было ожидать, что и в начавшемся в России движении — этом предисловии к буржуазной революции, — адвокаты займут соответствующее место, выступят носителями идеи революционной буржуазии, являясь выразителями ее настроений. И всероссийский съезд адвокатов, действительно, представляет в этом отношении очень много характерного. «Съезд был резко окрашен тем политическим настроением, — пишет г. Струве, — которое так властно охватило широкие круги русского общества». И это безусловно верно. Российская адвокатура явилась тем чутким и точным показателем настроения буржуазного «общества», каким адвокатское сословие всегда являлось в истории. Мнения, высказывавшиеся на съезде по таким жгучим вопросам, как отношение к различным общественным силам — от пролетариата до самодержавия, как цели и задачи демократии, как методы борьбы для достижения этих целей, — эти мнения явились таким характерным отражением сущности буржуазного революционизма, что достаточно прислушаться к ним, чтобы понять значение, внутреннюю силу и боевую готовность революционно настроенной части буржуазной интеллигенции. Обратимся же к работам съезда.

Первым шагом съезда была организация союза адвокатов. В первый же день было постановлено: «1) провозгласить всероссийский союз адвокатуры с целью объединения общественно-профессиональной деятельности адвокатуры и достижения политического освобождения России на началах демократической конституции; 2) предоставить бюро съезда широкие полномочия по организации союза; 3) присоединиться к союзам других общественных групп, ставящих себе целью достижение политической свободы на тех же началах; 4) уполномочить бюро — избрать делегацию для участия в деятельности объединенных союзов». Однако адвокатская мысль не удовлетворилась этой организационной работой. Выдвинута была новая идея объединения всех интеллигентских профессиональных союзов (врачей, инженеров, учителей, журналистов и т. д.) в один огромный союз союзов¹³⁷). Задачи этого союза разрастались по мере прений, принимая поистине фантастические размеры. Сначала указывалось, что союз может параллельно с правительственными комиссиями выработать проект созыва учредительного собрания, вести агитацию за этот проект в широких слоях общества и, заручившись массой голосов, даже предъявлять правительству определенные требования. Другие подхватывали эту мысль и высказывали предположение, что союз союзов сам организует учредительное собрание, провозгласит его и введет в жизнь. Наконец, некоторые шли еще дальше и высказывались в том смысле, что почему бы союзу союзов или его совету не превратиться прямо во временное правительство.

Такое революционное настроение представителей демократии могло бы только радовать сердце всякого социал-демократа, если бы не возникал один нескромный вопрос: как же этот цвет российской интеллигенции решается превратиться во временное правительство, не имея за собой другой силы, кроме неиссякаемого источника красноречия? Оказывается, что г.г. адвокаты считают себя непререкаемыми идеологами «народа» и в качестве таковых вполне рассчитывают на его сочувствие и поддержку. Так, известный московский адвокат, г. Тесленко, прямо заявил, что, «как интеллигенция бессильна без народа, так и народ не может завоевать себе свободу без помощи интеллигенции». Смысл такого либерального народолюбия, конечно, ясен. Более наивные и более доверчивые южные адвокаты, оказывается, ехали в Петербург в полной уверенности, «что союз союзов уже существует, что созданы уже кадры вооруженных рабочих, готовые выступить в защиту союза союзов, лишь только он провозгласит себя учредительным собранием». Не дожидаясь, пока «народ» изъявит желание, чтобы союз адвокатов или союз союзов превратился во временное правительство или Учредительное Собрание, наши демократы спешат навстречу этому несомненному для них желанию и при этом изыскивают средства, чтобы привязать к себе трудящиеся массы возможно обильными обещаниями. Правда, некоторые члены съезда, чуждые демократического недуга, резко возражали против «политической авантюры вокруг рабочих», но в первую половину съезда их назидательные голоса тонули среди воплей друзей народа. И вот, чтобы не быть в долгу перед народом, адвокатский съезд обсуждает и впоследствии вносит в свою общую резолюцию требования социально-экономического характера. «Съезд затронул также вопрос о социально-экономических реформах, — пишет по этому поводу г. Струве, — и разрешил его в положительном смысле». Эта скромная формулировка г-на Струве является не более, как фиговым листком. Когда рассматриваемый вопрос был поставлен на очередь, группа московских помощников присяжных поверенных внесла проект социально-экономических реформ более или менее *) в духе нашей программы-минимум. Всякий здравомыслящий человек понимает, конечно, что предлагать съезду адвокатов внесение в резолюцию каких-либо социалистических требований значит заниматься праздной болтовней. Съезд представителей буржуазии, в лучшем случае — буржуазной демократии, не мог, не кривя душой, не обманывая общественного мнения, принимать подобные требования. Но, зато, он мог и должен был, если он действительно

*) Некоторые сомнения возбуждает постановка аграрного вопроса, предлагающая своеобразную форму национализации земли.

отстаивал демократические требования, принять в свою программу положения нашей программы-минимум; потому-то эти положения и выделены в программу-минимум, в нашу демократическую программу, что они осуществимы в рамках буржуазного общества, что их может принять всякий истинный и последовательный демократ. Принять эти требования в программу союза значило показать, что адвокаты заявляют себя последовательными демократами, что они искренне хотят дать народу социально-экономические реформы, а не только поманить его призрачными благами, чтобы использовать его силу и боевую готовность.

Но съезд адвокатов не пожелал выставить реальных требований, проведение которых в жизнь способно действительно улучшить положение трудящейся массы. Он отказался от родства с последовательно демократическими течениями русской общественной мысли и предпочел утвердить свою духовную преемственность со щедринским Балалайкиным. И в самом деле, разве не балалайкинским фразерством веет от следующей формулы, принятой съездом и предложенной г-ном Ратне-ром, адвокатом и сотрудником «Русского Богатства»:

«Цель социально-экономической программы союза адвокатов — достижение такого социально-экономического строя России, при котором были бы ограждены и обеспечены действительные интересы всех элементов трудящегося населения, освобожденного от ига современного капиталистического режима».

Население, освобожденное от ига современного капиталистического режима, может быть только населением социалистического общества. От кого же думают ограждать и обеспечивать интересы этого населения г.г. адвокаты. В то время, как современное рабочее население стонет под игом капиталистического режима, наши, с позволения сказать, демократы заботятся об ограждении интересов трудящегося населения в социалистическом строе, отвергая в то же время требования, направленные к ограждению и обеспечению интересов рабочего класса в современном обществе. И смысл такой подмены понятен. Выставив сегодня конкретные демократические требования, завтра, быть может, придется проводить их в жизнь, а это вовсе не в интересах буржуазии, особенно, когда она окажется у власти. И вот вместо таких неудобных требований выставляется пустопорожняя фраза, заимствованная у социалистов-революционеров и углубленная балалайкинским пустословием.

Но если обсуждение т. наз. социально-экономического вопроса разоблало буржуазную и притом антидемократическую сущность адвокатского союза, то дальнейшие прения показали во всей красе убо-гость мысли и филистерство этих кандидатов во временное правитель-ство. Мечтая о временном правительстве и уповая на поддержку масс,

привлеченных обещанием балалайкинского социализма, нельзя было не натолкнуться на вопрос о вооружении народных масс и на вопрос об отношении к тем организациям, которые действительно пользуются влиянием в этих массах, т.-е. к революционным партиям. И в самом деле, были поставлены на очередь оба вопроса и не только поставлены, но даже, под влиянием указанного господином Струве «властного настроения», решены утвердительно. Собрание большинством голосов приняло, что «местные отделения союза союзов должны оказывать всем местным организациям, борющимся с самодержавием, моральное и материальное содействие», а бюро союза должно «выработать соглашение с этими организациями». Точно так же было постановлено собранием, что «организации союза должны содействовать вооружению организованных групп населения». Но тут вдруг произошел крутой поворот. Повидимому, бесконечное количество адвокатского краснбайства начало диалектически переходить в качество, притом очень скверное качество — буржуазный страх за свою шкуру. Едва было принято последнее постановление, как раздались голоса, что некоторые члены бюро хотят выйти из его состава, так как постановление собрания «подводит их под 102 ст. уголовного уложения». Наши революционеры, еще вчера мысленно заседавшие во временном правительстве, сразу спасовали перед уложением о наказаниях. И вот начинается постепенное нисходящее движение из волшебной области мечты в печальную действительность.

Постановляется пересмотреть решения съезда о вооружении и об отношении к революционным партиям. Указывается, что вопрос о вооружении есть вопрос конспиративный, что ставить его в программу не следует, что необходимость вооружения может, конечно, возникнуть, но предугадывать ее нельзя и т. д. Кроме того, внесение такого пункта в программу грозит существованию союза и заставит многих выйти из бюро. Одним словом, после очень благонамеренных речей решено было просто вычеркнуть этот вопрос из программы. Перерешен был и другой вопрос — об отношении к революционным партиям. Из-за этого вопроса чуть не возник раскол. Когда большинство высказалось против содействия революционерам, — южные адвокаты пригрозили, что уйдут со съезда. Тогда была принята такая примирительная формула: «признавая громадное культурно-политическое значение деятельности революционных партий в России, съезд заявляет полную солидарность с ними в стремлении восстановить в России новый государственный порядок на началах общего, прямого, равного и тайного голосования». Но и эту платоническую резолюцию решено было, как отмечает г. Струве, не вносить в окончательную резолюцию съезда, подводящую итоги его работам.

Покончив, таким образом, с вопросами крупной политической важности и выдав себе полное свидетельство о бедности, наши революционеры поставили на обсуждение следующие вопросы: 1) адвокатская забастовка, 2) неплатеж податей, 3) непотребление казенного вина, в целях сокращения доходов правительства *), 4) изъятие из сберегательных касс всех сбережений. И на этих вопросах особенно ясно сказалось все филистерство этих «демократов», неспособных не только рисковать своей личностью ради той свободы, о которой они так много и так лицемерно болтают, но даже неспособных жертвовать ради нее своим карманом. Адвокатская забастовка, видите ли, оказалась неисполнимой, ибо, как учит опыт после 9-го января, бастует лишь ничтожная кучка, остальные же адвокаты продолжают «добросовестно» выступать на суде. Точно также неприменимым для г.г. адвокатов оказалось и предложение о неплатеже налогов. Адвокаты платят один лишь квартирный налог, и, если бы они перестали платить его, то немедленно было бы описано их имущество и продано за недоимку. Другое дело, видите ли, крестьяне; у тех такая продажа ни к чему бы не привела, ибо можно было бы повлиять на их односельчан, чтобы они имущества не покупали. (Не правда ли, какая идиллия? Г. г. адвокаты, вероятно, ничего не слышали о постоянной продаже крестьянского имущества с молотка и о так называемом выколачивании податей.) Зато с неподдельной симпатией была встречена адвокатами мысль о пропаганде среди рабочих идеи непотребления казенного вина. Какой хороший народ эти рабочие! Уже свыше 6.000 петербургских рабочих дали свое согласие не пить монополюшки; правительство бьет по карману и притом без всякого риска и жертв со стороны адвокатов. Одобрил съезд также и мысль об изъятии из сберегательных касс всех сбережений. Не подумайте, что при этом имелась в виду продажа государственных бумаг, в которые средние слои буржуазии (в том числе немало и адвокатов) вкладывают свои сбережения. О, нет! такая опрометчивая мера привела бы к обесценению бумаг и имела бы последствием совершенно нежелательные убытки лучшей части «политически настроенного» общества!

Так были рассмотрены все практические предложения, и в конце концов оказалось, что по странной случайности как раз адвокаты ничем не могут активно помочь делу русской революции. На их долю, вероятно, выпадет зато тяжелая забота заседать во временном правительстве и учредительном собрании, к чему они так предусмотрительно готовятся. Зато сколько пышных речей было произнесено по национальному вопросу! Как распинались г.г. адвокаты из-за уравнивания

*) Буквально так. Не подумайте, что это шутики социал-демократов.

политических и гражданских прав всех граждан, без различия национальности и вероисповедания. Ведь тут такое широкое поле для беспредельного красноречия, не обязывающего ни к каким поступкам и не подвергающего никакому риску!

За три дня заседаний съезда «политическое настроение» адвокатов успело вознестись на крыльях мечты до самой вершины стоящих перед российской демократией задач и шлепнуться оттуда в болото будничной пошлости. И в этом странном движении адвокатская мысль показала себя и с лицевой стороны и с изнанки, обнажив за высокопарным фразерством филистерский страх за личную безопасность и неприкосновенность кармана. Неудивительно, что и резолюция, принятая в конце съезда и подводящая итог его работам, отразила на себе это умеренное и лойальное настроение. Вот ее текст:

Принимая во внимание:

1) что современный бюрократический (sic!) строй не может удовлетворять потребностям страны;

2) что само правительство (!!) принуждено было признать необходимость участия выборных представителей народа в государственном устройстве;

3) что таким образом (?) ныне наступил момент общественного самоопределения;

4) что все члены съезда, как бы различны ни были их политические и социальные взгляды, сходятся в том, что ближайшей задачей минуты является:

а) замена существующего бюрократического строя демократическим, конституционным режимом;

б) освобождение всех трудящихся слоев населения из-под гнета современных экономических условий (?!), —

съезд постановил:

I. Образовать среди присяжной адвокатуры политический союз для достижения названной цели, т.-е. введения в России демократически-конституционного строя на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и

II. Опубликовать об образовании этого союза во всеобщее сведение.

Гора родила мышь. Из пышных речей и мечтаний возникла позорная лойяльная резолюция. После речей о временном правительстве выдвигается требование замены «бюрократического» строя конституционной монархией, после угроз превратиться в учредительное собрание требование демократически-конституционного строя мотивируется тем, что «само правительство признало необходимость народного представительства». И рядом с этим благонамеренным лакейством повторяется лицемерная фраза об «освобождении всех трудящихся слоев

населения из-под гнета современных экономических условий». В трехдневной болтовне съезда адвокатов отразился, как в капле воды, весь буржуазный либерализм с его блудливым вожделением конституции, с его заячьей боязнью борьбы, с его лакейской угодливостью перед сильным еще самодержавием, с его лицемерным и корыстным народоловием. И мы не перестанем рекомендовать рабочим обстоятельнее знакомиться с разговорами на подобных съездах *). Разоблачая либеральных болтунов, мы всегда будем говорить: смотрите, товарищи-рабочие, эти господа хотят взять вас в свои руки, хотят руководить вашим движением. Они готовы сулить вам социализм, а сами стучат лбом перед монархом, обогащенным вашей кровью!

Смотрите же и помните: если вы хотите действительной свободы, той свободы, которая одна даст вам возможность вырасти в могучий класс и бороться за социализм, — вы должны бороться против самодержавия помимо этих буржуазных болтунов, а если понадобится, — и против них.

*«Пролетарий», № 2
от 21 мая 1905 г.*

Международное значение русской революции.

В статье **), посвященной первомайскому празднику этого года, К. Каутский характеризует начавшуюся в России революцию, как одно из звеньев в общей цепи революционного движения Европы, идущего через ряд правильно повторяющихся потрясений к окончательной революции — социалистической. Каутский указывает, что еще в 1885 г. Энгельс в своем предисловии к брошюре Маркса «Разоблачения относительно процесса коммунистов в Кельне» предсказывал, что «следующие европейские потрясения не заставят себя ждать». В связи с этим он отмечал, что «в нашем столетии европейские революции 1815, 1830, 1848 — 1852, 1870 г. г.¹³⁸⁾ периодически повторяются через каждые 15 — 18 лет».

Это предсказание Энгельса основывалось на глубоком анализе современного капиталистического строя. В обществе, полном непримиримых противоречий, всякие трения и столкновения между классами по необходимости приводят, в конце концов, к сильным политическим потрясениям, к политическим революциям. Конфликты между различными общественными классами, — а они являются характерной чертой

*) Как жаль, что г. Струве не публикует полученных им полных протоколов съезда! Ведь ни за что не опубликует он их!

**) «Maifeier 1905», изд. «Vorwärts».

капиталистического общества, — не могут быть улажены мирно, не могут быть устранены социально-реформаторскими фокусами во вкусе г.г. ревизионистов. Предоставленные на произвол стихийного развития, эти конфликты растут и обостряются, пока не приводят к такому резкому и крупному столкновению общественных классов, которое может быть разрешено лишь путем политической революции. Мало того. Внушительные уроки истории не только не облегчают на будущее время безболезненного разрешения конфликта, но, напротив, делают его все более затруднительным. Они развивают в господствующих классах боязнь тех великих преобразований, которые вносят в общественные отношения эти политические конфликты и значение которых эти господствующие классы не в силах измерить и оценить. «Таким образом, — говорит Каутский, — препятствия к социальному и политическому прогрессу растут в той же мере, в какой возрастающее социальное напряжение усиливает необходимость энергичных преобразований. Концом этого развития является всегда сильное политическое потрясение — революция, которая насильственно устраняет препятствия к прогрессу и снова делает возможным на некоторое время мирное течение общественного развития». Мы видим, следовательно, что и в политической области замечается то же явление, которое мы наблюдаем в экономической жизни капиталистического общества: именно, постоянное разрешение внутренних противоречий этого общества путем периодических революционных потрясений. Как хозяйственная жизнь современного общества неизбежно развивается рядом толчков и скачков от экономического расцвета к кризисам со всеми их бедствиями, а от кризисов опять к процветанию промышленности, так и политическая жизнь его обречена на постоянно повторяющиеся катастрофы, ставшие как бы нормальными ступенями развития капиталистического общества. И если опыт учит нас, что экономический цикл завершается приблизительно в 10 лет, то он же показывает, что для политического цикла требуется от 15 до 20 лет.

Этот анализ своеобразных форм политического развития капиталистического общества заставил Энгельса предположить, что после революционного потрясения 1870 г. Европа должна пережить сходное потрясение в конце 80-х — начале 90-х г.г. И это его предположение оправдалось. Как известно, после 1870 года центр тяжести политической жизни Европы, находившийся прежде в Англии и во Франции, переместился в Германию. Всем известно, какой громадный экономический подъем, а вместе с тем и какой громадный рост политических сил пережила объединенная Германия после победы над Францией. Ринувшись, очертя голову, в капиталистический водоворот, она попала в сферу действия тех внутренних противоречий капиталистического общества,

о которых мы говорили выше. Конфликт между пролетариатом и буржуазией, который, конечно, не мог быть мирно разрешен на почве современных хозяйственных отношений, возрастал и обострялся. Даже та относительная свобода, которая дала пролетариату такое, например, сильное оружие борьбы, как всеобщее избирательное право в имперский парламент, не только не послужила исходной точкой для мирного разрешения конфликта, но, напротив, явилась предметом покушений со стороны буржуазии. Конфликт этот выразился в Германии, как известно, в попытке отнять политические права пролетариата (исключительный закон против социалистов), попытке, еще более осложнившей самый конфликт и приведшей в конце концов в полному крушению всей политики Бисмарка. Конечно, это крупное потрясение не достигло силы революции. Пролетариат был еще слишком слаб, буржуазный либерализм находился в упадке, и обе эти силы не могли использовать политической катастрофы, чтобы надолго расчистить путь прогрессу. Однако, указывает Каутский, это потрясение имело несомненно общеевропейский характер и повлекло за собой несколько лет интенсивной политической жизни и прогресса. Так, Франция получила в 1892 году 10-ти-часовой рабочий день и довольно крупное представительство социалистов в парламенте; Бельгия приобрела всеобщее, хотя и не равное, избирательное право; в это же время в министерстве Гладстона¹³⁹⁾ обсуждался серьезно вопрос о 8-ми-часовом рабочем дне, и заключительным актом этого прогрессивного периода можно считать агитацию за всеобщее избирательное право в Австрии в 1896 г. Да, это не была революция в собственном смысле, ибо она оставила после себя много неразрешенных вопросов, много неразбитых цепей. Но это было несомненно крупное потрясение — результат назревшего конфликта. Оно не оправдало, конечно, надежд многих лиц и дало повод многим впасть в самый мрачный пессимизм. На почве политического застоя, воцарившегося после этого потрясения, возникла та мертвенная теория, которая учила, что такой застой является как раз самым верным путем прогресса, что именно таким образом движение сильно идет вперед, что на катастрофы и потрясения могут еще рассчитывать лишь те, чья мысль прикована к традициям прошлого. Сторонники этого нового взгляда навсегда прощались с революцией в то самое время, когда уже начали появляться первые признаки надвигающейся революционной катастрофы. Через 15 лет после выборов, нанесших смертельный удар правительству Бисмарка, произошло восстание рабочих 9-го (22) января в Петербурге, начавшее русскую революцию. «Но это будет более мощная революция, чем потрясение 1890 г. — пишет Каутский. — Она доведет до конца все то, что первое оставило неоконченным. Она является более мощной уже потому, что нападает на очаг всяких реакций и превращает его

в центр революции. Если в 1890 г. европейское потрясение носило такой мирный характер, то это объясняется, между прочим, и тем, что оно совпало с моментом полного подавления всякого оппозиционного движения в России. Царизму удалось еще раз сломить и раздавить его после гигантских усилий 1878 — 81 г.г.¹⁴⁰⁾, и к концу 80-х г.г. гробовое молчание царило в громадной Российской империи. Нужно было быть «марксистом-догматиком», чтобы иметь мужество в 89 г. на парижском международном конгрессе¹⁴¹⁾ предсказывать, как это делал Плеханов, что «революционное движение восторжествует в России, как рабочее движение». Теперь это торжество, наконец, наступило, торжество не только рабочего движения, но также и «марксистской догмы», которая позволила предугадать не только надвигающуюся революцию, но и ее носителей, в такое время, когда невозможно было открыть ни малейшего признака движения в империи царей».

По мнению Каутского, теперь в России имеется налицо настоящая революция, притом революция, в которой, повидимому, крестьянские силы сыграют свою роль. Русское самодержавие является как бы символическим воплощением дикой реакции, воплощением всех тех грубых сил, которые только способны в настоящее время тормозить прогресс европейской культуры. Если падение старого порядка во Франции в XVIII веке было падением аристократии, являвшейся носительницей самой высокой и утонченной культуры, то русский «старый порядок» не имеет за собой даже этих заслуг. Напротив, он является тормозом всякой культуры, всякого развития.

Невозможно, конечно, предсказать размеры и последствия русской революции. Несомненно лишь то, что она не ограничится Россией, что она будет иметь громадное, общеевропейское значение.

Падение самодержавия страшно отзовется на экономической жизни Западной Европы и нанесет тяжелый удар капитализму, особенно во Франции и Германии, вложивших миллиарды в дело укрепления русского самодержавия. Страшно отзовется оно также и на политической жизни Европы: оно увлечет национальности, части которых входят в состав Российской империи, оно подкопает самые основы политических конституций граничащих в Россией государств. Оно вызовет глубокое возбуждение в пролетариате всего мира, пробудит в нем надежды, толкнет его на борьбу. «Мы не знаем еще, — говорит Каутский, — будет ли это движение одним из тех потрясений, которые правильно повторяются каждые 15—20 лет в капиталистическом обществе Европы, или же это будет уже началом революции, последней, великой революции, ставящей конец циклу революций капитализма, чтобы создать новые формы развития. Но, что бы ни случилось, нам предстоят великие события, великая борьба, великие победы. Это чувствует про-

летариат повсюду; он волнуется и готовится с бóльшим жаром, чем когда-либо раньше».

Перспективы, нарисованные Каутским, при всей их грандиозности, отличаются громадной вероятностью, можно было бы сказать даже трезвенностью. Они указывают, какая великая и ответственная мировая задача лежит на русской революции и на ее главном деятеле — русском пролетариате. От того или другого исхода восстания в России зависит: толкнуть Европу на путь революционного переворота, или отодвинуть развязку назревшего конфликта в более или менее отдаленное будущее. И сознание этой мировой задачи должно усилить энергию русского пролетариата в деле активной организации восстания против самодержавия, в деле неумолимой борьбы за демократическую республику, в деле беспощадного подавления всяких контр-революционных попыток. Только в качестве руководителя в предстоящей революции российский пролетариат сможет совершить ту великую освободительную миссию, которую налагает на него настоящий исторический момент.

*«Пролетарий», № 2
от 21 мая 1905 г.*

О временном революционном правительстве.

Статья первая: Историческая справка Плеханова.

Третий съезд партии принял резолюцию по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция эта выражает именно ту позицию, которую занимали мы в газете «Вперед». Мы намерены приступить теперь к подробному разбору всех возражений против нашей позиции и к разъяснению со всех сторон истинного принципиального смысла и практического значения съездовской резолюции. Начнем с попытки Плеханова поставить этот вопрос на строго принципиальную почву. Плеханов озаглавил свою статью: «К вопросу о захвате власти». Он критикует «тактику», направляемую (очевидно, «Вперед») к захвату пролетариатом политической власти». На самом деле, как прекрасно знает всякий, знакомый с «Вперед», никогда «Вперед» вопроса о захвате власти не поднимал и никакой «тактики к захвату» не направлял. Плеханов старается подменить действительно обсуждавшийся вопрос другим, вымышленным; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить, ход спора.

Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда, в случае успеха, вытечет необходи-

мость участия ее во временном революционном правительстве, а такое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может. «Искра» защищала эту позицию. «Вперед» возражал, что такой исход, напротив, есть наиболее желательный, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве, равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, допустимо, что без такой диктатуры не удастся отстоять республику. Итак, обе спорившие стороны, отвечая на вопрос, поставленный Мартыновым, принимали два предположения и расходились в выводах из них: обе принимали: 1) руководящее участие партии пролетариата в восстании; 2) победу восстания и полное свержение самодержавия; расходились они в оценке тактических выводов из этих предположений. Неужели это похоже на «тактику, направляемую (!) к захвату (??) власти»? Неужели не ясно, что Плеханов стремится уклониться от Мартыновской постановки, обсуждавшейся «Искрой» и «Вперед»? Мы спорили о том, опасно ли, гибельно ли победоносное проведение восстания, раз оно может привести к необходимости участия во временном революционном правительстве. Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли направлять тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания Мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит.

Какое значение имеет этот подмен вопроса во всей аргументации Плеханова, видно особенно наглядно из эпизода с «виртуозами филистерства». Плеханову не дает покоя это, употребленное «Вперед», выражение. Плеханов возвращается к нему раз семь, грозно и гневно уверяя своих читателей, что «Вперед» дерзнул Маркса и Энгельса назвать этим не слишком лестным эпитетом, что «Вперед» начинает «к р и т и к о в а т ь» Маркса и проч. и т. д. Мы прекрасно понимаем, что Плеханову, задавшемуся целью реабилитировать Мартынова и «разнести» «Вперед», было бы весьма приятно, если бы «Вперед» сказал хоть что-либо похожее на приписываемую ему Плехановым нелепость. Но дело-то в том, что ничего подобного «Вперед» не говорил, и всякий внимательный читатель легко разоблачит Плеханова, который запутал интересный принципиальный вопрос совершенно пустяковой и мелочной придиркой.

Как ни скучно отвечать на придирки, но приходится подробно разъяснять, в чем на самом деле состоял этот эпизод с пресловутыми «виртуозами филистерства». «Вперед» рассуждал так. Мы все говорим о завоевании республики. Чтобы завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие, — мы, т.-е. революцион-

ный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное как революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве. Поэтому люди, пугающие рабочий класс возможной перспективой этой диктатуры, т.-е. такие люди, как Мартынов и Л. Мартов в новой «Искре», впадают в противоречие с своим собственным лозунгом борьбы за республику и доведения революции до конца. Эти люди, в сущности, рассуждают так, как будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу, — именно отмерить себе наперед самый скромный кусочек завоеваний, какую-нибудь куцую конституцию вместо республики. Такие люди, говорил «Вперед», филистерски опошляют известное марксистское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья — социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. «Эта картина верна в общем и целом», писал «Вперед». Перед нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что до всякого подъема надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, «составлять себе план деятельности в революционную эпоху», то мы будем виртуозами филистерства.

Вот каково было рассуждение «Вперед» в № 14. И вот тут-то вздумал придраться Плеханов к последним подчеркнутым словам. «Вперед» — объявляет он с торжеством — тем самым обозвал Маркса филистером, ибо Маркс именно по этой схеме составлял себе план деятельности в самую революционную эпоху!

Доказательство? Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848 — 49 годов, не сумев добить самодержавие, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции, — одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остано-

лось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный подъем будет подъемом на вторую ступеньку.

Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. «диалектический». Так как Маркс в соответствующий конкретный момент конкретной демократической революции говорил, что после происшедшего подъема на первую ступень предстоит подъем на вторую, — то поэтому лишь «критики» Маркса могут называть филистерами людей, которые до подъема на первую ступень пугают нас ужасной перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу.

Да, да, нехорошая вещь «критика» Маркса... и не очень хорошая вещь — неудачная ссылка на Маркса. Мартынов неудачно истолковал Маркса. Плеханов неудачно защитил Мартынова.

И пусть не делает из наших слов какой-нибудь придирчивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, независимо от соотношения общественных сил. Нет, мы никакой подобной тактики не проповедуем. Мы боремся только против влияния на пролетариат людей, способных говорить о республике и о доведении революции до конца и в то же время страшающих себя и других возможностью участия в демократической диктатуре. Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что после теперешнего революционного подъема реакция, конечно, будет неизбежна, но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контрреволюционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры. Мы замечали также в № 14 «Вперед», что самый вопрос об этой диктатуре имеет смысл лишь при допущении такого рода событий, когда демократическая революция доходит до полного низвержения абсолютизма, до республики, а не останавливается на полдороге *).

Перейдем теперь от эпизода с «виртуозами филистерства» к содержанию знаменитого «Обращения» (Центрального Комитета Союза Коммунистов к членам Союза, в марте 1850 года), цитируемого Плехановым. В этом чрезвычайно интересном и поучительном «Обращении» (которое стоило бы перевести целиком на русский язык) Маркс рассматривает конкретную политическую ситуацию в Германии в 1850 г., указывает на вероятность нового политического взрыва, констатирует неизбежность перехода власти, в случае революции, к республиканской, мелко-буржуазной демократической партии и анализирует тактику

*) См. выше статью: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Ред.

пролетариата. Особо рассматривая тактику до революции, в момент ее и после победы мелко-буржуазной демократии, Маркс настаивает на необходимости создания «самостоятельной тайной и открытой организации рабочей партии», борется всеми силами против «принижения ее до роли придатка официальной буржуазной демократии», подчеркивает важность вооружения рабочих, образования самостоятельной пролетарской гвардии, строгого надзора пролетариев за предательской, мелко-буржуазной демократией и т. д.

Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Плеханов выводит отсюда, что Маркс «как видно не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием общественного строя». Логика этого вывода хромает. Маркс не поднимает вопроса об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, а Плеханов заключает, что Маркс решает этот вопрос вообще и принципиально в безусловно отрицательном духе. Маркс говорит только о конкретной ситуации, Плеханов делает общий вывод, не рассматривая вовсе вопроса в его конкретности. А между тем, достаточно взглянуть на некоторые места «Обращения», опущенные Плехановым, чтобы видеть полную неправильность его выводов.

«Обращение» писано на основании опыта двух лет революционной эпохи, 1848 и 1849. Результаты этого опыта Маркс формулирует так: «В то же самое время (т.-е. именно в 48 — 9 г.г.) прежняя крепкая организация Союза Коммунистов значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные кружки и организации (*Gemeinden*) стали запускать свои сношения с Центральным Комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого подпала в общем всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов» *). И на следую-

*) *Ansprache der Zentralbehörde an den Bund, von März 1850, K. Marx: «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln», 1885, Anhang IX, S. 75.* Курсив в литатах везде нап.

щей странице «Обращения» Маркс заявляет: «В настоящее время, когда предстоит новая революция, . . . крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и итти у нее на буксире».

Вдумайтесь хорошенько в значение этих категорических утверждений! После 2-х лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть временно переходила в руки революционных правительств, — Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, выигрыш мелко-буржуазной демократии, проигрыш рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении (рабочие братства Стефана Борна слишком незначительны), полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве. Понятно, что Маркс должен был в своем «Обращении» вдалбливать (извините за выражение) членам Союза Коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными. Маркс должен был доказывать необходимость выставления рабочими особых кандидатов при выборах, независимо от буржуазной демократии. Маркс должен был опровергать демократические фразы, что-де отделение рабочих «раскалывает» (это заметьте! раскалывать можно только то, что было вчера еще едино и что продолжает быть идейно единым!) демократическую партию. Маркс должен был предостерегать членов Союза Коммунистов от увлечения этими фразами. Маркс должен был, от имени Ц. К. Союза, обещать при первой возможности созыв Съезда рабочей партии для централизации рабочих клубов, — в течение революционных лет 1848 — 1849 не было еще налицо условий, для того, чтобы допускать мысль о возможности особого съезда рабочей партии!

Вывод отсюда ясен: в знаменитом «Обращении» Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допустимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 году. Маркс ни слова не говорит при этом об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве потому, что при тогдашних условиях не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры.

Мысль Маркса состоит вот в чем: мы, немецкие социал-демократы 1850 г., не организованы, мы потерпели поражение в первый период революции, мы всецело попали на буксир буржуазии; мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно, — иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелко-буржуазной партии мы тоже будем в хвосте.

Мысль Мартынова состояла вот в чем: мы, русские с.-д. 1905 года, организованы в самостоятельную партию и хотим идти на первый штурм против крепости царизма, идти во главе мелко-буржуазного народа. Но если мы очень уж хорошо организуем штурм и, боже упаси, победоносно проведем его, то нам придется, пожалуй, участвовать во временном правительстве или даже в демократической диктатуре. А это участие принципиально недопустимо.

И Плеханов хочет серьезно уверить кого-нибудь, что можно защитить Мартынова по Марксу? Должно быть, Плеханов считает читателей «Искры» за ребят. Мы же скажем только: одно дело марксизм, другое дело мартыновизм.

Чтобы покончить с «Обращением», необходимо еще разъяснить следующее неправильное мнение Плеханова. Он указывает справедливо, что в марте 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс верил в дряхлость капитализма, и социалистическая революция казалась ему «совсем близкой». Очень скоро Маркс исправил свою ошибку: уже 15 сентября 1850 г. он разошелся с Шаппером (Шаппер с Виллихом остался в меньшинстве Союза и вышел из него), который поддался буржуазно-демократическому революционаризму или утопизму до того, что говорил: «мы должны тотчас достигнуть власти или же мы можем лечь спать». Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату может быть придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений «не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для того, чтобы изменить самих себя, пролетариев, и сделать

себя способным к политическому господству». Плеханов рассказывает вкратце об этой перемене взглядов Маркса и умозаключает:

«Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом после этой «перемены») «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» («Искра», № 96).

Это умозаключение Плеханова совершенно неправильно. Оно сводится именно к тому смешению социалистической и демократической диктатуры, за которое мы не раз упрекали Л. Мартова и Мартынова. Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различие (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов - революционеров»), то надо о с о б о разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелко-буржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определено и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Вперед») участие Мильерана в министерстве рядом с Галлифе в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелко-буржуазными демократами, отстаивавшими и отстаившими республику.

Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии — «абсолютизм, обшитый парламентскими формами». 35 лет спустя, в 1885 г., Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском потрясении. Отсюда вытекает как раз обратное тому, что хочет доказать Плеханов: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в целях упрочения

республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм. Они тем больше осудили бы хвостистов, способных накануне демократического переворота пугать пролетариат возможностью революционно-демократической диктатуры.

Плеханов сам чувствует слабость своей позиции, основанной на кривотолковании «Обращения». Он осторожно оговаривается поэтому, что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос, — хотя делает выводы «исчерпывающей» категоричности, не приведя ровно ничего, кроме не относящейся к делу справки, и не попытавшись даже разобрать конкретной постановки вопроса, данной «Вперед». Плеханов старается навязать «Вперед» и желание «критиковать» Маркса и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вызывает у нас лишь улыбку: должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед» и рассматриваемому вопросу. Наконец, Плеханов ссылается еще на одно доказательство, которое ему «кажется неотразимым». На самом деле, это доказательство (письмо Энгельса к Турати от 1894 года) совсем уже из рук вон плохо.

Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс должен был доказывать Турати различие между социалистической и мелко-буржуазной революцией. Этим все сказано, т. Плеханов! Турати — итальянский Мильеран, бернштейнианец, которому Джиолити¹⁴³ предлагал портфель в своем министерстве. Турати смешивал, очевидно, два переворота самого различного классового содержания. Турати воображал, что он будет проводить интересы господства пролетариата, а Энгельс разъяснял ему, что при данной ситуации в Италии 1894 года (т.-е. несколько десятилетий спустя после подъема Италии на «первую ступень», после завоевания политической свободы, позволившей пролетариату открыто, широко и самостоятельно организоваться!), он, Турати, в министерстве победившей мелко-буржуазной партии будет отстаивать и проводить на деле интересы чужого класса, мелкой буржуазии. Мы имеем, следовательно, перед собой один из случаев мильеранизма; против смешения мильеранизма с демократической диктатурой «Вперед» прямо восстал, и к доводам «Вперед» Плеханов даже не прикоснулся. Мы имеем перед собой характерный пример того ложного положения, от которого Энгельс давно предостерегал вождей крайних партий, именно когда они не понимают истинного характера переворота и бессознательно про-

водят интересы «чужого» класса. Ради всего святого, тов. Плеханов, неужели это имеет хоть какое-нибудь отношение к вопросу, возбужденному Мартыновым и разобранному «Вперед»? Неужели опасность смешения второй и третьей ступеней людьми, поднявшимися на первую ступень, может служить оправданием того, чтобы нас перед подъемом на первую ступень пугали перспективой возможного подъема на две ступени сразу??

Нет, «небольшая историческая справка» Плеханова ровнехонько ничего не доказывает. Его принципиальный вывод: «участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии значит изменять пролетариату» нисколько не подтверждается ссылками на те ситуации, которые имели место в Германии 1850 и в Италии 1894 г.г. и которые радикально отличаются от русской в январе и в мае 1905 года. Эти ссылки ничего не дают по вопросу о демократической диктатуре и временном революционном правительстве. А если Плеханов хочет применять свой вывод к этому вопросу, если он всякое участие пролетариата в революционном правительстве при борьбе за республику, при демократическом перевороте, считает принципиально недопустимым, то мы беремся доказать ему, что это есть «принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осужденный Энгельсом. Это доказательство мы приведем в следующей статье.

*«Пролетарий», № 2
от 21 мая 1905 г.*

Разгром.

Морской бой в Корейском проливе заполонил внимание политической печати всего мира. Сначала царское правительство пыталось скрыть горькую истину от своих верноподданных, но скоро убедилось в безнадежности такой попытки. Скрыть полный разгром всего русского флота было бы все равно невозможно.

Оценивая политическое значение последнего морского боя, приходится повторять то, что мы говорили в № 2 «Вперед» по поводу падения Порт-Артура. Полный военный крах царской России стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносителен победе «внутреннего врага», т.-е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро законченны

последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильными броненосцами «старых сундуков». Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо попирая все обычаи и требования нейтралитета. По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей, — итого 400 миллионов рублей выброшено на эту последнюю военную ставку царского самодержавия.

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей, армада русских судов налетела напрямик на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот. Двухдневное сражение, — и из двадцати военных судов России с 12 — 15 тысячами человек экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло во Владивосток только одно (Алмаз). Погибла большая половина экипажа, взят в плен «сам» Рождественский и его ближайший помощник Небогатов, а весь японский флот вышел невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. Полное изгнание русских войск из Маньчжурии, отнятие японцами Сахалина и Владивостока — теперь лишь вопросы времени. Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия.

Значение этого краха, как краха политической системы царизма, становится все яснее и для Европы и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами. Все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, в роде землевладельцев «Шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое Время».

Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — мира с японцами и мира с либеральной русской буржуазией. Европа несколько не закрывает глаз на то, что мир с Японией может быть куплен теперь лишь очень дорогой ценой, но она трезво и деловито рассчитывает, что каждый новый месяц войны извне и революции внутри неизбежно повышает эту цену и увеличивает опасность такого революционного взрыва, который как песчинку сметет всю политику «уступок». Европа понимает, что самодержавию страшно трудно, почти невозможно уже остановиться теперь,—слишком далеко оно зашло, и вот она, эта буржуазная Европа, старается успокоить и себя самое и своего союзника розовыми мечтами.

Вот что пишет, например, газета французской патриотической буржуазии «Le Siècle», в статейке Корнели, озаглавленной: «Конец одной эпопеи»: «Теперь, когда русские разбиты на море после ряда поражений на суше, на их правительство ложится обязанность заключить мир и преобразовать свои военные силы. Правительства авантюристские бывают иногда вынуждены в силу своих притязаний или в целях своей безопасности вовлекать в войну те народы, над которыми они властвуют. И, так как для таких правительств ставкой в борьбе за победу является самое их существование, то они требуют от их народов новых и новых жертв, ведя их таким образом к конечной гибели. Такова была во Франции история двух наших империй. Такова была бы история и третьей империи, если бы удалось создать таковую у нас.

«Наоборот, положение русского правительства именно не таково; оно держится за самые недра русского народа, и общие несчастья не разъединяют правительство и народ, а лишь теснее спаивают их друг с другом. Победенный Цезарь не есть уже Цезарь. Несчастный царь может остаться священным и популярным царем».

Увы, увы! Хвастовство шовинистского французского лавочника «уже слишком явно», его уверения, будто война не разъединила русского правительства и народа, настолько противоречат общеизвестным фактам, что вызывают улыбку и кажутся наивной и невинной хитростью. Чтобы предостеречь своего друга и союзника, русского самодержца, от неизбежного краха, к которому он, как истинный «Цезарь», идет слепо и упорно, французский буржуа ласково уверяет этого Цезаря, что он не

должен походить на других цезарей, что у него есть еще иной, лучший выход. «Чего хочется, тому верится». Французской буржуазии так хочется иметь могущественного союзника — царя, что она убаюкивает себя романтической сказкой о несчастье, спаивающем русский народ с царем. Серьезно и сам г. Корнели не верит, разумеется, в эту сказку, — тем менее нам стоит брать ее всерьез.

Авантюристскими бывают не только правительства цезарей, но и правительства законнейших монархов старейшей династии. В русском самодержавии, отставшем от истории на целое столетие, авантюристского больше, чем в любой из французских империй. Самодержавие именно по-авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение.

*«Пролетарий», № 3
от 27 мая 1905 г.*

Революционная борьба и либеральное маклерство.

Заграничное «Освобождение», подводящее, без всякой помехи цензуры, итоги бесчисленным выступлениям русских либералов, дает иногда особенно ценный материал для изучения политики буржуазии. Только что напечатанная им (или перепечатанная из «Новостей» от 5 апр.) «программа Союза Освобождения» с поучительными комментариями г. П. С. служит прекрасным дополнением к решениям земских съездов и к освобожденскому проекту конституции, о котором мы говорили в № 18 «Вперед». «Выработкой и вотированием этой программы — справедливо говорит г. П. С. — сделан крупный шаг к созданию русской конституционно-демократической партии».

Несомненно, для русских либералов это крупный шаг, выделяющийся среди довольно уже продолжительной эпопеи либеральных выступлений. И как же мелок этот крупный либеральный «шаг» сравнительно с тем, что нужно для создания действительной партии, сравнительно даже с тем, что создано уже для этой цели хотя бы социал-демократией! Буржуазия располагает неизмеримо большей свободой легального выступления, чем пролетариат, неизмеримо большим количеством интеллигентных сил и денежных средств, несравненно большими удобствами для партийной организации, — а между тем перед нами все еще

«партия» без официального названия, без общей, ясной и точной программы, без тактики, без партийной организации, «партия», состоящая по отзыву компетентного г. П. С. из «земской фракции» и из «Союза Освобождения», т.-е. из неорганизованного конгломерата лиц плюс организация. Может быть, впрочем, члены земской фракции являются «членами партии» в том знаменитом смысле, что они, признавая программу, работают «под контролем одной из партийных организаций», одной из групп «Союза Освобождения»? Насколько не соответствует подобное понимание членства партии всему духу социал-демократии, настолько же удобно и целесообразно оно для либералов, настолько же свойственно всему их политическому облику. Из такого понимания партии (выраженного не в писанном уставе, а в реальной конструкции этой «партии») вытекает, между прочим, то, что организованные члены партии, т.-е. члены «Союза Освобождения», стоят в большинстве за однопалатную систему и тем не менее отказываются от нее в своей программе, обходят вопрос полным молчанием в угоду неорганизованным членам партии, в угоду «земской фракции», которая стоит за двухпалатную систему. Соотношение «сил», можно сказать, providенциальное для политически активной буржуазии: организованные интеллигенты предполагают, неорганизованные дельцы, воротилы, капиталисты располагают.

Г. П. С., от всей души приветствующий программу «С. Осв.», принципиально защищает при этом и неясность, неполноту, незаконченность программы и организационную расплывчатость и тактические умолчания, защищает соображениями «реальной политики»! Мы еще вернемся к этому бесподобному, чрезвычайно характерному для всей сущности буржуазного либерализма понятию; теперь же перейдем к разбору основ либеральной программы.

Официального названия у партии, как мы уже сказали, нет. Г. П. С. называет ее тем же именем, которое, кажется, фигурирует и на страницах наших легальных газет либерального направления, — «конституционно-демократическая партия». И, как ни маловажен на первый взгляд вопрос о названии, однако и тут уже сразу мы получаем материал для разъяснения того, почему буржуазия должна, в отличие от пролетариата, удовлетворяться политической расплывчатостью и даже «принципиально» защищать ее, — именно «должна» не по субъективным только настроениям или качествам ее вождей, а в силу объективных условий существования всего класса буржуазии, как целого. Название «конституционно-демократическая партия» сразу напоминает известное изречение: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Название «к.-д. п.» придумано для того, чтобы скрыть монархический характер партии. В самом деле, кто же не знает, что вся эта

партия, и в лице ее хозяйской части — земской фракции, и в лице «С. О.», стоит за монархию? О республике ни те, ни другие даже не разговаривают, считая такой разговор «несерьезным», а в их проекте конституции монархия признается, как форма правления, прямо и определенно. Значит, перед нами партия сторонников конституционной монархии, партия монархистов-конституционалистов. Это факт, не подлежащий ни малейшему сомнению и неустрашимый никакими рассуждениями о «принципиальном» признании республики (хотя мы таких рассуждений от «конституционалистов-демократов» пока не слышали!), ибо дело идет именно не о «принципиальном» только, а о практически-политическом признании, о признании желания завоевать и необходимости бороться.

Но в том-то и суть, что нельзя господам буржуа назвать себя теперь же своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу. Нельзя открыто сказать правды, нельзя громко aussprechen was ist (сказать то, что есть), потому что это равносильно признанию одной из самых диких и вредных политических привилегий, равносильно признанию своего антидемократизма. Признать же это борющаяся за политическую свободу буржуазия не может не только потому, что это уже очень срамно, конфуз и неприлично. Нет, ни перед каким неприличием не остановятся люди буржуазной политики, раз потребуют этого интересы. Но сейчас их интересы требуют свободы, а свободы нельзя добыть без народа, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (= сторонником самодержавия народа), не скрывая своего монархизма.

Таким образом, классовое положение буржуазии приводит неизбежно к внутренней неустойчивости и фальши самой постановки ее основных политических задач: борьба за свободу, за разрушение вековых привилегий самодержавия, несовместима с отстаиванием привилегий частной собственности, ибо эти привилегии заставляют «бережно относиться» к монархии. Реальная программа монархической конституции облекается поэтому в красивый воздушный наряд демократической конституции. И это подкрашивание реального содержания программы заведомо лживой показной мишурой называется «реальной политикой»... Идеолог либеральной буржуазии с неподражаемым пренебрежением, с великолепным самодовольством говорит поэтому о «теоретическом самоуслаждении», которым занимаются «представители крайних партий» («Осв.», № 69 — 70, стр. 308). Реальные политики буржуазии не хотят услаждать себя ни разговорами, ни даже грезами о республике, ибо они не хотят бороться за республику. Но именно поэтому они чувствуют непреодолимую потребность у с л а ж д а т ь народ

приманкой «демократизма». Они не хотят обманывать себя на счет своей неспособности отказаться от монархии, и именно поэтому они должны обманывать народ умолчанием о своем монархизме.

Название партии, как видите, вовсе не такая случайная и не такая маловажная вещь, как можно бы подумать с первого взгляда. Иногда самая уже крикливость, манерность названия выдает глубокий внутренний порок всей программы и всей тактики партии. Чем интимнее чувствует идеолог крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме. Чем больше идеолог мелкой буржуазии отражает ее неустойчивость, ее неспособность к выдержанной и неуклонной борьбе за демократическую революцию и за социализм, тем с большим жаром ораторствует он о партии «социалистов-революционеров», о которой верно было сказано, что ее социализм вовсе не революционен, а ее революционность вовсе не связана с социализмом. Остается только, чтобы сторонники самодержавия назвали себя (как они уже и пробовали не раз) «народной партией», и мы будем иметь полную картину того, как классовые интересы преобразуются в политических вывесках.

Вывеска либеральной буржуазии (или программа «Союза Освобождения») начинает, как и подобает вывеске, с эффектного вступления: «Союз Освобождения» находит, что тяжелый и внешний и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять разрешение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима».

Итак, да перейдет власть в руки народа, да здравствует самодержавие народа на место самодержавия царя. Не так ли, господа? Не этого ли требует демократизм?

Нет, это теоретическое самоуслаждение и непонимание реальной политики. Теперь вся власть в руках самодержавной монархии. Против нее стоит народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, которые уже начали борьбу, ведут ее отчаянно и пожалуй. . . пожалуй увлекутся этой борьбой до полного свержения врага. Но рядом с «народом» стоят также «другие общественные группы», т.-е. «общество», т.-е. буржуазия, землевладельцы, капиталисты, профессиональная интеллигенция. Вот и надо поделить власть на три равные части. Одну треть оставить монархии, другую дать буржуазии (верхняя палата, основанная на непрямом и, по возможности, на неравном фактически, не на всеобщем избирательном праве), остальную треть — народу (нижняя палата на базе всеобщего и т. д. избирательного права). Это будет «справедливой» дележкой, при которой обеспечена твердая охрана частной собственности и возможность обратить организованную силу монархии (войско, бюрокра-

тию, полицию) против народа, ежели он «увлечется» каким-нибудь «неразумным» требованием из числа тех, что выдвигают «представители крайних партий из одного только теоретического самоуслаждения». Эта справедливая дележка, сводящая революционный народ к безвредному меньшинству, к одной трети, есть «коренное преобразование на началах демократизма», а отнюдь не на началах монархизма и не на началах буржуазных привилегий.

Как осуществить эту дележку? Посредством честного маклерства. Это давно уже пророчески указал г. П. Струве, еще в предисловии к записке Витте, отметив, что умеренные партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними партиями. Борьба между самодержавием и революционным народом обостряется. Надо лавировать между тем и другим, опираться на революционный народ (подманивая его «демократизмом») против самодержавия, опираться на монархию против «крайностей» революционного народа. При искусном лавировании непременно получится нечто вроде вышеуказанной дележки, при чем за буржуазией-то ее по меньшей мере «треть» обеспечена во всяком случае и безусловно, а распределение долей между народом и самодержавием зависит от исхода их решительной борьбы. На кого надо преимущественно опираться, это зависит от момента — такова суть торгашеской, то-бишь «реальной» политики.

В данный момент еще вся власть в руках самодержавия. Поэтому надо говорить, что власть должен взять в свои руки народ. Поэтому надо называться демократом. Поэтому надо выдвигать требование «немедленного созыва учредительного собрания на началах всеобщего и т. д. избирательного права для выработки русской конституции». Теперь народ не вооружен, раздроблен, не организован, бессилен против самодержавной монархии. Всенародное Учред. Собрание объединит его и явится крупной силой, которая будет противостоять силе царя. Вот тогда-то, когда будут стоять друг против друга власть царя и сплоченная сила революционного народа, тогда и наступит настоящий праздник для буржуазии, тогда только и можно будет с вернейшей надеждой на успех «согласовать» эти две силы и обеспечить наивыгоднейший результат для имущих классов.

Таков расчет реальных политиков либерализма. Расчет неглупый. В этот расчет вполне сознательно вводится сохранение монархии и допущение всенародного учредительного собрания лишь на ряду с монархией. Свержения существующей власти, замены монархии республикой буржуазия не хочет. Поэтому буржуазия российская (по образцу германской буржуазии 1848 года) стоит за «соглашение» народа и престола. Для успеха этой политики соглашения необходимо, чтобы ни та, ни другая из борющихся сторон, ни народ, ни престол, не могли одержать

полной победы, чтобы они уравнивали друг друга. Тогда и только тогда буржуазия сможет соединиться с монархией и предписать народу подчинение, заставить народ удовлетвориться одной «третьей»... или может быть одной сотой долей власти. Всенародное учредительное собрание будет обладать как раз достаточной силой, чтобы заставить царя дать конституцию, но оно не будет и не должно (с точки зрения интересов буржуазии) обладать большей силой. Оно должно лишь уравнивать монархию, но не свержать ее, оно должно оставить материальные орудия власти (войско и проч.) в руках монархии.

Освобожденные смеются над шиповцами, которые хотят царю дать силу власти, народу силу мнения. Но не стоят ли в сущности на позиции шиповцев ¹⁴³) и сами освобожденные? Ведь они тоже не хотят дать народу всей власти, ведь они сами стоят за соглашение власти царя с мнением народа!

Мы видим, следовательно, что интересы буржуазии, как класса, совершенно естественно и неизбежно приводят в данный революционный момент к тому, чтобы выставить лозунг всенародного учредительного собрания и отнюдь не выставлять лозунга временного революционного правительства. Первый лозунг есть лозунг или стал лозунгом политики соглашения, торгашества и маклерства. Второй — лозунг революционной борьбы. Первый — лозунг монархической буржуазии, второй — лозунг революционного народа. Первый лозунг обеспечивает всего более возможность сохранить монархию, несмотря на революционный натиск народа. Второй — выдвигает прямой путь к республике. Первый оставляет за царем власть, лишь ограничивая ее мнением народа. Второй есть единственный лозунг, последовательно и безоговорочно ведущий к самодержавию народа в полном смысле этого слова.

Только это коренное различие в постановке политических задач либеральной буржуазией и революционным пролетариатом объясняет нам, кроме отмеченных, целый ряд второстепенных черт «освобожденской» программы. Только с точки зрения этого различия можно понять, например, необходимость оговорки освобожденных, что решения их Союза «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными», что допускается «временный и условный элемент» в программе. Эта оговорка (подробно и особенно «вкусно» развиваемая в комментариях г. П. С.) безусловно необходима для партии «соглашения» народа с царизмом. Эта оговорка дает понять яснее ясного, что во имя торгашеской («реальной») политики члены «Союза Освобождения» откажутся от очень и очень многих из своих демократических требований. Их программа — не выражение их непреклонных убеждений (таковые не свойственны бур-

жуазии), не указание того, за что обязательно бороться. Нет, их программа — простое запрашивание, заранее считающееся с неизбежной «скидкой с цены», смотря по «твердости» той или другой воюющей стороны. Конституционно-«демократическая» (читай: конституционно-монархическая) буржуазия сторгуется с царизмом на более дешевой цене, чем ее теперешняя программа — это не подлежит сомнению, и сознательный пролетариат не должен делать себе на этот счет никаких иллюзий. Отсюда — вражда г. П. С. к разделению программы-минимум и программы-максимум, к «твердым программным решениям вообще». Отсюда уверения г. П. С., что программы «Союза Освобождения» (изложенной умышленно не в виде точной формулировки определенных требований, а в виде литературного, приблизительного, описания их) «более, чем достаточно для партии, задающейся целями реальной политики». Отсюда — умолчание в программе «демократов»-монархистов о вооружении народа, уклонение от решительной формулировки требования отделения церкви от государства, настаивание на неосуществимости отмены косвенных налогов, замена политического самоопределения угнетенных народностей культурным их самоопределением. Отсюда наивно-откровенное признание связи между демократизмом и интересами капитала, признание необходимости вместо «покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям усиленного покровительства развитию производительных сил народа», содействия «расцвету промышленности» и т. д. Отсюда сведение аграрной реформы к чисто-бюрократическому «наделению» крестьян землей при обязательной гарантии «вознаграждения» помещикам за имеющие отойти к крестьянам земли, — т.-е., другими словами, решительное отстаивание неприкосновенности кабальной и крепостнической «собственности». Все это, повторяем, естественный и неизбежный результат самого положения буржуазии, как класса, в современном обществе. Все это — подтверждение коренного отличия пролетарской политики революционной борьбы от буржуазной политики либерального маклерства.

*«Пролетарий», № 3,
от 27 мая 1905 г.*

О Временном Революционном Правительстве.

Статья вторая: Только снизу или и снизу и сверху?

В предыдущей статье, разобрав историческую справку Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно делает общие и принципиальные выводы на основании слов Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной ситуации Германии в 1850 году. Эта кон-

кретная ситуация вполне объясняет, почему Маркс не поднимал и не мог поднимать тогда вопроса об участии Союза Коммунистов во временном революционном правительстве. Теперь мы перейдем к разбору общего и принципиального вопроса о допустимости такого участия.

Прежде всего необходимо точно поставить спорный вопрос. В этом отношении мы можем, к счастью, воспользоваться одной из формулировок, данных нашими оппонентами, чтобы устранить таким образом пререкания из-за сущности спора. В № 93 «Искры» сказано: «Лучший путь для такой организации (для организации пролетариата в партию, оппозиционную буржуазно-демократическому государству) — путь развития буржуазной революции с н и з у (курсив «Искры»), давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». И дальше «Искра» говорит про «Вперед», что «он хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства».

Итак, вопрос поставлен ясно. «Искра» хочет давления снизу, «Вперед» — «не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Ограничивают свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют доп о л н е н и я давления снизу давлением сверху. Спор сводится, следовательно, именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу или и снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической революции безусловно отказываться от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие. Речь идет, таким образом, не о том, вероятно ли при данной конъюнктуре, осуществимо ли при таком-то соотношении сил давление сверху. Нет, мы не разбираем теперь совершенно никакой конкретной ситуации, и, в виду неоднократных попыток подменить один спорный вопрос другим, мы усиленно просим читателей иметь это в виду. Перед нами общий принципиальный вопрос о д о п у с т и м о с т и перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции.

Для разъяснения этого вопроса обратимся сначала к истории тактических взглядов основателей научного социализма. Не было ли в этой истории споров именно из-за общего вопроса о допустимости давления сверху? Такой спор был. Повод к нему подало испанское восстание летом 1873 г. Энгельс оценивал те уроки, которые социалистический пролетариат должен извлечь из этого восстания, в статье «Бакунисты за работой», помещенной в 1873 году в немецкой соц.-дем. газете

«Volksstaat» и перепечатанной в 1894 году в брошюре «Internationales aus dem Volksstaat». Посмотрим же, какие общие выводы делал Энгельс.

9 февраля 1873 г. испанский король Амадео отрекся от престола — «первый король, устроивший забастовку», острит Энгельс. 12 февраля была провозглашена республика. В провинциях баскских вспыхнуло затем восстание карлистов. 10 апреля выбрано было учредительное собрание, провозгласившее 8 июня федеративную республику. 11 июня конституировалось новое министерство Пи-и-Маргаль. Крайние республиканцы, так называемые «интрансигенты» (непримиримые) не попали при этом в комиссию по выработке конституции. И когда, 3 июля, была провозглашена эта новая конституция, интрансигенты подняли восстание. С 5-го по 11-ое июля они победили в провинциях Севилья, Гранада, Алькой, Валенсия и ряде других. Правительство Салмерона, который сменил вышедшего в отставку Пи-и-Маргалья, двинуло военную силу против восставших провинций. Восстание было подавлено после более или менее упорного сопротивления: Кадикс пал 26-го июля 1873 г., Картагена — 11-го января 1874 года. Таковы краткие хронологические данные, предпосылаемые Энгельсом его изложению.

Оценивая уроки события, Энгельс подчеркивает прежде всего, что борьба за республику в Испании отнюдь не была и не могла быть борьбой за социалистический переворот. «Испания — говорит он — страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о немедленном полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия, — таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного политического вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов».

Итак, дело шло о борьбе за республику, о демократической, а не социалистической революции. Вопрос о вмешательстве рабочих в события ставился тогда двояко: с одной стороны, бакунисты (или «аллиансисты», — основатели «аллианса» для борьбы с марксистской «интернациональю») отрицали политическую деятельность, участие в выборах и т. д. С другой стороны, они были против участия в революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения рабочего класса, против всякого участия в революционном правительстве. Вот эта послед-

няя сторона дела и представляет для нас особый интерес с точки зрения нашего спорного вопроса. Эта сторона дела и подала, между прочим, повод к формулировке принципиальной разницы между двумя тактическими лозунгами.

«Бакунисты, — говорит Энгельс, — много лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз зло — вредно, что все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх».

Итак, принцип: «только снизу» есть принцип анархический.

Энгельс показывает как раз сугубую нелепость этого принципа в эпоху демократической революции. Из него вытекает естественно и неизбежно тот практический вывод, что учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. И бакунисты делали именно такой вывод, провозглашали именно как принцип, что «учреждение революционного правительства есть новый обман рабочего класса, новая измена рабочему классу».

Как видит читатель, перед нами как раз те два «принципа», до которых договорилась и новая «Искра», именно: 1) допустимо лишь революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу и сверху»; 2) участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу. Оба эти новоискровские принципа суть принципы анархические. Фактический ход борьбы за республику в Испании показал как раз всю нелепость и всю реакционность этих обоих принципов.

Энгельс показывает это на отдельных эпизодах испанской революции. Вот, например, вспыхивает революция в городе Алькой. Это фабричный город сравнительно нового происхождения с 30 тысячами жителей. Рабочее восстание побеждает, несмотря на руководство бакунистов, принципиально чуравшихся идеи организовать революцию. Бакунисты стали задним числом хвастать, что они оказались «господами положения». И что же сделали эти «господа» из своего «положения», спрашивает Энгельс. Во-первых, они основали в Алькой «комитет благосостояния», т.-е. революционное правительство. Между тем эти самые аллиансисты (бакунисты) на своем конгрессе 15 сентября 1872 года, т.-е. всего за десять месяцев до революции, постановили: «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Вместо опровержения этих анархических фраз, Энгельс ограничивается саркастическим замечанием, что как раз сторонникам революции пришлось стать «участниками этой временной и революционной правительственной власти» в Алькой. Энгельс третирует этих господ с заслуженным ими

презрением за то, что они обнаружили, оказавшись у власти, «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность». Энгельс с таким же презрением ответил бы на обвинения в «якобинизме», излюбленные жирондистами социал-демократии. Он показывает, что в ряде других городов, например, в Сан-Люкар-де-Баррамеда (портовый город с 26 тыс. жителей около Кадикса) «аллиансистам тоже пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство». Он упрекает их за то, что они «не знали, что делать с своей властью». Прекрасно зная, что бакунистские вожди рабочих участвовали во временных правительствах, вместе с интрансигентами, т.-е. вместе с республиканцами, представителями мелкой буржуазии, Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве (как это следовало бы сделать по «принципам» новой «Искры»), а недостаток организованности, недостаток энергии участия, подчинение их руководству господ буржуазных республиканцев. Какими уничтожающими сарказмами осыпал бы Энгельс людей, принижающих в эпоху революции значение «технического» и военного руководства, видно, между прочим, из того, что Энгельс упрекал бакунистских вождей рабочих за то, что они, попав в революционное правительство, оставляли «политическое и военное руководство» господам буржуазным республиканцам, а сами кормили рабочих пышными фразами да бумажными прожектами «социальных реформ».

Как настоящий якобинец социал-демократии, Энгельс не только умел ценить важность действия сверху, не только вполне допускал участие в революционном правительстве вместе с республиканской буржуазией, но требовал такого участия и энергичной военной инициативы революционной власти. Энгельс считал своим долгом при этом давать практически руководящие военные советы.

«Несмотря на то, — говорит он, — что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла *), хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и таким образом повстанцы, возрастая в числе подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду

*) Wäre er nur mit einigem Verstand geleitet worden. Бедный Энгельс! Жаль, что незнаком он с попой «Искрой! Тогда он знал бы о гибельности, зловредности, утопичности, буржуазности, технической односторонности и заговорщической узости «якобинской» идеи о проведении (geleitet werden) восстания!

в добровольческие батальоны; правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распущенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы, но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе».

Вот как рассуждал основатель научного социализма, когда ему приходилось иметь дело с задачами восстания и непосредственной борьбы в эпоху революционного взрыва! Несмотря на то, что восстание было поднято мелко-буржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно необходимой политической свободе; — несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику, Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации, Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов, Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил. Самые горькие упреки направлял он против бакунистов за то, что они возвели в принцип «то, что было неизбежным злом в эпоху немецкой крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 году, именно раздробленность и обособленность революционных сил, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим». Взгляды Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, на использование революционной власти, как небо от земли, отличаются от хвостистских взглядов новой «Искры».

Подводя итог урокам испанской революции, Энгельс отмечает прежде всего, что «бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу». Именно, во-первых, пришлось выбросить за борт принцип воздержания от политической деятельности, от выборов, принцип «уничтожения государства». Во-вторых, «они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо

чисто буржуазном». В-третьих, — и этот вывод дает ответ как раз на наш спорный вопрос — «они попирали только-что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу, — они попирали его, преспокойно заседаая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими». Не умея руководить восстанием, раздробляя революционные силы вместо централизации их, уступая проведение революции господам буржуа, распуская прочную и крепкую организацию интернационала, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как не следует делать революцию».

* * *

Суммируя вышеизложенное, получаем следующие выводы:

1) Принципиально ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть а н а р х и з м.

2) Кто не понимает новых задач в эпоху революции, задач действия сверху, кто не умеет определять условия и программу такого действия, тот понятия не имеет о задачах пролетариата во всякой демократической революции.

3) Тот принцип, что для социал-демократии недопустимо участвовать вместе с буржуазией во временном революционном правительстве, что всякое такое участие есть измена рабочему классу, есть принцип а н а р х и з м а.

4) Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного проведения восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти.

5) Маркс и Энгельс не могли одобрить и никогда не одобрили бы тактики новой «Искры» в теперешний революционный момент, ибо эта тактика как раз состоит в повторении всех перечисленных выше ошибок. Маркс и Энгельс назвали бы принципиальную позицию новой «Искры» созерцанием «задней» пролетариата и перепевом анархических заблуждений.

В следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства.

*«Пролетарий», № 3,
от 27 мая 1905 г.*

И Ю Н Ь.

Демократические задачи революционного пролетариата.

Социал-демократия, как сознательная выразительница рабочего движения, ставит себе целью полное избавление всех трудящихся от всякого гнета и эксплуатации. Достижение этой цели, уничтожение частной собственности на средства производства и создание социалистического общества, требует очень высокого развития производительных сил капитализма и громадной организованности рабочего класса. Без политической свободы немислимо ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата. Вот почему сознательный пролетариат всегда ставит своей задачей решительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцию.

Эту задачу ставит себе не один пролетариат. Буржуазии тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы; революционная интеллигенция, происходящая главным образом из этих классов, геройски боролась за свободу. Но вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием: она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа.

Русским социал-демократам в целях выполнения этой задачи приходилось вести войну уже не раз с непоследовательностью буржуазного либерализма. Напомним, например, как начинал г. Струве свою свободную от цензуры деятельность в качестве политического борца за «освобождение» России. Он начал ее предисловием к «Записке» Витте, где был выставлен совершенно «шиповский» (говоря языком нынешних политических делений) лозунг: «права и властное земство». Социал-демократия показывала всю отсталость, всю нелепость, всю реакционность этого лозунга, требовала определенной и решительной демократической программы, сама выставляла такую программу, как нераздельную составную часть своей партийной программы. Социал-демократия должна была бороться с узким пониманием демократических задач в ее собственных рядах, когда так называемые экономисты всячески принижали эти задачи, проповедывали «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством», настаивали на необходимости начать с завоевания прав, продолжать политической агитацией и лишь потом, постепенно (теория стадий) переходить к политической борьбе.

Теперь политическая борьба страшно разрослась, революция охватила всю страну, самые умеренные либералы стали «крайними», и может показаться, что такие исторические справки из недавнего прошлого, какие мы сейчас привели, неуместны, не могут иметь никакого отношения к живому, бурному настоящему. Но это может показаться лишь на первый взгляд. Конечно, такие лозунги, как учредительное собрание, всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (выставленные давно и раньше всех социал-демократами в их партийной программе), стали общим достоянием, приняты нелегальным «Освобождением», вошли в программу «Союза Освобождения», стали лозунгами земцев, повторяются на все лады легальной печатью. Прогресс русского буржуазного демократизма за последние годы и месяцы несомненен. Буржуазная демократия учится у событий, отбрасывает примитивные лозунги (вроде шиповского: «права и властное земство»), ковыляет вслед за революцией. Но она именно ковыляет за революцией; на место старых противоречий между ее словами и делами, между демократизмом в принципе и демократизмом в «реальной политике» нарождаются новые противоречия, ибо рост революции все повышает и повышает требования от демократии. Буржуазная же демократия, повышая свои лозунги, всегда отстает от событий, всегда тащится в хвосте, всегда формулирует эти лозунги на несколько градусов ниже, чем этого требует действительно революционная действительная борьба за действительную свободу.

В самом деле, возьмите этот ставший уже ходячим, общепризнанным лозунг: учредительное собрание на основе всеобщего и т. д. изби-

рательного права. Достаточен ли он с точки зрения последовательного демократизма? Достаточен ли он с точки зрения насущных революционных задач переживаемого момента? На оба эти вопроса нельзя ответить иначе, как отрицательно. Чтобы убедиться в этом, стоит только разобрать внимательно нашу партийную программу, которую, к сожалению, недостаточно часто вспоминают, приводят и распространяют наши организации. (Как счастливое исключение, заслуживающее широкого подражания, отметим недавнюю перепечатку программы нашей партии в листах комитетов Рижского, Воронежского и Московского.) Наша программа тоже ставит во главу угла лозунг Всенародного Учредительного Собрания (словом: «всенародный» мы условимся обозначать для краткости всеобщее и т. д. избирательное право). Но этот лозунг стоит у нас в программе не одиноко, а в таком контексте, с такими добавлениями и пояснениями, которые исключают перетолкование его людьми, наименее последовательно борющимися за свободу или даже борющимися против свободы. Этот лозунг стоит у нас в программе в связи с лозунгами: 1) н и з в е р ж е н и е царского самодержавия; 2) замена его демократической р е с п у б л и к о й; 3) обеспеченное демократической конституцией с а м о д е р ж а в и е н а р о д а, т.-е. сосредоточение в с е й верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

Можно ли сомневаться в том, что признание всех этих лозунгов обязательно для всякого последовательного демократа? Ведь слово «демократ» и по грамматическому смыслу и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа. Смешно, значит, говорить о демократизме и в то же время отрицать хотя бы один из этих лозунгов. Но основное противоречие между стремлением буржуазии отстоять во что бы то ни стало частную собственность и желанием добиться свободы так глубоко, что представители, сторонники либеральной буржуазии неминуемо попадают в это смешное положение. Как всем известно, в России с громадной быстротой складывается очень широкая либеральная партия, к которой принадлежит и «Союз Освобождения» и масса земцев и газеты вроде «Нашей Жизни», «Наших Дней», «Сына Отечества», «Русских Ведомостей» и проч., и т. д. Эта либерально-буржуазная партия любит, чтобы ее называли «конституционно - д е м о к р а т и ч е с к о й» партией. На самом же деле, как видно из заявлений и программы нелегального «Освобождения», это партия м о н а р х и ч е с к а я. Она вовсе не хочет республики. Она не хочет одной палаты и вводит для верхней палаты не прямое и фактически не всеобщее избирательное право (ценз по оседлости). Она вовсе не хочет перехода в с е й верховной государственной

власти в руки народа (хотя для показа она очень любит говорить о переходе власти к народу!). Она не хочет н и з в е р ж е н и я самодержавия, она хочет лишь раздела власти между 1) монархией, 2) верхней палатой (где будут преобладать землевладельцы и капиталисты) и 3) нижней палатой, которая одна только строится на демократических началах.

Таким образом перед нами на-лицо несомненный факт, что наша «демократическая» буржуазия в лице ее даже самых передовых, образованных, наименее подчиненных непосредственно капиталу представителей тащится в хвосте революции. Эта «демократическая» партия б о и т с я самодержавия народа. Повторяя наш лозунг Всенародного Учредительного Собрания, она на деле совершенно извращает смысл и значение этого лозунга, она обманывает народ посредством употребления этого лозунга, вернее сказать, посредством злоупотребления этим лозунгом.

Что такое «всенародное учредительное собрание? Это такое собрание, которое, во-первых, действительно выражает волю народа; — для этого нужно всеобщее и т. д. избирательное право и полная гарантия свободы предвыборной агитации. Это такое собрание, которое, во-вторых, действительно имеет силу и власть «учредить» государственный порядок, обеспечивающий самодержавие народа. Ясно, как ясен ясный божий день, что без этих двух условий собрание не может быть ни действительно всенародным, ни действительно учредительным. А между тем наши либеральные буржуа, наши конституционалисты-монархисты (называющие себя для издевки над народом демократами) не хотят реального обеспечения н и о д н о г о из этих условий! Они не только ничем не обеспечивают ни полной свободы предвыборной агитации, ни действительно перехода силы и власти в руки учредительного собрания, — они, напротив, о б е с п е ч и в а ю т н е в о з м о ж н о с т ь того и другого, ибо они обеспечивают монархию. Реальная власть и сила остаются в руках Николая Кровавого: это значит, что злейший враг народа, созывая собрание, «обеспечит» всенародный и свободный характер выборов. Не правда ли, как это демократично? Это значит, что учредительное собрание не будет никогда иметь и не должно (по мысли либеральных буржуа) никогда иметь всей силы и всей власти; оно должно оставаться вовсе без силы и вовсе без власти; оно должно лишь д о г о в о р и т ь с я , с о г л а с и т ь с я , у с л о в и т ь с я , с т о р г о в а т ь с я с Николаем II о пожаловании ему, собранию, частички его царской власти! Учредительное собрание, выбранное всеобщим голосованием, ничем не отличается от нижней палаты. Значит, учредительное собрание, созываемое для выражения и проведения воли народа, предназначается либеральной буржуазией на то, чтобы «учредить» н а д в о л е й

народа волю верхней палаты и плюс еще волю монархии, волю Николая.

Неужели не очевидно, что, разговаривая, ораторствуя, крича о все-народном учредительном собрании, господа либеральные буржуа, освобожденцы, на деле готовят противонародное совещательное собрание? Вместо освобождения народа они хотят подчинить народ конституционным путем, во-первых, власти царя (монархический принцип) и, во-вторых, власти организованной крупной буржуазии (верхняя палата).

Кто желает оспаривать этот вывод, тот пусть попробует утверждать: 1) что возможно действительное выражение в выборах воли народа без полной свободы агитации и без фактического уничтожения всяких привилегий, которые могло бы иметь царское правительство в этой агитации; 2) что собрание представителей, не имеющее в своих руках реальной силы и власти, остающихся в руках царя, на деле не является лишь совещательным собранием. Утверждать то или другое могут лишь продувные шарлатаны или безнадежные глупцы. История неопровержимо доказывает, что представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещательным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь согласует волю народа с волей монарха, т.-е. делит власть между монархом и народом, выторговывает новый порядок, но не учреждает его. История неопровержимо доказывает, что о действительно свободных выборах, о сколько-нибудь полном ознакомлении всего народа с их значением и характером не может быть и речи без замены борющегося с революцией правительства временным революционным правительством. Если мы даже допустим на минуту невероятное и невозможное, именно, что царское правительство, решив создать «учредительное» (читай: совещательное) собрание, обеспечит формально свободу агитации, то все-таки в его руках останутся все те гигантские выгоды и преимущества в агитации, которые дает организованная государственная власть: этими выгодами и преимуществами в агитации на выборах в первое народное собрание будет пользоваться тот, кто всеми средствами давил народ и у кого народ стал вырывать силой свободу.

Одним словом, мы приходим опять к тому же выводу, который получили и прошлый раз («Пролетарий» № 3), когда рассматривали этот вопрос с другой стороны *). Лозунг Всенародного Учредительного Собрания сам по себе, отдельно взятый, есть в настоящее время лозунг монархической буржуазии, лозунг сделки между буржуазией и царским

*) См. выше статью: «Революционная борьба и либеральное маклерство». Р е д.

правительством. Лозунгом революционной борьбы может быть лишь свержение царского правительства и замена его временным революционным правительством, которое должно созвать всенародное учредительное собрание. Пусть пролетариат России не делает себе иллюзий на этот счет: его обманывают под шумок всеобщего возбуждения посредством употребления его же собственных лозунгов. Если мы окажемся не в силах противопоставить вооруженной силе правительства силу вооруженного народа, если царское правительство не будет разбито на голову и заменено временным революционным правительством, — тогда всякое представительное собрание, какие бы титулы всенародного и учредительного ему ни давали, окажется на деле собранием представителей крупной буржуазии для сделки с царем о дележе власти между ними.

Чем ближе подходит борьба народа с царем к решительной развязке, чем вероятнее быстрое осуществление требования созыва народных представителей, тем строже должен следить революционный пролетариат за «демократической» буржуазией. Чем скорее мы завоюем свободу, тем скорее превратится этот союзник пролетариата в врага его. И для затушевывания этого превращения послужит, во-1-х, неясность, неполнота и неопределенность якобы-демократических лозунгов буржуазии, а, во-2-х, стремление сделать лозунг пролетариата фразой, заменить реальные гарантии свободы и революции словесными обещаниями. От рабочих требуется теперь удесятенное внимание и бдительное наблюдение за демократами». Слова: «всенародное учредительное собрание» окажутся пустыми словами, если это собрание не сможет, в силу реальных условий выборов и выборной агитации, выразить волю народа, если оно не в силах будет самостоятельно учредить новый порядок. Центр тяжести передвигается теперь с вопроса о созыве всенародного учредительного собрания на вопрос о способах этого созыва. Мы стоим накануне решительных событий. Не доверяя общедемократическим лозунгам, пролетариат должен противопоставлять им свои собственные пролетарски-демократические лозунги во всей их полноте. Только сила, руководимая этими лозунгами, может обеспечить на деле полную победу революции.

*«Пролетарий» № 4,
от 3 июня 1905 г.*

Первые шаги буржуазного предательства.

Телеграф принес вчера известие, что в понедельник земская делегация была принята Николаем II, который в ответ на речи князя Сергея Трубецкого и г. Федорова ¹⁴⁴⁾ решительно подтвердил свое обещание созвать народных представителей.

Чтобы оценить правильно значение этого «события», надо восстановить, прежде всего, некоторые факты, сообщенные в заграничной прессе.

24-го и 25-го мая старого стиля состоялись в Москве три собрания представителей земств и городов, числом около 300. Имеющийся у нас литографированный текст принятых ими петиции к царю и резолюции, присланный из России, не содержит указаний на число делегатов, упоминая лишь, что в Совещании участвовали, кроме земских и городских гласных, городские головы и предводители дворянства. Представители помещичьего землевладения и городского капитала обсуждали политические судьбы России. Прения были, сообщают иностранные корреспонденты, очень жаркие. Большим влиянием пользовалась партия Шипова, — умеренная, богатая придворными связями. Всех радикальнее были провинциалы, всех умереннее — петербуржцы; «центр» составляли москвичи. Обсуждали каждое слово петиции, за которую в конце концов вотировал и Питер. Петиция получилась патриотическая и верноподданническая. «Движимые одной пламенной любовью к отечеству», почтенные буржуа откладывают в сторону «всякую рознь и все различия, их разделяющие» и обращаются к царю. Они указывают на «великую опасность для России и для самого престола», грозящую не столько извне, сколько от «внутренней усобицы» (Россия стоит, правда, впереди «престола», наши патриоты обратились сначала к престолу, лишь грозя — приватно и под сурдинку — обратиться к народу). Как водится, петиция полна казенной лжи, сваливая вину на советчиков царя, на искажение его предначертаний и предуждений, поведшее к усилению полицейской власти, к преграждению «голоса правды», восходящего до престола и т. д. Вывод — просьба «пока не поздно» «без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными». Народные представители должны «в согласии» с царем решить вопрос о войне или мире и «установить (тоже в с о г л а с и и с царем) обновленный государственный строй». Таким образом, в петиции нет ни точного требования, принятого якобы «конституционно-демократической» партией всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов (прямое и тайное голосование совсем опущены и, конечно, не случайно), — ни требования хоть каких-нибудь гарантий свободы выборов. Авторы петиции говорят жалостливо: «Угнетение личности и общества, угнетение слова и всякий произвол множится и растет», но мер против этого не выдвигают. «В согласии» с царем растет произвол — в согласии с царем да «обновляется» государственный строй... Представители буржуазии прочно держатся за теорию «соглашения» не народа, конечно, а буржуазии с угнетателями народа.

Совещание избрало делегацию для представления петиции царю из господ Гейдена, Головина, Петрункевича, Г. и Н. Львовых, Петра и Павла Долгоруких, Ковалевского, Новосильцева, Родичева, Шаховского ¹⁴⁵⁾ и Серг. Трубецкого. От Петербурга присоединились потом, на приеме Николаем II, г.г. Корф, Никитин и Федоров.

Затем это же Совещание приняло следующую резолюцию, о которой заграничные газеты не сообщают, но которая воспроизведена в русском листке:

«Совещание объединенных групп земских и городских деятелей, проникнутое, несмотря на различие мнений по отдельным политическим вопросам, общим убеждением, что коренной причиной настоящего тяжелого внутреннего и внешнего положения России является донныне неотмененный приказный строй, отрицающий личную и общественную свободу, подавляющий народное самосознание и народную самодеятельность, устранивший население от участия в государственной жизни и порождающий ничем не ограниченный и все усиливающийся произвол безответственной администрации, что этот строй, в течение многих лет вносивший насилие, ложь и разложение в нашу внутреннюю жизнь, ныне роковым образом привел к грозной внешней опасности, вовлекиши государство в гибельную войну, вызывая и поддерживая в течение ее междоусобную вражду и доведя страну до ряда поражений, завершившихся беспрецедентным в русской истории истреблением наших морских сил, полагая, что дальнейшее существование этого строя угрожает не только внутреннему миру, порядку и благосостоянию народа, но также твердости престола, целости и внешней безопасности России, — признает безусловно необходимым для спасения страны:

1. — Безотлагательный созыв свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка.
2. — Немедленную отмену законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний и объявления политической амнистии.
3. — Немедленное обновление состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренно преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу».

В каком отношении стоит эта резолюция к петиции и к поручениям делегации, т.-е. обязалась ли эта последняя изложить содержание резолюции или вручить ее вместе с петицией, — неизвестно. Может быть, петиция — официальный документ для «престола», а резолюция — неофициальный для «народа»?

О характере прений на совещании корреспондент французской газеты «Le Matin», г. Гастон Леру, сообщает, что наиболее «передовые» делегаты, провинциальные земцы стояли за двухстепенные выборы, боясь, что при прямых выборах их подавят «города» (очевидно, боялись они того, что при прямых выборах не вполне будут обеспечены привилегии помещиков над крестьянством). Корреспондент «Франкфуртской Газеты» писал:

«Русское земство, как политическая партия, распадается на три фракции: либеральное земское большинство (вождь — граф Гейден); умеренно-либеральное националистически-славянофильское земское меньшинство с г. Шиповым во главе, и группа радикальных земцев-конституционалистов. Характерно, что при выборах делегатов прошли именно «феодалы» представители. Умеренные хотели, чтобы их достойными представителями перед царем явились лица почтенных старых фамилий. Радикалы же, не делавшие себе никаких иллюзий насчет результатов петиции, хотели, чтобы представители старых фамилий собственными глазами убедились в том, что правительство добровольно не уступит ни пяди».

Удобства воспетой г-ном Струве распылчатой организации «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии не замедлили сказаться на деле очень быстро. Для сделок и торгашества, для виляний и ухищрений неудобна крепкая и прочная организация партии. Пусть в «партию» входит и Союз Освобождения (может быть, это и есть «группа радикалов», о которой писал корреспондент «Фр. Газеты») — и «земская фракция» (т.-е. и сторонники Гейдена, и сторонники Шипова, от которого г. Струве официально старается теперь отрешиваться?). А в земскую фракцию входят и сторонники Гейдена и шиповцы, и... «радикалы». Разберись, кто может! Сошлись все они, влекомые пламенной любовью к отечеству и к привилегиям буржуазии, на теории соглашения, которую мы не раз разъясняли уже в «Пролетарии» и которая явно выступает и в «петиции» и в «резолуции».

Резолюция, должно быть, должна была питать «идеальные» запросы радикалов. А петиция в истолковании «умеренных» делегатов — служить для материальной сделки с царизмом. От непосвященной черни и распределение фракций Совещания, и полномочия делегации, и условия сделки, и дальнейшие намерения земцев усерднейшим образом скрывались. «Народу», от имени которого г.г. буржуа торгуются с царизмом, не к чему знать высшей политики «конституционно-демократической партии»! Г.г. буржуа будут беседовать с царем об угнетении слова, о подавлении голоса правды, о народных представителях, о России, «сплотившейся вокруг единого стяга народного» и т. д., — а народу знать всей правды о политике либеральных и «освободительских» торгашей совсем не надобно... Да, да, не даром г. Струве недавно упрекал в «Освобождении» «крайние партии» (т.-е. социал-демократов в особенности) в неумеренном пристрастии к узкой, заговорщической, якобинской «конспирации». Мы, социал-демократы, конспирируем от царя и царских ищеек, заботясь в то же время о том, чтобы народ знал все о нашей партии, об оттенках внутри ее, о развитии программы и тактики

ее, даже о том, что сказал тот или другой делегат партийного съезда на этом съезде. Гг. просвещенные буржуа, освобожденцы, конспирируют. . . от народа, ничего не знающего в точности о пресловутой «конституционно-демократической» партии, но зато они откровенничают с царем и с иштилками царя. Ну, как же не демократы?

О чем откровенничали делегаты земцев с придворной шайкой, не желавшей пустить их к царю, мы не знаем. А откровенничали и перегваривались они долго. Иностранные газеты жадно ловили вести о каждом шаге «высшей политики» гг. делегатов. Петербург, 9 июня (27 мая). Делегация земцев, прежде всего, повидает г. министра вн. дел Булыгина ¹⁴⁶), чтобы пожаловаться на Трепова ¹⁴⁷). — 10 июня (28 мая). Булыгин заявил делегации, что она не будет принята царем, и посоветовал уехать из Петербурга. — 12 июня (30 мая). Считают вероятным, что царь примет делегацию. — 15 (2) июня. Специальная телеграмма г. Гастона Леру в газету «Le Matin»: «Делегаты земцев приняли те условия аудиенции у императора, которые им ставило министерство двора. После этого барон Фредерикс ¹⁴⁸) отправился сегодня вечером в Царское Село, чтобы узнать у царя, решил ли он принять депутацию».

Слышите ли вы это, русские рабочие и крестьяне? Вот как поступают «демократы»-«освобожденцы», враги заговорщичества, ненавистники конспирации! Они устраивают заговоры с министерством двора его полицейского величества, они конспирируют против народа вместе со шпионами. Желая быть представителями «народа», они принимают шпионами поставленные условия насчет того, как следует говорить с царями о нуждах «народа»!

Вот как поступают люди богатые, независимые, просвещенные, либеральные, «движимые пламенной любовью к отечеству». Это не то, что грубая, невежественная, зависящая от всякого приказчика рабочая чернь, которая прет прямо и открыто к царю с каким-то дерзким попом, не поговорив даже с влиятельными шпионами об условиях разговора с царем. Разве можно допустить республику или хотя бы прямые выборы и однопалатную систему при такой политически необразованной народной массе? Политически образованные люди знают ходы и понимают, что сначала надо зайти с заднего крыльца к шпионам, — может быть, даже посоветоваться с ними о содержании и слоге обращения к царю, — вот тогда уж действительно «голос правды» будет «всходить до престола».

На чем сторговались «представители», с дозволения сказать, «народа» с царскими шпионами, мы не знаем. Мы знаем из телеграмм, что на приеме делегации «длинную речь» держал князь С. Трубецкой, в течение получаса излагавший царю трудное положение России и условия, вынудившие земцев обратиться прямо (а не через шпионов?) к царю.

Речь произвела на царя глубокое впечатление: Г. Федоров говорил от имени представителей Петербурга. Царь ответил длинной речью. Он выразил сожаление по поводу тех огромных жертв, которых стоила война, он оплакивал последнее поражение на море. Он закончил словами: «Благодарю вас, господа, за выраженные вами чувства» (должно быть, хороши были эти чувства «демократа» — Трубецкого, о выражении которых он советовался с шпионами!). «Я верю в ваше желание работать вместе со мной» (царь верит либеральной буржуазии; либеральная буржуазия верит царю; рука руку моет), «над учреждением нового государственного устройства, основанного на новых началах. Мое желание созвать народное собрание (когда? выборных ли представителей? как и кем выбранных? — неизвестно. Г. Трубецкой, явно, скрыл от обожаемого монарха «резолюцию» Совещания. Должно быть, шпионы посоветовали не говорить с царем на эту тему!) «непоколебимо. Я думаю об этом каждый день. Моя воля будет исполнена. Вы можете сегодня же объявить это населению городов и деревень. Вы поможете мне в этом новом деле. Народное собрание восстановит единение между Россией и ее императором» (между Трубецким и Федоровым — и императором?). «Оно будет основанием устройства, которое будет покоиться на русских народных началах». Делегаты вынесли из аудиенции — гласит официальная телеграмма, — превосходное впечатление. Царь тоже казался довольным. . .

А ведь это похоже на правду! Доволен царь, довольны либеральные буржуа. Они готовы заключить прочный мир друг с другом. Довольно самодержавие и полиция (истинно русские народные начала). Доволен денежный мешок (с ним будут отныне постоянно и правильно советоваться).

Довольны ли будут рабочие и крестьяне, интересы которых проторговывают буржуазные предатели?

*«Пролетарий» № 5,
от 13 июня 1904 г.*

7 июня.

«Революционеры» в белых перчатках.

Заграничные газеты дают уже некоторую оценку приема царем земской делегации. Буржуазная печать холопствует, как водится, умиляясь по поводу уступчивости царя и благоразумия земцев, хотя некоторые сомнения насчет серьезности обещаний, данных в такой неопределенной форме, все же проскальзывают. Социалистические газеты заявляют прямо и определенно, что этот прием есть комедия.

Самодержавию выгодно выиграть время и водить за нос либеральную буржуазию. С одной стороны, диктаторские полномочия Трепову.

С другой стороны, ничего не говорящие и ничего не стоящие обещания либералам, чтобы вызвать новое колебание в их, и без того колеблющихся, рядах. Тактика самодержавного правительства неглупая. Либералы играют в лояльность, умеренность и скромность. Отчего бы не воспользоваться, в самом деле, правительству их глупостью и их трусостью? «Коль война, так по-военному». Не бывает войн без военных хитростей. И когда «враг» (либеральная буржуазия) не то враг, не то друг-простака, — отчего же не провести его за нос?

Г. Гастон Леру, о котором мы уже говорили в передовой статье, сообщает о приеме депутации следующие подробности, не очень достоверные, но, во всяком случае, характерные и знаменательные. «Барон Фредерикс, министр двора, сказал депутатам, что, несмотря на все его желание, ему трудно добиться приема императором г-на Петрункевича, у которого, говорят, есть революционные связи. Министру ответили, что император австрийский имел же в числе министров Андраши, хотя он был в свое время осужден. Этот довод устранил последние препятствия, и депутаты все были приняты».

Довод хороший. Западно-европейская буржуазия сначала всё же сражалась по-настоящему, была кое-когда даже республиканской, ее вождей «осуждали» — осуждали за государственные преступления, т.-е. не только за революционные связи, а за настоящие революционные действия. Потом, много лет, иногда десятилетий, спустя, эти буржуа вполне мирились с самой убогой и куцой конституцией, не только без республики, но и без всеобщего избирательного права, без настоящей политической свободы. Либеральные буржуа окончательно мирились с «престолом» и с полицией; сами становились у власти и зверски подавляли и подавляют постоянно всякое стремление рабочих к свободе и к социальным реформам.

Русская либеральная буржуазия хочет соединить приятное с полезным: приятно считать себя человеком с «революционными связями», — полезно быть способным занять министерское кресло при императоре Николае Кровавом. Русским либеральным буржуа вовсе не хочется рисковать «осуждением» за государственные преступления. Они предпочитают прямо перескочить к тем временам, когда бывшие революционеры вроде Андраши стали министрами партии порядка! Граф Андраши в 1848 г. участвовал настолько энергично в революционном движении, что после подавления революции был приговорен к смертной казни и заочно (*in effigie*) повешен. Он жил затем в качестве эмигранта во Франции и в Англии, и только после амнистии 1857-го года вернулся в Венгрию. Тогда началась его «министерская» карьера. Русским либералам не хочется революции, они боятся ее, им хочется сразу, не бывши революционерами, прослыть бывшими

революционерами! Им хочется сразу перескочить от 1848 к 1857-му году! Им хочется сразу сторговаться с царем на такой конституции, какие бывали в Европе во времена бешеного разгула реакции после поражения революции 1848-го года.

Да, да, пример Андраши великолепно выбран. Как солнце в малой капле вод, отражается в этом сравнении Андраши с Петрункевичем параллель между революционной и республиканской в свое время буржуазной демократией Европы, — и монархической конституционалистской (даже после 9 января 1905 года) буржуазной «демократией» России. Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: что делаешь, делай скорее!

«Когда депутатов привели в ту комнату дворца, куда должен был выйти царь, — продолжает г. Гастон Леру, — вдруг заметили, что у революционера Петрункевича нет белых перчаток. Полковник лейб-гвардии Путятин немедленно снял свои и поспешно дал их революционеру Петрункевичу».

Начался прием. Князь Трубецкой держал свою речь. По передаче г. Гастона Леру, он начал с благодарности за то, что царь «соизволил принять их, доказав этим свое доверие к ним». Князь Трубецкой уверял (не от имени ли всей «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии?), что «мы люди порядка и мира», что «царь обманут» его советчиками. Самое «смелое» место в его речи состояло в том, что собрание представителей по сословиям, как проектирует Булыгин, «недопустимо»... почему бы вы думали?... потому что «вы, ваше величество, не царь дворян, купцов и крестьян, а царь всей России». «Представительство должно включать весь народ без изъятия». О резолюции земского Совещания, которая напечатана нами в передовой статье, ни звука, как и следовало ожидать.

Г. Федоров в своей речи держался финансовой стороны... «революции в белых перчатках». Бюджет государства увеличится на 300 — 400 миллионов после войны, потребуется «громадный труд прогресса и цивилизации», — а для сего нужна «независимость общества» и «призыв к жизни всех людей таланта из народа» (избранных под контролем Трепова?).

Ответ царя известен. «Окончив свою речь, царь — телеграфирует г. Гастон Леру — очень любезно разговаривал с каждым депутатом. Он дошел даже до того, что спросил у знаменитого революционера

(Петрункевича), не состоит ли он предводителем дворянства. Тот ответил, что нет. Тогда царь выразил надежду, что придет день, когда он станет предводителем дворянства, и затем перешел к другому депутату. Когда он вышел из комнаты, депутатов отвели в заднюю комнату дворца, где им предложили завтрак ценой, по их мнению, копеек в 75. Как бы то ни было, депутаты были довольны происшедшим». (Если не сразу министром, то предводителем дворянства все же пообещали назначить! Ведь и Андраши начинал, вероятно, с чего-нибудь вроде предводителя дворянства!) «Они уже стали рассылать повсюду бесчисленные телеграммы» (на тему о том, что теперь доверие между царем и «народом» восстановлено?), «когда им сообщили официальный текст царского ответа. Велико было их изумление, когда они не нашли там единственной важной фразы, которая, казалось, обещала хоть что-нибудь. Фраза: «Моя царская воля созвать народных представителей непоколебима» оказалась переданной так: «Моя царская воля непоколебима». Депутаты тотчас отослали назад этот официальный текст, которого они не могли принять. Сегодня, с некоторым нетерпением, они ждали присылки им того текста, который содержал бы слова, всеми ими слышанные. Один из депутатов говорил мне сегодня вечером (телеграмма г-на Г. Леру помечена 20 (7) июня) по поводу этой странной замены слов: это уж не самодержавие, это какое-то фокусничество».

Недурно сказано, или недурно выдуманно, если г. Леру все это выдумал. Фокусничество тут во всяком случае есть, даже если обещание созвать народных представителей включено в официальный текст речи. Белые перчатки, и притом лакейские белые перчатки, — настоящая эмблема политического акта г.г. Петрункевичей и Родичевых. Они сами начали с фокусничества не только тем, что договаривались об условиях аудиенции, но и тем, что прятали в карман свою резолюцию и свои настоящие желания, говорили неприличные вещи об обмане царя и т. д. и т. п. Они не вправе теперь жаловаться на то, что им ответили фокусничеством на фокусничество. Ибо обещание созвать народных представителей вообще ровно ничего не означает и ровно ничего не дает, оставляя полный простор и Булыгинской и Треповской «конституции» и всяким оттяжкам. Все остается по-старому, — только либералы, одураченные, как мальчишки, опозоренные обещанием предводительского звания, оказали услугу самодержавию рассылкой телеграмм о «доверии» и такими докладами о приеме, какой сделал, напр., г. Никитин в петербургской думе.

Нам не хотелось бы брать на себя роль Кассандры. Не хотелось бы пророчествовать смешной и постыдный конец русской революции. Но мы обязаны прямо и открыто говорить рабочим, говорить

всему народу: дело идет к такому концу. Конституционная якобы демократическая партия и все эти господа освобожденцы ведут дело именно к такому, а не к другому концу. Не обманывайтесь треском и звоном радикально-освободительских речей и земских резолюций. Это — размалеванные кулисы для «народа», а за кулисами идет бойкая торговля. Либеральная буржуазия умеет распределять роли: радикального болтуна — на банкеты и на собрания, прожженного дельца — на «подготовку почвы» среди придворной шайки. А так как вся власть остается попрежнему и нисколько не урезанная в руках самодержавия, то неизбежный исход из такого течения дел — «конституция», во сто раз более похожая на булыгинскую, чем на освободительскую.

Судьба русской революции зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым героическим усилием поднять массы, разьединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы.

*«Пролетарий» № 5,
от 13 июня 1905 г.*

Пятница, 9 июня.

Борьба пролетариата и холопство буржуазии.

Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи, побоище в Иванове-Вознесенске, — всеобщие стачки и стрельба в рабочих в Варшаве и Одессе, — позорный конец комедии с земской делегацией, — таковы главные политические события истекшей недели. Если прибавить к этому сообщенные в сегодняшних (28—15 июня) женевских газетах вести о крестьянских волнениях в Лебединском уезде Харьковской губернии, о разгроме пяти имений и посылке туда войска, то перед нами в событиях одной недели отразится характер всех основных общественных сил, так открыто и отчетливо выступающий теперь во время революции.

Пролетариат волнуется непрерывно, особенно после 9-го января, не давая ни минуты отдыха врагу, наступая преимущественно в виде стачек, воздерживаясь от прямых столкновений с вооруженной силой царизма, готовя свои силы к великому, решительному бою. В местностях, наиболее развитых в промышленном отношении, где рабочие наиболее подготовлены политически, где к экономическому и общеполитическому гнету прибавляется гнет национальный, — полиция и войска царизма действуют особенно вызывающе, прямо провоцируют рабочих.

И рабочие, даже неподготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и героизма, но и высшие формы борьбы. Их вооружение еще слабо, крайне слабо, их восстание еще попрежнему частично, оторвано от связи с общим движением, но все же они делают шаг вперед, они с громадной быстротой покрывают городские улицы десятками баррикад, они наносят серьезный ущерб войскам царизма, они защищаются отчаянно в отдельных домах. Вооруженное восстание растет и в глубь и в ширь. Новые жертвы царских палачей — в Лодзи убито и ранено до 2.000 чел. — зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни тысяч граждан. Новые вооруженные битвы показывают все нагляднее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма. Из отдельных вспышек все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара. Пролетарская борьба захватывает новые, наиболее отсталые районы, и опричники царя усердствуют на пользу революции, превращая экономические столкновения в политические, разъясняя рабочим везде и повсюду на их собственной судьбе безусловную необходимость свержения самодержавия, воспитывая из них будущих героев и борцов народного восстания.

Вооруженное народное восстание, — к этому лозунгу, который так решительно выдвинут партией пролетариата в лице III съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партии, все ближе и ближе подводят сами события, сам стихийный процесс расширяющегося и обостряющегося революционного движения. Пусть же исчезнут скорее всякие колебания и сомнения, пусть сознают скорее все и каждый, как нелепы, как недостойны в настоящее время отговорки от этой неотложной задачи — готовиться самым энергичным образом к вооруженному восстанию, — как опасно промедление, как настоятельно объединение и сплочение тех частичных восстаний, которые возникают повсюду. Эти вспышки бессильны каждая по одиночке. Организованная сила царского правительства может раздавить повстанцев одних за другими, если движение так же стихийно-медленно будет перекидываться с города на город, с района на район. Но объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете. И это объединение идет, идет тысячами путей, которых мы не знаем и не подозреваем. Народ учится революции на этих отдельных вспышках и схватках, — наше дело только не отставать от задач момента, уметь показывать всегда следующую, высшую ступень борьбы, извлекая опыт и указания из прошлого и настоящего, призывая смелее и шире рабочих и крестьян вперед и вперед, к полной победе народа,

к полному уничтожению той самодержавной шайки, которая борется теперь с отчаянием осужденного на смерть.

Как часто находились среди социал-демократии люди, особенно из интеллигентского крыла ее, которые принижали задачи движения, которые малодушно изверивались в революционную энергию рабочего класса. Некоторые думают и теперь, что так как демократический переворот буржуазен по своему общественно-экономическому характеру, то пролетариату не следует стремиться к руководящей роли в нем, к самому энергичному участию, к выставлению передовых лозунгов свержения царской власти и учреждения временного революционного правительства. События учат и этих отсталых людей. События подтверждают боевые выводы из революционной теории марксизма. Буржуазный характер демократической революции не означает, что она может быть выгодна только буржуазии. Напротив, она всего более выгодна и всего более нужна пролетариату и крестьянству. События показывают все очевиднее, что только пролетариат способен на решительную борьбу за полную свободу, за республику, вопреки ненадежности и неустойчивости буржуазии. Пролетариат может встать во главе всего народа, привлекая на свою сторону крестьянство, которому нечего ждать кроме гнета и насилия от самодержавия, кроме измены и предательства от буржуазных друзей народа. Пролетариат, в силу самого своего положения как класса, в современном обществе, способен раньше всех других классов понять, что великие исторические вопросы решаются в последнем счете только силой, что свобода не дается без величайших жертв, что вооруженное сопротивление царизма должно быть сломлено и раздавлено вооруженною рукою. Иначе нам не видать свободы, иначе Россию ждет судьба Турции, долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа. Пусть буржуазия унижается и холопствует, торгашествует и кланчит подачек, добиваясь жалкой пародии на свободу. Пролетариат пойдет на бой, поведет за собой истерзанное самым подлым и невыносимым крепостничеством и надругательством крестьянство, пойдет к полной свободе, которую может отстоять только вооруженный народ, опираясь на революционную власть.

Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, будет требовать трезвого учета сил и анализа момента. Социал-демократия говорила о подготовке восстания еще с 1902-го года, никогда не смешивая эту подготовку с бессмысленным подстраиванием бунтов, искусственное устройство которых только бесплодно растратило бы наши силы. И лишь теперь, после 9-го января, лозунг восстания выдвинут на очередь рабочей партией, признана необходимость восстания

и необходимость задачи готовиться к нему. Самодержавие само сделало этот лозунг практическим лозунгом рабочего движения. Самодержавие дало первые широкие и массовые уроки гражданской войны. Эта война началась и ведется все шире, все в более острой форме. Мы должны лишь обобщать ее уроки, разъяснять весь великий смысл слов «гражданская война», извлекать практические указания из отдельных сражений этой войны, организовывать силы, готовить непосредственно и немедленно все, что необходимо для настоящей войны.

Социал-демократия не боится смотреть в глаза правде. Она знает предательскую натуру буржуазии. Она знает, что не успокоение, не мир принесет рабочему свобода, а новую, еще более великую борьбу за социализм, борьбу с теперешними буржуазными друзьями свободы. Но тем не менее — и именно поэтому — свобода непременно нужна рабочим, свобода нужна им больше, чем кому бы то ни было. За полную свободу, за демократическую республику, способны бороться во главе народа только рабочие, и они будут бороться за нее не на жизнь, а на смерть.

Слов нет, много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должна пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в полупотухших глазах. Посмотрите на крестьянское движение. Оно разрознено, бессознательно, мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере. Но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин поймут друг друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков своей революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся для дальнейшей борьбы за социализм. Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался он нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась всеобщая стачка. Поднялись и поднимаются десятки и сотни тысяч. Необыкновенно растет политическая агитация. Тамошним рабочим еще далеко, конечно, до героического пролетариата героической Польши, но царское правительство быстро просвещает их, быстро заставляет «догонять Польшу».

Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание. Не праздная мысль о полной победе пролетариата и крестьянства в настоящей демократической революции. А какие великие перспективы открывает такая победа для европейского пролетариата, которого вот уже много

лет искусственно сдерживает, в его стремлении к счастью, военная и помещичья реакция! Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран.

По сравнению с могучей и геройской борьбой пролетариата каким отвратительно мизерным кажется верноподданническое выступление земцев и «освобожденцев» на знаменитом приеме Николая II. Комедианты понесли заслуженное наказание. Не успели высохнуть чернила, которыми они писали свои хамски-восторженные отчеты о милостивых словах царя, как настоящее значение этих слов выступило перед всеми в новых делах. Цензура свирепствует. Газета «Русь» приостановлена за одно напечатание скромного-скромного адреса. Диктатура полиции с Треповым во главе преуспевает. Слова царя разъясняются официально в том смысле, что он обещал *с о в е щ а т е л ь н о е* собрание народных представителей при неприкосновенности исконного и «самобытного» самодержавия!

Князь Мещерский в «Гражданине»¹⁴⁹⁾ оказался прав в оценке приема делегации. Николай сумел *donner le change* земцам и либералам, — писал он. Николай сумел *пр о в е с т и и х з а н о с!*

Святая истина! Вожди земцев и освобожденцев проведены за нос. Так им и надо. За холопское выступление, за сокрытие своих настоящих решений и мыслей о конституции, за подлое молчание в ответ на иезуитскую речь царя они наказаны по заслугам. Они все торговались и торгуются, стараясь получить «безопасную» для буржуазии пародию на свободу. Шипов торгуется с Булыгиным, Трубецкой торгуется с Шиповым, Петрункевич и Родичев торгуются с Трубецким, Струве торгуется с Петрункевичем и Родичевым. Они торгуются, соглашаясь «временно» на чисто Шиповской программе земской делегации. Этим торгашам хорошо ответили. . . пинком солдатского сапога.

Неужели и это опозорение вождей русского буржуазного «освобожденства» не окажется началом конца? Неужели те, кто способен быть искренним и честным *д е м о к р а т о м*, не отвернутся даже теперь от этой пресловутой «конституционно-демократической партии»? Неужели они не поймут, что они безнадежно позорят себя и предают дело революции, поддерживая «партию», в которой «земская фракция» ползает на брюхе перед самодержавием, а «Союз Освобождения» ползает на брюхе перед земской фракцией?

Приветствуем финал земской делегации! Маска сорвана. Выбирайте, господа помещики и господа буржуа. Выбирайте, господа образованные люди и члены всяких «союзов». За революцию или за контрреволюцию? За свободу или против свободы? Кто хочет быть демократом на деле, тот должен бороться, тот должен порвать с пресмы-

кающимися и с предателями, тот должен создать честную партию, уважающую себя и свои убеждения, тот должен становиться решительно и бесповоротно на сторону вооруженного восстания. А кто хочет продолжать игру в дипломатию, игру в недомолвки, торговаться и холопствовать, пускать словесные угрозы, которым никто не верит, и с восторгом встречать обещание предводительского места от обожаемого монарха, — тот должен быть публично заклеямен всеобщим презрением сторонников свободы.

Долой буржуазных предателей свободы!

Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует вооруженное восстание за полную свободу, за республику, за самые кровные и насущные интересы пролетариата и крестьянства!

*«Пролетарий» № 6,
от 20 июня 1905 г.*

Третий шаг назад.

Из резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. всем товарищам известно, каково должно быть принципиальное и организационное отношение к так называемому меньшинству или новоискровцам *). Признавая необходимость идейной борьбы с пережитками «экономизма», III съезд признал возможным вступление в партийные организации сторонников меньшинства при условии признания съездов партии и подчинения партийной дисциплине. Раз этого условия нет на-лицо, все группы «меньшинства» следует рассматривать, как стоящие вне партии, при чем практические соглашения с ними, разумеется, допустимы, по усмотрению Ц. К. и местных комитетов на тех же началах, как соглашения с Бундом и т. п.

В настоящее время мы можем сообщить товарищам лишь некоторые сведения о заграничной части отколовшегося от партии меньшинства. Ц. К. сейчас же после съезда послал письмо и в «Лигу» и заведующим техникой и кассой партии, прося первую — высказаться о своем отношении к III съезду, вторых — передать партийное имущество Ц. К.-ту. Ответа ни на одно письмо не последовало. Новоискровцы не прочь были от имени всей партии пользоваться партийной типографией и складом, получать деньги от немецкой социал-демократии, от заграничной вообще, но дать отчет партии в употреблении партийного имущества и расходовании партийных средств они не пожелали. Комментировать такое поведение мы считаем излишним.

*) См. II приложение к этому тому. Ред.

В статье о III съезде («Прол.» № 1) нами выражено пожелание, чтобы отколовшаяся часть партии по крайней мере сорганизовалась поскорее как можно цельнее внутри себя: тогда легче будут отдельные соглашения и яснее путь к будущему единству. К сожалению, и это наше пожелание оказывается почти неисполнимым. Резолюции «конференции» меньшинства теперь опубликованы (см. крайне интересную брошюру: «Первая общерусская конференция партийных работников», Отд. Приложение к № 100 «Искры», а также № 100 «Искры»). Мы настоятельно рекомендуем всем партийным организациям ознакомиться с этой брошюрой, ибо лучше этого материала для идейной борьбы с отколовшейся частью партии мы не могли бы ничего себе представить. Резолюции эти обнаруживают полную неспособность меньшинства организовать даже своих собственных сторонников. Они не могли даже созвать своей собственной конференции: их конференцию созвали мы, Б. К. Б. и Ц. К., объявившие созыв III съезда. Делегаты меньшевистских организаций ехали по поручению своих организаций на съезд, а попали на конференцию! Конференция постановила не признавать решений III съезда — и отменить устав партии, принятый на II съезде! Конференция не смогла конституироваться как съезд, — ее решения суть решения совещательного собрания, подлежащие утверждению каждой отдельной организации. Полного перечня участников конференции нет, протоколов тоже нет. Организации меньшинства могут, след., отвечать лишь да или нет на вопрос о признании ими той или другой резолюции. Таким образом, решающие голоса будут подаваться при невозможности видоизменять тексты резолюций и при отсутствии перед голосующими всего хода прений о резолюциях. Как будут подытоживаться эти решающие голоса, могущие разойтись при утверждении одной части и отмене другой части резолюции, Аллах ведает. Перед нами — принцип бонапартистских плебисцитов в противоположность общепринятому в международной социал-демократии принципу демократического представительства. У нас — демократически выбранные и подотчетные представители полноправных организаций совещаются и решают. У них — представители плюс гости совещаются и предлагают, а полноправные организации говорят задним числом: да или нет. Трудно представить себе систему, более способную дезорганизовать социал-демократов. На практике эта система плебисцитов всегда вырождается в комедию.

«Организационный устав», принятый конференцией и состоящий из 13-ти параграфов, есть в своем роде перл. Созидается партийное издание из шести этажей в следующем порядке снизу вверх: 1) руководящий коллектив, 2) комитет, 3) областной съезд, 4) областной комитет, 5) конференция и 6) исполнительная комиссия. Вообще говоря,

низшая коллегия выбирает высшую. Но отношения между руководящим коллективом и комитетом определяются не началом выборов, а началом «соглашения», как думают новоискровцы, или началом «путаницы», как кажется нам. С одной стороны, комитет входит весь в состав руководящего коллектива вместе со всеми членами не только районных комитетов, но и «групп, работающих среди особых слоев населения». С другой стороны, «в районный комитет входит также представитель от комитета»!! С одной стороны, все существенные решения должны исходить от руководящего коллектива, с другой стороны, в экстренных случаях комитет действует самостоятельно «до опроса (!) районных комитетов». С третьей стороны, «комитет обязан периодически давать районным комитетам отчет о своей деятельности». При выражении комитету недоверия большинством членов районных комитетов он реорганизуется «по взаимному соглашению областного комитета и районных комитетов». Ни права, ни состав других партийных организаций (в том числе и районного комитета) вовсе не определены. Понятие членства партии, из-за которого меньшевики принципиально сражались на II съезде, вовсе выброшено за борт! До сих пор принцип «соглашения» между членами одной и той же организации или партии, во всех существенных вопросах программы и тактики между собою спевшихся, считался принципом анархизма. Социал-демократы всего мира в таких случаях проводили и проводят принцип подчинения меньшинства большинству. Новоискровцы хотят явить миру неуывдаемый образец того, как оба эти принципа могут перемешиваться в самом «поэтическом» беспорядке. Недавно как-то попался нам на глаза экземпляр одной немецкой газеты с девизом: «Weder Autorität noch Majorität» — «ни авторитета, ни большинства». Принцип сродни новоискровской организации-процессу. Газета эта — орган немецких анархистов: «Der Anarchist».

При выборе центра («органа, объединяющего всю партийную работу») новоискровцы предпочитают прямым выборам не прямые, через выборщиков. Исполнительная комиссия выбирается не прямо представителями руководящих коллективов, а посредством четырехстепенных выборов! Отчего вдруг явилась нелюбовь к прямым выборам — Аллах ведает. Некоторые думают: не повлиял ли уже на новоискровцев пример г. Струве, желающего установить для верхней палаты всеобщие, но не прямые выборы? Как именно будут производиться эти четырехстепенные выборы, это ведает тоже один Аллах, ибо в «уставе» об этом ни слова.

Само собою разумеется, что этот устав, красоты которого мы исчерпали далеко не все, брать всерьез было бы смешно. Никогда он применяться не будет. Шестиэтажная колымага, даже если бы ее уда-

лось построить, не сможет сдвинуться с места. Значение этого устава не практическое, а принципиальное. Это — великолепная, бесподобная иллюстрация знаменитой теории «организации-процесса». Отныне даже слепому должно быть видно, что организация-процесс есть дезорганизация. До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению к II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип.

Нас не удивляет, что меньшевики начали с нарушения своего собственного устава. Никакого деления России на области они не наметили. Никакой исполнительной комиссии, даже предварительно, впредь до утверждения комитетов и организаций они не выбрали. Конференция выбрала Организационную Комиссию, уставом не предусмотренную, и дала ей особые поручения! Теперь даже временные и частные соглашения с меньшевиками страшно затруднены, ибо никакого официального положения эта Организационная Комиссия не занимает и никакого решающего значения ее шаги иметь не могут. Кто хочет иметь дело с меньшевиками, пусть позаботится снестись с каждой отдельной их организацией и даже с каждым отдельным «паном», который может сказать: «не позволяя!».

Наконец, особенно поразительным является полное умолчание в «уставе» меньшинства о партийных органах и партийной литературе вообще. Органы есть («Искра», «Социалдемократ») и будут, но н и к а к о й связи между ними и партией «устав», принятый конференцией, не устанавливает. Это чудовищно, но это так. Литераторы — вне партии, над партией. Никакого контроля, никаких отчетов, никакой материальной зависимости. Нечто вроде того, что было в худшие времена оппортунизма французских социалистов: партия сама по себе, литераторы сами по себе. С этой точки зрения не случайно, может быть, следующее постановление конференции. Резолюция о партийной (?) литературе: «Конференция признает необходимым: 1) чтобы Организационная Комиссия приняла меры к расширению возможности для партийных литераторов вести в легальной печати борьбу за теоретические принципы партии». Некоторый прообраз меньшевистской организации: группа неответственных и «независимых», незаменимых и незаменимых «партийных литераторов». А при них — комиссия, озабочивающаяся... легальным издательством!

Об этом типе организации трудно говорить серьезно. Чем ближе революция, чем ближе возможность открытого выступления в «легальной» печати социал-демократов, тем строже должна блюсти партия

пролетариата принцип безусловной ответственности «партийных литераторов» перед партией, зависимости их от партии.

Что касается до тактических резолюций конференции, то они замечательно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., «родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы». Не будем говорить уже о невероятно небрежном редактировании резолюций, больше походящих на наброски мыслей, афоризмы, рассуждения и отрывки из черновых записей. В этом отношении с резолюциями конференции может конкурировать лишь «программа Союза Освобождения». Перед нами не точные, ясные директивы, даваемые высшим органом партии, а... проба пера некоторых партийных литераторов.

Возьмите содержание их. По жгучему вопросу о восстании вам не скажут, что оно стало «необходимо», что надо разъяснять не только политическое значение, но и «практически-организационную сторону» его, что надо «организовать пролетариат» с этой целью и «создавать по мере надобности особые группы» (резолюция III съезда). Нет. Вам скажут сначала, что возможность приурочить восстание к назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами «исключается», — а затем вы прочтете, что при расширении агитации и организации возможно превращение стихийных движений в «планомерные восстания». И эта путаница должна дать идейное руководство партии пролетариата! Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. повторяет и подтверждает все старые истины о пропаганде, агитации, об обще-демократическом движении и т. д., но добавляет к этому новую задачу: организовывать пролетариат для восстания, выяснять «практически-организационную сторону» новых приемов борьбы, решительной борьбы за свободу. Конференция говорит только о «подготовке восстания» вообще, повторяет только зады об агитации и организации вообще, не решаясь наметить самостоятельно никакой новой задачи, не давая никакого руководящего лозунга о необходимости шага вперед, от подготовки вообще, о которой мы говорим с 1902 года, к практически-организационной постановке дела. Точь-в-точь старые экономисты. Когда выступили на сцену новые задачи политической борьбы, их стали принижать, разминивать на стадии, соподчинять задачам экономической борьбы.

Не только экономическая борьба, но и политическая в самых широких и смелых формах, говорили революционные социал-демократы. Лучшее средство для политической агитации есть экономическая борьба, отвечали экономисты. Не только пропаганда и агитация вообще, говорят теперь революционные социал-демократы, не только выяснение политического значения восстания, но и создание особых групп, немедленный приступ к практически-организационной работе, «самые энер-

гичные меры к вооружению пролетариата». Планомерное восстание исключается, отвечают новоискровцы, надо расширять агитацию, укреплять организацию, готовить превращение стихийного в планомерное; только на этой почве «может быть приближен момент восстания», «могут приобрести более или менее серьезное значение техниче-ски-боевые приготовления»...

Для них еще не «приблизился» момент восстания! Для них прак-тические приготовления только еще «могут приобрести!» «более или менее серьезное значение»! Разве это не хвостизм чистей-шей воды? Разве это не принижение «неотложной» (по мне-нию III съезда) задачи, для выполнения которой нами сделано еще страшно мало? Разве не пятятся эти люди назад, от восстания к аги-тации, как пятились экономисты от политической борьбы к экономи-ческой борьбе с хозяевами и с правительством? Прочтите, как пятится г. Струве в № 71 «Освобождения» от лозунга: вооруженное восстание, как оспаривает этот вождь либеральной буржуазии его неизбежность (стр. 340), как старается он принизить значение «революции в техни-ческом смысле», как «у г л у б л я е т» он лозунг восстания указанием на «социально-психические условия», как заменяет он этот лозунг лозунгом «пропитывания масс идеями демократического преобразова-ния», — и вы поймете, какое глубоко-развращающее влияние на проле-тариат должен оказывать хвостизм новоискровцев, кому играет он на руку.

Другой насущный политический вопрос: о временном революцион-ном правительстве. Резолюция III съезда ставит его ясно и отчетливо. В мотивировке — борьба за республику; возможность завоевать ее лишь при полной победе восстания; необходимость созыва учредительного собрания временным революционным правительством для действитель-ного обеспечения свободы и правильности выборов; необходимость готовиться к борьбе с буржуазией за охрану завоеваний резолюции. Выводы съезда и директивы его: надо выяснять пролетариату необходи-мость временного революционного правительства. От этого правитель-ства пролетариат должен требовать точно определенных вещей, именно: осуществление всей программы-минимум. Участие соц.-дем. в прави-тельстве (действие «сверху») допустимо; цель этого участия указывается точно (беспощадная борьба с контр-революцией и отстаивание самостоя-тельных интересов рабочего класса). Условия участия указываются не менее определенно: формальное условие — строгий контроль партии; материальное условие, т.-е. условие целесообразности участия, — неуклонное охранение независимости социал-демократии, подготовка условий социалистического переворота. Этот перечень условий участия в правительстве, условий давления сверху, как новой, только револю-

ционной эпохе свойственной формы деятельности, дополняется указанием на формы и цель постоянного и, во всяком случае, обязательного давления снизу — давления на временное революционное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата. В общем и целом, перед нами — полный ответ на н о в ы й политический вопрос, точное указание значения н о в ы х форм борьбы, цели их, программы этой борьбы, условий допустимости их.

А в резолюции конференции? Начинается эта резолюция вопиюще н е в е р н ы м утверждением, будто «решительная победа революции над царизмом» может быть ознаменована либо учреждением временного правительства «либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Можно и должно давать партии тактические указания и на случай победы, и на случай поражения восстания, и на случай созыва действительно учредительного собрания революционным путем, и на случай созыва царем какой-нибудь карикатуры на народное представительство. Но называть решительной победой то, в чем недостает самого решительного условия для победы, значит вносить смуту в революционное сознание, а не руководить таковым. Любое «решение» любого представительного учреждения организовать учредительное собрание так же далеко еще от решительной победы, как слово далеко от дела, ибо царская власть держит в руках силу, способную помешать слову стать делом. Резолюция новоискрывцев — точь-в-точь утверждение старых экономистов, что-де решительной победой рабочих может быть либо завоевание ими 8-часового рабочего дня, либо дарование правительством 10-часового рабочего дня, от которого рабочие перейдут к 9-часовому.

Резолюция конференции повторяет несомненные положения марксизма о буржуазном х а р а к т е р е демократической революции, но придает им узкое или неправильное толкование. Вместо боевого лозунга: республика — нам дают описание процесса «ликвидации монархического строя». Вместо указания условий и задач н о в о г о приема борьбы «сверху», возможного и обязательного при успехе пролетарского восстания в эпоху революции, нам дают положение «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Положение это очень хорошо для парламентской борьбы, очень хорошо для действия снизу, но оно как раз недостаточно во время восстания. В такое время задача «оппозиции» состоит в насильственном свержении правительства, а по этому вопросу конференция не умела дать руководящего лозунга.

Допуская частичный и эпизодический «захват власти» в отдельных городах и районах, резолюция конференции отказывается от «принципа» новой «Искры», будто участие во временном революционном правительстве вместе с буржуазией есть измена пролетариату, милитаризм и т. п. Частичная и эпизодическая измена не перестает быть изменой. Но ограничение задачи отдельными городами или районами не решает ее, а только раздробляет внимание и разбивает вопрос на частности, запутывая его. Наконец, лозунг: «революционные коммуны», данный в резолюции конференции, по своей неясности приближается просто к фразе, в отличие от лозунга: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вся резолюция новоискровцев о временном революционном правительстве грешит тем же грехом, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые тактические задачи момента, повторение задов вместо призыва идти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса в демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии — приближение новоискровства к освобожденству, уступка руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее.

На других, менее важных резолюциях конференции указанный основной недостаток тоже сказывается. Например, вместо лозунга: осуществление революционным путем 8-часового рабочего дня (резолюция III съезда) выдвигается лишь старый, недостаточный в настоящий момент, лозунг агитации за законодательное установление 8-часового рабочего дня. Вместо немедленной организации революционных крестьянских комитетов предлагается лишь предъявление требования об их учреждении к учредительному собранию. Вместо лозунга: борьба с непоследовательностью, ограниченностью и недостаточностью освободительного движения буржуазии, везде, где эти свойства проявляются (резолюция III съезда), — резолюция конференции, повторяя ошибку Старовера, преследует химерическую задачу: найти «лакмусову бумажку», перечислить «пункты», выполнение которых позволяет назвать буржуазного демократа нелицемерным другом народа. «Пункты» новоискровской резолюции оказались, конечно, сразу неполными. Отсутствует лозунг республики. Выходит, что демократическая группа вроде «Росс. Осв. Союза» («Пролетарий» № 4)¹⁶⁰ подходит под эти «пункты», хотя на деле никаких гарантий против преобладания освободителей в этой группе нет.

Само собою разумеется, что в газетной статье мы могли только в самых общих и кратких чертах наметить основную ошибку всей

тактической линии новоискровства, выразившейся в резолюциях конференции. Насколько несерьезна их «организация-процесс», настолько серьезны и важны для партии ошибочные тенденции их тактики. Поэтому мы подробно разберем эти тенденции в особой брошюре, которая уже печатается и выйдет в свет в самом непродолжительном времени *).

*«Пролетарий» № 6,
от 20 июня 1905 г.*

†

*) Речь идет о брошюре: «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которая перепечатывается ниже в этом томе. Р е д.

ТРИ КОНСТИТУЦИИ

и л и

ТРИ ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА.

ЧЕГО ХОТЯТ ПОЛИЦИЯ И ЧИНОВНИКИ?	ЧЕГО ХОТЯТ САМЫЕ ЛИБЕ- РАЛЬНЫЕ БУРЖУА (ОСВОБО- ЖДЕНЦЫ ИЛИ КОНСТИТУ- ЦИОННО - ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ)?	ЧЕГО ХОТЯТ СОЗНАТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ (СОЦНАЛ - ДЕМО- КРАТЫ)?
Самодержавной монархии.	конституционной монархии.	Демократической республики.
В ЧЕМ СОСТОЯТ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?		
1. Царь — оамодержавный монарх.	1. ЦАРЬ — КОНСТИТУЦИОННЫЙ МОНАРХ.	1. Никакого царя.
2. Гооударственный оовет (чинов- ники, царем наеначенные).	2. ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ (НЕПРЯМЫЕ, НЕ СОВСЕМ РАВНЫЕ И НЕ СОВСЕМ ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ).	2. Никакой верхней палаты.
3. Гооударственнан Дума или оо- вещательнан палата народных пред- ставителей (непрямые, неравные и не всеобщие выборы).	3. НИЖНЯЯ ПАЛАТА (ВСЕОБЩИЕ, ПРЯМЫЕ И РАВНЫЕ ВЫБОРЫ С ТАЙ- НОЙ ПОДАЧЕЙ ГОЛОСОВ).	3. Одна реопубликанская палата (все- общие, прямые и равные выборы о тай- ной подачей голосов).

1. Полная власть над народом полиции и чиновников.

2. Советательный голод крупной буржуазии и богатым помещикам.

3. Никакой власти народу.

1. ТРЕТЬЯ ДОЛЯ ВЛАСТИ ПОЛИЦИИ И ЧИНОВНИКАМ, С ЦАРЕМ ВО ГЛАВЕ ИХ.

2. ТРЕТЬЯ ДОЛЯ ВЛАСТИ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ И БОГАТЫМ ПОМЕЩИКАМ.

3. ТРЕТЬЯ ДОЛЯ ВЛАСТИ ВСЕМУ НАРОДУ.

1. Никакой самостоятельной власти ни полиции, ни чиновникам; полное подчинение их народу.

2. Никаких привилегий ни капиталистам, ни помещикам.

3. Всю власть, единую, полную и нераздельную власть всему народу.

ДЛЯ ЧЕГО ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

Для того, чтобы всею лучше жилось придворным, полиции и чиновникам;

— чтобы богатым могли как угодно грабить рабочих и крестьян;

— чтобы народ оттаивал навсегда в бесправии, в темноте и невежестве.

Для того, чтобы полиции и чиновники зависели от капиталистов и помещиков.

— чтобы капиталисты, помещики и богатые крестьяне могли свободно и спокойно, по праву, а не по произволу, грабить рабочих городских и деревенских.

Для того, чтобы свободный просвещенный народ научился сам вести все свои дела, — а главное для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм, за такие порядки, когда не будет богатых и бедных, тогда вся земля, все фабрики и заводы будут принадлежать всем трудящимся.

Революционная армия и революционное правительство.

Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин»¹⁵¹⁾ ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства, — призывов обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице III съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партии. Новая вспышка революционного пламени проливает свет на практическое значение этих призывов и заставляет нас точнее определить задачи революционных борцов в переживаемый Россией момент.

Всенародное вооруженное восстание зреет и организуется на наших глазах под влиянием стихийного хода событий. Не так уже далеки те времена, когда единственным проявлением народной борьбы с самодержавием были бунты, т.-е. возмущения несознательные, неорганизованные, стихийные, иногда дикие. Но рабочее движение, как движение самого передового класса, пролетариата, быстро выросла на этой начальной стадии. Сознательная пропаганда и агитация социал-демократии сделали свое дело. Бунты сменились организованной стачечной борьбой и политическими демонстрациями против самодержавия. Дикие военные расправы в течение нескольких лет «воспитывали» пролетариат и городское простонародье, подготавливали его к высшим формам революционной борьбы. Преступная и позорная война, в которую бросило народ самодержавие, переполнила чашу народного терпения. Начались попытки вооруженного отпора толпы царским войскам. Начались настоящие уличные сражения народа с войском, битвы на баррикадах. Кавказ, Лодзь, Одесса, Либава показали нам в самое последнее время образцы пролетарского героизма и народного энтузиазма. Борьба перерастала в восстание. Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев-рабочих. Затем — переход части армии на сторону восстания.

Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма, — целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции. Бешеные усилия и всевозможные уловки употребляло правительство, чтобы скрыть

от народа это событие, чтобы потушить восстание матросов в самом начале. Ничего не помогло. Посланные против революционного броненосца «Потемкин» военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров черноморского флота; на сдавшемся броненосце «Георгий Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войском; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат. В заграничной печати сообщается о возмущениях на целом ряде других военных судов («Минин», «Александр Второй» и т. д.). Царское правительство оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это — удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами на-лицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии.

Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте. Наше дело теперь — поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие.

Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии — таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли, наконец, и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в Одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной «твердыни». Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы, окончательной борьбы с врагом русского народа. Самодержавие все сделало для подготовки этой

борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии.

Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам в о е н н о е руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, — сначала хотя бы в небольшой части территории государства, — полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, — отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного правительства. А революционное правительство — такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация. И кроме остатков военной силы самодержавия есть военные силы соседних государств, у которых молит уже поддержки русское падающее правительство, о чем мы расскажем ниже.

Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами, — сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве. Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция, — для устройства революционного народного самоуправления, для созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания, для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение воли народа. Революционное правительство необходимо для политического объединения восставшей части народа, которая на деле и окончательно порвала с самодержавием, для политической организации ее. Эта организация может быть, конечно, только временная, как только временным может быть и революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа; для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа. Но эта организация должна начаться немедленно, в неразрывной связи с каждым успешным шагом восстания, ибо политическое объединение и политическое руководство не могут быть отложены ни на минуту. Для полной победы

народа над царизмом это немедленное осуществление политического руководства восставшим народом не менее необходимо, чем военное руководство его силами.

Каков будет окончательный исход борьбы между сторонниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать себе глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться гражданами. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса — всегда идти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели. Неудачи, которые неизбежно ждут нас при дальнейших попытках образования революционной армии и учреждения временного революционного правительства, только научат нас практическому решению этих задач, только привлекут новые и свежие, таящиеся теперь под спудом, народные силы к их решению.

Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как оружия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. Социал-демократия никогда не спускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было на-лицо условий начавшейся гражданской войны *). Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поста-

*) Ср. „Задачи русск. соц.-дем.“ Ленина, стр. 23, о песнэвременности (в 1897 г.) вопроса о способах решительной атаки на царизм.

вили на очередь изучение их и ознакомление с ним народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решений всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе.

И задача учреждения революционного правительства так же нова, так же трудна и сложна, как задача военной организации сил революции. Но и эта задача может и должна быть решена народом. И в этом деле каждая частная неудача вызовет усовершенствование приемов и средств, упрочение и расширение результатов. Третий Съезд Росс. С.-Д. Р. П. наметил в своей резолюции общие условия решения новой задачи, — пора браться уже за обсуждение и подготовку практических условий ее осуществления. У нашей партии есть программа-минимум, законченная программа тех преобразований, которые вполне осуществимы немедленно в рамках демократического (т.-е. буржуазного) переворота и которые необходимы пролетариату для его дальнейшей борьбы за социалистический переворот. Но в этой программе есть основные требования и требования частные, вытекающие из основных или подразумевающиеся сами собой. Важно выдвинуть именно основные требования при каждой попытке учреждения временного революционного правительства, чтобы показать всему народу, всей даже наиболее темной массе в кратких формулах, в резких, ясных очертаниях цели этого правительства, его общенародные задачи.

Нам думается, можно указать шесть таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства, которые должны привлечь к нему сочувствие народа, и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле.

Вот эти шесть пунктов: 1) Всенародное учредительное собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-часовой рабочий день и 6) крестьянские революционные комитеты. Разумеется, это только примерный перечень, это только заглавия, обозначения целого ряда преобразований, необходимых немедленно для завоевания демократической республики. Мы не претендуем тут на исчерпывающую полноту. Мы хотим лишь наглядно высказать свою мысль о важности известных основных задач. Необходимо, чтобы революционное правительство стремилось опереться на народные низы, на массу рабочего класса и крестьянства, — без этого оно не может держаться, без революционной самостоятельности народа оно есть нуль, хуже нуля. Наше дело предостеречь народ от авантюризма громких, но нелепых обещаний (вроде немедленной «социализации», которой не понимают сами говорящие о ней), выдвинув в то же время преобразования, действительно осу-

ществимые в данный момент и действительно необходимые для упрочения дела революции. Революционное правительство должно поднять «народ» и организовать его революционную активность. Полная свобода угнетенных народностей, т.-е. признание не только культурного, но и политического самоопределения их, — обеспечение настоятельных мер к охране рабочего класса (8-часовой рабочий день, как первая из ряда этих мер), наконец, гарантия серьезных, не считающихся с корыстью помещиков, мер в пользу крестьянской массы, — таковы, по нашему мнению, главные пункты, которые должно особенно подчеркнуть всякое революционное правительство. Мы не говорим о первых трех пунктах, которые слишком ясны, чтобы требовать комментариев. Мы не говорим о необходимости практического осуществления преобразований даже на небольшой, отвоеванной, к примеру скажем, у царизма, территории, практическое осуществление важнее в тысячу раз всяких манифестов и труднее, конечно, тоже в тысячу раз. Мы обращаем внимание лишь на то, что нужно теперь уже и немедленно всеми мерами распространять правильное представление о наших общенародных и ближайших задачах. Нужно уметь обратиться к народу — в настоящем смысле этого слова — не с одним только общим призывом к борьбе (этого достаточно в эпоху до образования революционного правительства), а с непосредственным призывом к немедленному осуществлению самых основных демократических преобразований, к немедленному, самостоятельному проведению их в жизнь.

Революционная армия и революционное правительство, это — две стороны одной медали. Это — два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это — два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги. У нас много теперь есть людей, называющих себя демократами. Но много званых, да мало избранных. Много говорунов «конституционно-демократической партии», да мало среди пресловутого «общества», среди якобы демократического земства и стинных демократов, — т.-е. людей, которые искренно стоят за полное самодержавие народа, которые способны бороться не на жизнь, а на смерть с врагами народного самодержавия, с защитниками царского самодержавия.

У рабочего класса нет этой трусливости, этой лицемерной половинчатости, которые свойственны буржуазии, как классу. Рабочий класс может и должен быть вполне последовательным демократом. Рабочий класс своей кровью, пролитой на улицах Петербурга, Риги, Либавы, Варшавы, Лодзи, Одессы, Баку и массы других городов, доказал свое право на роль авангарда в демократической революции. Он должен оказаться на высоте этой великой роли и в переживаемый решительный момент.

Сознательные представители пролетариата, члены Р. С.-Д. Р. П., должны, — ни на минуту не забывая о своей социалистической цели, о своей классовой и партийной самостоятельности, — выступить перед всем народом с передовыми демократическими лозунгами. Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделаться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедывать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство.

*«Пролетарий» № 7,
от 27 июня 1905 г.*

Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана.

Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство.

Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против восставших матросов! Вот когда сказано, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние». Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; — царю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти. Трудно подыскать лучший материал для разъяснения солдатам русской армии их роли.

Вот, что пишет в передовой статье 4 июля (н. ст.) газета «Times»; — надо заметить, что это одна из самых богатых и наилучше осведомленных во всем мире газет, орган консервативной английской буржуазии, находящий даже наших «освобожденцев» непомерно радикальными, сочувствующий «шиповцам» и т. д. Одним словом, в преувеличении сил и значения русской революции никто уже не заподозрит эту газету.

«Бессилие русского правительства на море, — пишет «Times», — нашло себе поразительное подтверждение в той ноте, с которой, как сообщают, оно обратилось к Порте (т.-е. к турецкому правительству) и к румынскому правительству. В этой ноте русское правительство просит названные государства рассматривать возмути-

вшихся матросов русского флота, как обыкновенных уголовных преступников, и предостерегает их, что в противном случае возможны международные осложнения. Другими словами, правительство царя унизились до того, что умоляет турецкого султана и короля румынского быть настолько добрым и выполнить для него ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии. Остается выждать, сообразовал ли Абдул-Гамид¹⁵²) оказать царю просимую им помощь или нет. До сих пор единственным результатом восстания матросов с точки зрения его влияния на турецкие власти было то, что оно побудило их к более строгому, чем обыкновенно, надзору; при чем первой жертвой этого надзора оказалось в субботу русское судно береговой обороны, на котором вечером, когда уже было темно, въезжал в Босфор русский посол. Турки выстрелили по этому судну холостым зарядом. Год тому назад турки вряд ли решились бы таким способом осуществить свой надзор. Что касается до румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя. Румынское правительство приказало не давать ни припасов, ни угля «Потемкину», но оно сообщило в то же время его 700 матросам, что если они высадутся на берег в Румынии, то их будут рассматривать лишь как иностранных дезертиров».

Итак, румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет. Оно отказывает царю в его просьбе. Оно поступает, как только и может поступать «правительство нации, уважающей себя».

Вот как говорят теперь в Европе о русском самодержавном правительстве, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху»!

Теперь и в немецких газетах есть подтверждение этого нового неслыханного позора самодержавия. В «Франкфуртскую Газету» телеграфируют из Константинополя от 4 июля н. ст.: «Русский посол Зиновьев передал вчера турецкому правительству ноту петербургского кабинета, в которой сообщается, что около 400 русских матросов, потопив один крейсер, спаслись третьего дня на одно английское торговое судно, шедшее по направлению к Константинополю. Русский посланник требует от Турции безусловного задержания этого торгового судна при переходе его через Босфор, а также ареста и выдачи возмущившихся русских матросов. Турецкое правительство в тот же вечер собрало на экстренное заседание совет министров, который обсудил русскую ноту. Турция ответила русскому посольству, что исполнение его требования

для нее невозможно, ибо по международному праву Турция не имеет прав полицейского надзора за судами, идущими под английским флагом, даже тогда, когда эти суда находятся в турецких гаванях. Кроме того, между Россией и Турцией нет договора о выдаче преступников».

Турция ответила «мужественно», — замечает по этому поводу немецкая газета. Турки не хотят быть полицейскими прислужниками царя!

Сообщают также, что когда миноносец «Стремительный» *) вместе с несколькими другими военными судами пришел в Констанцу (Румыния) в поисках за «Потемкиным», то румынское правительство указало русским властям, что в румынских водах за порядком наблюдают румынская армия и румынская полиция даже в том случае, если бы «Потемкин» находился еще в румынских водах.

Оказывается, таким образом, что вместо беспокойства иностранным судам со стороны «Потемкина» (чем пугало Европу царское самодержавие) неприятности сыплются теперь на них от русского флота. Англичане возмущены задержанием и обыском в Одессе их судна «Granley». Немцы негодуют по поводу слухов о том, что турки остановят и обыщут, по просьбе русских, идущее из Одессы в Константинополь немецкое судно «Пера». Может быть, при таких обстоятельствах не так-то легко будет России получить помощь от Европы против русских революционеров. Вопрос об оказании такой помощи обсуждают очень многие заграничные газеты, но большей частью они приходят к выводу, что не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина». В немецкой газете «Berliner Tageblatt» появилось сообщение, что русское правительство обратилось и к державам с просьбой послать их военные суда из Константинополя в Одессу, чтобы помочь восстановить порядок! Насколько верно это сообщение (опровергаемое некоторыми другими газетами), покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами.

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает г. Леру в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету «Le Matin»: «Во всем этом происшествии с «Потемкиным», — пишет он, — поразительна непредусмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатки в организации революции. Революция овладевает броненосцем — событие, невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать».

*) На «Стремительном», говорят, нет матросов. Почти вся команда состоит из одних офицеров. Аристократия против народа!

Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовать революцию, поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций.

Но заслужил ли этот упрек броненосец «Потемкин», — мы не решимся сказать. Может быть, его команда преследовала именно ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы? Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока «Потемкин» не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, — но «лиха беда начало», говорит пословица.

По последним известиям, «Потемкин» пришел в Феодосию, требуя припасов и угля. Городское население волнуется. Рабочие требуют удовлетворения просьбы революционного броненосца. Дума постановляет отказать в угле, но дать провизию. Весь юг России волнуется так, как никогда. Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в 6.000 человек. Телеграфируют о расстреле 160 инсургентов военным судом, о том, что из Петербурга дан приказ «не давать пощады!» Но войска бессильны, войска сами ненадежны. В фабричных предместьях Одессы волнение не утихает. В прошлую ночь (с 4 на 5 июля н. ст.) убито 35 человек. Большая часть войск, по приказу генерал-губернатора, выведена из города, потому что среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины. В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах. В Севастополе убито 13 человек. В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания. В последние четыре дня убито до 700 крестьян. «Начинается, повидимому, — так гласит телеграмма из Одессы в Лондон от 5/VII н. ст., — борьба не на жизнь, а на смерть между народом и бюрократией».

Да, настоящая борьба за свободу, борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова. Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!

*«Пролетарий» № 7,
от 27 июня 1905 г.*

И ю л ь.

Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры.

Позиция «Искры» в вопросе о допустимости участия социал-демократов во временном правительстве теперь до крайности запуталась. При благоприятных обстоятельствах оказывается, и по мнению учеников Мартынова, возможным такой размах революции, который послужит прямым предисловием к грандиозному социальному перевороту, но сама партия, ее воля, ее работа, ее планы при этом оказываются как бы не при чем. «На бога надейся, а сам не плошай» — говорит пословица, стремящаяся обезвредить религиозный фатализм, — «на обстоятельства, на исторический процесс надейся», скажем мы, «но сам не плошай!» Иначе будешь экономистом-фаталистом, а не социал-демократом-революционером. В резолюции меньшевистской конференции читаю: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках, именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма». Прежде всего, невольно спрашиваешь себя: а разве можно «направить усилия» к чему-нибудь еще и не по своей инициативе? А во-вторых, что, если перевернуть эту фразу так: «Только в одном случае революция в России перекинется на передовые страны Западной Европы, именно, если Р. С.-Д. Р. П. удастся захватить в свои руки и удержать на долгое время власть». . . Если уже строить предположение, то почему не такое? Максимум энергии никогда не мешает. Впрочем, о захвате власти партией никто и не говорит, — говорится лишь об участии, по возможности руководящем участии в революции, — в тот момент, когда власть будет в ее руках (если такой момент наступит), и когда власть эту будут стараться у нее вновь вырвать.

В связи с вопросом о возможности и допустимости такой демократической диктатуры пролетариата, любопытно навести несколько исторических справок о Парижской Коммуне, которая была революционной властью и делала революцию не только снизу, но и сверху.

Была ли Коммуна диктатурой пролетариата?

Предисловие Энгельса к 3-му изданию Марксовой «Гражданской войны во Франции» кончается такими словами: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Вспомните Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Но ведь диктатура диктатуре рознь! Может быть, это была настоящая, чистая диктатура пролетариата в смысле чисто-социал-демократического состава ее членов и характера ее практических задач? Отнюдь нет! Сознательный пролетариат (притом лишь более или менее сознательный), т.-е. члены Интернационала¹⁵³) были меньшинстве; большинство правительства состояло из представителей мелко-буржуазной демократии. Один из новейших исследователей (Густав Экк) говорит это совершенно недвусмысленно. В центральном комитете национальной гвардии, например, было 35 членов и всего два социалиста (т.-е. члена Интернационала), но зато они (Варлен и Авуан) имели огромный вес среди своих товарищей по власти. О том же комитете Лиссагарэ пишет: «Были ли члены его известными агитаторами? социалистами? — Отнюдь нет, — все неизвестные имена: мелкая буржуазия, лавочники, приказчики». И, однако, Варлен и Авуан вошли в такой комитет. Позднее в комитет вошли еще Пинди, Остен и Журд. «Нью-Йоркская Рабочая Газета», орган Интернационала, писала в статье от 18 июля 1874 года следующее: «Коммуна не была делом Интернационала; они вовсе не идентичны, но члены Интернационала приняли программу Коммуны, в то же время расширив ее далеко за ее первоначальные рамки, они были, равным образом, ее ревностнейшими и вернейшими защитниками, так как они понимали ее значение для рабочего класса».

«Генеральный Совет», во главе которого стоял, как известно, Маркс, одобрил такую тактику Парижской федерации Интернационала; в манифесте его сказано было: «где бы и в какой бы форме ни велась классовая борьба, — члены нашего общества должны быть в первых рядах». Но наши предшественники, члены Интернационала, отнюдь не желали слиться с Коммуной, они все время защищали свою особую чисто-пролетарскую партийную организацию. Экк пишет: «Федеральный совет Интернационала сразу сумел обеспечить влияние за своими уполномоченными при революционном правительстве». Великолепным доказа-

тельством обособленности тогдашней пролетарской организации, при участии, однако, представителей ее в правительстве, может служить следующий пригласительный билет: «В ближайшую субботу, 20 мая, ровно в час будет иметь место экстренное заседание Федерального Совета Интернационального Рабочего Общества. Члены Коммуны, принадлежащие к Интернационалу, приглашаются присутствовать. Они должны будут отдать отчет в том, какое положение заняли они в Коммуне, и какова причина и сущность возникших внутри ее разногласий. Для присутствия на заседании необходим членский билет». А вот еще любопытнейший документ, — решение вышеупомянутого экстренного совещания: «Интернациональное Рабочее Общество приняло в экстренном заседании 20 мая следующие решения: заслушав сочленов, являющихся в то же время членами Коммуны, собрание признало их поведение вполне лояльным и постановило просить их и впредь защищать всеми мерами интересы рабочего класса, а также стремиться сохранять единство Коммуны в целях усиленной борьбы с Версальцами¹⁵⁴). Кроме того, собрание рекомендовало добиваться полной публичности заседаний Коммуны и отмены § 3 Манифеста ее, как несовместимого с правом народа контролировать действия исполнительной власти, в данном случае — Комитета Общественного Блага».

На собрании присутствовало 6 членов Коммуны, трое прислали извинение. 19 марта Лиссагарэ насчитывает в Коммуне 25 представителей рабочего класса, но не все они принадлежали к Интернационалу: большинство и тогда было за мелкой буржуазией.

Здесь не место рассказывать историю Коммуны и роль в ней членов Интернационала. Скажем лишь, что в Исполнительной Комиссии заседал Дювиль, в финансовой — Варлен, Журд и Беслей, в военной — Дювиль и Пинди; в комиссии общественной безопасности — Асси и Шален, а в комиссии труда — Малон, Франкель, Тейс, Дюпон и Авриаль. 16 апреля, при новых выборах, вошло еще несколько членов Интернационала (между ними зять Маркса Лонгэ), но в Коммуне были также явные враги его, как, например, Везинье. К концу Коммуны финансы находились в заведывании двух высокоталантливых членов Интернационала, Журда и Варлена. Торговля и труд были руководимы Франкелем, почта, телеграф, монетный двор и прямые налоги также управлялись социалистами. Все же большинство важнейших министерств, как замечает Эрк, оставалось в руках мелкой буржуазии.

Итак, совершенно несомненно, что Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие, и притом и д е й с т в у ю щ е е участие, представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа.

Но, быть может, все же непосредственной целью Коммуны был полный социалистический переворот? У нас, ведь, не может быть таких иллюзий.

Действительно, в знаменитом манифесте Генерального Совета о Коммуне, написанном, несомненно, Марксом, говорится: «Коммуна должна была служить рычагом для разрушения основ буржуазного хозяйства, на которое опирается классовое господство». Но тут же манифест продолжает: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Она не должна была осуществить немедленно какую-нибудь утопию. Он (рабочий класс) знает, что для его освобождения и для достижения более высоких форм общественной жизни... нужно пройти целый ряд исторических процессов, которые должны совершенно изменить и обстановку, и природу людей. Коммуна не гналась за осуществлением идеалов: она должна была лишь дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах перезревающего капитализма». Все меры, все социальное законодательство Коммуны носило практический, а не утопический характер, — Коммуна осуществляла то, что мы нынче называем «программой-минимум социализма». Чтобы напомнить, что именно совершила Коммуна в этом направлении, приведем цитату из того же предисловия Энгельса:

«26 марта была выбрана, а 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный Комитет национальной гвардии, в руках которого была до тех пор власть и который успел уже отменить безобразную полицию нравов, передал свои полномочия Коммуне. 30 марта Коммуна отменила конскрипцию и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, к которой должны были принадлежать все способные носить оружие граждане; она отменила квартирную плату с октября 1870 по апрель 71-го года с отнесением уже уплаченных домовладельцам сумм на счет будущей платы, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены в своем звании выбранные в Коммуну иностранцы, так как «Знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». 1-го апреля было решено, что высший оклад жалования служащим Коммуны, то-есть между прочим и ее собственным членам, не должен превышать 6.000 франков. На следующий день декретировано было отделение церкви от государства и отмена всех государственных расходов в пользу религии, наконец, превращение всех имуществ духовенства в национальную собственность; затем 2-го апреля принято было и постепенно осуществлено устранение из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, словом, «всего того, что относится к совести отдельных лиц». 5-го апреля издан был в виду постоянных расстреливаний пленных защитников Коммуны версальскими войсками, декрет о заложниках,

никогда не выполненный целиком. 6-го апреля 137-ой батальон национальной гвардии вытащил и сжег гильотину при громких радостных криках народа. 12-го числа Коммуна решила свергнуть Вандомскую колонну, вылитую Наполеоном после войны 1809 года¹⁵⁵) из отнятых у неприятеля пушек и возвышающуюся как символ шовинизма и международной вражды. Это было исполнено 16-го мая. 16-го апреля Коммуна приказала переписать стоявшие без работы фабрики и выработать план для их употребления в дело кооперативными товариществами работников и для объединения этих товариществ в один большой союз. 20-го отменена была ночная работа булочников и уничтожены бюро для приискания работы, которые со времени второй империи составляли монополию в руках назначавшихся полицией личностей (первостатейных эксплуататоров работников); приискание работы стало делом мэрий 28-ми парижских округов. 28-го апреля уничтожены были ссудные кассы, служившие средством эксплуатации работников и противоречившие праву этих последних на свои орудия труда и на свой кредит. 5-го мая решено было срыть часовню, воздвигнутую для искупления казни Людовика XVI¹⁵⁶)».

Как известно, Коммуне, отчасти благодаря допущенным ею ошибкам и чрезмерному благородству, не удалось осилить реакцию, коммунары погибли; что же, опозорили ли, скомпрометировали ли они дело пролетариата, как каркает Мартынов относительно возможного в будущем революционного правительства в России? Очевидно, нет, — ибо Маркс писал о Коммуне:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будет чествуем, как славный предвестник нового мира. Мученики его воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже и теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы их попов».

Нам кажется, что наша маленькая историческая справка не лишена поучительности. Эта справка учит нас, прежде всего, тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Эта справка подсказывает нам далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской Коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не звали французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически-успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у вели-

ких борцов 1871-го года, не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

*«Пролетарий» № 8,
от 4 июля 1905 г.*

Революция учит.

Разногласия внутри политических партий и между политическими партиями разрешаются обыкновенно не только принципиальной полемикой, но и развитием самой политической жизни. В особенности разногласия, касающиеся тактики партии, т.-е. ее политического поведения, исчерпываются часто фактическим переходом неправильно рассуждающих на правильный путь борьбы, под давлением самого хода событий, который отодвигает просто-на-просто в сторону ошибочные рассуждения, делает их лишенными содержания, ни для кого неинтересными. Это не значит, конечно, чтобы принципиальные разногласия по вопросам тактики не требовали принципиальных разъяснений, единственно способных поддержать партию на высоте ее теоретических убеждений. Нет. Это значит лишь, что необходимо как можно чаще проверять принятые тактические решения на основании новых политических событий. Такая проверка необходима и теоретически и практически: теоретически, чтобы убедиться на деле в том, правильны ли принятые решения, какие исправления вынуждают внести в них происшедшие после их принятия политические события; — практически, чтобы научиться настоящим образом руководиться этими решениями, научиться видеть в них директивы, подлежащие непосредственному применению на деле.

Революционная эпоха больше, чем всякая другая, дает материал для такой проверки, благодаря громадной скорости политического развития и остроте политических столкновений. Старая «надстройка» в революционную эпоху ломается, а новая создается у всех на глазах самостоятельностью различных социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу.

Так и русская революция дает нам чуть не каждую неделю поразительное богатство политического материала для проверки заранее выработанных нами тактических решений и для самых назидательных уроков относительно всей нашей практической деятельности. Возьмите одесские события. Одна из попыток восстания кончилась неудачей. Неудача горькая, поражение тяжелое. Но какая пропасть отделяет эту неудачу в борьбе от тех неудач в торгашестве, которые сыпятся на господ Шиповых, Трубецких, Петрункевичей, Струве и всей этой буржуаз-

ной челяди царя! Энгельс сказал как-то: разбитые армии превосходно учатся. Эти прекрасные слова применимы еще несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов. Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением, — до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов. Конечно, есть еще гораздо более широкий коллективный опыт человечества, запечатлевшийся в истории международной демократии и международной социал-демократии, закрепленный передовыми представителями революционной мысли. Из этого опыта черпает наша партия материал для повседневной пропаганды и агитации. Но учиться непосредственно этому опыту могут лишь немногие, пока общество построено на угнетении и эксплуатации миллионов трудящихся. Массам приходится учиться больше всего на своем собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок. Тяжел был урок 9-го января, но он революционизировал настроение всего пролетариата всей России. Тяжел урок одесского восстания, но на почве революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита, — да здравствует революционная армия!

В номере 7-м нашей газеты мы говорили уже о том, как одесское восстание пролило новый свет на наши лозунги: революционная армия и революционное правительство *). В предыдущем номере мы говорили (статья тов. В. С.) о военных уроках восстания. В настоящем номере мы останавливаемся еще раз на некоторых политических уроках его (статья: «Городская революция»). Теперь следует остановиться еще на проверке наших недавних тактических решений в том двояком отношении теоретической верности и практической целесообразности, о котором мы говорили выше.

Насущные политические вопросы современного момента — восстание и революционное правительство. Об этих вопросах всего больше говорили и спорили между собой социал-демократы. Этим вопросам посвящены главные резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. и конференции отколовшейся части партии. Спрашивается теперь: в каком свете представляются эти разногласия после одесского восстания? Всякий, кто возьмет на себя труд перечитать теперь, с одной стороны, отзывы и статьи по поводу этого восстания, а с другой стороны, четыре резолюции, посвященные вопросам о восстании и о временном правительстве съездом партии и конференцией новоискровцев, увидит тотчас же, как последние под влиянием событий ф а к т и ч е с к и стали переходить на

*) См. стр. 250 этого тома. Р е д.

сторону своих оппонентов, т.-е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий.

Под влиянием этих событий редакция «Искры» выпустила листок, озаглавленный: «Первая победа революции» и обращенный к «российским гражданам, рабочим и крестьянам». Вот самая существенная часть этого листка: «Пришло время действовать смело и всеми силами поддерживать смелое восстание солдат. Смелость теперь победит!»

«Созывайте же открытые собрания народа и несите ему весть о крушении военной опоры царизма! Где только можно, захватывайте городские учреждения и делайте их опорой революционного самоуправления народа! Прогоните царских чиновников и назначайте всенародные выборы в учреждения революционного самоуправления, которым вы поручите временное ведение общественных дел до окончательной победы над царским правительством и установления нового государственного порядка. Захватывайте отделения государственного банка и оружейные склады и вооружайте весь народ! Установите связь между городами, между городом и деревней, и пусть вооруженные граждане спешат на помощь друг другу всюду, где помощь нужна! Берите тюрьмы и освобождайте заключенных в них борцов за наше дело: ими вы усилите ваши ряды! Провозглашайте повсюду низвержение царской монархии и замену ее свободной демократической республикой! Вставайте, граждане! Пришел час освобождения! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционное войско! Долой самодержавие!»

Таким образом, перед нами решительный, открытый и ясный призыв к вооруженному всенародному восстанию. Перед нами столь же решительный, хотя, к сожалению, прикрытый и недоговоренный, призыв к образованию временного революционного правительства. Рассмотрим сначала вопрос о восстании.

Есть ли принципиальная разница между решением этого вопроса III съездом и конференцией? Несомненно. Мы говорили уже об этом в № 6 «Пролетария» («Третий шаг назад» *) и теперь сошлемся еще на поучительное свидетельство «Освобождения». В № 72-м его мы читаем, что «большинство» впадает в «отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть». «Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мирозерцания». Это суждение либералов, прошедших через подготовительную школу марксизма

*) См. стр. 243 — 245 этого тома. Р е д.

и через бернштейнианство, крайне ценно. Либеральные буржуа всегда упрекали революционное крыло социал-демократии за «отвлеченный революционизм и бунтарство», всегда хвалили оппортунистическое крыло за «реализм» их постановки вопроса. Сама «Искра» должна была признать (см. № 73 примечание по поводу одобрения г-ном Струве «реализма» брошюры тов. Акимова), что в устах освобожденцев «реалистический» означает «о п п о р т у н и с т и ч е с к и й». Гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма, подчеркивающего боевые задачи передового класса, открывающего в существующем элементы его ниспровержения. Поэтому характеристика двух течений в социал-демократии, данная «Освобождением», лишний раз подтверждает доказанный нашей литературой факт, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло русской социал-демократии.

«Освобождение» решительно признает, что по сравнению со съездом «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». И в самом деле, резолюция конференции, во-первых, побивает самое себя, то отрицая возможность планомерного восстания (п. 1), то признавая ее (п. d), а, во-вторых, ограничивается лишь перечнем о б щ и х условий «подготовки восстания», как-то: а) расширение агитации, б) укрепление связи с движением масс, с) развитие революционного сознания, d) установление связи между разными местностями, е) привлечение непролетарских групп к поддержке пролетариата. Напротив, резолюция съезда прямо выдвигает позитивные лозунги, признавая, что движение у ж е п р и в е л о к необходимости восстания, призывая организовать пролетариат для непосредственной борьбы, принять самые энергичные меры к его вооружению, разъяснять в пропаганде и агитации «не только политическое значение» восстания (этим ограничивается, в сущности, резолюция конференции), но и практически-организационную его сторону.

Чтобы яснее представить различие того и другого решения вопроса, припомним развитие социал-демократических взглядов по вопросу о восстании со времени возникновения массового рабочего движения. Первая ступень. 1897-й год. В «Задачах русских социал-демократов» Ленина говорится, что «решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, изберет ли она восстание или широкую политическую стачку, или иной прием атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный совет» (стр. 18). Здесь, как мы видим, нет даже речи о подготовке восстания, а только о собирании армий, т.-е. о пропаганде, агитации, организации вообще.

Вторая ступень. 1902-й год. В «Что делать?» Ленина читаем:

«...Представьте себе народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 года), вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц. К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне» (стр. 136 — 137).

Какие положения выставляет по вопросу о восстании это рассуждение? 1) Нелепость идеи «подготовки» восстания в смысле назначения особых агентов, которые бы «сидели и ждали» лозунга. 2) Необходимость складывающейся на общей работе связи между людьми и организациями, делающими регулярное дело. 3) Необходимость закрепления на таком деле связей между пролетарскими (рабочие) и непролетарскими (все недовольные) слоями. 4) Необходимость совместной выработки способности оценивать верно политическое положение и «откликаться» целесообразнее на политические происшествия. 5) Необходимость фактического объединения всех местных революционных организаций.

Перед нами, следовательно, ясно выдвинут уже лозунг подготовки восстания, но нет еще прямого призыва к восстанию, нет еще признания, что движение «уже привело» к его необходимости, что

необходимо тотчас вооружаться, организоваться в боевые группы и т. д. Перед нами — разбор как раз тех самых условий подготовки восстания, которые чуть ли не буквально повторены в резолюции конференции (в 1905 году!!).

Третья ступень. 1905-й год. В газете «Вперед» и затем в резолюции III съезда делается дальнейший шаг вперед: к р о м е общеполитической подготовки восстания выдвигается п р я м о й л о з у н г тотчас организоваться и вооружаться для восстания, устраивать особые (боевые) группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооруженного восстания» (п. 2-й резолюции съезда) *).

Эта небольшая историческая справка приводит к трем несомненным выводам: 1) Прямую ложь представляет из себя утверждение либеральных буржуа, освободителей, будто мы впадаем в «о т в л е ч е н н ы й революционизм, бунтарство». Мы ставим и ставили всегда этот вопрос именно не «отвлеченно», а н а к о н к р е т н у ю п о ч в у, различно решая его в 1897, 1902 и 1905 годах. Обвинение в бунтарстве есть оппортунистическая фраза господ либеральных буржуа, готовящихся предать интересы революции и изменить ей в эпоху решительной борьбы с самодержавием. 2) Конференция новоискровцев остановилась на второй ступени развития вопроса о восстании. В 1905 году она повторила лишь то, что было достаточно только в 1902 г. Она года на т р и о т с т а л а от революционного развития. 3) Под влиянием уроков жизни, именно одесского восстания, новоискровцы фактически признали необходимость действовать по указаниям не своей, а съездовской резолюции, т.-е. признали задачу восстания неотложной, прямые и немедленные призывы к непосредственной организации восстания и вооружения безусловно необходимыми.

Отсталая социал-демократическая доктрина сразу отстранена революцией. У нас стало еще одним препятствием меньше к практическому объединению на общей работе с новоискровцами, при чем, разумеется, это не означает еще полного устранения принципиальных разногласий. Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспособляясь к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты. Чтобы вести последовательную и выдержанную борьбу, партия пролетариата не может определять своей тактики от случая к случаю. Она должна в своих тактических решениях соединять верность принципам марксизма с верным учетом переходных задач революционного класса.

*) См. II приложение к этому тому. Ред.

Возьмите другой насущный политический вопрос о временном революционном правительстве. Здесь мы видим, пожалуй, еще яснее, что в своем листке редакция «Искры» фактически порывает с лозунгами конференции и принимает тактические лозунги III съезда. Нелепая теория «не ставить себе целью захватить» (для демократического переворота) «или разделить власть во временном правительстве» выброшена за борт, ибо листок прямо призывает «захватывать городские учреждения» и организовывать «временное ведение общественных дел». Нелепый лозунг «оставаться партией крайней революционной оппозиции» (нелепый в эпоху революции, хотя очень правильный для эпохи только парламентарной борьбы), фактически сдан в архив, ибо одесские события заставили «Искру» понять, что во время восстания смешно ограничиваться этим лозунгом, что надо активно звать к восстанию, к самому энергичному проведению его и использованию революционной власти. Нелепый лозунг «революционные коммуны» тоже отброшен, ибо события в Одессе заставили «Искру» понять, что этот лозунг лишь облегчает смешение демократического и социалистического переворота. А смешивать эти различнейшие вещи было бы лишь авантюризмом, свидетельствующим о полной неясности теоретической мысли и способным затруднить осуществление насущно необходимых практических мер, облегчающих рабочему классу борьбу за социализм в демократической республике.

Припомните полемику новой «Искры» с «Вперед», ее тактику «только снизу» в противоположность впередовскому «и снизу и сверху», — и вы увидите, что «Искра» приняла наше решение вопроса, призывая теперь прямо сама к действию сверху. Припомните опасения «Искры» насчет того, как бы не скомпрометировать нам себя ответственностью за казначейство, финансы и т. п., — и вы увидите, что если «Искру» не убедили наши доводы, то ее убедили в верности этих доводов сами события, ибо «Искра» в приведенном листке прямо рекомендует «захватывать отделения государственного банка». Нелепая теория, будто революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, их совместное участие во временном революционном правительстве есть «измена пролетариату» или вульгарный жоресизм (мильеранизм) — просто забыта новоискровцами, которые теперь сами обращаются именно к рабочим и крестьянам с призывом захватывать городские учреждения, отделения государственного банка, оружейные склады, «вооружать весь народ» (очевидно, теперь уже вооружать оружием, а не только «жгучей потребностью самовооружения»), провозглашать низвержение царской монархии и т. д. — одним словом, действовать целиком по программе, данной в резолюции III съезда,

действовать именно так, как указывает лозунг революционно-демократической диктатуры и временного революционного правительства.

Правда, ни того, ни другого лозунга «Искра» в своем листке не упоминает. Она перечисляет и описывает все действия, совокупность которых характерна для временного революционного правительства, но избегает этого слова. Это она напрасно. Фактически она принимает сама этот лозунг. Отсутствие же ясного термина способно лишь посеять колебания, нерешительность, путаницу в умы борцов. Боязнь слова: «революционное правительство», «революционная власть» есть чисто анархическая и недостойная марксиста боязнь. Чтобы «захватить» учреждения и банки, «назначить выборы», поручить «временное ведение дел», «провозгласить низвержение монархии», — для этого безусловно необходимо осуществить и провозгласить сначала временное революционное правительство, которое бы объединило и направило к одной цели всю военную и политическую деятельность революционного народа. Без такого объединения, без всеобщего признания временного правительства революционным народом, без перехода к нему всей власти, всякий «захват» учреждений, всякое «провозглашение» республики останутся простой и пустой бунтарской выходкой. Не сконцентрированная революционным правительством, революционная энергия народа после первой удачи восстания лишь раздробится, рассыплется на мелочи, утратит общенациональный размах, не осилит задачи удержать захваченное и осуществить провозглашенное.

Повторяем: фактически, на деле, социал-демократы, не признающие решений III съезда Р. С.-Д. Р. П., вынуждены ходом событий действовать именно по данным им лозунгам, выбросив за борт лозунг конференции. Революция учит. Наше дело — использовать до капли ее уроки, привести в соответствие наши тактические лозунги с нашим поведением и нашими ближайшими задачами, распространить в массе правильное понимание этих ближайших задач, приступить самым широким образом к организации рабочих везде и повсюду для боевых целей восстания, для создания революционной армии и образования временного революционного правительства.

*Пролетарий. № 9,
от 13 июля 1905 г.*

Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти.

Во время войны дипломатии нечего делать. По окончании военных действий дипломаты выдвигаются на первый план, подводя итоги, составляя счета, упражняясь в честном маклерстве.

Нечто подобное происходит и в русской революции. Во время военных столкновений народа с силами самодержавия либеральные буржуа

прячутся по своим норам. Они против насилия сверху и снизу, они враги и произвола власти и анархии черни. Они выходят на сцену по окончании военных действий, и в их политических решениях ясно отражается перемена в политической ситуации, произведенная этими действиями. Либеральная буржуазия «порозовела» после 9-го января; она начинает «краснеть» теперь после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции.

Три только что состоявшихся либеральных съезда очень поучительны в этом отношении. Всех консервативнее был съезд промышленников и торговцев. Им всего больше доверяет самодержавие. Их не беспокоит полиция. Они критикуют Булыгинский проект, осуждают его, требуют конституции, но не поднимают, насколько мы можем судить по нашим неполным сведениям, даже и вопроса о бойкотировании Булыгинских выборов. Самый радикальный — съезд делегатов «Союза союзов». Он происходит уже тайно и на нерусской территории, хотя под боком у Питера, в Финляндии. Как говорят, члены съезда прячут из предосторожности бумаги, и полицейские обыски на границе не дают никаких данных полиции. Съезд этот большинством голосов (против значительного, кажется, меньшинства) высказывается за полный и решительный бойкот Булыгинских выборов, за широкую агитацию в целях осуществления всеобщего избирательного права.

Середину занимает самый «влиятельный», торжественный и шумный съезд земских и городских деятелей. Он почти легален: полиция только для проформы составляет протокол и предъявляет встреченное улыбкой требование разойтись. Газеты, начавшие печатать сведения о нем, караются приостановкой («Слово») или предостережением («Русск. Вед.»). На нем представлено 216 делегатов, по заключительному отчету г. Петра Долгорукова, сообщенному в «Times»... Об нем телеграфируют во все концы мира корреспонденты иностранных газет. По главному политическому вопросу: бойкотировать ли «конституцию» Булыгина, съезд не высказывается никак. По сообщениям английских газет, большинство было за бойкотирование, Организационный Комитет съезда — против. Сошлись на компромиссе: оставить вопрос открытым до опубликования проекта Булыгина и тогда созвать по телеграфу новый съезд. Разумеется, Булыгинский проект решительно осуждается съездом, который принимает «освобожденский» проект конституции (монархия и двухпалатная система), отвергает обращение к царю и постановляет «обратиться к народу».

Текста этого обращения мы еще не имеем. По сообщениям иностранных газет, оно представляет из себя составленный в сдержанных выражениях очерк событий со времени ноябрьского съезда земцев, пере-

чень фактов, свидетельствующих о недобросовестных оттяжках правительства, о нарушенных им обещаниях, о его циничном равнодушии к требованиям общественного мнения. Кроме обращения к народу почти единогласно принята также резолюция о сопротивлении произвольным и несправедливым действиям правительства. Эта резолюция заявляет, что «в виду произвольных действий администрации и постоянного нарушения ею прав общества, съезд считает долгом всех защищать естественные права человека мирными средствами, включая сюда и сопротивление действиям властей, нарушающих эти права, хотя бы такие действия основывались на букве закона» (цитируем по «Times»).

Итак, шаг влево нашей либеральной буржуазии несомненен. Идет вперед революция, за ней ковыляет и буржуазная демократия. Истинный характер этой демократии, как буржуазной демократии, представляющий интересы имущих классов, отстаивающей дело свободы непоследовательно и своекорыстно, выступает все яснее, несмотря на то, что буржуазная демократия «краснеет» и старается говорить иногда «почти-революционным» языком.

В самом деле, что означает отсрочка решения вопроса о бойкоте Булыгинской конституции? Желание еще поторговаться с самодержавием. Неуверенность в себе того большинства, которое составилось было в пользу бойкота. Молчаливое признание того, что конституцию господа помещики и купцы запрашивают, а сойдутся они, пожалуй, и на меньшем. Если даже съезд либеральных буржуа не решается сразу порвать с самодержавием и с Булыгинской комедией, то чего же можно ждать от того съезда всех и всяческих буржуа, который будет называться Булыгинской «Думой» и который будет избран (если он когда-либо будет избран!) при всевозможных приемах давления со стороны самодержавного правительства?

Самодержавное правительство так и смотрит на этот акт либералов, считая его лишь одним из эпизодов буржуазного торгашества. С одной стороны, самодержавие, видя недовольство либералов, «надбавляет» немного свои посулы: заграничные газеты сообщают, что в Булыгинский проект вносится ряд новых «либеральных» изменений. С другой стороны, самодержавие отвечает на недовольство земцев новой угрозой: характерно сообщение корреспондента «Таймса», что Булыгин и Горемыкин¹⁵⁷⁾ предлагают, как ответ на земский «радикализм», натравить крестьян на «бар», пообещав крестьянам прирезку земли от имени царя и устроив «народный» плебисцит (при помощи земских начальников) насчет сословных или бессословных выборов. Разумеется, это сообщение — только слух, пущенный, вероятно, нарочно. Но остается несомненным, что правительство не боится самых диких, грубых и зверских форм демагогии, не боится восстания «одичалых

масс» и подонков населения, а либералы боятся народного восстания против насильников, героев грабежа, разбоя и турецкого зверства. Правительство давно уже начало кровопролитие в невиданных размерах и формах. А либералы отвечают, что они хотят избежать кровопролития! Разве после такого ответа не вправе любой наемный убийца третировать их, как буржуазных торгашей? Разве не смешна после этого резолюция об обращении к народу с признанием «мирного сопротивления» произволу и насилию? Правительство раздает оружие направо и налево, подкупая кого угодно на избиение и убийство «жидов», «демократов», армян, поляков и т. д. А наши «демократы» считают «революционным» шагом агитацию за «мирное сопротивление»!

В только что полученном нами № 73 «Освобождения» г. Струве негодует против г. Суворина, который поощрительно похлопывает по плечу г. Ивана Петрункевича и предлагает разместить таких либералов по министерствам и департаментам, для их успокоения. Г. Струве возмущен, ибо именно г. Петрункевича и его единомышленников в земстве («связавших себя программой» — какой? где? — «перед историей и нацией») он прочит в будущее министерство конституционно-демократической партии. Мы же думаем, что поведение г.г. Петрункевичей и на приеме их царем и на земском съезде 6 (19) июля дает полное право даже Сувориным презрительно третировать таких «демократов». Г. Струве пишет: «Всякий искренний и рассуждающий либерал в России требует революции». Мы же скажем, что если это «требование революции» в июле 1905 года выражается резолюцией о мирных средствах сопротивления, то Суворины имеют полное право относиться к подобному «требованию» и к таким «революционерам» с презрением и с насмешкой.

Г. Струве возразит, вероятно, что события, двигавшие до сих пор влево наших либералов, подвинут их со временем и еще дальше. Он говорит в том же № 73: «Условия для физического вмешательства армии в политическую борьбу будут действительно даны лишь тогда, когда самодержавная монархия столкнется с организованной в народном представительстве нацией. Тогда армия будет поставлена перед выбором: правительство или нация, и выбор будет нетруден и безошибочен».

Эта мирная идиллия очень похожа на откладывание революции до греческих календ. Кто же организует нацию в народное представительство? Самодержавие? Но оно соглашается организовать лишь Булыгинскую Думу, против которой вы сами протестуете, не признавая ее народным представительством! Или «нация» организует народное представительство сама? Если так, отчего либералы и слышать не хотят о Временном Революционном Правительстве, которое может опереться лишь на революционную армию? отчего они, выступая на своем съезде

от имени народа, не делают, однако, такого шага, который бы свидетельствовал бы об организации нации в народное представительство? Если вы действительно представители народа, господа, а не представители буржуазии, предающей интересы народа в революции, отчего вы не обращаетесь к армии? не объявляете разрыва с самодержавной монархией? отчего вы закрываете глаза на неизбежность решительной борьбы между армией революционной и армией царской?

Оттого, что вы боитесь революционного народа и, обращаясь к нему с фразами, на деле вы считаетесь и торгуетесь с самодержавием. Лишнее доказательство этого: переговоры председателя организационного комитета земского съезда, г. Головина, с московским генерал-губернатором Козловым. Г. Головин уверил Козлова, что слухи о намерении превратить этот съезд в Учредительное Собрание вздорны. Что это значит? Это значит, что представитель организованной буржуазной демократии гарантировал представителю самодержавия, что на разрыв с самодержавием она не идет! Ведь только политические младенцы могут не понимать того, что обещание не объявлять съезда учредительным собранием равносильно обещанию не принимать действительно революционных мер, — ибо Козлов боялся, разумеется, не слов: учредительное собрание, а дел, способных обострить конфликт и вызвать решительную борьбу народа и армии с царизмом! Разве это не политическое лицемерие, когда на словах вы называете себя революционерами, говорите об обращении к народу, об оставлении вами всяких надежд на царя, а на деле успокаиваете слуг царя насчет своих намерений?

Ах, эти пышные либеральные слова! Сколько наговорил их на съезде вождь «конституционно-демократической» партии, г. И. Петрункевич! Посмотрим же, какими заявлениями «связывает он себя перед историей и нацией». Цитируем по корреспонденциям в «Таймсе».

Г. Де-Роберти высказывается за обращение с петицией к царю. Против говорят Петрункевич, Новосильцев, Шаховской, Родичев. Голосование дает лишь шесть голосов за петицию. Из речи г. Петрункевича: «Когда мы ехали в Петергоф 6 (19) июня, мы еще надеялись, что царь поймет грозную опасность положения и сделает что-нибудь для ее предотвращения. Теперь всякая надежда на это должна быть оставлена. Остался лишь один выход. До сих пор мы надеялись на реформу сверху, отныне единственная наша надежда — народ. (Громкие аплодисменты.) Мы должны сказать народу правду в простых и ясных словах. Неспособность и бессилие правительства вызвали революцию. Это факт, который надо признать всем. Наш долг — употребить все усилия, чтобы избежать кровопролития. Многие из нас отдали долгие годы на службу родине. Теперь мы смело должны идти к народу, а не

к царю». На другой день г. Петрункевич продолжал: «Мы должны порвать узкие рамки нашей деятельности и пойти к крестьянину. До сих пор мы надеялись на реформы сверху, но, пока мы ждали, время сделало свое дело. Революция, споспешествуемая правительством, перегнала нас. Слово: «революция» так испугало вчера двух наших членов, что они ушли со съезда. Но мы должны мужественно смотреть в лицо правде. Мы не можем ждать со сложенными руками. Нам возражали, что обращение земств и дум к народу будет агитациею, сеющей смуту. Но разве в деревнях царит спокойствие? Нет, смута уже на-лицо и притом в худшем виде. Мы не можем удержать бурю, но во всяком случае мы должны постараться предотвратить слишком большое потрясение. Мы должны сказать народу, что бесполезно разрушать фабрики и экономии. Мы не должны смотреть на это разрушение, как на простой вандализм. Это — слепой, невежественный крестьянский способ помочь злу, которое они инстинктивно чувствуют, но которое они не в силах понять. Пусть власти отвечают им нагайками. Наш долг все-таки итти к народу. Мы должны были бы сделать это раньше. Земства существовали 40 лет, не приходя в тесное и интимное соприкосновение с крестьянами. Не будем же терять времени, чтобы поправить эту ошибку. Мы должны сказать крестьянину, что мы с ним».

Очень хорошо, г. Петрункевич! Мы с крестьянином, мы с народом, мы признаем революцию за факт, мы оставили всякую надежду на царя... В добрый час, господа! Только... только как же так? Не с царем, а с народом, и по э т о м у обещать генерал-губернатору Козлову, что съезд не будет действовать, как учредительное собрание, т.-е. как настоящее народное, и действительное народное представительство? Признавать революцию, и по э т о м у отвечать мирными средствами сопротивления на зверства, убийства, разбои правительственных слуг? Итти к крестьянину и с крестьянином, и по э т о м у отделяться самой неопределенной программой, сулящей только выкуп с согласия помещиков! Итти не с царем, а с народом, и по э т о м у принимать проект конституции, который обеспечивает, во-первых, монархию, сохранение царской власти над войском и чиновничеством, а, во-вторых, обеспечивает заранее политическое господство помещиков и крупной буржуазии посредством верхней палаты *).

Либеральная буржуазия идет к народу. Это верно. Она вынуждена итти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представи-

*) См. листок «Три конституции», изданный нашей газетой. (См. выше стр. 248 — 249 этого тома. Р е д.

тельница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой. Сегодня — она у царя и просит у него, от имени «народа», монархической конституции, трусливо отрекаясь в то же время от народа, от «смуты», от «крамолы», от революции. Завтра — она грозит царю со своего съезда, грозит монархической конституцией и мирным сопротивлением против штыка. И вы удивляетесь еще, господа, что царские слуги разгадали вашу трусливую и двуличную душонку? Вы боитесь остаться без царя. Царь не боится остаться без вас. Вы боитесь решительной борьбы. Царь не боится ее, а хочет борьбы, сам вызывает и начинает борьбу, он желает померяться силой, прежде чем уступить. Вполне естественно, что царь презирает вас. Вполне естественно, что это презрение выражают вам лакеи царя, господа Суворины, посредством поощрительного похлопывания по плечу вашего Петрункевича. Вы заслужили это презрение, ибо вы не боретесь вместе с народом, а только крадетесь к власти за спиной революционного народа.

Иностранные корреспонденты и публицисты буржуазии довольно метко схватывают иногда эту сущность дела, хотя и выражают ее очень своеобразно. Г. Гастон Леру в «*Matin*» берется изложить взгляды земцев. «Беспорядок вверху, беспорядок внизу, мы одни — представители порядка». Взгляд земцев действительно таков. А в переводе на прямой русский язык это значит: наверху и внизу готовы бороться; а мы — честные маклеры, мы крадемся к власти. Мы ожидаем, не будет ли у нас тоже 18-го марта¹⁵⁸), не победит ли народ хоть раз в уличном бою правительство, не явится ли для нас возможность, подобно немецкой либеральной буржуазии, взять в руки власть после первой победы народа. А тогда, когда мы станем силой против самодержавия, мы обернемся против революционного народа и заключим сделку с царем против народа. Наш проект конституции — готовая программа такой сделки.

Расчет неглупый. Про революционный народ иногда приходится сказать, как говорили римляне про Аннибала: ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой! Победа восстания не будет еще победой народа, если она не поведет к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Орган французской консервативной буржуазии, «*Temps*», прямо советует земцам покончить скорее конфликт сделкой с царем (передовица от 24 июля н. ст.). Реформы невозможны, говорит он, без соединения моральной и материальной силы. Материальной силой обладает только правительство. Моральной — земцы.

Прекрасная формулировка буржуазных взглядов — и прекрасное подтверждение нашего анализа политики земцев. Буржуа забыл про мелочь, про народ, про десятки миллионов рабочих и крестьян, которые создают своим трудом все богатства буржуазии, которые борются за свободу, необходимую им, как свет и как воздух. Буржуа имели право забыть про них, поскольку они еще не доказали своей «материальной силы» победой над правительством. Иначе как «материальной силой» не решался ни один крупный вопрос в истории, и царское самодержавие, повторяем, само начинает борьбу, вызывая народ померяться с ним силой.

Буржуазия Франции советует буржуазии российской скорее заключить сделку с царем. Она боится, вчуже боится, решительной борьбы. В случае победы народа неизвестно еще, будут ли народом допущены к власти крадущиеся к ней г.г. Петрункевичи! Усчитать заранее, насколько решительна будет победа, и каковы будут результаты ее, невозможно, — этим вполне объясняется робость буржуазии.

Пролетариат готовится к этой решительной борьбе по всей России. Он собирает свои силы, он учится и крепнет от каждой новой схватки, которые до сих пор кончались неудачей, но которые неизменно приводили к новым и более сильным нападениям. Пролетариат идет к победе. Он поднимает за собой крестьянство. Опираясь на крестьянство, он парализует неустойчивость и предательство буржуазии, отстранит ее претендентов и силой раздавит самодержавие, вырвет с корнем из русской жизни все следы проклятого крепостничества. И тогда мы завоюем народу не монархическую конституцию, обеспечивающую политические привилегии буржуазии. Мы завоюем России республику с полной свободой всем угнетенным народностям, с полной свободой для крестьян и рабочих. Мы воспользуемся тогда всей революционной энергией пролетариата для самой широкой и смелой борьбы за социализм, за полное освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации.

*«Пролетарий» № 10,
от 26 июля 1905 г.*

ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Написано
в первой половине
июня 1905 г.*

*Напечатано
брошюрой в июле 1905 г. в Женеве.
Изд. Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. II.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий. Мы уже указали в «Пролетарии» (№ 9, «Революция учит» *)), что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы.

Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму. Революция подтвердит на деле программу и тактику социал-демократии, показав настоящую природу различных общественных классов, показав буржуазность нашей демократии и настоящие стремления крестьянства, революционного в буржуазно-демократическом духе, но таящего в себе не идею «социализации», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Старые иллюзии старого народничества, которые так явно сквозят, например, в проекте программы «партии социалистов-революционеров» и в вопросе о развитии капитализма в России, и в вопросе о демократизме нашего «общества», и в вопросе о значении полной победы крестьянского восстания, все эти иллюзии будут беспощадно и окончательно развеяны революцией. Она даст впервые настоящее политическое крещение различным классам. Эти классы выйдут из революции с определенной политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах своих идеологов, но и в открытом политическом действии масс.

Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию? сумеем ли мы восполь-

*) См. 267 — 268 стр. этого тома.

зоваться правильностью нашего социал-демократического учения, связью нашей с единственным до конца революционным классом, пролетариатом, для того, чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии?

К этой цели должны мы направить все свои усилия. А достижение ее зависит, с одной стороны, от правильности нашей оценки политической оппозиции, от верности наших тактических лозунгов, а с другой стороны, от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс. К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвется к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо еще много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том, где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооруженном восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства? И на том, и на другом рабочий класс воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопрос теперь, в настоящей революции, сводится, однако, к тому, в чем будет лежать центр тяжести воспитания и организации рабочего класса, в первом или во втором?

Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то «Освобождение» и восхваляет акимовщину, «экономизм» в социал-демократии, выдвигающий теперь на первый план профессиональные союзы и легальные общества. Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 «Освобождения») принципиальные тенденции акимовщины в новоискровстве. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Правильные тактические лозунги социал-демократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра» в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзываясь о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идет, с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и конференции отколовшейся части партии мы имеем самые точные, самые обдуманные, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата. Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе социалистов-революционеров, которые только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом, буржуазная ли революция происходит у них перед глазами.

Вот почему мы считаем самым насущным делом революционной социал-демократии тщательное изучение тактических резолюций III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и конференции, определение уклонов в них от принципов марксизма, уяснение себе конкретных задач социал-демократического пролетариата в демократической революции. Этой работе и посвящена предлагаемая брошюра. Проверка нашей тактики с точки зрения принципов марксизма и уроков революции необходима и для того, кто хочет реально готовить единство тактики, как основу будущего полного объединения всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а не ограничиваться одними словами увещания.

Июль ¹⁵⁰ 1905 г.

1. Насущный политический вопрос.

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политические направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как будто соглашается, если верить газетным известиям о работах Булыгинской комиссии, на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узко-цензовой или узко-сословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует полного перехода власти к учредительному собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но кроме того немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами вождей так называемой «конституционно-демократической партии», не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьезной социальной опорой направления «освободителей», добивается возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее — революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трем главным социальным силам современной России. О том, как «освободители» прикрывают якобы-демократическими фразами свою половинчатую, т.-е., говоря прямее и проще, изменническую, предательскую по отношению к революции политику, мы уже не раз говорили в «Пролетарии» (№№ 3, 4, 5) *). Посмотрим теперь, как учитывают социал-демократы

*) См. выше 207 — 213, 220 — 230 стр. этого тома.

задачи момента. Превосходным материалом в этом отношении являются две резолюции, принятые совсем недавно III съездом Р. С.-Д. Р. П. и «конференцией» отколовшейся части партии. Вопрос о том, какая из этих резолюций правильнее учитывает политический момент и правильнее определяет тактику революционного пролетариата, имеет громадное значение, и всякий социал-демократ, желающий сознательно исполнять свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, должен со всем вниманием разобраться в этом вопросе, оставив совершенно в стороне соображения, не относящиеся к существу дела.

Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным съездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или в виду нового политического положения. Такое новое положение создала начавшаяся в России революция, то-есть полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством. Новый вопрос состоит в том, каковы практические способы созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания (теоретически вопрос о таком собрании давно уже и раньше всех других партий решен социал-демократией официально, в ее партийной программе). Если народ разошелся с правительством, и массой признана необходимость учредить новый порядок, то партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает н о в ы й вопрос о временном революционном правительстве. Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, партия сознательного пролетариата должна выяснить, во-первых, з н а ч е н и е временного революционного правительства в происходящей революции и во всей борьбе пролетариата вообще; во-вторых, с в о е о т н о ш е н и е к временному революционному правительству; в-третьих, точные условия у ч а с т и я с.-д. в этом правительстве; в-четвертых, условия давления на это правительство с н и з у, т.-е. при отсутствии в нем социал-демократии. Только при выяснении всех этих вопросов политическое поведение партии в данном отношении будет принципиальное, ясное и твердое.

Посмотрим же, как разрешает эти вопросы резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. Вот ее полный текст:

«Резолюция о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более

полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

2. Что дает нам резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. о временном революционном правительстве?

Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П., как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие с.-д. во временном революцион-

ном правительстве входит сюда, как часть вопроса. С другой стороны, речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; след., сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил съезд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв учредительного собрания. Съездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция съезда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата, и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчеркивание лозунга демократической республики в резолюции съезда необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добивается именно полной свободы; кроме того, это подчеркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно: так называемая конституционно-демократическая» или «освобожденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, притом непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов) и учредительное. Это и признает резолюция съезда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознвая это, резолюция съезда не ограничивается формальным лозунгом «учредительного собрания», а добавляет материальные условия, при которых только и возможно настоящее выполнение этим собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг всенародного учредительного собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция съезда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно единственно временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренно хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, не способно ни искренно хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда дает, след., единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения Временного Революционного Правительства была бы не полна и не верна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т.-е. капиталистическом, общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено таким образом в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к учредительному собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это, прежде всего, прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного

революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низвержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть в с я программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осуществления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы учредительным собранием, — под тем предлогом, что учредительное собрание может еще и не признать свободы собраний! Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать бур-

жуазный характер происходящего демократического переворота; — только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, — и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдем дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо ли и при каких условиях наше участие в нем (действие сверху)? Каково же должно быть наше действие снизу? Резолюция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во врем. рев. правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) допустимо. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (вроде Мартынова и новосковцев), пугавших нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым. Этим заявлением III съезд Р. С.-Д. Р. П. бесповоротно отверг ту мысль новой «Искры», будто участие соц.-дем. во временном революционном правительстве есть разновидность милитаризма, будто это недопустимо принципиально, как освящение буржуазного порядка, и т. д.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких

условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, вроде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмется предсказывать что-либо насчет интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия. Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контр-революционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции (см. поучительнейшее «Открытое письмо» г. Струве в № 71 «Освобождения»), стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию, — в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контр-революцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия соц.-дем. во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху», — этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы, — резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен — ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны, — и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления — «охрана, упрочение и расширение завоеваний революции»; т.-е. тех

завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

Этим мы закончим краткий разбор резолюции III съезда о временном революционном правительстве. Как видит читатель, резолюция эта выясняет и значение нового вопроса, и отношение к нему партии пролетариата, и политику партии как изнутри временного революционного правительства, так и извне его.

Посмотрим теперь на соответствующую резолюцию «конференции».

3. Что такое «решительная победа революции над царизмом»?

Резолюция «конференции» посвящена вопросу «о завоевании власти и участии во временном правительстве». Уже в этой постановке вопроса кроется, как мы указывали, путаница. С одной стороны, вопрос ставится узко: только о нашем участии во временном правительстве, а не вообще о задачах партии по отношению к временному революционному правительству. С другой стороны, смешиваются два совершенно разнородных вопроса: о нашем участии в одной из стадий демократического переворота и о социалистическом перевороте. В самом деле, «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении. А если понимать их в смысле завоевания власти не для социалистического, а для демократического переворота, то тогда какой смысл говорить не только об участии во временном революционном правительстве, но и о «завоевании власти» вообще? Очевидно, наши «конференцы» сами хорошенько не знали, о чем собственно им следует говорить: о демократическом или о социалистическом перевороте. Кто следил за литературой вопроса, тот знает, что начало этой путанице положил тов. Мартынов в его знаменитых «Двух диктатурах»: новоискровцы неохотно вспоминают о постановке вопроса, данной (еще до 9-го января) в этом образцово-хвостистском произведении, но его идейное влияние на конференцию не подлежит сомнению.

Но оставим в стороне заглавие резолюции. Ее содержание показывает нам ошибки несравненно более глубокие и серьезные. Вот первая часть ее:

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением Временного Правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать Всенародное Учредительное Собрание».

Итак, нам говорят, что решительной победой революции над царизмом может быть и победоносное восстание и. . . решение представительного учреждения организовать учредительное собрание. Что это? как это? Решительная победа может быть ознаменована «решением» организовать учредительное собрание?? И такая «победа» ставится рядом с учреждением Временного Правительства, «вышедшего из победоносного народного восстания»!! Конференция не заметила, что победоносное народное восстание и учреждение временного правительства означает победу революции на деле, а «решение» организовать учредительное собрание означает победу революции лишь на словах.

Конференция меньшевиков-новоисковцев впала в ту самую ошибку, в которую постоянно впадают либералы, освобожденцы. Освобожденцы фразерствуют об «учредительном» собрании, стыдливо закрывая глаза на сохранение силы и власти в руках царя, забывая, что для «учреждения» нужно иметь силу учредить. Конференция тоже забыла, что от «решения» каких угодно представителей до осуществления этого решения еще далеко. Конференция забыла, что пока власть остается в руках царя, любые решения каких угодно представителей останутся такой же пустой и жалкой болтовней, какой оказались «решения» знаменитого в истории Германской революции 1848 года франкфуртского парламента. Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей «Новой Рейнской Газете» за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных «освобожденцев», что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооруженной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освобожденцы болтали, — король выждал время, укрепил свои военные силы, и контр-революция, опираясь на реальную силу, разбила на-голову демократов со всеми их прелестными «решениями».

Конференция приравняла к решительной победе то, в чем как раз недостает решительного условия победы. Каким образом могли социал-демократы, признающие республиканскую программу нашей партии, впасть в эту ошибку? Чтобы понять это странное явление, надо обратиться к резолюции III съезда об отколовшейся части партии *). В этой резолюции указывается на переживание в нашей партии разных «родственных экономизму» течений. Наши конференты (недаром верно они находятся под идейным руководством Мартынова) рассуждают о революции совершенно в том же духе, как экономисты рассуждали о политической борьбе или 8-часовом рабочем дне. Экономисты сейчас же пускали в ход «теорию стадий»: 1) борьба за права; 2) политическая

*) См. II приложение к этому тому.

агитация; 3) политическая борьба, — или 1) 10-часовой рабочий день, 2) 9-часовой, 3) 8-часовой. Какие результаты получались от этой «тактики-процесса», всем достаточно известно. Теперь нам предлагают и революцию наперед разделить хорошенечко на стадии: 1) царь созывает представительное учреждение; 2) это представительное учреждение «решает» под давлением «народа» организовать учредительное собрание; 3) ... о третьей стадии меньшевики еще не столковались; они забыли, что революционное давление народа встречает контр-революционное давление царизма и что поэтому либо «решение» остается неосуществимым, либо дело решает опять-таки победа или поражение народного восстания. Резолюция конференции точь-в-точь похожа на такое рассуждение экономистов: решительная победа рабочих может быть ознаменована либо революционным осуществлением 8-часового рабочего дня, либо дарованием десятичасового рабочего дня и «решением» перейти к девятичасовому. Точь-в-точь то же самое.

Нам могут возразить, пожалуй, что авторы резолюции не имели в виду п р и р а в н я т ь победу восстания к «решению» представительного учреждения, созванного царем, что они хотели лишь предусмотреть тактику партии в том и другом случае. Мы ответим на это: 1) текст резолюции прямо и недвусмысленно называет «решительной победой революции над царизмом» р е ш е н и е представительного учреждения. Может быть, это результат небрежной редакции, может быть ее можно бы исправить на основании протоколов, но пока она не исправлена, смысл этой редакции может быть только один, и смысл этот всецело о с в о б о ж д е н с к и й. 2) «Освобожденский» ход мысли, в который впали авторы резолюции, еще несравненно рельефнее выступает в других литературных произведениях новоискровцев. Напр., в органе Тифлисского комитета: «Социальдемократ» (на грузинском языке; расхвален «Искрой» в № 100) статья «Земский Собор и наша тактика» договаривается прямо до того, что «тактика», «избирающая центром нашего действия Земский Собор» (о созыве которого, добавим от себя, мы еще ничего точного не знаем!), «в ы г о д н е е д л я н а с», чем «тактика» вооруженного восстания и учреждения временного революционного правительства. Мы ниже еще вернемся к этой статье. 3) Нельзя ничего иметь против предварительного обсуждения тактики партии и на случай победы революции и на случай поражения ее, и на случай успеха восстания и на тот случай, если восстание не сможет разогреться в серьезную силу. Возможно, что царскому правительству удастся созвать представительное собрание в целях сделки с либеральной буржуазией, — резолюция III съезда, предусматривая это, говорит прямо о «лицемерной политике», о «псевдodemократизме», о «карикатурных формах народного представительства вроде так называемого земского собора». Но

в том-то и дело, что это говорится не в резолюции о временном революционном правительстве, ибо к временному революционному правительству это не имеет отношения. Этот случай отодвигает проблему восстания и учреждения временного революционного правительства, видоизменяет ее и т. д. Речь же идет теперь не о том, что возможны всякие комбинации, что возможна и победа и поражение, и прямые пути и окольные, — речь идет о том, что непозволительно социал-демократу вносить путаницу в представление рабочих о действительно революционном пути, что непозволительно по-освободженски называть решительной победой то, в чем недостает основного условия победы. Возможно, что и восьмичасовой рабочий день мы получим не сразу, а лишь долгим окольным путем, но что вы скажете о человеке, который победой рабочих назовет такое бессилие, такую слабость пролетариата, при которых он не в силах будет помешать проволочкам, отсрочкам, торгашеству, измене и реакции? Возможно, что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперед», но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»? Возможно на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская», но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевывание нашего республиканского лозунга?

Конечно, до затушевывания его новоискровцы еще не дошли. Но до какой степени отлетел от них революционный дух, до какой степени безжизненное резонерство заслонило от них боевые задачи момента, это особенно наглядно видно из того, что в своей резолюции, они как раз п о з а б ы л и сказать о республике! Это невероятно, но это факт. Все лозунги социал-демократии подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы в разных резолюциях конференции, не забыт даже выбор рабочими по заведениям старост и депутатов, — не нашлось только случая в резолюции о врем. рев. правительстве вспомнить о республике. Говорить о «победе» народного восстания, об учреждении врем. правительства и не указать отношение этих «шагов» и актов к завоеванию республики — значит писать резолюцию не для руководства борьбой пролетариата, а для ковыляния в хвосте пролетарского движения.

Итог: первая часть резолюции: 1) совершенно не выяснила значения врем. рев. правительства с точки зрения борьбы за республику и обеспечения действительно всенародного и действительно учредительного собрания; 2) внесла прямую путаницу в демократическое сознание пролетариата, приравнявая к решительной победе революции над царизмом такое положение дел, когда как раз недостает еще основного условия для настоящей победы.

4. Ликвидация монархического строя и республика.

Перейдем к следующей части резолюции:

«... И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

«Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

«Поэтому и Временное Правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя».

Остановимся на этой части, которая представляет из себя самостоятельный отдел резолюции. Основная мысль выписанных нами рассуждений совпадает с той, которая изложена в 3 пункте съездовской резолюции. Но при сличении обеих резолюций в этой их части сразу бросается в глаза следующее коренное различие между ними. Резолюция съезда, в двух словах характеризуя общественно-экономическую основу революции, все внимание переносит на резко определенную борьбу классов из-за определенных завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путанно описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определенные завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция съезда говорит, что мы, партия пролетариата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за нее и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством. Обе резо-

люции заявляют, что происходящий переворот для нас только первый шаг, за которым пойдет второй, но отсюда одна резолюция делает тот вывод, что надо тем скорее пройти этот первый шаг, тем скорее ликвидировать его, завоевать республику, беспощадно раздавить контр-революцию и создать почву для второго шага. А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосет мысли по поводу него.

Резолюция съезда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции так и остается при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него.

Это различие и есть как раз то самое различие, которое издавна разбивает русских марксистов на два крыла: резонерское и боевое крыло в былые времена легального марксизма, экономическое и политическое в эпоху начинающегося массового движения. Из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности экономисты делали тот оригинальный вывод, что надо повернуться спиной к политической борьбе и задерживать ее развитие, суживать ее размах, принижать ее задачи. Политики, наоборот, делали из тех же посылок иной вывод, именно: что чем глубже теперь корни нашей борьбы, тем шире, смелее, решительнее, инициативнее должны мы вести эту борьбу. В иной обстановке, в видоизмененной форме перед нами и теперь тот же спор. Из тех посылок, что демократический переворот отнюдь еще не есть социалистический, что он «интересует» отнюдь не одних только неимущих, что его глубочайшие корни лежат в неотвратимых нуждах и потребностях всего буржуазного общества в целом, — из этих посылок мы делаем вывод, что тем смелее должен передовой класс ставить свои демократические задачи, тем резче должен он договаривать их до конца, выставлять непосредственный лозунг республики, пропагандировать идею о необходимости временного революционного правительства, о необходимости беспощадно раздавить контр-революцию. А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует договаривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве учредительного собрания, что задачу борьбы с контр-революцией можно не выдвигать, как нашу активную задачу, а потопить ее в туманной (и неправильно формулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на

«процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это — язык каких-то архивных заседателей!

И чем внимательнее вы рассмотрите отдельные формулировки новоисковской резолюции, тем нагляднее выступят перед вами указанные основные ее особенности. Нам говорят, напр., о «процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества». Памятуя тему, на которую резолюция писалась (временное революционное правительство), мы с недоумением спрашиваем: если уже говорить о процессе взаимной борьбы, то как же можно умолчать об элементах политически порабощающих буржуазное общество? Думают ли конференты, что раз они предположили победу революции, то такие элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдом вообще и величайшей политической наивностью, политической близорукостью в частности. После победы революции над контр-революцией, контр-революция не исчезнет, а, напротив, неизбежно начнет новую, еще более отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцию разбору задач при победе революции, мы обязаны громадное внимание уделить задачам отражения контр-революционного натиска (как это сделано в резолюции съезда), а не топить эти ближайшие, насущные, злободневные политические задачи боевой партии в общих рассуждениях о том, что будет после теперешней революционной эпохи, что будет тогда, когда будет уже налицо «политически освобожденное общество». Как экономисты ссылками на общие истины о подчинении политики экономике прикрывали свое непонимание злободневных политических задач, так новоискровцы своими ссылками на общие истины о борьбе внутри политически освобожденного общества прикрывают свое непонимание злободневных революционных задач политического освобождения этого общества.

Возьмите выражение: «окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима». На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят «углубить» и сказать «поумнее». Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны. А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва итти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одервеневшие мумии, которые *sub specie aeternitatis* рассматривают вопрос с точки зрения *plusquamperfectum*.

Пойдем дальше: «... Временное Правительство... взяло бы на себя осуществление задач этой... буржуазной революции». ... Вот тут сразу

и сказалось, что наши конференции просмотрели конкретный вопрос, вставший перед политическими руководителями пролетариата. Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стушевался с их поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществят задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции. Но «временным революционным правительством» называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контр-революционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской Старине» определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство, — это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе.

По указанным причинам неудовлетворительны и последние положения выписанной нами части резолюции. Крайне неудачно или, по меньшей мере, неловко выражение, что временное правительство должно было бы «регулировать» взаимную борьбу между противоположными классами: марксистам не следовало бы употреблять такой либерально-освободительской формулировки, дающей повод думать, будто возможны правительства, служащие не органом классовой борьбы, а «регулятором» ее. . . Правительство должно было бы «не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех факторов, которые угрожают основам капиталистического строя». Этим «фактором» является как раз тот самый пролетариат, от имени которого говорит резолюция! Вместо указания того, как именно должен пролетариат в данный момент «двигать вперед революционное развитие» (подвигать его дальше, чем хотела бы идти конституционалистская буржуазия), вместо совета готовиться определенным способом к борьбе с буржуазией, когда она повернет против завоеваний революции, — вместо этого нам дают общее описание процесса, ничего не говорящее о конкретных задачах нашей деятельности. Способ изложения своих мыслей новоискрывцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезах» о Фейербахе) о старом,

чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только истолковывали мир различным образом, — говорил Маркс, — а дело в том, чтобы изменять этот мир. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов.

5. Как следует «двигать революцию вперед»?

Приводим дальнейший отдел резолюции:

«При таких условиях, социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии.

«Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном Правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Совет занять положение, наилучшее обеспечивающее возможность двигать революцию вперед, нам очень и очень нравится. Мы бы желали только, чтобы кроме этого доброго совета было на-лицо и прямое указание, как именно сейчас, при данной политической ситуации, в эпоху толков, предположений, разговоров и проектов созыва народных представителей, следует социал-демократии двигать революцию вперед. Может ли теперь двигать революцию вперед тот, кто не понимает опасности освобожденской теории «соглашения» народа с царем, кто называет победой одно «решение» созвать учредительное собрание, кто не ставит задачей активную пропаганду идеи о необходимости временного революционного правительства? кто оставляет в тени лозунг демократической республики? Такие люди на самом деле двигают революцию назад, потому что в практически-политическом отношении они остановились на уровне освобожденской позиции. Что толку от признания ими программы, требующей замены самодержавия республикой, когда в тактической резолюции, определяющей настоящие и ближайшие задачи партии в революционный момент, лозунг борьбы за республику отсутствует? Ведь именно освобожденская позиция, позиция конституционалистской буржуазии характе-

ризуется теперь фактически тем, что в решении созвать всенародное учредительное собрание усматривается решительная победа, а о временном революционном правительстве и о республике благоразумно умалчивается! Чтобы двигать революцию вперед, т.-е. дальше того предела, до которого двигает ее монархическая буржуазия, надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, и с к л ю ч а ю щ и е «непоследовательность» буржуазной демократии. Таких лозунгов в настоящий момент есть т о л ь к о д в а: 1) временное революционное правительство и 2) республика, потому что лозунг всенародного учредительного собрания воспринят монархической буржуазией (см. программу Союза Освобождения) и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом. И вот мы видим, что конференция из этих двух, единственно способных двигать революцию вперед, лозунгов, лозунг республики вовсе позабыла, а лозунг временного рев. правительства прямо приравняла к освобожденскому лозунгу всенародного учредительного собрания, назвав «решительной победой революции» и то и другое!!

Да, таков несомненный факт, который послужит, мы уверены, вехой для будущего историка российской социал-демократии. Конференция социал-демократов в мае 1905 года принимает резолюцию, которая говорит хорошие слова о необходимости двигать демократическую революцию вперед и которая на деле двигает ее назад, которая на деле не идет дальше демократических лозунгов монархической буржуазии.

Новоискровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрек на основании текста-резолюций, принятых III съездом Р. С.-Д. Р. П. Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае рядом с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идем рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете рядом с либеральной и монархической буржуазией, тоже не сливаясь с ней. Вот как обстоит дело.

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, совпадают с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т.-е. партии монархической буржуазии, при чем вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись таким образом фактически в хвосте освободителей.

Наши тактические лозунги, данные от имени III съезда Р. С.-Д. Р. П., совпадают с лозунгами демократически-революционной и республикан-

ской буржуазии. Такая буржуазия и мелкая буржуазия еще не сложилась в крупную народную партию в России *). Но в существовании элементов ее может усомниться лишь тот, кто понятия не имеет о том, что происходит теперь в России. Мы намерены руководить (на случай успешного хода великой русской революции) не только пролетариатом, организованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, способной идти рядом с нами.

Конференция своей резолюцией бессознательно опускается до уровня либеральной и монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно поднимает до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии.

Таких элементов больше всего среди крестьянства. Без большой ошибки, при распределении крупных общественных групп по их политическим тенденциям, мы можем отождествить революционную и республиканскую демократию с массой крестьянства, — разумеется, в том же смысле, с теми же оговорками и подразумеваемыми условиями, с какими можно отождествлять рабочий класс с социал-демократией. Мы можем, другими словами, формулировать наши выводы также в следующих выражениях: конференция своими общенациональными **) политическими лозунгами в революционный момент бессознательно опускается до уровня массы помещиков. Съезд партии своими общенациональными политическими лозунгами поднимает до революционного уровня крестьянскую массу. Тому, кто обвинит нас за этот вывод в пристрастии к парадоксам, мы сделаем вызов: пусть опровергнет он то положение, что если мы не будем в силах довести революцию до конца, если революция закончится по-освободженски «решительной победой» в виде одного лишь созванного царем представительного собрания, которое только в насмешку могло бы быть названо учредительным — тогда это будет революция с преобладанием элемента помещичьего и крупно-буржуазного. Наоборот, если суждено нам пережить действительно великую революцию, если история на этот раз не допустит «выкидыша», если мы в силах будем довести революцию до конца, до решительной победы не в освободженском и не в новоисковском смысле слова, тогда это будет революция с преобладанием элемента крестьянского и пролетарского.

*) «Социалисты-революционеры» скорее террористическая интеллигентская группа, чем зародыш такой партии, хотя объективное значение деятельности этой группы сводится именно к осуществлению задачи революционной и республиканской буржуазии.

**) Мы не говорим о специальных крестьянских лозунгах, которым посвящены особые резолюции.

Может быть, некоторые увидят в допущении мысли о таком преобладании отказ от убеждения в буржуазном характере предстоящей революции? Это очень возможно при том злоупотреблении этим понятием, которое мы видим в «Искре». Поэтому остановиться на этом вопросе очень не лишне.

6. Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, — сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии, как класса. Социалисты-революционеры не могут понять этой идеи, потому что они не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идеологов мелкой буржуазии. Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем «общедемократическом» движении.

Но из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанию) не представлял громадного интереса для пролетариата. Из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот не мог произойти и в форме, выгодной преимущественно для крупного капиталиста, финансового туза, «просвещенного» помещика, и в форме выгодной для крестьянина и для рабочего.

Новоискровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция. В их рассуждениях постоянно «сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая революция,

которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между тем ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т.е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии. Так как господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме. Теоретически эта мысль представляет из себя забвение азбучных положений марксизма о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма. Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем, кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма.

Все эти положения марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что реакционная мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс безусловно заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т.-е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предаст дело свободы, что буржуазия неспособна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т.-е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т.-е. направить против самой буржуазии те оружия, которыми снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдают прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

Вот почему наша буржуазно-либеральная печать не по одним только цензурным соображениям, не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революцией, заботится об избежании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ, как основы реформаторского пути. На этой точке зрения стоят не только «Русск. Ведомости», «Сын Отечества», «Наша Жизнь», «Наши Дни», но и нелегальное, свободное «Освобождение». Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять, кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир. Поэтому чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный, пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцей конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя» *), есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии: такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчет того, что все же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

*) См. «Освобождение», № 71, стр. 337, прим. 2.

А ведь именно таких умников, важничающих своей близорукостью, представляют из себя наши новоискровцы. Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией, не говоря уже о разнице между непоследовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом. Они удовлетворяются, — точно они и в самом деле стали «человеками в футляре», — меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идет о том, чтобы дать демократическое руководство в настоящей революции, чтобы подчеркнуть передовые демократические лозунги в отличие от предательских лозунгов г-на Струве и К^о, чтобы указать прямо и резко ближайшие задачи действительно революционной борьбы пролетариата и крестьянства в отличие от либерального маклерства помещиков и фабрикантов. В этом теперь суть вопроса, которую вы прозевали, господа: в том, завершится ли наша революция действительно грандиозной победой или лишь жалкой сделкой, дойдет ли она до революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или «истечет силами» на либерально-шиповской конституции!

Может показаться на первый взгляд, что, ставя этот вопрос, мы совсем уклоняемся в сторону от нашей темы. Но так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, именно в этом вопросе лежит корень того принципиального расхождения, которое вполне обрисовалось уже теперь между соц.-дем. тактикой III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и тактикой, установленной на конференции новоискровцев. Эти последние сделали уже теперь не два, а три шага назад, воскресив ошибки экономизма при решении несравненно более сложных, более важных и более жизненных для рабочей партии, вопросов ее тактики в момент революции. Вот почему на разборе поставленного вопроса нам необходимо остановиться со всем вниманием.

В выписанной нами части новоискровской резолюции содержится указание на опасность того, как бы социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии. Мысль об этой опасности проходит красной нитью через всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящий гвоздь всей принципиальной позиции в нашем партийном расколе (с тех пор, как элементы дразги в этом расколе отошли совершенно на задний план перед элементами поворота к экономизму). И мы без всяких обиняков признаем, что эта опасность действительно существует, что именно теперь, в разгар русской рево-

люции, эта опасность стала особенно серьезна. На нас всех, теоретиков или — про себя я предпочел бы сказать — публицистов социал-демократии, ложится неотложная и чрезвычайно ответственная задача разоб-
брать, с к о т о р о й с т о р о н ы грозит на самом деле эта опасность. Ибо источник нашего разногласия заключается не в споре о том, существует ли такая опасность, а в споре о том, порождает ли ее так называемый хвостизм «меньшинства», или так называемый революционаризм «большинства».

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорили, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займет социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются, — об этом нет и речи. Подобного желанья мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные соц.-дем. группы свою формальную самостоятельность, особенность, независимость от буржуазной демократии на всем протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить ее формально, и тем не менее дело может вый т и т а к, что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особенность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии все же будет историческим фактом.

Вот в чем состоит действительная опасность. И теперь посмотрим, с которой стороны грозит она: от уклонения ли социал-демократии вправо в лице новой «Искры», как думаем мы, или от уклонения ее влево в лице «большинства», «Впереда» и т. д., как думают ново-искровцы.

Решение этого вопроса, как мы указали, определяется объективным сочетанием действия различных общественных сил. Характер этих сил определен теоретически марксистским анализом русской действительности, а теперь он определяется практически открытым выступлением групп и классов в ходе революции. И вот весь теоретический анализ, задолго до переживаемой эпохи произведенный марксистами, и все практические наблюдения над развитием революционных событий

показывают нам, что возможен, с точки зрения объективных условий, двойкий ход и исход революции в России. Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двойкий результат или двойкая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии. Все бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов.

Рассмотрим теперь эти исходы, во-первых, с точки зрения их социального значения, и, во-вторых, с точки зрения положения социал-демократии (ее «растворения» или «связанности рук» ее) при том и другом исходе.

Что такое «решительная победа революции над царизмом»? Мы видели уже, что, употребляя это выражение, новоискровцы не понимают его даже в его ближайшем политическом значении. Еще менее заметно у них понимание классового содержания этого понятия. Ведь мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться словами: «революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (вроде Гапона). Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они неспособны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейско-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только народ, то есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно - демократическая диктатура

пролетариата и крестьянства. От этого вывода, давно указанного «Впередом», никуда не уйдут наши новоисковцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т.е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня; наконец, *last but not least* *) — перенести революционный пожар в Европу. Такая победа несколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимает до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

Насколько вероятна такая победа, — вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счет, мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. Тенденции, способные привести к этой победе, неоспоримо есть на-лицо. Правда, наше, социал-демократическое, влияние на массу пролетариата еще очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революция быстро сплавливает и быстро просвещает. Каждый шаг в ее развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает ее именно

*) Последнее по счету, но не по важности.

на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно ее настоящие, кровные интересы.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличие сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе.

Не хватит этих сил, — тогда царизм успеет заключить сделку, которую и готовят уже с двух концов и господ Булыгины и господ Струве. Тогда кончится дело куцей конституцией или даже — на худой из худых концов — пародией на нее. Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, убудок. Социал-демократия не делает себе иллюзий, она знает предательскую натуру буржуазии, она не падет духом и не бросит своей упорной, терпеливой, выдержанной работы над классовым воспитанием пролетариата даже в самые серые будни буржуазно-конституционного «шиповского» благоденствия. Такой исход был бы более или менее похож на исход всех почти демократических революций в Европе в течение XIX века, и наше партийное развитие пошло бы тогда по трудной, тяжелой, долгой, но знакомой и проторенной дорожке.

Спрашивается теперь, при котором же из этих двух возможных исходов социал-демократия окажется фактически со связанными руками против непоследовательной и своекорыстной буржуазии? окажется фактически «растворившейся» или почти растворившейся в буржуазной демократии?

Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы не затрудняясь ни на минуту ответить на него.

Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом, — тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии, — тогда социал-демократия окажется растворившейся «в буржуазной демократии» в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, «по-плебейски» разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции, — тогда мы разделяемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм — писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской

Газете» в 1848 г. — был не чем иным, как плебейским способом разделиться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» (См. *Marx, Nachlass*, издание Меринга, том III, стр. 211). Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии, ново-искровцы не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т.-е. представители либеральной буржуазии, хотят разделиться с самодержавием мягко, по-реформаторски, — уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора, — осторожно, без всякой ломки, — любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки (вроде тех, которые надел с рук башибузука г. Петрункевич на приеме «представителей народа» (?) Николаем Кровавым, см. «Пролетарий», № 5) *).

Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, впередцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Они хотят, чтобы народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, разделился с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793-го года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т.-е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазия, т.-е. жирондисты и якобинцы.

Только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной

*) См. выше 232 стр. этого тома.

буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток.

Одним словом: чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознателен и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы таким образом самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм.

Вот как стоит столь неудачно разрешенный новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна. Нет ничего наивнее и бесплоднее попыток начертать условия или пункты *), при исполнении которых можно было бы считать буржуазную демократию нелицемерным другом народа. Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата, — буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по ее объективному значению, и г р а е т н а р у к у б у р ж у а з н о й д е м о к р а т и и. Проповедь организационной расплывчатости, доходящей до плебисцитов, до принципа соглашения, до оторванности партийной литературы от партии, — принижение задач вооруженного восстания, — смешение общенародных политических лозунгов революционного пролетариата и монархической буржуазии, — извращение условий «решительной победы революции над царизмом», — все это вместе взятое дает как раз ту политику хвостизма в революционный момент, которая сбивает с толку пролетариат, дезорганизует его и вносит смуту в его сознание, принижает тактику социал-демократии, вместо того, чтобы указывать единственный путь к победе и присоединять к лозунгу пролетариата все революционные и республиканские элементы народа.

Чтобы подтвердить этот вывод, к которому мы пришли на основании разбора резолюции, подойдем к тому же вопросу с других сторон.

*) Как пробовал сделать Старовер в своей, отмененной III съездом, резолюции и как пробует конференция в не менее неудачной резолюции.

Посмотрим, во-первых, как иллюстрирует новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевик в грузинском «Социальдемократе». Посмотрим, во-вторых, кто пользуется на деле, в данной политической обстановке, лозунгами новой «Искры».

7. Тактика «отстранения консерваторов от правительства».

Упомянутая нами выше статья в органе меньшевистского Тифлисского «комитета» («Социальдемократ» № 1) называется «Земский Собор и наша тактика». Автор ее не совсем забыл еще нашей программы, он выдвигает лозунг республики, но рассуждает он о тактике следующим образом:

«Для достижения этой цели (республики) можно указать два пути: или оставить совсем без внимания созданный правительством Земский Собор и с оружием в руках поразить правительство, составить революционное правительство и созвать учредительное собрание. Или — объявить Земский Собор центром нашего действия, воздействуя с оружием в руках на его состав, на его деятельность, и силой заставить объявить себя учредительным собранием или через него созвать учредительное собрание. Эти две тактики очень резко разнятся друг от друга. Посмотрим же, которая из них выгоднее для нас».

Вот как русские новоискровцы излагают идеи, воплощенные впоследствии в разобранной нами резолюции. Это писано, заметьте, до Цусимы, когда Булыгинский «проект» совсем не показывался па свет божий. Даже либералы теряли терпение и выражали свое недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов. Он объявляет, что Земский Собор «созывается» и настолько верит царю, что этот несуществующий еще Земский Собор (а, может быть, «Государственную Думу» или «законосовещательный собор»?) предлагает взять центром нашего действия. Более откровенный и прямолинейный, чем авторы резолюции, принятой на конференции, наш тифлисец не приравнивает обе «тактики» (излагаемые им с неподражаемой «наивностью»), а объявляет, что вторая «выгоднее». Слушайте:

«Тактика первая. Как вы знаете, предстоящая революция есть революция буржуазная, т.-е. она направлена к такому изменению современного строя, в котором (изменении) заинтересован не только пролетариат, но и все буржуазное общество. В оппозиции к правительству стоят все классы, даже сами капиталисты. Борющийся пролетариат и борющаяся буржуазия в некотором смысле вместе идут и вместе нападают на самодержавие с разных сторон. Правительство здесь совсем

одинок и лишено сочувствия общества. Поэтому уничтожить его очень легко. Весь российский пролетариат не настолько еще сознателен и организован, чтобы один только он мог произвести революцию. Да если бы он мог это сделать, он произвел бы не буржуазную, а пролетарскую (социалистическую) революцию. Стало быть, в нашем интересе, чтобы правительство осталось без союзников, не могло разъединить оппозиции, не присоединило бы к себе буржуазию и не оставило бы пролетариат изолированным»... .

Итак, в интересах пролетариата, чтобы царское правительство не могло разъединить буржуазии и пролетариата! Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социалдемократом», вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»? И заметьте, какая бесподобная философия демократической революции! Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбит с толку резонерски-хвостистским толкованием понятия: «буржуазная революция»? Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и з а б ы в а е т... забывает о мелочи... о крестьянстве! Из возможных союзников пролетариата он знает и облюбовывает земцев-помещиков и не знает крестьян. И это на Кавказе! Ну, разве не правы мы были, сказав, что новая «Искра» своими рассуждениями опускается до монархической буржуазии вместо того, чтобы поднимать к себе в союзники революционное крестьянство?

«... В противном случае поражение пролетариата и победа правительства неизбежна. И вот самодержавие к этому именно и стремится. Оно, нет сомнения, в своем Земском Соборе привлечет на свою сторону представителей дворянства, земств, городов, университетов и т. п. буржуазных учреждений. Оно постарается задобрить их мелкими уступками и таким образом примирить их с собой. Подкрепленное таким образом, оно направит все свои удары на оставшийся одиноким рабочий народ. Наша обязанность — предотвратить такой несчастный исход. Но разве можно это сделать первым путем? Положим, мы не обратили никакого внимания на Земский Собор, а начали сами готовиться к восстанию и в один прекрасный день вышли вооруженные на улицу на борьбу. И вот, здесь перед нами не один, а два врага: правительство и Земский Собор. В то время, как мы готовились, они успели сговориться, войти в соглашение между собою, выработать выгодную для них конституцию и поделили между собою власть. Это прямо выгодная для правительства тактика, и мы должны самым энергичным образом отказаться от нее»... .

Вот это откровенно! Надо отказаться решительно от «тактики» подготовки восстания, потому что «в это время» правительство войдет в сделку с буржуазией! Можно ли в старой литературе самого заядлого

«экономизма» найти хоть что-либо, приближающееся к такому опозорению революционной социал-демократии? То здесь, то там происходящие восстания и вспышки рабочих и крестьян — факт. Земский Собор — Булыгинский посул. И «Социальдемократ» из города Тифлиса решает: отказаться от тактики готовить восстание и ждать «центра воздействия» — Земского Собора. . .

«. . . Вторая тактика, наоборот, заключается в том, чтобы поставить Земский Собор под наш надзор, не дать ему возможности действовать по своей воле и войти в соглашение с правительством *)).

«Мы поддерживаем Земский Собор постольку, поскольку он борется с самодержавием, и боремся с ним в тех случаях, когда он примиряется с самодержавием. Энергичным вмешательством и силой мы разъединяем депутатов между собой **), радикалов присоединяем к себе, консерваторов отстраняем от правительства и таким образом весь Земский Собор ставим на революционный путь. Благодаря такой тактике правительство останется постоянно одиноким, оппозиция сильной, и тем облегчится установление демократического строя».

Да, да! Пусть говорят теперь, что мы преувеличиваем поворот новоискровцев к вульгарнейшему подобию экономизма. Ведь это уже прямо вроде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на нее, и околеет. Разъединить с и л о й депутатов Земского Собора, «отстранить консерваторов от правительства» — и весь Земский Собор встанет на революционный путь. . . Без всякого «якобинского» вооруженного восстания, а так себе, благородно, почти парламентарски, «воздействуя» на ч л е н о в Земского Собора.

Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма сколько угодно.

«. . . Как должно произойти это вмешательство? Прежде всего, мы потребуем, чтобы Земский Собор был создан путем всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Вместе с оглашением ***) такого порядка выборов должна быть узаконена ****) полная свобода предвыборной агитации, т.-е. свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемых и освобождение всех политических преступников. Сами выборы должны быть назначены как можно позже, чтобы у нас оказалось достаточно времени для

*) Какое же средство для этого лишения земцев своей воли? Не особая ли лакмусова бумажка?

**) Святители! вот она, «углубленная» тактика! На улице драться силы нет, а «депутатов разъединить» можно «силой». Послушайте, товарищ из Тифлиса, можно врать, но надо же знать меру. . .

***) В «Искре»?

****) Николаем?

ознакомления и подготовки народа. И так как выработка правил по созыву Собора поручена комиссии министра внутренних дел Булыгина, мы должны воздействовать и на эту комиссию и на ее членов *). Если Булыгинская комиссия откажется удовлетворить наши требования **) и право избрания депутатов предоставит одним имущим, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путем заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском Соборе потребовать Учредительного Собрания. Наконец, всевозможными мерами: демонстрациями, стачками и, если нужно будет, восстанием заставить Земский Собор созвать Учредительное Собрание или объявить таковым себя. Защитником Учредительного Собрания должен быть вооруженный пролетариат, и оба вместе ***) пойдут к демократической республике.

«Такова социал-демократическая тактика и только она обеспечит нам победу».

Пусть не думает читатель, что весь этот невероятный вздор есть простая проба пера какого-либо неответственного и невлиятельного новоискровца. Нет, это говорится в органе целого комитета новоискровцев, Тифлисского. Мало того. Этот вздор прямо одобрен «Искрой», в сотом номере которой мы читаем про этот «Социально-Демократ»:

«Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная, умелая рука редактора-писателя... Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе задачу».

Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому наглядно полное идейное разложение новоискровства, то она выполнена действительно «блестяще». Более «живо, талантливо и умело» выразить принижение новоискровцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы.

8. Освобожденство и новоискровство.

Теперь перейдем к другому наглядному подтверждению политического значения новоискровства.

В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье «Как найти себя» (№ 71 «Осв.») г. Струве идет войной на «программный

*) Вот что значит тактика: «отстранять консерваторов от правительства»!

**) Не может этого быть при такой правильной и глубокомысленной тактике нашей стороны!

***) И вооруженный пролетариат, и «отстраненные от правительства» консерваторы?

революционизм наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен *). Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся экономизмом новоискровцев и с полной беспринципностью «социалистов-революционеров» я не мог бы и желать. Каким образом г. Струве и «Освобождение» практически доказали всю реакционность «поправок» к марксизму, сделанных в проекте программы социалистов-революционеров, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Как г. Струве всякий раз, когда он принципиально одобрял новоискровцев, служил мне верную, честную и истинную службу, об этом мы говорили уже неоднократно **) и скажем сейчас еще раз.

*) «В сравнении с революционизмом г.г. Ленина и товарищей, революционизм западно-европейской социал-демократии Бебеля ¹⁰⁰⁾ и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого, уже смягченного, революционизма подмыты и размыты историей». Вылазка очень сердитая. Напрасно только думает г. Струве, что на меня, как на мертвого, все валить можно. Мне достаточно сделать г-ну Струве вызов, которого он никогда не в состоянии будет принять. Где и когда я называл революционизм Бебеля и Каутского «оппортунизмом»? Где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, не тождественного с направлением Бебеля и Каутского? Где и когда выступали на свет разногласия между мной, с одной стороны, Бебелем и Каутским — с другой, — разногласия, хоть сколько-нибудь приближающиеся по серьезности к разногласиям между Бебелем и Каутским, например, по аграрному вопросу в Бреславле? Пусть попробует г. Струве ответить на эти три вопроса.

А читателям мы скажем. Либеральная буржуазия везде и всегда пускает в ход прием: уверять своих единомышленников в данной стране, что социал-демократы данной страны — самые неразумные, а товарищи их в соседнем государстве «пай-мальчики». Немецкая буржуазия сотни раз выставяла на поучение Бебелям и Каутским «пай-мальчиков» французских социалистов. Французская буржуазия совсем недавно выставяла на поучение французским социалистам «пай-мальчика» Бебеля. Старый прием, г. Струве! Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократии во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт.

**) Напомним читателю, что статью «Чего не делать?» (№ 52 «Искры») «Освобождение» приветствовало с шумом и треском, как «знаменательный поворот» к уступчивости по отношению к оппортунистам. Принципиальные тенденции новоискровца «Освобождение» специально одобряло в заметке о расколе среди русских социал-демократов. По поводу брошюры Троцкого «Наши политические задачи», «Освобождение» указывало на однородность идей этого автора с тем, что некогда писали и говорили рабочедельцы Кричевский, Мартынов, Акимов (см. листок «Услужливый либерал», издание «Вперед»). Брошюру Мартынова о двух диктатурах «Освобождение» приветствовало (ср. заметку во «Вперед» № 9). Наконец, запоздалые жалобы Старовера по поводу старого лозунга старой «Искры»: «начала размежеваться, потом объединяться» встретили особое сочувствие «Освобождения».

В статье г-на Струве есть целый ряд интереснейших заявлений, которые мы можем здесь отметить лишь мимоходом. Он собирается «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов», при чем «социально-привилегированная интеллигенция» (вроде «культурного дворянства», перед которым г. Струве расшаркивается с грациозностью истинно-светского... лакея) принесет вес своего «социального положения» (вес денежного мешка) в эту «неклассовую» партию. Г. Струве выражает желание знакомить молодежь с негодностью «радикального трафарета о том, что буржуазия испугалась и продала пролетариат и дело свободы» (от всей души приветствуем это желание. Ничто не подтвердит так этого марксистского «трафарета», как война с ним г-на Струве. Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте в долгий ящик своего великолепного плана!).

Нам важно для нашей темы отметить, с какими практическими лозунгами воюет в настоящее время такой политически чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии. Во-первых, с лозунгом республиканизма. Г. Струве твердо убежден, что этот лозунг «непонятен и чужд народной массе» (он забывает добавить: понятен, но не выгоден буржуазии!). Мы бы желали посмотреть, какой ответ получил бы г. Струве от рабочих в наших кружках и на наших массовках! Или рабочие не народ? А крестьяне? У них бывает, по словам г. Струве, «наивный республиканизм» («прогнать царя»), — но либеральная буржуазия верит в то, что на смену наивного республиканизма придет не сознательный республиканизм, а сознательный монархизм! Ça depend, г. Струве, это еще зависит от обстоятельств. И царизм и буржуазия не могут не противодействовать коренному улучшению положения крестьян на счет помещичьей земли, а рабочий класс не может не содействовать в этом крестьянству.

Во-вторых г. Струве уверяет, что «в гражданской войне нападающий всегда окажется неправым». Эта идея вплотную подходит к показанным выше тенденциям новоискровства. Мы не скажем, конечно, чтобы в гражданской войне всегда было выгодно нападать; нет, иногда оборонительная тактика на время обязательна. Но выставить такое положение, которое дал г. Струве, в применении к России 1905 года значит как раз показывать кусочек «радикального трафарета» («буржуазия пугается и продает дело свободы»). Кто не хочет теперь нападать на самодержавие, на реакцию, кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его, — тот всеу приемлет имя сторонника революции.

Г. Струве осуждает лозунги: «конспирации» и «бунт» (это «восстание в миниатюре»). Г. Струве презирает и то и другое — с точки

зрения «доступа к массам»! Мы бы спросили г-на Струве: укажет ли он проповедь бунта в таком, напр., произведении безмерного, на его взгляд, революциониста, как «Что делать?». А насчет «конспирации» велико ли различие, напр., между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаем в «нелегальной» газете, «конспиративно» провозимой в Россию и служащей «тайным» группам Союза Освобождения или Р. С.-Д. Р. П.? Наши рабочие массовки часто «конспиративны», — есть тот грех. А собрания г.г. освобожденцев? Есть ли вам чем чваниться, г. Струве, перед презренными сторонниками презренной конспирации?

Правда, конспирация сугубая требуется с доставкой оружия рабочим. Вот тут уже г. Струве выступает прямее. Слушайте: «Что касается вооруженного восстания или революции в техническом смысле, то только массовая пропаганда демократической программы может создать социально-психические условия всеобщего вооруженного восстания. Таким образом даже с той, мною неразделяемой, точки зрения, которая вооруженное восстание считает не из б е ж н ы м завершением современной борьбы за освобождение, — пропитывание масс идеями демократического преобразования есть самое основное, самое нужное дело».

Г. Струве старается уклониться от вопроса. Он говорит о неизбежности восстания вместо того, чтобы говорить о необходимости его для победы революции. Восстание, неподготовленное, стихийное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдет до цельного и целостного вооруженного народного восстания никто не сможет, ибо это зависит и от состояния революционных сил (вполне измеряемых только на самой борьбе) и от поведения правительства и буржуазии, и от ряда других обстоятельств, учесть которые точно невозможно. О неизбежности, в смысле той абсолютной уверенности в конкретном событии, на которую сворачивает речь г. Струве, не к чему и говорить. Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, необходимо ли восстание для победы революции, необходимо ли активно выдвигать его, проповедывать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не может не понимать этой разницы: он ведь, напр., не заслоняет же бесспорного для демократа вопроса о необходимости всеобщего избирательного права спорным и ненасущным для политического деятеля вопросом о неизбежности его приобретения в течение данной революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплеку политической позиции либеральной буржуазии. Буржуазия, во-первых, предпочитает сторговаться с самодержавием, чем раздавить его; буржуазия во всяком случае сваливает борьбу с оружием в руках на рабочих (это — во-вторых). Вот какое

реальное значение имеет уклончивость г. Струве. Вот почему он пятится назад от вопроса о необходимости восстания к вопросу о его «социально-психических» условиях, о предварительной «пропаганде». Точь-в-точь, как буржуазные болтуны во Франкфуртском парламенте 1848-го года занимались сочинением резолюций, деклараций, решений, «массовой пропагандой» и подготовкой «социально-психических условий» в такое время, когда дело шло об отпоре вооруженной силе правительства, когда движение «привело к необходимости» вооруженной борьбы, когда одно словесное воздействие (стократ нужное в подготовительный период) превратилось в пошлую, буржуазную бездеятельность и трусость, — точно так же и г. Струве увильивает от вопроса о восстании, прикрываясь ф р а з а м и. Г. Струве наглядно показывает нам то, чего упорно не видят многие социал-демократы, именно: революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в д е й с т в и и.

Вульгарный революционизм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории в о о б щ е или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путши не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, — тогда ограничиваться п о - с т а р о м у «словом», не давая прямого лозунга перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революции и измена ей. Франкфуртские болтуны демократической буржуазии — незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонерского тупоумия.

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционером и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901 — 1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционизм поднял крик о «штурме» («Раб. Дело»), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты (Надеждин). Хвостизм революционеров выступал тогда, наобо-

рот, с проповедью, что «экономическая борьба есть лучшее средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она нападала на оба эти течения. Она осуждала вспышкоступательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг даже всенародного вооруженного восстания, не в смысле прямого призыва (призыва к «бунту» не нашел бы у нас г. Струве в те времена), а в смысле необходимого вывода, в смысле «пропаганды» (о которой г. Струве только теперь вспомнил, — он всегда опаздывает несколькими годами, наш почтенный г. Струве), в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». Тогда пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. Тогда оселком работы по подготовке восстания могла выступать (и выступалась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. Тогда лозунги: массовая агитация вместо непосредственных вооруженных выступлений; подготовка социально-психических условий восстания вместо вспышкоступательства — были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. Теперь эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперед, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденческого лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и критика оружия не должна теперь же явиться необходимым и обязательным преемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни, как «аргумент» самодержавия? Разве буржуазия — даже буржуазия — не признала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «открытый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании. Посмотрите же на три постановки этого вопроса, данные в сколько-нибудь способных влиять на массы органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III съезда Российской Социал-Демократ. Рабоч. Партии. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное движение уже привело к необходимости вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и необходимых задач партии. Поручено принять самые энергичные меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так назвал недавно г. Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская Газета»), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт — специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм — метод оглушения. Вооруженное восстание — вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» — массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача — готовить восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, — для них еще не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 году) разъяснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение. . .

Видите ли вы теперь, товарищи-новоискровцы, куда привел вас ваш поворот к мартиновщине? Понимаете ли вы, что ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденческой? — что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии? Ясно ли вам теперь, что, твердя зады и совершенствуясь в резонерстве, вы пропустили то обстоятельство, что — говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра

Струве — «открытый характер революционных действий в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

9. Что значит быть партией крайней оппозиции во время революции?

Вернемся к резолюции о временном правительстве. Мы показали, что тактика новоискровцев двигает революцию не вперед — возможность чего они хотели бы обеспечить своей резолюцией, — а назад. Мы показали, что именно эта тактика связывает руки социал-демократии в борьбе с непоследовательной буржуазией и не предохраняет от растворения в буржуазной демократии. Понятно, что из ложных посылок резолюции получается ложный вывод: «Потому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся к постановке целей. Ставят ли новоискровцы целью социал-демократической деятельности решительную победу революции над царизмом? — Ставят. Они не умеют правильно формулировать условия решительной победы, сбиваясь на «освобожденскую» формулировку, но указанную цель они ставят. Далее, связывают ли они временное правительство с восстанием? — Да, прямо связывают, говоря, что временное правительство «выходит из победоносного народного восстания». Наконец, ставят ли они себе целью руководить восстанием? — Да, они уклоняются, подобно г. Струве, от признания восстания необходимым и неотложным, но они говорят в то же время, в отличие от г. Струве, что «социал-демократия стремится подчинить его (восстание) своему влиянию и руководству и использовать в интересах рабочего класса».

Не правда ли, как это связно выходит? Мы ставим себе целью подчинить восстание и пролетарских и непролетарских масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом и революционной буржуазией и мелкой буржуазией («непролетарские группы»), т.-е. «разделить» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью победу восстания, долженствующую провести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). Поэтому... поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим, как измену пролетариату, всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание *). У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает сторговаться с царизмом и потому должен уклоняться и вилать по вопросу о восстании; — ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперед от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа, — с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может быть, непосредственно перед победой?), то-есть с тем, чтобы не пользоваться плодами победы, а отдать все плоды целиком буржуазии. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»...

Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности. Полезнее рассмотреть происхождение этой путаницы в той формулировке ее, которая гласит: «оставаться партией крайне революционной оппозиции».

Перед нами одно из знакомых положений международной революционной социал-демократии. Это совершенно верное положение. Оно стало общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», мильеранизму, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение и усердно применяют его... совсем не к стати. Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента на-лицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о восстании никто серьезно не говорит, — переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание началось и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции. Пожелание «о с т а в а т ь с я» при том же, что и прежде, т.-е. при

*) См. «Пролетарий» № 3, «О временном революционном правительстве», статья вторая. (См. 227 — 233 стр. этого тома). Р е д.

действии только «снизу», высказывается с помпой и треском к а к р а з т о г д а, когда революция поставила вопрос о необходимости, при победе восстания, действовать с в е р х у.

Нет, решительно не везет нашим новоискровцам! Даже тогда, когда они сформулируют верное социал-демократическое положение, они не умеют верно применить его. Они не подумали, как преобразуются и превращаются в свою противоположность понятия и термины парламентской борьбы в эпоху начавшейся революции, при отсутствии парламента, при наличии гражданской войны, при наличии всплеск восстания. Они не подумали, что при условиях, о которых идет речь, поправки предлагаются посредством уличных демонстраций, интерpellации вносятся посредством наступательных действий вооруженных граждан, оппозиция правительству осуществляется посредством насильственного ниспровержения правительства.

Как известный герой нашего народного эпоса повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны, так и наши поклонники Мартынова повторяют уроки мирного парламентаризма как раз тогда, когда они сами констатируют начало прямых военных действий. Нет ничего курьезнее, как это выдвигание, с важным видом, лозунга: «крайняя оппозиция» в резолюции, начинающейся указанием на «решительную победу революции», на «народное восстание»! Сообразите-ка, господа, что значит представлять из себя «крайнюю оппозицию» в эпоху восстания? Значит ли это изобличать правительство или свергать его? Значит ли это вотировать против правительства или наносить поражение его военным силам в открытом сражении? Значит ли это отказывать правительству в пополнении его казны, или это значит революционный захват этой казны для обращения ее на нужды восстания, на вооружение рабочих и крестьян, на созыв Учредительного Собрания? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятие «крайней оппозиции» выражает действия только отрицательные — изобличать, вотировать против, отказывать? Почему это? Потому, что это понятие относится только к парламентской борьбе и при том в такую эпоху, когда непосредственной целью борьбы никто «решительной победы» не ставит. Не начинаете ли вы понимать, что дело кардинально меняется в этом отношении с того момента, когда начинается решительный натиск политически угнетенного народа по всей линии для отчаянной борьбы за победу?

Рабочие спрашивают нас, надо ли энергично браться за неотложное дело восстания? Как сделать, чтобы начавшееся восстание было победоносно? Как воспользоваться победой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющие марксизм новоискровцы

отвечают: оставаться партией крайней революционной оппозиции... Ну, разве же мы были не правы, назвав этих рыцарей виртуозами филлистерства?

10. «Революционные коммуны» и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Конференция новоискровцев не удержалась на анархической позиции, до которой договорилась новая «Искра» (только «снизу», а не «снизу и сверху»). Нелепость допущения восстания и недопущения победы и участия во временном революционном правительстве слишком била в глаза. Резолюция ввела поэтому оговорки и ограничения в решении вопроса Мартынова и Мартова. Рассмотрим эти оговорки, изложенные в следующей части резолюции:

«Эта тактика («оставаться партией крайней революционной оппозиции»), конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства».

Если так, значит в принципе допускается действие не только снизу, но также и сверху. Значит выставленное в известном фельетоне Л. Мартова в «Искре» (№ 83) положение ниспровергается и признается правильной тактика газеты «Вперед»: не только «снизу», а также и «сверху».

Далее, захват власти (хотя бы частичный, эпизодический и т. д.), очевидно, предполагает участие не одной только социал-демократии и не одного пролетариата. Это следует из того, что в демократической революции заинтересован и активно участвует не один пролетариат. Это следует из того, что восстание есть «народное», как говорится в начале разбираемой резолюции, что в нем участвуют и «непролетарские группы» (выражение резолюции конферентов о восстании), т.-е. и буржуазия. Значит, тот принцип, что всякое участие социалистов вместе с мелкой буржуазией во Временном Революционном Правительстве есть измена рабочему классу, выброшен за борт конференции, как того добивался «Вперед». «Измена» не перестает быть изменой от того, что действие, ее составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значит, приравнение участия во Временном Революционном Правительстве к вульгарному жоресизму выброшено за борт конференцией, как того добивался «Вперед». Правительство не перестает быть правительством от того, что его

власть распространяется не на много городов, а на один город, не на много районов, а на один район, а равно и от того, как это правительство называется. Таким образом принципиальная постановка вопроса, которую пыталась дать новая «Искра», покинута конференцией.

Посмотрим, разумны ли те ограничения, которые ставит конференция принципиально допущенному теперь образованию революционных правительств и участию в таковых. Чем отличается понятие «эпизодический» от понятия «временный», мы не знаем. Боимся, что иностранным и «новым» словом прикрывается здесь лишь отсутствие ясной мысли. Это кажется «глубже», а на самом деле это только темнее и путаннее. Чем отличается «целесообразность» частичного «захвата власти» в городе или районе от участия во Временном Революционном Правительстве всего государства? Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-е января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств? Разве задачи (смущавшие некогда новую «Искру») обращения с тюрьмами, полицией, казначейством и пр. и пр. не встают перед нами при «захвате власти» даже в одном городе, не говоря уже о районе? Никто не станет отрицать, конечно, что при недостатке сил, при неполном успехе восстания, при нерешительной победе его возможны частичные, городские и проч. временные революционные правительства. Но только при чем же это, господа? Не вы ли сами говорите в начале резолюции о «решительной победе революции», о «победоносном народном восстании»? С которых это пор социал-демократы берут на себя дело анархистов: раздроблять внимание и цели пролетариата? направлять его на «частичное», а не на всеобщее, единое, цельное и полное? Предполагая «захват власти» в городе, вы сами говорите о «распространении восстания» — на другой город, смеем думать? на все города, позволительно надеяться? Ваши выводы, господа, также шатки и случайны, противоречивы и путанны, как ваши послышки. Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. дал исчерпывающий и ясный ответ на вопрос о Временном Революционном Правительстве вообще. Этот ответ обнимает и все частичные временные правительства. Ответ же конференции, искусственно и произвольно выделяя часть вопроса, только уклоняется (но безуспешно) от вопроса в целом и вносит сумбур.

Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «Временного Революционного Правительства» и если да, то чем? Этого господа конференты сами не знают. Путанность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к революционной фразе. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей с.-д. есть революционная фраза,

и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин отжившего прошлого прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных случаях в пустую и вредную мишуру, в погрешку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, зачем мы хотим учреждения Временного Революционного Правительства? какие именно преобразования осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не дает никакого ответа, только засоряя головы каким-то далеким звоном... или пусто-звонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «Манифесте») перед каждым актом Коммуны. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об этой «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, — сошлетесь ли вы в своем ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, ваш ответ будет: это было такое правительство, каким наше быть не должно. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонерстве начетчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и нектати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изобличить нас: смешения демократического и социалистического переворотов, не различавшихся ни одной из «коммун»?

Целью Временного Правительства (так нектати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно» устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрывкой нелепой теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и непродуманность. «Революционная

коммуна, т.-е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») все государственные дела, и прятать тут голову под крыло — верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-ми-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

Заключительная часть новоискровской резолюции не дает нового материала для критики принципиальных тенденций возродившегося «экономизма» в нашей партии, но иллюстрирует несколько с иной стороны сказанное выше.

Вот эта часть:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удержать ее в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной (?) зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

«Строя свою тактику в расчете на сохранение за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет (??) в ее руки».

Основная мысль здесь та, которую неоднократно формулировал «Вперед», говоривший, что мы не должны бояться (как боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т.-е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот. Но посмотрите, как ухудшена эта мысль в изложении новоискровцев. Не будем останавливаться на частностях, — на той бессмыслице, будто власть может «попасть» в руки сознательной партии, считающей вредной тактикой захват власти, — на том, что в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости, а зрелости.

вообще, — на том, что наша партийная программа не знает никаких социалистических преобразований, а знает лишь социалистический переворот. Возьмем главное и основное отличие мысли «Вперед» и резолюции. «Вперед» указывал революционному пролетариату России активную задачу: победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу. Резолюция не понимает этой связи нашей «решительной победы» (не в новоисковском смысле) с революцией в Европе и говорит поэтому не о задачах пролетариата, не о перспективах его победы, а об одной из возможностей вообще: «если бы революция перекинулась»... «Вперед» указывал прямо и определенно — и эти указания вошли в резолюцию III съезда Р. С.-Д. Р. П., — как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тотчас при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм. Резолюция и тут безнадежно тащится в хвосте, говоря: «может подготовиться к использованию», но не умея сказать, как может, как подготовиться, к какому использованию. Мы не сомневаемся, например, что новоискровцы «могут подготовиться к использованию» руководящего положения в партии, но дело в том, что до сих пор их опыт этого использования, их подготовка не обнадеживают насчет превращения возможности в действительность.

«Вперед» говорил точно, в чем именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках», — в революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контр-революции, в их неизбежном совпадении интересов относительно демократических преобразований. Резолюция конференции и тут не даст ничего положительного, только увиливая от вопроса. Ведь возможность удержать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть еще дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контр-революционную борьбу русской буржуазии, — резолюция новоискровцев ни слова не говорит об этой контр-революционной силе, значение которой оценено в резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. Если бы мы не могли опереться кроме пролетариата и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа над царизмом» открывает такую возможность, — тогда мы должны

указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность, давать практические лозунги не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылка на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции!

Одно из возражений против лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю» («Искра» № 83), а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это — значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это — значило бы забывать об общенародном характере демократического переворота: если «общенародный», то значит есть «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой за социализм. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контр-революцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно *). Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелко-буржуазной демократической республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дороги.

*) Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли, тем более скорый, чем скорее будут раздавлены контр-революция и реакция.

Немный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще много и много доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы¹⁰¹) в 1890 году предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!). В Российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 года, не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о респуб-

лике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Наступит время — кончится борьба с русским самодержавием — минет для России эпоха демократической революции, — тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы продумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

11. Беглое сравнение некоторых резолюций III съезда Р. С.-Д. Р. П. и «конференции».

Вопрос о Временном Революционном Правительстве является центральным пунктом тактических вопросов социал-демократии в настоящий момент. Останавливаться столь же подробно на остальных резолюциях конференции нет ни возможности, ни надобности. Мы ограничимся только кратким указанием на несколько пунктов, подтверждающих разобранное нами выше принципиальное различие в тактическом направлении резолюций III съезда Р. С.-Д. Р. П. и резолюций конференции.

Возьмите вопрос об отношении к тактике правительства накануне переворота. Вы найдете опять-таки целостный ответ на него в резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. Эта резолюция учитывает все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, и использование «карикатурных форм народного представительства», и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (8-мичасовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор черным сотням. В резолюциях конференции вопрос разбросан по нескольким отделам: «отпор темным силам реакции» упомянут лишь в мотивах резолюции об отношении к другим партиям. Участие в выборах в правительственные учреждения рассматривается отдельно от «компромиссов» царизма с буржуазией. Вместо призыва к осуществлению революционным путем 8-мичас. раб. дня особая резолюция с громким названием «об экономической борьбе» повторяет только (после звонких и очень неумных слов о «центральном месте, занятом рабочим вопросом в русской общественной жизни») старый лозунг агитации за законодательное установление 8-мичас. раб. дня». Недостаточность и отсталость этого лозунга в настоящий

момент слишком ясны, чтобы надо было останавливаться на их доказательстве.

Вопрос об открытом политическом выступлении. III съезд учитывает предстоящую коренную перемену нашей деятельности. Никким образом нельзя забрасывать конспиративной деятельности и развития конспиративного аппарата: это было бы на руку полиции и до-нельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь не думать и об открытом выступлении. Надо готовить немедленно целесообразные формы такого выступления, следовательно, особые аппараты — менее конспиративные — для этой цели. Надо использовать легальные и полулегальные общества, чтобы превращать их, по возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Конференция и тут раздробляет вопрос, не давая никаких цельных лозунгов. Особо высказывает смехотворное поручение Организационной Комиссии позаботиться об «использовании» легальных литераторов. Совсем нелепо постановление о «подчинении своему влиянию тех демократических газет, которые ставят себе целью оказывать содействие рабочему движению». Эту цель ставят себе все наши легальные либеральные газеты, почти сплошь «освобожденные» по направлению. Почему бы редакции «Искры» не начать самой с выполнения своего совета и не показать нам пример, как следует подчинять социал-демократическому влиянию «Освобождение»?.. Вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов партии нам дают, во-первых, частный совет о «профессиональных» только союзах (обязательно участие в них членов партии) и, во-вторых, совет руководить «революционными организациями рабочих» = «неоформленными организациями» = «революционными рабочими клубами». Как это «клубы» попали в неоформленные организации, что это за «клубы», — Аллах ведает. Перед нами вместо точных и ясных директив высшего учреждения партии какие-то наброски мыслей и черновые заметки литераторов. Никакой цельной картины о начале перехода партии к совершенно иной базе всей ее работы не получается.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно съездом партии и конференции. Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция — о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае — выдвигается центральный практический лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения

всех демократических преобразований. В другом — «требование образования комитетов» должно быть предъявлено Учредительному Собранию. Почему мы должны непременно ждать этого Учредительного Собрания? Станет ли оно на деле учредительным? Прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? — все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех ее решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его. Как экономисты постепенно сбивались на то, что социал-демократам — экономическую борьбу, а либералам — политическую, так и новоискровцы сбиваются во всем ходе своих рассуждений на то, что нам поскромнее уголок в сторонке от буржуазной революции, а буржуазии — активное проведение ее.

Наконец, нельзя не отметить и резолюции об отношении к другим партиям. Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. говорит о разоблачении всякой ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии, не задаваясь наивной мыслью перечислить от съезда до съезда все возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отделяющую нехороших буржуа от хороших буржуа. Конференция, повторяя ошибку Старовера, ищет упорно такой черты, развивает знаменитую теорию «лакмусовой бумажки». Старовер исходил из очень доброй идеи: поставить буржуазии условия строже. Он забывал только, что всякая попытка наперед отделить заслуживающих одобрения, соглашения и т. д. буржуазных демократов от незаслуживающих ведет к «формуле», сейчас же выкидываемой за борт развитием событий и вносящей смуту в пролетарское классовое сознание. Центр тяжести переносится с реального единства в борьбе на заявления, обещания, лозунги. Старовер считал таким коренным лозунгом «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Не прошло и двух лет, — «лакмусова бумажка» доказала свою негодность, лозунг всеобщего избирательного права переняли освобожденные, не только не приближаясь от этого к социал-демократии, а напротив — именно посредством этого лозунга пытаясь ввести в заблуждение рабочих и отвлечь их от социализма.

Теперь новоискровцы выставляют «условия» еще «строже», «требуют от врагов царизма «энергичной и недвусмысленной (!?) поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата» и т. д. вплоть до «активного участия в деле народного самовооружения». Черта проведена значительно дальше, — и тем не менее черта эта опять уже устарела, сразу оказалась негодной. Почему,

нагр., отсутствует лозунг республики? Каким образом в интересах «беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка» социал-демократы «требуют» от буржуазных демократов всего, чего хотите, кроме борьбы за республику?

Что этот вопрос не придирка, что ошибка новоискровцев имеет самое жизненное политическое значение, — доказательство тому «Росс. Освоб. Союз» (см. № 4 «Пролетария»). Эти «враги царизма» вполне подойдут под все «требования» новоискровцев. А между тем мы показали, что освобожденский дух царит в программе (или в беспрограммности) этого «Р. О. С.» и что освобожденцы легко могут взять его на буксир. Конференция же заявляет в конце резолюции, что «социал-демократия будет выступать попрежнему как против л и ц е м е р н ы х д р у з ь е й н а р о д а, против всех тех политических партий, которые, выставя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». «Р. О. С.» не только не отказывается, а усердно предлагает эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не «лицемерные друзья народа», хотя бы они были освобожденцы?

Вы видите: сочиняя наперед «условия» и предъявляя комичные по своему грозному бессилию «требования», новоискровцы сразу ставят себя в смешное положение. Их условия и требования сразу оказываются недостаточными для учета живой действительности. Их погоня за формулами безнадежна, ибо никакой формулой не уловишь всех и всяческих проявлений лицемерия, непоследовательности и ограниченности буржуазной демократии. Дело не в «лакмусовой бумажке», не в формах, не в записанных и пропечатанных требованиях, не в разграничении наперед лицемерных и нелицемерных «друзей народа», а в реальном единстве борьбы, неослабевающей критике со стороны социал-демократов каждого «нетвердого» шага буржуазной демократии. Для «действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил» нужны не «пункты», над которыми так усердно и так тщетно трудилась конференция, а умение выставить действительно революционные лозунги. Для этого нужны лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революционную и республиканскую буржуазию, а не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании, а не резонерские отговорки от неотложной задачи вооруженного восстания.

12. Ослабевает ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия?

Предыдущие строки были уже написаны, когда мы получили изданные «Искрой» резолюции кавказской конференции новоискровцев. Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала.

Редакция «Искры» справедливо замечает: «В основном вопросе тактики кавказская конференция также пришла к решению, а н а л о г и ч н о м у (истина!) «тому, которое принято на конференции общерусской» (т.-е. новоискровской)... «Вопрос об отношении социал-демократии к Временному Революционному Правительству решен кавказскими товарищами в смысле самого отрицательного отношения к новому методу, пропагандируемому группой «Вперед» и примкнувшими к ней делегатами так называемого съезда». «Формулировку тактики пролетарской партии в буржуазной революции, данную конференцией, надо признать в е с ь м а у д а ч н о й».

Что правда, то правда. Более «удачной» формулировки коренной ошибки новоискровцев никто не сумел бы дать. Приводим эту формулировку целиком, отмечая сначала в скобках цветочки, а затем и преподнесенные в конце ягодки.

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о Временном Правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления» (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартиновского углубления!) «социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!), «конференция в целях обеспечения для Партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя» (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), высказывается против образования социал-демократического Временного Правительства и вступления в него» (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией: см. «Пролетарий» № 3) *), «а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне» (снизу, а не сверху) «на буржуазное Временное Правительство для усиленной (?) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократии Временного Правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широ-

*) См. выше 229 стр. этого тома. Р е д.

ких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма» (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто-анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), «с другой **заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».**

Вот где зарыта собака. Вот где анархические идеи переплетаются (как это бывает постоянно и среди западно-европейских бернштейнцев) с чистейшим оппортунизмом. Подумайте только: не вступать во Временное Правительство потому, что это заставит буржуазию отшатнуться от дела революции и тем ослабит размах революции! Да ведь тут уже перед нами целиком, в чистом и последовательном виде та новоискровская философия, что-де так как революция буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться перед буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тем соображением, что наше участие может заставить буржуазию отшатнуться, то ведь мы этим целиком уступаем главенство в революции буржуазным классам. Мы этим всецело отдаем пролетариат под опеку буржуазии (оставаясь при полной «свободе критики»!!), заставляя пролетариат быть умеренным и кротким, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы кастрируем насущнейшие нужды пролетариата, именно политические нужды его, которых никогда хорошенько не понимали экономисты и их эпигоны, кастрируем ради того, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы целиком переходим с почвы революционной борьбы за осуществление демократизма в пределах, нужных пролетариату, на почву торгашества с буржуазией, покупая своей изменой принципам, изменой революции ее, буржуазии, добровольное согласие (чтобы не отшатнулась).

В двух маленьких строчках кавказские новоискровцы сумели выразить всю суть тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов. То, что мы вывели выше из ошибок новоискровства, как тенденцию, то перед нами возведено теперь в ясный и определенный принцип: в хвосте у монархической буржуазии. Так как осуществление республики заставило бы (и заставляет уже — пример г. Струве) отшатнуться буржуазию, поэтому долой борьбу за республику. Так как буржуазию всегда и во всем мире заставляет отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требование пролетариата, поэтому — прячьтесь в норы, товарищи рабочие, действуйте только извне, не думайте пользоваться для революции орудиями и средствами «буржуазно-государственного» строя и сохраняйте за собой «свободу критики».

Основная фальшь в самом понимании термина «буржуазная революция» выступила тут наружу. Мартыновское или новоискровское «понимание» его ведет прямым к предательству дела пролетариата в руки буржуазии.

Кто забыл старый экономизм, кто не изучает, не вспоминает его, тому трудно понять и теперешнюю отрывку экономизма. Припомните бернштейнианское «Credo»¹⁶²). Из «чисто пролетарских» зрений и программ люди выводили: нам, социал-демократам, — экономику, настоящее рабочее дело, свободу критики всякого политиканства, настоящее углубление социал-демократической работы. Им, либералам, — политику. Боже упаси впасть в «революционизм»: это заставит буржуазию отшатнуться. Кто перечтет целиком «Credo» или отдельное Приложение к № 9 «Рабочей Мысли»¹⁶³) (сентябрь 1899 года), тот увидит весь этот ход рассуждения.

Теперь то же самое, только в крупном масштабе, в применении к оценке всей «великой» русской революции, — увы, опошляемой и низводимой до карикатуры уже заранее теоретиками ортодоксального филистерства! Нам, социал-демократам, свободу критики, углубление сознания, действие извне. Им, буржуазным классам, свобода дела, свобода поприща для революционного (читай: либерального) руководства, свобода проведения «реформ» сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались над словами Маркса о необходимой смене оружия критики критикой оружия. Всюе приемля имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов, свободно критиковавших абсолютизм, углублявших демократическое сознание и непонимавших, что время революции есть время действия, действия и сверху и снизу. Превратив марксизм в резонерство, они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса сделали идеологию самых неразвитых слоев его, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вследствие вступления в революционное правительство социал-демократии, от дела революции, то они тем «ослабят ее размах».

Слышите, русские рабочие: размах революции будет сильнее, если ее проведут не отпугиваемые социал-демократами господа Струве, которые хотят не победы над царизмом, а сделки с ним. Размах революции будет сильнее, если из двух возможных исходов ее, очерченных нами выше, осуществится первый, т.-е. если монархическая буржуазия сторгуется с самодержавием на «конституции» вроде Шиповской!

Социал-демократы, которые пишут в резолюциях для руководства всей партии такие позорные вещи, или которые одобряют эти «удачные» резолюции, до того ослеплены резонерством, вытравившим весь живой дух из марксизма, что они не замечают, как эти резолюции превращают в фразу все их остальные хорошие слова. Возьмите вы любую их статью из «Искры», возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитого Мартынова, — вы услышите речи о народном восстании, о доведении революции до конца, о стремлении опереться на народные низы в борьбе с непоследовательной буржуазией. Но ведь все эти хорошие вещи превращаются в жалкую фразу с того момента, как вы принимаете или одобряете мысль об «ослаблении», вследствие отчуждения буржуазии, «размаха революции». Одно из двух, господа: или мы с народом должны стремиться провести революцию, одержав полную победу над царизмом, вопреки непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии; — или мы не допускаем этого «вопреки», мы боимся, как бы не «отшатнулась» буржуазия, и тогда мы предаем пролетариат и народ буржуазии, непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии.

Не вздумайте перетолковывать моих слов. Не кричите, что вас обвиняют в сознательном предательстве. Нет, вы также бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото, как старые экономисты, влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до анти-революционного, бездушного и безжизненного «умничанья».

От каких реальных общественных сил зависит «размах революции», подумали ли вы об этом, господа? Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идет о внутренних силах России. Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоят самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высокой знати. Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско, тем больше колебания в чиновничестве. Далее, буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя с речами о свободе, все чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции *). Но мы все, марксисты, знаем из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освободителей, что буржуазия стоит за революцию

*) Интересно в этом отношении открытое письмо г. Струве к Жоресу, напечатанное недавно этим последним в газете «l' Humanité» и г-ном Струве № 72 «Освобождение».

непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контр-революции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы, как только «отшатнется» она от последовательного демократизма (а она уже теперь отшатывается от него!). Остается «народ», то-есть пролетариат и крестьянство: пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота. Поэтому пролетариат и борется за республику в первых рядах, с презрением отбрасывая глупые и недостойные его советы считаться с тем, не отшатнется ли буржуазия. Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов на-ряду с мелко-буржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелко-буржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата. Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству все в области земельных реформ, все то, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему (не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства).

Мало того: не только радикальное аграрное преобразование привязывает крестьянство к революции, но и всеобщие и постоянные интересы крестьянства. Даже в борьбе с пролетариатом крестьянство нуждается в демократии, ибо только демократический строй способен точно выразить его интересы и дать преобладание ему, как массе, как большинству. Чем просвещеннее будет крестьянство (а со времени войны с Японией оно просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой), тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот, ибо ему не страшно, как

буржуазии, а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма, ибо сознательный монархизм маклерствующей буржуазии (с верхней палатой и т. д.) означает для крестьянства ту же бесправность, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенные европейски-конституционным лаком.

Вот почему буржуазия, как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, а крестьянство, как масса, — под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом.

Мне возразят: это не к чему доказывать, это азбука, это все социал-демократы прекрасно понимают. Нет, этого не понимают те, кто способен говорить об «ослаблении размаха» революции вследствие отпадения от нее буржуазии. Такие люди повторяют заученные слова нашей аграрной программы, но не понимают их значения, ибо иначе они не боялись бы неизбежно вытекающего из всего марксистского мировоззрения и из нашей программы понятия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размах великой русской революции размахом буржуазии. Такие люди побивают свои абстрактные марксистские революционные фразы своим конкретным анти-марксистскими и анти-революционными резолюциями.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот неспособен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства на-ряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т.-е. способны именно «заставить ее отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совер-

шить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемого из виду при рассуждениях на тему об этом «размахе». Не надо забывать, что речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения ее. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это, потому что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т.-е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути.

Этого последнего вопроса мы совершенно не касались в предыдущем изложении, ибо этот вопрос не вызывал у нас разногласий и расхождения внутри партии. Но, разумеется, сам по себе вопрос этот крайне важен и заслуживает серьезнейшего внимания всех социал-демократов. Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности сламывались не раз усилия довести до конца демократическую революцию, при чем торжествовала всего более непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса.

До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по вопросу о выборе пути, видно сразу из сопоставления кавказской резолюции новоискровцев и резолюции III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Резолюция съезда говорит: буржуазия непоследовательна, она непременно будет стараться отнять у нас завоевания революции. Поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи-рабочие, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступим своекорыстной буржуазии наших революционных завоеваний без боя. Резолюция кавказских

новоискровцев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции. Поэтому, товарищи-рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо тогда буржуазия наверное отшатнется и размах революции будет от этого слабее!

Одни говорят: двигайте революцию вперед, до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии.

Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от нее отшатнется тогда непоследовательная буржуазия.

Разве перед нами не два диаметрально противоположные пути? Разве не очевидно, что одна тактика безусловно исключает другую? Что первая тактика есть единственно верная тактика революционной социал-демократии, а вторая в сущности тактика чисто освободительная?

13. Заключение. Смеем ли мы победить?

Люди, поверхностно знакомые с положением дел в российской социал-демократии, или судящие со стороны, не знающие истории всей нашей внутрипартийной борьбы со времени экономизма, очень часто отделяются и от определившихся теперь, особенно после III съезда, тактических разногласий простой ссылкой на две естественные, неизбежные, вполне примиримые тенденции всякого социал-демократического движения. С одной стороны, дескать, усиленное подчеркивание обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацию, готовить силы, углублять движение и т. д. С другой стороны, подчеркивание боевых, общеполитических, революционных задач движения, указание на необходимость вооруженного восстания, выдвигание лозунгов: революционно-демократическая диктатура, Временное Революционное Правительство. Ни той, ни другой стороны не следует преувеличивать, ни там, ни здесь (как и вообще нигде на свете) нехороши крайности и т. д., и т. п.

Дешевые истины житейской (и «политической» в кавычках) мудрости, которые, несомненно, имеются в подобных рассуждениях, слишком часто прикрывают, однако, непонимание насущных, наболевших нужд партии. Возьмите современные тактические разногласия среди русских социал-демократов. Разумеется, само по себе, усиленное подчеркивание повседневной, будничной стороны работы, которое мы видим в новоискровских рассуждениях о тактике, ничего опасного не могло бы еще представить и никакого расхождения в тактических лозунгах не могло бы вызвать. Но достаточно сравнить резолюцию III съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии с резолюциями конференции, чтобы это расхождение бросилось в глаза.

В чем же дело? А в том, во-первых, что мало одного общего, абстрактного указания на две струи в движении и на вред крайностей. Надо знать, конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чем теперь заключается реальная политическая опасность для партии. Во-вторых, надо знать, каким реальным политическим силам подливают воду на мельницу те или иные тактические лозунги, — может быть, то или иное отсутствие лозунгов. Послушайте новоискровцев — и вы придете к выводу, что партии социал-демократии грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти и т. д. На самом же деле реальная опасность грозит партии совсем с другой стороны. Кто знает сколько-нибудь близко состояние движения, кто внимательно и вдумчиво следит за ним, тот не может не видеть смешной стороны новоискровских страхов. Вся работа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листовок и брошюр, содействие экономической борьбе и подхватывание ее лозунгов. Нет ни одного комитета партии, ни одного районного комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, в которой бы девяносто девять сотых внимания, сил и времени не уделялось всегда и постоянно всем этим функциям, упрочившимся еще со второй половины девяностых годов. Не знают этого только люди, вовсе незнакомые с движением. Принимать за чистую монету новоискровское повторение задов, когда оно делается с особо важным видом, могут только очень наивные или неосведомленные люди.

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, отсталость именно в этом отношении бьет в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может выродиться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах. Из многих и многих сотен организаций, групп и кружков, выполняющих работу партии, вы не найдете ни одного, в котором с самого его возникновения не велась бы та повседневная работа, о которой с видом людей, открывших новые истины, повествуют мудрецы из новой «Искры». И наоборот, вы найдете ничтожный процент групп и кружков, сознавших задачи вооруженного восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчет в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги.

Мы невероятно отстали от передовых и действительно революционных задач, мы не сознали еще их в массе случаев, мы прозевали и там и тут усиление революционной буржуазной демократии за счет нашей отсталости в этом отношении. А писатели новой «Искры», повернувшись спиною к ходу событий и к запросам времени, твердят упорно: не забывайте старого! не увлекайтесь новым! Это — основной неизменный мотив всех существенных резолюций конференции, тогда как в резолюциях съезда вы также неизменно читаете: подтверждая старое (и не оставившись на его разжевывании именно потому, что оно есть старое, уже решенное и закрепленное литературою, резолюциями и опытом), выдвигаем новую задачу, обращаем внимание на нее, ставим новый лозунг, требуем от действительно революционных социал-демократов немедленной работы над его проведением в жизнь.

Вот как стоит на самом деле вопрос о двух течениях в тактике социал-демократии. Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-д. решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, Временного Правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряду с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы.

Политический результат этого хвостизма у нас на-лицо. Басня о сближении «большинства» Российской Социал-Демократической Рабочей Партии с революционной буржуазной демократией остается басней, не подтверждаемой ни единым политическим фактом, ни единой влиятельной резолюцией «большевиков», ни единым актом III Съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. А между тем, оппортунистическая, монархическая буржуазия в лице «Освобождения» издавна приветствует «принципиальные» тенденции новоискровства, а теперь уже прямо их водой вертит свою мельницу, воспринимает все их словечки, и «идейки» против «конспирации» и «бунта», против преувеличения «технической» стороны революции, против прямого выставления лозунга вооруженного восстания, против «революционизма» крайних требований и т. д. и т. п. Резолюция целой конференции социал-демократов — «меньшевиков» на Кавказе и одобрение этой резолюции редакцией новой «Искры» подводит недвусмысленный политический итог всему этому: как бы не отшатнулась буржуазия в случае участия проле-

тариата в революционно-демократической диктатуре! Этим все сказано. Этим окончательно закреплено превращение пролетариата в прихвостня монархической буржуазии. Этим доказано на деле, не случайным заявлением одного лица, а резолюцией, специально одобренной целым направлением, доказано политическое значение новоискровского хвостизма.

Кто вдумается в эти факты, тот поймет действительно значение ходячих указаний на две стороны и две тенденции социал-демократического движения. Возьмите бернштейниаду, чтобы на крупном масштабе изучить эти тенденции. Ведь бернштейнианцы точь-в-точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть! — говорит Бернштейн, освещая этим «движение» без «конечной цели», освещая оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов, о «литераторах», не понимающих «рабочей самостоятельности» и т. д., и т. д. На деле, как всем известно, революционные социал-демократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подготовки сил и пр., и пр. Они только требовали ясного сознания конечной цели, ясной постановки революционных задач, они хотели поднимать полу-пролетарские и полу-мелко-буржуазные слои до революционности пролетариата, а не принижать эту последнюю до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия». Едва ли не самым рельефным выражением этой розни между интеллигентски-оппортунистическим и пролетарски-революционным крылом партии явился вопрос: dürfen wir siegen? «смеем ли мы победить?» позволительно ли нам победить? не опасно ли нам победить? следует ли нам побеждать? Станный, на первый взгляд, вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись победы, отпугивали пролетариат от нее, пророчили беды от нее, высмеивали лозунги, прямо зовущие к ней.

То же основное деление на интеллигентско-оппортунистическую и пролетарско-революционную тенденцию имеется у нас с тою лишь, весьма существенною, разницей, что речь идет не о социалистическом, а о демократическом перевороте. У нас тоже поставлен нелепый на первый взгляд вопрос: «смеем ли мы победить?». Он поставлен Мартыновым в его «Двух диктатурах», пророчивших беды от того, если мы очень хорошо подготовим и вполне успешно проведем восстание. Он поставлен всей литературой новоискровцев по вопросу о Временном Революционном Правительстве, при чем усердно, но безуспешно пытались все время смешать участие Мильерана в буржуазно-оппортунистическом прави-

тельстве с участием Варлэна в мелко-буржуазном революционном правительстве. Он закреплен резолюцией «как бы не отшатнулась буржуазия». И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о Временном Революционном Правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только по наслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение. Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить.

Возьмите старых наших экономистов. Они тоже кричали, что их противники — заговорщики, якобинцы (см. «Рабочее Дело», особенно № 10, и речь Мартынова при дебатах на II съезде о программе), что они отрываются от массы, бросаясь в политику, что они забывают основы рабочего движения, не считаются с рабочей самодеятельностью и проч. и проч. На самом же деле эти сторонники «рабочей самодеятельности» были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочим свое узкое и филистерское понимание задач пролетариата. На самом деле противники экономизма, как может видеть всякий по старой «Искре», не забросили и не отодвинули на задний план ни одной из сторон социал-демократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умея в то же время поставить во всей широте насущные и очередные политические задачи, противодействуя превращению рабочей партии в «экономический» придаток либеральной буржуазии.

Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и «поняли» это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократический переворот имеет в экономической основе своей буржуазную революцию, и «поняли» это так, что надо принижать демократические задачи пролетариата до уровня буржуазной умеренности, до того предела, за которым «отшатнется буржуазия». Экономисты под предлогом углубления работы, под предлогом рабочей самодеятельности и чисто классовой политики, — на деле отдавали рабочий класс в руки либерально-буржуазных политиков, т.-е. вели партию по пути, объективное значение которого было именно такого. Новоискровцы, под теми же самыми предложениями, на деле предают

буржуазии интересы пролетариата в демократической революции, т.-е. ведут партию по пути, объективное значение которого именно таково. Экономистам казалось, что главенство в политической борьбе не дело социал-демократов, а собственно дело либералов. Новоискровцам кажется, что активное проведение демократической революции не дело социал-демократов, а собственно дело демократической буржуазии, ибо руководство и первенствующее участие пролетариата «ослабит размах» революции.

Одним словом, новоискровцы являются эпигонами экономизма не только по происхождению своему на втором съезде партии, но и по теперешней постановке ими тактических задач пролетариата в демократической революции. Это — тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партии. В организации оно дебютировало анархическим индивидуализмом интеллигентов и закончило «дезорганизацией-процессом», закрепив в «уставе», принятом конференцией, оторванность литературы от партийной организации, не прямые, чуть ли не четырехстепенные выборы, систему бонапартистских плебисцитов вместо демократического представительства, наконец, принцип «соглашения» между частью и целым. В тактике партии они катились по такой же наклонной плоскости. В «плане земской кампании» они объявили «высшим типом демонстрации» выступление перед земцами, находя на политической сцене только две активные силы (накануне 9 января!) — правительство и буржуазную демократию. Насущную задачу вооружения они «углубляли», заменяя прямой практический лозунг призывом вооружить жгучей потребностью самовооружения. Задачи вооруженного восстания, Временного Правительства, революционно-демократической диктатуры извращены и притуплены ими теперь в официальных их резолюциях. «Как бы не отшатнулась буржуазия» — этот заключительный аккорд последней их резолюции — проливает полный свет на вопрос о том, куда ведет партию их путь.

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное маркситское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т.-е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Ее представители первые выставили это требование. Ее сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя ее к умеренной и аккуратной буржуазной марке, совмещаая ее с самым утонченным в мирное зремя и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат схватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и сорганизует буржуазию. Не в уклонении от классовой борьбы ждет своего спасения пролетариат, а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря трэд-юниона. Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожжа свободного рабочего союза.

Да, народной революции. Соц.-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

Вот чего так часто не понимают современные новоискровцы, замещающие выставление активных политических лозунгов в демократической революции одним резонерским повторением слова: «классовый» во всех родах и во всех падежах!

Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад революционного класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ста-

вить перед всем народом задачи демократического переворота. Принижение этих задач есть теоретически карикатура на марксизм и филистерское извращение его, а практически-политически есть передача дела революции в руки буржуазии, которая неизбежно отшатнется от последовательного проведения революции. Трудности, которые стоят на пути полной победы революции, очень велики. Никто не сможет осудить представителей пролетариата, если они сделают все, что в их силах, и если все их усилия разобьются о сопротивление реакции, о предательство буржуазии, о темноту массы. Но все и каждый — и прежде всего сознательный пролетариат — осудит социал-демократию, если она будет урезывать революционную энергию демократического переворота, урезывать революционный энтузиазм боязнью победить, соображениями о том, как бы не отшатнулась буржуазия.

Революции — локомотивы истории, — говорил Маркс. Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освободительской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волоочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т.-е. к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плаваньи» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической

диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции», — тот пусть лучше уйдет на время от социал-демократической работы, пусть дожидается конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса.

Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Еще раз освобожденство, еще раз новоискровство.

Номера 71 — 72 «Освобождения» и 102 — 103 «Искры» дали новый, чрезвычайно богатый материал по вопросу, которому мы посвятили § 8-й нашей брошюры. Не имея никакой возможности использовать здесь весь этот богатый материал, мы остановимся лишь на главнейшем: во-первых, на том, какого рода «реализм» расхваливает «Освобождение» в социал-демократии и почему оно должно его расхваливать; во-вторых, на соотношении понятий революция и диктатура.

I. За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты «реалистов» социал-демократических?

Статьи: «Раскол в русской социал-демократии» и «Торжество здравого смысла» (№ 72 «Освобождения») представляют из себя замечательно ценное для сознательных пролетариев суждение представителей либеральной буржуазии о социал-демократии. Нельзя достаточно сильно рекомендовать всякому социал-демократу ознакомиться с этими статьями в их полном виде и п р о д у м а т ь каждую фразу в них. Мы воспроизведем прежде всего главные положения обеих статей:

«Посторожнему наблюдению — говорит «Освобождение» — довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего соц.-дем. партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и во всяком случае не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере традиционные догматы марксистской ортодоксии блюдятся фракцией меньшинства, пожалуй, еще с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революцио-

низма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме приготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полуполитической агитации и все виды практически-полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского миросозерцания. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны, борьба пролетариата мыслится — конечно, в известных пределах, диктуемых неизбежными догматами социал-демократии, — реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как они связаны в своем идеологическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями, по образцу некоторых по крайней мере социалистов-революционеров, а «искровцам» — практическими руководителями реального политического движения рабочего класса».

И, приводя далее содержание главных резолюций, писатель «Освобождения» поясняет несколькими конкретными замечаниями по поводу них свои общие «мысли». «По сравнению с III съездом, говорит он, совершенно иначе относятся к вооруженному восстанию конференция меньшинства». «В связи с отношением к вооруженному восстанию стоит различие резолюций о Временном Правительстве». «Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. «Ленинцы» в своих резолюциях даже не обмолвились ни словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, меньшинство выработало очень серьезную резолюцию». По отношению к либералам обе фракции, дескать, единодушны, но III съезд «повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на I съезде, и отвергает принятую тем же съездом, более благосклонную к либералам резолюцию Старовера». При общей однородности резолюций съезда и конференции о крестьянском движении «большинство более подчеркивает идею революционной конфискации помещичьих и т. д. земель, тогда как меньшинство основой своей агитации хочет сделать требования демократических государственных и административных реформ».

Наконец, «Освобождение» цитирует из № 100 «Искры» одну меньшевистскую резолюцию, главный пункт которой гласит: «В виду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия ее в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой, партии, как нелегальной организации, необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами». По поводу этой резолюции «Освобождение» восклицает: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию, как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии».

Теперь читатель имеет перед собою все существенные суждения «Освобождения». Было бы величайшей ошибкой, разумеется, считать верным в смысле соответствия объективной истине эти суждения. Ошибки легко откроет в них на каждом шагу всякий социал-демократ. Было бы наивностью, забывать, что все эти суждения насквозь пропитаны интересами и точкой зрения либеральной буржуазии, что они насквозь пристрастны и тенденциозны в этом смысле. Они отражают взгляды социал-

демократии так же, как вогнутое или выпуклое зеркало отражает предметы. Но еще большей ошибкой было бы забвение того, что эти буржуазно-извращенные суждения отражают, в конечном счете, действительные интересы буржуазии, которая, как класс, несомненно верно понимает, какие тенденции внутри социал-демократии ей, буржуазии, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какие — вредны, далеки, чужды, антипатичны. Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария.

Что же говорит нам, устами освобожденцев, классовый инстинкт российской буржуазии?

Он совершенно определенно выражает свое удовольствие по поводу тенденций новоискровства, хваля его за реализм, трезвость, торжество здравого смысла, серьезность резолюций, тактическое просветление, практичность и т. д., — и неудовольствие по поводу тенденций III съезда, порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически-полезных компромиссов и т. д. Классовый инстинкт буржуазии подсказывает ей как раз то, что неоднократно самыми точными данными было доказано в нашей литературе, именно: что новоискровцы представляют из себя оппортунистическое, а их противники — революционное крыло современной русской социал-демократии. Либералы не могут не сочувствовать тенденциям первого, не могут не порицать тенденций второго. Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна «практичность, трезвость, серьезность» рабочего класса, т. е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д. Буржуазии опасна и страшна «революционистская узость» пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной русской революции.

Что действительно таков смысл слова «реализм», в освобожденском значении его, это видно между прочим из прежнего употребления его «Освобождением» и г. Струве. Сама «Искра» не могла не признать такого значения освобожденского «реализма». Вспомните, например, статью «Пора!» в приложении к № 73 — 74 «Искры». Автор этой статьи (последовательный выразитель взглядов «болота» на втором съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии) прямо

выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И редакция «Искры» сейчас же вынуждена была поправить автора статьи «Пора!», заявив в примечании:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения», в одном из его последних номеров отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому» — читай: ревизионистскому — направлению».

Итак, «Искра» сама прекрасно знает, что освободительский «реализм» есть именно оппортунизм и ничто иное. Если теперь, нападая на «либеральный реализм» (№ 102 «Искры»), «Искра» умалчивает о том, как ее похвалили либералы за реализм, то умолчание объясняется тем, что такие похвалы горше всяких порицаний. Такие похвалы (не случайно и не в первый раз высказанные «Освобождением») доказывают на деле родство либерального реализма и тех тенденций социал-демократического «реализма» (читай: оппортунизма), которые сквозят в каждой резолюции новоискровцев, благодаря ошибочности всей их тактической позиции.

В самом деле, российская буржуазия вполне уже обнаружила свою непоследовательность и корыстность в «общенародной» революции, — обнаружила и рассуждениями господина Струве, и всем тоном и содержанием массы либеральных газет, и характером политических выступлений массы земцев, массы интеллигентов, вообще всяких сторонников г.г. Трубецкого, Петрункевича, Родичева и К°. Буржуазия не всегда, конечно, отчетливо понимает, но в общем и целом превосходно схватывает классовым чутьем, что, с одной стороны, пролетариат и «народ» полезен для ее революции, как пушечное мясо, как таран против самодержавия, но что, с другой стороны, пролетариат и революционное крестьянство страшно опасны для нее в случае, если они одержат «решительную победу над царизмом» и доведут до конца демократическую революцию. Поэтому буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью в революции, чтоб он был трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определялась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия».

Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата, — нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гиш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоеванную самими

рабочими) свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «все-народную русскую революцию» печать своей классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей, — книгами *), лекциями, речами, беседами и пр., и пр., — стараются поэтому из всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за соц.-демокр. Вот, например, легальная либеральная газета «Рассвет» (о которой мы постараемся побеседовать как-нибудь с читателями «Пролетария») говорит нередко такие «смелые» вещи о классовой борьбе, о возможном обмане пролетариата буржуазией, о рабочем движении, о самостоятельности пролетариата и т. д., и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочий легко примут ее «социал-демократизм» за чистую монету. А на деле это — буржуазная подделка под социал-демократизм, оппортунистическое извращение и искажение понятия классовой борьбы.

В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подальше от самостоятельной (т.-е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики, «заслонить в их, рабочих, сознании идею всенародной русской революции идеей классовой борьбы».

Как видит читатель, мы перевернули вверх ногами формулировку «Освобождения». Это — превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетариата в демократической революции, взгляд буржуазный и взгляд социал-демократический. Буржуазия хочет свести пролетариат к одному профессиональному движению и тем «заслонить в его сознании идею всенародной русской революции идеей (брентановской¹⁸⁵) классовой борьбы», — совершенно в духе бернштейнианских авторов «Credo», заслонявших в сознании рабочих идею политической борьбы идеей «чисто-рабочего» движения. Социал-демократия же хочет, наоборот, развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его в всенародной русской революции, т.-е.

*) Сравни: Прокопович¹⁸⁴): «Рабочий вопрос в России».

довести эту революцию до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революция у нас всенародная,—говорит буржуазия пролетариату.— Поэтому ты, как особый класс, должен ограничиться своей классовой борьбой, — должен, во имя «здравого смысла», направить главное внимание на профессиональные союзы и легализацию их, — должен считать именно эти профессиональные союзы «важнейшей исходной точкой своего политического воспитания и организации», — должен вырабатывать в революционный момент преимущественно «серьезные» резолюции в роде новоискровской, — должен бережливо относиться с резолюциями, «более благосклонными к либералам», — должен предпочитать руководителей, имеющих тенденцию стать «практическими руководителями реального политического движения рабочего класса», — должен «сохранять реалистические элементы марксистского мирозерцания» (если уже ты заразился, к сожалению, «строгими формулами» этого «ненаучного» катехизиса).

Революция у нас всенародная, — говорит социал-демократия пролетариату. — Поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стремиться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней. Поэтому ты должен не замыкаться в узко понятые рамки классовой борьбы, преимущественно в смысле профессионального движения, а, наоборот, стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы до о х в а т ы в а н и я этими рамками не только всех задач настоящей, демократической, всекадровой русской революции, но и задач дальнейшей социалистической революции. Поэтому, не игнорируя профессионального движения, не отказываясь пользоваться малейшим простором легальности, ты должен в эпоху революции на первый план выдвинуть задачи вооруженного восстания, образования революционной армии и революционного правительства, как единственных путей к полной победе народа над царизмом, к завоеванию демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о том, какую половинчатую, непоследовательную и, естественно, симпатичную буржуазии позицию заняли в этом вопросе, благодаря их ошибочной «линии», новоискровские резолюции.

II. Новое «углубление» вопроса тов. Мартыновым.

Перейдем к Мартыновским статьям в №№ 102 и 103 «Искры». Само собою разумеется, что мы не будем отвечать на попытки Мартынова доказывать неверность нашего и правильность его толкования ряда цитат из Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьезны, увертки Мар-

тынова так очевидны, вопрос так ясен, что останавливаться на нем еще раз было бы неинтересно. Всякий думающий читатель сам разберется легко в несложных хитростях Мартыновского отступления по всей линии, особенно когда выйдут подготовляемые группой сотрудников «Пролетария» полные переводы брошюры Энгельса: «Бакунисты за работой» и Маркса: «Обращение правления союза коммунистов» от марта 1850 года. Достаточно одной цитаты из статьи Мартынова, чтобы сделать читателю-наглядным его отступление.

«Искра» «признает», — говорит Мартынов в № 103 — «учреждение Временного Правительства, как один из возможных и целесообразных путей развития революции, и отрицает целесообразность участия социал-демократов в буржуазном Временном Правительстве, именно в интересах полного завладения в будущем государственной машиной для социал-демократического переворота». Другими словами: «Искра» признала теперь нелепость всех ее страхов насчет ответственности революционного правительства за казначейство и банки, насчет опасности и невозможности брать в свои руки «тюрьмы» и т. п. «Искра» путает только попрежнему, смешивая демократическую и социалистическую диктатуру. Путаница неизбежна, как прикрытие отступления.

Но среди путаников новой «Искры» Мартынов выделяется, как путаник 1-го ранга, как путаник, если позволительно так выразиться, талантливый. Запутывая вопрос своими потугами «углубить» его, он почти всегда «додумывается» при этом до новых формулировок, которые великолепно освещают всю фальшь занятой им позиции. Вспомните, как в эпоху экономизма он «углублял» Плеханова и творчески создал формулу: «экономическая борьба с хозяевами и с правительством». Трудно указать во всей литературе экономистов более удачное выражение всей фальши этого направления. Так и теперь. Мартынов усердно служит новой «Искре» и всякий раз почти, когда берет слово, дает нам новый и великолепный материал для оценки фальшивой новоискровской позиции. В № 102 он говорит, что Ленин «подменил незаметным образом понятия революция и диктатура» (стр. 3, столб. 2).

К этому обвинению сводятся, в сущности, все обвинения новоискровцев против нас. И как же мы благодарны Мартынову за это обвинение! Какую неоценимую услугу оказывает он нам в деле борьбы с новоискровством, давая такую формулировку обвинения! Положительно, нам надо просить редакцию «Искры», чтобы она почаще выпускала против нас Мартынова для «углубления» нападений на «Пролетария» и для «истинно-принципиальной» формулировки их. Ибо чем принципиальнее тщится рассуждать Мартынов, тем хуже у него выходит и тем отчетливее он псказывает прорехи новоискровства, тем удачнее производит сам над собою и над своими друзьями полезную педагогическую операцию:

reductio ad absurdum (доведения до абсурда принципов новой «Искры»).

«Вперед» и «Пролетарий» «подменяют» понятия революции и диктатуры. «Искра» не хочет такого «подмена». Именно так, почтеннейший тов. Мартынов! Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили н о в о й формулировкой наше положение, что «Искра» тащится в хвосте революции, сбивается на освобожденскую формулировку ее задач, а «Вперед» и «Пролетарий» дают лозунги, которые ведут вперед демократическую революцию.

Вам непонятно это, тов. Мартынов? В виду важности вопроса мы потрудимся дать вам обстоятельное разъяснение.

Буржуазный характер демократической революции сказывается, между прочим, в том, что целый ряд общественных классов, групп и слоев, стоящих вполне на почве признания частной собственности и тесарного хозяйства, неспособных выйти за эти рамки, приходят силой вещей к признанию негодности самодержавия и всего крепостнического строя вообще, примыкают к требованию свободы. При этом буржуазный характер э т о й свободы, требуемый «обществом», защищаемый потоком слов (и только слов!) помещиков и капиталистов, выступает наружу все яснее и яснее. Вместе с тем становится все нагляднее и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарским и либеральным демократизмом. Рабочий класс и его сознательные представители идут вперед и толкают вперед эту борьбу, не только не боясь довести ее до конца, но стремясь гораздо дальше самого далекого конца демократической революции. Буржуазия непоследовательна и ссысекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемерно. Всякие попытки определить особой чертой, особо выработанными «пунктами» (в роде пунктов резолюции Старовера или конференстов) пределы, за которыми начинается это лицемерие буржуазных друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы ее буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на неуспех, ибо буржуазия, поставленная между двух огней (самодержавие и пролетариат), способна тысячами путей и средств менять свою позицию и лозунги, приспособляясь на вершок влево и на вершок вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарского демократизма состоит не в выдумывании таких мертвых «пунктов», а в неустанной критике развивающейся политической ситуации, в изобличении все новых и новых, непредусмотримых заранее, непоследовательностей и измен буржуазии.

Припомните историю политических выступлений в нелегальной литературе г-на Струве, историю войны с ним социал-демократии, и вы увидите наглядно осуществление этих задач социал-демократией, поборницей пролетарского демократизма. Г. Струве начал с лозунга чисто

Шиповского: «права и властное земство» (см. мою статью в «Заре»: «Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹⁶⁶). Социал-демократия изобличала его и толкала к определенно-конституционалистической программе. Когда эти «толчки» возымели действие благодаря особенно быстрому ходу революционных событий, борьба направилась на следующий вопрос демократизма: не только конституция вообще, но непременно всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов. Когда мы «заняли» у «неприятеля» и эту новую позицию (принятие всеобщего избирательного права Союзом Освобождения), мы стали напирать дальше, показывая лицемерие и фальшь двухпалатной системы, неполноту признания освобожденцами всеобщего избирательного права, показывая на их монархизме маклерский характер их демократизма или, иначе, проторговывание этими освобожденскими героями денежного мешка интересов великой русской революции.

Наконец, дикое упорство самодержавия, гигантский прогресс гражданской войны, безвыходность того положения, в которое завели Россию монархисты, стали пробивать самые косные головы. Революция стала фактом. Для признания революции не требовалось уже быть революционером. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всех на глазах. Как справедливо заметил один либерал в легальной печати (г. Гредескул¹⁶⁷), создалось фактическое неповиновение этому правительству. При всей своей кажущейся силе самодержавие оказалось бессильным, события развивающейся революции стали просто отодвигать в сторону этот заживо разлагающийся паразитный организм. Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа начали приходить к необходимости признать революцию. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции, обвиняя в революционности самодержавие, которое не хочет сделки, а хочет борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирожденные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их стать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами.

Мы присутствуем при высоко-поучительном и высоко-комичном зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напаять на себя тогу революционности. Освобожденные — *risum teneatis, amici!* *)—освобожденные начинают говорить от имени революции! Освобожденные начинают уверять, что они «не боятся революции» (г. Струве

*) Подождите смеяться, господа!

в № 72 «Освобождения»)!!! Освобожденцы выражают претензию «стать во главе революции»!!!

Это чрезвычайно знаменательное явление, характеризующее не только прогресс буржуазного либерализма, но еще более прогресс реальных успехов революционного движения, которое заставило признать себя. Даже буржуазия начинает чувствовать, что выгоднее становиться на почву революции, — до того расшатано самодержавие. Но, с другой стороны, это явление, свидетельствующее о подъеме всего движения на новую, высшую ступень, ставит перед нами тоже новые и тоже высшие задачи. Признание революции буржуазией не может быть искренним независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии. Буржуазия не может не внести с собой своекорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения. Мы должны теперь иначе формулировать ближайшие конкретные задачи революции во имя нашей программы и в развитие нашей программы. То, что достаточно было вчера, недостаточно сегодня. Вчера, может быть, достаточно было, в качестве передового демократического лозунга, требование признать революцию. Теперь этого мало. Революция заставила даже господина Струве признать себя. Теперь от передового класса требуется определить точно самое содержание насущных и неотложных задач этой революции. Господа Струве, признавая революцию, тут же высывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве Николаем к власти господ освобожденцев и т. д., и т. п. Господа освобожденцы признают революцию, чтобы тем безопаснее для себя эскамотировать эту революцию, предать ее. Наше дело теперь — указать пролетариату и всему народу недостаточность лозунга: «революция», показать необходимость ясного и недвусмысленного, последовательного и решительного определения самого содержания революции. А такое определение и представляет из себя лозунг, единственно способный правильно выразить «решительную победу» революции, лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Мы показали, что освобожденцы поднимаются (не без влияния поощрительных толчков социал-демократии) со ступеньки на ступеньку вверх в деле признания демократизма. Сначала вопрос в нашем споре с ними стоял: шиповщина (права и властное земство) или конституционализм? Затем, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далее: признание революции или маклерская сделка с самодержавием? Наконец, теперь: признание революции без диктатуры пролетариата и крестьянства или признание требования диктатуры этих классов в демократической революции? Возможно и вероятно, что и освобо-

жденцы (все равно нынешние ли или их преемники в левом крыле буржуазной демократии) поднимутся еще на ступеньку, т.-е. признают со временем (может быть, к тому времени, когда поднимется еще на ступеньку тов. Мартынов) и лозунг диктатуры. Это даже неизбежно будет так, если русская революция успешно пойдет вперед и дойдет до решительной победы. Какова будет тогда позиция социал-демократии? Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота.

III. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса.

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала между прочим такой упрек этой газете. «Н. Р. Г.» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx, Nachlass, том III, стр. 53). С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатуры и понятие демократии исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и кoterий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Вперед» и «Пролетария» к лозунгу «диктатура» тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 103, стр. 3,

столб. 2). Чтобы разъяснить Мартынову понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры, и при том энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т.-е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу».

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Н. Р. Газета» в длинных статьях о министерстве Кампаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что Временное Революционное Правительство должно выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чужавшаяся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры — уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П. о борьбе с контр-революцией, и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Н. Р. Г.» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, — писал Маркс, — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»

Вот каков смысл лозунга: диктатура. Можно видеть отсюда, как отнесся бы Маркс к резолюциям, называющим «решение организовать Учредительное Собрание» решающей победой или приглашающим «оставаться партией крайней революционной оппозиции»!

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде

и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры.

По вопросу о задачах этой диктатуры Маркс писал еще в «Н. Р. Г.»: «Национальное собрание должно было бы диктаторски выступить против реакционных поползновений отживших правительств и тогда оно завоевало бы себе такую силу в народном мнении, о которую сломались бы все штыки. . . А это собрание утомляет немецкий народ скучными словами вместо того, чтобы увлечь его с собой или быть увлеченным им». Национальное Собрание должно было бы, по мнению Маркса, «удалить из фактически существующего строя Германии все противоречащее принципу самодержавия народа», затем «укрепить ту революционную почву, на которой оно стоит, обезопасить завоеванное революцией самодержавие народа от всех нападений».

Следовательно, по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к демократическому перевороту: защита от контр-революции и фактическое устранение всего притиворечащего самодержавию народа. Это и есть не что иное как революционно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какие классы могли и должны были, по мнению Маркса, осуществить эту задачу (провести на деле до конца принцип самодержавия народа и отбить атаки контр-революции?). Маркс говорит о «народе». Но мы знаем, что против мелко-буржуазных иллюзий о единстве «народа», об отсутствии классовой борьбы внутри народа он боролся всегда беспощадно. Употребляя слово: «народ», Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию.

После победы берлинского пролетариата 18 марта, — писала «Н. Р. Г.» — результаты революции оказались двоякие: «с одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерство Кампгаузена-Ганземана, т.е. правительство представителей крупной буржуазии. Таким образом, революция имела двоякого рода результаты, которые неизбежно должны были прийти к разрыву. Народ победил; он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии. Одним словом революция была не доведена до конца. Народ

предоставил представителям крупной буржуазии образование министерства, а эти представители крупной буржуазии доказали свои стремления тотчас же тем, что предложили союз старопрусскому дворянству и бюрократии. В министерство вступили Арним, Канитц и Шверин.

«Крупная буржуазия, анти-революционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед рабочими и демократической буржуазией» (курсив наш).

Итак, не только «решение организовать Учредительное Собрание» не достаточно еще для решительной победы революции, но даже и действительный созыв его! Даже после частичной победы в вооруженной борьбе (победа берлинских рабочих над войском 18 марта 1848 года) возможна «неоконченная», «не доведенная до конца» революция. Отчего же зависит ее доведение до конца? От того, в чьи руки переходит непосредственное господство: в руки ли Петрункевичей и Родичевых, то бишь, Кампгаузенов и Ганземаанов, или в руки народа, т.е. рабочих и демократической буржуазии. В первом случае буржуазия будет иметь власть, а пролетариат — «свободу критики», свободу «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Буржуазия сейчас же после победы заключит союз с реакцией (это неизбежно совершилось бы и в России, если бы, например, петербургские рабочие одержали лишь частичную победу в уличном бое с войсками и предоставили образование правительства господам Петрункевичам и К^о). Во втором случае была бы возможна революционно-демократическая диктатура, т.е. полная победа революции.

Остается точнее определить, что собственно понимал Маркс под «демократической буржуазией» (*demokratische Bürgerschaft*), которую вместе с рабочими он называл народом в противоположность крупной буржуазии?

Ясный ответ на этот вопрос дает следующее место из статьи «Н. Р. Г.» от 29 июля 1848 г.: «... Немецкая революция 1848 года есть лишь пародия французской революции 1789 года.

«4-го августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11-го июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ. *Teste Gierke cum Hansemanno* *).

*) «Свидетели: г. Гирке купно с г. Ганземааном»: Ганземаан — министр партии крупной буржуазии (по-русски: Трубецкой или Родичев и т. п.). Гирке — министр земледелия в министерстве Ганземаана, выработавший проект, «смелый» проект якобы «безвозмездного» «уничтожения феодальных повинностей», на деле же уничтожения мелких и неважных, но сохранения или выкупа более существенных

«Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян. Она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного землевладельческого (*grundbesitzenden*) крестьянского класса.

«Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства.

«Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа—таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь».

Это очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но, в частности, и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции.

С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы и к России 1905 г. Несомненно, что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем притти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что и у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы передают и предадут крестьянство, т.-е. отделаются лже-реформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддержать крестьянство до конца в этой борьбе. Несомненно, наконец, что и у нас в России успех крестьянской борьбы, т.-е. переход к крестьянству всей земли будет означать полный демократический переворот, являясь социальной опорой доведенной до конца революции, но отнюдь не социа-

повинностей. Г. Гирке — нечто вроде русских г.г. Каблуковых, Мануиловых, Герценштейнов¹⁸⁸) и тому подобных буржуазно-либеральных друзей мужика, которые хотя «расширения крестьянского землевладения», но не хотят обидеть помещиков.

листический переворот и не «социализацию», о которой говорят идеологи мелкой буржуазии, социалисты-революционеры. Успех крестьянского восстания, победа демократической революции лишь расчистят путь для действительной и решительной борьбы за социализм на почве демократической республики. Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбе ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это — значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата.

Чтобы не оставить пробела в изображении взглядов Маркса в 1848 году, необходимо отметить одно существенное отличие тогдашней немецкой социал-демократии (или коммунистической партии пролетариата, говоря тогдашним языком) от современной русской социал-демократии. Предоставим слово Мерингу:

«Новая Рейнская Газета» выступила на политическую арену, как «орган демократии». Нельзя не видеть красной нити, проходящей через все ее статьи. Но, непосредственно, она защищала более интересы буржуазной революции против абсолютизма и феодализма, чем интересы пролетариата против интересов буржуазии. Об особом рабочем движении во время революции мало найдете материала на ее столбцах, хотя не следует забывать, что рядом с ней выходил два раза в неделю, под редакцией Молля и Шаппера, особый орган Кёльнского рабочего союза. Во всяком случае современному читателю бросается в глаза, как мало интереса уделяла «Н. Р. Газета» тогдашнему немецкому рабочему движению, хотя самый способный деятель его, Стефан Борн, учился у Маркса и Энгельса в Париже и Брюсселе и в 1848 году корреспондировал из Берлина в их газету. Борн рассказывает в своих «Воспоминаниях», что Маркс и Энгельс никогда не выражали ему ни единым словом своего неодобрения его рабочей организации. Но позднейшие заявления Энгельса делают вероятным предположение, что они были недовольны, по меньшей мере, приемами этой агитации. Их недовольство было основательно постольку, поскольку Борн вынужден был делать много уступок, еще совершенно неразвитому в большей части Германии, классовому сознанию пролетариата, уступок, не выдерживающих критики, с точки зрения Коммунистического Манифеста. Их недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борн все же умел поддерживать руководимую им агитацию на сравнительно значительной высоте... Без сомнения, Маркс и Энгельс были исторически и политически правы, усматривая самый важный интерес рабочего класса прежде всего в возможно большем подталкивании буржуазной революции... Несмотря на это, замечательным доказательством того, как элементарный инстинкт рабочего движения умеет исправлять концепции самых гениальных

мыслителей, является тот факт, что они в апреле 1849 года высказались за специфическую рабочую организацию и решили участвовать на рабочем съезде, приготавлившемся в особенности ост-эльбским (восточная Пруссия) пролетариатом».

Итак, только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной газеты («Н. Р. Газета» начала выходить 1-го июня 1848 года) Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто «орган демократии», не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией! Этот факт, — чудовищный и невероятный с нашей современной точки зрения, — показывает нам ясно, какое громадное различие было между тогдашней немецкой и теперешней русской социал-демократической рабочей партией. Этот факт показывает нам, во сколько раз менее обнаруживались на немецкой демократической революции (благодаря отсталости Германии в 1848 г. и в экономическом отношении и в политическом — государственная раздробленность) пролетарские черты движения, пролетарская струя в нем. Этого не надо забывать при оценке многократных заявлений Маркса этой и немного позднейшей эпохи о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата. Маркс только из опыта демократической революции, почти через год, сделал практически этот вывод: до того мещанской, мелко-буржуазной была тогда вся атмосфера в Германии. Для нас этот вывод есть уже давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии, — приобретение, с которого мы н а ч и н а л и организацию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас не может быть, напр., и речи о том, чтобы революционные газеты пролетариата стояли вне соц.-дем. партии пролетариата, чтобы они могли хоть на минуту выступать просто как «органы демократии».

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксом и Стефаном Борном, существует у нас в тем более развитом виде, чем могущественнее выступает пролетарская струя в демократическом потоке нашей революции. Говоря о вероятном недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Стефана Борна, Меринг выражается чересчур мягко и уклончиво. Вот что писал Энгельс о Борне в 1885 году (в предисловии к «*Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln, Zürich 1885*»):

Члены Союза Коммунистов повсюду стояли во главе крайнего демократического движения, доказывая тем, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. «Наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «рабочее братство» («*Arbeiterverbrüderung*»), которое получило значительное распространение и продолжалось до 1850 года. Борн, талантливый

вый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «брался» с самым разношерстным сбродом (Kreti und Pletchi), лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадаетея поэтому путаница и смешение взглядов Коммунистического Манифеста с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями с обрывками взглядов Луи Блана ¹⁶⁹⁾ и Прудона, с защитой протекционизма и т. д.; одним словом, эти люди хотели всем угодить (Allen alles sein). В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи (курсив наш). И вот, когда победы реакции заставили вожakov этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, — тогда, само собою, разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата, как обособленный союз, существовавший большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрытие его лишь в 1850 году, а его филиальные отделения лишь много лет спустя. Борн, которому надо бы собственно называться Buttermilch (кислое молоко) ¹⁷⁰⁾, так и не сделался политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на сладенький немецкий язык».

Вот как оценивал Энгельс две тактики социал-демократии в демократической революции!

Наши новоискровцы тоже гнут к «экономизму» с таким усердием не по разуму, что заслуживают похвалы монархической буржуазии за свое «просветление». Они тоже собирают вокруг себя разношерстную публику, лстя «экономистам», демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами «самодетельности», «демократизма», «автономии» и пр. и т. д. Их рабочие союзы тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой «Искры». Их лозунги и резолюции обнаруживают такое же непонимание задач «великого политического движения пролетариата»

Предисловие: к брошюре «Рабочие о партийном расколе».

Когда мы обещали в «Пролетарии» (№ 8) напечатать полностью письмо тов. «Рабочего одного из многих», мы не имели никакого понятия о том, кто он такой. Мы знаем, что выраженные им мысли действительно разделяются многими рабочими, и этого было для нас достаточно, чтобы решить издать его письмо. Теперь, из № 105 «Искры», мы узнаем, что автор письма «причислял себя раньше к меньшинству», что он «давнишний ярый противник так наз. большинства». Тем лучше. Тем ценнее для нас признание этого бывшего меньшевика, что благие пожелания насчет «пролетарской самостоятельности» сводились к «красивым словам». Тем драгоценнее его решительное осуждение интеллигентской «маниловщины». Это — несомненный признак того, что демагогия меньшевиков, их обещания направо и налево всяческих благ: автономии, самостоятельности демократизма и проч. — начинают, как и следовало ожидать, набивать оскомину сознательным рабочим и вызывать в них законное недоверие и критику.

В высшей степени характерен также и тот факт, который сделает, мы не сомневаемся, еще ряд рабочих-меньшевиков «бывшими меньшевиками», — тот факт, что «Искра» усмотрела в этом письме Рабочего «кулак снизу»! Над этим фактом очень и очень стоит подумать.

При чем же тут «кулак», в самом деле? Выражает ли это столь истрепанное меньшевиками «страшное слово» известные определенные организационные понятия или просто интеллигентскую досаду, бутаду против всякой крепкой, связывающей интеллигентские капризы, организации?

Чего хочет автор письма? Прекращения раскола? Сочувствует ли этой цели «Искра»? Да, она прямо заявляет это. Считает ли она возможным осуществление этого теперь же? Да, ибо она говорит: «разногласия (тактические) не так велики, чтобы оправдать раскол».

Если так, то к чему же «Искра» снова вытаскивает, в ответе Рабочему, тактические разногласия, помяная даже похороненный в опубликованных «только для членов партии» листках «Искры» и «конспиратив-

ной» брошюре Плеханова «План земской кампании»? К чему это? Ведь ни Рабочий не отрицает необходимости полемики и споров, ни большевики не отрицают этого! Ведь устав партии, принятый III съездом, точно определяет право всякого комитета на издание литературы! Ведь вопрос идет о том, как сделать, чтобы тактические разногласия не вели к расколу, т.-е. к нарушению организационной связи? Зачем же «Искра» уклоняется от этого, ясно поставленного, вопроса посредством не относящихся к делу рассуждений о тактических разногласиях? Уж не стоит ли «кулак» Рабочего в том, чтобы не допускать болтовни, не относящейся к делу?

Чтобы прекратить раскол, мало желать этого. Надо знать, как это сделать. Прекратить раскол, значит слить в одну организацию. И кто хочет действительно приблизить прекращение раскола, тот должен не ограничиваться жалобами, упреками, попреками, восклицаниями, декламацией по поводу раскола (как ограничивается этим Рабочий, а также, напр., Плеханов со времени его нахождения в болоте), — тот должен приняться немедленно за выработку типа этой общей, единой организации.

Слабое место письма Рабочего именно то, что автор только о плакивает раскол, а прямых предложений прекратить его посредством принятия таких-то организационных норм не делает. Вместо того, чтобы исправить этот недостаток, «Искра» усиливает его, начиная в «паническом страхе» кричать: «кулак!» по поводу одной только мысли Рабочего об обязательном признании общих организационных норм!! Раскол не оправдывается разногласиями, говорит Рабочий. Верно, соглашается «Искра». Значит, надо свить теперь такую крепкую веревку (ай-ай! как грубо-механически я выражаюсь! какая «кулацкая» идея! Но минуточку терпения, товарищи из «Искры», не торопитесь падать в обморок по поводу «мертвой петли» и прочих ужасов!), которая бы прочно связала обе части и держала их связанными, несмотря на тактические разногласия, — продолжает Рабочий.

В ответ на это «Искра» опять впадает в истерику и кричит: кулак!

А мы в ответ на это, скажем: правильно, тов. Рабочий! Вы рассуждаете дельно. Нужна новая, крепкая веревка. Но идите же дальше, сделайте следующий шаг: начните думать о том, какова именно должна быть эта веревка, какова именно должна быть общая организация, обязательная (караул! опять кулак!) для обеих частей?

Тов. Рабочий недостаточно далеко пошел в смысле определенности своих организационных предложений (ибо вопрос о прекращении раскола есть исключительно организационный вопрос, если обе стороны признают, что тактические разногласия не

оправдывают раскола!), — а «Искра» находит, что он слишком далеко пошел, до того далеко, что она подняла опять крик о кулаке!!

Мы спрашиваем еще раз читателей: что же означает в самом деле этот пресловутый кулак, пугающий, можно сказать, до «родимчика», новую «Искру»? Выражает ли этот кулак определенные организационные идеи или просто слепой и смешной интеллигентский страх перед всякими «узами» всякой обязательной для всех членов партии организации?

Предоставляем сознательным рабочим решить этот вопрос, а сами пойдем дальше.

Действительная трудность слияния, если предположить, что обе стороны искренно хотят его, состоит вот в чем. Во-1-х, надо создать организационные нормы, устав партии, безусловно для всех обязательный; во-2-х, надо слить все параллельные, конкурирующие местные и центральные организации и учреждения партии.

Первую задачу попытался решить до сих пор только III съезд Р. С.-Д. Р. П., создавший устав, который дает конституционные гарантии прав всякого меньшинства. III съезд позаботился о местечке, если можно так выразиться, для всякого меньшинства в партии, признающего программу, тактику и организационную дисциплину. Большевики позаботились дать определенное место в единой партии и меньшевикам. Со стороны меньшевиков мы этого не видим: их устав не дает никаких конституционных гарантий прав всякого меньшинства в партии.

Само собою разумеется, ни один большевик не считает устава, принятого на III съезде, идеальным и непогрешимым. Кто считает необходимым изменить его, должен выступить с проектом точно определенных изменений, — это будет деловым шагом к прекращению раскола, это будет нечто большее, чем жалобы и попреки.

Нам скажут, пожалуй: почему мы не начинаем сами этого дела по отношению к уставу «конференции»? Мы ответим, что мы начали его: см. «Пролетарий» № 6, «Третий шаг назад» *). Мы готовы говорить и еще раз те основные организационные начала, признание которых необходимо, на наш взгляд, для слияния: 1) Подчинение меньшинства большинству (не смешивать с меньшинством и большинством в кавычках! речь идет о принципе организации партии вообще, а о не слиянии «меньшинства» и «большинства», о чем будет речь дальше. Можно себе, отвлеченно говоря, представить слияние в такой форме, что и «меньшевиков» и «большевиков» будет поровну, но и такое слияние невозможно без признания принципа обязанности подчинения меньшинства большинству). 2) Верховным органом

*) См. выше 256 — 258 стр. этого тома. Р е д.

партии должен быть съезд, т.-е. собрание выборных от всех полноправных организаций, при чем решение этих выборных должно быть окончательно (это—принцип демократического представительства в противоположность началу совещательных конференций и голосования их решений по организациям, т.-е. плебисцита). 3) Выборы центрального учреждения партии (или центральных учреждений ее) должны быть прямые и происходить на съезде. Выборы не на съезде, выборы двустепенные и т. д. недопустимы. 4) Вся партийная литература, как местная, так и центральная, должна быть безусловно подчинена и партийному съезду и соответствующей центральной или местной организации партии. Существование партийной литературы, не связанной организационно с партией, недопустимо. 5) Понятие членства в партии должно быть совершенно точно определено. 6) Права всякого партийного меньшинства должны быть равным образом точно определены в уставе партии.

Таковы, по нашему мнению, безусловно обязательные организационные начала, без признания коих слияние невозможно. Мы желали бы выслушать по этому вопросу мнение тов. «Рабочего, одного из многих» и вообще всех сторонников слияния.

А вопрос об отношениях комитетов к перифериям? о выборном начале? спросят нас. Мы ответим, что основных организационных начал нельзя усмотреть в этом вопросе, раз не выдвигается безусловно проведение выборного начала. А этого меньшевики не выдвинули. При политической свободе выборное начало будет необходимо, а теперь и устав «конференции» не вводит его для комитетов. То или иное определение прав и полномочий периферии — вопрос не принципа (разумеется, если осуществлять на деле то, о чем говорится, если не заниматься демагогией не давать лишь «красивых слов»). III съезд Р. С.-Д. Р. П. попытался точно определить понятия комитета и периферии, определить отношения между ними. Всякие предложения определенных изменений, дополнений, сокращений были бы вполне хладнокровно обсуждены всяким большевиком. В нашей среде «непримиримых» на счет того или другого пункта в этом вопросе, насколько я знаю, нет, и протоколы III съезда подтвердят это утверждение.

Дальнейший и, пожалуй, не менее трудный вопрос: как именно слить все параллельные организации? При политической свободе это было бы легко, раз налицо имелись бы партийные организации с определенным числом точно известных членов. Не то при тайной организации. Определение членства тем труднее, чем легкомысленнее иногда понимают это членство, чем чаще прибегают к демагогии, к фиктивному зачислению в партию несознательных. Мы думаем, что решающий голос в вопросе о средствах преодоления этих трудностей должен принадлежать местным товарищам, хорошо знающим положение дел. Временное изъятие членов:

организаций для «командировок» в тюрьму, ссылку, за границу есть тоже затрудняющее обстоятельство, которое необходимо принять во внимание. Затем, немалую трудность представляет, разумеется, слияние центральных учреждений. Без единого руководящего центра, без единого центрального органа действительное единство партии невозможно. Тут вопрос стоит так: или сознательным рабочим удастся заставить тех, кто является меньшинством партии на деле (не смущаясь никакими воплями о «кулаке»), проводить свои взгляды без дезорганизации работы, в органах местных комитетов, на конференциях, съездах, собраниях и т. д.; или же сознательные рабочие-социал-демократы не осият теперь этой задачи (вообще говоря, они непременно и неизбежно осият ее: за это ручается все рабочее движение России), — и тогда между конкурирующими центрами, между конкурирующими органами возможны будут лишь соглашения, а не слияние.

В заключение повторим еще раз: тов. Рабочий и его единомышленники должны стремиться к осуществлению своей цели не путем жалоб и обвинений и не путем образования новых, третьих партий или групп, кружков и т. д. (вроде того, какой основал теперь Плеханов с своим новым партийным издательством вне партии). Образование третьей партии или новых групп, только усложнит и запутает дело. Надо приняться за разработку конкретных условий слияния: когда за это возьмутся все группы и организации партий, все сознательные рабочие, они сумеют безусловно и несомненно выработать разумные условия, и не только выработать, но и заставить верхи партии (не смущаясь воплями о кулаке) подчиниться этим условиям.

В дополнение к письму тов. Рабочего мы печатаем Открытое письмо Ц.К. Р. С.-Д. Р. П. к Организационной Комиссии *), как первый приступ к деловому решению вопроса о возможном прекращении раскола.

За подписью:

Редакция «Пролетария». Июль 1905 г.

*) См. II приложение к этому тому. Р е д.

А в г у с т.

Бойкот Булыгинской Думы и восстание.

Современное политическое положение в России таково. Возможен близкий созыв Булыгинской Думы, т.-е. совещательного собрания представителей помещиков и крупной буржуазии, выбранных под надзором и при содействии слуг самодержавного правительства на основе такого грубо-цензового, сословного и непрямого избирательного права, которое является прямо издевательством над идеей народного представительства. Как держаться по отношению к этой Думе? Либеральная демократия дает два ответа на этот вопрос: левое крыло ее, в лице «Союза Союзов», т.-е. главным образом представителей буржуазной интеллигенции, высказывается за бойкот этой Думы, за то, чтобы в выборах не участвовать и использовать момент для усиленной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права. Правое крыло ее, в лице июльского съезда земских и городских деятелей, или, вернее, в лице известной части этого съезда — против бойкота, за участие в выборах, за проведение в Думу возможно большего числа своих кандидатов. Правда, никакого решения по этому вопросу съезд еще не вынес, отложив дело до следующего съезда, который должен быть созван по телеграфу после обнародования Булыгинской «конституции». Но мнение правого крыла либеральной демократии достаточно уже определилось.

Революционная демократия, т.-е. главным образом пролетариат и его сознательная выразительница, социал-демократия, высказывается безусловно, в общем и целом, за восстание. Это различие тактики верно схвачено органом либерально-монархической буржуазии, «Освобождением», в последнем (74) номере которого, с одной стороны, решительно осуждается «открытая проповедь вооруженного восстания», как «безумная и преступная», а с другой стороны, критикуется идея бойкота, как «практически-бесплодная», и выражается уверенность, что не только земская фракция конституционно-«демократической» (читай: монархи-

ческой) партии, но и союзы союзов «выдержат свой государственный экзамен», т.-е. откажутся от идеи бойкота.

Спрашивается, как должна отнестись партия сознательного пролетариата к идее бойкота и какой тактический лозунг должна она выдвинуть на первый план перед народными массами? Чтобы ответить на этот вопрос, надо припомнить прежде всего, в чем состоит сущность и коренное значение Булыгинской «конституции». В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной совершенно безвредной для самодержавия якобы-конституционной подачи должны быть постепенно разъединены с революцией, т.-е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием. Так как вся наша конституционно-«демократическая» партия жаждет сохранения монархии и верхней палаты (т.-е. обеспечения заранее в государственном строе страны политических привилегий и политического господства «верхних десяти тысяч» богатеев), — то возможность такой сделки не подлежит сомнению. Более того: в той или иной форме, рано или поздно, такая сделка, по крайней мере, с частью буржуазии, неизбежна, ибо она предписывается самым классовым положением буржуазии в капиталистическом строе. Вопрос только в том, когда и как состоится эта сделка, и вся задача партии пролетариата — по возможности отдалить момент ее заключения, по возможности разделить буржуазию, извлечь наибольшую пользу для революции из временных обращений буржуазии к народу, подготовить за этот период силы революционного народа (пролетариата и крестьянства) для насильственного ниспровержения самодержавия и для отстранения, нейтрализации предательской буржуазии.

В самом деле, сущность политического положения буржуазии, как мы уже не раз указывали, состоит в том, что она стоит между царем и народом, желая сыграть роль честного маклера, подкрасться к власти за спиной борющегося народа. Поэтому буржуазия сегодня обращается к царю, завтра к народу, к первому с «серьезными, деловыми» предложениями политического гешефта, ко второму — с пустыми фразами о свободе (речи г. И. Петрункевича на июльском съезде). Нам выгодно, чтобы буржуазия обращалась к народу, ибо таким обращением она дает материал для политического пробуждения и политического просвещения таких отсталых и таких широких масс, пытаться охватить которые социал-демократической агитацией было бы пока пустой утопией. Пусть буржуазия встряхивает наиболее отсталых, пусть кое-где взрывает почву, — мы будем неустанно сеять соц.-дем. семена в эту почву. Везде на Западе буржуазия для борьбы с самодержавием вынуждена была будить политическое самосознание народа, стремясь в то же время посеять семена буржуазных теорий в рабочий класс. Наше дело — пользоваться разрушительной работой буржуазии по отношению к самодержавию

и неуклонно просвещать рабочий класс относительно его социалистических задач, относительно враждебной непримиримости его интересов с интересами буржуазии.

Отсюда ясно, что наша тактика должна состоять в настоящий момент, во-первых, в поддержке идеи бойкота. Самый вопрос об этом бойкоте есть вопрос внутри-буржуазной демократии. Рабочий класс тут прямо не заинтересован, но он безусловно заинтересован в поддержке той части буржуазной демократии, которая революционнее, он заинтересован в расширении политической агитации и обострении ее. Бойкот Думы — есть усиленное обращение буржуазии к народу, развитие ее агитации, увеличение числа поводов для нашей агитации, углубление политического кризиса, т.-е. источника революционного движения. Участие либеральной буржуазии в Думе — есть ослабление ее агитации в настоящем, обращение ее более к царю, чем к народу, приближение контр-революционной сделки между царем и буржуазией.

Спора нет, Булыгинская Дума, если даже она не будет «сорвана», сама породит в будущем неизбежные политические конфликты, которыми непременно должен будет воспользоваться пролетариат, но это — вопрос будущего. Смешно было бы «зарекаться» утилизировать эту буржуазно-чиновничью Думу в целях агитации и борьбы, но теперь вопрос не в том. Теперь левое крыло самой буржуазной демократии выдвинуло вопрос о прямой и непосредственной борьбе с Думой путем бойкота и мы должны употребить все усилия, чтобы помочь этому более решительному натиску. Мы должны ловить буржуазных демократов, освобожденцев, на слове: распространять как можно шире их «петрункевичевские» фразы об обращении к народу, изобличать их перед народом, показывая, что первой и самой маленькой проверкой на деле этих фраз явился как раз вопрос, бойкотировать ли Думу, т.-е. обратиться с протестом к народу, или принять Думу, т.-е. отказаться от протеста, пойти еще раз к царю, принять издевательство над народным представительством.

Далее, во-вторых, мы должны приложить все усилия, чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов. Эта идея довольно широко уже распространена, если мы не ошибаемся, среди работающих в России товарищей, выражающих свою мысль словами: **а к т и в н ы й** бойкот. В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удешевление агитации, устройства собраний везде и всюду, утилизацию избирательных собраний хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п. Само собою разумеется, что в целях агитации и борьбы по такому поводу особенно целесообразны допущенные вообще рядом решений нашей партии, временные соглаше-

ния с теми или иными группами революционной буржуазной демократии. При этом мы должны, с одной стороны, неуклонно охранять классовую особность партии пролетариата, ни на минуту не оставляя социал-демократической критики наших буржуазных союзников. С другой стороны, мы не исполнили бы своего дела, как партия передового класса, если бы не сумели выдвинуть в агитации передового революционного лозунга в данный момент демократической революции.

Это составляет третью нашу непосредственную и ближайшую политическую задачу. «Активный бойкот», как мы уже сказали, есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением. Но такая работа немыслима без ясного, точного, прямого лозунга. Таким лозунгом может быть только вооруженное восстание. Созыв правительством грубо-поддельного «народного» представительства дает великолепные поводы для агитации за настоящее народное представительство, для разъяснения самым широким массам, что созвать это настоящее представительство может теперь (после таких обманов царя и такой издевки его над народом) лишь Временное Революционное Правительство, для учреждения которого необходима победа вооруженного восстания, фактическое свержение царской власти. Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить, и для такой агитации необходима также полная ясность относительно программы Временного Революционного Правительства. Такой программой должны быть уже намеченные нами ранее («Пролетарий» № 7. «Революционная армия и революционное правительство») ш е с т ь пунктов: 1) созыв все-народного Учредительного Собрания; 2) вооружение народа; 3) политическая свобода — немедленная отмена всех законов, противоречащих ей; 4) полная, культурная и политическая свобода всем угнетенным и неполноправным народностям. Русский народ не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов; 5) 8-ми-часовой рабочий день; 6) учреждение крестьянских комитетов для поддержки и проведения всех демократических преобразований, в том числе и поземельных вплоть до конфискации помещичьих земель *).

Итак: самая энергичная поддержка идеи бойкота; изобличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т.-е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения Временного Революционного Правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обяза-

*) См. выше, стр. 271 этого тома. Р е д.

тельной программы этого Временного Революционного Правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий.

Такова должна быть тактика партии сознательного пролетариата. В целях полного выяснения этой тактики и достижения единства ее мы должны еще остановиться на тактике «Искры». В № 106 она изложена в статье «Оборона или наступление». Не останавливаясь на мелких и частных загногласиях, которые сами собой отпадут при первых попытках перехода к делу, отметим коренное разногласие. Справедливо осуждая пассивный бойкот, «Искра» противопоставляет ему идею немедленной «организации революционного самоуправления», как «возможного пролога восстания». Мы должны, по мнению «Искры», «захватить себе право избирательной агитации путем учреждения рабочих агитационных комитетов». Эти комитеты «должны поставить себе целью организовать выбор народом своих уполномоченных революционных депутатов вне тех «законных» рамок, которые будут установлены министерскими проектами», мы должны «покрыть страну сетью органов революционного самоуправления».

Подобный лозунг никуда не годится. Он представляет из себя путаницу с точки зрения политических задач вообще и льет воду на мельницу освобожденства с точки зрения данного политического положения. Организация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не пролог, а эпилог восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить Временное Революционное Правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления. Заслонить или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто вроде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух. Если бы одесским товарищам в знаменитые одесские дни посоветовали в виде пролога восстания не организацию революционной армии, а организацию выборов одесским народом своих уполномоченных, то одесские товарищи, разумеется, осмелили бы такое предложение. «Искра» повторяет ошибку экономистов, хотевших видеть в «борьбе за права» пролог к борьбе с самодержавием. «Искра» возвращается к злоключениям несчастного «плана земской кампании», заслонявшего лозунг восстания теорией «высшего типа демонстрации».

Здесь не место останавливаться на источнике этой тактической ошибки «Искры», — отсылаем интересующихся к брошюре Н. Ленина:

«Две тактики социал-демократии в демократической революции» *). Здесь важнее указать, каким образом новоискровский лозунг сбивается на лозунг освободенский. На практике попытки организовать до победы восстания выбор народом своих уполномоченных будут целиком на руку освободенцам и выролятся в то, что социал-демократы окажутся в хвосте у них. Рабочим и народу самодержавие, пока оно не заменено Временным Революционным Правительством, не даст произвести никаких выборов, сколько-нибудь заслуживающих названия народных (а на комедию «народных» выборов при самодержавии социал-демократия не пойдет), — а освободенцы, земцы, гласные произведут выборы и бесцеремонно выдадут их за «народные», за «революционное самоуправление». Вся позиция либерально-монархической буржуазии состоит теперь в том, чтобы попытаться миновать восстание, заставить самодержавие признать земские выборы за народные без победы народа над царизмом, превратить земское и городское самоуправление в «революционное» (в петрункевичевском смысле) «самоуправление» без настоящей революции. В № 74 «Освобождения» эта позиция выражена превосходно. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, уверяющего, что проповедь восстания «деморализует» и армию и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать свое право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только «общественного мнения» «правительство будет вынуждено делать все новые и новые уступки пока, наконец, ему некуда будет идти дальше, и оно будет принуждено передать власть Учредительному Собранию, избранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, как того требует общество»... (! с верхней палатой?). «В этом мирном (!!) переходе власти от теперешнего правительства к Всенар. Учр. Собранию, которое организует государственную и правительственную власть на новых началах, нет решительно ничего невероятного». И эта гениальная философия пресмыкающейся буржуазии дополняется советом: привлекать на свою сторону армию, особенно офицеров, учредить народные милиции «явочным порядком», организовать органы местного самоуправления (читай: помещиков и капиталистов), как «элементы будущего Временного Правительства».

В этой путанице есть смысл. Буржуазия именно того и хочет, чтобы власть перешла к ней «мирно», без народного восста-

*) Перепечатано выше в этом томе. Ред.

ния, которое может, пожалуй, победить, завоевать республику и настоящую свободу, вооружить пролетариат, поднять миллионы крестьянства. Заслонять лозунг восстания, отговариваться от него и отговаривать других, советовать в виде «пролога» немедленную организацию самоуправления (доступную только Трубецким, Петрункевичам, Федоровым и К^о), — это именно то, что нужно для буржуазного предательства революции, для сделки с царем (монархия и верхняя палата) против «черни». Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы.

Социал-демократическая маниловщина «Искры» выражает лишь недомыслие части социал-демократов и уклонение их от единственной революционной тактики пролетариата: беспощадно разоблачать буржуазно-оппортунистические иллюзии, будто возможны мирные уступки царизма, будто осуществимо самоуправление без свержения самодержавия, будто возможны выборы народом своих уполномоченных в виде пролога восстания. Нет, мы должны ясно и решительно показывать необходимость восстания при теперешнем положении дел, прямо звать к восстанию (не определяя, разумеется, заранее момента его), звать к немедленной организации революционной армии. Только самая смелая, широкая организация такой армии может быть прологом восстания. Только восстание может на деле обеспечить победу революции, — при чем, разумеется, тот, кто знает местные условия, всегда будет предупреждать от преждевременных попыток восстания. Только эпилогом победоносного восстания может быть действительная организация действительно народного действительно самоуправления.

*«Пролетарий» № 12,
от 3 августа 1905 г.*

Свидание в Бьеркоэ.

«Нет, монархия отличнейшая вещь!» думает канцлер Бюлов ¹⁷¹⁾, купая свое белое помещичье тело в волнах Северного моря. «Извольте одурачить целую страну! это трудно! Но когда у этой страны одна голова, и притом тупая, голова какого-нибудь Коко, тогда дело меняется. Война России с Японией гибельна для России, она уничтожает ее, как великую державу, и отдает Францию нам на милость! Еще полгода войны, парочка Мукденов, и я прикажу Рувье ¹⁷²⁾ ежедневно чистить мне сапоги! Успехи Японии во всяком случае ослабляют ее, а главное, они вскружат ей голову; она потребует так много, что Франции и Англии станет жутко, и можно будет обделать дельце для совместной

защиты захваченных нами китайских местечек на солнце. Но как можно убедить Россию продолжать войну? Кто же там может верить в успехи бездарной, жадной, легкомысленной шайки безобразовцев ¹⁷³)? Кто, кроме обер-Безобразова Коко? И как легко моему Вильгельму парой романтических фраз настроить как угодно эту убитую голову! Надо только вбить в эту тупую башку, что он должен выбросить кусок пирога либералам и вместе с ними придушить революцию. Тогда мы может вместе с французами поместить еще несколько миллиардов в предприятие Романовых и Комп., — вернее, Гольштин и Комп. Предприятие пойдет, пресс опять начнет работать и выдавливать соки из русского народа, и на всех нас хватит — и на немцев — и на француз^{ов}, и на Гольштинцев в разноцветных штанах и мундирах, и на либералов. И даже революционеру Пентрункевичу можно будет позволить делать революцию... Все-таки приличнее!»...

Приятные мысли! — И канцлер фыркает в воде и шаловливо плещется.

А, между тем, из Петергофа воровски крадется на свидание к милудругу наш Николай. Целая флотилия лодок, наполненных преданнейшими шпионами, окружает шлюпку, стрелой несущуюся, словно сама смерть гонится за нею, к яхте «Полярная Звезда».

И они увиделись. Наглый фанфарон с задранными кверху усами, беспокойный, бестактный, мечтающий об обмане и насилии, с детства привыкший считать идеалом людей крови и железа, людей грубой, беззастенчивой хитрости дикаря, и — наш блаженный, наше посмешище! Разве не посмешище! Вспомните только ответ Трубецкому: «Я сам смотрю и стою за этим делом, — безграмотно лепетал субалтерн-офицер Николай Романов: — скажите это тем, кто живет на земле и на небе... то бишь в городах!».

Сколько крови оросило уже эту чахлую фигуру, но вся кровь эта не может придать ему ничего трагического: сколько дурака кровью ни поливай, дурак дураком останется.

Но ведь вот что возмутительно: съехались два дурных и неумных человека, которых вряд ли стали бы держать при нормальных условиях в канцелярии какой-нибудь, съехались и таинственно калякают. И смотрите, Европа, вся Европа с ее миллионами населения, ее трудом и гением, ее наукой, ее силой — волнуется, ломает голову, ждет беды. И рабочий класс, великий класс, спаситель человечества, творец лучшего будущего и источник всех богатств настоящего — не может быть равнодушным к тому, о чем толкуют у острова Бьеркоэ два дурных и неумных человека. Наглая хитрость одного и тупоумие другого могут быть роковыми для тысяч людей, решат то, будут ли убиты одни тысячи русских и японцев в Маньчжурии, будут ли разорены другие тысячи.

Но если, опираясь на наследие прошлого, эти двое могут наделать еще много несчастий, то остановить железного хода вещей они не могут. Великая метла метет и сметет вас в мусорную яму вместе с вашими побрякушками и вашей надменностью!

Вильгельм может уверить свою жертву, Николая, что Линевиц ¹⁷⁴⁾ наверное победит Ойяму, он может успокоить его насчет либералов: «Я знаю моих либералов! Им надо давать на чай, и потом можно их хоть по щекам бить. Их нельзя бояться, потому что они сами боятся революции пуще огня. Но похлопать их по спине можно: «ісі, мол, ісі, к подножию моего престола, я тебе доверие окажу», но в то же время: «а про плетку не забывай, она — вот она!» Все эти разговоры и уверения могут, конечно, произвести на царственном лице всероссийского квартального «даже сияние некое», вроде того, которое исходило от лица Моисея после беседы его с богом на Синае; но... что из того? Ойяма опять разобьет на-голову Линевица, встанут и самые забытые мужики, поднимется весь народ, бурей сметет трон и отведет свои границы буржуазии, а Вильгельм с Бюловым будут только глазами хлопать и, ухватившись за конституцию, напрягать усилия, чтобы и их не снесло горячим ветром, который дохнет на Европу из русских широких долин.

И Вильгельм, и Николай, хитря и упорствуя, составляя заговоры против свободы — служат ей же! Еще если бы Вильгельм посоветовал мир и умеренную конституцию — кто знает, не удалась ли бы эта комбинация? — Но, преследуя свои корыстные цели и околпачивая «любезного брата», Вильгельм является марионеткой в руках истории и готовит себе скверные сюрпризы.

Они шепчутся там и сговариваются без него, без народа, без рабочих, но каковы бы ни были результаты их беседы — они будут в конце-концов нам выгодны. «С нами бог!» — шепчет царь. Нет! твой бог — пустая сказка твоих попов, но с нами законы истории, за нас неизбежное будущее, и что бы ты ни делал, что бы ни делали твои советники и приспешники, — все вы роете глубокую могилу для монархии.

*«Пролетарий» № 12,
от 3 августа 1905 г.*

«Они не оправдали ни надежд, ни опасений».

«Они не оправдали ни надежд, ни опасений», — сказал, как передают некоторые газеты, Вильгельм II о последнем съезде представителей земств и дум. Если он даже и не сказал этого, то безусловно мог сказать.

Каковы могли быть надежды «друга царя и России» по отношению к либералам? Он надеялся, очевидно, что они проявят «государ-

ственную мудрость», что они, напуганные черными сотнями и стихийными крестьянскими взрывами, свирепой решимостью реакции и наступающей революционной грозой, предложат «престолу» самые умеренные требования и поспешат сплотиться вокруг «венценосного вождя» на благо «дорогому отечеству»; Вильгельм надеялся на то, что земцы поймут возможность создать «сильное и либеральное правительство» при помощи немедленного полюбовного соглашения между теми, чьи привилегии уже рушатся, и теми, чьи привилегии революция может снести завтра. Но либералы не оправдали надежд, — несмотря на страхи со всех сторон — они поняли, что правительству еще страшнее, они учли грозные симптомы недовольства во флоте и в армии и «запросили», или, вернее выразиться, заявили, что они требуют своей конституции «без запроса».

Тут-то должны были выступить в рыцарственном сердце Вильгельма и всех рыцарей реакции всего мира — о п а с е н и я! «Конечно, думали они: из того, что Мымрецову не приказали немедленно не «пускать» либералов, куда им хочется, и «тащить» их, куда им не хочется — еще не следует, чтобы правительство было бессильно перед ними. Несравненно тактичнее показать земцам, что, видя чрезмерно даже кавалерское отношение и терпимость к ним власти, народ, с а м «н а р о д» начнет ломать их кости. Правительству есть чем пугать земцев: искусственные и естественные жакерии и погромы при равнодушии войск и полиции — вещь очень неприятная... Все это так. Но, ведь, это г р а ж д а н с к а я в о й н а! Если в одном уезде Саратовской губернии науськанные земским начальником громилы готовы сокрушить ребра н е п о к о р н ы м сынам отечества, то, ведь, в уезде рядом крестьяне могут жечь экономии самых что ни на есть в е р н ы х и л ю б и м ы х его сынов и даже отцов отечества. Гражданская война — вещь очень обоюдоострая, особенно, когда меч, который держит в руках правительство, — его армия — сам обоюдоостр, и при размахивании им размахивающий ежеминутно наносит себе чувствительные раны». С опасением прислушивались к господам Петрункевичам реакционные хищные птицы. Но они не оправдали опасений!

Печальный и траурный принц Гамлет — российский либерал — пролил слезы по поводу того, что «пала связь времен», что «свершаются кровавые злодеяния», — но, в конце-концов, на вопрос: «что же вы пустите в ход, принц?» — он, земско-думский Гамлет, может ответить лишь: «Слова, слова, слова!»

Маленькая историческая картинка: Ледрю-Роллэн ¹⁷⁶) и его маленькая «Гора» (в отличие от большой Горы Конвента) были все же повыше ростом, чем Петрункевич и его земский «Пригорочек». И вот 12 июня 1849 г. эта Гора решила бросить «страшное обвинение» против Лак-

росса и других министров, которые не совершили, конечно, миллионной доли преступлений нашего правительства. Правительственное большинство в палате холодно отвергло «страшное обвинение». Тогда Гора с воплями, разъяренная бросилась из залы заседания и собралась отдельно. «И вот, — говорит Маркс: — Гора решилась заставить уважать конституцию, не останавливаясь ни перед какими средствами, «исключая только силу оружия». И Маркс разъясняет: «Гора хотела сокрушить мощь буржуазии, не развязывая руки пролетариату, показывая его только в перспективе; она хотела пользоваться услугами пролетариата, не делая его опасным».

Вот, вот оно самое! В борьбе с правительством наш «Пригорок» посоветовал съезду либералов «показать народ в перспективе, воспользоваться его услугами, не делая его опасным».

Если правительство уже с опаской машет своим обоюдоострым мечом, то земцы и в руки его взять не желают, не затупив. Только того и не поняли земцы, что, делая меч тупым, отказываясь вооружить народ, они стремятся сделать его безопасным не только для себя, но и для врага своего. Вильгельм это понял, и, потирая руки, сказал Николаю: «Они не оправдали опасений».

Вильгельм это понял, но некоторые социал-демократы не поняли этого.

Когда Россия спала мертвым сном, и только через передовых пролетариев, только пролетарская вольная пресса громко говорила к народу и пробуждала его, — тогда она зывала также к либералам: она подхватывала каждое невольно вырвавшееся слово негодования и недовольства, она хотела тормозить все классы, заставить их ожить и действовать каждого по-своему: все живые классы являлись союзниками в будущем, все они должны были способствовать в разной мере крушению самодержавия. Россия медленно просыпалась. Но гром пушек Порт-Артура, Ляояна и Цусимы ускорил пробуждение. Недавно еще, однородно придавленное и пассивное, общество начало жить и разбиваться на группы. Свершилось: русский либерал, русский демократ, русский рабочий дошли каждый до своего предела, показали свое лицо, свою сущность. Либералы должны были осудить бесповоротное самодержавие, отторгнуть от него имущие классы, на тысячу ладов доказав им, как невыгодно, даже пагубно оно для них. И в то же время либералы неминуемо должны были занять враждебную позицию к революции. Грозя ей правительству, они отреклись от нее в ужасе, они занялись маклерством, они стали добиваться уступок от правительства, чтобы потом вместе с ним остановить революционный поток.

И социал-демократия объявила им войну. Она стала энергично срывать с них маску всюду, где могла. Как союзник революции, либерал был уже обесценен, было ясно, что он не хочет и не может быть ей полезен, но как завтрашний союзник сильного правительства — он стал опасен. Либерал употребляет все усилия, чтобы революция закончилась выкидышем, он проповедует умеренность, он обвиняет революционеров в жестокости, в напрасных кровопролитиях, он старается развратить народ, доказывая ему, что революционеры ведут его на бойню, ради журавля в небе, в то время, как они, либералы, дадут ему синицу в руки почти даром. Между тем эта либеральная «синица» есть своекорыстная антинародная конституция, способная затормозить революционный прогресс России.

Каково должно быть, каково только и может быть отношение социал-демократии к либералам? — Борьба! О, конечно, рабочие не станут колотить земцев по примеру тамбовских и саратовских полтинных патриотов, но рабочий класс сделает все от него зависящее, чтобы не допустить либералов к кормилу правления, ибо это будет означать сильную власть, это будет значить — русский Кавеньяк ¹⁷⁸), или русский Наполеон III.

Но подите же вы! самая умная мысль в неумной голове может привести к престранным выводам. «Революция будет буржуазной!», да, она не будет социалистической, она не может сразу уничтожить капитал, частную собственность на орудия производства. Но революция может быть и должна быть демократической, она должна дойти до конца,—но конец, высший предел буржуазной революции, есть в то же время начало революции социальной, ибо он создает все те предпосылки дальнейшей победоносной борьбы пролетариата, требования которых мы выставили в нашей программе-minimum. Такая революция, оставаясь буржуазной, решительнейшим образом направлена против буржуазии, а потому сама капиталистическая буржуазия никогда и ни при каких условиях ее не сделает. Французские конституционалисты Великой Революции воображали, что при помощи «давления снизу извне» они заставят короля Людовика XVI без измены довести до конца революцию, направленную прямо против него! Полюбуйтесь же теперь на социал-демократов, которые верят, что можно отдать в руки буржуазных либералов государственную власть и, давая извне, «снизу», заставить их рыть себе могилу!

Вот что читаем мы в № 105 «Искры»:

«Пролетариат может только пожелать, чтобы представители имущих классов вступили решительно на этот путь *). Он может только

*) Обращение к народу.

пожелать, чтобы и они, в свою очередь, сделали кое-что для вовлечения нации в острый конфликт с силами реакции, конфликт, который, разумеется, не удастся разрешить одним «косвенным сопротивлением», одной «изоляцией» Николая Романова. И пролетариат весь, как один человек, поддержит революционную инициативу конституционалистов, если они в один прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнять требования народа, отвергаемые монархией».

Вы думаете, читатели, что «Искра» не знает, что такое временное правительство будет напрягать все свои силы против народа? Что оно изменит ему, вооруженное всем, что сможет оно захватить в свои руки, благодаря полной поддержке трижды наивного пролетариата? Что оно либо продаст его правительству, с которым должно бороться, либо постарается раздавить самостоятельно, как сделали это подобные же правительства в 1848 и в 1871 г.г.? Нет! «Искра» знает это: в № 106 напечатано, тоже в передовой статье:

«Нужно иметь слишком много наивной веры в имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократии, чтобы не предвидеть заранее того момента, когда именно против этих низших классов, весом своего стихийного движения вынудивших правительство к уступкам, встанут все умиротворенные слои оппозиции».

О, конечно, «Искра» представит либералам свои «требования», и либералы должны будут дать вексель ей на гербовой и на л а к м у с о в о й бумаге и поклясться при этом — бородой тов. Старовера!

Конечно, пишет «Искра»: «пролетариат поддержит, поставив свои условия, и во главе этих условий будет стоять: разоружение реакции, вооружение народа, созыв Всенародного Учредительного Собрания. Попытка «пожаловать» народу июльскую двухпалатную конституцию ¹⁷⁷⁾ с одним монархом будет, разумеется, встречена пролетариатом такой же борьбой, как и попытка Булыгина.

Превосходно Ну, а если либералы все же сделают «попытку», то как полагает глубокомысленный передовик «Искры», чем заменят тогда пролетарии «либеральное временное правительство», грозящее народу пожалованием «июльской конституции»? Что-нибудь одно: либо пролетариат имеет силы, чтобы в союзе с демократами более народными создать собственное временное правительство, либо он не имеет для этого сил. Если имеет, то спрашивается, на кой чорт станет он доверять временное правительство той части буржуазии, против которой неминуемо, — этого не скрывает ни один социал-демократ, — неминуемо обернется дальнейший ход революции? Если

же не имеет, то зачем же хитрить? Тогда ясно, что нашей «встречи» не побоятся и июльскую конституцию нам пожалуют. А мы между тем уже усилим либеральную буржуазию. Она нам пообещает всего, чего угодно, а потом, разоружая «реакцию», уж, конечно, оставит ружья и артиллерию в руках тех полков и бригад, на которые она сможет рассчитывать; «вооружая народ», она вооружит новую *garde mobile*. В 1848 году, когда буржуазия создала, между прочим, отчасти из рабочей молодежи мобильную гвардию, рабочие радостно приветствовали новое войско. Оно зверски расстреливало их в июне. Почему? Потому что организация и командование были в руках буржуазии.

Веря слову врага, давать ему власть, — требовать от него, ждать от него, что он будет служить той революции, которая несет ему смерть, — это план премудрый! Если бы Вильгельм узнал про него, он много бы хохотал и сказал бы: «русские социал-демократы не внушают никаких опасений и превосходят все надежды!»

Нежности мы к «Искре» никакой не чувствуем, но хочется думать, что это какое-то прискорбное недоразумение. Ведь это хуже земской кампании! Хочется думать, что это недосмотр! Однако, ведь, «Искра» и раньше уже много раз делала из положения: «нам предстоит буржуазный переворот» тот чудовищный вывод, что именно буржуазии, либералам, будет и должна принадлежать первая роль в революции, а мы должны только поддерживать их, доставить им условия, точь-в-точь как Луи-Бланы 1848 года.

*«Пролетарий» № 13,
от 9 августа 1905 г.*

«Единение царя с народом и народа с царем».

В № 12 «Пролетария», вышедшем 3 (16) августа, мы говорили о возможности близкого созыва Булыгинской Думы и разбирали тактику социал-демократии по отношению к ней *). Теперь Булыгинский проект стал законом, и манифест 6 (19) августа ¹⁷⁸⁾ возвестил о созыве «Государственной Думы» «не позднее половины января 1906 года».

Как раз к годовщине 9-го января, когда петербургские рабочие своей кровью запечатлели начало революции в России и свою решимость отчаянно биться за ее победу, — как раз к годовщине этого великого дня царь собирается созвать самым грубым образом подделанное, через полицейские сита просеянное собрание помещиков, капиталистов, ничтожного числа богатых и холопствующих перед начальством кре-

*) См. выше статью: «Бойкот Булыгинской Думы и восстание», Р е д.

стьян. С этим собранием царь намерен совещаться, как с собранием представителей «народа». А весь рабочий класс, все миллионы трудящихся и не имеющих своего домохозяйства, не допускаются ни к какому участию в выборах «народных представителей». Поживем — увидим, оправдается ли этот царский расчет на бессилие рабочего класса...

Пока революционный пролетариат не вооружился и не победил самодержавного правительства, нельзя было и ждать ничего иного, кроме этой, ничего не стоящей царю и ни к чему его не обязывающей, подачки крупной буржуазии. Да и этой подачки, вероятно, не было бы дано в настоящий момент, если бы не надвигался грозно вопрос о войне или мире. Без совещания с помещиками и капиталистами самодержавное правительство не решается ни возложить на народ тяжести безумного продолжения войны, — ни выработать мер, чтобы свалить с плеч богатеев и взвалить целиком на плечи рабочих и крестьян всю тяжесть расплаты за войну.

Что касается самого содержания закона о Государственной Думе, то оно вполне подтвердило самые худшие ожидания. Неизвестно, будет ли еще на деле созвана эта Дума, — подобные подачки нетрудно взять назад и подобных обещаний самодержавные монархи каждой страны давали и нарушали десятки; — неизвестно еще, насколько сумеет эта будущая Дума, если она соберется, а не будет сорвана, стать центром действительно широкой политической агитации в массах народа против самодержавия. Но что самое содержание нового закона о Государственной Думе дает богатейший материал для нашей агитации, для разъяснения сути самодержавия, для разоблачения его классовой основы, для вскрытия всей непримиримости его интересов и интересов народа, для распространения и популяризации наших, революционно-демократических, требований, — это не подлежит ни малейшему сомнению. Можно сказать без преувеличения, что манифест и закон 6 (19) августа должен стать теперь настольной книгой всякого политического агитатора, всякого сознательного рабочего, ибо это действительно «зерцало» всех гнусностей, мерзостей, азиатчины, насилия, эксплуатации, проникающих собой весь социальный и политический строй России. Чуть ли не каждая фраза этого манифеста и этого закона — готовая канва для богатейших и содержательнейших политических комментариев, будящих демократическую мысль и революционное самосознание.

Есть изречение: не тронь — не воняет. Когда читаешь манифест и закон о Государственной Думе, чувствуешь себя так, как будто бы под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времен груды нечистот.

Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой

культуры. На этой канве беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о «неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа. Вот теперь перед нами попытка проявить на деле это «единение» в самой робкой, зачаточной форме, в виде простого совещания с «выборными людьми от всей земли русской». И что же? Сразу оказывается, что «единение царя с народом» возможно только при посредстве армии чиновников и полицейских, оберегающих прочность надетого на народ намордника. Для «единения» нужно, чтобы народ не смел разинуть рта. «Народом» считаются только помещики и капиталисты, допускаемые к двустепенным выборам (они сначала выбирают, по уездам или городским участкам, выборщиков, а выборщики выбирают уже членов Государственной Думы). Крестьяне-домохозяева считаются народом лишь будучи просеяны четырехстепенными выборами под надзором, при содействии и назидании предводителей дворянства, земских начальников, чинов полиции. Сначала домохозяева выбирают членов волостных сходов. Далее, волостные сходы выбирают уполномоченных от волостей, по два от схода. Затем эти уполномоченные от волостей избирают губернских выборщиков. Наконец, эти губернские выборщики от крестьян вместе с губернским выборщиками от помещиков и капиталистов (горожан) выбирают членов Гос. Думы! В общем числе губернских выборщиков крестьяне почти везде составляют меньшинство. Им обеспечено только по выбору одного члена Гос. Думы от каждой губернии обязательно из среды крестьян же, т.-е. 51 место из 412 (в 51 губернии Евр. России).

Весь городской рабочий класс, вся деревенская беднота, батраки, бездомные крестьяне вовсе не участвуют ни в каких выборах.

Единение царя с народом есть единение царя с помещиками и капиталистами с добавлением горстки богатых крестьян и с подчинением всех выборов строжайшему надзору полиции. Нет и речи о свободе слова, печати, собраний, союзов, без которой выборы являются чистой комедией.

Государственная Дума не имеет ровно никаких прав, ибо все ее решения имеют не обязательный, а лишь совещательный характер. Все ее решения идут в Государственный Совет, т.-е. на просмотр и одобрение тех же чиновников. Это — только игрушечная пристроечка к чиновничьему и полицейскому зданию. На заседания Государственной Думы публика не допускается. Отчеты о заседаниях Государственной Думы допускаются к оглашению в печати только тогда, когда заседания не

объявлены закрытыми, а для закрытия достаточно чиновничьего распоряжения, т.-е. отнесения рассматриваемого вопроса министром к числу государственных тайн.

Новая Государственная Дума — это все тот же российский полицейский участок в расширенном виде. Богатый помещик и фабрикант-капиталист (изредка богатый крестьянин) допускаются для «совещания» в «открытые» заседания полицейского участка (или земского начальника, или фабричного инспектора и т. п.); они всегда имеют право повергнуть свои мнения на «благовоззрение» государя императора. . . то бишь, околоточного надзирателя. А «черный народ», рабочие городские и деревенская голь, разумеется, ни на какие «совещания» никогда не допускаются.

Разница только та, что полицейских участков много и все в них шито-крыто. А Государственная Дума — одна, и теперь пришлось опубликовать порядок ее выборов и пределы ее прав. Публикация эта, повторяем, сама уже по себе является превосходным разоблачением всей гнусности царского самодержавия.

С точки зрения интересов народа, Гос. Дума — самое наглое издевательство над «народным представительством». И как нарочно, чтобы еще больше подчеркнуть эту издевку, являются такие факты, как речь г. Дурново, арест г. Милюкова и К^о, выходка г. Шарапова ¹⁷⁹). Новый московский генерал-губернатор Дурново, восторженно приветствуемый реакционной печатью, выболтал в своей речи истинные планы правительства, которое вместе с манифестом и законом о Государственной Думе 6 августа издало того же 6 августа указ об отмене изданного 18 февраля 1905 года «указа Сенату» ¹⁸⁰). Указ 18 февраля предоставлял частным лицам вырабатывать виды и предположения по вопросам государственного благоустройства. На этот указ опирались земцы и представители интеллигенции, устраивая терпимые полицией собрания, совещания, съезды. Теперь этот указ отменен. Теперь все «виды и предположения по вопросам государственного благоустройства» должны «восходить» к самодержавному правительству «порядком, в учреждении Государственной Думы установленным»! Это значит — конец агитации, конец собраниям и съездам. Есть Государственная Дума — и больше разговаривать не о чем. Так именно и сказал г. Дурново, объявивший, что больше никаких земских съездов они не потерпят.

Либералы нашей «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии оказываются еще раз одураченными. Они рассчитывали на конституцию, а им запретили теперь всякую конституционную агитацию по поводу «пожалования» такого учреждения, которое является насмешкой над конституцией!

А г. Шарапов пробалтывается еще больше. В своей, субсидируемой правительством, газете («Русское Дело») он прямо советует запасти в том дворце, где будет заседать Дума, к а з а к о в . . . на случай «неуместных» выходов этой Думы. Для единения царя с народом представители народа должны говорить и действовать так, как хочет царь. Иначе казаки разгонят Думу. Иначе — членов Думы можно арестовать и без казаков даже еще до того, как они попали в Думу. В субботу, 6-го августа, вышел манифест о единении царя с народом. В воскресенье, 7-го августа, один из вождей у м е р е н н о г о крыла освобожденных, или «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии, г. Милюков, арестован под Питером вместе с десятком его политических коллег. Их хотят преследовать за участие в Союзе Союзов. Их, вероятно, скоро выпустят, но двери Думы для них легко будет закрыть: стоит объявить их «привлеченными к следствию или суду»! . .

Русский народ получает первые маленькие уроки конституционализма. Цена всяким законам о выборах народных представителей — медный грош, пока нет ф а к т и ч е с к и з а в о е в а н н о г о самодержавия народа, полной свободы слова, печати, собраний, союзов, пока нет вооружения граждан, способного обеспечить неприкосновенность личности. Мы сказали выше, что Государственная Дума есть издевка над народным представительством. Это несомненно так, с точки зрения теории с а м о д е р ж а в и я н а р о д а. Но этой теории не признают ни самодержавное правительство, ни монархическая либеральная буржуазия (освобожденцы или конституционно-монархическая партия). Перед нами в современной России т р и политических теории, о значении которых мы будем говорить еще не раз: 1) Теория с о в е щ а н и я царя с народом (или «единения царя с народом и народа с царем», как говорит манифест 6-го августа). 2) Теория с о г л а ш е н и я царя с народом (программа освобожденных и земских съездов). 3) Теория с а м о д е р ж а в и я н а р о д а (программа социал-демократии, а также революционной демократии вообще).

С точки зрения теории с о в е щ а н и я вполне естественно, что царь устраивает совещание только с теми, с кем он хочет, и только таким способом, каким он хочет. А с кем и как хочет совещаться царь, это Гос. Дума показывает с великолепной наглядностью. С точки зрения теории с о г л а ш е н и я, царь не подчинен воле народа, а только должен считаться с ней. Но как именно считаться, в каких пределах считаться, — это из «освободенской» теории «соглашения» не может быть выведено, и пока реальная власть в руках царя, «освободенская» буржуазия неизбежно осуждена на жалкое положение попрошайки или маклера, желающего победами народа попользоваться против народа. С точки зрения с а м о д е р ж а в и я н а р о д а необходимо сначала обес-

печить на деле полную свободу агитации и выборов, а затем созвать действительно Всенародное Учредительное Собрание, т.-е. такое, которое бы было выбрано всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием и которое бы имело в своих руках всю власть, полную, единую и нераздельную власть, которое выражало бы на деле самодержавие народа.

Мы подошли таким образом к нашему лозунгу (лозунгу Р. С.-Д. Р. П.) агитации по повсду Гос. Думы. Кто может на деле обеспечить свободу выборов и полноту власти Учредительного Собрания? Только вооруженный народ, организовавшийся в революционную армию, привлечший на свою сторону все живое и честное из армии царя, победивший царские силы и заменивший царское самодержавное правительство Временным Революционным Правительством. Учреждение Гос. Думы, которое, с одной стороны, «подманивает» народ мыслью о представительном образе правления, а, с другой стороны, является самой грубой подделкой народного представительства, — дает неиссякаемый источник для самой широкой революционной агитации в массе, служит прекрасным поводом к устройству собраний, демонстраций, политических забастовок и т. д. Лозунг всей этой агитации: вооруженное восстание, немедленное образование дружин и отрядов революционной армии, свержение царской власти и учреждение Временного Революционного Правительства для созыва Всенародного Учредительного Собрания. Определение момента восстания, разумеется, зависит от местных условий. Мы можем только сказать, что вообще революционному пролетариату выгодно теперь отдалить несколько момент восстания: вооружение рабочих подвигается постепенно вперед, настроение войска становится все ненадежнее, военный кризис стоит накануне разрешения (война или тяжелый мир), преждевременные попытки восстания могут принести громадный вред при таком положении дел.

В заключение, нам остается сопоставить вкратце очерченный выше лозунг тактики с другими лозунгами. Как мы уже указали в № 12 «Пролетария», наш лозунг совпадает с тем, что большинство работающих в России товарищей понимает под «активным бойкотом» *). Тактика «Искры», рекомендовавшей в № 106 немедленную организацию революционного самоуправления и выбора народом своих уполномоченных, в качестве возможного пролога восстания, совершенно ошибочна. Пока нет еще сил для вооруженного восстания и победы его, до тех пор смешно и говорить о революционном самоуправлении народа. Это не пролог, а эпилог восстания. Такая ошибочная тактика сыграла бы лишь на-руку «освободенской» буржуазии, во-1-х, тем, что она заслоняет или отодвигает лозунг восстания лозунгом организации революционного само-

*) См. выше, стр. 410 этого тома. Р е д.

управления; во-2-х, тем, что она облегчила бы либеральным буржуа выдать свои (земские и городские) выборы за выборы народные, ибо народных выборов при сохранении власти за царем быть не может, а земские и городские выборы могут еще либералам удался, несмотря на угрозы г.г. Дурново.

Пролетариат исключен из выборов в Думу. Пролетариату, собственно, нечего бойкотировать Думу, ибо эта царская Дума сама своим учреждением бойкотирует пролетариат. Но пролетариату выгодно поддерживать ту часть буржуазной демократии, которая склоняется к революционному образу действий, а не торгашеству, к бойкоту Думы, к усиленной агитации в народе для протеста против этой Думы. Пролетариат не должен пройти молча мимо этой первой измены или непоследовательности буржуазной демократии, когда ее представители говорят о бойкоте Думы (за бойкот высказалось даже, при первоначальном голосовании, большинство на июльском съезде земцев), говорят пышные фразы об обращении к народу, а не к царю (г. И. Петрункевич на том же съезде), а на деле готовы оставить без протеста в настоящем смысле слова, без широкой агитации эту новую издевку над народными требованиями, готовы забросить мысль о бойкоте и пойти в Думу. Пролетариат не может оставить без опровержения те лживые фразы, которыми пестрят теперь статьи в легальной либеральной печати (см., напр., «Русь», от 7 августа), бросившейся воевать против идеи бойкота. Господа либеральные газетчики развращают народ своими уверениями в возможности мирного пути, «мирной борьбы мнений» (отчего это Милюков не мог «мирно» бороться с Шараповым, господа, а?). Господа либеральные газетчики обманывают народ, заявляя, будто земцы «могут в известной мере (!) парализовать (!!) несомненно предстоящее воздействие на крестьянских избирателей со стороны земских начальников и вообще местной администрации» («Русь» там же). Либеральные газетчики в корне извращают значение Гос. Думы в ходе русской революции, когда сравнивают эту Думу с прусской палатой эпохи бюджетного конфликта с Бисмарком (1863 г.)¹⁸¹). На деле, если уже сравнивать, то надо брать для примера не конституционную эпоху, а эпоху борьбы за конституцию, эпоху начала революции. Поступать иначе — значит перепрыгивать прямо от эпохи революционной буржуазии к эпохе примирившейся с реакцией буржуазии (ср. № 5 «Пролетария» о параллели наших г.г. Петрункевичей и «бывшего революционера», — а потом министра — Андраши *). Гос. Дума напоминает прусский «соединенный ландтаг» (сейм), учрежденный 3 февраля 1847 года, за год до революции. Прусские либералы тоже тогда собирались, да не собрались, бойкотиру-

*) См. выше, стр. 246 — 247 этого тома. Р е д.

вать эту совещательную помещичью палату и спрашивали народ: «Annehmen oder ablehnen?» (Принять или отклонить — заглавие брошюры буржуазного либерала Генриха Симона, вышедш. в 1847 г.). Прусский соед. ландтаг собрался (первая сессия была открыта 1 апреля 1847 г., закрыта 26 июня 1847 г.), повел к ряду конфликтов между конституционалистами и самодержавной властью, но он так и остался все же мертвым учреждением, пока революционный народ и пролетариат Берлина во главе его не победил королевских войск в восстании 18 марта 1848 года. Тогда Государственная Дума... то бишь соединенный ландтаг полетел к чорту. Тогда созвано было (к сожалению, не революционным правительством, а королем, которого «не доби́ли» геройские рабочие Берлина) народное собрание представителей на основе всеобщего избирательного права при сравнительной свободе агитации.

Пусть же буржуазные предатели революции идут в эту мертворожденную Гос. Думу. Российский пролетариат возьмется за усиленную агитацию и подготовку нашего русского 18 марта 1848 г. (или лучше 10 августа 1792 года) ¹⁸²).

*«Пролетарий» № 14,
от 16 августа 1905 г.*

В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?

Тактика социал-демократии по отношению к Государственной Думе продолжает стоять на очереди дня во главе всех остальных вопросов революционной борьбы. Разногласия насчет этой тактики, обнаружившиеся между оппортунистическим («Искра») и революционным («Пролетарий») крылом Р. С.-Д. Р. П., должны быть разобраны со всей тщательностью не в целях придиричливой полемики (иногда вырождающейся в свару), а в целях полного уяснения вопроса и содействия работникам на местах в выработке возможно более точных, определенных и единых лозунгов.

Сначала пару слов о возникновении этих разногласий. В № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Государственной Думе, мы изложили основы нашей тактики и нашего расхождения с «Искрой» *). Мы требовали: 1) поддержки идеи бойкота в смысле усиления агитации и обращения к народу, в смысле поддержки пролетариатом левого крыла буржуазной демократии и неуклонного разоблачения в предательстве правого крыла ее; 2) непременно активного бойкота, а не «пассивного

*) См. выше статью: «Бойкот Булыгинской Думы и восстание». Ред.

отстранения», т.-е. «удесятерения агитации» вплоть до «насильственного проникновения в избирательные собрания», и, наконец, 3) «ясного, точного и прямого лозунга агитации», именно: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Мы решительно отвергли лозунг «Искры» (№ 106): «организация революционного самоуправления», как путанный и играющий на руку освобожденцам, т.-е. монархической буржуазии. Мы сразу оговорили при этом, как бы предвидя, что «Искра» будет опять «плодить» разногласия, наше согласие с осуждением «Искрой» идеи пассивного бойкота.

Поэтому, если теперь «Искра» в № 108 бросает какие-то намеки на теорию «невмешательства», «абсентеизма», «воздержания», «скрещенных рук» и т. под., то мы, прежде всего, отодвигаем подобные «возражения», ибо это не полемика, а лишь покушение «царапать» оппонента. Такими приемами «полемики», — которые увенчиваются инсинуацией, будто некоторые вожди сами хотели попасть во временное правительство, — новая «Искра» давно уже вызвала среди самых широких кругов социал-демократии вполне определенное отношение к себе.

Итак, суть разногласий свелась к тому, что «Искра» не принимает нашего лозунга агитации, который мы считаем центральным (вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство). «Пролетарий» же считает безусловно недопустимым «заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления» (№ 12 «Пролетария»). Все остальные пункты разногласий имеют сравнительно менее важное значение. Наоборот, особенно важно, далее, то, что в № 108 «Искра» начинает уже (как это не раз с ней бывало) пытаться, влиять, выворачиваться: к лозунгу организации революционного самоуправления она добавляет лозунг «активных боевых выступлений народных масс» (чем это отличается от вооруженного восстания, Аллах ведает). «Искра» договаривается даже до того, что «организация революционного самоуправления это и есть единственный способ действительной «организации» всенародного восстания». № 108 «Искры» помечен 15 (28) авг., а 24 авг. н. ст. появилась в «Венской Рабочей Газете» статья т. Мартова, излагающая «план» «Искры» вполне в духе № 106, а не в духе «поправок» № 108-го. Эту ценную статью т. Мартова мы приводим ниже в ее главной части, как образец «социал-демократической маниловщины».

Попробуем разобраться в этой путанице.

Чтобы выяснить дело, необходимо прежде всего дать себе отчет в том, какие силы и как именно «творят историю» русской революции в данный момент. Самодержавие приняло теорию «совещания» царя с народом. Желая совещаться с просеянной через полицейский надзор кучкой выборных от помещиков и лавочников, оно начинает с отчаянной

свирепостью подавлять революцию. Более широкие круги монархической буржуазии стоят за теорию соглашения царя с народом (освобожденцы или конституционно-«демократическая» партия). Буржуазия выражает этой теорией свое предательство революции, готовность сначала поддержать ее, а затем соединиться с реакцией против нее. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует самодержавия народа, т.-е. полного уничтожения сил реакции и прежде всего фактического свержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Пролетариат стремится (часто бессознательно, но неуклонно и энергично) к тому, чтобы присоединить к себе крестьянство и с его помощью довести революцию до полной победы, вопреки неустойчивости и предательству буржуазии.

Государственная Дума есть, несомненно, уступка революции, но уступка, сделанная (это еще более несомненно) с целью подавить революцию и не дать конституции. Буржуазные «соглашатели» хотят добиться конституции с целью подавить революцию; г. Виноградов (в «Русских Ведомостях») выразил это стремление либеральной буржуазии, неизбежно вытекающее из ее классового положения, с особенной ясностью.

Спрашивается теперь: какое значение имеет, при таком положении дел, решение бойкотировать Думу, принятое «союзом союзов» (см. № 14 «Пролетария»), т.-е. самой широкой организацией буржуазной интеллигенции? Буржуазная интеллигенция, в общем и целом, тоже хочет «соглашения». Она тоже колеблется поэтому, как много раз уже показывал «Пролетарий», между реакцией и революцией, между торгашеством и борьбой, между сделкой с царем и восстанием против царя. Это и не может быть иначе в силу классового положения буржуазной интеллигенции. Но было бы ошибкой забывать, что эта интеллигенция более способна выражать широко-понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии. Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна, поэтому, при всей ее неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию.

Суть идеи «бойкота», как она возникла у союза союзов, состоит, следовательно, в том, что первый шаг крупной буржуазии к совещанию — соглашению с царем неминуемо вызвал первый шаг мелко-буржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом. Помещики

и капиталисты качнулись вправо, буржуазная интеллигенция, представительница мелкой буржуазии, качнулась влево. Первые идут к царю, далеко не отказываясь грозить ему еще не раз силой народа. Вторые подумывают, не идти ли им к народу, не разрывая еще окончательно с теорией «соглашения» и не становясь в п о л н е на революционный путь.

Вот в чем суть идеи бойкота, возникшей, как мы уже указали в № 12 «Пролетария», внутри буржуазной демократии. Только очень близорукие и поверхностные люди могли бы усмотреть в этой идее невмешательство, абсентеизм, воздержание и т. п. Буржуазной интеллигенции нечего воздерживаться, ибо высокий ценз сам ее удерживает вдали от Гос. Думы. Буржуазная интеллигенция в своей резолюции о бойкоте на первый план ставит «мобилизацию всех демократических элементов страны». Буржуазная интеллигенция есть самый деятельный, решительный и боевой элемент освободительской, конституционно-«демократической» партии. Обвинять эту интеллигенцию за идею бойкота в воздержании и т. п., или даже отказать этой интеллигенции в поддержке ее идеи и р а з в и т и и ее — значит, по близорукости, сыграть на руку крупной монархической буржуазии, орган которой «Освобождение» не даром воюет с идеей бойкота.

Правильность изложенного взгляда, помимо общих и основных соображений, подтверждается ценными признаниями г. С. С. ¹⁸³) в № 75 «Освобождения». В высшей степени знаменательно, что г. С. С. относит сторонников идеи бойкота к «радикальной», а противников — к «умеренной» группе. Первых он обвиняет за «народовольчество», за повторение ошибок «активных революционных групп» (обвинение, почетное для того, против кого оно выдвигается «Освобождением»); про вторых он прямо говорит, что они стоят меж двух огней: между самодержавием и «социальной (sic) революцией», при чем бедный г. С. С. со страху даже чуть не смешал демократическую республику с социальной революцией! Самое же ценное признание г. С. С. следующее: для радикалов, — говорит он, сравнивая съезд союза союзов со съездом земцев — «центр тяжести несомненно (слушайте!) лежал в требовании изменения системы выборов, тогда, как для более умеренной группы главный интерес заключался в распространении прав Думы».

Этим все сказано! Г. С. С. выболтал сокровенные «думы» помещиков и капиталистов, которые мы сотни раз разоблачали. «Главный интерес» для них не в привлечении народа к выборам (они этого боятся), а в расширении прав Думы, т.-е. в превращении крупно-буржуазного собрания из законосовещательного в законодательное. Вот где зарыта собака. Крупная буржуазия никогда не сможет удовлетвориться «законосовещательной» Думой. Отсюда — неизбежность конституционных

конфликтов в Гос. Думе. Но крупная буржуазия никогда не сможет стать надежным и верным сторонником самодержавия народа. Она всегда будет одной рукой брать конституцию (для себя), а другой рукой — отбирать права у народа или противодействовать расширению прав народа. Крупная буржуазия не может не стремиться к конституции, обеспечивающей привилегии крупной буржуазии. Радикальная интеллигенция не может не стремиться к выражению интересов более широких слоев мелкой буржуазии и крестьянства. Правое крыло буржуазной демократии, получив синицу в руки, сразу начало «умнеть» и отказывается уже, как мы видели, от «нелегальных съездов». Левое крыло увидело, что оно осталось даже без синицы, что помещики и капиталисты, попользовавшись услугами «3-го элемента» (агитация, пропаганда, организация печати и т. д.), готовы предать их, направив усилия в Гос. Думе не на народные права, а на свои анти-народные права. И вот, почуввав начало предательства, буржуазная интеллигенция клеймит Гос. Думу, как «дерзкий вызов» со стороны правительства всем народам России, объявляет бойкот, советует «мобилизацию демократических элементов».

При таком положении дел обрушиться на идею бойкота значило со стороны с.-д. сыграть роль политических простаков. Верный классовый инстинкт революционного пролетариата подсказал большинству российских товарищей идею активного бойкота. Это значит: поддерживать левое крыло и тянуть его к себе, стараться выделить элементы революционной демократии, чтобы с ними вместе ударить на самодержавие. Радикальная интеллигенция протянула нам палец, — хватай ее за руку! Если бойкот не хвастовство, если мобилизация не фраза, если возмущение дерзким вызовом не актерство, — тогда вы должны порвать с «соглашателями», стать на сторону теории самодержавия народа, принять, а не деле принять единственно-последовательные и цельные лозунги революционной демократии: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Присоединить к себе тех, кто на деле принимает эти лозунги, втоптать перед всем народом в помойную яму тех, кто остается на стороне «соглашателей», — такова единственная правильная тактика революционного пролетариата.

Наши новоискровцы прозевали и классовое происхождение и реальное политическое значение идеи бойкота, открыв стрельбу... в воздух. Т. Череванин пишет в № 108: «Как видно из листков донского комитета и с.-петербургской группы, обе эти организации (NB: меньшевистские. Примеч. ред. «Пролетария») высказываются за бойкот. Участие в выборах в такую Думу они считают позорным, изменой делу революции и заранее клеймят тех либералов, которые примут участие в выборах.

Таким образом исключается возможность сделать Гос. Думу орудием демократической революции и отвергается, очевидно, агитация, направленная в эту сторону». Подчеркнутые нами слова показывают именно очерченную сейчас ошибку. Ведь те, кто декламирует против «невмешательства», только заслоняют действительно важный вопрос о способах вмешательства. Есть два способа вмешательства, два типа лозунгов. Первый способ: «удешевление агитации, устройство собраний везде и всюду, утилизация избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. д., и т. п.» («Пролетарий» № 12). Лозунги этой агитационной кампании мы уже изложили. Другой способ: брать «революционное обязательство идти в Гос. Думу с тем, чтобы добиваться превращения ее в революционное собрание, ниспровергающее самодержавие и созывающее Учредительное Собрание» (т. Череванин в № 108 «Искры»), или «давить на выборщиков в том смысле, чтобы в Думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства» (т. Мартов в «Венской Рабочей Газете»).

Вот это различие способов и отражает разницу «двух тактик» социал-демократии. Оппортунистическое крыло с.-д. всегда склонно «давить» на буржуазную демократию посредством взимания обязательств с нее. Революционное крыло с.-д. «давит» на буржуазную демократию и толкает ее налево тем, что клеймит ее за пороки вправо, тем, что распространяет в массе лозунги решительной революции. Теория «взимания обязательств», эта знаменитая теория Староверовской лакмусовой бумажки, есть величайшая наивность, способная лишь сеять смуту в пролетариате и развращать его. Кому предъявит ко взысканию полученное им «обязательство» тов. Череванин? Не господину ли богу? Неужели тов. Череванин не знает, что под давлением материальных интересов класса все и всякие обязательства полетят к чорту? Неужели не ребячество мысль того же тов. Череванина связать буржуазных депутатов Гос. Думы с революционным пролетариатом посредством «императивных мандатов»? Ведь тов. Мартову, если бы он на деле стал выполнять свой план, пришлось бы заявлять перед рабочим классом, что N.N. или M.M. из данного собрания помещиков суть «решительные сторонники свободного и демократического представительства»! Делать такие заявления значило бы сеять величайший политический разврат!

И заметьте еще вот что: все эти «революционные обязательства» господ Петрункевичей, Родичевых и *tutti quanti*, все эти «императивные мандаты», все эти подписки о «решительной поддержке демократического и свободного представительства» (можно ли выбрать более общий,

неясный, туманный термин?) брались и давались бы от имени с.-д. за спиной пролетариата. Ведь открыто этого сделать нельзя, да даже и при открытой агитации в свободных странах политические деятели обяжаются не столько частными сделками, сколько программами партий, а ведь у нас нет и не будет определенных и оформленных партий при выборах в Гос. Думу! Посмотрите же, товарищи новоискровцы, как вы опять залезли в болото: на словах у вас все «масса», «перед массой», «с участием массы», «самодеятельность массы», а на деле ваш «план» сводится к секретным сделкам об обязании господина Петрункевича быть не предателем революции, а «решительным» сторонником ее!

Новоискровцы сами довели себя до абсурда. В России никто и нигде, даже из их сторонников, и не подумает заключать этих нелепых «революционных обязательств». Нет. Вмешиваться надо не так. Вмешиваться надо самым беспощадным клеймением теории соглашения и буржуазных соглашателей, всех этих Петрункевичей и т. п. Разоблачать их буржуазное предательство революции, объединять против самодержавия (а на всякий случай и против Думы) революционные силы для восстания — вот единственный надежный способ реально «давить» на Думу, реально готовить победу революции. Только с этим лозунгом должны мы вмешиваться в избирательную агитацию, не для избирательных маневров, сделок, обязательств, а для проповеди восстания. И только реальная сила вооруженного народа даст возможность использовать в пользу революции (а не в пользу узко-буржуазной конституции) возможные и вероятные будущие конфликты внутри Гос. Думы или Гос. Думы с царем. Поменьше доверия к Гос. Думе, побольше доверия к силам вооружающегося пролетариата, господа!

Мы подошли теперь и к лозунгу: организация революционного самоуправления. Рассмотрим его повнимательнее.

Во-первых, чисто-теоретически неправильно выдвигать на первый план лозунг революционного самоуправления вместо лозунга: самодержавие народа. Первый относится к управлению, второй к устройству государства. Первый совместим поэтому с предательской буржуазной теорией «соглашения» (самоуправляющийся народ с царем во главе, который «не управляет, а царствует»), второй безусловно несовместим. Первый — приемлем для освобожденных, второй — неприемлем.

Во-вторых, отождествление организации революционного самоуправления с организацией всенародного восстания совершенно вздорно. Восстание есть гражданская война, а война требует армии. Между тем самоуправление само по себе не требует армии. Есть страны, где существует самоуправление, но нет армии. И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу

Норвегии: «рассчитали» короля и произвели опрос народа. Но когда народ угнетен деспотизмом, опирающимся на армию и начинающим гражданскую войну, — тогда отождествлять революционное самоуправление с революционной армией, выдвигать первое и замалчивать второе есть прямо-таки несказанная пошлость, выражающая либо предательство революции, либо крайнее недомыслие.

В-третьих, и история подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14 июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивление самодержавия? Или, может быть, новоискровцы сошлутся при этом на пример города Монпелье, где муниципальная революция, организация революционного самоуправления, произошла мирно, где была даже вотирована благодарность интенданту за любезность, с какою он содействовал своему собственному низложению? Не ждет ли новая «Искра», что во время нашей агитационной кампании выборов в Думу мы будем благодарить губернаторов за самоустроение до взятия русских Бастилий? Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся эмиграции реакционеров, а у нас лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания выдвигают тогда, когда существует еще эмиграция реакционеров? Когда одного русского сановника спросили, почему 6-го августа не дарована амнистия, он ответил: «с какой же стати освободим мы 10.000 человек, которых нам стоило немало труда арестовать и которые завтра же начали бы отчаянную борьбу с нами?». Этот сановник рассуждал умно, а те, кто говорит о «революционном самоуправлении» до освобождения этих 10.000, рассуждают не умно.

В-четвертых, современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга: «революционное самоуправление» и необходимость прямого и точного лозунга восстания. Взгляните, что было в Смоленске 2-го августа ст. ст. Городская дума признала беззаконием расквартировку казаков, прекратила выдачу им денег, организовала для защиты населения городскую милицию, обратилась с воззванием к солдатам против насилия над гражданами. Мы желали бы знать, находят ли это достаточным наши новые новоискровцы? Не следует ли рассматривать эту милицию, как революционную армию, как орган не только обороны, но и наступления? — и наступления не только против смоленской казачьей сотни, а против самодержавного правительства вообще? Не следует ли пропагандировать

эту идею о провозглашении революционной армии и о задачах ее? Можно ли считать действительно народное самоуправление города Смоленска обеспеченным, пока революционная армия не одержала решительного правительства (ср. № 12 «Пролетария»).

В-пятых, факты свидетельствуют неопровержимо, что лозунг революционного самоуправления вместо лозунга восстания или в смысле (?) лозунга восстания не только «приемлем» для освобожденных, но и принят ими. Возьмите № 74 «Освобождения». Вы увидите решительное осуждение «безумной и преступной проповеди вооруженного восстания» и в то же время защиту городских милиций и организации органов местного самоуправления, как элементов будущего временного правительства (ср. № 12 «Пролетария»).

С которой стороны ни подойдете вы к вопросу, — неизменно окажется, что новый лозунг новой «Искры» есть лозунг освободительский. Социал-демократы, заслоняющие или отодвигающие лозунг вооруженного восстания, революционной армии, временного правительства лозунгом организации и революционного самоуправления, тащатся в хвосте у монархической буржуазии вместо того, чтобы идти во главе революционного пролетариата и крестьянства.

Нас упрекают за то, что мы «вдалбливаем» упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрек за комплимент. Наша задача в том и состоит, чтобы наряду с общими истинами с.-д. программы вдалбливать неустанно насущные политические лозунги. Мы добились широчайшего распространения ненавистой либералам «четырёххвостки» (всеобщее, прямое, равное, тайное голосование). Мы ознакомили рабочие массы с «шестеркой» политических свобод (слово, совесть, печать, собрания, союзы, стачки). Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять теперь «тройку» ближайших революционных задач (вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство). Народные силы для выполнения этих задач растут стихийно не по дням, а по часам. Попытки восстания множатся, организация растет, вооружение подвигается вперед. Из ряда рабочих и крестьян, одетых в зипуны, пиджаки и мундиры, выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой и которые все глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения. Наше дело — позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток, чтобы стихийное движение осветил, удесятая его силы, свет сознательной, прямой, ясной и точной революционной программы наших ближайших задач.

Итоги. Наша тактика по отношению к Гос. Думе может быть выражена в пяти пунктах: 1) усиленная агитация по поводу закона о Гос. Думе и по поводу выборов в нее, устройство собраний, использование

выборной агитации, демонстрации и пр. и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство; распространение программы этого временного правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооруженной борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т.-е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы это был активный бойкот в смысле очерченной выше самой широкой агитации. Привлечение левых представителей буржуазной демократии на сторону революционно-демократической программы и к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение перед самыми широкими массами рабочих и крестьян буржуазной теории «соглашения» и буржуазных «соглашателей»; оглашение и разъяснение каждого предательского и нетвердого шага их как до Думы, так и в Думе; предостережение рабочего класса от этих буржуазных предателей революции.

*«Пролетарий» № 15,
от 23 августа 1905 г.*

Самое ясное изложение самого путанного плана.

В передовой статье мы указывали на путанность нового плана «думской кампании» новой «Искры». Вот самое ясное изложение его самим Мартовым в Венской «Рабочей Газете» (от 24 августа н. ст.). (Курсив в цитате везде самого Мартова.)

«План следующий»: — говорит тов. Мартов, ссылаясь на «поддержку его многими русскими организациями» — «Рабочие организации берут на себя инициативу основания народных агитационных комитетов, которые должны быть избираемы всеми элементами населения, не удовлетворенными царской реформой. Задача таких комитетов состоит в том, чтобы прежде всего развернуть агитацию за действительное народное представительство во всей стране. Эти комитеты формально образуются в целях участия массы населения в предстоящих выборах. Так как они в силу избирательного закона исключены из прямого участия, то граждане государства могут участвовать в выборах косвенно, сообщая свои мнения и требования более узким коллегиям привилегированных избирателей. Комитеты оказывают давление на коллегии избирателей в том смысле, чтобы в Думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства».

ства. При этом комитеты стремятся создать вне «легального» представительства нелегальное представительство, которое в известный момент могло бы выступить перед страной в качестве временного органа народной воли. Комитеты призывают население избирать своих представителей посредством всеобщей подачи голосов; эти представители в известный момент должны съехаться в один город и провозгласить себя Учредительным Собранием. Такова, так сказать, идеальная цель этой кампании. Дойдет ли до этого дело или нет, движение по этому пути создаст организацию революционного самоуправления, которая сломит рамки царской легальности и положит фундамент грядущему триумфу революции. Элементы такого революционного самоуправления образуются мало-помалу по всей России, как, например, уже теперь в двух кавказских губерниях официальные власти бойкотируются всем населением, и население управляется своими собственными выборными властями. (В скобках: крестьяне Гурии требуют утверждения этих властей нашим комитетом.)

«Организация такого повсюду публично-функционирующего самоуправления есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть (инаугурировать) конституционной эры. Само собою разумеется, что самая возможность такой организации создается растущей дезорганизацией правительственного аппарата и ростом действенной силы (*wirkenden Kraft*) в народе».

Рекомендуем товарищам этот бесподобный план, как идеальную цель монархической (освобожденской) буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско-крестьянской революции либеральными помещиками.

Освобожденская, т.-е. монархическая буржуазия, как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти к буржуазии совершился без народного восстания или хотя бы без полной победы народного восстания. Маниловские планы «выборов» при сохранении власти за самодержавием всецело на руку либеральной буржуазии, которая одна только способна произвести хоть нечто приближающееся к таким выборам.

На частностях этого смехотворного плана мы остановимся лишь кратко. Не наивно ли забывать, что на Кавказе (не в двух губерниях, а в нескольких волостях) самоуправление опирается на вооруженное восстание? Не ребячество ли думать, что возможное в нескольких селах горных местностей далекой окраины возможно

в центре России без победы народа над самодержавием? Не является ли идеальным педантством этот план многостепенных «выборов» при сохранении власти за самодержавным правительством? «Недовольные элементы населения» (?) выбирают народные агитационные комитеты (без программы, без ясных лозунгов). Комитеты создают «нелегальное представительство» (заменяющее, должно быть, нелегальную организацию социалистической рабочей партии просто освобожденской организацией!). Что замена ясного революционного термина «временное правительство, как орган восстания» — неясным термином «орган народной воли» всецело на руку земско-буржуазной партии, это очевидно. Всеобщие выборы Учредительного Собрания по инициативе «нелегальных» комитетов и при оставлении власти за Треповым и К^о есть идея совсем уже детская.

В спорах полезен иногда бывает «адвокат дьявола» — защитник нелепого, всеми отвергаемого взгляда. Эту роль взяла теперь «Искра». План ее очень удобен для учебных целей опровержения нелепости в кружках, на летучках, массовках и т. д., для более отчетливого противопоставления лозунгов революционного пролетариата и лозунгов монархической либеральной буржуазии.

*«Пролетарий» № 15,
от 23 августа 1905 г.*

Предисловие к третьему изданию брошюры: «Задачи русских социал-демократов»,

Третье издание настоящей брошюры выходит в такой момент развития революции в России, который существенно отличается от 1897 года, когда эта брошюра была написана, и от 1902-го, когда вышло ее второе издание. Нечего и говорить, что брошюра дает лишь общий очерк задач социал-демократии вообще, а не конкретное указание современных задач, соответствующих теперешнему состоянию рабочего и революционного движения, а также состоянию Росс. С.-Д. Р. Партии. Современным задачам нашей партии посвящена мной брошюра: «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Женева 1905 г.). Из сопоставления обеих брошюр читатели могут составить себе суждение о том, последовательно ли развивались взгляды автора относительно общих задач социал-демократии и специальных задач данного момента. Что такое сопоставление не бесполезно, это видно, между прочим, из недавней выходки вождя нашей либерально-монархической буржуазии г-на Струве, обвинившего в «Освобождении»

революционную социал-демократию (в лице III съезда Р. С.-Д. Р. П.) в бунтарской и отвлеченно-революционистской постановке вопроса о вооруженном восстании. Мы уже отметили в «Пролетарии» (№ 9, «Революция учит»), что простое сравнение «Задач русских социал-демократов» (1897 года), «Что делать?» (1902 г.) и «Пролетария» (1905 г.) опровергает обвинение освободителей и доказывает связь в развитии социал-демократических взглядов на этот вопрос с развитием революционного движения в России. Обвинение освободителей есть лишь оппортунистическая выходка сторонников либеральной монархии, стремящихся прикрыть свое предательство революции, предательство интересов народа, свои стремления войти в сделку со старым порядком.

Август 1905 г.

С е н т я б р ь.

Отношение социал-демократии к крестьянскому движению.

Громадное значение крестьянского движения в переживаемой Россией демократической революции много и много раз уже разъяснялось всей социал-демократической печатью. Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. принял, как известно, особую резолюцию по этому вопросу, чтобы точнее определить и объединить деятельность всей партии сознательного пролетариата по отношению именно к теперешнему движению крестьянства. Несмотря на то, что резолюция эта была подготовлена заранее (первый проект был напечатан в № 11 «Вперед», 10 (23) марта с. г.), несмотря на то, что она была тщательно обработана съездом партии, старавшимся формулировать установившиеся уже взгляды всей Российской социал-демократии, несмотря на это, резолюция вызвала недоумение среди ряда работающих в России товарищей. Саратовский Комитет единогласно признал эту резолюцию неприемлемой (см. № 10 «Пролетария»). К сожалению, выраженное нами тогда же пожелание получить разъяснения этого вердикта осталось пока неосуществленным. Мы знаем лишь, что Саратовский Комитет признал неприемлемою также и аграрную резолюцию новоискровской конференции, следовательно, его не удовлетворило то, что обще обеим резолюциям, а не то, чем они отличаются одна от другой.

Новым материалом по этому вопросу является доставленное нам (изданное в виде гектографированного листка) письмо московского товарища. Печатаем это письмо полностью:

Открытое письмо Центральному Комитету и товарищам, работающим в деревне.

Товарищи! Окружная Организация Московского Комитета вплотную подошла к работе среди крестьянства. Недостаток опыта в организации такого рода работы, особые условия нашей центральной деревни, а также недостаточная ясность директив резолюций III съезда по этому вопросу и почти полное отсутствие литературы

как в периодической печати, так и в общей, о работе среди крестьянства заставляют нас обратиться к Ц. К. с просьбой прислать нам детальные директивы как принципиального, так и практического характера, а вас, товарищей по работе, просим ознакомить нас с теми практическими данными, которые дал вам ваш опыт.

Считаем необходимым поделиться теми недоумениями, которые возникли у нас при чтении резолюции III съезда, «об отношении к крестьянскому движению», и тем организационным планом, который мы начинаем уже применять у себя в деревне.

«§ а) Пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель» (из резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П.).

В этом параграфе прежде всего неясно, каким образом партийные организации будут и должны вести пропаганду. Пропаганда требует прежде всего организации, стоящей совсем близко к тем, кого хотят распропагандировать. Будут ли такой организацией комитеты из сельского пролетариата, или возможны и другие организационные пути как для устной, так и для письменной пропаганды — вопрос открытый.

То же самое можно сказать и про обещание энергичной поддержки. Поддерживать, да еще энергично, возможно тоже только при организации на местах. Вопрос об «энергичной поддержке» нам вообще кажется крайне смутным. Может ли социал-демократия поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, которые подвергаются обработке самым интенсивным способом с применением машин, высших культур. и т. д.? Переход таких земель в руки мелко-буржуазных собственников, как ни важно было бы улучшить их положение, является шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства. И мы, оставаясь социал-демократами, должны были бы, по нашему мнению, сделать в этом пункте о «поддержке» оговорку: «если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелко-буржуазную) собственность будет высшей формой развития данного хозяйства на данных землях».

Затем дальше:

«§ г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты».

Сомнения возникают относительно последней части этого параграфа. Дело в том, что буржуазно-демократические организации вроде

«Крестьянского союза»¹⁸⁴) и реакционно-утопические вроде соц.-революционеров организуют под своим флагом как буржуазные элементы крестьянства, так и пролетарские. Вводя своих представителей из организаций сельского пролетариата в такие «крестьянские» комитеты, мы будем противоречить самим себе, нашим взглядам на bloc и т. д.

И тут, нам кажется, необходимы поправки и очень солидные поправки.

Вот некоторые общие замечания к резолюции III съезда. Желательно их разобрать как можно скорее и как можно детальнее.

Что же касается плана «деревенской» организации в нашей Окружной Организации, то нам приходится работать в таких условиях, о которых резолюция III съезда совсем умалчивают. Прежде всего необходимо отметить, что район нашей деятельности — Московская губерния и соприкасающиеся с ней уезды соседних губерний — по преимуществу занят в индустриальной промышленности с сравнительно слабо развитыми кустарными промыслами и с очень незначительной частью населения, занимающегося исключительно сельским хозяйством. Огромные мануфактуры с 10-ю — 15-ю тысячами рабочих перемежаются с маленькими фабриками в 500 — 1.000 человек, разкиданными по захолустным селам и деревням. Казалось бы, что при таких условиях социал-демократия найдет для себя здесь очень подходящую почву, но дело показало, что такие предпосылки с птичьего полета не выдерживают критики. Наш «пролетариат» в огромном большинстве еще до сих пор, несмотря на то, что некоторые фабрики существуют по 40 — 50 лет, не разделался с землей. «Деревня» так крепко присосалась к нему, что все те психологические и иные предпосылки, которые создаются в процессе коллективного труда у «чистого» пролетариата, у нашего пролетариата не развиваются. Земледельческое хозяйство наших «пролетариев» представляет из себя какие-то убогодочные формы. Ткач на фабрике нанимает батрака для обработки своего клочка. На этом же клочке работают его жена (если она не на фабрике), дети, старики, инвалиды, и сам он будет работать на нем, когда состарится, получит увечье или будет изгнан за буйное или неблагонадежное поведение. Таких «пролетариев» трудно назвать пролетариями. По своему экономическому положению это — пауперы. По своей идеологии — мелкие буржуа. Они невежественны и консервативны. Из них вербуются «черносотенные» элементы. Но и у них за последнее время самосознание начинает пробуждаться. Мы через зацепки из «чистого» пролетариата будим эту темную массу от векового сна, и не безуспешно. Зацепки растут, местами крепнут, пауперы подчиняются нашему влиянию, воспринимают нашу идеологию как на фабрике, так и в деревне. И мы думаем, что насаждение органи-

заций в среде не «чисто» пролетарской не будет неортодоксально. У нас другой среды нет, и если мы будем настаивать на ортодоксальности, организовывать только сельский «пролетариат», то нам придетсяпустить нашу и соседние с нами организации. Мы знаем, что нам будет трудно бороться против жадности экспроприации заброшенных помещиком пахотных и иных угодий или тех земель, на которых отцы в клочках и рясах не сумели поставить хозяйства как следует. Мы знаем, что буржуазная демократия, начиная «демократически»-монархической фракцией (такая существует в Рузском уезде) и кончая «крестьянским» союзом, будет бороться с нами за влияние на «пауперов», но мы вооружим последних против первых. Мы используем все социал-демократические силы в округе как интеллигентские, так и пролетарско-рабочие, чтобы поставить и закрепить наши социал-демократические комитеты из «пауперов». И мы сделаем это по такому плану. В каждом уездном городе или большом промышленном центре мы поставим уездные комитеты групп Окружной Организации. Уездный комитет организует, кроме фабрик и заводов в его районе, «крестьянские» комитеты. Такие комитеты не должны быть многочисленны из конспиративных соображений, и состав их определяется наиболее революционно настроенными и способными крестьянами-пауперами. Там, где имеются и фабрики и крестьяне, — необходимо организовать их в один комитет подгруппы.

Прежде всего такой комитет должен ясно и отчетливо разбираться в окружающих условиях: А) Земельные отношения: 1) Крестьянские наделы, аренда, формы владения (общинн., подворн. и т. д.). 2) Окружающие земли: а) кому принадлежат; б) сколько земли; в) какие отношения крестьян к этим землям; г) на каких условиях пользование этими землями: 1) отработки, 2) чрезмерная арендная плата за «отрезки» и т. д.; д) задолженность кулакам, помещикам и др. Б) Подати, налоги, высота земельного обложения крестьянских и помещичьих земель. В) Отхожие и кустарные промыслы, паспорта, нет лимитного найма и пр. Г) Местные фабрики и заводы: условия труда на них: 1) заработная плата, 2) рабочий день, 3) отношение администрации, 4) жилищные условия и т. д. Д) Администрация: земские начальники, старшина, писарь, волостные судьи, стражники, поп. Е) Земство: гласные от крестьян, земские служащие: учитель, врач, библиотеки, школы, чайные. Ж) Волостные сходы: их состав и ведение дел. З) Организация: «Крестьянский союз», с.-р., с.-д.

Ознакомившись с этими данными, крестьянский соц.-демократический комитет обязан проводить на сходах те постановления, которые будут вытекать из того или иного ненормального положения дела. Наряду с этим такой комитет ведет также усиленную пропаганду:

и агитацию идей социал-демократии в массе, устраивает кружки, летучки, массовки, распространяет прокламации и литературу, собирает деньги в партийную кассу и поддерживает сношения через уездную группу с Окружной Организацией.

Если нам удастся поставить целый ряд таких комитетов, то успех социал-демократии будет обеспечен.

Окружной организатор.

Само собою разумеется, что мы не возьмем на себя задачи выработать детальные практические директивы, о которых говорит товарищ: это дело работников на местах и практически руководящего русского центра. Мы намерены воспользоваться содержательным письмом московского товарища для разъяснения резолюции III съезда и насущных задач партии вообще. Из письма видно, что недоразумения, вызванные резолюцией III съезда, лишь отчасти порождены теоретическими сомнениями. Другой источник их — н о в ы й, не возникавший раньше вопрос о соотношении «революционных крестьянских комитетов» и «с о ц.-д е м. к о м и т е т о в», работающих в крестьянстве. Самая уже постановка этого последнего вопроса свидетельствует о значительном шаге вперед с.-д. работы среди крестьянства. На очередь дня выдвигаются уже вопросы сравнительно детальные, порожденные практическими потребностями «деревенской» агитации, которая стала упрочиваться и отливаться в крепкие, постоянные формы. И автор письма забывает неоднократно, что, упрекая резолюцию съезда в неясности, он в сущности ищет ответа на такой вопрос, которого съезд партии не ставил и не мог ставить.

Так, например, не совсем правильно мнение автора, что и пропаганда наших идей и поддержка крестьянского движения возможны «только» при организации на местах. Разумеется, такие организации желательны и, при росте работы, необходимы, но указанная работа возможна и необходима даже там, где таких организаций нет. Во всей своей деятельности даже среди одного городского пролетариата мы должны не упускать из виду крестьянского вопроса и распространять заявление, сделанное всей партией сознательного пролетариата, в лице III съезда: мы поддерживаем крестьянское восстание. Крестьяне должны знать это, — через литературу, через рабочих, через особые организации и т. д. Крестьяне должны знать, что с.-д. пролетариат не остановится в этой поддержке ни перед какой конфискацией земли (т.-е. экспроприацией без вознаграждения собственников).

Автор письма поднимает здесь один теоретический вопрос: не следует ли ограничить особой оговоркой экспроприацию крупных имений

в «крестьянскую мелко-буржуазную собственность». Но, предлагая эту оговорку, автор произвольно сузил смысл резолюции III съезда. В резолюции ни слова не говорится о том, чтобы партия с.-д. обязывалась поддерживать переход конфискованных земель именно в руки мелко-буржуазных собственников. Резолюция говорит: мы поддерживаем «вплоть до конфискации», т.-е. вплоть до отнятия без вознаграждения, но вопрос о том, кому отдать отнятое, совсем не решается резолюцией. Оставление этого вопроса открытым не случайно: из статей газеты «Вперед» (№№ 11, 12, 15) видно, что решать этот вопрос наперед признавалось неразумным. Там указывалось, напр., что при демократической республике с.-демократия не может зарекаться и связывать себе рук по отношению к национализации земли.

В самом деле, в отличие от мелко-буржуазных с.-р-ов, для нас центр тяжести теперь — революционно-демократическая сторона крестьянских восстаний и особая организация сельского пролетариата в классовую партию. Не в прожектах «черного передела» или национализации суть вопроса теперь, а в сознании крестьянством и осуществлении им революционной ломки старого порядка. Поэтому с.-р. нападают на «социализацию» и т. п., а мы — на революционные крестьянские комитеты: без них, говорим мы, все преобразования — ничто. С ними и опираясь на них возможна победа крестьянского восстания.

Крестьянскому восстанию мы должны всячески помогать вплоть до конфискации земель, — но вовсе не вплоть до всяких мелко-буржуазных прожектов. Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступает, как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только непонимающие марксизма люди.

Возьмем конкретный пример. Допустим, что крестьянское восстание победило. Революционные крестьянские комитеты и Временное Революционное Правительство (опирающееся, отчасти, именно на эти комитеты) может произвести любую конфискацию крупной собственности. Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это. Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем заявлениями вроде тех, которые неосторожно предлагает автор письма. Автор забыл, что в той же резолюции III съезда говорится об «очищении революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», это раз, а второе: о необ-

ходимости «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Вот наши директивы. Реакционные примеси в крестьянском движении всегда будут, и мы заранее объявляем войну им. Классовый антагонизм между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией неизбежен, и мы заранее вскрываем его, разъясняем его, готовимся к борьбе на почве его. Одним из поводов такой борьбы очень может явиться вопрос о том: кому и как отдать конфискованные земли? И мы не затушевываем этого вопроса, не обещаем уравнительного раздела, «социализации» и т. п., а говорим: там мы еще поборемся, опять поборемся, на новом поприще поборемся и с иными союзниками: там мы будем безусловно с сельским пролетариатом, со всем рабочим классом против крестьянской буржуазии. Практически, это может означать и переход земли к классу мелких хозяев-крестьян, там, где преобладает кабальная, крепостническая крупная собственность, где нет еще материальных условий крупного социалистического производства, и национализацию, при условии полной победы демократической революции, и передачу крупных капиталистических имений ассоциациям рабочих, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути. Если мы не обещаем сейчас же и немедленно всяких «социализаций», то именно потому, что мы знаем действительные условия этой задачи и не затушевываем, а разоблачаем зреющую новую классовую борьбу в недрах крестьянства.

Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще. Усчитать сейчас комбинацию сил внутри крестьянства на «другой день» после революции (демократической) — пустая утопия. Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевой популярностью, мы можем сказать и говорим лишь одно: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания, — напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся. Наше учение менее «сладко», чем рассказы с.-р.-ов, но

кто хочет, чтобы его поили одним только сладеньким, тот пусть и идет к с.-р-ам; мы скажем таким людям: скатертью дорога.

Эта марксистская точка зрения решает, на наш взгляд, и вопрос о комитетах. Социал-демократических крестьянских комитетов, по нашему мнению, быть не должно: если с.-д-ский, значит, не только крестьянский; если крестьянский, значит не чисто пролетарский, не с.-д-й. Смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа. Везде, где можно, мы будем стремиться организовать свои комитеты, комитеты с.-д. рабочей партии. Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие, — одним словом, все с.-д. и никто, кроме с.-д. Эти комитеты будут вести с.-д. работу всю, во всей ее широте, стремясь, однако, организовать специально и особо сельский пролетариат, ибо социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Находить «неортодоксальным» делом организацию пролетариата, не вполне очистившегося от разных пережитков старины, — величайшее заблуждение, и мы хотели бы думать, что относящиеся сюда места письма основаны на простом недоразумении. Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической рабочей партии, но привлекать к ней, просвещать, организовать мы должны всех трудящихся и эксплуатируемых, как говорит и наша программа, всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток, — разумеется, при том необходимом и обязательном условии, чтобы они примыкали к социал-демократии, а не социал-демократия к ним, чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения.

При чем же тогда революционные крестьянские комитеты? — спросит читатель. Значит, не надо их? Нет, надо. Наш идеал: повсюду в деревнях чисто с.-д. комитеты, а затем соглашение их со всеми революционно-демократическими элементами, группами, кружками крестьянства для образования революционных комитетов. Тут полная аналогия с самостоятельностью с.-д. рабочей партии в городе и союзом ее со всеми революционными демократами в целях восстания. Мы — за восстание крестьянства. Мы — безусловно против смешения и слияния разнородных классовых элементов и разнородных партий. Мы за то, чтобы в целях восстания социал-демократия подталкивала всю революционную демократию, помогала всей ей организоваться, шла рядом с ней, но не сливаясь с ней, на баррикады в городах — против помещиков и полиции в деревнях.

*«Пролетарий» № 16,
от 1 сентября 1905 г.*

Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?

У нас, в России, политическое воспитание народа и интеллигенции совсем еще ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем еще почти не выработаны. У нас слишком легко берут на веру любой протест против самодержавия, относясь с недоброжелательством ко всякой критике характера и сущности этого протеста, как к вредному разъединению освободительного движения. Неудивительно, что под этим общим флагом освобождения и издаваемое под редакцией г. Струве «Освобождение» широко распространяется среди всех и всяких вольномыслящих интеллигентов, ненавидящих анализ классового содержания «освобожденского» либерализма.

А ведь освобожденский либерализм есть лишь более систематическое, свободное от цензуры выражение основных черт всего русского либерализма. Чем дальше идет вперед революция, тем больше разоблачает себя этот либерализм, тем непростительнее становится боязнь взглянуть истине прямо в лицо, понять действительную суть этого либерализма. Чрезвычайно характерны в этом отношении «Политические письма» известного историка г. Павла Виноградова в известном либеральном органе, «Русских Ведомостях» (5 августа). Не менее характерно и то, что другие либеральные газеты, вроде «Нашей Жизни», перепечатали выдержки из этого почтенного произведения без единого слова возмущения и негодования. Г. Павел Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии: его откровенность может быть была бы сочтена неуместной теми или иными более ловкими либералами, но тем ценнее она для сознательных рабочих. Вот заключительные слова статьи г. Виноградова, выражающие всю ее квинт-эссенцию:

«Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.».

«Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозят на последнем пути неслыханные опасности, если не погибель. Нежелательно дожиться до предметных уроков на темы о власти, порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более, что эти предметные уроки будет давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию».

Вот о чем думает больше всего русский буржуа: о неслыханных опасностях «пути» 1789 года! Буржуа не прочь от пути Германии в 1848 году, но «все усилия» он употребит для избежания пути Фран-

ции. Поучительное изречение, над которым стоит очень и очень задуматься.

В чем коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведен до конца, а во втором — нет; — в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции; — во втором случае прошел под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс; в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию; — во втором случае быстро привел к «успокоению» страны, т.-е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра»; в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление «урядников и вахмистров».

И вот ученый лакей российской буржуазии выступает в «почтеннейшем» либеральном органе с предостережением против первого «французского» пути. Ученый историк желает «немецкого» пути и прямо говорит это. Он знает превосходно, что немецкий путь не обошелся без народного вооруженного восстания. В 1848 и 1849 г.г. был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным. Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 года, кончилось не свержением королевской власти, а уступками сохранившего свою власть короля, который очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки.

Итак, ученый историк буржуазии не боится восстаний народа. Он боится победы народа. Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия, ненавистная ему бюрократия, была проучена слегка народом. Он боится свержения реакционной власти народом. Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но погибели для России он ждет не от сохранения самодержавия, не от отравления народного организма медленным гниением неумерщвленного паразита монархической власти, а от полной победы народа.

Он знает, этот муж алтынной науки, что время революции есть время предметных уроков для народа, и вот он не хочет предметных уроков по части уничтожения реакции, пугая нас предметными уроками по части уничтожения революции. Он пуще огня боится того пути, когда революция хоть на небольшое время одерживала

полную победу, и он жаждет всей душой такого исхода, вроде немецкого, когда реакция на долгие и долгие периоды одерживала полнейшую победу.

Он не приветствует революции в России, а лишь старается смягчить вину ее. Он желает не победоносной революции, а неудавшейся революции. Он считает реакцию явлением законным и правомерным, естественным и прочным, надежным и благоразумным. Он считает революцию явлением незаконным, фантастическим, неправомерным, которое может быть в лучшем случае оправдано до известной степени неустойчивостью, «слабостью», «несостоятельностью» самодержавного правительства. Он смотрит на революцию, этот «объективный» историк, не как на законнейшее право народа, а лишь как на греховный и опасный прием исправления крайностей реакции. Для него революция, победившая вполне, есть «анархия», а реакция, победившая вполне, не есть анархия, а только небольшое преувеличение известных необходимых функций государства. Он не знает другой «власти», кроме монархической, другого «порядка» и другой «общественной организации», кроме буржуазных. Из тех европейских сил, которым революция в России «откроет провиденциальную миссию», он знает только «немецкого вахмистра», но не знает и знать не хочет немецкого социального демократического рабочего. Ему противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную буржуазию» (г. профессор пишет слово буржуазия в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европейской, — европейской, — культуре!). Он благодушно закрывает глаза, этот «объективный историк», на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятится назад в политическом отношении. Он боится предметных уроков «собравшегося с новыми силами урядника» и поэтому — о, вождь народа! о, политический деятель! — он пуще всего предостерегает от решительного разгрома всех «сил» современного урядника. Какая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы ученого и якобы объективного рассмотрения вопроса! Копните русского и найдете татарина, говорил Наполеон. Копните либерального российского буржуа, скажем мы, и найдете одетого в новенький мундир урядника, которому оставляют $\frac{9}{10}$ его старой силы по тому глубокомысленному «ученому» и «объективному» соображению, что иначе он захочет, пожалуй, «собраться с новыми силами»! У всякого идеолога буржуазии — насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении сил реакции и «урядника», а о том, чтобы подкупить, подмаслить, умягчить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним.

Как бесподобно подтверждает этот ученейший идеолог буржуазии все то, что мы не раз уже говорили в «Пролетарии» о сущности и характере российского либерализма. В отличие от европейской буржуазии, которая была в свое время революционной и десятки лет спустя становилась на сторону реакции, наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может, по классовому положению, хотеть революцию. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа.

И какой поучительный урок дает этот мудрец либеральной буржуазии тем доктринерам социал-демократии, которые договорились до следующей резолюции, принятой кавказскими новоискровцами и специально одобренной редакцией «Искры» в особом листке. Эта резолюция (вместе с одобрением «Искры») перепечатана полностью в брошюре Н. Л. «Две тактики» (стр. 68—69), но так как товарищам в России она мало известна, так как редакция «Искры» сама не пожелала перепечатать в своей газете этой «весьма удачной», по ее мнению, резолюции, то мы приводим ее здесь целиком в поучение всем социал-демократам и в посрамление «Искры»:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления социал-демократического сознания пролетариата, конференция (кавказская конференция новоискровцев) в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя высказывается против образования социал-демократического Временного Правительства и вступления в него, а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне на буржуазное Временное Правительство для усиленной демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами Временного Правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от соц.-дем. партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса, вплоть до осуществления социализма, с другой, заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабить ее размах».

Эта резолюция — позорная, ибо она выражает (помимо воли и сознания писавших ее, которые встали на наклонную плоскость оппортунизма) предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведенной цитатой из г. Виноградова (а подоб-

ных цитат всякий найдет сотни и тысячи в либеральной публицистике), чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, уже отшатнулся от дела революции. Не ослабил ли он этим «размаха революции», господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их ценой вашего воздержания от руководства революцией не «отшатываться от дела революции»?

*«Пролетарий» № 16,
от 1 сентября 1905 г.*

Мир и реакция.

Мир заключен ¹⁸⁵). После ряда поражений, небывалых в истории, царскому правительству удалось, при помощи европейской и американской буржуазии, добиться ценою тяжелых уступок остановки победоносного натиска Японии. Вопреки всем дипломатическим уловкам и уверткам, царское правительство на деле признало себя побежденным. Россия теряет часть своей территории. Позорный конец позорной войны на долгие годы оставит свои следы. Но европейский и американский капиталы соединились, чтобы не позволить Японии добить самодержавие, ибо быстрый крах его грозит революционным пожаром в Европе, восстаниями пролетариата против буржуазии. Правящая клика царских слуг с облегчением вздыхает: одна гора свалилась с ее плеч. Но может ли то же сказать русский народ?

Когда пришло известие о заключении мира, известный американский писатель Марк Твэн воскликнул: «Думаю, что благо, принесенное этим миром, не может даже отдаленно сравниться с причиненным им злом. Еще одно поражение — и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи. Я желал этого нового поражения русских. Я думаю, что Портсмутский мир — одно из печальных событий истории».

Мы не разделяем мрачного пессимизма Марка Твэна. Нам кажется, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависит не только от исхода войны. Но одно несомненно: поскольку развитие русской революции, а следовательно и полное освобождение русского народа от цепей самодержавного порядка, зависит от военного поражения царизма, — постольку это развитие тормозится и осложняется Портсмутским миром. Развитие политического самосознания в рабочем классе и в широких слоях народа вообще шло за последние годы русской жизни с невиданной прежде быстротой. Народ начал сознавать себя верховной, суверенной силой

в государстве. Идея Учредительного Собрания на началах всенародных выборов, как политического выражения самодержавия народа, стала ходячим лозунгом дня, проникла во все уголки России, отразилась даже в приговорах волостных сходов. Но две самодержавные власти не могут существовать в одном государстве. Либо самодержавие царя, либо самодержавие народа. Между тем и другим неизбежна беспощадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. И эта борьба началась. Народ, с революционным пролетариатом во главе, вел эту борьбу, проникаясь сознанием своего верховного права, жгучей потребностью свободы. Творческим элементам народной революции правительство противопоставило разрушительные силы «порядка» — пулю и штык. Но военное могущество самодержавия — его единственная опора — подверглось в это время тяжелым испытаниям войны с Японией. Поражения шли за поражениями, одно тяжелее другого, одно позорнее другого. И всякий новый удар, нанесенный военной силе царизма, пробивал брешь, в которую устремлялись новые волны революционного потока. Победоносная Япония являлась таким образом невольным союзником — далеким, незнакомым, стихийным союзником русского освободительного движения. Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции.

Война сама по себе, независимо от ее исторического значения, есть великое народное бедствие. Она уносит десятки и сотни тысяч молодых жизней, она разоряет семьи убитых и изувеченных, лишая их работников, она останавливает промышленную жизнь страны, выбрасывая на улицу целые армии безработных, она бессмысленно поглощает миллиарды народных денег. Да, война — это великое народное бедствие. Но социал-демократ не может рассматривать войну независимо от ее исторического значения. Для него не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолютного блага и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса, пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям. Выше интересов личностей, гибнущих и страдающих от войны, должны стоять интересы класса. И если данная война служит интересам пролетариата, как класса, пролетариата, в целом, если она освобождает его от части уз, дает ему свободу борьбы и развития, — то такая война есть явление прогрессивное, независимо от жертв и страданий, которые она влечет за собой.

С абсолютной точки зрения революция есть такое же бедствие, как и война. Революция — тоже война, гражданская война, война более разрушительная и ужасная, происходящая всецело на территории дан-

ного народа и вовлекающая в борьбу все слои населения. Революция, как и война, несет с собой смерть, пожар, разорение, голод. Но разве повернется хоть у одного революционера язык, чтобы протестовать против революции, выдвигать против нее то соображение, что она есть бедствие, независимо от ее результатов? А между тем именно с этой сентиментально-этической точки зрения раздавался в известной части русской социал-демократии протест против войны. В то время как левое крыло Российской социал-демократии, клеймя войну, протестуя против нее, требуя ее прекращения, связывало это прекращение с созывом Учредительного Собрания, ставило одной из первых задач Учредительного Собрания прекратить преступную войну, — «Искра» выдвигала лозунг: «мир во что бы то ни стало». Мир во что бы то ни стало — это значит мир, хотя бы ценой сохранения самодержавия, хотя бы ценой подавления революции. Такая постановка вопроса противоречит всей позиции социал-демократии, такой лозунг противоречит самым жизненным интересам пролетариата. Мы указывали в свое время (см. «Вперед» № 2, «Падение Порт-Артура» и № 13 «Европейский капитал и самодержавие»), что лозунг, выдвинутый «Искрой», играет на руку реакции. После того, как военное могущество самодержавия было разбито, после того, как всем неослепленным стало ясно, что царское правительство не сможет уже оправиться от разгрома и закончить войну, — если не победоносно, то хоть с честью, — лозунгом европейской реакции, европейской буржуазии стал «мир во что бы то ни стало», мир — с целью не допустить падения самодержавия. Ведя агитацию за «мир во что бы то ни стало», проводя в рабочих собраниях соответствующие резолюции, мы играли бы на руку реакции, создавая тот «глас народа», который мог бы быть очень удобно использован правительством, если бы крайняя необходимость спасения самодержавия заставила его по своей инициативе начать переговоры о мире.

Насколько правы были мы, протестуя против безоговорочного требования мира, против выдвигания таких двусмысленных лозунгов, как «мир во что бы то ни стало», показала теперь действительность. Мир теперь заключен — и заключен, в точном соответствии с лозунгом «Искры», «во что бы то ни стало». Он заключен без участия какого бы то ни было народного представительства, заключен самим царским правительством и, конечно, не ради интересов народа. Те, кому нужен и важен был та кой мир, начинают теперь высказываться откровенно. «России... пришлось вести параллельно две войны за свое международное и государственное положение, — пишут «Московские Ведомости» в № от 18 (31) августа:— войну внешнюю и войну внутреннюю. Если она ни той, ни другой не вела с достаточной энергией,

а потому ни в той, ни в другой не достигла желанных успехов, то это отчасти может объясниться тем, что одна война мешала другой, и Россия не могла в достаточной степени сосредоточиться ни на внешних, ни на внутренних своих врагах».

«Если теперь, как нужно полагать, — продолжает реакционная газета, — война на Дальнем Востоке прекратится, то у России будут, наконец, развязаны руки, чтобы победоносно прекратить и внутреннюю войну. Это ей будет тем легче, что здесь уже не будет надобности в торжественных «мирных переговорах» с представителями враждующего государства, а, следовательно, не нужно будет и назначать для этих переговоров особенного «уполномоченного», вверяя ему честь и достоинство России; нет, положить конец внутренней войне правительство имеет не только право, но и обязанность без всяких переговоров с врагом, а посредством энергичных, разумных и последовательных мер, клонящихся к окончательному его подавлению». — «С прекращением войны все внимание России сосредоточится на внутренней ее жизни и, главным образом, на усмирении смуты». Мир развязал руки реакции, и она начинает высказываться прямо и откровенно. И эта прямая и откровенная речь «Московских Ведомостей» лучше всяких трактатов выясняет политическое значение войны с Японией для всей общественной жизни России, для русской революции вообще, для российского пролетариата — в частности. Она показывает, насколько близок к правде Марк Твэн, говоря: «Еще поражение — и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи».

Мы сказали выше, что не разделяем мрачного взгляда Твэна на последствия Портсмутского мира. Мы думаем, что судьба «миллионов и миллионов еще не родившихся русских» зависит не только от исхода войны. Война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции, она в некоторых отношениях вполне заслуживает названия войны революционной, — но все же она была только подспорьем, только сторонней помощью. История знает еще более сильные разгромы самодержавных государств, вызывавшие, однако, не революцию, а, напротив, взрыв патриотизма. Следовательно, основным социальным фактом является не война, а внутренние экономические условия жизни страны, развитие которой несовместимо с существованием самодержавия. Война несомненно сильно революционизировала умы, она восстановила против правительства широкие круги крестьянства, разоряющегося вследствие мобилизаций, она озлобила массы несознательных рабочих, изнуренных безработицей, она дезорганизовала армию. Но все же главное влияние оказала война не на усиление революции, а на ослабление правительства.

В этом основное прогрессивное значение минувшей войны, и это прекрасно понимает сама реакция, как мы слышали уже из уст «Московских Ведомостей».

Но если с прекращением войны прекращается и непосредственный разгром сил самодержавия, то далеко еще не прекращается от этого революция. Напротив, есть основание ожидать, что в ближайшем будущем революция может получить новый толчок. Во-первых, толчком этим непременно является агитация против Государственной Думы, по поводу выборов в Думу, по поводу конституционных конфликтов внутри Думы, если она все же соберется. Во-вторых, тяжелые экономические последствия войны начнут сказываться с особенной силой лишь спустя некоторое время после заключения мира, когда все яснее и яснее станет бремя расплаты за войну. В-третьих, толчка этого следует ожидать от возвращения маньчжурской армии и солдат из японского плена. Несмотря на варварскую военную цензуру, в заграничные газеты проникали известия о революционном настроении в армии, о широкой социал-демократической агитации, о массе листов, о полевых судах и расстрелах за агитацию. И теперь, когда правительству приходится вернуть в Россию этот рассадник революции, оно оказывается в критическом положении. Уже носятся слухи, — они распространяются от «Света» до «Сына Отечества», — будто правительство намерено оставить армию на Дальнем Востоке. По договору о мире оно выговорило себе право увести войска в течение 18 месяцев. Теперь, в связи с протестом японского народа против мира, выдвигаются доводы, что необходимо оставить войска на театре военных действий, так как нельзя доверять «коварным» японцам, нельзя полагаться, что они не нарушат мира. Из этой двусмысленной политики ясно одно: правительство хочет всеми силами оградить себя от революционизированной маньчжурской армии. Но, с другой стороны, и оставление армии на Дальнем Востоке чревато для правительства новыми бедами: каждый месяц промедления грозит превратить революционизированную армию в армию революционную. Так мечется царское самодержавие между двух огней, теряя голову и неспособное сообразить, который из них для него губительнее.

Марк Твэн не дооценивает значения народной революции. Он упускает из виду, что новое поражение царской власти не только тогда снимет цепи с миллионов не родившихся еще русских, когда миллионы угнетаемых теперь русских сумеют воспользоваться этим поражением, произведя с своей стороны натиск на самодержавие. Полагаясь гораздо более на борьбу самого народа, чем на благоприятные международные осложнения, более на войну внутреннюю, чем на войну внешнюю, мы, естественно, не разделяем пессимизма Твэна. Крайности нередко сходятся в оценке событий, — и мы смотрим на Портсмутский мир так же,

как и «Московские Ведомости», — именно, как на поворотный пункт в революции. Реакция освободила свои руки и стягивает свои силы. Революция не должна уступать ей в этом; она должна стянуть свои силы, должна удвоить энергию и напряженность своей работы, чтобы подгот- вить решительный удар. Реакция готовится подавить народное движение «без всяких переговоров», — народ должен также без переговоров раз- давить реакцию. Необходимость вооруженного народного восстания роковым образом диктуется всей политической позицией настоящего момента, насущными нуждами русского народа, классовыми интересами пролетариата. Японии не позволили добыть царского могущества — эта задача целиком выпадает на долю революционного народа. Его сво- бода, его судьба в его руках. Он должен нанести окончательный удар самодержавию, и тогда «с миллионов и миллионов еще не родившихся русских» действительно спадут цепи.

*«Пролетарий» № 17.
от 1 сентября 1905 г.*

Встреча друзей.

В последние дни иностранные газеты, следящие чрезвычайно внима- тельно за развитием политического кризиса в России, принесли ряд инте- ресных вестей о деяниях земцев и освобожденцев. Вот эти вести.

«Конференция предводителей дворянства в Петербурге после двух- часового обсуждения пришла к полному соглашению с министром вну- тренних дел относительно выборов в Гос. Думу («Voss. Ztg.», 16 — IX). «Из всех русских губерний и городов сообщают о полном равнодушии большинства избирателей по отношению к предоставленным им полити- ческим правам» (там же). Головин (предс. Моск. Губ. Земск. Управы) ведет переговоры с Дурново (Моск. ген.-губ.) о разрешении съезда зем- цев. Дурново сказал Головину, что вполне сочувствует земцам, но что ему приказано всеми силами помешать съезду. Головин сослался на съезд профессоров. Дурново ответил, что «это вещь совсем иная, ибо студен- тов, во всяком случае, следовало уговорить возобновить занятия» («Frfr. Ztg.» 17 — IX).

«Съезд земцев разрешен в Москве на 25 сентября в целях обсужде- ния избирательной программы, с тем, чтобы он строго держался этого вопроса» («Times» 18 — IX, телеграмма из Спб.). «Г. Головин посетил сегодня ген.-губернатора для переговоров о предстоящем съезде земцев. Его превосходительство заявил, что съезд разрешен, но что его про- граммa должна быть ограничена тремя вопросами: 1) участие земств и городов в выборах в Гос. Думу; 2) организация избирательной кампа-

нии; 3) участие земств и городов в помощи голодающим» (там же, телеграмма из Москвы).

Друзья встретились и друзья сговорились. Соглашение между Головиным (вождь земской партии) и Дурново достигнуто. Только младенцы могли бы не видеть того, что соглашение основано на взаимных уступках, на принципе *do ut des* (я даю тебе, ты даешь мне). Что уступило самодержавие, это ясно: оно разрешило съезд. Что уступила земская (или освобожденская? Аллах их разберет! Да и стоит ли их разбирать?) партия, этого никто не говорит. Буржуазия имеет все основания скрывать свои переговоры с самодержавием. Но если мы не знаем деталей, подробностей, то мы превосходно знаем суть уступок буржуазии. Буржуазия обещала самодержавию сбавить свой революционный пыл, который состоял в том, что Петрункевича считали при дворе бывшим революционером... Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить. Размер скидки нам неизвестен. Но мы знаем, что «запросная цена» буржуазии была двоякая: для народа — монархическая конституция с двумя палатами; для царя — созыв народных представителей и только (ибо о большем знаменитая делегация земцев не осмелилась говорить Николаю II). Вот с этой-то двойной запросной цены буржуазия обещала теперь скидку самодержавию. Буржуазия обещала быть верноподданной, лояльной, легальной *).

Друзья встретились и друзья согласились.

Приблизительно в то же время начали встречаться и соглашаться другие друзья. Петербургский корреспондент биржевой «Франкфуртской Газеты» (15 сентября) сообщает, что состоялся тайный съезд «Союза Освобождения», повидимому, в Москве. «На собрании было решено превратить Союз Освобождения в демократическо-конституционную партию. Предложение это было сделано земцами, принадлежащими к Союзу Освобождения, и съезд (или конференция?) принял его единогласно. Затем выбрано было 40 членов Союза Освобождения для выработки программы партии и для редактирования ее. Эта комиссия вскоре начинает свои работы». Обсуждали вопрос о Гос. Думе. После оживленных дебатов решили участвовать в выборах, «однако, с тем условием, чтобы выбранные члены партии принимали участие в Гос. Думе не в целях занятия текущими делами,

*) От 21 сентября и. ст. в заграничных газетах сообщалось из Петербурга что бюро земского съезда получает много отказов участвовать в съезде 25 сентября на том основании, что программа съезда значительно урезана правительством. Не ручаемся за верность этого сообщения, но даже и в качестве слуха оно безусловно подтверждает наш взгляд на значение переговоров Головина с Дурново.

а в целях продолжения борьбы внутри самой Думы». В дебатах указывали на то, что широкий (или всесторонний, *weit-gehender*) бойкот не возможен, а только такой бойкот имел бы смысл. (Неужели никто не воскликнул на вашем собрании, господа: не говори: не могу, а говори: не хочу? Прим. Ред. «Пролетария».) Но собрание полагает, что Гос. Дума есть хорошее поприще для пропаганды демократических идей. «Всякий истинный друг народа, — сказано в протоколе собрания, — всякий друг свободы пойдет в Гос. Думу лишь затем, чтобы бороться за конституционное государство». (Припомните освобожденного С. С., который разъяснял всем и каждому, что для радикальной интеллигенции центр тяжести лежит в расширении избирательного права, а для земцев, для помещиков и капиталистов — в расширении прав Гос. Думы. Ред. «Пролетария».) «При этом собранием было указано на то, что демократические члены Думы должны иметь в виду при этой борьбе полный разрыв с существующим правительством (курсив оригинала) и не должны бояться такого разрыва. Эти решения собрания будут, разумеется, отпечатаны и распространены». (Ред. «Пролетария» пока не имеет ни этого листка, ни сведений о нем из России.) «Влияние «освобожденных», как называют себя члены Союза Освобождения, очень велико. К числу их принадлежат представители самых различных кругов общества, во главе их стоят земские деятели. Поэтому их избирательная агитация в близких им кругах общества, удовлетворяющих требованиям ценза, приобретает большое значение. Не подлежит сомнению, что крепкое ядро освобожденных проникнет в Гос. Думу и составит в ней левую, как только Гос. Дума превратится в настоящее народное представительство. Если этим радикалам удастся привлечь на свою сторону кандидатов умеренных земств и городов, то дело может дойти до провозглашения Учредительного Собрания.

«Участие русских политических партий в выборах является, таким образом, вопросом, повидимому, решенным, ибо и Союз Союзов, в конце концов, высказался за участие. Против выборов в Думу агитирует только еврейский Бунд, да и рабочие в разных городах устраивают большие митинги, категорически протестуя против Гос. Думы, из которой они исключены»...

Так пишет историю русской революции корреспондент немецкой буржуазной газеты. Вероятно, в его сообщениях есть частные ошибки, но в общем и целом они, несомненно, близки к истине, — разумеется, что касается фактов, а не предсказаний.

Каков же истинный смысл описываемых им фактов?

Буржуазия российская, как мы уже сотни раз указывали, маклерствует между царем и народом, между властью и революцией, желая использовать последнюю для обеспечения себе власти в своих классовых

интересах. Поэтому, пока она еще не достигла власти, она должна стремиться к «дружбе» и с царем и с революцией. Вот она и стремится. Именитого Головина она посылает дружить с Дурново. Анонимного борзописца она посылает дружить с «народом», с революцией. Там друзья встретились и согласились. Здесь они протягивают руку, ласково кивают головой, обещают быть истинными друзьями народа, друзьями свободы, клянутся участвовать в Думе только для борьбы, исключительно для борьбы, божатся, что они совершенно рвут, окончательно рвут с существующим правительством, сулят даже перспективу провозглашения Учредительного Собрания. Они радикальничают, забегают перед революционерами, заискивают у них для получения звания друзей народа и свободы, они готовы посулить что угодно, — а в о с ь к л ю н е т !

И клюнуло. Ключула новая «Искра» с Парвусом во главе. Друзья встретились и начали переговоры о соглашении. Надо взять с о в о б о ж д е н ц е в, идущих в Думу, революционное обязательство, — кричит Череванин («Искра», № 108). — Мы согласны, вполне согласны, отвечают освобожденные. Мы провозгласим Учредительное Собрание. Надо оказывать давление, чтобы выбирали только решительных сторонников свободного и демократического представительства, вторит Череванину Мартов («Венская Рабочая Газета», переведено в «Пролетарии», № 15). Разумеется, разумеется, — отвечают освобожденные, — мы, ей-богу же, самые решительные, мы идем на полный разрыв с существующим правительством. Надо напомнить им, что они обязаны выражать интересы народа, надо заставить их выражать интересы народа, — гремит наш Ледрю-Роллэн, Парвус. — О, да, отвечают освобожденные. Мы даже в протоколе записали, что мы истинные друзья народа, друзья свободы. Надо образовать политические партии, требует Парвус. — Готово, — отвечают освобожденные. Мы уже называемся конституционно-демократической партией. — Надо иметь ясную программу, — настаивает Парвус. — Помилуйте, — отвечают освобожденные, да мы сорок человек посадили писать программы, да мы сколько угодно, помилуйте!..—Надо заключить соглашение о поддержке социал-демократами освобожденных, — заключают все новоисковцы хором. Освобожденные проливают слезы умиления. Головин едет с поздравительным визитом к Дурново.

Кто тут комедианты и кто одураченные?

Все ошибки искровской тактики в вопросе о Думе привели теперь к их естественному и неизбежному финалу. Позорная роль, которую сыграла «Искра» своей войной против идеи активного бойкота, видна теперь всем и каждому. Кому пошла на пользу искровская тактика, — это не подлежит теперь сомнению. Идея активного бойкота похоронена большинством монархической буржуазии. Искровская так-

тика похоронена будет неизбежно большинством Российской социал-демократии.

Парвус зарпортовался до того, что заговорил о формальном соглашении с освобожденцами («демократами»), о связывании их и с.-д. общей политической ответственностью, о поддержке освобожденных социал-демократами, на основании точно определенных условий и требований, — от этой нелепости и от этого позора будут, вероятно, открещиваться даже новоискровцы. Но Парвус только прямее и грубее выразил основную идею новоискровства. Формальная поддержка, предложенная Парвусом, есть лишь неизбежный вывод из той моральной поддержки, которую все время оказывала новая «Искра» монархической буржуазии, осуждая активный бойкот Думы, оправдывая и защищая идею вступления в Думу демократов, занимаясь игрой в парламентаризм при условиях, когда нет на-лицо никакого парламента. Недаром было сказано: парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно.

Основная ошибка новоискровцев проявила себя. Они все время прикрывали глаза на теорию соглашения, эту основную политическую теорию освобожденства, это глубочайшее и вернейшее выражение классовой позиции и классовых интересов российской буржуазии. Они напирали и напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: соглашение буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А между тем именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план, приобретает все более и более коренное значение с каждым шагом вперед российской революции, с каждым месяцем затяжки того положения, которое так невыносимо для буржуазных сторонников порядка.

Основная ошибка новоискровцев повела к тому, что они в корне неправильно оценили способы использования социал-демократией конфликтов между буржуазией и самодержавием, способы разжигания этих конфликтов нашими усилиями. Да, мы обязаны безусловно и всегда разжигать эти конфликты, и без Думы, и до Думы, и в Думе, если она соберется. Но средство этого разжигания видят новоискровцы совсем не там, где следует. Вместо того чтобы разжечь огонек, сломав окна и дав простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, они потеют, сочиняя игрушечные мехи, и раздувая освобожденский, революционный пыл скоморошескими требованиями, да условиями, предъявляемыми к освобожденцам.

Да, мы обязаны поддерживать буржуазию всегда, когда она выступает революционно. Но эта поддержка всегда состояла у нас (вспомните отношение «Зари» и старой «Искры» к «Освобождению») и всегда будет

состоять у революционной социал-демократии прежде всего и больше всего в беспощадном разоблачении и клеймении всякого ложного шага этой «демократической», с позволения сказать, буржуазии. Поскольку мы можем влиять на демократизм буржуазии, это влияние будет реальным лишь тогда, когда всякое выступление буржуазного демократа перед рабочими, перед сознательными крестьянами будет казнью всех измен, всех ошибок этой буржуазии, казнью за неисполненные обещания, за опровергаемые жизнью и делами красивые слова. Когда эта буржуазия вчера кричала на всю Европу о бойкоте Думы, а сегодня уже сподличала, взяла свои обещания назад, перерешила решения, переделала резолюции, сталкивалась о легальном образе действия со всеми Дурново, — тогда мы должны не поддерживать морально этих лгунов и лакеев самодержавия; не давать им выпутаться, не позволять им соваться к рабочим с новыми обещаниями (которые так же точно полетят к чорту, когда Дума превратится из законосовещательной в законодательную), нет, мы должны клеймить их и внушать всему пролетариату неизбежность и неминуемость новых измен этой буржуазной «демократии», этих соглашателей конституции с Треповым, социал-демократии с освобожденством. Мы должны доказывать и показывать всем рабочим, на основании, между прочим, и обмана буржуазией народа в вопросе о бойкоте, — показывать, что все эти Петрункевичи и К^о вполне уже оперившиеся Кавеньяки и Тьеры.

Допустим, что мы не осилим задачи сорвать эту Думу до ее появления на свет. Допустим, что Дума собралась. В ней неизбежны конституционные конфликты, ибо буржуазия не может не стремиться к власти. Мы обязаны и тогда поддерживать это стремление, ибо конституционный порядок дает кое-что и пролетариату, ибо господство буржуазии, как класса, расчистит почву для нашей борьбы за социализм. Все это так. Но здесь не кончается, а именно только начинается наше коренное расхождение с новой «Искрой». Это расхождение — не по вопросу о том, надо ли поддерживать буржуазный демократизм, а по вопросу о том, чем его поддерживать в революционную эпоху, как на него давить. Оправдывая их предательство или закрывая глаза на него, спеша заключить сделки с ним, торопясь играть в парламентаризм, взимая с них обещания и обязательство, вы достигните лишь того, что о н и д а в я т в а с , а н е в ы н а н и х ! Мы дожили до революции. Времена одного только литературного давления уже прошли. Времена давления парламентского еще не настали. Действительное, а не игрушечное давление может оказать только восстание. Когда гражданская война охватила всю страну, — давление оказывают военной силой, прямым сражением, и всякие иные попытки давления — пустая и жалкая фраза. Ни один человек не решался еще утверждать, что эпоха восста-

ния миновала для России. А раз это так, — то всякое отстранение от задачи восстания, всякая отговорка от ее необходимости, всякая «скидка» в наших требованиях к буржуазной демократии с требованиями участвовать в восстании — есть складывание оружия перед буржуазией, есть превращение пролетариата в ее прихвостня. Пролетариат нигде еще в мире и ни разу не выпускал из рук оружия, когда начиналась серьезная борьба, ни разу еще не уступал проклятому наследию гнета и эксплуатации без того, чтобы померяться силами с врагом. Вот где теперь наши орудия давления, наши надежды на давление. Никто не сможет предсказать исхода борьбы. Победит пролетариат, — и революцию будут делать рабочие да крестьяне, а не Головины да Струве. Будет разбит пролетариат, — тогда буржуазия получит себе новые конституционные награды за помощь самодержавию в этой борьбе. Тогда, и только тогда начнется новая эпоха, выступит новое поколение, повторится европейская история, парламентаризм станет на время действительным оселком всей политики.

Вы хотите теперь же оказывать давление? — готовьте восстание, проповедуйте его, организуйте его. Только в нем возможность того, чтобы комедия Думы не была концом русской буржуазной революции, а стала началом полного демократического переворота, зажигающего пожар пролетарских революций во всем мире. Только в нем залог того, что наш «соединенный ландтаг» станет прелюдией к Учредительному Собранию не-франкфуртского типа, что революция не кончится одним 18-м марта (1848), что у нас будет не только 14-е июля (1789), но и 10-е августа (1792). Только в нем, а не в подписках, взятых с освобожденных, порука за то, что из их рядов могут выйти отдельные Иоганны Якоби, которых оттолкнет, наконец, мерзость головинского пресмыкательства, которые в последнюю минуту пойдут сражаться за революцию в рядах пролетариата и крестьянства.

*«Пролетарий» № 18,
от 13 сентября 1905 г.*

Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги!

Спор о тактике по отношению к Гос. Думе все разгорается. Разногласие между «Искрой» и «Пролетарием» становится все глубже, особенно после статьи Парвуса в «Искре»¹⁸⁸).

Спорить о тактике необходимо. Но обязательно при этом добиваться полнейшей ясности. Вопросы тактики это — вопросы политического поведения партии. Обосновывать то или иное поведение можно и должно и теорией, и историческими справками, и анализом всей политической ситуации, и т. д. Но партия борющегося класса обязана

при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований, ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет? делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то или не делать?

Эти ясные ответы обязательны и для того, чтобы не преувеличивать, не запутывать разногласий, и для того, чтобы рабочий класс знал с полнейшей точностью, какие именно конкретные советы дают ему те или иные с.-д. в данный момент.

В видах внесения полной ясности в наши споры с «Искрой», мы даем следующий список конкретных вопросов политического поведения с.-д. в настоящей агитационной думской кампании. Не претендуя несколько на исчерпывающую полноту этого списка, мы будем очень рады всяким указаниям на необходимость его дополнения, изменения или расчленения тех или других вопросов. Само собою разумеется, что относящееся к избирательным собраниям относится также ко всем и всяческим собраниям вообще.

Какие советы дают соц.-дем. пролетариату по отношению к Государственной Думе.

	«Искра».	«Пролетарий».
1. Проникать ли рабочим в избирательные собрания?	Да.	Да.
2. Проникать ли рабочим в избирательные собрания даже силой?	Да.	Да.
3. Говорить ли на этих собраниях о полной негодности Государственной Думы и во всех целях, о всей программе социал-демократии.	Да.	Да.
4. Призывать ли на этих собраниях рабочих и весь народ к вооруженному восстанию, образованию революционной армии и Временного Революционного Правительства?	?	Да.
5. Делать ли из этих (п. 4) лозунгов центральный пункт всей нашей «думской» кампании?	Нет.	Да.
6. Клеймить ли идущих в Государственную Думу «освободенцев» (или «конст.-дем.»), как буржуазных предателей, проводящих «соглашение» с царем?	Нет.	Да.
7. Говорить ли нам, соц.-дем., народу о предпочтительности выборов в Государственную Думу Петрункевичей или Стаховичей и т. п.?	Да.	Нет.
8. Заключать ли какие бы то ни было соглашения с освободенцами о поддержке их нами на основании тех или иных условий, требований, обязательств и т. под.?	Да.	Нет.
9. Делать ли из лозунга: «революционное самоуправление» центральный пункт нашей агитации?	Да.	Нет.
10. Призывать ли народ теперь же к выборам всеобщим голосованием органов революционного самоуправления, а через них и Учредительного Собрания?	Да.	Нет.
11. Выбирать ли нам социал-демократические избирательные комитеты? выставлять ли наши социал-демократические кандидатуры в Государственную Думу?	Да.	Нет.

«Пролетарий» № 18,

от 13 сентября 1905 г.

Игра в парламентаризм.

Мы уже неоднократно (в № 12 «Пролетария» до закона о Гос. Думе, в №№ 14 — 17 после 6-го августа) *) развивали нашу тактику по отношению к Государственной Думе и теперь должны вновь рассмотреть ее в сопоставлении с новыми взглядами, которые высказал Парвус (отд. оттиск из № 110 «Искры», статья: «Социал-демократия и Гос. Дума»).

Проследим сначала шаг за шагом основное рассуждение Парвуса. «Мы должны до последней крайности бороться против подставного парламента, этой смеси подлости и ничтожества», — начинает он свою статью и к этому справедливому положению добавляет сейчас же не менее справедливое следующее: «Свергнуть Гос. Думу... мы можем только народным восстанием. Заставить правительство изменить избирательное право и расширить права Думы мы можем опять-таки только народным восстанием». Превосходно. Каковы же, спрашивается, должны быть наши лозунги и агитации по поводу Гос. Думы? Каковы главные и особенно важные формы организации борьбы против смеси подлости и ничтожества? Парвус ставит вопрос, в сущности, так же: «То, что мы можем внести с своей стороны для подготовки восстания, это — агитация и организация». И вот как решает он первую часть этого вопроса об отношении к избирательным собраниям.

«Если мы будем мешать этим собраниям, — пишет Парвус, — если мы будем срывать их, мы только окажем услугу правительству».

Итак, Парвус против того, чтобы рабочие мешали кучке помещиков и купцов ограничивать предмет обсуждения на избирательных собраниях подлой и ничтожной Государственной Думой? Парвус против того, чтобы рабочие пользовались избирательными собраниями для критики «подлой» Гос. Думы и развития своих социал-демократических взглядов и своих лозунгов?

Выходит так, но вслед за приведенной фразой Парвус говорит уже другое: «То, чего рабочим не дают добровольно, — читаем в его статье, — они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить их в рабочие собрания (курсив в цитатах везде наш. Ред. «Пролетария»). Вместо рассуждений о том, избирать ли Ивана Фомича или Фому Ивановича, они поставят на очередь политические вопросы (Парвус хотел, вероятно, сказать: с.-д. вопросы, ибо вопрос о выборах Фомы или Ивана есть тоже политический вопрос). Тут мы можем обсуждать и политику правительства, и тактику либералов, и классовую борьбу, и самую Гос. Думу. Все это ведет к революционизированию масс».

*) См. выше 428 — 440 стр. этого тома. Ред.

Посмотрите же, что вышло у Парвуса. С одной стороны, мешать собраниям Трубецких, Петрункевичей и Стаховичей¹⁸⁷⁾ не следует. Идею бойкота Парвус в конце своей статьи определенно осуждает. С другой стороны, на собрание мы должны явиться: 1) силой; 2) «п р е в р а т и т ь» собрание Петрункевичей и Стаховичей в «рабочее собрание»; 3) в м е с т о рассуждений о том, для чего собрание сошлось (выбирать ли Фому или Ивана?), обсуждать наши с.-д. вопросы, и классовую борьбу, и социализм, и, разумеется, необходимость народного восстания, его условия, его задачи, его средства, приемы, орудия, его органы, — такие, как революционная армия и революционное правительство. Мы говорим: разумеется, хотя Парвус ни слова не проронил о проповеди восстания на избирательных собраниях, ибо он сам вначале признал, что мы должны бороться до последней крайности и что мы можем достигнуть наших ближайших целей т о л ь к о восстанием.

Ясно, что Парвус запутался. Он воюет против идеи бойкота, он не советует мешать собраниям и срывать их, а тут же, рядом, советует проникать в собрания с и л о й (это не значит «срывать»?), превращать их в рабочие собрания (это не значит «мешать» Петрункевичам и Стаховичам?), обсуждать н е д у м с к и е, а свои, социал-демократические, революционные вопросы, которых Петрункевичи обсуждать всерьез не хотят, а рабочие и сознательные крестьяне очень хотят и непременно будут обсуждать.

Отчего же запутался Парвус? Оттого, что он не понял предмета спора. Он собрался воевать против идеи бойкота, вообразив, что бойкот значит простое отстранение, отказ от мысли использовать избирательные собрания для н а ш е й агитации. Между тем, такой пассивный бойкот никем даже в легальной печати, не говоря уже о нелегальной, не проповедуется. Парвус обнаруживает полнейшее незнание русских политических вопросов, когда он смешивает пассивный и активный бойкот, когда он, пускаясь рассуждать о бойкоте, ни единым словом не разбирает в т о р о г о б о й к о т а.

Мы уже указывали не раз на условное значение термина «активный бойкот», отмечая, что рабочим нечего бойкотировать Государственную Думу, ибо Государственная Дума сама их бойкотирует. Но действительное содержание этого условного термина мы вполне ясно определили с самого начала, еще полтора месяца тому назад, когда в № 12 «Пролетария», до выхода закона о Гос. Думе писали: «В противоположность пассивному отстранению, активный бойкот должен означать удесятирение агитации, устройство собраний везде и повсюду, утилизацию (использование) избирательных собраний, хотя бы путем насильственного проникновения в них, устройство демонстраций, политических забастовок и т. п., и т. д.».

Итак, чего же, наконец, хочет Парвус? Когда он советует силой врываться в собрания избирателей, превращать их в рабочие собрания, обсуждать с.-д. вопросы и восстание, «вместо рассуждения о том, избрать ли Ивана Фомича или Фому Иваныча» (заметьте «вместо», а не вместе, не на-ряду,) — он советует именно активный бойкот. С Парвусом случилось, как видите, маленькое несчастье: он шел в одну дверь, а лопал в другую. Он объявил войну идее бойкота, а сам высказался (по вопросу об избирательных собраниях) за активный бойкот, т.-е. за единственный вид бойкота, который обсуждался в русской политической печати.

Конечно, Парвус может возразить, что условные термины для него не обязательны. Это возражение будет формально справедливо, но по существу никуда не годно. Обязательно знать то, о чем идет речь. О словах мы спорить не станем, но политические термины, сложившиеся уже в России, на месте действия, это — совершившийся факт, который заставит считаться с собой. Заграничный социал-демократический писатель, который вздумал бы игнорировать эти складывающиеся на месте действия лозунги, обнаружил бы только самое узкое и мертвенное литературское самомнение. Повторяем: ни о каком другом бойкоте, кроме активного, никто в России не говорил, никто в революционной печати не писал. Парвус имел бы полное право критиковать термин, отвергать или пояснять иначе его условное значение и т. д., но игнорировать его, или извращать установившееся уже значение, значит вносить путаницу в вопрос.

Нам следует рассмотреть два вопроса: 1) возможно ли на избирательных собраниях обсуждать «вместе» и выбор Ивана или Фомы, и классовую борьбу, социализм, восстание? 2) если возможно, то следует ли обсуждать вместе первый и вторые вопросы или вторые вместо первого? Кто знает русские условия, тот едва ли затруднится ответом на оба вопроса. Проникать в избирательные собрания и превращать их в рабочие собрания придется силой, т.-е. подавляя сопротивление полиции и войска прежде всего. В сколько-нибудь крупных рабочих центрах (где рабочая с.-д. партия только и может рассчитывать на руководство действительно широким, народным движением), сопротивление полиции и войска будет самое серьезное. Закрывать глаза на это было бы с нашей стороны прямо глупо. Парвус сам говорит, что «выборная агитация может каждую минуту превратиться в революционное восстание». Если так, то мы обязаны рассчитывать и сообразовать свои силы именно с задачей восстания, а не с задачей повлиять на выбор Фомы, а не Ивана в Государственную Думу. Если так, то главным и центральным лозунгом всей нашей агитационной думской кампании должен быть лозунг: вооруженное восстание, революционная армия, революционное правительство. Если так, то мы обязаны прежде всего и больше всего

проповедывать и разъяснять именно эти лозунги на всех и всяких собраниях. Поэтому Парвус опять-таки сам побивает себя, когда, с одной стороны, ждет восстания «каждую минуту», а, с другой стороны, совершенно умалчивает о проповеди восстания, разборе его условий, средств и органов, как о «нерве» думской кампании.

Далее. Рассмотрим другой случай, возможный в отдельных, особенно менее крупных центрах. Попытки силой пройти в собрание не вызывают, допустим, серьезной борьбы с правительством, не доходят до восстания. Попытки эти, допустим, увенчиваются в отдельных случаях успехом. Тогда нельзя забывать, во-первых, об учреждениях, называемым военным положением. Но всякую частичную победу народа над полицией и войском правительство отвечает, как небезызвестно, вероятно даже Парвусу, введением военного положения. Пугает ли нас эта перспектива? Нет, ибо это шаг, приближающий восстание и обостряющий вообще всю борьбу. Пугает ли это земцев и выборщиков в Думу вообще? Безусловно, да, ибо это облегчает аресты Милюковых, ибо это дает поводы правительству прикрыть часть избирательных собраний, а, может быть, и все собрания и всю Думу! Значит, дело опять сводится к тому, что одни желают восстания, проповедают его, готовят его, агитируют за него, организуют отряды восстания и т. д., а другие не хотят восстания, борются с идеей восстания, осуждают, как безумную и преступную, проповедь восстания и т. д. Неужели Парвус не знает, что эти «другие» — в с е о с в о б о ж д е н ц ы, т.-е. даже самые левые из буржуазных демократов, могущих попасть в Думу??

А если Парвус знает это, то он должен знать и следующее (это вторых). Сопrotивление насильственному проникновению в избирательные собрания и превращению их в рабочие собрания окажут не только (иногда даже не столько) полиция и войско, но и с а м и з е м ц ы, с а м и о с в о б о ж д е н ц ы. Закрывать глаза на это позволительно только детям. Земцы и освобожденцы ставят вопрос яснее и прямее, чем некоторые социал-демократы. Или готовить восстание и взять его за центр агитации и всей работы, или перейти на почву Думы и ее взять за основу всей политической борьбы. Земцы и освобожденцы уже решили этот вопрос, как мы указывали и подчеркивали не раз еще с № 12 «Пролетария». Земцы и освобожденцы идут на собрания именно для того и только для того, чтобы обсудить выбор Фомы или Ивана, Петрункевича или Стаховича, чтобы принять программу «борьбы» (борьбы в кавычках, борьбы в белых лакейских перчатках) на почве Думы и отнюдь не восстанием. Земцы и освобожденцы (мы нарочно соединяем тех и других, ибо для политического разделения их нет данных), конечно, не прочь будут допустить к себе в собрание (только там и тогда, когда это можно сделать без применения силы в сколько-нибудь значительных разме-

рах!!) революционеров и с.-д., если найдутся из этих последних неумные люди, готовые обещать «поддержку» Фомы против Ивана, Петрункевича против Стаховича. Но земцы никогда не потерпят, чтобы и х собрание превратили в рабочее собрание, чтобы и х собрание сделали народным революционным собранием, чтобы с и х трибуны звали открыто и прямо к вооруженному восстанию. Разжевывать эту очевидную истину даже несколько неловко, но для Парвуса и «Искры» приходится разжевывать ее. Земцы и освобожденцы неизбежно будут сопротивляться т а к о м у использованию их собраний, хотя эти буржуазные торгаши будут сопротивляться, т а к о м у использованию их собраний, хотя эти буржуазные торгаши будут сопротивляться конечно, не силой, а более безопасными, «мирными» и окольными средствами. Они не войдут ни в какие сделки с людьми, обещающими им «народную» поддержку Петрункевича против Стаховича, Стаховича против Грингмута, иначе как под условием не превращать избирательного собрания в рабочее собрание, под условием не пользоваться их трибуной для призыва к восстанию. Если они узнают, что на их собрания идут рабочие (а это они почти всегда узнают, ибо массовой демонстрации не скроешь), то одни из них прямо донесут начальству, другие примутся уговаривать с.-д. не делать этого, третьи побегут уверять губернаторов, что «не их в том вина», что они хотят Думы, хотят в Думу, что они всегда устами «верного собрата» г. Струве осуждали «безумную и преступную» проповедь восстания; четвертые посоветуют переменить время и место собрания; пятые, наиболее «смелые» и наиболее политически ловкие, скажут под сурдинку, что они рады выслушать рабочих, поблагодарят с.-д. оратора, расшаркаются и раскланяются перед «народом», уверят всех и каждого в красивой, эффектной и прочувствованной речи, что они всегда за народ, всей душой за народ, что они идут не с царем, а с народом, что «их» Петрункевич давно это заявил, что они «вполне согласны» с с.-д. оратором насчет «подлости и ничтожества» Гос. Думы, но что надо, говоря прекрасными словами высокочтимого парламентария Парвуса, столь кстати переносящего на непарламентскую Россию парламентские образчики фольмаровских союзов с.-д. с католиками, надо «не мешать выборной агитации, а расширять ее»; расширять же — значит не рисковать безумно судьбой Гос. Думы.

Одним словом, чем глупее и трусливее будут земцы, тем меньше шансов на то, что они будут слушать Парвуса на своем избирательном собрании. Чем умнее и смелее земцы, тем больше шансов на это, а также тем больше шансов на то, что Парвус в роли поддерживающего Фому против Ивана окажется одураченным.

Нет, добрый Парвус! Пока в России нет парламента, переносить на Россию тактику парламентаризма, значит недостойно играть в парла-

ментаризм. Заменять временные соглашения отсутствующих у нас открытых политических партий тайными сделками с Родичевым и Петрункевичем о поддержке их против Стаховича, значит сеять разврат в рабочей среде.

На прямой и ясный лозунг земцев-освободенцев: долой преступную проповедь восстания, за работу в Думу и через Думу, — мы должны ответить прямым и ясным лозунгом: долой буржуазных предателей свободы, господ освободенцев и К°, долой Думу и да здравствует вооруженное восстание!

Соединять лозунг восстания с «участием» в выборах Фомы или Ивана значит, под предлогом «широты» и «разносторонности» агитации, «гибкости» и «чуткости» лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина. На практике выступление Парвуса и Мартова перед земцами с «поддержкой» Петрункевича против Стаховича будет (предполагая те исключительные случаи, когда оно окажется осуществимо) не открытым выступлением перед массой народа, а закулисным выступлением одураченного вождя рабочих перед горсткой предателей рабочих. Теоретически, или с точки зрения общих основ нашей тактики, соединение этих лозунгов является сейчас, в данный момент, разновидностью парламентского кретинизма. Для нас, революционных с.-д., восстание — не абсолютный, а конкретный лозунг. Мы отодвигали его в 1897 году, мы ставили его в смысле общей подготовки в 1902 году, мы поставили его, как прямой призыв, лишь в 1905 г., после 9-го января. Мы не забываем, что Маркс в 1848 году был за восстание, а в 1850 г. осуждал бредни и фразы о восстании, что Либкнехт¹⁸⁸⁾ до войны 1871 года¹⁸⁹⁾ громил участие в рейхстаге, а после войны участвовал в нем сам. Мы отметили сразу, в № 12 «Пролетария», что смешно было бы зарекаться в будущем от борьбы на почве Думы. Мы знаем, что не только парламент, но и пародия на парламент может стать, когда нет на-лицо условий для восстания, главным центром всей агитации.

Но мы требуем ясной и отчетливой постановки вопроса. Если вы думаете, что эпоха восстаний миновала для России, — скажите это и защищайте открыто свой взгляд. Мы его оценим и обсудим всесторонне и спокойно, с точки зрения конкретных условий. Но когда вы сами говорите о возможности восстания «каждую минуту», о необходимости его, — тогда мы клеймим и будем клеймить, как жалкую маниловщину, все и всякие рассуждения против активного бойкота Думы. Если восстание возможно и необходимо, тогда мы именно его должны сделать центральным лозунгом всей нашей около-думской кампании, тогда мы должны разоблачить продажную душонку «франкфуртского парламентского говоруна» в каждом освободенце, который сторонится от этого лозунга восстания. Если восстание возможно и необходимо,

то это значит, что никакого легального центра для легальной борьбы за цели восстания нет, а маниловскими фразами его не заменишь. Если восстание возможно и необходимо, то это значит, что правительство «поставило штык во главе порядка дня», открыло гражданскую войну, выдвинуло военное положение, как антикритику демократической критики, и при таких условиях брать всерьез «почти парламентскую» вывеску Гос. Думы и начинать в потемках и под сурдинку играть в парламентаризм в четыре руки с Петрункевичами, значит заменять политику революционного пролетариата политиканством комедианствующих интеллигентов!

Показав основную фальшь всей позиции Парвуса, мы можем лишь вкратце остановиться на отдельных, наиболее ярких проявлениях этой фальши. «До выборов или после выборов, в связи с Гос. Думой, — пишет Парвус, — создается законная база существования политических партий». Неправда. На деле теперь создается «законная база» для правительственной подделки выборов. Эта база называется: 1) земским начальником (выборы крестьян всецело в его руках; 2) охраной (арест Милюкова); 3) военным положением. Когда на деле, а не на языке писателей, создастся «законная база существования политических партий» (в том числе и Р. С.-Д. Р. П.), тогда мы обязаны будем пересмотреть весь вопрос о восстании заново, ибо для нас восстание есть лишь одно из важных, но вовсе не всегда обязательных средств завоевания свободного поля для борьбы за социализм.

«Необходимо немедленно выступить не как отдельные общественные группы, не как юристы, инженеры, земцы, а как либеральная, демократическая, соц.-дем. партия — официально и открыто. Представители различных направлений могут в этом отношении согласиться между собой, как соглашаются отдельные фракции парламента».

Да, они могут сделать это, но не открыто, ибо если Парвус забыл о Трепове, то Трепов не забыл о Парвусе, а тайком. То, что Парвус называет парламентским соглашением (иногда необходимым для с.-д. в парламентской стране) есть в современной России, в сентябре 1905 г., презренной игрой в парламентаризм. Предатели революции ставят теперь на первый план соглашение между освобожденцами и революционерами. Сторонники революции — соглашение между с.-д. и всеми революционными демократами, т.-е. сторонниками восстания. Если новая «Искра» и Парвус заключат теперь «парламентское» соглашение с освобожденцами (об основании ими партии см. выше, в статье: «Встреча друзей» *), то мы заявим публично, что эти с.-д. потеряли всякое чутье действительности. Мы заключим тогда согла-

*) См. выше 461 — 463 стр. этого тома. Р е д.

шение с революционными демократами на почве совместной агитации за восстание, подготовку и проведение его. Мы уже показали разбором новоискровских резолюций (Л е н и н: «Две тактики»), что «Искра» опускается до либерального помещика, а «Пролетарий» поднимает и встряхивает революционного крестьянина.

«Необходимо, чтобы каждая партия организовала свой избирательный комитет для ведения выборов по всей стране. Необходимо, чтобы они согласились бы между собой относительно практических мер к расширению свободы слова, сходов и прочее во время выборов. Необходимо, чтобы они связали себя общей политической ответственностью (слушайте, товарищи рабочие! Новоискровцы хотят связать вас с Петрункевичами!) так, что если официальный представитель какой-нибудь политической партии, как таковой, подвергается полицейскому преследованию или судебному взысканию, то чтобы представители всех других (!) партий заявили себя солидарными с ним и чтобы все вместе организовали (!) народный (??) протест и, если возможно (слушайте!), народное восстание для его защиты».

Скатертью дорога, любезный Парвус! Организуйте протесты и восстание с Петрункевичами (демократ) и Стаховичами (либерал), — наши дороги разошлись. Мы будем это делать с революционными демократами. Только измените уже кстати и свои лозунги, почтеннейшие герои «парламентских соглашений»: — вместо лозунга: «восстание необходимо» скажите: «восстание, е с л и в о з м о ж н о, дополнит протесты». Тогда все освобожденцы с вами согласятся! Вместо лозунга: «всеобщее, равное, прямое и тайное голосование» выставьте такой: «правительство должно обеспечить голосование, е с л и в о з м о ж н о, прямое, равное, всеобщее и тайное». Скатертью дорога, господа! Мы будем терпеливо ждать, когда Парвус, Петрункевич, Стахович и Мартов «организуют народный протест и, если возможно, народное восстание» для защиты Милюкова. Ведь это гораздо своевременнее, господа, в нашу «почти-парламентскую» эпоху: защищать г. Милюкова, чем сотни и тысячи арестуемых и избиваемых рабочих!...

Парвус заявляет категорически: «У нас нет никаких шансов провести самостоятельно своих представителей в Думу». И тем не менее, он пишет: «Если избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то нам все же нужно употребить все усилия, чтобы выставить собственные кандидатуры». Несмотря на ценз, полагает Парвус, в отдельных случаях возможность с.-д. кандидатур не исключена. «Одна, две с.-д. кандидатуры, где бы то ни было, станут политическим лозунгом для всей страны».

Благодарим хоть за ясность. Только за чем же дело стало, господа? Газета «Р у с ь» давно выставила свои кандидатуры, всех этих

Стаховичей, Петрункевичей и прочих предателей революции, обивающих пороги господ Дурново. Что же молчит газета «Искра»? Почему от слов не переходят к делу? не выставляет кандидатуры Аксельрода, Старовера, Парвуса и Мартова в Государственную Думу? Попробуйте, господа, сделайте опыт, *experimentum in corpore vili*. Попробуйте, и мы увидим сразу, кто из нас прав: вы ли правы, думая, что эти кандидаты станут «лозунгом для всей страны», или мы, думая, что эти кандидаты дадут в настоящее время только пищу для каламбуров?

Парвус пишет: «Правительство дало кучке людей избирательные права в учреждение, которое должно бы заведывать делами всего народа. Это налагает на искусственно подобранных избирателей обязанность использовать свое искусственное право не по личному» (а по классовому и партийному?) «произволу, а считаясь с мнением народных масс. Напомнить им об этой обязанности, заставить (!) их ее выполнить — наша задача, для проведения которой мы не должны останавливаться ни перед какими средствами».

Это рассуждение, естественно дополняемое уверением, что тактика (активного) бойкота выражает неверие в «революционные силы страны» (*sic!*), ошибочно в корне. Это — образец, сентиментально-буржуазной постановки вопроса, против которой должны ополчиться все с.-д. Рассуждение Парвуса буржуазное, ибо он не видит классовой сущности Думы — соглашения буржуазии с самодержавием. Рассуждение Парвуса — пустая сентиментальная фраза, ибо он хоть на минуту берет всерьез лживые слова освобожденных об их желании «считаться с мнением народных масс». Опоздал почтенный Парвус года на три. Когда у либералов не было ни органа, ни нелегальной организации, а у нас было и то и другое, мы помогали их политическому развитию. И этой заслуги не вычеркнет история из деятельности с.-д. Но теперь либералы из младенцев политики стали главными дельцами ее, показали на деле свое предательство революции. Теперь обращать главное внимание не на изобличение в предательстве буржуазных «соглашателей», а на напоминание им «обязанности» ведать дела (н е б у р ж у а з и и), а всего народа — значит превращаться в прихвостня освобожденных! Только освобожденцы и могут всерьез искать выражения «революционных сил страны» в Гос. Думе. Социал-демократия знает, что самое лучшее, чего мы можем теперь достигнуть, это — нейтрализация, парализование предательских усилий буржуазии. Земцы и освобожденцы — не «революционная сила страны», стыдно не знать этого, товарищ Парвус! Революционная сила теперь, в демократической революции, только пролетариат и борющееся с помещиками крестьянство.

Перлом из перлов в замечательной статье Парвуса является формулировка у с л о в и й поддержки освобожденных пролетариатом. «Необ-

ходимо, — пишет Парвус, — кандидатов оппозиции, которые захотят пользоваться нашей поддержкой, обязать на определенные политические требования». (Тов. Парвус хотел сказать: обязать отстаивать определенные политические требования.) «Таковыми могут, например, быть: 1) требовать в самой Думе ее немедленного распускания и созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права; 2) отказ правительству во всех военных и финансовых средствах, пока это требование не будет исполнено».

Со ступеньки на ступеньку. Кто поскользнулся раз и оказался на наклонной плоскости, тот катится вниз безудержно. Наши стоящие вне обеих частей партии сверхчеловеки, вроде Парвуса и Плеханова, величественно игнорируют те самые резолюции новоискровцев, за которые они морально и политически ответственны.

Возьмите Парвуса. Он все время шел об руку с «Искрой», даже тогда, когда план земской кампании и девятое января открыли ему, не надолго, глаза на ее оппортунистическую позицию. Но тем не менее Парвус хотел считаться «примиренцем», — должно быть, на том основании, что когда он стал выдвигать после 9-го января лозунги Временного Правительства, его приходилось поправлять большевикам и указывать на элементы фразы в его лозунгах. Без царя и правительство рабочее! кричал Парвус под впечатлением 9-го января. Без народа и Дума либеральная! вот к чему сводится его теперешняя «тактика» после 6-го августа. Нет, товарищ, на настроении минуты, на раболепстве перед минутой мы не будем строить своей тактики!

Парвус сочинил теперь «новые» условия для либералов. Бедные новоискровцы, как они устали, сочиняя «условия» соглашения с освобожденцами! Старовер на II съезде (см. его резолюцию, отмененную III съездом) сочинил одни условия, которые сразу полетели к чорту, ибо ни в плане земской кампании, ни теперь этих условий полностью не выставлял никто из новоискровцев, писавших о «соглашении» с освобожденцами. Конференция новоискровцев выставила другие, более строгие условия в резолюции об отношениях к либералам. Новоискровец Парвус отвечает морально за эту резолюцию, — но какое дело литераторам-сверхчеловекам до каких-то резолюций, вырабатывавшихся при участии ответственных представителей пролетариата! Сверхчеловеки плюют на партийные резолюции!

В резолюции новоискровцев об отношении к о п п о з и ц и о н н ы м партиям черным по белому написано, что социал-демократия «требует от всех врагов царизма»:

«1) Энергичной и недвусмысленной поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата, направленного к нанесению новых ударов царизму».

Парвус предлагает «соглашение» с освобожденцами и обещание им своей «поддержки», ничего подобного не требуя.

«2) Открытого признания и безоговорочной поддержки требования Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщей и т. д. подачи голосов, и открытого выступления против всех тех партий и групп, которые стремятся урезать права народа, путем ли ограничения избирательного права, или же путем подмены Учредительного Собрания пожалованной монархической конституцией».

Всей второй части этих условий Парвус не признает. Он даже оставляет совершенно в тени вопрос о том, от кого должны освобожденцы в Думе «требовать созыва» Учредительного Собрания. От царя, конечно? Почему же не самим созвать его? Или вы уже теперь не против «п о ж а л о в а н и я»?

«3) Решительной поддержки борьбы рабочего класса с правительством и магнатами капитала за свободу стачек и союзов».

От этого «условия» Парвус освобождает, должно быть, освобожденцев по случаю созыва Думы и вреда тактики — «чем хуже, тем лучше» (хотя тут же рядом Парвус уверяет, в насмешку над читателем, что если бы Дума имела законодательные права, то это было бы хуже, т.-е. что один шаг к лучшему и именно тот, которого добиваются освобожденцы, есть шаг к худшему!!).

«4) Открытого противодействия всем попыткам правительства и дворянских феодалов варварскими мерами насилия против личности и имущества крестьян подавить крестьянское революционное движение».

Добрый Парвус, зачем забыли вы это условие? Неужели вы не согласны теперь предъявить это прекрасное требование Петрункевичу? Стаховичу? Родичеву? Милюкову? Струве?

«5) Отказа от поддержки всяких мер, имеющих целью сохранение в свободной России каких бы то ни было ограничений в правах отдельных национальностей и каких бы то ни было следов национального угнетения;

«и 6) активного участия в деле народного самовооружения для борьбы с реакцией и поддержки социал-демократии в ее попытках организации вооруженной массовой борьбы».

Д о б р ы й П а р в у с , з а ч е м з а б ы л и в ы э т и у с л о в и я ?

*«Пролетарий» № 18,
от 13 сентября 1905 г.*

Революция и контр-революция.

Два с половиною года тому назад царское правительство выдвинуло в борьбе с революцией свою «последнюю карту». Подонки правящих классов соединились с подонками народа в позорном деле избиения беззащитных кишиневских евреев¹⁰⁰). Еврейство являлось самой революционной средой в пределах так называемой «черты оседлости»: оно поставляло главные кадры революционеров, оно несло семя социализма в более отсталую русскую рабочую массу. Этого было достаточно, чтобы слово «еврей» стало символом революции в глазах правительства. Обычные меры репрессий были бессильны против растущего революционного движения пролетариата. Несмотря на все усилия жандармов и шпионов, полиции и войск, росли сознательность и боевая готовность пролетариата, росли его организованность и сплоченность. И бессильное подавить это движение расстрелами, нагайками и тюрьмами, правительство мобилизовало верные ему реакционные силы для того, чтобы их руками терроризировать революционные элементы еврейства. Не довольствуясь силой политического давления, правительство провоцировало столкновение социальных сил, оно подготовляло гражданскую войну. Правительство первое начало борьбу; контр-революция открыла военные действия, прежде чем революция взялась за оружие.

Социал-демократия тогда же указывала, что этот прием представляет из себя «последнюю карту царизма». И действительность подтвердила эту оценку. За два с половиною года, прошедшие со времени кишиневского погрома, правительство не изобрело других мер борьбы с революцией. На-ряду со старым элементарно-грубым методом подавления ее вооруженной силой, оно продолжало ставить все ту же свою последнюю карту. Но, по мере роста революционного движения, по мере распространения его на всю Россию приходилось расширять поле деятельности реакционных сил, приходилось придавать борьбе все более грандиозные размеры. Если кишиневский погром казался чем-то баснословно-чудовищным, каким-то кровавым кошмаром, то теперь он бледнел перед новыми событиями, становился повседневным явлением. *Ans Ungeheure hast du mich gewoehnt* (ты приучил меня к чудовищному) — могла сказать Россия царскому правительству словами Шиллера. Оно, действительно, «приучило» нас к чудовищным событиям, мы присмотрелись к ним, свыклись с ними, перестали постигать весь их ужас. За кишиневскими погромами шли десятки других еврейских погромов; борьба против революции перекинулась внутрь России. Начались избиения земцев в Тамбове, учащихся в Курске, интеллигентов и сознательных рабочих в Нижнем-Новгороде и т. д., и т. п. без конца.

Однако нигде мобилизация реакционных сил не привела к такой ожесточенной борьбе и к таким гибельным последствиям, как на Кавказе. Кавказ явился как бы форпостом русской революции. Экономические противоречия отдельных групп населения, обостренные национальной рознью, выливались здесь, под усиленным гнетом политического бесправия, в ярко выраженные революционные формы. Это привело к тому, что руководящая роль в народном движении пришлось на долю самому революционному, самому крайнему элементу, социал-демократии. Довольно указать на ту решающую роль, которую играла наша партия в крестьянском движении Закавказья, чтобы понять, как должно было относиться к ней царское правительство. Но социал-демократическая партия опирается на пролетариат, а среди кавказского пролетариата самым сознательным элементом явились армянские рабочие. И вот в глазах правительства армяне становятся таким же символом революции на Кавказе, каким евреи являлись в западной и юго-западной России. Для борьбы с этой революционной силой мобилизуется та часть кавказского населения, которая и по своему социальному положению и по своим религиозным верованиям больше всего расходится с армянами, — татары. Правительство произвело в феврале пробную мобилизацию этих контр-революционных сил, организовав известную бакинскую резню¹⁹¹). Роль бакинского губернатора и полиции (среди которой очень много татар) была своевременно разоблачена и выведена на чистую воду. Однако это не помешало вторично прибегнуть к тому же испытанному средству, но только расширенному почти на все Закавказье и доведенному до чудовищных размеров. Татарам была предоставлена полная свобода убивать, насильничать, грабить. И здесь контр-революция спешила первая напасть на революцию, предупредить ее, не дать ей собраться с силами.

Но на этот раз картина изменилась. Вместо вторичного избиения беззащитных армян под руководством и по указанию полиции, произошла вооруженная борьба двух частей населения, вспыхнула гражданская война. Если в феврале одного мановения руки губернатора довольно было, чтобы остановить расходившихся татар, то теперь даже вмешательство войск встречалось татарами ружейными выстрелами. Борьба реакционных сил с силами революционными превратилась в борьбу двух национальностей, привлекая даже вооруженные силы из Персии. Место полицейского провокатора занял мусульманский агитатор в священной зеленой чалме. Движение переросло намерения правительства. Количество перешло в качество.

Кавказские события имеют громадное значение для дела русской революции. Они показывают, что мобилизация контр-революционных сил в сколько-нибудь крупных размерах

невозможна без того, чтобы не вызвать мобилизации сил революционных. Пока правительство пользуется для подавления народных движений силой полиции и войска, оно раздражает, революционизирует население, но все же оно прочно стоит на точке зрения своего верховенства, на точке зрения своего права и бесправия народа. Но когда оно толкает на открытую борьбу одни слои населения против других, санкционирует право самосуда реакционных элементов, оно тем самым косвенно санкционирует и право самосуда элементов революционных. Признавая право нападения одной части населения на другую, оно тем самым признает и право самозащиты. События вроде кавказских прививают народным массам сознание права на революцию. Возьмите хотя бы бакинские события. Полгода тому назад беззащитных армян резали на улицах, сжигали в домах. Теперь картина уже не та. Теперь уже значительное количество армян оказывается вооруженным и дает нападающим энергичный отпор. Погром превращается в гражданскую войну, в войну пока только оборонительную со стороны революционных элементов. Но диалектика революционной борьбы неизбежно приведет от обороны к нападению. Она приведет к третьей стадии, к инициативным действиям, к вооруженному восстанию. Оборона, даже самая удачная, в лучшем случае может только отстоять известную позицию, но она не может двинуть ни на шаг вперед дело революции. Остановиться на стадии оборонительной борьбы значит погубить дело. «Раз выступив на путь революции, — писал Маркс, оценивая события 1848 года в Германии, — действуйте с величайшей решимостью и как нападающая сторона. Оборонительное положение есть смерть всякого вооруженного восстания; при нем оно погибает, не померявшись с врагом. Ударяйте на врага, пока его силы разрознены, готовьте новые победы, как бы малы они ни были, но изо дня в день. Поддерживайте моральный перевес, который первая удача дала вам; перетяните на свою сторону те колеблющиеся элементы, которые всегда уступают более сильному впечатлению и всегда ищут безопасного места; заставьте врага отступать прежде чем он соберет против вас свои силы; словом, как сказал Дантон, величайший из известных до настоящего времени мастеров революционной политики, *de l'audace, de l'audace, encore de l'audace!* (смелость, смелость, еще раз смелость!)».

Царское правительство прекрасно понимает всю силу этой тактики нападения. Оно не ждет врага, оно двигает черносотенные силы реакции, прежде чем революционные элементы подготовятся к нападению. И если эта тактика правительства в конце-концов не приносит ему пользы и обращается против него, то это потому, что само правительство и все его предприятия обречены на гибель. Кого история хочет

погубить, у того она отнимает разум. Бакинский опыт блестяще подтверждает это. Самодержавие подняло с общественного дна такие силы, которых само теперь не в состоянии заморозить. Оно толкнуло эти дикие стихийные силы на своего врага, а непокорная стихия смела с лица земли несметные капиталы нефтяных королей, восстановив их против самодержавия. А главного врага, революцию, эти силы все же не сломали. И если правительство думает, что оно победило, оно жестоко ошибается: та к а я победа стоит самого сильного поражения. Такие победы не угашают революции, напротив являются ее двигателями. Сильнее, чем могла бы сделать наша пропаганда, убеждают они самые широкие массы народа в негодности существующего политического строя, в его неспособности охранять интересы народа, в его враждебности этим интересам. Военные действия контр-революции, направленные первоначально против пролетариата, обрушиваются своей тяжестью на широкие народные массы, толкая их бесповоротно на путь революционной борьбы. Перед общественными силами, страдающими от самодержавного гнета, — а от него больше всего страдают самые жизнеспособные силы, становится роковой вопрос: либо быть отданными на произвол реакции, гибнуть и разоряться, благодаря разгулу черных сотен, либо — подняться с оружием в руках против всего существующего политического строя; либо разложение страны и бесконечное разорение ее под напором самых отсталых, самых темных общественных элементов, либо — победа сознательных масс народа, расчищение пути для прогресса. И перед этим выбором не может задумываться скольконибудь жизнеспособная общественная сила. Кавказские события красноречиво свидетельствуют о том, что само правительство воспитывает народ к восстанию. Правда, этот путь долгий и трудный, требующий громадных жертв, громадного напряжения всех сознательных элементов. Правда, те же кавказские события свидетельствуют о недостаточной подготовленности населения к вооруженной борьбе, о недостаточном влиянии революционных партий, о слабости технических средств восстания по сравнению с высоким революционным подъемом. Но действительность указывает на каждом шагу, что это единственный путь, на котором может быть завоевана политическая свобода, обеспечивающая существенные интересы народа. Только вооруженное восстание может с корнем вырвать из русской почвы царское самодержавие и все питающиеся под его кровом пережитки старого порядка. Только революционная армия, только поголовно вооруженный народ может парализовать все попытки реставрировать старый порядок, или хотя бы частицу его, в виде политических привилегий отдельных классов или отдельных групп. Только Временное Революционное Правительство, как орган победоносного восстания, может сохранить за народом власть,

•

приобретенную им силою оружия, и передать ее в руки Учредительного Собрания, выражающего действительную волю народа.

Поэтому трехчленная формула — вооруженное восстание, революционная армия, Временное Революционное Правительство — стала лозунгом революционной социал-демократии в переживаемую демократическую революцию. И жизнь на каждом шагу подтверждает законность и неизбежность этого лозунга. Каждый шаг революционного движения пропагандирует этот лозунг в самых широких массах, толкая их на этот путь, как на путь кратчайший, наиболее выгодный. И это выступление широких масс с революционным пролетариатом во главе, на решительную, бесповоротную борьбу лучше всего ручается за то, что самодержавный строй будет свергнут и никакие военные хитрости, в виде Государственной Думы, не спасут его.

Контр-революция и революция столкнулись на Кавказе в вооруженной борьбе. Гражданская война вспыхнула ярким пламенем, и в кровавом отблеске его еще презреннее и ничтожнее кажутся презренные и ничтожные попытки дутого парламентаризма. Пусть буржуазия, жадная до сделок с царизмом, теснится в двери новоявленной Думы, куда правительство поманило ее с надеждой на соглашение. Революционный же пролетариат и волнующиеся массы народа оно вызвало на бой, оно провоцировало гражданскую войну и научило понимать своих врагов, что только в гражданской войне может быть разрешен спор между царем и народом, только в ней может быть завоевана народная свобода.

*«Пролетарий» № 19,
от 20 сентября 1905 г.*

Социализм и крестьянство.

Революция, переживаемая Россией, есть революция общенародная. Интересы всего народа пришли в непримиримое противоречие с интересами кучки лиц, составляющих самодержавное правительство и поддерживающих его. Самое существование современного общества, построенного на основе товарного хозяйства, при громадном различии и противоречии интересов разных классов и групп населения, требует уничтожения самодержавия, политической свободы, открытого и непосредственного выражения интересов господствующих классов в устройстве и управлении государством. Демократический переворот, буржуазный по своей общественно-экономической сущности, не может не выражать нужды всего буржуазного общества.

Но само это общество, ныне кажущееся единым и цельным в борьбе против самодержавия, расколото бесповоротно пропастью между капи-

талом и трудом. Народ, восставший против самодержавия, — не единый народ. Собственники и наемные рабочие, незначительное число («верхние десять тысяч») богачей — и десятки миллионов неимущих и трудящихся, это, поистине, «две нации», как сказал один дальновидный англичанин еще в первой половине XIX века. Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т.-е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится таким образом тяжелая и трудная задача — вести одновременно две войны, совершенно разнородных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, склонных к решительному участию в той или другой войне. Эту трудную задачу ясно поставила и твердо решила социал-демократия, благодаря тому, что она в основу всей своей программы положила научный социализм, т.-е. марксизм, благодаря тому, что она вошла, как один из отрядов, в армию всемирной социал-демократии, которая проверила, подтвердила, разъяснила и развила детальнее положения марксизма на опыте длинного ряда демократических и социалистических движений самых различных европейских стран.

Революционная социал-демократия издавна показывала и показала буржуазный характер русского демократизма, начиная с либерально-народнического и кончая «освободенским» формулированием его. Она всегда показывала неизбежную половинчатость, ограниченность, узость буржуазного демократизма. Она поставила перед социалистическим пролетариатом в эпоху демократической революции задачу: привлечь на свою сторону массу крестьянства и, парализуя неустойчивость буржуазии, сломить и раздавить самодержавие. Решительная победа демократической революции возможна лишь в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но чем скорее и полнее осуществится эта победа, тем быстрее и глубже развернутся новые противоречия и новая классовая борьба на поприще вполне демократизированного буржуазного строя. Чем цельнее осуществим мы демократический переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачами социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества.

Против всякого уклонения от этой постановки революционно-демократических и социалистических задач пролетариата социал-демократия должна вести неуклонную борьбу. Нелепо игнорировать демократический, т.-е. буржуазный в основе своей, характер теперешней революции, нелепо ставить поэтому такие лозунги, как образование революционных коммун. Нелепо и реакционно принижать задачи участия, и при том руководящего участия, пролетариата в демократической революции, чураясь хотя бы лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Нелепо смешивать задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил.

Вот на этой последней ошибке мы и намерены теперь остановиться подробно. Неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма. А эта неразвитость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелко-буржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелко-буржуазных отношений. Масса крестьян не сознает и не может сознавать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только революционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелко-буржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая во-едино условия и задачи действительного демократического и сфантазированного социалистического переворота.

Самым наглядным выражением этой неясной мелко-буржуазной идеологии является программа, — вернее, проект программы «с.-рев.», которые тем раньше поспешили провозгласить себя партией, чем меньше развиты были у них формы и предпосылки партийности. Разбавляя их проект программы (см. «Вперед» № 3) *), мы уже имели случай показать, что корень воззрений соц.-рев. есть старое русское народничество. Но так как все экономическое развитие России, весь ход русской революции беспощадно и безжалостно вырывает ежедневно и ежечасно почву из-под устоев чисто народничества, то воззрения соц.-рев. неизбежно становятся эклектическими. Прорехи народничества

*) См. выше, стр. 51—59 этого тома. Р е д.

они стараются поправить заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма, но ветхое одеяние не становится от этого прочнее. В общем и целом, их программа есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне-противоречивое, выражающее лишь в истории русского социализма один из этапов на пути от крепостной к буржуазной России, на пути «от народничества к марксизму». Под это определение, типичное для целого ряда более или менее мелких ручейков современной революционной мысли, подходит и новейший проект аграрной программы Польской Социалистической партии (П.П.С.)¹⁸²⁾, напечатанный в № 6 — 8 «Przedswit».

Проект разделяет аграрную программу на две части. Часть I излагает «реформы, для проведения которых общественные условия уже созрели»; часть II — «формулирует увенчание и интеграцию аграрных реформ, изложенных в I части». Часть I, в свою очередь, подразделяется на три отдела: А) охрана труда — требования в пользу сельскохозяйственного пролетариата, Б) аграрные реформы (в тесном смысле, или, так сказать, крестьянские требования) и В) охрана сельского населения (самоуправление и т. д.).

Шагом к марксизму является в этой программе попытка отделить нечто вроде программы-минимум от программы-максимум, — затем совершенно самостоятельная постановка требований чисто пролетарского характера, — далее, признание в мотивах к программе того, что совершенно недопустимо для социалиста «льстить собственническим инстинктам крестьянских масс». Собственно говоря, если бы вполне продумать истину, заключающуюся в этом последнем положении, и развить ее последовательно до конца, то неизбежно получилась бы строго марксистская программа. Но в том-то и беда, что П. П. С. не является выдержанно-пролетарской партией, черпая свои идеи столь же охотно из кладезя оппортунистической критики марксизма. «Вследствие недоказанной тенденции земельной собственности к концентрации, — читаем мы в мотивах программы — немыслимо выступать на защиту этой формы хозяйства с полной искренностью и уверенностью и убедить крестьянина в неизбежности исчезновения мелких хозяйств».

Это — не что иное, как отголосок буржуазной политической экономики. Буржуазные экономисты всеми силами стараются внушить мелкому крестьянину идею совместности капитализма с благосостоянием мелкого земледельца-собственника. Они заслоняют поэтому общий вопрос о товарном хозяйстве, о гнете капитала, об упадке и принижении мелкого крестьянского хозяйства частным вопросом о концентрации земельной собственности. Они закрывают глаза на то, что крупное производство в специальных торговых отраслях земледелия развивается и на мелкой, и на средней земельной собственности, что эта

собственность разлагается и в силу роста аренды, и под гнетом гипотек, и под давлением ростовщичества. Они оставляют в тени неоспоримый факт технического превосходства крупного хозяйства в земледелии и принижение условий жизни крестьянина в его борьбе с капитализмом. В словах П. П. С. нет ничего, кроме повторения этих буржуазных пред-
рассудков, воскрешаемых современными Давидами.

Неустойчивость теоретических воззрений сказывается и на практической программе. Возьмите часть I — аграрные реформы в тесном смысле. С одной стороны, вы прочтете пункт 5) «Упразднение всяких ограничений при покупке надельных земель и 6) упразднение шахварков и подвод (натуральные повинности)». Это — чисто марксистские минимальные требования. Выставляя их (особ. п. 5), П. П. С. делает шаг вперед по сравнению с нашими с.-рами, которые вместе с «Московскими Ведомостями» питают слабость к пресловутой «неотчуждаемости наделов». Выставляя их, П. П. С. вплотную подходит к идее марксизма о борьбе с остатками крепостничества, как основе и содержанию теперешнего крестьянского движения. Но, подходя к этой идее, П. П. С. далека от полного и сознательного принятия ее.

Главные пункты рассматриваемой нами программы-минимум гласят: «1) национализация имений удельных, государственных и принадлежащих духовенству путем конфискации; 2) национализация крупной земельной собственности при отсутствии прямых наследников; 3) национализация лесов, рек и озер». Эти требования страдают всеми недостатками программы, выдвигающей для данного времени требование национализации земли на первый план. Пока нет на-лицо полной политической свободы и самодержавия народа, пока нет демократической республики, выставлять требование национализации преждевременно и неразумно, ибо национализация есть переход в руки государства, а теперешнее государство есть полицейское и классовое, завтрашнее государство будет во всяком случае классовое. В качестве же лозунга, ведущего вперед в направлении демократизации, это требование особенно непригодно, ибо центр тяжести оно переносит не на отношения крестьян к помещикам (крестьяне берут помещичьи земли), а на отношения помещиков к государству. Такая постановка вопроса в корне фальшива для такого момента, когда крестьяне революционным путем борются за землю и с помещиками, и с государством помещиков. Революционные крестьянские комитеты для конфискации, как орудие конфискации, — вот единственный лозунг, соответствующий такому моменту идвигающий вперед классовую борьбу с помещиками в неразрывной связи с революционным разрушением помещичьего государства.

Остальные пункты аграрной программы-минимум в проекте П. П. С. следующие: «4) ограничение права собственности, поскольку оно стано-

вится помехой для всяких сельскохозяйственных улучшений (мелиораций), если эти улучшения будут признаны необходимыми большинством заинтересованных; ...7) национализация страхования хлебов от пожара и градобития, а скота от эпизоотий; 8) законодательное содействие со стороны государства образованию сельскохозяйственных артелей и коопераций; 9) агрономические школы».

Эти пункты вполне в духе с.-рев. или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства. Революционного в них нет ничего. Они, конечно, прогрессивны, спора нет, но прогрессивны в интересах собственников. Выставлять их со стороны социалиста значит именно льстить собственническим инстинктам. Выставлять их — то же самое, что требовать содействия государства трестам, картелям, синдикатам, обществам промышленников, которые не менее «прогрессивны», чем кооперации, страхования и проч. в земледелии. Это все — капиталистический прогресс. Заботиться о нем не наше дело, а дело хозяев, предпринимателей. Пролетарский социализм, в отличие от мелко-буржуазного, предоставляет графам де-Рокины, помещикам-земцам и т. п. заботу о кооперациях хозяев и хозяйчиков, а сам заботится всецело и исключительно о кооперации наемных рабочих в целях борьбы с хозяевами.

Посмотрите теперь на часть II программы. Она состоит из одного следующего пункта: «Национализация крупной земельной собственности путем конфискации. Пахотные земли и луга, таким образом приобретенные народом, должны быть разделены на наделы и переданы безземельным и малоземельным крестьянам в долгосрочную обеспеченную аренду».

Нечего сказать, хорошо «увенчание»! Партия, называющая себя социалистической, в виде «увенчания и интеграции аграрных реформ», предлагает вовсе не социалистическое устройство общества, а нелепую мелко-буржуазную утопию. Перед нами самый наглядный образец полного смешения демократического и социалистического переворотов, полного непонимания их разнородных целей. Переход земли от помещиков к крестьянам может быть — и везде в Европе был — составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции, но называть его увенчанием или доведением до конца могут только буржуазные радикалы. Перераспределение земли между теми или иными разрядами собственников, теми или иными классами хозяев может быть выгодно и необходимо в интересах победы демократии, в интересах полного вытравливания следов крепостничества, повышения жизненного уровня массы, ускорения развития капитализма и т. д., — самая решительная поддержка подобной меры может быть обязательна для социалистического пролетариата в эпоху демократической рево-

люции, но «увенчанием и доведением до конца» может быть только социалистическое, а не мелкое крестьянское производство. «Обеспечение» мелко-крестьянской аренды при сохранении товарного хозяйства и капитализма есть реакционная мелко-буржуазная утопия и ничего более.

Мы видим теперь, что основная ошибка П. П. С. не ей одной свойственна, не единична, не случайна. Она выражает в более ясной и отчетливой форме (чем пресловутая «социализация» с.-рев., которой не понимают сами с.-ры) коренную ошибку всего русского народничества, всего русского буржуазного либерализма и радикализма в аграрном вопросе, вплоть до того, который выразился в прениях на последнем (сентябрьском) съезде земцев в Москве.

Эту коренную ошибку можно выразить так:

В постановке ближайших целей программа П. П. С. не революционна. В своих конечных целях она не социалистична.

Или иначе: непонимание различия между демократическим и социалистическим переворотом ведет к тому, что в демократических задачах не выражается их действительно революционная сторона, а в социалистические задачи вносится вся неясность буржуазно-демократического мирозерцания. Получается лозунг для демократа — недостаточно революционный, для социалиста — непростительно путаный.

Наоборот, программа социал-демократии удовлетворяет всем требованиям и поддержки истинно-революционного демократизма, и выставления ясной социалистической цели. В теперешнем крестьянском движении мы видим борьбу с крепостничеством, борьбу с помещиками и с помещичьим государством. Эту борьбу мы поддерживаем до конца. Для такой поддержки единственный верный лозунг: конфискация путем революционных крестьянских комитетов. Как быть с конфискованными землями, — это вопрос второстепенный. Его не мы будем решать, а крестьяне. При решении его начнется именно борьба между пролетариатом и буржуазией в крестьянстве. Вот почему мы либо оставляем этот вопрос открытым (что так не нравится мелко-буржуазным прожектерам), либо даем от себя лишь указание начала пути в виде отобрания отрезков (в чем мало думающие люди видят преграду движению, вопреки многочисленным разъяснениям с.-д.).

Для того, чтобы аграрная реформа, неизбежная в современной России, сыграла революционно-демократическую роль, есть только одно средство: совершение ее революционной инициативой самих крестьян, вопреки помещикам и бюрократии, вопреки государству, т.-е. совершение революционным путем. Самое худшее распределение земли после такого преобразования будет лучше теперешнего со всех точек

зрения. И этот путь мы указываем, ставя во главу угла требование революционных крестьянских комитетов.

Но рядом с этим мы говорим сельскому пролетариату: «Самая радикальная победа крестьян, которой ты должен помогать теперь всеми силами, не избавит тебя от нищеты. Для этой цели есть только одна мера: победа всего пролетариата — и промышленного, и сельскохозяйственного — над всей буржуазией, устройство социалистического общества».

Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетариатом против всей буржуазии и всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата. И если этот лозунг не сразу примут или даже вовсе не примут хозяйчики, то зато он станет лозунгом рабочих, он будет неминуемо подтвержден всей революцией, он избавит нас от мелко-буржуазных иллюзий, он укажет нам ясно и определенно нашу социалистическую цель.

*«Пролетарий» № 20,
от 27 сентября 1905 г.*

О к т я б р ь.

Политическая стачка и уличная борьба в Москве.

Революционные события в Москве, это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения. Издание закона о Гос. Думе и заключение мира ознаменовали начало новой полосы в истории русской революции. Либеральная буржуазия, уже утомленная упорной борьбой рабочих и обеспокоенная призраком «непрерывной революции», вздохнула облегченно и с радостью ухватила за брошенную ей подачку. Началась по всей линии борьба с идеей бойкота, начинался явный поворот либерализма вправо. К сожалению, даже среди социал-демократов нашлись неустойчивые люди (в лагере новоискровцев), готовые поддержать этап буржуазных предателей революции на известных условиях, готовые «взять всерьез» Гос. Думу. События в Москве, можно надеяться, устыдят маловеров и помогут сомневающимся правильно оценить положение дел на новом поле сражения. И мечтания анемичных интеллигентов о возможности всенародных выборов при самодержавии, и иллюзии тупоумных либералов о центральном значении Гос. Думы сразу разлетаются в прах при первом же крупном революционном выступлении пролетариата.

Наши сведения о московских событиях теперь еще (12 октября н. ст.) очень скудны. Они ограничиваются краткими и часто противоречивыми сообщениями заграничных газет, да просеянными через цензурные сита отчетами легальной печати о начале движения. Несомненно одно: борьба московских рабочих в своей начальной стадии шла по тому пути, который стал уже обычным в течение последнего революционного года. Рабочее движение наложило свой отпечаток на всю русскую революцию. Начавшись разрозненными стачками, оно быстро разошлось, с одной стороны, до массовых стачек, с другой — до уличных демонстраций. В 1905 году вполне сложившейся уже формой движения является политическая стачка, переходящая на наших глазах в восстание. И если для всего рабочего движения в России потребовалось десять лет, чтобы

подняться до настоящей (далеко еще не окончательной, разумеется) ступени, то теперь движение в отдельных районах страны в несколько дней поднимается от простой стачки к гигантскому революционному взрыву.

Стачку наборщиков в Москве начали, как сообщают нам, неосознательные рабочие. Но движение сразу ускользает из их рук, становится широким профессиональным движением. Присоединяются рабочие иных профессий. Неизбежное выступление рабочих на улицу, хотя бы для оповещения неосведомленных еще о стачке товарищей, превращается в политическую демонстрацию с революционными песнями и речами. Долго сдерживавшееся озлобление против гнусной комедии «народных» выборов в Гос. Думу прорывается наружу. Массовая стачка перерастает в массовую мобилизацию борцов за настоящую свободу. На сцену является радикальное студенчество, которое и в Москве приняло недавно резолюцию, вполне аналогичную петербургской; резолюция эта по-настоящему, языком свободных граждан, а не пресмыкающихся чиновников, клеймит Гос. Думу, как наглую издевку над народом, призывает к борьбе за республику, за созыв Временным Революционным Правительством действительно всенародного и действительно Учредительного Собрания. Начинается уличная борьба пролетариата и передовых слоев революционной демократии против царского воинства и полиции.

Таково именно было развитие движения в Москве. В субботу, 24 сентября (7 октября), кроме наборщиков, не работали уже табачные фабрики, электрические конки; начиналась стачка булочников. Вечером состоялись большие манифестации, в которых, кроме рабочих и студентов, приняла участие масса «посторонних» лиц (революционных рабочих и радикальных студентов перестают уже считать посторонними друг другу при открытых народных выступлениях). Казаки и жандармы все время разгоняли манифестантов, но они постоянно собирались снова. Толпа давала отпор полиции и казакам; раздавались револьверные выстрелы, и много полицейских было ранено.

В воскресенье, 25 сентября (8 октября), события сразу принимают грозный оборот. С 11 часов утра начались скопления рабочих на улицах. Толпа поет Марсельезу. Устраиваются революционные митинги. Типографии, отказывавшиеся бастовать, разгромлены. Народ разбивает булочные и оружейные магазины: рабочим нужен хлеб, чтобы жить, и оружие, чтобы бороться за свободу (совсем так, как поется в французской революционной песне). Казакам удается рассеивать манифестантов лишь после упорнейшего сопротивления. На Тверской, около дома генерал-губернатора, происходит целое сражение. Около булочной Филиппова собирается толпа подмастерьев-булочников. Как заявляла потом администрация этой булочной, рабочие мирно выходили на улицу, прекращая работу из солидарности со всеми стачечниками. Отряд каза-

ков нападает на толпу. Рабочие проникают в дом, забираются на крышу, на чердак, осыпают солдат камнями. Происходит правильная осада дома. Войско стреляет в рабочих. Отрезаются всякие сообщения. Две роты гренадеров производят обходное движение, проникают в дом сзади и берут неприятельскую позицию. Арестовано 192 подмастерья, из них восемь ранено; двое рабочих убито. Со стороны полиции и войска есть раненные; смертельно ранен жандармский ротмистр.

Разумеется, эти сведения крайне неполны. По частным телеграммам, приводимым некоторыми заграничными газетами, зверства казаков и солдат не знали предела. Администрация Филипповской булочной заявляет протест против ничем не вызванных бесчинств войска. Одна солидная бельгийская газета приводит сообщение, что дворники были заняты очисткой улиц от следов крови: эта маленькая подробность, — пишет она, — больше, чем иные длинные отчеты, свидетельствует о серьезности борьбы. «Vorwärts» сообщает, на основании проникших в газеты частных сведений, что на Тверской бились 10.000 стачечников против батальона пехоты. Войска дали несколько залпов. Кареты скорой помощи были завалены работой. Число убитых приблизительно считают не менее 50 человек, раненых до 600. Передают, что арестованных отводили в казармы и беспощадно, зверски избивали, прогоняя через строй солдат. Передают, что нечеловеческой жестокостью отличались офицеры во время уличного боя, даже по отношению к женщинам (телеграмма специального корреспондента консервативно-буржуазного «Temps» из Петербурга от 10 октября — 27 сентября).

О событиях следующих дней сведения становятся все более скудными. Озлобление рабочих страшно выросло; движение растет; правительство всеми мерами принялось запрещать и урезать всякие сообщения. Заграничные газеты прямо отмечали противоречие между успокоительными вестями правительственных сообщений и вестями, переданными в Петербург по телефону. Гастон-Леру телеграфировал в парижскую газету «Matin», что цензура делает чудеса, чтобы остановить распространение сколько-нибудь тревожных вестей. Понедельник, 26 сентября (9 октября), — пишет он, — был одним из самых кровавых дней в истории России. Бьются на всех главных улицах и даже около дома генерал-губернатора. Манифестанты выкинули красное знамя. Много убитых и раненых.

Сведения других газет противоречивы. Несомненно лишь, что стачка растет. К ней примыкает большинство заводских и даже фабричных рабочих. Бастуют железнодорожники. Стачка становится всеобщей (вторник 27 сентября — 10 октября, и среда).

Положение крайне серьезное. Движение перекидывается в Петербург: рабочие завода Сан-Галли уже остановили работу.

На этом останавливаются в данный момент наши сведения. На основании их нельзя и думать, разумеется, о полной оценке московских событий. Нельзя еще сказать, представляют ли они из себя генеральную репетицию решительного пролетарского натиска на самодержавие или уже начало этого натиска;—являются ли они только распространением очерченных нами выше «обычных» приемов борьбы на новую область центральной России, или им суждено послужить началом высшей формы борьбы и более решительного восстания.

Ответ на эти вопросы даст недалекое, по всей видимости, будущее. Несомненно одно: рост восстания, расширение борьбы, обострение форм ее идет непрерывно перед нашими глазами. Пролетариат по всей России пробивает себе дорогу героическими усилиями, намечая то здесь, то там, в каком направлении может развиваться и несомненно будет развиваться вооруженное восстание. Правда, и теперешняя форма борьбы, которую движение рабочих масс уже выработало, наносит самые серьезные удары царизму. Гражданская война приняла форму отчаянно-упорной и повсеместной партизанской войны. Рабочий класс не дает отдыха врагу, обрывает промышленную жизнь, останавливает постоянно всю машину местного управления, создает по всей стране тревожное состояние, мобилизуя все новые и новые силы для борьбы. Никакое государство не выдержит долгое время такого натиска, а тем менее прогнившее царское правительство, от которого один за другим отпадают прежние его сторонники. И если либеральной монархической буржуазии борьба кажется подчас слишком упорной, если ее пугают гражданская война и это состояние тревожной неуверенности, в котором живет страна, — то для революционного пролетариата продолжение этого состояния, затягивание борьбы является насущно-необходимым делом. Если среди идеологов буржуазии начинают появляться люди, которые принимают тушить революционный пожар своей проповедью мирного легального прогресса, которые заботятся о притуплении, а не обострении политического кризиса, — то сознательный пролетариат, никогда не сомневавшийся в предательской натуре буржуазного свободолюбия, пойдет неуклонно вперед, поднимая за собой крестьянство, внося разложение в ряды царского войска. Упорная борьба рабочих, постоянные стачки, демонстрации, частичные восстания, все эти прочные, так сказать, сражения и схватки неизбежно втягивают войско в политическую жизнь, а следовательно, и в круг революционных вопросов. Опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды. Внешняя война окончилась, но правительство явно боится возврата пленных и возврата маньчжурской армии. Сведения об ее революционном настроении все умножаются. Проекты земледельческих колоний в Сибири для солдат и офицеров маньчжурской армии не могут не усиливать брожения, —

даже, если эти проекты останутся одними проектами. Мобилизация не останавливается, несмотря на заключение мира. Становится все очевиднее, что армия нужна всецело и исключительно против революции. А при таких условиях мы, революционеры, ровно ничего не имеем против мобилизации, мы готовы даже приветствовать ее. Оттягивая развязку ценой вовлечения в борьбу новых и новых частей армии, приучая все большее и большее количество войска к гражданской войне, правительство не уничтожает источника всех кризисов, а, напротив, расширяет почву для них. Оно получает оттяжку ценою неизбежного расширения поля борьбы и обострения ее. Оно поднимает на борьбу самых отсталых и самых невежественных, самых забытых и самых мертвых политически, — борьба просветит, встряхнет и оживит их. Чем дальше протянется это состояние гражданской войны, тем неизбежнее будет выделение из контр-революционной армии массы нейтральных и ядра борцов за революцию.

Весь ход русской революции за последние месяцы свидетельствует о том, что достигнутая теперь ступень не является и не может быть высшей ступенью. Движение поднимется еще выше, как поднялось уже оно со времени 9 января. Тогда мы видели впервые движение, поразившее мир единодушием и сплоченностью гигантских масс рабочих, поднявшихся во имя политических требований. Но это движение было еще крайне несознательное в революционном отношении и совершенно беспомощное в смысле вооружения и военной готовности. Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму. Одесское восстание ознаменовалось присоединением нового и важного условия успеха: переходом части войск на сторону народа. Правда, сразу успех не был еще достигнут; трудная задача «сочетания морских и сухопутных сил» (одна из труднейших задач даже для регулярного войска) не была еще разрешена. Но она была поставлена, и все признаки говорят за то, что одесские события не останутся единичным казусом. Московская стачка показывает нам распределение борьбы на «истинно-русскую» область, устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области, в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ, и теперь пожар перекинулся на самое «сердце» России.

Как бы ни кончилась вспышка восстания в Москве, революционное движение во всяком случае воспрянет теперь еще более окрепшим, охва-

тит более широкую область, запасется новыми силами. Допустим даже, что царские войска празднуют теперь в Москве полную победу, — еще несколько таких побед, и полный крах царизма станет фактом. И это будет уже тогда действительный, настоящий крах всего наследия крепостничества, самодержавия и мрака, а не то дряблкое, трусливое и лицемерное штопанье, гниющей ветоши, которым обольщают себя и других либеральные буржуа. Допустим даже, что завтрашняя почта принесет тяжелую весть: вспышка восстания еще раз подавлена. Мы воскликнем тогда: еще раз — да здравствует восстание!

*«Пролетарий» № 21
от 4 октября 1904 г.*

Последнее слово «искровской» тактики или погашенные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания.

Мы уже неоднократно говорили о несостоятельности искровской тактики в «думской» кампании. Несостоятельны обе основные черты этой тактики и стремление поддерживать идущих в Думу освобожденцев на основании известных революционных обязательств, и провозглашение лозунга: «революционное самоуправление граждан», призыв к всенародным выборам при самодержавии в Учредительное Собрание. Теперь мы имеем наконец попытку точно и официально формулировать искровскую тактику в резолюции «Южной учредительной конференции» меньшевиков. На этой конференции были представлены лучшие силы новоискровцев в России. Резолюция дает нам опыт делового изложения чисто практических советов, обращенных к пролетариату. Вот почему внимательный разбор этой резолюции представляется насущной необходимостью и с точки зрения выработки определенной практики, и для оценки всей тактической позиции «Искры» в целом.

Приводим полный текст резолюции:

Резолюция Учредительной Конференции Южной Организации по поводу Государственной Думы. Считая единственным, соответствующим интересам всего народа, выходом из современного тяжелого положения созыв Учредительного Собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для ликвидации самодержавного режима и учреждения демократической республики, которая прежде всего необходима пролетариату в интересах его борьбы против всех основ буржуазного строя и за осуществление социализма, и принимая во внимание:

1) что система выборов в Гос. Думу не дает возможности принять участие в них всему народу, при чем пролетариат лишен совершенно

права выборов, благодаря введению для городских жителей высокого имущественного ценза, а крестьянство, и то лишь часть его, будет выбирать на основе 4-х-степенной системы, которая открывает полный простор административному давлению на них.

2) что вся Россия попрежнему лишена всех необходимых гражданских свобод, без которых невозможна предвыборная агитация, а следовательно, и произведение сколько-нибудь правильных выборов, и что, наоборот, в настоящее время административный произвол господствует повсюду больше, чем когда-нибудь, и огромные местности одна за другой объявляются на военном положении, и, наконец,

3) что для всех окраин вырабатывается еще более карикатурная система представительства, —

конференция предлагает всем организациям развить самую энергичную агитацию, раскрывающую всю карикатурность того представительства, которым самодержавное правительство думает обмануть народ и объявляет сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться Гос. Думой и не поставить себе задачей в настоящий решительный момент своими действиями и своей тактикой поддержать требования революционного народа о созыве Учредительного Собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

В целях же скорейшего осуществления указанного требования, Южная Конференция рекомендует партийным организациям следующую тактику:

1) Повести энергичную агитацию среди рабочего пролетариата и крестьянской массы для создания широких демократических организаций и объединения их в всероссийскую организацию в целях энергичной борьбы против Государственной Думы и за осуществление Всенародного Учредительного Собрания вместе с немедленным введением свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек. К созданию этой всероссийской народной организации следует идти путем образования агитационных комитетов, выбираемых рабочими на отдельных фабриках и заводах, объединения этих агитационных комитетов; создания соответствующих агитационных комитетов среди крестьянства; установления более тесной связи между городскими и крестьянскими комитетами; образования губернских комитетов и установления связи между ними.

2) При достаточной силе этой организации, при соответствующем настроении рабочей массы, приступить, при открытии выборной кампании, к организации всенародных выборов в Учредительное Собрание, имея в виду, что организованное народное движение, направленное на осуществление этих выборов, может сделаться естественным переходом к всенародному восстанию против царизма, так как неизбежное противодействие самодержавия и столкновение с ним на почве произведения

выборов создадут для восстания новые побудительные мотивы, а предварительная организация народа обеспечит ему повсеместность и единство.

3) Рядом с этим конференция предлагает добиваться завоевания свободы выборных собраний, рекомендует энергичное вмешательство в выборную кампанию, рекомендует добиваться обсуждения выборщиками среди народа на широких народных собраниях тех задач, которые стоят перед представителями, выбираемыми в Гос. Думу, при чем социал-демократическая партия должна добиваться выступления слоев населения, имеющих право выбора в Гос. Думу, на революционный путь, который может выразиться или в присоединении к восстанию, руководимому демократической организацией народа, или, при отсутствии его, в стремлении превратить формирующуюся Гос. Думу в революционное собрание для созыва Всенародного Учредительного Собрания или для содействия его созыву демократической организацией народа.

4) Давление в том же направлении на Гос. Думу, если к моменту ее окончательного созыва народное движение не приведет к свержению самодержавия и организации Учредительного Собрания. Готовиться к постановке пред Гос. Думой ультиматума о созыве Учредительного Собрания, немедленного введения свободы слова, собраний, печати, союзов и вооружения народа. Готовиться к поддержанию этого ультиматума политической стачкой и другими широкими народными выступлениями.

5) Вся эта тактика должна быть принята широкими народными собраниями, организуемыми до и во время выборной кампании среди пролетариата и крестьянства.

Не будем останавливаться на редакционных недостатках резолюции, страдающей многословием. Обратимся прямо к основным ошибкам.

1. Во вступительной части говорится о единственном выходе из современного положения. При этом весь центр тяжести переносится на понятие Учредительного Собрания и ни слова не говорится о том, кем должно бы быть оно созвано для того, чтобы сделать «выход» выходом не на словах только, а на деле. Это умолчание есть пасование социал-демократов перед освобожденцами. Мы уже неоднократно показывали, что именно интересы монархической либеральной буржуазии заставляют освобожденцев ограничиваться одним созывом Всенародного Учредительного Собрания и замалчивать вопрос о том, кому созвать его. Мы неоднократно показывали, что именно этот вопрос выдвинут уже на первый план развивающейся революцией, что именно в этом состоит теперь коренное различие между оппортунистической («соглашательной») тактикой буржуазии и революционной тактикой пролетариата. Новоискровцы своей резолюцией дали теперь докумен-

тальное доказательство того, что они страдают неизлечимой слепотой в основных вопросах тактики, сбиваясь на лозунги освободительские.

В дальнейшем своем содержании резолюция еще больше запутывает вопрос о созыве Всенародного Учредительного Собрания. Проповедь, возлагающая в этом отношении надежды на Гос. Думу, есть прямо реакционная проповедь, а созыв Учредительного Собрания «демократической организацией народа» имеет такое же значение, как если бы мы предложили созвать Учредительное Собрание через комитет друзей народа, живущих на планете Марс. На своей общерусской конференции новосковцы сделали непростительную ошибку, п р и р а в н я в созыв Всенародного Учредительного Собрания революционным правительством к созыву его одним из представительных учреждений. Теперь новосковцы пошли еще дальше назад: они вовсе обошли молчанием Временное Революционное Правительство. Почему? на каком основании? в чем изменились их взгляды? — все это остается тайной. Вместо развития тактических директив меньшевики дают на своих конференциях лишь образчики скачков и шатаний, то вправо, то влево.

2. Объявление «сознательным предателем народа всякого, кто готов удовлетвориться» и т. д., есть именно такой скачок, якобы влево и притом скачок не к истинно-революционному пути, а к революционной фразе. Во-первых, к чему это хлесткое словечко о «сознательном» (предателе)? Был ли сознательным предателем народа Иоганн Якоби, который в 1847 году шел, как буржуазный либерал, в Гос. Думу или Соединенный Ландтаг, а после войны 1870 — 1871 года перешел к с.-д.? Будет ли сознательным предателем всякий крестьянин, идущий в Думу и «готовый» удовлетвориться очень и очень малым? Во-вторых, разумен ли выставленный здесь критерий предательства: кто г о т о в удовлетвориться, кто не ставит себе задачи и т. д. Чем доказывается «готовность» и «постановка задач», словами или делом? Если словами, тогда надо взять с идущих в Гос. Думу к.-д. («конституционалистов-демократов», как называли себя теперь освободители) подписку или революционное обязательство (Парвус, Череванин, Мартов). Тогда резолюция должна выразить эту мысль ясно, а не напускать тумана. Если же «готовность» доказывается делами, тогда почему резолюция не говорит открыто и прямо, к а к и е «действия» в ее глазах доказывают готовность? Потому, что на резолюции отразилась коренная ошибка новой «Искры», не умеющей провести грани между демократией революционной и демократией монархически-либеральной. В-третьих, разумно ли со стороны борющейся партии говорить в общей форме о лицах («всякий, кто»), а не в конкретной форме о направлениях или партиях? Для нас особенно важно теперь разоблачить перед пролетариатом именно направление, именно партию к.-д., которая уже показала нам своими «действиями»,

какие требования и как она поддерживает. Обращаться от имени с.-д. организаций к рабочим, говорить им об идущих в Думу, о выборщиках в Думу и пр. — и умалчивать о партии к.-д. (освобожденцах тож) значит либо недостойно вилать и хитрить (проводя за спиной соглашение с освобожденцами о поддержке их на парвусовских или череванинских условиях), либо по неразумию сеять разврат в рабочей среде и отказываться от борьбы с к.-д.

Кроме исторических фактов о деятельности «Освобождения», освобожденцев, земцев и прочих к.-д., у нас нет никакого серьезного материала для оценки «готовности» демократов из буржуазии бороться вместе с народом. Новоискровцы обходят этот материал и отделяются бессодержательной фразой. И Плеханов еще старается уверить нас, что организационная туманность во взглядах «Искры» не дополняется тактической туманностью!

Ведь искровцы на деле не только закрыли глаза на «готовность» к.-д. совершить предательство, доказанную их явным, всеми отмеченным поворотом вправо за время от июльского до сентябрьского земского съезда, но даже помогли этим к.-д. своей войной против бойкота! Гипотетическим освобожденцам («всякий, кто готов» и т. д.) искровцы грозят «ужасно страшными» словами, а реальным освобожденцам помогают своей тактикой. Это вполне в духе г. Родичева, одного из вождей к.-д., который гремит: «Мы не возьмем свободы из рук, обгаренных кровью народа!» (эта фраза г. Родичева на частном собрании против В. Стэда ¹⁰³) обходит теперь все заграничные газеты), — а в то же время требует созыва Всенародного Учредительного Собрания именно этими руками.

3. Следующая коренная ошибка резолюции заключается в лозунге: «создание широких демократических организаций и объединение их в всероссийскую организацию. Легкомыслие с.-д., выдвигающих подобный лозунг, прямо поразительно. Что это значит: создать широкие демократические организации? Это может значить одно из двух: или потопление организации социалистов (Р. С.-Д. Р. П.) в организации демократов (этого новоискровцы сознательно проводить не могут, ибо это было бы полным предательством пролетариата) — или же временное соединение между с.-д. и известными слоями буржуазных демократов. Если новоискровцы хотят проповедывать такое соединение, почему не говорят они этого прямо и открыто? зачем прячутся за словечко «создание»? отчего не указывают точно, с какими же именно течениями или группами внутри буржуазной демократии призывают они с.-д.-тию соединяться? Разве это не новый образчик непозволительной тактической туманности, которая на деле неизбежно превращает рабочий класс в прихвостня буржуазной демократии?

Единственное определение характера этих «широких демократических организаций» в резолюции состоит в указании на их две цели: борьба (1) против Гос. Думы и (2) за Всенародное Учредительное Собрание. Вторую цель в ее дряблой искровской формулировке, т.-е. без указания того, кто должен созвать Всенародное Учредительное Собрание, признали к.-д. вполне. Значит, искровцы проповедуют соединение с.-д. с к.-д., стыдясь сказать это прямо?? Первая цель формулирована с такой неясностью, какие мы привыкли видеть только в российских законах, умышленно обманывающих публику. Что такое борьба против Гос. Думы? Если понимать буквально, предполагая, что составители резолюции хотят выражаться без экивоков, то это значит б о й к о т Д у м ы, ибо бороться против учреждения, еще не существующего, значит противиться его возникновению. Но мы знаем, что искровцы против бойкота, мы видим из самой резолюции, что они говорят дальше уже не о борьбе п р о т и в Гос. Думы, а о д а в л е н и и на Гос. Думу, о стремлении превратить Гос. Думу в революционное собрание и т. п. Значит, слова «борьба против Гос. Думы» надо понимать не в буквальном, не в узком смысле. Но если так, то в каком же? Не в смысле ли г. М. Ковалевского, который читает рефераты с критикой Гос. Думы? Что именно называть борьбой п р о т и в Гос. Думы?? Это остается тайной. Наши путаники ровно ничего определенного об этом не сказали. Зная настроение сознательных рабочих, безусловно враждебное тактике соглашений с к.-д., тактике поддержки Думы на известных условиях, наши новоискровцы трусливо выбрали средний путь: с одной стороны, повторить популярный среди пролетариата лозунг: «борьба против Гос. Думы», с другой стороны, отнять у этого лозунга точный смысл, бросить песку в глаза, истолковать борьбу против Думы в смысле давления на Думу и т. п. И эта жалкая путаница выдвигается самыми влиятельными организациями искровцев в такой момент, когда освобожденцы кричат на всю Европу, бия себя в грудь, что они идут в Гос. Думу только для борьбы, всецело для борьбы, что они «готовы» на полный разрыв с правительством!

Мы спрашиваем читателей: видана ли где-нибудь более позорная шаткость в тактике с.-д-тии? Можно ли представить себе что-нибудь губительней для с.-д-тии, как эту проповедь «создания широких демократических организаций» вместе с о с в о б о ж д е н ц а м и (ибо с искровски-изложенными целями таких организаций к.-д. согласны), но не называя прямо освобожденцев??

И Плеханов, уронивший себя в глазах всех русских революционных с.-д. своей почти двухлетней защитой искровских «организационных туманностей», станет уверять нас теперь в том, что новоискровская тактика хороша! . .

4. Далее. Крайне неразумно называть соединение широких (и расплывчатых) демократических организаций «всероссийской народной организацией» или «демократической организацией народа». Это прежде всего неверно теоретически. Экономисты грешили, как известно, тем, что смешивали партию с классом. Искровцы, воскрешая старые ошибки, смешивают теперь сумму демократических партий или организаций с организацией народа. Это пустая, лживая, вредная фраза. Она пуста, ибо никакого определенного смысла в ней нет в силу отсутствия указания на известные демократические партии или течения. Она лжива, ибо в капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс, — а про весь народ вообще нечего и говорить. Она вредна, ибо засоряет головы громким словечком, не выдвигая вперед реальной работы по разъяснению действительного значения действительных демократических партий, их классовой основы, их степени близости к пролетариату и т. д. Именно теперь, в эпоху демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию, особенно сильна склонность буржуазных демократов, всех этих к.-д. и т. д. вплоть до с.-р., проповедывать «широкие демократические организации», вообще, поощрять прямо или косвенно, открыто или тайком, беспартийность, т.-е. отсутствие строгих делений между демократами. Сознательные представители пролетариата должны решительно и беспощадно бороться с этой тенденцией, ибо она глубоко буржуазна по самой своей сущности. Мы должны выдвигать на первый план точные партийные различия, разоблачать всякую путаницу, показывать лживость фраз о якобы едином, солидарном, широком демократизме, фраз, которыми кишат наши либеральные газеты. Предлагая соединение с известными слоями демократии для определенных задач, мы должны выделять одну революционную демократию, — особенно в такое время, как теперь, — мы должны указывать признаки, отграничивающие наиболее ясно «готовых» бороться (теперь же в рядах революционной армии) от «готовых» торговаться с самодержавием.

Чтобы нагляднее пояснить искровцам их ошибку, возьмем пример попроще. Наша программа говорит о крестьянских комитетах. Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. точнее определяет значение их, называя их революционными крестьянскими комитетами (в этом отношении с III съездом сошлась, в сущности, и новоискровская конференция). Задачей их мы ставили осуществление революционным путем преобразований демократических вообще и аграрных в частности, вплоть до конфискации помещичьих земель. Теперь искровцы рекомендуют в резолюции еще новые «агитационные комитеты среди крестьянства». Это — совет, достойный не социалистических рабочих, а либеральных буржуа. Такие «агитационные крестьянские комитеты»,

если бы они создались, были бы всецело на-руку освобожденцам, ибо революционный характер их заменен был бы либеральным: мы уже указывали, что по-искровски определенное содержание агитации этих агитационных комитетов (борьба «против» Гос. Думы и за Всенародное Учредительное Собрание) не выходит за пределы освободительской программы. Ясно ли теперь новоискровцам, что, дополняя лозунг революционных крестьянских комитетов лозунгом «агитационных крестьянских комитетов», они превращают социал-демократические лозунги в освободительские?

5. Наконец, мы подходим и к главной задаче этой «всероссийской народной организации» — организации всенародных выборов в Учредительное Собрание. При сохранении самодержавия — всенародные выборы. И «столкновения» с самодержавием дают «новые побудительные мотивы для восстания». . . Вот уже поистине потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания!

Лозунг «революционного самоуправления», теория «самопроизвольного зарождения» Учредительного Собрания привели неизбежно к этой нелепости, которой суждено стать классической. Говорить о всенародных выборах при господстве Треповых, т.-е. до победы восстания, до фактического свержения царской власти, есть величайшая маниловщина, способная лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих. Только люди, приученные новой «Искрой» к господству фразы, могут принимать такие лозунги, которые рассыпаются в прах при первом прикосновении трезвой критики. Стоит немножечко подумать о том, что такое всенародные выборы в серьезном значении этого слова, стоит припомнить, что они требуют и свободы агитации, и осведомления всего населения, и признания всем населением такого центра или таких местных центров, которые составят списки всего населения и произведут операцию опроса действительно всех без исключения, — стоит капельку подумать об этом, чтобы отнести проектируемые «Искрой» «всенародные выборы» к всенародной потехе или всенародному шарлатанству. Ни единого депутата, сколько-нибудь заслуживающего звания «всенародного выборного», т.-е. собравшего за себя 50 — 100 тысяч голосов, действительно свободно и сознательно поданных, ни единого такого депутата нигде в России «при открытии выборной кампании» выбрано быть не может.

Искровская резолюция советует пролетариату сыграть комедию, и никакие оговорки и отговорки не изменяют значения этой комедианской резолюции. Нам говорят, что выборы произведут лишь «при достаточной силе организации», лишь тогда, когда «предварительная организация обеспечит ему (восстанию) повсеместность и единство». Мы отвечаем: сила доказывается делами, а не словами. До победы восстания

смешно и говорить о силе, способной, не вызывая насмешек, хотя бы провозгласить «всенародные выборы», не говоря уже о произведении их. Победу восстания не может «обеспечить» никакая повсеместность и никакое единство организации, если (1) эта организация не состоит из людей, действительно способных на восстание (а мы видели, что резолюция проповедует просто «широкие», т.-е. на деле освобожденные, организации, которые безусловно изменили бы восстанию, если бы оно началось); (2) не окажется силы для победы восстания (а для победы нужна материальная сила революционной армии, кроме моральной силы общественного мнения, народного блага и т. п.). Выдвигать на первый план эту моральную силу, эти громкие слова о «всенародности» и у м а л ч и в а т ь в боевом призыве о прямой материальной силе — значит принижать революционные лозунги пролетариата до буржуазно-демократической фразы.

Потешные выборы представляют из себя именно не «естественный», а и с к у с с т в е н н ы й переход к восстанию, переход, выдуманный горсткой интеллигентов. Сочинять такие искусственные переходы—занятие совершенно аналогичное старому Надеждинскому занятию: выдумке «эксцитативного» террора. Новоисковцы также искусственно хотят «эксцитировать», возбудить народ к восстанию, — идея, фальшивая в своей основе. Создать действительно всенародной организации мы не можем; те выборы, которые бы мы вздумали назначить при самодержавии, неизбежно останутся комедией, и подобный с о ч и н е н н ы й повод использовать для восстания — все равно, что декретировать восстание в момент отсутствия д е й с т в и т е л ь н о г о возбуждения в народе. Только люди, не верящие в революционную активность пролетариата, только интеллигенты, гоняющиеся за хлесткими словами, могли взяться придумывать в сентябре 1905 года «новые побудительные мотивы для восстания». Точно мало у нас в России д е й с т в и т е л ь н ы х, а не комедианских, мотивов для восстания, точно мало случаев действительного, а не инсценированного, не подделанного в о з б у ж д е н и я масс! Потешные выборы никогда не возбудят масс. Но стачка, или демонстрация, или военный бунт, или студенческая серьезная вспышка, или голод, или мобилизация, или конфликт в Гос. Думе и т. д., и т. д., и т. д. могут постоянно, ежечасно действительно в о з б у д и т ь массы. Не только мысль о выдумке «новых побудительных мотивов для восстания» есть величайшая глупость, но даже и мысль об указании наперед того, а не иного действительно возбуждающего массы мотива была бы неразумна. Люди, сколько-нибудь уважающие себя, сколько-нибудь серьезно относящиеся к своим словам, никогда не позволят себе сочинять «новые побудительные мотивы для восстания».

Не в «новых мотивах» нехватка, почтеннейшие Маниловы, а в военной силе, в военной силе революционного народа (а не народа вообще), которая состоит: 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятые все вместе, это и составляет революционную армию. Говорить о восстании, о его силе, о естественном переходе к нему и не говорить о революционной армии есть нелепость и путаница, — тем более, чем мобилизованнее контр-революционная армия. Выдумывать «новые побудительные мотивы для восстания» в эпоху восстаний кавказских и черноморских, польских и рижских, — значит, нарочно замыкаться в свою скорлупу и отстраняться от движения. Перед нами — сильнейшее брожение рабочих и крестьян. Перед нами — ряд вспышек восстания, неуклонно и с громадной быстротой прогрессирующих по широте, силе и упорству, начиная с 9 января. Никто не поручится за то, что завтра эти вспышки не повторятся в любом крупном городе, в любом военном лагере, в любой деревне. Напротив, все показания сходятся в том, что такие вспышки вероятны, близки, неизбежны. Успех их зависит, во-1-х, от успехов революционной агитации и организации, — именно революционной, а не «широко-демократической», о которой болтает «Искра», ибо среди демократов масса не-революционеров. Успех зависит, во-2-х, от силы и готовности революционной армии. Первое условие всеми давно признано и осуществляется по всей России всеми революционерами, на каждом буквально собрании кружка, группы, летучки, массовки. Второе еще очень и очень мало признано. Его не хочет и не может признать в силу ее классового положения либеральная буржуазия. Его замалчивают из революционеров только люди, безнадежно плетущиеся в хвосте монархической буржуазии.

Восстание — очень большое слово. Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга. И мы не раз говорили, что революционные соц.-дем. издавна готовили выставление его, но выставили, как прямой призыв, лишь тогда, когда не могло быть никаких колебаний насчет серьезности, ширины и глубины революционного движения, никаких колебаний насчет того, что дело подходит к развязке в настоящем смысле слова. С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделываться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о якобы «естественных переходах» к этим трудным задачам.

Революционная армия — это тоже очень большое слово. Создание ее — трудный, сложный и долгий процесс. Но когда мы видим, что он уже начался и обрывками, кусочкам идет повсюду, — когда мы знаем, что без такой армии действительная победа революции невозможна, — мы должны выдвинуть решительный и прямой лозунг, проповедывать его, делать его оселком злободневных задач политики. Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия. Что демократический переворот в России назрел, это несомненно. Но хватит ли силы теперь у революционных классов осуществить его, это еще не известно. Это решит борьба, критический момент которой приближается с громадной быстротой, — если нас не обманывает целый ряд прямых и косвенных признаков. Моральный перевес несомненен, моральная сила уже подавляюще велика; без нее, конечно, ни о каком перевороте не могло бы быть и речи. Она — условие необходимое, но еще недостаточное. А претворится ли она в материальную силу, достаточную, чтобы сломить весьма и весьма серьезное (не будем закрывать на это глаза) сопротивление самодержавия, — это покажет исход борьбы. Лозунг восстания есть лозунг решения вопроса материальной силой, — а таковой в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота, пока не проявились определенно возбуждение и готовность масс к действию, пока внешние обстоятельства не привели к явному кризису. Но раз такой лозунг выставлен, — тогда уже было бы прямо позорно пятиться от него назад, опять к моральной силе, опять к одному из условий нарастания почвы для восстания, опять к одному из «возможных переходов» и т. д. и т. п. Нет, раз уже жребий брошен, надо оставить всякие увертки, надо прямо и открыто разъяснить самим широким массам, каковы теперь практические условия успешного переворота.

Мы далеко не исчерпали всех ошибок искровской резолюции, которая, — для людей думающих, а не отделяющихся «ловлей момента», — надолго останется печальным памятником опошления задач социал-демократии. Нам кажется более важным проследить основные источники ошибок, чем перечислить все, даже сравнительно мелкие, проявления коренной фальши. Поэтому мы отметим лишь мимоходом нелепость

и реакционность идеи о предъявлении «ультиматумов» (военное слово, звучащее пошлым хвастовством, при отсутствии подготовленной военной силы) к Думе, о стремлении превратить в революционное собрание эту Думу *), — и перейдем к общему значению лозунга: «революционное самоуправление народа».

В этом лозунге, или, вернее, в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», — ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности «Искры» были сначала защищаемы, а потом изобличаемы Плехановым!

Революционное самоуправление народа не пролог восстания, говорили мы, не «естественный переход» к нему, а эпилог. Без победы восстания нельзя и говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении. И мы добавляли, что реакционна самая мысль о перенесении центра тяжести на управление государством, а не на устройство государства, что отождествление революционного самоуправления с революционной армией есть величайший вздор, что революционная армия, победив, обязательно предполагает революционное самоуправление, а революционное самоуправление еще не обязательно включает революционную армию.

«Искра» пыталась защитить путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь-де не знает резких границ. Биржи рабочих есть и сейчас («Соц.-Демократ», № 12), вот вам элементы самоуправления. Пролог и эпилог в диалектическом процессе развития нередко-де переплетаются.

Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутанно, высывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно запутывать задачи борьбы, позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных с.-д.? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?

*) Если мы окажемся сильны в предстоящей решительной борьбе с царизмом, то Гос. Дума неизбежно повернет влево (по крайней мере либеральной своей частью, о реакционной мы не говорим), но попытаться серьезно повлиять на Гос. Думу помимо разрушения власти царя — это такая же глупость, как если бы Япония стала представлять «ультиматумы» Китаю или придать серьезное значение помощи Китая помимо разрушения военной силы России. После 18 марта 1848 г. прусская Гос. Дума (Соед. Ландтаг) моментально подмахнула бумажку о созыве «Учредительного Собрания», а до тех пор все «ультиматумы» революционеров и все их «стремления» повлиять на Гос. Думу, все их угрозы были пустыми словами для заседавших в Гос. Думе Петрункевичей, Родичевых, Милоковых и т. п.

Чтобы сделать нашу мысль более наглядной, возьмем пример. Допустим, речь идет не о демократическом, а о социалистическом перевороте. Кризис зреет, близится эпоха диктатуры пролетариата. И вот, оппортунисты выдвигают на первый план лозунг: потребительные общества, а революционеры — лозунг: завоевание политической власти пролетариатом. Оппортунисты спорят: потребительные общества—реальная сила пролетариев, завоевание реальной экономической позиции, настоящий кусочек социализма; вы, революционеры, не понимаете диалектического развития, этого перерастания капитализма в социализм, этого проникновения ячеек социализма в недра самого капитализма, этого опорожнения капитализма новым социалистическим содержанием.

Да, отвечают революционеры, мы согласны, что потребительные общества суть в известном смысле кусочек социализма. Во-1-х, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно-организованным производством для потребления; во-2-х социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребительные общества. Но дело-то не в этом. Пока власть остается в руках буржуазии, до тех пор потребительные общества — жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот. Навыки, приобретенные рабочими в потребительных обществах, очень полезны, — спора нет. Но поприще для серьезного приложения этих навыков может создать лишь переход власти к пролетариату. Тогда система потребительных обществ будет включать в свое распоряжение и прибавочную стоимость; теперь сфера применения этого полезного института сужена до убожества убогими размерами заработной платы. Тогда это будет потребительный союз действительно свободных работников; теперь это союз наемных рабов, придавленных и придушенных капиталом. Итак, потребительные общества — кусочек социализма. Диалектический процесс развития действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом ц е л о е, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопанием, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути.

Как думает «Искра», кто прав в этом споре?

Вот то же самое и с лозунгом: «революционное самоуправление» в эпоху демократического переворота. Мы не против революционного самоуправления, мы отвели ему давно известное скромное место в нашей программе-минимум (см. § о широком местном самоуправлении), мы

согласны, что это — кусочек демократического переворота, как отметил еще № 15 «Пролетария», сославшийся на Смоленскую Думу. Демократический переворот был бы невозможен без мощного и многостороннего демократического движения, а одной из этих многих сторон является движение в области самоуправления. Но демократический переворот был бы невозможен, напр., и без революционной школы, которая есть столь же несомненный признак фактического разложения царизма, как рабочие биржи вопреки полиции, как брожение в духовенстве, как противозаконное местное самоуправление и проч. Какой же вывод следует отсюда, подумайте-ка, товарищи из «Искры»! Тот ли, что надо подытоживать все эти кусочки разложения в цельный лозунг восстания? или тот, что надо уродовать лозунг восстания, связывая его с одним из кусочков, с самоуправлением?

«Организация революционного самоуправления или, что то же самое, организация народных сил для восстания», — писала храбрая «Искра» (№ 109, с. г., ст. 1). Это все равно, что сказать: организация революционной школы — есть организация сил для восстания, организация брожения в духовенстве есть организация сил для восстания, организация потребительных обществ — есть организация сил для социалистического переворота. Нет, плохие вы диалектики, товарищи из «Искры». Вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилать и вертеться, как Плеханов, с вопросом об организационных и тактических туманностях в ваших взглядах. Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота неизбежно сольются в цельный, законченный «эпизод» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками, жалкими, ничего не изменяющими, только филистеров удовлетворяющими кусочками.

Мораль: 1) Оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов. 2) Диалектика стихийного процесса, который всегда и обязательно бывает запутанным, не оправдывает путаницы логических заключений и политических лозунгов, которые довольно часто (но не обязательно) бывают путанные.

Р. С. Статья уже была сверстана, когда мы получили заграничное искровское издание резолюций Южной Учредительной Конференции. Текст резолюции о Гос. Думе несколько отличается от изданного в Рос-

сии и перепечатанного нами выше. Но эти отличия несущественны и нисколько не задевают нашей критики.

*«Пролетарий» № 21,
от 4 октября 1905 г.*

Уроки московских событий.

Революционный подъем московского пролетариата, выразившийся так ярко в политической стачке и уличной борьбе, еще не улегся. Стачка продолжается. Она перекинулась частью в Петербург, где бастуют наборщики из сочувствия своим московским товарищам. Еще неизвестно, стихнет ли настоящее движение вслед до следующей волны прибоя или примет затяжные формы. Но некоторые, и притом крайне поучительные, результаты московских событий уже сказались, и на этих результатах стоит остановиться.

В общем целом, движение в Москве не дошло до решительного боя революционных рабочих с силами царизма. Это были только небольшие стычки на форпостах, частью, может быть, военная демонстрация в гражданской войне, но не одно из тех сражений, которые определяют исход войны. Из двух предположений, высказанных нами неделю тому назад, оправдывается как-будто первое, именно, что перед нами не начало решительного натиска, а лишь репетиция его. Но репетиция все же показала всех действующих лиц исторической драмы во весь рост, проливая таким образом яркий свет на вероятный — отчасти даже неизбежный — ход самой драмы.

Завязкой московских событий были происшествия чисто-академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную «автономию», или якобы автономию университетам¹⁸⁴). Г.г. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки. Мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий и «примирения» разбойников с ограбляемыми, вызвала на деле громадное обострение борьбы и расширение состава ее участников. На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат. Правительство вознегодовало. «Солидные» либералы, получившие профессорское самоуправление, замесались и забегали от революционных студентов к полицейскому, нагаечному правительству. Либералы воспользовались свободой, чтобы изменить свободе, чтобы удерживать студентов от расширения

и обострения борьбы, чтобы проповедывать «порядок» — перед лицом башибузуков и черносотенцев, господ Трепова и Романова! Либералы воспользовались самоуправлением, чтобы править дела народных палат, чтобы закрыть университет, это чистое святилище разрешенной нагаечниками «науки», которое осквернили студенты, допустив в него «подлую чернь» для обсуждения «неразрешенных» самодержавной шайкой вопросов. Самоуправляющиеся либералы предавали народ и изменяли свободе, ибо они боялись побоища в университете. И они были примерно наказаны за свою подлую трусость. Закрыв революционный университет, они открыли уличную революцию. Жалкие педанты, они уже ликовали было, наперерыв с негодями Глазовыми ¹⁸⁶), что им удалось потушить пожар в школе. На самом деле, они только разожгли пожар в громадном промышленном городе. Они запретили, эти ходульные людишки, рабочим идти к студенчеству; они только толкнули студенчество к революционным рабочим. Они оценивали все политические вопросы с точки зрения своего, насквозь пропитанного вековой казенщиной, курятника; они умоляли студентов пощадить этот курятник. Достаточно было первого свежего ветерка, выступления свободной и юной революционной стихии, — чтобы все позабыли и думать о курятнике, ибо ветерок крепчал, превращаясь в бурю, направленную против основного источника всей казенщины и всего надругательства над русским народом, против царского самодержавия. И даже теперь, когда первая опасность миновала, когда шторм явно улегся, лакеи самодержавия все еще дрожат от страха при одном воспоминании о той пучине, которая разверзлась перед ними в кровавые московские дни: «пока еще это не пожар, но уже несомненно поджог», бормочет г. Меньшиков в лакейском «Новом Времени» (от 30 сент.), — «пока это еще не революция. . . , но уже пролог к революции». «Она идет», доказывал я (г. Меньшиков) в апреле, и с тех пор какие страшные шаги «ею» сделаны! . . «Народную стихию всколыхнуло до самых ее пучин» . . .

Да, в хорошие тиски попали Треповы и Романов вместе с предательствующими либеральными буржуа. Откроешь университет — дашь трибуну для народных революционных собраний, окажешь неоценимую услугу социал-демократии. Закроешь университет — откроешь уличную борьбу. И мечутся, скрежеща зубами, наши рыцари кнута: они снова открывают московский университет, они делают вид, что хотят позволить студентам самим охранять порядок во время уличных процессов, они смотрят сквозь пальцы на революционное самоуправление студентов, которые оформливают деление на партии с.-д., с.-р. и т. д., образуя правильно политическое представительство в студенческом «парламенте» (и которые, мы уверены, не ограничатся революционным самоуправлением, а займутся немедленно и серьезно организацией

и вооружением отрядов революционной армии). А вместе с Треповым мечутся и либеральные профессора, бросаясь уговаривать — сегодня студентов, чтобы были поскромнее, завтра нагаечников, чтобы они были помягче. Метания тех и других доставляют нам величайшее удовольствие: значит, хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе.

Но, кроме законной гордости и законного удовольствия, истинные революционеры должны почерпнуть еще из московских событий нечто большее: уяснение того, какие социальные силы и как именно действуют в русской революции, — более отчетливое представление о формах действия этих сил. Представьте себе политическую последовательность московских событий, и вы увидите замечательно типичную и характерную в классовом отношении картину всей революции. Вот эта последовательность: пробивается маленькая брешь в старом порядке; правительство чинит брешь заплатой уступочек, обманчивых «реформ» и т. п.; вместо успокоения получается новое обострение и расширение борьбы; либеральная буржуазия колеблется и мечется, отговаривая революционеров от революции и полицейских от реакции; революционный народ с пролетариатом во главе выходит на сцену, и открытая борьба создает новую политическую ситуацию; на отвоеванном высшем и более широком поле сражения в укреплениях врага опять пробивается новая брешь, и движение поднимается тем же путем выше и выше. Перед нами происходит по всей линии правительственное отступление, — справедливо замечали недавно «Московские Ведомости». А одна либеральная газета не без остроумия добавляла: отступление с арьергардным боем. Петербургский корреспондент либеральной берлинской газеты «Vossische Zeitung» телеграфировал от 3 (16) октября о своей беседе с начальником канцелярии Трепова. «От правительства, — сказала корреспонденту полицейская крыса, — нечего ждать проведения какого-либо последовательного плана, ибо каждый день приносит такие события, которых нельзя было предусмотреть. Правительство вынуждено лавировать; силой не подавишь теперешнего движения, которое может протянуться и два месяца и два года».

Да, тактика правительства выяснилась вполне. Это, несомненно, лавирование и отступление с арьергардным боем. И это совершенно правильная тактика с точки зрения интересов самодержавия: было бы величайшей ошибкой, роковой иллюзией, со стороны революционеров забывать, что правительство может еще очень и очень долго отступать, не теряя самого существенного. Пример неоконченной, ублюдочной полу-революции в Германии 1848 года (пример, к которому мы еще раз вернемся в следующем номере «Пролетария» и о котором никогда не

устанем напоминать) показывает, что, даже отступив до созыва Учредительного (на словах) Собрания, правительство сохранит достаточно сил для победы над революцией в последнем, решительном бою. Вот почему, изучая московские события, это последнее сражение в длинном ряде сражений нашей гражданской войны, мы должны трезво смотреть на ход вещей, должны готовиться с величайшей энергией и с величайшим упорством к долгой, отчаянной войне, должны остерегаться тех союзников, которые уже являются союзниками-перебежчиками. Когда еще ровно ничего решительного не завоевано, когда у неприятеля есть еще громадный простор для дальнейших, выгодных и безопасных, отступлений, когда идут все более серьезные сражения,—тогда доверчивость к таким союзникам, попытки заключить с ними соглашение или просто поддержать их на известных условиях могут оказаться не только глупостью, но даже изменой пролетариату.

В самом деле, случайно ли поведение либеральных профессоров перед московскими событиями и во время их? Исключение это или правило для всей к.-д. партии? Выражает ли это поведение частичные особенности данной группы либеральной буржуазии или коренные интересы всего этого класса в общем и целом? Среди социалистов не может быть двух мнений по этим вопросам, но не все социалисты последовательно умеют проводить истинно-социалистическую тактику.

Чтобы яснее представить суть дела, возьмем изложение либеральной тактики самими либералами. На страницах русской печати они избегают говорить прямо против с.-д. и даже прямо об с.-д. Но вот интересное сообщение берлинской «Vossische Zeitung», несомненно выражающее более откровенно взгляды либералов:

«Студенческие беспорядки возобновились и в Петербурге, и в Москве чрезвычайно бурно с самого начала учебного года, несмотря на дарованную, — правда, очень поздно, — автономию университетам и высшим учебным заведениям. В Москве они сопровождаются, кроме того, широким рабочим движением. Эти беспорядки указывают на начало новой фазы русского революционного движения. Ход студенческих собраний и резолюции их показывают, что студенчество приняло пароль с.-д. вождей: превращать университеты в места народных собраний и таким образом нести революцию в широкие слои населения. Как осуществляется этот пароль, показали уже московские студенты: они пригласили в здание университета рабочих и других лиц, не имеющих никакого отношения к университету, и притом в таком числе, что студенты сами остались в меньшинстве. Само собою разумеется, что такое явление не может долго продолжаться при существующих условиях. Правительство предпочтет закрыть университеты, чем терпеть такие собрания. Это до такой степени ясно, что на первый взгляд кажется непонятным,

как могли соц.-дем. вожди дать такой пароль. Они знали прекрасно, к чему это приведет; они и стремились именно к тому, чтобы правительство закрыло университеты. И чего же ради? Да просто по той причине, что они стремятся помешать всеми возможными средствами либеральному движению. Они сознают, что они не в силах провести своими собственными силами крупного политического действия; поэтому пусть либералы и радикалы тоже не смеют ничего делать, ибо это, извольте видеть, только повредит социалистическому пролетариату. Он должен сам завоевать себе свои права. Русская социал-демократия может очень гордиться этой «непреклонной» («unbeugsame» — негибачей) тактикой, но всякому беспристрастному наблюдателю она должна казаться крайне близорукой; вряд ли она приведет русскую социал-демократию к победам. Совершенно непонятно, что она выигрывает при закрытии университетов, неизбежном при продолжении такой тактики. Между тем продолжение занятий в университетах и высших учебных заведениях в высшей степени важно для всех партий прогресса. Продолжительные забастовки студентов и профессоров принесли уже русской культуре тяжелый вред. Возобновление академических работ крайне необходимо. Автономия сделала возможным свободное отправление профессорами их учебных занятий. Поэтому профессора всех университетов и высших учебных заведений согласны между собой в том, что необходимо энергично взяться снова за учение. Они употребляют все свое внимание, чтобы побудить студентов отказаться от проведения социал-демократического пароля».

Итак, борьба между буржуазным либерализмом (к.-д.) и с.-д. обрисовалась вполне. Не мешайте либеральному движению! Вот лозунг, великолепно выраженный в цитируемой статье. А в чем состоит это либеральное движение? В попятном движении, ибо свободой университета профессора пользуются и желают пользоваться не для революционной, а для противореволюционной проповеди, не для разжигания пожара, а для тушения его, не для расширения поля борьбы, а для отвлечения от решительной борьбы на сторону мирного сотрудничества с Треповыми. «Либеральное движение» при обострении борьбы стало (мы видели это на деле) переметываньем от революционеров к реакционерам. Либералы приносят, конечно, известную пользу нам, поскольку вносят колебание в ряды Треповых и других слуг Романова, но эта польза не будет перевешиваться вредом от внесения ими колебания в наши ряды лишь тогда, если мы бесповоротно отмежеваемся от к.-д. и беспощадно будем клеймить всякий нетвердый шаг их. Либералы, сознавая или чаще чувствуя свое господство в современном хозяйственном строе, стремятся быть господами и в революции, называя всякое продолжение, расширение и обострение революции за пределы

самого дюжинного штопанья «п о м е х о й» либеральному движению. Из боязни за судьбу разрешенной Треповым университетской якобы свободы они борются сегодня с свободой революционной. Из боязни за легальную «свободу собраний», которую даст завтра правительство в полицейски изуродованном виде, они будут удерживать нас от использования этих собраний в истинно пролетарских целях. Из боязни за судьбу Гос. Думы они уже проявили мудрую умеренность на сентябрьском съезде и проявляют ее теперь, воюя с идеей бойкота, не мешайте же нам делать дело в Гос. Думе!

И к стыду социал-демократии, надо признаться, нашлись в среде ее оппортунисты, которые в силу доктринерски-безжизненного извращения марксизма поддались на эту удочку! Революция буржуазная, рассуждают они, и поэтому... поэтому надо пятиться назад по мере успехов буржуазии в получении уступок от царизма. Если новоскрывцы не видят до сих пор реального значения Гос. Думы, то именно потому, что, пятясь сами, они естественно не замечают попятного движения и конст.-демократов. А что искровцы попятнулись уже назад со времени издания закона о Гос. Думе, это факт неоспоримый. До Гос. Думы они не думали выдвигать на очередь дня вопроса о соглашении с к.-д. После Гос. Думы они выдвинули (Парвус, Череванин и Мартов) этот вопрос, и не в теоретической только, а в непосредственно практической форме. До Гос. Думы они предъявляли довольно строгие условия к демократам (вплоть до содействия вооружению народа и т. д.). После Гос. Думы они сбавили сразу условия, ограничившись обещанием превратить черносотенную или либеральную Думу в революционную. До Гос. Думы они в официальной резолюции своей на вопрос о том, кто должен созвать Всенародное Учредительное Собрание, отвечали: «либо Временное Правительство и говорят: «либо демократические (в роде к.-д.?) организации». После Гос. Думы они вычеркнули Временное Революционное Правительство и говорят: «либо демократические (в роде к.-д.?) организации народа» (?), либо... либо Гос. Дума. Мы видим таким образом на деле, как руководятся искровцы своим великолепным принципом: революция буржуазная — смотрите же, товарищи, как бы не отшатнулась буржуазия!

Московские события, показав впервые после Гос. Думы, какова на деле тактика к.-д. в серьезные политические моменты, показали также, что обрисованный нами оппортунистический хвост социал-демократии неизбежно превращается в простого прихвостня буржуазии. Мы сказали сейчас: черносотенная или либеральная Гос. Дума. Искровцу показались бы чудовищными эти слова, ибо он считает весьма важным различие между черносотенной и либеральной Гос. Думой. Но именно московские события и разоблачили фальшь этой «парламентарной» идеи,

не к месту выдвинутой в допарламентскую эпоху. Именно московские события и показали, что либеральный перебежчик фактически сыграл Треповскую роль. Закрытие университета, которое вчера декретировал бы Трепов, сегодня провели г.г. Мануилов и Трубецкой. Не ясно ли, что и «думские» либералы также будут метаться между Треповым и Романовым, с одной стороны, революционным народом, — с другой? Не ясно ли, что хотя бы сама малейшая поддержка либеральных перебежчиков есть дело, достойное одних политических проститутки?

Поддерживать в парламентской системе более либеральную партию против менее либеральной зачастую необходимо. Поддерживать в революционной борьбе за парламентский строй либералов-перебежчиков, «соглашающих» Трепова с революцией, есть измена.

События в Москве на деле показали ту группировку социальных сил, о которой столько раз говорил уже «Пролетарий»: социалистический пролетариат и передовой отряд революционной буржуазной демократии в е л б о р ь б у. Либерально-монархическая буржуазия в е л а п е р е г о в о р ы. Учитесь же, товарищи-рабочие, учитесь внимательнее уроками московских событий. Именно так, непременно так будут идти дела и во всей русской революции. Мы должны крепче спланиваться в действительно социалистическую партию, сознательно выражающую интересы рабочего класса, а не стихийно плетущуюся за массой. Мы должны рассчитывать в борьбе только на революционную демократию, только с ней одной допускать соглашения, только на поле битвы против Треповых и Романова осуществлять эти соглашения. Мы должны стремиться всеми силами к тому, чтобы кроме передового отряда революционной демократии — студенчества — поднять широкую народную массу, движение которой является не только демократическим вообще (нынче всякий перебежчик зовет себя демократом), но действительно революционным движением, именно крестьянскую массу. Мы должны помнить, что либералы и к.-д., внося колебание в ряды самодержавщиков, неизбежно каждым своим шагом будут стремиться вносить колебание и в наши ряды. Серьезное значение, решающее значение получит только открытая революционная борьба, отбрасывающая в кучу хлама все либеральные курятники и все либеральные Думы. Готовьтесь же, не теряя ни минуты, к новым и новым битвам! Вооружайтесь, кто чем может, составляйте немедленно отряд борцов, готовых с беззаветной энергией сражаться против проклятого самодержавия, помните, что завтра или послезавтра события во всяком случае и неизбежно вызовут вас на восстание, и речь идет только о том, сумеете ли вы выступить готовыми и объединенными или растерянными и разрозненными!

Московские события еще раз и в сотый раз опровергли малозверов. Они показали, что мы все еще склонны недооценивать революционную

активность масс. Они переубедят многих из тех, кто начинал уже колебаться, кто изверивался в восстание после заключения мира и пожалования Думы. Нет, восстание растет и крепнет с невиданной быстротой именно теперь. Пусть же застанет всех нас на посту грядущий взрыв, по сравнению с которым игрушкой покажутся девятое января и достопамятные одесские дни!

*«Пролетарий» № 22,
от 11 октября 1905 г.*

Всероссийская политическая стачка.

Барометр показывает бурю! так заявляют сегодняшние заграничные газеты, приводя телеграфные известия о могучем росте все-российской политической стачки.

И не только барометр показывает бурю, но и все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, разворачивая удивительное богатство событий, и если бы мы захотели изложить перед нашими читателями подробную историю последних трех, четырех дней, — нам пришлось бы написать целую книгу. Но писать подробную историю мы предоставим грядущим поколениям. Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне.

Буря разразилась, — и какими мизерными кажутся теперь либеральные и демократические речи, предположения, гадания и планы относительно Думы! Как устарели уже — за несколько дней, за несколько часов — все наши споры о Думе! Некоторые из нас сомневались в том, что под силу ли революционному пролетариату сорвать эту гнусную комедию полицейских министров, некоторые из нас боялись говорить со всей смелостью о бойкоте выборов. А вот выборы еще не везде начались, и одно мановение руки зашатало карточную постройку. Одно мановение руки заставило не либералов только и не трусливых освободителей, заставило г. Витте ¹⁹⁰), этого главу нового «либерального» царского правительства, говорить (правда, пока еще только г о в о р и т ь) о реформах, подрывающих все хитросплетения всего булыгинского фарса.

Эта рука, мановение которой произвело переворот в вопросе о Думе, есть рука российского пролетариата. «Все колеса останавливаются, — говорит немецкая социалистическая песня, — когда того захочет твоя могучая рука». Теперь эта могучая рука поднялась. Наши указания и предсказания о великом значении политической массовой

стачки в деле вооруженного восстания блестяще оправдались. Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса в с е н а р о д ы проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма. Москва и Петербург поделили между собой честь революционного пролетарского почина. Забастовали столицы. Бастует Финляндия. Остзейский край с Ригой во главе присоединился к движению. Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы. Встает Крым (Симферополь) и юг. В Екатеринославе строятся баррикады и льется кровь. Бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний), разгорается стачка и в центральных земледельческих губерниях (Воронеж), и в промышленном центре (Ярославль).

И во главе этой многоязычной, многомиллионной рабочей армии встала скромная делегация союза железнодорожных служащих. На сцену, где разыгрывались политические комедии господами либералами с их высокопарно-трусливыми речами к царю, с их ужимками по адресу Витте, — на эту сцену ворвался рабочий и предъявил новому главе нового «либерального» царского правительства, г-ну Витте, свой ультиматум. Делегация жел.-дор. рабочих не пожелала дожидаться «мещанской управы», Гос. Думы. Делегация рабочих не стала даже тратить дорогого времени на «критику» этой кукольной комедии. Делегация рабочих подготовила сначала к р и т и к у делом — политическую стачку — и тогда заявила министру-клоуну: решение может быть только одно, созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Министр-клоун говорил, — по меткому выражению самих жел.-дор. рабочих, — «как настоящий чинодрал, виляя как всегда, не давая ничего определенного». Он обещает указы о свободе печати, отвергая всеобщее избирательное право; Учредительное Собрание «теперь невозможно» — выразился он, судя по заграничным телеграммам.

И делегация рабочих объявила всеобщую стачку. Делегация рабочих пошла от министра в университет, где происходят политические собрания с десятком тысяч участников. Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством. И на первых в России массовых, систематических, свободных политических собраниях во всех городах, в школах, на заводах, на улицах обсуждается ответ министра-клоуна, говорится о задаче решительной вооруженной борьбы, которая сделает «возможным» и н е о б х о д и м ы м

созыв Учредительного Собрания. Заграничная буржуазная печать, даже самая либеральная, с ужасом бормочет о тех «террористических и мятежных» лозунгах, которые провозглашают ораторы свободных народных собраний, как будто бы правительство царя не вызвало само всей своей политикой угнетения необходимость и неизбежность восстания.

Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки. Назначение министра-клоуна, уверяющего рабочих, что Всенародное Учредительное Собрание «теперь» невозможно, показывает ясно подъем революционных сил и упадок сил царского правительства. Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний.

Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу! Пролетариат сделал уже чудеса для победы революции. Всероссийская политическая стачка страшно приблизила ее победу, заставив врага заметаться в предсмертном ужасе. Но нами сделано еще далеко, далеко не все, что мы можем сделать и должны сделать для окончательной победы. Борьба подходит, но еще не подошла к настоящей развязке. Рабочий класс поднимается, мобилизуется, вооружается именно теперь в невиданных раньше размерах. И он снесет наконец целиком ненавистное самодержавие, прогонит всех министров-клоунов, поставит свое Временное Революционное Правительство и покажет всем народам России, как «возможно» и как необходимо именно «теперь» созвать действительно Всенародное и действительно Учредительное Собрание.

*«Пролетарий» № 23,
от 18 октября 1905 г.*

*Женева,
13 октября 1905 г.*

Первые итоги политической группировки.

Помещенный нами в предыдущем номере отчет о конференции с.-д. партий и организаций России дает возможность подвести некоторые, хотя бы первоначальные, итоги по вопросу о современной политической группировке. Конференция с.-д. партий и организаций (Р. С.-Д. Р. П.—Ц. К., Бунд, Латышская С.-Д. Р. П., Польская С.-Д. и Р. У. П.) *) приняла единогласно тактику активного бойкота по отношению к Гос. Думе. Необходимость усиленной агитации против Гос. Думы в прямом значении

*) См. II приложение к этому тому. Ред.

слова, необходимость агитировать против всех партий, допускающих участие в Гос. Думе, наконец обязательность подготовки вооруженного восстания признаны теперь, можно сказать без преувеличения, всей революционной социал-демократией независимо от национальных различий. Основы той тактики, которую принял Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и которую мы защищали в «Пролетарии», начиная с № 12 нашей газеты, т.-е. в течение уже 2½ месяцев, стали теперь основами тактики всей социал-демократии в России, за одним печальным исключением.

Этим исключением, как известно читателю, является «Искра» и «меньшинство», отколовшееся от Р. С.-Д. Р. П. «Организационная Комиссия»—его практический центр—была представлена на конференции. Как вотировал ее делегат, мы не знаем, но факт тот, что Организационная Комиссия отказалась подписаться под резолюцией конференции. Этого и надо было ожидать после принятия южной «учредительной» конференцией новоискровцев крайне неразумной и, по принципиальному ее значению, оппортунистической резолюции о Гос. Думе, подробно разобранный нами в № 21 «Пролетария» *).

Политическая группировка, таким образом, вполне наметилась. Вопрос об отношении к Гос. Думе вызвал едва ли не впервые совместное обсуждение политической тактики оппозиционными и революционными партиями, легальной и нелегальной печатью. Это был громадный шаг вперед, по сравнению с предыдущим периодом движения. Прежде целая пропасть отделяла оппозицию от революционеров, легальную работу от нелегальной. Теперь движение так гигантски ушло вперед за какой-нибудь десяток месяцев, что пропасть в значительной части оказалась засыпанной, «легальная» оппозиция была поднята революционной борьбой на гребень волны, почти до признания факта революции. Прежде мы, собственно говоря, и не могли спорить с представителями легальной оппозиции о тактике, о поведении политических партий, ибо и партий-то, кроме революционных, нелегальных не было, ибо «политическая деятельность», вся сплошь совпадала с деятельностью «политических преступников», если оставить в стороне «деятельность» самодержавия и его слуг. Теперь Гос. Дума сделалась естественно и неизбежно предметом обсуждения всей массы народа, всех оттенков, направлений и партий. Революционная борьба пробила дорогу революционной дискуссии и в легальную печать, и в земские собрания, и в студенческие сходки, и в массовые рабочие митинги.

Дискуссию по вопросу о том, как отнестись к Гос. Думе, начали едва ли не первые земцы и радикальная интеллигенция, наиболее заинтересованные непосредственно в царской подачке и наиболее осведомлен-

*) См. выше статью: «Последнее слово «Искровской» тактики». Ред.

ные о ней еще до издания манифеста 6 августа. А затем эта дискуссия перешла во всю политическую печать России, как свободную, т.-е. нелегальную, договаривавшую все свои доводы и все свои лозунги до конца, так и в легальную, писавшую эзоповским языком за бойкот и свободно против бойкота.

Политическая группировка, этот предвестник размежки политических партий и классов всех народов России, стала складываться именно по вопросу о бойкоте. Итти в Думу или не итти? Срывать Думу или принять Думу? Бороться ли в Думе, на почве Думы или вне Думы, помимо Думы, против Думы? — так встал вопрос неизбежно и перед привилегированной кучкой избирателей и перед «бесправной» массой народа. И вот, по этому вопросу, который решался, конечно, с тысячи различных точек зрения и с тысячами всяких вариантов и «особых мнений», имеются теперь свободные результаты того «опроса» общественного мнения, который дается всей печатью и всей суммой заявлений всех политических организаций, политических собраний, сходок и т. д.

Эти свободные результаты таковы:

Три основных типа взглядов на Думу выступают выпукло, в полном соответствии с тремя основными и главными социальными силами происходящей революции: взгляд черносотенский (самодержавие), либеральный (буржуазия) и революционный (пролетариат). Черносотенцы ухватились за Думу, как за лучшее и, пожалуй, единственно возможное, даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие. Либералы раскритиковали Думу и приняли Думу, влекомые с неодолимой силой к путям легальным и к соглашению с царем. Революционный народ, с пролетариатом во главе, заклеил Думу, провозгласил активный бойкот ее и показал уже на деле свое стремление превратить этот активный бойкот в вооруженное восстание.

На этих трех основных типах стоит несколько поподробнее остановиться.

Что касается черносотенцев, то можно было ожидать (и такое ожидание выражали люди, склонные взять Думу всерьез — даже, если не ошибаемся, и искровцы), что сторонники самодержавия будут прямо или косвенно сочувствовать бойкоту или абсентеизму, как выражается нередко наша рабья печать. Пускай, дескать, бойкотируют: нам же лучше, цельнее и чище будет черносотенский состав Думы. И так как в России есть консервативные органы, способные травить царских министров за чрезмерный либерализм, способные фрондировать против «слишком слабого» правительства, то подобный взгляд вполне мог бы найти себе такое же и даже более ясное выражение, чем многие взгляды конституционалистов. Но тут и сказалась ошибка людей, взявших Думу

всерьез и заговоривших о борьбе на почве Думы, о поддержке борьбы в Думе и пр., и т. п. Тут и оказалось сразу, что самодержавие страшно нуждается в легальной думской оппозиции, страшно боится бойкота. Почему? Очень просто: потому, что полная невозможность управлять страной без сделки хотя бы с частью буржуазии, как класса, обнаружилась несомненно. Без сделки с правым крылом буржуазии нельзя управлять страной, нельзя достать денег, нельзя дольше жить. Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть правительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом. Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия есть самая сильная материальная зависимость, которая может быть прикрыта сотнями средневековых пристроек, которая может быть ослаблена миллионами единоличных или групповых придворных подкупов (чинами, местами, концессиями, подачками, поблажками и пр., и пр., и пр.), но которая в решительные моменты народной жизни должна проявиться с решающей силой.

И если мы видим теперь, что г. Витте забегают пред либералами; что он говорит либеральные речи, о которых сообщает легальная печать; что он ведет «неформальные переговоры с г. Гессеном»¹⁸⁷), вождем к.-д. (телеграмма петербургского корреспондента «Times»); что заграничная печать наводняется вестями о либеральных планах царя, — то все это не случайность. Конечно, тут тьма лжи и интриг, но ведь царское правительство, да и вообще всякое буржуазное правительство не может ни единого шага в своей политике сделать без лжи и интриг. Конечно, тут много самого мелкого мошенничества, вызванного приездом в Петербург уполномоченных от французских и немецких банкиров для переговоров о новом займе в полмиллиарда рублей, до зарезу нужных царскому правительству. Но ведь вся система зависимости правительств от буржуазии неизбежно порождает случаи мошенничества при всех и всяческих сделках и проделках, в которых осуществляется эта зависимость.

Самодержавию необходимо «помириться» с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому,—при чем, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России. А Гос. Дума есть великолепное средство для этой цели. Легальная оппозиция буржуазии в Думе есть именно та внешность признанного буржуазией государственного строя, которая может быть была бы в состоянии еще помочь самодержавию вывернуться.

Отсюда понятно, почему «Моск. Ведомости», этот орган консервативной оппозиции правительству, не с злорадством и не с усмешкой,

а с пеной на губах, с бешенством отчаяния говорит о бойкоте Думы. Отсюда понятно, что орган черносотенцев, «Новое Время», обрушивается на «абсентеистов» и пытается привлечь к борьбе с идеей бойкота даже Бебеля («Пролетарий» № 20). Черносотенцы боятся б о й к о т а, и только слепые или заинтересованные в оправдании либералов люди могут отрицать теперь, что успех бойкота был бы безусловно обеспечен, если бы за него высказались деятели земских и городских съездов.

Но в том-то и дело, что либеральная буржуазия всеми своими коренными классовыми интересами влечется к монархии, к двум палатам, к порядку, умеренности, к борьбе с «ужасами» «постоянной революции», с «ужасами» французского образца революции... Поворот либеральной буржуазии, освободителей и к.-д., от радикальных фраз о бойкоте к решительной войне с бойкотом есть п е р в ы й крупный политический шаг всероссийской буржуазии, как класса, шаг, свидетельствующий о ее предательской натуре, о ее «приготовлении к преступлению», называемому изменой революции. И это не простое приготовление (ненаказуемое ни по каким законам, как возразил бы нам, пожалуй, какой-нибудь остряк из освободительских юристов), а покушение и даже оконченное покушение. Мы живем теперь быстро. Давным-давно миновали те (недавние, по обычной хронологии, неприменимой к революциям) времена, когда нам н а д о было будить политическое сознание буржуазии вообще. Миновали даже и те времена, когда нам н а д о было помогать буржуазии сорганизоваться в политическую оппозицию. Теперь они проснулись, они организовались, и на очереди дня стала совсем другая, великая задача, которая стала возможной и реальной лишь благодаря семимильным шагам революции, — задача согласиться с царем (задача капитала) и задача нейтрализовать предательский капитал (задача труда).

Революционный пролетариат, идущий во главе революционного народа, и взял на себя эту задачу, оставаясь верным своему долгу: будить, толкать, поднимать своих «соседей» по борьбе с средневековым и крепостничеством, переходя при этом от менее революционных соседей к более революционным. Революционный пролетариат, руководимый социал-демократией, «взял всерьез» не Думу, а те слова, обещания и лозунги о бойкоте Думы, которые по легкомыслию, крайней молодости и увлечению сорвались с уст радикальных краснобаев буржуазии. Из фразы о бойкоте пролетариат сделал реальность, сделал тем, что поднял открыто и прямо знамя вооруженного восстания; сделал тем, что развернул не только широчайшую агитацию, но и прямую уличную борьбу (в Москве); сделал тем, что побратался с радикальной молодежью, этим передовым отрядом широкой, не вполне еще определенной в классо-

вом отношении, но бесконечно угнетенной и эксплуатируемой народной, особенно крестьянской, массы. Социалистический пролетариат на практической, боевой задаче объединился, без всякого договора, с пробудившимися слоями революционной буржуазной демократии. В великие московские дни (великие, как предзнаменование, а не как отдельно взятое событие) пролетариат и революционные демократы вели борьбу — в то время как либералы, освобожденцы и к.-д., вели переговоры с самодержавием.

Политическая группировка обрисовалась: за Думу ради сохранения самодержавия — за Думу ради ограничения самодержавия — против Думы ради уничтожения самодержавия. Иными словами — за Думу, чтобы подавить революцию, — за Думу, чтобы остановить революцию, — против Думы, чтобы довести до конца победоносную революцию.

Исключением, печальным и обидным исключением, нарушившим цельность отчетливой классовой группировки (и подтвердившим, как всякое исключение, общее правило), явилось оппортунистическое крыло социал-демократии в лице новой «Искры». Но и в этом исключении, в узенькой области заграничных, нелегальных организаций, сказалась очень важная и очень поучительная закономерность, предсказанная уже нами. Конференция, о которой мы сказали выше, объединила революционную социал-демократию. «Искра» осталась обьединенной, не в силу договора, а в силу хода вещей, с «Освобождением». В нелегальной печати за активный бойкот встали революционные социал-демократы и крайняя левая революционной буржуазной демократии. Против бойкота встали оппортунистические социал-демократы и крайняя правая буржуазной демократии.

Так подтвердилось то, что было показано анализом важнейшей из тактических резолюций новоискровцев («Две тактики» Ленина), именно, что «Искра» опускается до либеральных помещиков, а «Пролетарий» поднимает до своего уровня крестьянскую массу; «Искра» опускается до либеральной буржуазии, а «Пролетарий» поднимает революционную мелкую буржуазию.

Кто знаком с соц.-дем. литературой, тот знает пущенную давно «Искрой» фразу: большевики и «Пролетарий» покачнулись в сторону социалистов-революционеров, в сторону крайней буржуазной демократии. В этой фразе, как и во всякой ходячей фразе, есть доля истины. Она выражает не простую досаду искровцев, она отражает действительное явление, но отражает так, как отражает предмет вогнутое зеркало. Это действительное явление есть тот факт, что меньшевики и большевики представляют из себя оппортунистическое и революционное крыло российской социал-демократии. Так как искровцы повернули к оппортунизму, то они неизбежно должны были прийти к выводу, что

большевики (говоря языком политических делений восемнадцатого века) — «якобинцы». Эти обвинения только подтверждают наш взгляд на правое и левое крыло современной социал-демократии. Эти обвинения со стороны оппортунистов так же лестны нам, как лестны были в 1900 году обвинения в «народовольчестве» со стороны «Рабочей Мысли». Теперь действительная политическая группировка всех политических направлений во всей России по крупнейшему вопросу тактики доказала на деле правильность нашей оценки всей искровской позиции, начиная со II съезда Р. С.-Д. Р. П.

Группировка нелегальных партий, завершенная конференцией всех социал-демократов, естественно дополняет таким образом группировку всех партий в вопросе о Думе. И если искровцы оказались обидным исключением, то тот факт, что они — исключение, дает нам новую веру в силу правила, в победу революционной социал-демократии, в осуществление русской революцией ее последовательных лозунгов. Если, в минуту уныния, пошлость либералов и опошление марксизма некоторыми марксистами кажутся предзнаменованием того, что и революция у нас выйдет пошлая, ублюдочная, недоконченная, вроде немецкой 1848 года, — то зато жизненность принципов революционной социал-демократии внушает бодрящую веру, и выступления геройского рабочего класса поддерживают эту веру. Революция дает прекрасную размежевку политических направлений, прекрасное доведение до абсурда ошибочных мнений. Революция в России идет так, что оправдывает до сих пор те надежды на ее полную победу, которые внушает сложившаяся теперь внешняя и внутренняя ситуация. И при виде смятения самодержавия, растерянности либералов, при виде бодрой революционной энергии пролетариата, тянущего за собой крестьянство, — хочется верить, что «пойдет наш поезд, как не шел немецкий».

*«Пролетарий» № 23
от 18 октября 1905 г.*

Буржуазные «соглашатели» и пролетарские революционеры.

Созыв Государственной Думы вызвал новые «недоразумения» в среде социал-демократов, привел к новым разногласиям. Если перед указом 6-го августа, особенно под влиянием одесских событий, «Искра» увлекалась идеей восстания и даже не прочь была организовать Временное Правительство, то теперь — перед отверстыми воротами Государственной Думы — восстание опять теряет для нее привлекательную силу и превращается в «вещь в себе», как было до 9-го января. Увлечшись

перспективой соглашений с мирными буржуазными демократами, «Искра» заменяет вооруженное восстание революционным векселем г.г. Петрункевичей и с негодованием обрушивается на «Пролетария», агитирующего за борьбу против Думы. «Искра» отказывается соединять агитацию по поводу Думы с агитацией за вооруженное восстание. Несколько сходную позицию занимает и Бунд. Правда, он призывает к бойкоту Думы и говорит, что «к восстанию надо готовиться», — но тут же спешит добавить, что «поднять агитацию против Думы во имя вооруженного восстания вообще нельзя». Таким образом и Бунд не считает возможным соединять агитацию против Думы с агитацией за вооруженное восстание *).

«Пролетарий» с самого начала занял совершенно другую позицию. Рабочий класс и вообще беднейшие слои населения лишены избирательного права, стало быть, провести своих кандидатов в Думу мы не можем. Поддерживать, по совету «Искры», буржуазных кандидатов — как бы «крайни» они ни были — при наших политических условиях было бы величайшим развратом. И чем могли бы мы поддержать их? Голосами? Но у рабочих нет голосов. Убеждениями? Но наши убеждения не в силах опровергнуть убедительности материальных интересов буржуазии. Насилием? Терроризированием? Но для этого нужно представлять реальную силу, силу более внушительную, чем сила самодержавия. Для этого нужно иметь за собой вооруженную революционную армию. Но раз вы будете иметь ее на-лицо, тогда вся затея с «давлением» на выборы в Думу превратится в кукольную комедию. Тогда со стихийной неизбежностью выдвинется на порядок дня вопрос о низвержении самодержавия, вопрос о восстании. Поэтому социал-демократии остается перед лицом Думы только один путь: обращение от Думы к народу. Разоблачение политического значения Думы, как соглашения верхов буржуазии с правительством, клеймение предательства буржуазии, а следовательно, и клеймение тех «либералов», «демократов» и пр., которые идут на эту сделку. Подготовка пролетариата и широких народных масс к восстанию — подготовка идейное, путем пропаганды наших лозунгов, и подготовка техническое, путем организации боевых отрядов, распространения оружия и военно-технических сведений. Одним словом, апелляция от пререканий с министрами из-за прав к вооруженной борьбе за права.

Сознание необходимости подготовки народных масс к восстанию, подготовки их к тому, чтобы они при первом покушении со стороны контр-революции могли выступить на защиту своих интересов, лежит

*) Статья написана до конференции с.-д. партий. Теперь Бунд соединяет агитацию против Думы с агитацией за восстание. (Ред. «Пролетария»).

в основе всей агитации Маркса 1848 г. И даже наличие двух учредительных собраний — берлинского и франкфуртского — не могла заставить его отказаться от подготовки восстания и принять «план» «Искры».

Когда вспыхнула мартовская революция в Германии, Маркс и его ближайшие друзья поспешили из Парижа в Кёльн. Рейнская провинция представляла тогда самую развитую в экономическом отношении и самую революционную область Пруссии. И вот в этом очаге революции Маркс начал издавать политическую газету — «Новую Рейнскую Газету». С первых же номеров этот новый «орган демократии» — так называла себя газета — занял вполне определенную политическую позицию. «*Revolution in Permanenz*» — непрерывная революция, борьба за превращение полу-революции в полную революцию — таков был его лозунг. Когда газета начала выходить, в Берлине заседали уже прусское учредительное собрание, а во Франкфурте обще-германское; они были избраны всеобщим (хотя и не прямым) голосованием. Но этот факт не вызвал идиллического настроения у Маркса, и он продолжал вести усиленную агитацию за подготовку восстания. Органом этой агитации, на-ряду с «Новой Рейнской Газетой», являлся демократический комитет. Дело в том, что революционные события сблизили мелко-буржуазные элементы с пролетарскими, еще неспособными к самостоятельной политической роли. В июне 1848 года собрался во Франкфурте первый съезд демократов, в котором приняли участие и пролетарские организации, особенно руководимый Марксом Союз коммунистов. Этим съездом было положено начало организации демократов в целях агитации за демократическую республику. Из всех союзов и комитетов, созданных с этой целью, наибольшую энергию проявил Рейнский окружной комитет, в котором, на-ряду с двумя буржуа, заседали Маркс, Молль, Шаппер и Герман Беккер (последний не входил в Союз коммунистов, но был к нему близок).

Демократический комитет развил самую широкую организационную и агитационную деятельность. Вся та доля политической свободы, которую принесла мартовская революция, была использована им до последних пределов. Он употребил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону гражданскую гвардию. И это ему, действительно, удалось. Воспользовавшись бесчинством солдат одного из стоявших в Кёльне линейных полков, демократы добились как удаления этого полка из Кёльна, так и смещения начальника гражданской гвардии Витгенштейна. Гвардия очутилась под влиянием революционных элементов. После этого было постановлено на одном из многочисленных народных собраний выбрать комитет общественной безопасности, «в качестве представительства населения Кёльна, не имеющего своих представителей в существующих законных административных учреждениях». Это же

собрание обратилось, по предложению Энгельса, к берлинскому национальному собранию с призывом не покидать своего поста даже под угрозой штыков. Еще более грандиозное народное собрание, на котором говорили речи Энгельс, Шаппер, Вильгельм Вольф, Лассаль, открыто высказалось за демократическую, социальную, «красную» республику.

Так работали творцы научного социализма, подготавливая народное восстание в тот момент, когда наверху тратилось время на бесполезные словопрения и пререкания с королевскими министрами.

Понятно, что активная революционная работа демократического комитета и «Новой Рейнской Газеты» очень не нравилась правительству. Оно уже давно наводнило Прирейнскую провинцию войсками, крепости были приведены в военное положение, и власти употребляли все усилия, чтобы вызвать пролетариат на открытое столкновение и потопить революционное настроение в крови. Но недаром в комитете сидели коммунисты. Маркс постоянно разоблачал провокаторскую политику прусских военных властей и говорил рабочим: не попадайтесь на удочку, не размечивайте своего революционного настроения на мелкие, бесплодные вспышки, берегите силы для решительной борьбы, — той борьбы, которая превратит полу-революцию в полную революцию.

Тем не менее 25 сентября произошло столкновение, окончившееся, правда, без серьезных последствий и показавшее воочию плоды революционной пропаганды. Полиция пыталась арестовать некоторых вождей движения. Беккер и Шаппер были, действительно, арестованы, Вольфа не могли найти, а Молль был отбит толпой. Тогда начальник полиции приказал гражданской гвардии арестовать Молля и разогнать народное собрание, созванное на этот день на городской площади. И тут сказались результаты влияния революционеров. Гражданская гвардия отказалась исполнить приказ и заняла городскую площадь с тем, чтобы защищать народ. И собрание, действительно, состоялось беспрепятственно, — состоялось под председательством разыскиваемого Вильгельма Вольфа, и говорил на нем, между прочим, подлежавший аресту Молль! Когда народ уже расходился, пронесся слух, что приближаются войска. В одно мгновение толпа бросилась строить баррикады и начала готовиться к защите. Слух оказался ложным. Войск не было, и баррикады с развешивающимися на них красными знаменами благополучно простояли всю ночь.

Подготавливая к будущему восстанию народные массы, не только пролетариат, но демократические слои населения вообще (Маркс не читал № 249 «Последних Известий» *), и, предостерегая их против бес-

*) «Что социал-демократия должна взять на себя задачу приготовления к восстанию всех слоев населения, «неудовлетворенных царской реформой», — эта идея... по существу означает возврат к самым худшим традициям искризма вплоть до

полезной растраты сил, — Маркс имел в виду неизбежность нового революционного взрыва в ответ на контр-революционные покушения. По ходу всей революции, со второго же дня после 18 марта, видел он, что дело идет к упразднению революции, к предательству интересов широких масс народа путем удовлетворения потребностей узкой группы крупной буржуазии. Он понимал, что обездоленные массы не могут добиться ничего посредством прений в палатах соглашателей, посредством одного давления на этих соглашателей. Перед лицом монархии, стоявшей еще во всеоружии своей власти, перед лицом крупной буржуазии, готовой продать за горсть привилегий народные права, — народ мог опереться только на один аргумент: на свою материальную силу, на силу вооруженного восстания. Если последним прибежищем монархии являлась контр-революция, то последним прибежищем народа являлась революция. Маркс предвидел эту контр-революцию, он предсказал ее заранее и потому указывал на этот момент народу, как на момент революции. Этот «герой голубиноного полета» не только «приурочивал» восстание к определенному «моменту», но даже призвал к нему, когда этот «назначенный заранее» момент наступил. 9 ноября министерство государственного переворота объявило указ о перенесении национального собрания в город Бранденбург. 15-го — собрание вотировало отказ в податях *). 18-го появилось в «Новой Рейнской Газете» воззвание демократического комитета, подписанное Марксом, Шаппером и Шнейдером II. В этом воззвании авторы призывали народ: не платить податей, вооружаться для защиты от внутреннего врага, раздавать неимущим оружие за счет общины, требовать от должностных лиц подчинения постановлениям национального собрания, смещать тех из них, кто откажется повиноваться и замещать их должности всеобщими выборами.

Призыв Маркса не вызвал восстания. Значит ли это, что Маркс был неправ, что его оценка событий была неверна? Нисколько. Маркс совершенно ясно, различал и подчеркивал неоднократно, что тактика, которую он подсказывает, есть тактика, определяемая правильно понятыми интересами самой буржуазии. Интересы буржуазии, как класса, и политические, и экономические интересы ее требуют доведения революции до конца, полного переворота во всем строе общественных отно-

знаменитой «теории» хождения во все классы населения. Большинство (!) действующих в России товарищей вряд ли признает за социал-демократией такую всенародную миссию: оно скорее полагает, что дело социал-демократии готовить к восстанию только рабочий класс» («Последние Известия» № 249). Бундист, говорящий от имени «большинства (гм!) работающих в России товарищей»! Бундист в роли хранителя чистоты социал-демократических принципов! Скорее ответьте, товарищи из Бунда, нет ли тут опять «иронии»?

*) См. «Пролетарий» № 16: «Страничка из истории».

шений. А при наличности сильной еще и прямой феодальной реакции это значило — борьба с оружием в руках до крайнего предела, до свержения монархии, до провозглашения республики. Но буржуазия, даже мелкая буржуазия, интересы которой тоже проторговывали, не хотела драться. Ошибка была не на стороне Маркса, а на стороне этой буржуазии. Маркс верно оценил положение дел и подсказывал верные лозунги — это подтвердила вся дальнейшая история Германии, — но те, кто должен был осуществить эти лозунги, оказались не на высоте своей исторической задачи.

Приведенная нами страничка из истории весьма поучительна для нас. У нас Государственная Дума является заведомо и откровенно предательским учреждением; соглашательная политика крупной буржуазии уже ясна. Переносить хоть на минуту главное внимание с вопроса о подготовке масс к открытой, вооруженной, материальной борьбе на вопрос о политике думских делегатов, значит попадать в ловушку реакции. Тратить силы на то, чтобы в лучшем случае подготовить эффектный пuffs в Думе, — «Искра» называет это «взрывом», правильнее было бы назвать фейерверком, — тратить на это силы организации, далеко, увы, не обильные, значит не понимать самой сути переживаемого исторического момента, не понимать взаимоотношения сил, не понимать решающей роли материальной силы в революции. Кампания Маркса в 1848 г. является для нас поучительным руководством. В то время, как заседают действительно учредительные собрания, он подготавливает массы к восстанию. У нас создается заведомо фальсифицированное совещательное собрание, — и уже нашлись оппортунисты в социал-демократии, которые отстраняют вопрос о подготовке восстания, сосредоточивая свои упования на Думе «соглашателей», которая, изволите видеть, может превратиться в «революционное собрание»! Упования этих несчастных слепцов на революционность Думы прикрывают только наготу их беспомощной тактики, в которой не осталось ничего революционного.

*«Пролетарий» № 23,
от 18 октября 1905 г.*

Первая победа революции.

В понедельник, поздно вечером, телеграф принес Европе весть о царском манифесте 17 октября¹⁹⁸). «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать» — сообщал корреспондент «Times». Иначе выразились далекие друзья русской революции, приславшие из Балтимора (Сев. Америка) телеграмму в «Пролетарий»: «поздравляем с первой великой победой русской революции».

Эта последняя оценка событий, несомненно, гораздо более правильна. Мы имеем полное право торжествовать. Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавиё вовсе еще не перестало существовать. Оно только отступило, оставив неприятелю поле сражения, отступило в чрезвычайно серьезной битве, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы, и революционному народу остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы.

День 17 октября останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшаяся в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговлю и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей. То из одного, то из другого крупного города доходили вести, одна тревожнее другой. Войска колебались. Правительство воздерживалось от репрессии, революционеры не начинали открытых серьезных нападений, но восстание прорывалось со стихийной силой везде и повсюду.

И царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может. «Сначала будет кровопролитие, а потом конституция», заявил, как передают, Трепов. В неизбежности конституции, даже при подавлении данного восстания, не могло быть уже никаких сомнений. И правительство рассчитало, что лучше не рисковать серьезным и всеобщим кровопролитием, ибо в случае победы народа царская власть была бы сметена начисто.

Нам известна лишь крохотная доля тех сведений, которые сосредоточились в понедельник 17 октября в руках правительства и заставили его уклониться от отчаянного боя и уступить. Все усилия местных и центральных властей были направлены на то, чтобы приостановить сообщения о грозном росте восстания или урезать эти сообщения. Но даже и тот скудный, случайный, урезанный материал, который проник в европейскую печать, не оставляет никакого сомнения в том, что это было действительное восстание, способное нагнать смертельный ужас на царя и царских министров.

Силы царизма и революции уравнились, писали мы неделю тому назад, на основании первых вестей о всероссийской политической стачке. Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизм. Но при таком равновесии сил всякое про-

медление грозило величайшей опасностью царизму, ибо промедление неминуемо вносило колебания в войска.

Восстание разгоралось. Кровь лилась уже во всех концах России. Народ бился на баррикадах от Ревеля до Одессы, от Польши до Сибири. Войска побеждали в отдельных мелких столкновениях, но в то же время стали приходить известия о новом, невиданном еще явлении, ясно свидетельствующем о военном бессилии самодержавия. Это были известия о переговорах царского войска с восставшим народом (Харьков), известия об удалении войск из городов (Харьков, Ревель), как единственном средстве восстановить спокойствие. Переговоры с восставшим народом, удаление войск, это — начало конца. Это показывает лучше всяких рассуждений, что военные власти чувствовали себя до последней степени шатко. Это показывает, что недовольство в войсках достигло поистине ужасающих размеров. Отдельные вести и слухи попадали в заграничную печать. В Киеве арестовывали отказывавшихся стрелять солдат. В Польше были такие же случаи. В Одессе пехоту держали в казармах, боясь вывести ее на улицу. В Петербурге начиналось явное брожение во флоте, и сообщали о полной ненадежности гвардии. А относительно Черноморского флота до сих пор нет возможности узнать настоящей правды. Уже 17-го октября телеграммы передавали, что слух о новом возмущении этого флота держится упорно, что все телеграммы перехватываются властями, которые пустили в ход все средства, чтобы не дать распространиться известиям о событиях.

Сопоставляя все эти отрывочные сообщения, нельзя не прийти к выводу, что положение самодержавия даже с чисто-военной точки зрения было отчаянное. Оно подавляло еще частные вспышки, его войска брали еще баррикады то здесь, то там, но эти частные столкновения только разжигали страсти, только усиливали возмущение, только приближали более сильный всеобщий взрыв, а его-то и боялось правительство, не полагавшееся уже на войско.

Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения.

Целый ряд сравнительно «беспристрастных» отзывов европейской буржуазной печати подтверждает такую оценку великого дня, 17 октября.

С этой стороны, европейская буржуазия вздыхает спокойно. Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без

одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. И биржа спешит выразить большее доверие к русским финансам. Поднимается падавший в последние дни курс русских бумаг. Иностранные банкиры, обратившиеся в бегство из революционного Петербурга, обещают вернуться через две недели. Конституция кажется европейской буржуазии залогом «мирных» маленьких уступок, которые вполне удовлетворят имущие классы, не позволив в то же время революционному пролетариату приобрести «слишком много» свободы.

Но, с другой стороны, даже либеральные буржуа не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы все еще переполнены так называемыми политическими преступниками, когда цензура продолжает еще держаться? Какие люди будут приводить в исполнение обещание царя? Министерство Витте, в которое по слухам входят Кузьмин-Караваев¹⁹⁹), Косич²⁰⁰, Кони²⁰¹)? Это не будет даже министерство либеральной буржуазии. Это — только еще министерство либеральной бюрократии, которую сколько раз побеждала уже придворная реакционная клика. Неужели народ проливал свою кровь в борьбе за свободу, чтобы положиться на либеральных бюрократов, отделяющихся одними словами да обещаниями?

Нет, царизм еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, и первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе.

«Самый уже успех дела свободы, — писал корреспондент «Таймса» в день опубликования манифеста, — только побудит реакционные элементы к новой деятельности, и, пока армия остается под властью ее старых начальников, Россия не может быть обеспечена от возможности про н у н ц и а м е н т о»²⁰²). «Еще вопрос, не послужит ли вынужденная уступка правительства в самый разгар революционного подъема сигналом к новому усилению революции?» «Неизвестно, выбита ли бюрократия из своей цитадели или она только отступила со своих передовых позиций», — говорят буржуазные оптимисты, хотя факты показывают явно, что «цитадель» самодержавия остается еще во всей силе.

Вынужденный характер уступки всего более волнует умеренных буржуа. Орган французского господствующего денежного мешка, газета «Temps», страшно возмущался «анархией» и изрыгал брань и клевету против устроителей и участников всероссийской политической стачки. Теперь эта газета, удовлетворенная сама по себе конститу-

ционными обещаниями царя, с тревогой замечает: «Царь вместо того, чтобы действовать по своей инициативе, просто подписал «наказы» либеральной оппозиции. Это — дурной способ, придающий последовательным реформам вынужденный характер, характер чего-то отрывочного, внезапного. Этот способ ставит правительство в противоречие с самим собой и дает премию насилию. К несчастью, слишком ясно, что дело действительно зашло далеко, что иного выхода не было из того тупика, куда загнали правительство. Забудем же скорее о характере этой капитуляции — капитуляции не только перед конституционалистами, людьми умеренными, которых следовало бы послушаться прежде всего, а капитуляции перед стачкой, капитуляции перед революцией».

Нет, господа буржуа, рабочие не забудут никогда вынужденного характера царской капитуляции! Рабочие не забудут никогда, что только силой, силой своей организации, своего единодушия, своего героизма масс, они вырвали у царизма признание свободы в бумажке-манифесте, вырвут свободу и на деле.

Мы сказали выше, что неприятель отступил, оставив поле сражения за революционным пролетариатом. Мы должны добавить теперь: отступающего неприятеля продолжают энергично преследовать. В понедельник, 17 октября, вышел манифест царя. Во вторник, 18-го, вышел, по сообщению агентства Вольфа, манифест Р. С.-Д. Р. П., изданный в громадном количестве экземпляров в Петербурге. Манифест заявляет, что борьба пролетариата нисколько не прекращается изданием царского манифеста. Тактика пролетариата должна состоять в использовании тех прав, которые дарованы под давлением его ударов, в устройстве собраний рабочих для решения вопроса о продолжении стачки, в организации милиции для охраны революционных прав, в предъявлении требования полной амнистии. Соц.-д. ораторы народных собраний настаивают на созыве Учредительного Собрания. Стаечный Комитет, по телеграммам, требует амнистии и немедленного созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего и прямого избирательного права.

Революционный инстинкт сразу подсказал рабочим Петербурга верный лозунг: энергичное продолжение борьбы, использование новых завоеванных позиций для продолжения натиска, для действительного уничтожения самодержавия. И борьба продолжается. Собрания становятся чаще и многочисленнее. Радость и законная гордость по поводу первой победы не мешают новой организации сил для доведения до конца революции. Ее успех зависит от привлечения на сторону свободы еще более широких слоев народа, их просвещения и организации. Рабочий класс доказал свои гигантские силы всероссийской политической стачкой, но среди отсталых слоев городского пролетариата нам

предстоит еще немало работы. Создавая рабочую милицию, — этот единственный надежный оплот революции, — готовясь к новой и еще более решительной борьбе, поддерживая свои старые лозунги, мы должны обратить также особое внимание на армию. В ее ряды вынужденная уступка царя должна была внести всего более колебания, и теперь, привлекая солдат на рабочие собрания, усиливая агитацию в казармах, расширяя связи с офицерами, мы должны на-ряду с революционной армией рабочих создавать кадры сознательных революционеров и в войске, которое вчера еще было исключительно царским войском, которое теперь стоит накануне превращения в народное войско.

Революционный пролетариат добился нейтрализации войска, парализовав его в великие дни всеобщей стачки. Он должен теперь добиться полного перехода войск на сторону народа.

Революционный пролетариат привел к первой великой победе революции городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу, — такова теперь очередная задача Российской социал-демократии.

Успех революции зависит от размеров тех масс пролетариата и крестьянства, которые поднимутся на ее защиту и за ее окончание. Революционная война отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага, вчерашних сторонников царизма или людей, слепо шедших за царизмом. И успех всероссийской политической стачки скажет больше уму и сердцу мужика, чем сбивчивые слова каких угодно манифестов и законов.

Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад.

Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс 9-го января.

Революция одержала первую победу, когда пролетариат всех народов России встал, как один человек, и встряхнул царский трон, от которого такие неисчислимые бедствия перенесли все народы и больше всего трудящиеся классы всех народов.

Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя, когда рабочие поднимутся еще раз и поведут за собой и крестьянство.

А дальше — дальше есть еще резерв у русской революции. Прошли те времена, когда народы и государства могли жить обособленно друг

от друга. Посмотрите: Европа уже волнуется. Ее буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правители военных европейских держав подумывают о военной помощи царю. Вильгельм послал уже несколько крейсеров и две дивизии миноносцев для установления прямых сношений германских солдафонов с Петергофом. Контр-революция европейская протягивает руку контр-революции русской.

Попробуйте, попробуйте, гражданин Гогенцоллерн! У нас тоже есть европейский резерв русской революции. Этот резерв — международный социалистический пролетариат, международная революционная социал-демократия. Рабочие всего мира с трепетом восторга приветствуют победу русских рабочих и, создавая тесную связь между отрядами международной армии социализма, готовятся и сами к великой и решительной борьбе.

Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России! И если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тирании капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма.

*«Пролетарий» № 24,
от 25 октября 1905 г.*

19 октября 1905 г.

Мелко-буржуазный и пролетарский социализм.

В Европе среди различных учений социализма полное господство приобрел в настоящее время марксизм, а борьба за осуществление социалистического строя ведется почти всецело как борьба рабочего класса, руководимого социал-демократическими партиями. Но это полное господство пролетарского социализма, основывающегося на учении марксизма, упрочилось не сразу, а лишь после долгой борьбы со всякими отсталыми учениями, с мелко-буржуазным социализмом, с анархизмом и т. п. Каких-нибудь тридцать лет тому назад марксизм не был еще господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные, эклектические воззрения между мелко-буржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах, во Франции, Испании, Бельгии, самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария.

Какая же причина вызвала эту быструю и полную победу марксизма именно за последние десятилетия? Все развитие современных обществ как в экономическом, так и в политическом отношениях, весь опыт революционного движения и борьбы угнетенных классов подтверждали все более и более правильность марксистских взглядов. Упадок мелкой буржуазии неминуемо влек за собой рано или поздно отмирание всяческих мелко-буржуазных предрассудков, а рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма.

Отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма. Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелко-буржуазным народническим социализмом. И если быстрый рост и поразительные успехи русского рабочего движения доставили уже марксизму победу и в России, то, с другой стороны, развитие несомненно революционного крестьянского движения — особенно после знаменитых восстаний крестьян в Малороссии в 1902 году²⁰³) — вызвало некоторое оживление старчески дряхлого народничества. Старинное народничество, подновленное модным европейским оппортунизмом (ревизионизм, бернштейнианство, критики Маркса), составляет весь оригинальный идейный багаж так называемых социалистов-революционеров. Поэтому крестьянский вопрос занимает центральное место в спорах марксистов как с народниками в чистом виде, так и с социалистами-революционерами.

Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедывался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством. От этого цельного учения остались теперь только клочья, но, чтобы сознательно разобраться в современных спорах, чтобы не давать этим спорам опускаться до перебранки, необходимо всегда иметь в виду общие и коренные народнические основы заблуждений наших социалистов-революционеров.

Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социальность общины, из неверия в судьбы капитализма. Человек будущего в России — рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды. Рабочее движение в России заставило теперь само признать себя, относительно же крестьянского движения вся пропасть между народниче-

ством и марксизмом сказывается поныне в различном понимании этого движения. Для народника крестьянское движение именно и опровергает марксизм; оно как раз есть движение в пользу непосредственного социалистического переворота; оно как раз не признает никакой буржуазной политической свободы; оно исходит как раз не из крупного, а из мелкого хозяйства. Для народника, одним словом, крестьянское движение и есть настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение. Народническая вера в крестьянскую общину и народнический анархизм вполне объясняют неизбежность таких выводов.

Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранил поэтому капитализма, а, напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии.

Итак, вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между соц.-революционерами и соц.-дем. По одному взгляду, крестьянское движение есть социалистическое, по другому — демократически-буржуазное движение. Отсюда можно видеть, какое невежество обнаруживают наши социалисты-революционеры, когда они повторяют в сотый раз (сравни, напр., № 75 «Революции России»), будто ортодоксальные марксисты когда-нибудь «игнорировали» (знать не хотели) крестьянский вопрос. Против такого крупного невежества можно бороться только одним способом: повторением азбуки, изложением старых последовательно-народнических взглядов, указанием в сотый и в тысячный раз на то, что действительное различие состоит не в желании или нежелании считаться с крестьянским вопросом, не в признании или игнорировании его, а в различной оценке современного крестьянского движения и современного крестьянского вопроса в России. Тот, кто говорит об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса в России, есть, во-первых, круглый невежда, ибо все главные произве-

дения русских марксистов, начиная с Плехановских «Наших Разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос. Во-вторых, тот, кто толкует об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса, доказывает этим свое стремление увильнуть от полной оценки действительного принципиального разногласия: есть ли современное крестьянское движение демократически-буржуазное или нет? направлено ли оно, по его объективному значению, против остатков крепостничества или нет?

Социалисты-революционеры никогда не давали и никогда не могут дать ясного и точного ответа на этот вопрос, ибо они безнадежно путаются между старым народническим и современным марксистским воззрениями на крестьянский вопрос в России. Марксисты именно потому и называют социалистов-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелко-буржуазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения.

Вот почему нам опять приходится повторять: буки-аз — ба. К чему стремится современное крестьянское движение в России? К земле и воле. Какое значение будет иметь полная победа этого движения? Добившись воли, оно устранил господство помещиков и чиновников в управлении государством. Добившись земли, оно передаст помещичьи земли крестьянам. Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков (отнятие земли у помещиков) товарное хозяйство? Нет, не устранил. Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков одиночное хозяйничанье крестьянских дворов на общинной земле или на «социализированной» земле? Нет, не устранил. Устранил ли самая полная воля и самая полная экспроприация помещиков глубокую пропасть между богатым, многолошадным, многокоровным крестьянином и батраком, поденщиком, т.-е. между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом? Нет, не устранил. Напротив, чем полнее будет разгром и уничтожение высшего слоя (помещичьего), тем глубже будет классовая рознь между буржуазией и пролетариатом. Какое значение будет иметь полная победа крестьянского восстания по ее объективному значению? Эта победа уничтожит до конца все остатки крепостничества, но вовсе не уничтожит буржуазного хозяйничанья, не уничтожит капитализма, не уничтожит деления общества на классы, на богатых и бедных, на буржуазию и пролетариат. Почему современное крестьянское движение является демократически-буржуазным движением? Потому что оно, уничтожая власть чиновников и помещиков, создает демократический строй общества, не изменяя буржуазной основы этого демокра-

тического общества, не уничтожая господства капитала. Как должен относиться сознательный рабочий, социалист, к современному крестьянскому движению? Он должен поддерживать это движение, помогать крестьянам самым энергичным образом, до конца помогать им сбросить целиком и власть чиновников, и власть помещиков. Но в то же время он должен разъяснять крестьянам, что недостаточно еще сбросить власть чиновников и помещиков. Сбрасывая эту власть, надо в то же время готовиться к уничтожению власти капитала, власти буржуазии, а для этого надо немедленно проповедывать полностью социалистическое, т.-е. марксистское учение и объединять, сплачивать, организовать сельских пролетариев для борьбы с крестьянской буржуазией и со всею российской буржуазией. Может ли сознательный рабочий забыть о демократической борьбе ради социалистической или о социалистической ради демократической? Нет, сознательный рабочий называет себя социал-демократом именно потому, что он понял отношение той и другой борьбы. Он знает, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Он стремится поэтому к полному и последовательному осуществлению демократизма — ради достижения конечной цели — социализма. Почему не одинаковы условия борьбы демократической и борьбы социалистической? Потому, что у рабочих непременно будут разные союзники в той и в другой борьбе. Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу социалистическую рабочие ведут против всей буржуазии. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом.

Если мы припомним все эти азбучные истины марксизма, от разбора которых предпочитают всегда уклоняться социалисты-революционеры, то нам легко уже будет оценить следующие «новейшие» возражения их против марксизма.

«Зачем, — восклицает «Р. Россия» (№ 75), — понадобилось поддерживать сначала крестьянина вообще против помещика, а потом (т.-е. в то же время) поддерживать пролетариат против крестьянина вообще, вместо того, чтобы сразу поддерживать пролетариат против помещика, и при чем тут марксизм, — один аллах ведает».

Это точка зрения самого первобытного детски-наивного анархизма. Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество. Но эти мечтания оставались мечтаниями до тех пор, пока миллионы эксплуатируемых не стали объединяться во всем мире для выдержанной, стойкой, всесто-

ронней борьбы за изменение капиталистического общества в направлении собственного развития этого общества. Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание. А у нас, в России, перед глазами две различных борьбы двух различных социальных сил. Пролетариат борется против буржуазии везде, где есть капиталистические отношения производства (а они имеются даже — к сведению наших с.-рев. — внутри крестьянской общины, т.-е. на самой что ни есть «социализированной», с их точки зрения, земле). Крестьянство, как слой мелких землевладельцев, мелких буржуа, борется против всех остатков крепостничества, против чиновников и помещиков. Не видеть этих двух различных, разнородных социальных войн могут только люди, совсем незнакомые с политической экономией и с историей революций во всем мире. Закрывать глаза на разнородность этих войн посредством словечка «сразу» значит прятать голову под крыло и отказываться от всякого анализа действительности.

Потеряв цельность взглядов старого народничества, социалисты-революционеры позабыли даже многое из учения самих народников. «Помогая крестьянству экспроприировать помещиков, — пишет там же «Рев. Россия», — г. Ленин бессознательно содействует водворению мелко-буржуазного хозяйства на развалинах более или менее развитых уже форм капиталистического земледельческого хозяйства. Это ли не шаг назад с точки зрения ортодоксального марксизма?»

Стыдитесь, господа! Ведь вы забыли своего г. В. В.! Справьтесь с его «Судьбами капитализма», с «Очерками» г-на Николая — она и другими источниками вашей мудрости. Вы припомните тогда, что помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Вы узнаете тогда, что существует отработочная система хозяйства, этот прямой пережиток барщины. Если вы вдобавок заглянете в такую ортодоксально-марксистскую книгу, как третий том «Капитала» Маркса, то вы узнаете оттуда, что иначе как при посредстве мелко-буржуазного крестьянского хозяйства нигде не шло, да и не могло идти, развитие барщинного хозяйства и превращение его в капиталистическое. Чтобы разнести марксизм, вы поступаете слишком уже простым, слишком давно разоблаченным способом: вы приписываете марксизму карикатурно-упрощенный взгляд на прямую смену крупного барщинного хозяйства крупным капиталистическим! Вы рассуждаете: помещичьи урожаи выше крестьянских, значит экспроприация помещиков есть шаг назад. Это рассуждение достойно гимназиста четвертого класса. Подумайте-ка, господа, не было ли «шагом назад» отде-

ление малоурожайной крестьянской земли от высокоурожайной помещицей при падении крепостного права?

Современное помещичье хозяйство в России соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Теперешняя борьба крестьян с помещиками есть, по ее объективному значению, борьба с остатками крепостничества. Но попытаться пересчитать все отдельные случаи и взвесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм — значит приписывать марксистам свой собственный педантизм. Мы не можем вычислить, какую долю в цене покупаемых у мелкого лавочника припасов составляет трудовая стоимость и какую долю мошенничество и т. д. Значит ли это, господа, что теорию трудовой стоимости надо выбросить?

Современное помещичье хозяйство соединяет в себе капиталистические и крепостнические черты. Отсюда только педанты могут делать вывод, что наша обязанность взвесить, сосчитать и переписать каждую черточку в каждом отдельном случае по тому или иному ее социальному характеру. Отсюда только утописты могут делать вывод, что нам «незачем» различать две разнородные социальные войны. Отсюда следует на самом деле тот и только тот вывод, что мы должны и в своей программе, и в своей тактике соединять чисто-пролетарскую борьбу против капитализма с общедемократической (и общекрестьянской) борьбой против крепостничества.

Чем сильнее развиты капиталистические черты в современном помещичьем полукрепостном хозяйстве, тем настоятельнее необходимость теперь же организовать самостоятельно сельский пролетариат, ибо тем скорее выступит на сцену при всякой конфискации чисто-капиталистический или чисто-пролетарский антагонизм. Чем сильнее капиталистические черты в помещичьем хозяйстве, тем быстрее толкнет демократическая конфискация к настоящей борьбе за социализм,—и значит, тем опаснее фальшивая идеализация демократического переворота, производимая при помощи словечка «социализация». Вот какой вывод вытекает из смешения капитализма с крепостничеством в помещичьем хозяйстве.

Итак, соединять чисто-пролетарскую борьбу с обще-крестьянской, но не смешивать их. Поддерживать общедемократическую и общекрестьянскую борьбу, отнюдь не сливаясь с этой неклассовой борьбой, отнюдь не идеализируя ее посредством фальшивых словечек вроде социализации, отнюдь не забывая ни на минуту об организации и городского, и сельского пролетариата в совершенно самостоятельную классовую партию социал-демократии. Поддерживая до конца самый решительный демократизм, эта партия не даст отвлечь себя от револю-

ционного пути реакционными мечтаниями и опытами создания «уравнительности» при товарном хозяйстве. Борьба крестьян с помещиками теперь революционна, конфискация помещичьих земель в данный момент экономической и политической эволюции во всех отношениях революционна, и мы эту революционно-демократическую меру поддерживаем. Но называть эту меру «социализацией», обманывать себя и народ насчет возможности «уравнительного» землепользования при товарном хозяйстве, это уже есть реакционная мелко-буржуазная утопия, которую мы предоставляем социалистам-реакционерам.

*«Пролетарий» № 24,
от 25 октября 1905 г.*

І ПРИЛОЖЕНИЕ

Летопись событий

(ноябрь 1904 г. — сентябрь 1905 г.)

1904 год.

Н о я б р ь.

Рост либерально-оппозиционного движения в стране.
«Банкетная кампания».

- 6 — 8. Съезд земских и городских деятелей в Петербурге.
28. Сорванная меньшевиками рабочая демонстрация в Петербурге.

Д е к а б р ь.

12. Указ о реформах.
20. Падение Порт-Артура.
Конец месяца. Начало выхода за границей большевистской газеты «Вперед».

1905 год.

Я н в а р ь.

3. Начало забастовки в Петербурге.
9. Кровавое воскресенье в Петербурге.
10-ые числа. Волна политических забастовок по России. Конец «эпохи доверия». Диктатура Трепова.
29. Образование Комиссии Шидловского в Петербурге.

Ф е в р а л ь.

- 6 — 9. Резня армян в Баку.
18. Рескрипт мин. вн. дел Булыгину о созыве народных представителей.
12 — 26. Разгром русской армии под Мукденом.

М а р т.

- 4 — 12. Ц. К. переходит на сторону Б. К. Б. и высказывается за созыв III съезда.

А п р е л ь.

С середины III съезд Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне и меньшевистская
месяца. конференция в Женеве.

М а й.

Нач. мес. III съезд Р. С.-Д. Р. П.
10-ые Начало выхода газеты «Пролетарий».
числа.
14. Разгром эскадры Рождественского под Цусимой.

И ю н ь.

6. Депутация земцев к Николаю II (речи кн. С. Трубецкого
и М. Федорова).
10-ые Восстание «Потемкина» и гражданская война в Одессе.
числа.

И ю л ь.

Нач. мес. Земский съезд.
20-ые Выработка положения о Булыгинской Думе.
числа.

А в г у с т.

6. Манифест о Булыгинской Думе.
16. Заключение Портсмутского мира с Японией.
27. Университетская автономия.

С е н т я б р ь.

Нач. мес. Всероссийская конференция с.-д. организаций.
С 19 сент. Волнения в Москве: забастовки, митинги в высших
учебных заведениях, столкновения с войсками *).

*) Летопись событий за октябрь месяц 1905 г. см. в I приложении к VII тому. Ред.

II ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько документов
из истории Р. С.-Д. Р. П.

Документы, относящиеся к подготовке III съезда Р. С.-Д. Р. П.

а) Воззвание Ц. К. к партии от 4 марта 1905 г.

Товарищи! Революция в России началась! Пролог ее непоколебимым образом доказал, что самой главной и решающей исход ее силой является городской пролетариат. Однако, ускорение исхода революции, внесение планомерности в революционную борьбу народных масс и, особенно, максимальный учет результата революции в пользу пролетариата находятся в громадной зависимости от фактического состояния сил и организации нашей партии. История возлагает на нашу партию политическую и моральную ответственность перед российским пролетариатом, перед всем нашим народом, наконец, перед пролетариатом всего мира. В современном состоянии наша партия не способна выполнить своих обязанностей в той мере, как это необходимо и возможно по состоянию сил, которыми потенциально располагает Российская Социал-Демократия. Считая в настоящий момент несвоевременным и бесплодным выяснять с документами в руках, в какой степени руководились в своей внутренней партийной деятельности глубокими политическими мотивами или интеллигентской накипью отдельные видные члены партии, влиятельные группы и целые партийные учреждения,—словом, оставляя в стороне вопрос, кто и в какой степени виноват в глубокой дезорганизации партии, Ц. К., сознавая всю тяжесть лежащей на нем ответственности, заявляет перед лицом всей партии о своем твердом решении употребить все от него зависящее к тому, чтобы обеспечить партии необходимое единство и предотвратить окончательный раскол. Целый ряд новых вопросов выдвигается перед Российской Социал-Демократией чуть не ежедневно развитием революции. Многие из этих вопросов едва намечены нашей тактикой, так как она разрабатывалась по преимуществу применительно к „мирному“ времени. Ряд других совсем не находит себе ответа в предыдущем партийном опыте, так как они выдвинуты новыми, только что появившимися причинами. Партийная литература, конечно, приходит на помощь, но ее ответы не всегда удовлетворяют местных работников в смысле

полноты, единства, всеобщее признанной авторитетности. В самое последнее время значительное число комитетов, объединившихся после частных конференций, приняли политику недоверия к центральным учреждениям партии, существующим на основании партийного устава, принятого II съездом партии, и довели ее до образования своего органа, своего центра, а в настоящее время работают над созывом своего съезда. Наконец, летом этого года наступает время, определенное уставом партии для созыва III очередного съезда. При таких обстоятельствах Ц. К. видит единственное и последнее средство к предотвращению раскола в созыве общепартийного съезда в самом ближайшем будущем.

Убеденный, что плодотворность работы съезда как в смысле разработки выдвинутых переживаемым политическим моментом перед партией серьезнейших задач, так и в смысле достижения действительного прочного единства партии, будет всецело зависеть от всестороннего и полного представительства на съезде всех значительных и влиятельных течений, Ц. К., на основании устава, решил для обеспечения полноты представительства широко воспользоваться своим правом приглашать на съезд товарищей с совещательным голосом. Имея в виду, что разъедающая партию распря привела в некоторых местах к прямому откалыванию от комитетов значительных групп, а в некоторых — к резкому антагонизму между комитетами и перифериями, Ц. К. предлагает послать своих представителей на съезд с правом совещательного голоса: 1) всем группам, отделившимся от комитетов до 1 марта с. г., 2) всем перифериям крупных промышленных центров, где в районе деятельности комитета находятся не менее 20.000 рабочих и где больше половины членов периферии выразит недоверие местному комитету в вопросе о выборе делегата на съезд.

Примечание. Входящими в состав периферии Ц. К. предлагает в данном случае считать лишь тех товарищей, которые, входя в одну из подкомитетских организаций, занимаются под руководством и контролем комитета активной революционной работой, выражающеюся в пропаганде, агитации, организации, писании, печатании и распространении литературы.

Далее, так как по уставу общепартийный съезд созывается Советом партии, то Ц. К., приглашая местные комитеты партии высказываться за созыв III съезда, как единственное теперь средство обеспечить единство партии, с своей стороны, будет через своих представителей в Совете партии поддерживать свое решение о немедленном созыве съезда и теперь же примет ряд практических подготовительных мер. Кроме того, Ц. К. заявляет, что он делает все от него зависящее для привлечения к делу осуществления созыва съезда, возникшего для этой цели, по инициативе нескольких комитетов, «Организационное Бюро», подготовительные работы которого могут послужить к ускорению и облегчению созыва съезда.

Примечание. Подробности привлечения «Организационного Бюро» комитетов так называемого «большинства» к подготовке созыва съезда должны быть выработаны по взаимному соглашению. Видя в созыве немедленного общепартийного съезда последнее средство предотвратить раскол и создать тактическое единство партии, которое одно только может дать нам необходимую силу для выполнения великих стоящих перед Российской Социал-Демократией задач, Ц. К. призывает всех членов партии к самой энергичной подготовке немедленного съезда.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

в) Письмо Ц. К. к Бюро Ком. Большинства от 6 марта 1905 г.

4 марта Ц. К. постановил обратиться к комитетам партии с призывом готовиться к III партийному съезду и с своей стороны решил принять меры к созыву съезда по возможности в самом непродолжительном времени.

Так как успех общепартийного съезда и скорейшее осуществление его созыва находится в зависимости от дружной работы по возможности всех товарищей и организаций, высказывающихся теперь за съезд, то Ц. К. обращается к Организационному Бюро Комитетов так называемого „большинства“ с предложением взаимного соглашения в этом деле и совместной работы в целях скорейшего созыва съезда и осуществления наиболее полного представительства на нем всей партии.

6 марта 1905 г. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

с) Воззвание к партии от Ц. К. и Б. К. Б. совместно от 12 марта 1905 г.

К партии.

Ц. К. и Б. К. Б., взявши на себя инициативу по созыву III партийного съезда, объявляют всем партийным организациям, что, исходя из насущной необходимости немедленного созыва III партийного съезда для установления общей партийной тактики и организационного единства партии, они пришли к соглашению относительно совместной организации съезда на следующих основаниях:

1) Съезд созывается на основании изложенных в декларациях Ц. К. и Б. К. Б. программ, из которых вытекает следующий порядок дня:

- а) Конституирование съезда.
- б) Вопросы партийной тактики.
- с) Вопросы партийной организации.

- 1) Организация центров.
- 2) Организация комитетов.

3) Взаимоотношение между различными партийными учреждениями и их частями.

д) Отчеты.

е) Выборы.

2) На съезд приглашаются все партийные организации, имеющие право участия в нем с решающим голосом по уставу II съезда (т.-е. 4 кавказск. ком., Моск., Петербургск., Тверского, Тульского, Нижегородского, Северного, Киевского, Одесского, Екатеринославского, Харьковского, Донского, Воронежского, Николаевского, Саратовского, Самарского, С.-Западного, Полесского, Астраханского, Лига, союзы: Донецкий, Крымский, Уральский и Сибирский)¹⁾, а все остальные — с правом совещательного голоса.

3) Санкционируется организационная работа по созыву III партийного съезда, выполненная до сих пор Б. К. Б.

4) Дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно Б. К. Б. и Ц. К., которые образуют Организационный Комитет.

5) Опубликованную в № 89 «Искры» резолюцию Совета Партии против созыва III партийного съезда Ц. К. и Б. К. Б. не признают основанием для приостановки работы по организации съезда.

12 марта 1905 г.

«Вперед» № 13.

№ 2.

Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. II.

1. О конституировании съезда.

Выслушав доклад Организационного Комитета и комиссии по проверке мандатов и обсудив эти доклады, съезд констатирует, что на нем представлены партийные организации, имеющие больше половины решающих голосов, — что, согласно партийному уставу, ставит законность съезда вне сомнений.

Что же касается того пункта договора между Центральным Комитетом и Бюро Комитетов Большинства, по которому съезд открывается при наличии трех четвертей делегатов российских комитетов, считая и Лигу, то по этому вопросу съезд постановляет:

Согласно докладу Организационного Комитета, обе стороны, составившие Организационный Комитет, смысл этого пункта договора видели в том, что необходимо было и Ц. К. и Б. К. Б. принять самые энергичные меры для достижения полноты представительства на съезде, а также дать партии все гарантии того, что Ц. К. и Б. К. Б. поставили себе целью организовать общепартийный, а не фракционный съезд. Этим

¹⁾ Относительно комитетов Рижского, Смоленского, Курского, Орловско-Брянского, Казанского, Кременчугского, Елисаветградского и Кубанского см. п. 3 договора между Ц. К. и Б. К. Б.

пунктом договора отнюдь не имелось в виду устранить действие того параграфа партии, по которому съезд действителен при наличии более чем половины общего числа решающих голосов. Что же касается полноты представительства на съезде, то съезд констатирует, что в этом отношении приняты все меры. Известия не получены только от Астраханского комитета и Крымского союза. Выбор делегатов и посылка их за границу (в двух случаях — Тверской и Кубанский комитеты — передача мандатов заграничным товарищам) произведены девятью комитетами *) из числа не представленных на съезде. В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т. е., во всяком случае, более $\frac{3}{4}$ от 34 комитетов **).

Если 9 делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною Организационного Комитета, а тем, что все усилия Орг. Ком. создать полноту представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего Совета партии. Таким образом три члена Совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодействие как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего Совета партии ответственность за раскол партии, и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

2. О вооруженном восстании.

Принимая во внимание:

- 1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;
- 2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;
- 3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

*) Донской, Горнозаводский, Киевский, Кубанский, Тверской, Харьковский, Смоленский, Екатеринославский, Сибирский.

**) Число 34 есть максимум правоспособных организаций, первоначально вошедших в список Организационного Комитета.

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием, путем вооруженного восстания, является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату, путем пропаганды и агитации, не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

3. О Временном Революционном Правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма, требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное Революционное Правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного Революционного Правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программы-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во Временном Революционном Правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное Правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

4. Об отношении и тактике правительства накануне переворота.

Принимая во внимание:

что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем:

1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы;

2) с тою же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдо-демократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского Собора;

3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной сто-

роны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы — с другой;

б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачей голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса;

г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством.

5. По вопросу об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов;

2) что этой свободой политического выступления преимущественно пользуются теперь буржуазные классы, усиливая таким образом еще более свое экономическое и политическое преобладание над пролетариатом и увеличивая опасность превращения рабочего класса в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире обнаруживается стремление к самостоятельному и открытому выступлению на политическую арену хотя бы и без всякого участия социал-демократии,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. обращает внимание всех партийных организаций на необходимость:

а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

б) использовать все легальные и полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, наряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода во всех слу-

чаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

6. Об отношении к крестьянскому движению.

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается тем не менее против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

7. Об отколовшейся части партии.

Съезд констатирует, что в Р. С.-Д. Р. П. со времени ее борьбы с экономизмом сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во Временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине.

8. Об отношении к национальным социал-демократическим организациям.

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым, —

III съезд, подтверждая отношение II съезда к вопросу о федерализме, поручает как Центральному Комитету, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и приготовления

таким образом возможности объединений всех социал-демократических партий в единую Р. С.-Д. Р. П.

9. О практических соглашениях с социалистами-революционерами.

Подтверждая отношение Р. С.-Д. Р. П. к партии социалистов-революционеров *), определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов, —

*) *Примечание.* На II съезде Р. С.-Д. Р. П. была принята следующая резолюция:

Принимая во внимание: во-первых, что интересы российского пролетариата вообще и его освободительного движения в особенности требуют, чтоб он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; во-вторых, что только деятельность, направленная на объединение пролетариата в такую силу, вносит социалистически-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; принимая далее во внимание, в-третьих, что «социалисты-революционеры» теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-деформированной массы, способной служить лишь оружием либеральной буржуазии, съезд констатирует, что «социалисты-революционеры» являются не более как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

Принимая затем во внимание, что свои буржуазные тенденции «социалисты-революционеры» преследуют под флагом социализма и что, кроме того или именно потому, как буржуазно-революционная фракция, оказываются совершенно несостоятельными, — съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для обще-демократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, съезд безусловно осуждает всякие попытки затуманить принципиальное и политическое значение разногласий между «социалистами-революционерами» и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимым, как в интересах развития политической самостоятельности российского пролетариата, так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выясняли и подчеркивали буржуазные тенденции «социалистов-революционеров» и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

В виду вышеуказанных соображений съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с «социалистами-революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета.

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает Центральному Комитету и местным комитетам в случае надобности входить в временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, при чем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета.

10. Об отношении к либералам.

Принимая в соображение:

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. настоятельно рекомендует товарищам:

1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противпролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступить от имени пролетариата или отдельных групп его.

Примечание. Настоящей резолюцией отменяется резолюция об отношении к либералам тов. Старовера, принятая на II съезде.

11. О пропаганде и агитации.

Принимая во внимание:

1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы социал-демократических сил, чем когда бы то ни было прежде;

2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения, — в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного, — возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию, — и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах;

3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партия только значительно расширенная и улучшенная постановкой агитации и пропаганды, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает Центральному Комитету:

а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, при чем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства;

б) озаботиться постановкой издания популярного органа в России;

в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам;

г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого, в случае надобности, в соглашение с местными комитетами.

12. По поводу событий на Кавказе.

Принимая во внимание:

1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа, как в городах, так и деревнях, дошло уже до всенародного восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготавливая самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых беседований и так далее, а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

13. По поводу событий в Польше.

III съезд Р. С.-Д. Р. П. выражает свое негодование по поводу новых убийств народа, организованных преступным правительством 1 мая в Вар-

шаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм.

14. О Центральном Органе партии.

Принимая во внимание:

1) что редакция «Искры» не явилась на съезд и не приняла мер к согласованию своей дальнейшей деятельности с решениями и директивами III партийного съезда;

2) что деятельность редакции новой «Искры» отнюдь не является гарантией за правильное разрешение тактических вопросов в будущем, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет, что газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии, и поручает Центральному Комитету создать новый центральный орган, согласно уставу партии, дав ему имя «Пролетарий».

15. Об обязанности центров осведомлять периферии о партийных делах и считаться с их совещательным голосом.

Принимая во внимание:

что только широкая осведомленность всех членов партии и возможно более тесное общение центров с их периферией могут обеспечить дружную и продуктивную работу нашей партии, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. разъясняет, что в обязанности как Ц. К., так и местных центров входит возможно полное осведомление партийных организаций о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения, а также привлечение в пределах тех же конспиративных соображений с совещательным голосом периферийных организаций при обсуждении этих дел.

16. О материальной поддержке партии.

III съезд Р. С.-Д. Р. П. обращает внимание всех членов партии на то, что если, с одной стороны, фактически невозможность поддерживать партию материальными средствами и не лишает, разумеется, партийного работника прав члена партии, то, с другой стороны, такая поддержка в высшей степени важна для нашей партии, как партии пролетарской. Новые политические задачи, особенно те, которые связаны с восстанием, требуют несравненно больших, чем до сих пор, материальных средств, а между тем развитие самостоятельной организации буржуазных элементов и возрастающая их враждебность по отношению к социал-демократии дают все основания думать, что приток средств извне партии будет

все более уменьшаться. Необходимо, чтобы партия могла существовать всецело на свои собственные средства.

17. О периодических конференциях представителей различных партийных организаций.

Принимая во внимание:

что объединение партийной работы является неотложным требованием партийной жизни, что такое объединение всего лучше достигается совместным обсуждением всех вопросов социал-демократической теории и практики, —

III партийный съезд выражает пожелание, чтобы как Центральный, так и местные комитеты организовали возможно чаще конференции представителей различных организаций нашей партии.

18. Относительно «Вперед».

Принимая во внимание ту революционную инициативу, которую проявила газета «Вперед», выступив с критикой проникших в партию под официальным знаменем «Искры» уклонений от указаний II партийного съезда, ту революционную чуткость, которую проявила газета «Вперед» в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, ту энергию, с которой «Вперед» вел борьбу против воскресших в партии демагогических приемов, принимая далее во внимание выдающуюся роль, сыгранную газетой «Вперед» в борьбе за восстановление партийности, наконец, ее значение в деле реализации съезда, — съезд выражает благодарность редакции «Вперед».

19. Устав Р. С.-Д. Р. П.

§ 1. Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций.

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно Центральным Комитетом партии. Центральный Комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

Примечание 1. В случае отказа Ц. К. созвать съезд при требовании половины комитетов, съезд созывается Организационным Комитетом, избранным на конференции представителей от полных комитетов. О. К. по созыву съезда пользуется всеми правами Ц. К.

Примечание 2. Список вновь утверждаемых организаций публикуется немедленно в Ц. О. партии с указанием момента их утверждения Ц. К.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) Ц. К., б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим один голос; Ц. К. представляется двумя делегатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор Ц. О.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как за полгода до съезда.

Примечание 2. Ц. К. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

§ 4. Съезд выбирает Ц. К.

§ 5. Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора Ц. О. из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю деятельность партии.

§ 6. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. п.), ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы; степень автономии групп, выполняющих частные и специальные функции (группы технические, агитаторские и т. п.), определяется создавшими их центрами.

§ 7. Всякая утвержденная съездом или Ц. К. организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. Ц. К. обязан транспортировать издания всякой организации, если этого потребуют пять полноправных комитетов. Все периодические партийные издания обязаны по требованию Ц. К. печатать все его заявления.

§ 8. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, другие партийные организации утверждаются Ц. К.; местные периферийные организации — местными центрами. Все постановления Ц. К. обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20 проц. всех своих доходов, кроме Комитета Заграничных Организаций, который обязан отдавать Ц. К. 90%.

§ 9. Местный комитет должен быть распущен Ц. К., если за распускание выскажутся одновременно Ц. К. $\frac{2}{3}$ голосов и $\frac{2}{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., или в редакцию Ц. О., или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К., и редакции Ц. О. все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом, представляя в Ц. К. подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две недели.

§ 12. Все партийные организации решают дела простым большинством голосов; организации автономные имеют право кооптации. Для кооптации и исключения членов требуется $\frac{2}{3}$ голосов. В автономные периферийные организации комитеты имеют право вводить членов. На постановление о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Ц. К.

Кооптация членов в Ц. К. производится единогласно. В комитетах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные Ц. К. или автономными периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов.

№ 3.

Документы по вопросу о партийном объединении.

а) Открытое письмо Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. к Организационной Комиссии.

Уважаемые товарищи !

Среди великих событий великой русской революции нам с вами выпала на долю самая тяжелая и самая ответственная роль в партийной работе Российской Социал-Демократии.

Стремительный ход революции несет для социал-демократии много надежд и много опасностей. Теперь наступил, повидимому, тот момент, когда решается вопрос о реализации этих надежд и этих опасностей, вопрос о том, что даст революция на деле российскому пролетариату.

Сила пролетарского движения оказалась громадной, рабочий класс выступил в роли всеми признанного боевого авангарда революции. Судьбы революции, ее конечные результаты в наибольшей степени зависят теперь от того, в каком направлении будет действовать эта боевая сила; проведет ли пролетариат свою независимую классовую тактику или окажется бессознательным агентом буржуазных сил.

Буржуазные партии сумели понять политическое положение и направили все свои усилия на затемнение политического сознания пролетариата. Центром этой работы они сделали Петербург; и здесь уже в настоящее время либеральный «рабочий союз» из сферы лицемерной благожелательной болтовни буржуазных идеологов готов перейти в область цинически-грубой действительности.

Только одна политическая сила может и должна помешать новому повторению очень старой истории о покупке ценой пролетарской крови политических барышей буржуазии. Эта сила — Социал-Демократия.

Товарищи! выполнение одной этой очередной задачи — борьбы за чистоту и независимость классовой политики пролетариата против предательских поползновений враждебных сил — требует громадного напряжения всех наших сил и строгого согласования всех наших действий. Но перед нами, попрежнему, еще целый ряд других задач, поставленных потребностями прямой борьбы, с одной стороны — против самодержавного порядка и гнета капиталистов, с другой стороны — против политической бессознательности пролетарских масс.

Вы хорошо знаете, товарищи, как мучительно на каждом шагу нам приходится чувствовать недостаток сил в нашей тяжелой и страшно ответственной работе. И вы хорошо знаете также, насколько обострится этот недостаток, благодаря нашему организационному разъединению. Это разъединение тяготит вас, мы убеждены, не меньше, чем нас. Неужели нельзя с ним покончить?

Что нас разъединяет? Тактические разногласия? Но разве они настолько серьезны, чтобы ради них социал-демократии стоило раскалываться на две партии? Различия между тактическими резолюциями III съезда и вашей I конференции настолько незначительны, что постороннему наблюдателю их нелегко даже сразу заметить. Они гораздо менее значительны, чем разногласия, существующие в пределах любой западной социал-демократической партии.

Различие организационных форм? Но, при общей программе и почти тождественной тактике, разве могут организационные разногласия быть достаточной причиной для отдельного существования двух партий? Это было бы, может быть, допустимо, если бы наши организационные нормы подавляли идейную свободу и практическую инициативу партийных организаций и отдельных членов партии.

Но вы должны признать, что наши организационные нормы не таковы, — что они дают необходимую свободу для идейной борьбы и открывают достаточно широкое поле для выработки новых форм партийной жизни.

Итак, по существу — к объединению препятствий нет. Об этом не может быть спора, это признано и избравшей вас конференцией в ее резолюции об отношениях между двумя частями партии.

Препятствия формальные? Но их также нет, и мы рады, что, заявляя это, можем опереться на вполне определенное постановление той же конференции. Предлагая вам — Организационной Комиссии — вступить в переговоры с нашим центром, конференция в основу «возможного, а следовательно необходимого» объединительного соглашения кладет следующие три условия:

«1) Содействие обоих центров попыткам объединения и согласования политической и организационной работы на местах».

Мы циркулярно предложили, в исполнение резолюции III съезда, всем нашим автономным местным организациям — комитетам местным, районным, заводским, — везде, где рядом с ними существуют параллельные ваши организации, обратиться к этим последним с призывом к слиянию на организационных основах, выработанных III съездом. В случае отказа, мы рекомендовали всем этим нашим автономным организациям, а также и существующим при них группам специальным — агитаторским, пропагандистским, литераторским и т. д., — систематически устраивать совместно с параллельными вашими организациями конференции в интересах объединения и согласования работы. Эту объединительную политику мы намерены твердо и решительно проводить в дальнейшем всеми способами, какие окажутся в нашем распоряжении. Таким образом, первое условие, поставленное вашей конференцией, нами выполняется.

Второе условие:

«2) Соглашение центров относительно совместной деятельности по восстановлению партийного единства». Поскольку дело касается нас, условие это выполняется уже данным обращением к вам — прямым призывом к совместному восстановлению партийного единства.

Третье условие:

«3) Параллельное существование литературных органов обоих течений и согласование их интересов в области транспорта и распространения литературы».

Прямым ответом на это требование является тот § нашего устава, который дает каждой партийной организации право издавать от своего имени партийную литературу и обязывает Ц. К. транспортировать эту литературу по требованию 5 партийных организаций. Со своей стороны, мы готовы пойти в этом отношении еще дальше и обязаться по требованию хотя бы одной партийной организации включать в общепартийный транспорт ту или другую литературу.

Где же формальные препятствия к объединению?

Может быть ограниченность ваших полномочий? Нам не ясны их точные размеры, но едва ли возможно затруднение с этой стороны, раз мы выполняем все условия, поставленные самой конференцией, от кото-

рой вы эти полномочия получили. Мы не в силах даже предположить, чтобы та самая конференция, которая так горячо и определенно формулировала необходимость скорейшего партийного объединения, в то же время поставила формальные преграды этому объединению в виде узких рамок для ваших полномочий.

Все приводит нас к одному выводу: существенных и серьезных препятствий к объединению указать нельзя.

Товарищи! все наши силы необходимы для службы делу пролетариата, который отовсюду окружен врагами. Никакие частные соглашения не могут заменить организационного единства,—такие соглашения возможны и с чуждыми нам партиями, они ничего не гарантируют для будущего. Мы приглашаем вас объединиться с нами на тех организационных началах, которые даны третьим съездом.

Ничто не мешает вам сохранить вполне свою идейную самостоятельность. Ничто не мешает вам при самом вступлении в общую организацию твердо установить свои идейные разногласия с нами и вести в дальнейшем идейную борьбу за свои взгляды как до будущего съезда, так и на самом съезде. Ничто не мешает вам и до съезда добиваться путем нормальной идейной борьбы тех практических реформ в духе ваших взглядов, которые каждая данная организация компетентна сама осуществить в своей внутренней жизни.

В объединении мы почерпнули бы новые силы для борьбы с врагами пролетариата; оно упрочило бы за нами доверие самых широких пролетарских масс, то доверие, которое так необходимо для успешного выполнения нашей исторической миссии в предстоящих грозных событиях.

С товарищеским приветом

Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Мы приглашаем вас назначить нам точный срок и выбрать уполномоченных для переговоров.

в) По вопросу о партийном объединении.

(Протокол и комментарии.)

На 3-м совещании представителей О. К. и Ц. К., по вопросу о партийном объединении, представитель О. К., отвечая на сделанные ему представителями Ц. К. запросы, формулировал основы объединительной кампании следующим образом:

1. После выработки соглашения о методах окончательного восстановления единства Партии, Ц. К. и О. К. создают Объединительную Комиссию, делегируя в нее по равному числу представителей. Комиссия

эта имеет своей задачей проводить в жизнь намеченный план объединения, расширяя его с согласия обоих центров.

2. Предварительным условием полного партийного объединения, хотя бы и путем съезда, является полное слияние параллельных организаций в большинстве главных пунктов соц.-дем. работы, а именно: С.-Петербург, Москва, Одесса, Екатеринослав, Рига, Нижний, Баку. Основы для этого слияния определены в протоколе I Объединительного совещания Ц. К. и О. К.

3. Признавая, что, для окончательного объединения обеих частей Партии, съезд в настоящее время не является необходимым, представитель О. К. считает возможным за него высказаться, если будут соблюдены условия, необходимые для созыва действительно партийного съезда, а также условия, изложенные в пункте 2-м.

Обсудив эти заявления, Ц. К. решил дать на них следующий ответ:

По пункту 1-му. Ц. К. сочувствует плану образования Объедин. Ком., но полагает, что Комиссия эта, необходимая, разумеется, только в том случае, если не удастся полное слияние обеих сторон на основе работы III съезда, должна поставить своей специальной задачей подготовку и организацию объединительного съезда.

По пунктам 2-му и 3-му. Признавая высокожелательным объединение параллельных организаций на местах, Ц. К. полагает, однако, что делать предварительным условием созыва объединительного съезда, а также условием объединения центров слияние крупнейших местных организаций крайне невыгодно для дела объединения. Этим путем съезд и объединение откладываются на неопределенное будущее, потому что нет никаких способов принудить ряд крупнейших и наиболее резко расколовшихся организаций слиться при наличии неустраненных организационных разногласий, а также при наличии двух отдельных центральных аппаратов. С каким из двух центров были бы связаны объединившиеся местные организации? И если бы они слились без выполнения указанных представителями О. К. реформ (предоставление решающего голоса в определенных случаях периферии), то не было ли бы это новым препятствием к созыву съезда и вообще к объединению? Судя по предложенной О. К. формулировке, — было бы препятствием.

В дополнение к этому Ц. К., снесшись со своим ответственным редактором Ц. О., имеет теперь возможность дать ответ по пункту 5-му ультимативных условий объединения, внесенных представителем О. К. на 1-м и 2-м совещании Ц. К.

Признавая, что существование двух центральных или двух официальных органов Партии было бы как нельзя более вредно для дела пар-

тийного объединения (это были бы два общепартийных центра для подбора и кристаллизации всевозможных разногласий и недоразумений), и находя, что в силу обязательных для Ц. К. постановлений III съезда он даже формально не имел бы права содействовать образованию такой комбинации, — Ц. К. высказывается с своей стороны всецело за единый Ц. О. при коалиционной редакции.

Ц. К. полагает, что, в случае окончательного отказа тов. меньшевиков от объединения на основе III партийного съезда, единственным возможным способом слияния обеих сторон явился бы объединительный съезд. Ц. К. считает ненужными и вредными всякие ограничительные условия к созыву этого съезда, кроме тех, которые гарантировали бы правильность представительства партии на съезде. Ц. К. предложил бы столкнуться определенно относительно времени созыва этого съезда, а до него в целях его подготовки устраивать местные и областные общие конференции. Ц. К. глубоко убежден, что при наличии искреннего стремления обеих сторон к единству Партии, при незначительности разногласий и под давлением суровых требований исторической эпохи, которую мы переживаем, съезд самым прямым и самым простым путем положил бы конец расколу Партии. Выработка же условий съезда могла бы быть предварительно выполнена совещаниями центров и другими конференциями и завершена на месте съезда соглашением делегатов обеих сторон.

Публикуя эти документы, Ц. К. считает необходимым дополнить их некоторыми пояснениями относительно своей позиции в вопросе об объединении.

Так как постановления III съезда обязательны для Ц. К., созданного этим съездом, то ясно, что идти на объединение путем нарушения постановлений III съезда Ц. К. не может, — раньше он должен был бы сложить свои полномочия, и во всяком случае он обманул бы доверие избравших его. Следовательно, дилемма: либо на основе III съезда, либо путем нового съезда, — неизбежно вытекала из сущности дела.

Ц. К. взял на себя инициативу формальных переговоров об объединении, обратившись к О. К. с открытым письмом, в котором предлагал приступить к слиянию обеих частей Российской Соц.-Демократии на основе работы III съезда. В письме этом Ц. К. выяснял, что ни по существу дела, ни с формальной стороны такое решение вопроса не должно встретить препятствий: по существу — потому, что наличные разногласия не так значительны, чтобы оправдывать раскол, с формальной стороны — потому, что все предварительные условия объединения, намеченные меньшевистской конференцией, уже выполнены частью

III съездом, частью Ц. К. без малейшего нарушения резолюций и устава, выработанных III съездом.

В ответ на это О. К. от имени меньшевистских организаций выставила 5 ультимативных предварительных условий объединения. Одно из этих условий—2 Ц. О. или 2 «официальных» органа—представляло из себя сохранение замаскированного раскола; два других требования—предоставление районным комитетам решающего, а не совещательного голоса в вопросах общей политики местного комитета и решение вопроса об открытом массовом выступлении в каждом случае прямым голосованием всех организованных рабочих—очень симпатичны принципиально, но очень спорны со стороны практической осуществимости и целесообразности при всяких местных условиях, в наличной политической атмосфере; между тем, товарищи меньшевики требовали не факультативного, а обязательного повсеместного проведения этих реформ; последнего Ц. К. не мог взять на себя уже и потому, что не имеет на это ни права—в виду автономии местных организаций, ни достаточной реальной силы. Четвертое условие—организация Центральной конференции для выработки общих тактических указаний в промежутке между съездами—Ц. К. не отклонил по существу, но, в виду крайней практической трудности осуществления, не решился взять на себя обязательства выполнить собственными силами, не отказываясь, однако, от возможного содействия. Наконец, против пятого условия—коалиционный Ц. К.—по существу Ц. К. ничего не имеет.

Так как, однако, все пять условий были и остались ультимативными, то Ц. К. принужден был перейти ко второй части своей дилеммы—к вопросу об объединительном съезде, что он и сделал на 3-м совещании. Здесь, как ясно из приложенного документа, товарищи меньшевики внесли опять-таки более чем трудно выполнимые ограничительные условия.

Объединение вне рамок III и без созыва IV съезда Ц. К. считает совершенно невыполнимым. Заменить съезды конференциями и опросами организаций, как предлагают тов. меньшевики, невозможно как по существу, так и по формальным соображениям. Местное, хотя бы и повсеместное, обсуждение вопросов партийной жизни не может заменить общепартийного обсуждения и решения их; первое не только гораздо уже по своему материалу, по содержанию партийного опыта, который они охватывают, но и связано со слишком малою ответственностью обсуждающих за результаты их решения. Плебисцит—не парламент, это слишком хорошо выяснено историей; опрос организаций настолько же не равняется съезду, насколько арифметическая сумма организаций не равняется партии.

Политика тов. меньшевиков на наш взгляд остается и теперь тою же, какой она была до III съезда. Тогда они всячески затрудняли дело

организации съезда и отказались в конце концов от открытого объяснения на съезде. Они предпочли раскол без взаимного объяснения. Съезд мог дать или, как мы были глубоко уверены, настоящее единство Партии, или сознательное временное разъединение, в котором все было бы ясно, и которое Партии было бы неизмеримо легче преодолеть. И в этом втором, худшем случае насколько мы были бы ближе к объединению, чем теперь, когда приходится взаимно столкываться «по кусочкам» и во мраке российских конспиративных условий!

До сих пор среди тов. меньшевиков обнаруживается особенная склонность к тем фиктивным формам объединения, которые чисто внешним образом замазывают раскол и на практике ведут, как было до III съезда, к величайшему хаосу и анархии, к настоящему разложению Партии. Пример — следующая резолюция влиятельной «Петербургской Группы»:

«Признавая необходимым немедленное объединение обеих частей Партии, Петербургская Группа считает, что такое объединение может с успехом осуществиться лишь на основах, предложенных О. К. на совещании с Ц. К., при чем наиболее важными из выставленных условий Пет. Группа признает расширение прав периферии и создание механизма, обеспечивающего систематическое влияние местных и областных организаций на тактику и политику Ц. К. — Петербургская Группа предлагает всем местным организациям немедленно высказаться по этому вопросу, и считая, что только тесное сближение между перифериями «большинства» и «меньшинства» может быстро увенчать успехом объединительные попытки обоих центров, рекомендует местным организациям немедленно заключить между всеми организационными ячейками самые тесные и, по возможности, постоянные организационные объединения при сохранении организационной связи с соответствующими частями Партии, т.-е. при необязательности подчинения меньшинства объединившейся коллегии решениям ее по тем вопросам, которые разделяют обе части Партии».

Это значит — объединять Партию снизу и раскалывать ее сверху.

с) От редакции «Пролетария».

Мы, со своей стороны, можем лишь приветствовать вполне ясную и определенную постановку вопроса Ц. К. Или слияние с Партией на основе решений III съезда, или объединительный съезд. Организационной Комиссии предстоит сделать окончательный выбор. Если она отвергает вступление в партию на основе решений III съезда, тогда необходимо приступить тотчас к подготовке и выработке условий объединительного съезда. Для этого следовало бы, во-первых, с без-

условной точностью заявить формально обеим сторонам, что в принципе признается необходимым созыв двух съездов в одно время и в одном месте, во-вторых, определить также формально, что все организации каждой части партии безусловно подчинятся решениям съезда своей части. Оба съезда должны, иначе говоря, иметь решающее, а не совещательное значение для соответствующей части партии; в-третьих, необходимо заранее установить определенно, на каких именно началах созываются съезды, т.-е. от каких именно организаций по сколько делегатов с решающим голосом (п.п. 2 и 3 для той части партии, которая признала III съезд, определены уставом Р. С.-Д. Р. П., принятым на III съезде). В-четвертых, надо тотчас же открыть переговоры о времени и месте съезда. (Об условиях слияния и моменте слияния двух съездов в один будет уже постановлено самими съездами.) В-пятых, крайне важно приступить сейчас к выработке самого точного и детального проекта слияния, который должен быть предложен на решение обоих съездов. Это дело — настоятельно необходимое. И опыт других партий и опыт нашей партии показывают ясно, что без заранее изготовленного, опубликованного и всесторонне обсужденного проекта или проектов объединения съезды не будут иметь никакой возможности решить столь трудного вопроса.

Итак, очередь теперь за Организационной Комиссией, и ее решения с нетерпением будут ждать все сторонники объединения.

*«Пролетарий» № 20,
от 27 сентября 1905 г.*

№ 4.

Документы по вопросу об отношении социал-демократии к Гос. Думе.

а) Центральный Комитет о Государственной Думе.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. предлагает всем организациям, группам и собраниям принимать следующую резолюцию:

Рассмотрев царское «Положение о Государственной Думе», мы... нашли следующее:

1) Положение это совершенно устраняет от участия в выборах в Думу всех рабочих и всю бесхозяйную деревенскую бедноту, что является грубым издевательством над всей той частью народа, которая до сих пор с наибольшими жертвами ведет борьбу за народное освобождение.

2) Оно отнимает также избирательное право у всех женщин и всех совершеннолетних, недостигших 25 лет.

3) Из числа крестьян оно лишает избирательного права всех, не входящих в состав волостных сходов; т.-е. $\frac{9}{10}$ всех домохозяев, а также всех невыделенных младших членов крестьянских семей, хотя бы и старше 25 лет. Всех крестьян, живущих для заработка на стороне, т.-е. не менее 15 миллионов трудящихся оно на деле лишает возможности участвовать в выборах.

Самые выборы от крестьян оно устанавливает не прямые, а в несколько ступеней, так что волостные сходы избирают только уполномоченных, те — губернских выборщиков, и лишь выборщики — депутатов в Государственную Думу. Вследствие этого член Думы от крестьян не есть действительный представитель избирателей крестьян и не пред ними ответствен за свои действия в Думе, а представитель нескольких выборщиков, перед которыми и ответствен.

Ни свобода предвыборного обсуждения, ни свобода и тайна самых выборов ничем не обеспечены для крестьян, так что на всех ступенях выборов царские чиновники в лице полиции, земских начальников, предводителей дворянства, губернаторов имеют полную возможность оказывать на избирателей и выборщиков давление в пользу своих кандидатов.

Таким образом все представительство от крестьян является совершенно фальшивым.

4) Из остального населения лишены избирательного права многочисленные мелкие ремесленники городов, а также беднейшая и наибольшая часть трудящейся разночинной интеллигенции, всего ближе стоящая к народу — народные учителя, земские врачи и проч. Предоставлено же избирательное право только людям богатым и зажиточным, землевладельцам и капиталистам, при чем на выборах каждому дается тем больше влияния, чем больше у него имущества.

Наконец, угнетенным народностям окраин России избирательное право дается в еще более урезанном и сокращенном виде, чем коренному русскому населению.

5) Самая Дума представляет из себя только совещательное собрание без решающего голоса в издании законов, учреждение политически-бессильное, ничем не огражденное от произвола действительных властей, лишенное даже свободы слова в обсуждении, так как ему запрещено касаться основных законов империи.

На основании всего этого мы пришли к следующим выводам:

«Положение о Государственной Думе» есть грубая подделка народного представительства. Заключая в себе прямой вызов рабочему классу и деревенской бедноте, оно в то же время представляет попытку обмануть крестьянство фальшивыми уступками и попытку привлечь на сторону царского правительства богатые и зажиточные классы путем действительных, но ничтожных уступок. Оно означает решительное намерение

правительства всеми средствами беспощадно вести борьбу против народа для защиты царского самодержавия, — самодержавия чиновников, которому Россия обязана неслыханным разорением и угнетением, страшно низким развитием знания и полным военным бессилием.

В виду этого, мы будем считать изменником и врагом свободы и народа всякого, кто примет сознательное участие в царской комедии выборов и представительства, как избиратель, выборщик или член Государственной Думы.

Мы заявляем, что народу необходимо преставительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, по которым строится Государственная Дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всею полнотою государственной власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Народные интересы может представить и оградить только такое действительно народное собрание, созданное сначала в виде Учредительного Собрания для установления нового государственного порядка, а затем, созываемое в виде Народного Парламента для постоянного управления делами страны.

Такого народного собрания не только не может дать народу царское самодержавное правительство, но и вообще никакое правительство, сохраняющее хотя бы отчасти царскую власть. Новый, необходимый народу государственный строй есть демократическая республика, основанная всецело на самодержавии народа.

Осуществить такой строй может только вооруженное всенародное восстание против царского правительства и всех темных сил, его поддерживающих. Подготовка и организация такого восстания составляют теперь главную очередную задачу для всех сознательных борцов за народное дело; новое оскорбление, нанесенное правительством народу, есть новое напоминание о необходимости выполнять эту задачу непрерывно и неуклонно.

Мы призываем всех сознательных граждан и все партии, преданные народным интересам и делу народного освобождения, всеми силами противодействовать постыдной комедии выборов и представительства, — обману народа.

Мы призываем их соединить свои силы для немедленной совместной подготовки всеобщего и повсюду одновременного протеста против правительства насильников и лицемеров, для организации этого протеста в виде всеобщей политической стачки и вооруженных демонстраций повсюду, где они возможны.

Мы призываем их это новое издевательство царского правительства над умом и волею народа использовать как новое яркое и очевидное доказательство для разъяснения народным массам необходимости реше-

тельной и беспощадной борьбы за окончательное низвержение царского самодержавия и всякой власти, не от народа исходящей.

Мы призываем к борьбе за свободу—до конца!

*«Пролетарий» № 19,
от 20 сентября 1905 г.*

б) Конференция социал-демократических организаций в России.

В начале сентября состоялась междупартийная конференция социал-демократических организаций России для выработки общей тактики по отношению к Государственной Думе.

На конференцию были приглашены представители центральных учреждений: Армянской Соц.-Дем. Организации, Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунд), Латышской Соц.-Дем. Рабочей Партии, Революционной Украинской Партии, Российской Соц.-Дем. Рабочей партии (О. К.), Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии (Ц. К.) и Соц.-Дем. Польши и Литвы. Присутствовали представители всех приглашенных организаций за исключением Армянской Соц.-Дем. Рабочей Организации, известившей о том, что она не успела послать делегата, получив поздно извещение о дне конференции.

Член О. К. заявил, что он, случайно явившись на конференцию вместо делегата, не приехавшего во время, не имеет полномочий от своей коллегии представлять ее на конференции, что он считает себя вправе принимать участие в ней лишь в том случае, если решения являются не обязательными для организации, к которой он принадлежит, и если особое положение, которое он занимает, не будет препятствовать его участию в конференции «на правах полноправного члена». Конференция, постановив, что — 1) все резолюции, принятые простым большинством голосов (по организациям), обязательны для тех организаций, представители которых на конференции высказались за эти резолюции, 2) обнародование же принятых резолюций обязательно для тех организаций, представители которых голосовали против них, по поводу заявления члена О. К. приняла следующее решение: окончательный подсчет голосов, поданных при решении вопросов, производится после получения ответа от О. К. о ратификации голосований ее члена, при чем ответ должен быть доставлен к..... сроку.

Если в означенный срок ответ не будет доставлен, то при подсчете голосов голос члена О. К. рассматривать, как совещательный.

Желая возможно скорее воспользоваться решениями, собрание постановило: резолюции, получившие безусловное большинство голосов, считаются руководящими для принявших их организаций до окончательного подсчета голосов и опубликования их.

По выяснении отношения организаций, участвовавших в конференции, к Гос. Думе и после продолжительных диспутов по этому вопросу принята следующая резолюция :

Резолюция о Государственной Думе.

Мы, представители центральных учреждений Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда), Латышской Соц.-Дем. Раб. Партии, Польской Соц.-Дем., Революционной Украинской Партии и Российской Соц.-Дем. Раб. Партии—Ц. К., обсудив на конференции вопрос об отношении к Гос. Думе, пришли к следующему заключению. Созываемая царским правительством Гос. Дума есть грубая подделка народного представительства, имеющая своей целью сохранить и упрочить расшатанную революционным движением пролетариата власть самодержавия и создать в руках правительства и буржуазии орудие для укрепления политического господства над пролетариатом и крестьянской беднотой.

Иллюзией народного представительства самодержавие стремится к политическому сближению с значительной частью утомленной рабочим движением и жаждущей порядка буржуазии и, обеспечив за собой ее сочувствие и поддержку, к подавлению, уже в союзе с ней, революционного движения пролетариата и крестьянства.

В полном соответствии с таким назначением Гос. Думы, как нового органа царского правительства, находятся все основные положения закона 6 августа.

1. Избирательная система, основанная на высоком имущественном цензе, совершенно устраняет от участия в выборах весь пролетариат, всех женщин, более $\frac{9}{10}$ крестьянства, большую часть трудящейся интеллигенции и городской мелкой буржуазии, а для той части населения, которая не устранена от участия, многостепенность выборов превращает избирательное право в простую фикцию.

2. Компетенция, предоставленная Гос. Думе, превращает ее исключительно в совещательное собрание, не имеющее никакой законодательной власти, лишает ее поэтому всякого положительного политического значения для народа и низводит до степени простого придатка к бюрократическому механизму российского абсолютизма.

3. Отсутствие элементарнейших гражданских прав: свободы слова и печати, собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища и, рядом с этим, все расширяющееся применение самых жестоких репрессий в форме военного положения, массовых расстрелов, организации черных сотен и разжигания национальной вражды—превращают самые выборы в наглую комедию, вполне обеспечивающую правительству желательный ему состав Гос. Думы.

В виду этого конференция признала:

I. Гос. Дума по самому своему существу не способна принять никаких, сколько-нибудь удовлетворительных, мер к улучшению экономического и правового положения широких масс народа, и всякие надежды в этом направлении, энергично вселяемые в народе правительством и частью буржуазии, способны лишь содействовать видам самодержавия, ослабляя революционную энергию пролетариата и крестьянства и понижая их боевое настроение.

II. Положение о Гос. Думе, подтвердив правильность нашего тактического лозунга, что только победоносное восстание народа, во главе с пролетариатом, положит конец самодержавному режиму и создаст наиболее обеспечивающую широкое развитие классовой борьбы пролетариата государственную форму — демократическую республику, еще раз выдвинуло перед Российской соц.-демократией, как неотложную очередную задачу, подготовку к вооруженному народному восстанию.

А потому конференция постановила:

I. Использовать предстоящий период избирательной кампании в целях самой широкой агитации.

Устраивать митинги и проникать в возможно большем количестве на все избирательные собрания и, раскрывая на них истинный характер и цели Гос. Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы.

Принять на всех собраниях соответствующие резолюции об отношении к Гос. Думе и о присоединении к революционной борьбе пролетариата.

II. В целях выражения протеста против учреждения Гос. Думы и оказания давления на избирателей и выборщиков организовать открытые массовые выступления пролетариата.

III. К самому дню конечных выборов в Гос. Думу приурочить повсеместные всеобщие политические забастовки, манифестации и демонстрации и употребить все средства к тому, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь в случае нужды и перед насильственным срыванием избирательных собраний.

Резолюция по поводу событий на Кавказе.

Политика натравливания одной национальности на другую за последние годы сделалась в руках правительства главнейшим орудием борьбы с революционным движением пролетариата и в недавних кавказских

событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами. Выражая свое негодование к варварским действиям самодержавия, конференция высказывает уверенность, что только солидарная борьба пролетариев всех национальностей под единым знаменем социал-демократии сможет оказать надлежащий отпор национальной политике царизма; конференция высказывает бакинским и татарским товарищам и всему пролетариату Кавказа свое глубокое сочувствие, в убеждении, что они и впредь, несмотря ни на какие препятствия, будут продолжать революционную борьбу вместе с пролетариатом всей России и вместе с ним доведут ее до окончательной победы над царизмом *).

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

*«Пролетарий» № 22,
от 11 октября 1905 г.*

*) Следуют подписи: делегаты всех партий, означенных в заголовке, за исключением О. К. меньшинства. К установленному Междупартийной Конференцией сроку ответ от О. К. меньшинства не получен. Поэтому, на основании постановления конференции, голос члена О. К. должен быть рассматриваем как совещательный.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. С появлением плана «Земской кампании» новой «Искры» резко обнаружились тактические разногласия между большевиками и меньшевиками, до сих пор вращавшиеся в плоскости по преимуществу организационных вопросов.

2. Экономисты — см. прим. 170 к VII тому.

3. Галерка — псевдоним М. С. Ольминского, в то время видного работника «большинства», члена ред. газеты «Вперед».

4. «Освобождение» — см. прим. 43 к VII тому.

5. «Заря» — см. прим. 327 к VII тому.

6. Предисловие Струве к записке Витте — см. прим. 34 и 46 к IV тому.

7. Здесь идет речь о статьях Н. Ленина:

1) «Политическая агитация и классовая точка зрения» («Искра» № 16).

2) «Политическая борьба и политиканство» («Искра», № 26).

8. II съезд Р. С.-Д. Р. П. см. о нем в IV томе сочинений Н. Ленина.

9. Резолюция Плеханова:

«Принимая в соображение, что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом, что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эти ограниченность и недостаточность, — второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционный и противпролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве «Освобождение». Плеханов, Ленин, Павлович, Горский, Беков, Русов, Муравьев, Лядов, Горин, Гусев, Степанов, Сорокин, Орлов, Осипов, Браун.

10. Резолюция Старовера:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия — самостоятельная политическая партия пролетариата, — исходя из того положения своей программы, которое гласит, что партия «поддерживает всякое

оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка», не отказывается вступать и, если к тому представится надобность, вступит при посредстве своих центральных учреждений во временные соглашения с либеральными или либерально-демократическими течениями, при том, однако, условии, что, во-первых, эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону Российской Социал-демократии, что, во-вторых, они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание, и что, в-третьих, своим лозунгом борьбы они делают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право». Старовер, Троцкий, Штейн, Кольцов, Мартов, Фишер, Аксельрод, Посадовский, Панин, Браун, Орлов, Осипов.

11. Угрюм-Бурчеев — карикатура на известного временщика Аракчеева у Щедрина в его «Истории одного города».

12. Е. Трубецкой — либерал умеренного лагеря, то правый к.-д., то мирнообновленец, видный деятель земских съездов 1904 — 1905 г.г.

13. «Право» — см. прим. 65 к VII тому.

14. «Новое Время» — см. прим. 53 к VII тому.

15. Национал-либералы в Германии — партия крупной буржуазии с националистической окраской.

16. Политика Бисмарка — см. прим. 110 к VII тому.

17. Ростовская демонстрация — см. статью Н. Ленина: «Новые события и старые вопросы» (Собр. сочинений, IV том, стр. 182 — 187).

18. Мартынов — см. прим. 162 к VII тому.

19. «Рабочее Дело» — см. прим. 4 к IV тому.

20. Святополк-Мирский — см. прим. 224 к VII тому.

21. Кричевский, Б. — вождь «экономистов» и руководитель «Рабочего Дела» (прим. 4 к IV тому), видный деятель «Союза русских социал-демократов» (прим. 48 к IV тому) в конце 90 г.г. и начале 900.

22. Речь идет о либеральных дворянах-земцах, жаждавших «увенчания здания» «великих реформ 60 г.г.» или в форме «земского собора» с совещательным голосом из представителей земства и городов, или в форме западно-европейской законодательной палаты на основе имущественного ценза.

23. II съезд Р. С.-Д. Р. П. отверг кандидатуры в ред. Центрального Органа партии Потресова (Старовера), Дейча и В. И. Засулич.

24. Речь идет о названных в предыдущем примечании 3 лицах и Л. Мартове, который отказался войти в состав ред. Ц. О. без отвергнутых II съездом Р. С.-Д. Р. П. трех лиц.

25. Подробности см. в брошюре Н. Ленина: «Заявление и документы о разрыве Центральных учреждений с партией».

26. Орловский — псевдоним В. В. Воровского, тогда видного работника «большинства» и члена редакции «Вперед».

27. Брошюра Н. Ленина: «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» будет перепечатана в V томе Собрания сочинений.

28. Речь идет о трех конференциях комитетов «большинства»: Северной, Южной и Кавказского союза.

29. Новый Ц. К. — с участием кооптированных 3-х меньшевиков: Попова, Блюменфельда и Л. Мартова (см. подробности в брошюрах: 1) Н. Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений» и 2) Орловского (Воровского): «Совет против Партии»).

Деятельность нового Ц. К. за данный период времени подробно изложена в докладе Л. Б. Красина (Зимины) на III съезде Р. С.-Д. Р. П.:

Доклад Зимины (Чл. О. К. от Ц. К.).

Приступая к докладу о деятельности по созыву съезда Орг. Ком. и Ц. К., после заключения последним соглашений с Бюро Комитетов Большинства, — я позволю в нескольких словах коснуться позиции Ц. К. по отношению к вопросу о созыве III партийного съезда. Прежде всего, я констатирую, что Ц. К. с самого начала своей деятельности и до настоящего момента, несмотря на все вольные и невольные перемены его состава, в большей своей части состоял из товарищей, принадлежавших по своим основным взглядам в вопросах тактики и организации к большинству II партийного съезда. Наше главное расхождение с так называемым «твердым большинством» состояло в том, что, когда последнее (многие из них уже очень скоро после II съезда) потеряло всякую надежду на какое бы то ни было примирение или объединение с меньшинством, мы не считали себя вправе отказаться от попытки в этом направлении, пока не были испробованы решительно все способы к объединению.

Ближайшей и главной задачей Ц. К. было развитие возможного максимума положительной работы, и на этой основе, в этом сотрудничестве всех товарищей в общепартийном деле, мы старались объединить обе фракции Партии.

Съезд мы не считали выходом из партийного кризиса, по крайней мере до тех пор, пока не испробованы другие пути, не связанные с такой затратой сил и материальных средств, пока не было сделано всех возможных попыток объединения партийных работников на организационной базе, данной II Съездом.

Съезд не представлялся удачным разрешением кризиса не только по трудности его созыва, — и всего менее по желанию или боязни коллегии

Ц. К. «потерять власть», — но, главным образом, в виду относительно медленного ознакомления массы партийных работников с результатами II Съезда и малой выясненности главнейших причин кризиса, основных принципиальных разногласий между борющимися фракциями. Ц. К. разделял очень распространенный до последнего времени в Партии взгляд, что Съезд сам по себе может дать положительный результат, лишь когда в самой Партии назреет потребность идти на временные уступки, когда выяснятся границы, отделяющие фракции и степень примиримости их позиций.

Это отношение Ц. К. к созыву партийного Съезда начало изменяться к концу 1904 г., и уже на обще-декабрьском собрании раздались голоса о необходимости объявить созыв III очередного Съезда. Решительный поворот в сторону Съезда совершился под влиянием событий 9-го января. Эти события, образующие поворотный пункт всего русского революционного движения, сразу поставили перед Партией ряд задач, которые до тех пор или вовсе не затрагивались в партийной литературе или рассматривались, как дело более или менее отдаленного будущего. События 9-го января выдвинули перед всеми партийными работниками в конкретной форме такие вопросы, как вопрос о новейшей политике правительственных уступок и политике комиссии Шидловского, «Земском Собрании», Учредительном Собрании, вооруженном восстании и Временном Правительстве, полулегальных и легальных способах агитации и пропаганды, с одной стороны, и требующих самой строгой конспирации новых методов уличной борьбы с полицией и войсками — с другой.

С II съезда Партия ушла, расколовшись по организационным вопросам и по вопросам о составе центров, но по важнейшим вопросам с.-д. тактики резолюции были приняты единогласно, и в этом смысле работа II съезда очень облегчила деятельность местных организаций, дав им известные указания, никем не оспариваемые и пользовавшиеся всеобщим признанием с.-д., независимо от принадлежности к той или иной фракции.

Дело обстояло иначе с теми новыми задачами, которые возникли перед партией после событий 9-го января (отчасти даже и до 9-го января, с начала эпохи «доверия» и усилия либерального движения). Атмосфера, созданная фракционной борьбой, не позволила вести обсуждение спорных вопросов с достаточной объективностью; действительные размеры разногласий преувеличивались и раздувались до такой степени, которая делала невозможной не только соглашение, но часто даже переговоры о выработке общей тактики и совместных действий.

У большинства партийных работников создавалось представление о наличии непримиримых тактических разногласий, разрешение которых одинаково напрасно искать как в указаниях предыдущего партийного опыта, так как по многим вопросам его вовсе не было, так и в партий-

ной литературе, расколовшейся на 2 лагеря, усердно выискивавшей сучки и соринки в глазе противника. Эти условия, на-ряду с обострившейся борьбой с.-д. одновременно на несколько фронтов, требовавшей немедленного объединения всех с.-д. сил и ликвидации партийного кризиса, создали в Партии решительное настроение в пользу созыва съезда, и, при объезде организаций, предпринятом Ц. К. в конце февраля и начале марта, выяснилось, что при всем скептицизме некоторых товарищей из меньшинства относительно возможности полного объединения борющихся фракций на съезде, принципиальных возражений против съезда, как последней попытки восстановить единство Партии, — не приводилось. Указывали лишь на необходимость устройства предварительных конференций по вопросам Съезда и проведения порядка дня и главнейших резолюций в комитетских организациях и перифериях.

Это отношение к съезду, завоевывавшее себе с каждым днем все более и более сторонников в Партии, на-ряду с усиленной агитацией за Съезд, приведшей к организации Б. К. Б., которое вместе с Комитетами, его выдвинувшими, пришло к решению устроить Съезд во что бы то ни стало, хотя бы ценою раскола, — обусловило перемену позиции Ц. К. в вопросе о созыве Съезда.

Перед Ц. К. стала дилемма: или допустить фактический раскол Партии, неизбежный при созыве фракционного съезда, или взять в свои руки созыв общепартийного Съезда, сделать последнюю попытку предотвратить раскол.

4 марта 1905 года Ц. К. в своей декларации высказался за немедленный созыв III Съезда, предложив комитетам выразить свое отношение к созыву III съезда, и вскоре вступил в переговоры с Б. К. Б. с целью добиться отсрочки созыва фракционного съезда и соглашения для совместной работы Ц. К. с Б. К. Б. по организации Съезда всей Партии.

Одновременно с изданием декларации, Ц. К. обратился с частным письмом к редакции Центрального Органа и заграничным членам Совета Партии, объясняя в нем причину перемены своей позиции в вопросе о созыве Съезда и невозможности откладывать далее его созыв. Ц. К. предупреждал С. П., что после декларации Ц. К. получение резолюций большинства комитетов за съезд есть дело всего 2 — 3 недель, а также сообщил о своем намерении воспользоваться в этом деле той работой по созыву Съезда, которая была совершена до этого времени Б. К. Б., и работать далее по организации Съезда вместе с Б. К. Б.

10 марта агенту Ц. К., тов. В., было предложено выехать за границу для ознакомления С. П. с положением дел в России, о чем С. П. была послана телеграмма. К несчастью, названный товарищ был арестован до перехода границы и не смог попасть в Женеву к заседанию заграничных членов С. П. 7 апреля (25 марта).

Ц. К. принял с своей стороны все возможные по условиям данного момента и наличности сил меры к осведомлению С. П. о совершившемся решительном повороте Партии в пользу созыва съезда, и если бы Совет, отнесясь с надлежащим вниманием к этим сообщениям Ц. К., у него была бы полная возможность своевременно объявить о созыве Съезда и предотвратить конфликт, создавшийся потом, вследствие резкого выступления заграничных членов С. П. против созыва Съезда и попыток редакции Ц. О. дискредитировать всю работу О. К. по организации съезда.

12 марта, получив данные о резолюциях за съезд 18 комитетов, Ц. К. немедленно уведомил об этом С. П., прося высказаться за съезд (имелось в виду заседание С. П. уже при участии тов. В. от Ц. К.).

Не входя в оценку с формальной стороны законности резолюции заграничных членов С. П., опубликованной в № 89 «Искры», Ц. К. не считал эту резолюцию связывающей С. П. по отношению к III съезду, так как ко времени принятия ее большинства комитетов за съезд еще не было и, кроме того, С. П. естественно не мог признавать компетенцию Б. К. Б., как организации, не предусмотренной уставом.

С другой стороны, Ц. К. не допускал возможности, чтобы после 12 марта, когда уже большинство организаций высказалось за съезд, С. П. еще продолжал откладывать объявление о созыве Съезда. § 1 договора с Б. К. Б., принятый по настоянию последнего, как необходимая с его точки зрения гарантия того, что Съезд будет созван даже в том случае, если бы С. П. по каким-либо причинам отказался от созыва съезда или отложил его на неопределенное время, — этот § менее всего был принят Ц. К. с целью дезавуировать С. П. перед Партией и был опубликован не Ц. К., а редакцией «Искры», которая уже по собственным соображениям предпочла ознакомить с ним всех членов Партии.

Перехожу теперь к переговорам с Б. К. Б. Центральным пунктом их является вопрос о сроке созыва съезда. Ц. К. настаивал на возможном отдалении этого срока и согласился на 7-дневный срок для посылки делегатов комитетами со дня передачи им извещения от О. К. лишь после категорического заявления Б. К. Б., что как самое Б. К. Б., так и представляемые им комитеты не согласятся на дальнейшее откладывание Съезда и откроют его хотя бы и при неполном числе комитетов.

При таких условиях и при безусловной необходимости предупредить созыв фракционного съезда, Ц. К. согласился на этот срок, имея в виду, что фактически открытие съезда будет еще отсрочено и все комитеты успеют принять необходимые подготовительные меры.

В данный момент мы можем констатировать, во-первых, что все без исключения организации, кроме Крымского союза и Астраханского комитета, не только получили извещения О. К., но и отозвались на призыв к Съезду посылкой делегатов за границу или передачей мандатов загра-

ничным товарищам и, во-вторых, что срок, протекший со времени выхода декларации Ц. К. до открытия Съезда, далеко не так уже мал.

В случае же согласия С. П. на объявление III партийного Съезда, этот срок, по всей вероятности, удлинился бы еще на 2 недели. Этим фактическим указанием достаточно опровергается басня о созыве Съезда чуть ли не в 24 часа.

По окончании подготовительных работ по созыву Съезда в России, Ц. К. был предпринят ряд попыток убедить заграничных товарищей из Ц. О. и трех членов С. П. в необходимости положить конец партийному кризису объявлением о созыве III партийного Съезда.

4/17 апреля Ц. К. в Женеве обратился с письменным заявлением о назначении товарищей И. и В. членами С. П. и с просьбой по возможности немедленно созвать заседание С. П. в составе, указываемом Уставом Партии. Ответа на это письмо не было получено, а из частных разговоров с членами Ред. Ц. О. выяснилось, что товарищи из Ц. О. не считают возможным официальное заседание С. П. до тех пор, пока Ц. К. не согласится объявить недействительными все меры, принятые О. К. для созыва Съезда, откажется от всей этой работы вплоть до отмены самого Съезда и замены его конференцией делегатов, не принимающей никаких обязательных решений.

Вскоре по возвращении в Женеву 5-го члена С. П., тов. Плеханова, состоялось частное совещание представителей Ц. К. с 3-мя заграничными членами С. П. и членами Ред. Ц. О. Заграничные товарищи и в этом заседании защищали свой взгляд относительно невозможности созыва Съезда в настоящий момент. Они настаивали на безусловной необходимости предварительного проведения всех вопросов, подлежащих рассмотрению Съезда, в местных организациях и требовали от Ц. К. признания незаконности его действия по созыву Съезда, отмены всего сделанного по этому делу до сих пор и полного подчинения в будущем всем решениям С. П. В ответ на запрос одного из членов Ц. К., какой же срок следует считать по их мнению кратчайшим для созыва Съезда, — т.т. Мартов и Аксельрод указали на 3 — 4 месяца, и, — на замечание, что такой срок делает неизбежным возвращение в Россию всех 30 с лишним делегатов, уже находящихся за границей, и новый их приезд сюда, — признали, что, по их мнению, возврат этот действительно необходим: съезд созван помимо С. П., следовательно, незаконно; поэтому он не может состояться.

Представители Ц. К. указывали, что воля Партии выражена ясно, и обязанность С. П. ее исполнить. Положение дел в России таково, что немедленный съезд является последним средством избежать раскола, и что если даже признать незаконность действий Ц. К., поскольку последний выразил намерение созвать Съезд помимо Совета, то за ошибки Ц. К.

должен отвечать сам Ц. К. перед Съездом или его отдельные члены перед каким угодно другим трибуналом, интересы же всей Партии не могут и не должны нести никакого ущерба вследствие неправильных действий одного из ее центров. А между тем заграничные члены С. П. и Ред. Ц. О. ставят дело именно так: находя действия Ц. К. незаконными, а § 1 его соглашения с Б. К. Б. незаслуженно оскорбительным для С. П., они не привлекают Ц. К. к суду Партии на партийном Съезде, а лишают самую Партию, высказавшуюся в громадном большинстве организаций за Съезд, ее неотъемлемого права созвать партийный Съезд тогда, когда это угодно ей, а не заграничным членам С. П. и Ред. Ц. О. — Ц. К., как в целом, так и его отдельные члены, принимают на себя перед Партией всю ответственность за все то, что сделано О. К. по созыву III партийного Съезда, но они настаивают на немедленном исполнении воли Партии и объявлении С. П. о созыве III Съезда. Этим объявлением сразу устраняется весь конфликт, и дальнейшее разрешение партийного кризиса может идти в строго уставных рамках.

Ц. К. формулировал свое предложение С. П. на частном совещании с 3-мя заграничными членами С. П. таким образом:

Принимая во внимание:

1) что к настоящему моменту высказалось за созыв съезда больше половины полноправных партийных организаций, 2) что находятся за границей с целью участвовать в работах общепартийного Съезда 27 делегатов с решающим и, кроме того, несколько делегатов с совещательным голосом, — Ц. К. предлагает С. П., для выхода из создавшегося между Ц. К. и С. П. по поводу незаконного способа созыва конфликта, следующий путь: 1) Совет Партии, на основании 2 п. устава, объявляет о немедленном созыве III партийного Съезда, 2) считаясь с фактом произведенной уже О. К. и стойвшей Партии громадных средств работы по организации съезда, С. П. приступает к организации общепартийного Съезда и проверке работ О. К., 3) в зависимости от результатов проверки, С. П. поступает согласно уставу, т.-е., в случае наличия законных делегатов, имеющих вместе больше половины решающих голосов, принадлежащих всем полноправным организациям Партии, — открывает Съезд, принимая во внимание невозможность задерживать на долгое время за границей приехавших делегатов (свыше 30 чел.), а тем более возвращать их обратно в Россию.

Из этого заявления видно, что Ц. К. предложил С. П. взять в дальнейшем дело организации Съезда в свои руки, и С. П., если бы он пожелал, предоставлялась полная возможность проверить всю работу О. К.

На заявление т. Мартова, что С. П. не может согласиться на это предложение, уже вследствие одной неуверенности, как поступить Ц. К. в случае, если после 2-х-недельной проверки С. П. найдет работы О. К.

неправильными и посланных комитетами делегатов избранными незаконно, — представители Ц. К. заявили о готовности Ц. К. подчиниться всем решениям Совета, если заграничные члены С. П. откажутся от своей безусловно отрицательной позиции по отношению к III Съезду и возьмут назад требование поставить на место съезда ни для кого необязательную конференцию. Ц. К. может и должен подчиниться С. П. во всем, что касается проверки его действий и действий О. К. по созыву Съезда, но он не может ни подчиниться, ни следовать за С. П. в деле откладывания Съезда на совершенно произвольный и непредусмотренный уставом срок нескольких месяцев, вопреки тому, что большинство партийных организаций не только высказались за съезд, но уже и послали за границу своих делегатов.

В согласии с предыдущим и в ответ на вопрос т. Мартов, Ц. К. сделал следующее дополнительное заявление на вышеназванном частном заседании: «Признавая неправильность, с точки зрения устава Партии, своих действий по созыву съезда и принимая во внимание создавшиеся внутри Партии отношения, Ц. К. намерен впредь сообразовать свои действия по этому делу с нормами устава и подчиниться решениям С. П., при условии, что С. П. примет тот способ выхода из создавшегося конфликта, который изложен в предложении Ц. К.».

По прочтении этого заявления, председательствовавший в частном совещании т. Плеханов, после краткого заявления, к которому присоединились и члены редакции Ц. О., о «бесполезности дальнейших разговоров», закрыл собрание.

Этим закончились все личные переговоры с 5-м членом Совета и Ред. Ц. О.

На другой день Ц. К. обратился к председателю С. П. с новой письменной просьбой о созыве заседания Совета в составе, указанном уставом партии и, получив в тот же день отрицательный ответ, решил передать дело на суд всей партии опубликованием своего открытого письма к 5-му члену Совета тов. Плеханову (Текст письма напечатан на стр. 154—160 этого тома.)

30. Порт-Артур — см. прим. 279 к VII тому.

31. Империалистские страны Запада отняли у Японии лакомый китайский пирог с тем, чтобы поделить его между собой: в ближайшие после Японско-китайской войны годы Россия захватила Порт-Артур и потом Маньчжурию; Англия — Вей-Хай-Вей, Германия — Киао-Чау и т. д.

32. Здесь идет речь о 2-й Тихоокеанской эскадре, которая потерпела жестокий разгром от японцев около острова Цусима в Корейском проливе 14/V 1905 г.

33. Речь идет о расстреле эскадрой Рождественского английской рыбацкой флотилии около Гулля — инцидент, который едва не привел Россию к конфликту с Англией.

34. Куропаткин — см. прим. 70 к VII тому.

35. Немирович-Данченко — корреспондент «Русского Слова» в японскую войну.

36. Алексеев — наместник Дальнего Востока, командующий всеми вооруженными русскими силами до японской войны и в первые месяцы ее совершенно недооценивший японских сил.

37. Гэд — см. прим. 25 к IV тому.

38. Гайндман — см. прим. 210 к XIV тому.

39. «Революционная Россия» — см. прим. 52 к IV тому.

40. Жорес — см. прим. 205 к VII тому.

41. Брошюра Рабочего: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» с предисловием П. Б. Аксельрода — см. прим. 3 к VII тому.

42. Степанов — делегат Киевского Комитета на II съезде Р.С.-Д.Р.П. Горский — делегат Петербургского Комитета.

Браун — делегат Тульского Комитета.

43. Рязанов — см. прим. 290 к XIV тому.

44. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — перепечатано на стр. 144—159 IV тома Собраний сочинений Н. Ленина.

45. Панин — делегат II съезда Р.С.-Д.Р.П. от Крымского союза.

46. Череванин — см. прим. 140 к VII тому.

47. См. статьи П. Б. Аксельрода: «Объединение Российской Социал-демократии и ее задачи» («Искра», № 55) и «К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий» («Искра», № 68).

48. См. статьи Л. Мартова: «Пробуждение демократии и наши задачи» («Искра», № 58) и «Борьба за свободу и классовая борьба» («Искра», № 76).

49. Здесь идет речь о брошюре Троцкого: «Наши политические задачи».

50. Рядовой — псевдоним А. А. Богданова, видного работника «большинства», организатора и члена Бюро Комитетов Большинства (см. прим. 85).

51. См. прим. 49 к IV тому.

52. Роза Люксембург — см. прим. 64 к XIV тому.

53. Легальный марксизм — см. 5 прим. к IV тому.

54. Бернштейнианский оппортунизм — см. примеч. 72 к VII тому.

55. Здесь идет речь о статьях Н. Ленина:

1) «Отдача в солдаты 183 студентов» («Искра», № 2);

2) «Политическая агитация и классовая точка зрения» («Искра», № 16);

3) «Письмо к земцам» («Искра», № 18).

56. Степняк — см. прим. 70 к IV тому.

57. Речь идет о статьях Н. Негорева (Иорданского): «Демократы на распутьи» («Искра», № 77) и Л. Мартова: «Итоги земского парламента» («Искра», № 78).

58. «Внутреннее обозрение» (за подписью Т. Х.) из № 2—3 «Зари» будет перепечатано в V томе Собрания сочинений.

59. Статья Н. Негорева (Иорданского): «Демократы на распутьи».

60. Эта фраза была сказана материалистом Базаровым идеалисту-болтуну Кирсанову в романе Тургенева: «Отцы и дети».

61. Речь идет о представителях русского народничества П. Л. Лаврове и Н. К. Михайловском, которые не ограничивались объективным изучением процесса русского общественного развития и настаивали на субъективной оценке процесса развития с высоты идеала «критически-мыслящих личностей» (Лавров) и носителей «великой двуединой правды»: «правды-истины и правды-справедливости» (Михайловский).

62. Герц — см. прим. 36 к IV тому.

63. Давид — см. прим. 35 к IV тому.

64. Ник — он — см. прим. 293 к VII тому.

65. В. В. — см. прим. 292 к VII тому.

66. Аграрная программа II съезда Р. С.-Д. Р. П. — см. IV том Собрания сочинений Н. Ленина, стр. 115—116.

67. 9 января 1905 года. „Кровавое воскресенье“, как называют этот день русские рабочие, произошло 9 января 1905 года в Петербурге.

Поводом послужило увольнение нескольких рабочих на Путиловском заводе.

Требование рабочих о приеме уволенных обратно администрация отклонила и 3 января на заводе началась забастовка.

На другой день к забастовке примкнули другие заводы: Семянниковский, Обуховский, и вскоре бастовал почти весь рабочий Петербург; 6 января бастовало уже 200 тысяч человек.

Забастовка сразу же приняла ярко-политический оттенок, хотя и носила мирный характер.

В требованиях, предъявленных рабочими, стоят не только требования экономические, но и такие пункты, в которых проявляется уже чисто-политическая сторона движения, например, требование Учредительного Собрания.

Среди рабочих растет бессознательное стремление предъявить эти требования высшей власти, самому царю.

Таким путем возникает мысль отправиться к царю и предъявить ему петицию, в которой бы были изложены все нужды рабочих.

Рабочие еще верят в царя, они надеются, что царь примет их, выслушает и удовлетворит их просьбы.

Рабочие организуются вокруг районных отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», руководимого священником Гапоном.

В этих отделах «Союза» рабочие собираются, вырабатывают свои требования и принимают решение двинуться к Зимнему дворцу.

Гапон написал письмо царю и министру вн. дел Святополк-Мирскому, где предупреждал о готовящемся шествии и заявлял, что царю бояться нечего.

Правительство молчало, по городу ходили зловещие слухи, но уже 8 января стало достоверно известно, что рабочих к дворцу не допустят и что центр города занят войсками.

Ночью с 8-го на 9-е была отправлена депутация к министру Витте от интеллигенции с просьбой предупредить кровопролитие.

Депутация успеха не добилась; представители ее были арестованы.

С утра 9 января сотни тысяч рабочих потянулись ко дворцу — с портретами царя, с иконами, с какими-то надеждами на царя.

Еще у Нарвских триумфальных ворот путиловцы и вообще рабочие Нарвского района были встречены пулями. Много было убитых. Гапон, при содействии с.-р. Рутенберга, бежал переодетый. Тем не менее рабочие двинулись в центр, к Зимнему дворцу, и там были встречены выстрелами; начались расстрелы, продолжавшиеся целый день. Погибло несколько тысяч мужчин, женщин, детей. Народ, шедший безоружным к царю с верой в него, в крови под пулями царских войск потерял веру в царя.

Движение рабочих сразу из мирного превратилось в революционный бурный взрыв и перекинулось на всю страну. Началась первая русская революция.

68. Г. Гапон — священник, организатор «Общества русских фабрично-заводских рабочих» (см. след. прим.) в Петербурге, инициатор и вождь движения рабочих масс к Зимнему дворцу 9 января; после «кровавого воскресенья» эмигрировал за-границу; там склонялся к социал-революционерам (см. статью Н. Ленина в этом томе: «О боевом соглашении для восстания» и его речь на III съезде Р. С.-Д. Р. П.: «По поводу соглашения с соц.-рев.»). Убит, уличенный в сношениях с охранным отделением и с гр. Витте, в Озерках (по Финляндской жел. дороге), при содействии того же с.-р. Рутенберга, весной 1906 г.

69. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Спб.» — было организовано Г. Гапоном в начале 1904 г. с разрешения правительства и преследовало задачи отвлечь рабочие массы от революционной заразы. В действительности общество только сорганизовало пролетарские массы Петербурга, а его «отделы» послужили удобными ячейками для соц.-демократической пропаганды.

70. «Русская Газета» — в революцию 1905 г. перешла в руки с.-д. редакции (Парвуса и Троцкого).

71. Зубатовское общество — см. прим. 22 к IV тому.

72. Брошюра «Что делать? Наболевшие вопросы соц.-демократического движения» Н. Ленина будет перепечатана в V томе Собрания сочинений.

73. § 1 Устава, принятый II съездом Р. С.-Д. Р. П. (в меньшевистской редакции):

Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций.

74. Речь идет о статье Л. Мартова: «Так ли мы готовимся?» («Искра», № 62).

75. Идет речь о недооценке тогда Розой Люксембург размаха революционного движения в России.

76. Издательство «Вперед» — выросло из «издательства социал-демократической партийной литературы» Н. Ленина и В. Бонч-Бруевича; с кооптацией в редакцию Ц. О. меньшевиков, отвергнутых II съездом Р. С.-Д. Р. П., большевики оказались без печатного органа; только в конце 1904 года удалось им наладить издание своей газеты «Вперед», в которой работали: Н. Ленин, Орловский-Воровский, Галерка-Ольминский, Рядовой-Богданов, Воинов-Луначарский. Газета «Вперед» выходила до III съезда (всего 18 №№), после которого, по постановлению съезда, была заменена «Пролетарием» в качестве Центрального органа партии.

77. Леккерт — см. прим. 80 и 77 к IV тому.

78. Убийство Плеве — см. примечание 53 к IV тому.

79. Бастилия — государственная тюрьма для политических преступников в Париже до Великой Революции, 14/VII (1789 г.) — день разгрома Бастилии восставшим народом — считается французским национальным праздником.

80. Убийство было совершено с.-р. И. П. Каляевым.

81. Парвус — см. прим. 91 к VII тому.

82. См. IV том Собрания сочинений Н. Ленина.

83. Фельетоны пышной Розы — речь идет о Розе Люксембург (см. прим. 52).

84. Резолюция одесских организаторов. Мы, рабочие, организаторы всех районов г. Одессы, выражаем свое полное негодование по поводу самостоятельного выступления одесского «меньшинства», в качестве самостоятельной организации под названием: «Од.Гр. Ц.К.Р.С.-Д.Р.П.». Мы видим в этом факте явное доказательство желания дезорганизовать

нашу работу и протестуем всеми силами души против этой позорной, бесчестной тактики. Мы заявляем открыто, пред лицом всей нашей партии, что мотивировка выступления нашего «меньшинства» является только густой сетью лжи и клеветы и имеет целью скрыть от мало-осведомленных рабочих свое стремление организовать вне партии.

Нам известно, что Одесский комитет еще недавно шел на всяческие уступки перед нашими меньшевиками: он создал для них специальную коллегия — агитационную комиссию, в которой им было предоставлено большинство (4 меньшевика и 3 большевика) и которая должна была руководить всей агитацией; два меньшевика были приняты в редакционную комиссию, состоящую из 4 членов; целый ряд меньшевиков был принят в периферию в качестве пропагандистов, агитаторов и организаторов.

Комитет надеялся, что они бросят тогда свою дезорганизаторскую деятельность, когда им будет дана полная возможность положительной работы. Но дальнейшее показало, что эти господа по своему бесстыдству превзошли всякую меру.

Меньшевики, получив от комитета связи с рабочей средой, повели деятельную агитацию против него, всеми силами дискредитировали его, положительно обливали грязью представителей комитета.

Они не только не сдержали своего слова — никогда не выступить против местного комитета, но бесстыдно сеяли клевету и рознь. Возмутительнее всего то обстоятельство, что «меньшинство» откололось от комитетской организации в острый и важный исторический момент, переживаемый нами; даже больше того, в тот самый день, когда комитет предложил им совместно обсудить общий план работы и организации всеобщей забастовки.

Как и следовало ожидать, они имели полный успех среди интеллигенции и полуинтеллигенции, всеми фибрами мечтающих о «кооптации», «автономии» и других подобных прелестях, а также среди части городского района. Но фабрично-заводские центры — Дольник и Пересыпь — и значительная часть города остались нетронутыми авантюристами и дезорганизаторами: они по-прежнему примыкают к комитету.

Мы снова повторяем, что протестуем против новой группы. Ц. К., утвердивший группу, не сделав никакого запроса местному комитету, не разобрав совершенно дела, совершил неслыханное преступление против партии и показал ясно, что под лживой маской примиренческой политики он скрывает явное желание уничтожить комитеты большинства.

Мы выражаем ему свое полное презрение за такую трусливую и грязную политику.

Мы приглашаем всех честных сторонников революционной социал-демократии приступить к немедленному созыву III съезда, чтобы низло-

жить наши центральные учреждения, которые позорят партию, и вывести партию из того ужасного положения разброда и анархии, до какого ее довела дезорганизаторская тактика меньшинства и Ц. К.

Принята единогласно 15 января 1906 г.

Следуют 16 подписей.

Дезорганизация местных комитетов.

Дезорганизация партии, начатая новоискровцами тотчас после II съезда, принесла свои плоды. Читатели «Искры», знают, конечно, и уже наизусть выучили, что комитеты большинства ниже всякой критики: работа стоит, периферия недовольна, всюду бюрократизм, формализм и прочие измы. Меньшевики «дезорганизаторски третируют», не пускают в работу. Силы меньшевиков безмерно растут в Петербурге, Одессе и др. городах, и всюду основываются или подготавливаются «группы при Ц. К.», которые выносят на своих плечах всю тяжесть революционной работы. Следовало ожидать, что в искони новоискровских комитетах работа идет настолько успешно, что они от избытка сил своих посылают людей в города с комитетами большинства. К несчастью, не так оказалось обстоит дело, судя по письмам, полученным нами из Киева, Харькова и Ростова.

Харьковский товарищ пишет нам, что существование Ц. К. почти не отражается на работе в этом городе. Чувствуется сильная оторванность от общерусской работы. «В ноябре в Одессе провалилась меньшевистская типография, а у нас в Харькове не было у них типографии с осени 1903 года до января этого года. Меньшинство, значит, не жалеет сил на дезорганизацию в Одессе, а у себя дома ничего не делает: оно крайне редко выпускало листки на гектографе в недостаточном количестве. Систематической пропаганды нет, массовых собраний тоже почти нет. Распущенность, неконспиративность — поразительные. После петербургских событий и Харьковский комитет принялся устраивать здесь забастовку. Были выпущены листки, но их очень много захватила полиция вместе с распространителями. Было много арестов, особенно среди рабочих, а результаты были неважные. Связи Х. К. с заводскими рабочими ничтожны... При приеме на работу большевиков отговариваются тем, что просящие работы или «запачканы», или прямо нежелательны, как большевики, или прием оттягивается справками, несмотря на солидные рекомендации. А между тем сами плачутся, что у них людей нет. Здесь много людей, из которых могли бы выйти ценные работники, но меньшинство не умеет таковых вырабатывать. В самое последнее время меньшинство вынуждено было (отпадением рабочих в Южно-Русский Союз) пригласить в организацию одного большевика. Но вряд ли он у них уживется».

Ростовский товарищ пишет, что письмо об издании «Вперед» было прочитано старым рабочим социал-демократом и произвело самое лучшее впечатление. «Только один из рабочих несколько скептически отнесся к идее совмещения в одном органе популярного и научного освещения вопросов. В общем все сошлись на необходимости издать и возможно шире распространить это письмо. Что же касается пресловутого бюрократизма, то рабочие усмотрели в этом письме совершенно обратную тенденцию и глубоко возмущены инсинуациями меньшинства. Вообще рабочие здесь совершенно неосведомлены о разногласиях. На все их просьбы рассказать в чем дело, комитет отвечает уклончиво. Между комитетом и рабочими идет уже очень долгое время глухая вражда на почве истинно-бюрократического отношения Донского комитета. Комитет старается окружить себя молодыми рабочими, беспрекословно, без всякой критики исполняющими его волю; большинство старых, опытных и надежных рабочих более или менее удаляют от дел. Наконец, комитет понял, повидимому, всю нелепость своего поведения и на-днях должно состояться собрание опальных рабочих с представителями комитета. Будут просить рабочих делать, как хотят, только бы поставить работу, которая теперь почти не существует, — до того все дезорганизовано. Рабочие намерены представить требование, чтобы комитет принимал без различия большевиков и меньшевиков, и чтобы литература большинства распространялась наравне с литературой меньшинства. Кроме того, многие из рабочих высказываются безусловно в пользу съезда, даже меньшевики начинают сознавать его необходимость. Некоторые рабочие собираются писать вам».

Наконец, киевский товарищ пишет: «Недавно заходит ко мне очень дельный рабочий, районный организатор, и настоятельно просит достать ему «Вперед» и литературу большинства о земской кампании. Он объяснил, что местный комитет объявил его и еще одного товарища последователями Ленина и посему изгоняет их из организации. Дело вот в чем. После неудачного выступления в Обществе Грамотности (14 декабря) согласно рецепту «Искры» следовало хождение рабочих депутатов по редакциям газет с протестом против вероломных либералов. Надо было проводить это решение по кружкам. Эти два товарища высказались против «метода наглядного обучения» и вообще за необходимость иной постановки работы в духе самодовлеющей пролетарской тактики, оставляя в стороне всякие «сталкивания» и пр. Тут-то их и обвинили в ленинской ереси. Они упорно стояли на своем. Им предложили или проводить решение комитета, или уйти из организации. Они заявили, что будут высказывать и отстаивать свое мнение в интересах всестороннего освещения и сознательного проведения, а не прокатывания вопроса. Но комитет предложил им молчать и убираться живей из города, выска-

зывая надежду, что они все-таки, как меньшевики, не захотят возбуждать массу против меньшевистского комитета.

Удаление из района двух видных и влиятельных работников вызвало много толков в массе. Отрядили к ним своих для разведок: «что за ересь такая, за которую комитет их раскассировал»? Ознакомившись с ересью, посланные согласились с нею, и толки в массе пошли еще больше. Каша заварилась изрядная. В это время подоспели питерские события. Некоторые большевики, принимавшие близкое участие в здешней июльской стачке, предложили комитету свои услуги. Всем было отказано из опасения, как бы большевики не утвердились, пользуясь поддержкой тех двух рабочих, о которых я говорил. Масса крайне недовольна комитетом за его безалаберщину во время стачечного движения. Когда в одном кружке заявили, что хотят, чтобы двое исключенных были оставлены, им ответили, что если все киевские рабочие этого потребуют, то и тогда комитет не уступит. Про работающую публику, не говоря о «генералах», могу сказать, что недовольство положением дел в партии всюду растет. К Ц. К. относятся с полным недоверием, к Ц. О. — скептически. Брошюры большинства и «Вперед» читаются нарасхват; хотя носящие ярлык меньшевики поругивают эти вещи, но начинают поругивать и Ц. О. и Ц. К., в духе прочитанных брошюр. Чтобы там ни пели, а середняк-работник — потенциальный большевик. Логика жизни и в такт ей идущие ваши издания, являющиеся для нас продолжением «Что делать?» — делают свое. Средняк-революционер, облекшийся было под влиянием всесильной моды и не менее сильного авторитета (Плеханов, Аксельрод, Каутский, Р. Люксембург) в новую форму, теперь чувствует неудобство, непригодность этой одежды и стоит — кто на распутьи, кто в тупике. Среди агитаторов и пропагандистов поговаривают, что хорошо бы снестись с перифериями других городов, столковаться без генералов, свой съезд устроить. Как вы должно быть знаете, рабочие Харькова, Ростова и Екатеринослава это уже сделали. Слухи об этом проникли и к нам. Рабочие интересуются подробностями этого съезда и высказывают свою солидарность с теми пролетариями“.

На фоне пагубной дезорганизации, которая теперь идет во всей партии, единственно отрадным фактом является повсеместно-растущий интерес рабочих к общепартийным вопросам. Партия сознает, что находится в болезненном состоянии, она ищет средств лечения. Это сознание, это страстное искание выхода из невозможного положения — верная гарантия, что партия сумеет излечиться от язвы дезорганизации, разъедающей ее организм.

85. Возникновение и деятельность Б. К. Б. по докладу А. А. Богданова (Максимова) на III съезде Р. С.-Д. Р. П.:

II съезд, кроме того драгоценного наследства, которое заключалось в выработке общепартийной программы и организации, а также установления основ общепартийной тактики, оставил Партии еще иное тяжелое наследство — партийную распрю. Начавшись еще на II съезде, распря эта, принявшая с самого начала резкий и острый характер, отличалась той особенностью, что трудно было, особенно в первых ее стадиях, определить ее сущность, ее действительное содержание. Лозунги нападающей стороны — меньшинства — были изменчивы и неясны: протест против существующих организационных форм, выражаясь в формулах «автономии», «борьбы с осадным положением» и т. д., не выливался в определенную программу реформ. Но характерны были формы борьбы. Она началась с «бойкота партийных центров» еще до их возникновения — с отказа меньшинства на съезде участвовать в выборах центров. Она продолжалась в виде борьбы за кооптацию меньшинства в центры, — требование, резко противоречащее и партийному уставу и духу партийной организации. Одним из первых шагов борьбы явилось образование тайной организации меньшинства в партии — вещь немыслимая с точки зрения принципа единства партии. Начавшись с обращения к комитетам и потерпевши здесь неудачу, борьба эта перешла дальше в фазу апелляции к перифериям, с целью поднять их против комитетов, и затем к рабочим массам, — все это в полнейшем противоречии с основным смыслом партийной организации. Ясно, что это был фактический раскол: непризнание центров, практическое отрицание устава, апелляция к низам, — все это вполне логичные шаги с точки зрения раскола и только с этой точки зрения. О расколе фактическом, таким образом, не может быть спора. Вопрос о том, существовал ли раскол формальный, еще может считаться спорным. Многократные заявления меньшинства в смысле отрицания такого раскола стоят в противоречии со столь же многократными заявлениями о непризнании законно выбранных партийных центров. Как бы то ни было, раскол, проникший во все области партийной жизни, привел к ее глубокой дезорганизации. Партия теряла свое единство и целостность, совершался обратный переход от партийности к отжившей уже, казалось, кружковщине. Этим определился взгляд боровшегося за партийную дисциплину большинства на весь кризис, как на результат антагонизма кружковщины с партийностью. Такой взгляд обязывал большинство вести борьбу в возможно более партийных, строго лояльных формах.

Центрам, созданным II Съездом, пришлось разрешать необычайно трудную задачу: организацию общепартийной работы и политического руководства партией, при интенсивной работе немалой части партии в направлении к дезорганизации. Задача становилась еще труднее благодаря тому, что быстро развертывающаяся жизнь страны предъявляла к партийной работе все большие и все более сложные требования. При

таких условиях не представляет ничего странного большая успешность дезорганизаторской работы,—тем более ничего странного, что и вообще работа разрушения несравненно легче положительной, созидательной работы. Центры были не в силах выдержать борьбу, меньшинство стало побеждать. Центры усвоили тактику уступок. Но всякая уступка, укрепляя позицию меньшинства, служила для него средством усилить борьбу и облегчала ему дальнейшие победы. Это поняла решительная часть большинства, и когда Ц. О., перейдя в руки меньшинства, вместе с Советом партии, стал для меньшинства неприступною опорой в его нападениях на большинство партии, твердые сторонники большинства пришли к выводу, что нормальный выход из того положения, в которое попала фактически расколовшаяся партия с центрами, не соответствующими ее настроениям и желаниям, возможен только путем решения самой Партии—путем партийного съезда. С этого времени вся борьба концентрируется на вопросе о съезде. «Меньшинство», сознавая, что оно в Партии действительно только меньшинство, и притом в самой России даже незначительное, отчаянно противодействует созыву съезда; это противодействие оказывается успешным, особенно благодаря позициям, завоеванным меньшинством в Ц. У. партии. Усиливаются нападения на единственный оставшийся выразителем партийного большинства центр партии—Ц. К. Подавленный тяжестью непосильных задач и мучительной внутри-партийной борьбы, Ц. К. и с ним часть большинства партии решили продолжить тактику уступок меньшинству. На первом плане стоял отказ от съезда. Июльская декларация Ц. К., решительно высказываясь против Съезда и осуждая агитацию за него, делала меньшинству еще другие уступки и обещала еще большие. Такая тактика была в корне ошибочна. Уступки приводят к примерению тогда, когда с обеих сторон имеется желание мира и единства, когда на уступки идет и другая сторона. Не таково было настроение меньшинства. Его требования возростали. Ц. К. принял на себя отказом Съезда обязательство во что бы то ни стало водворить мир в партии, а это вынуждало Ц. К. ко всяким дальнейшим уступкам непримиримо настроенному меньшинству.

Иначе думали твердые комитеты большинства. Они видели невозможность бесконечных уступок и с новой энергией возобновили борьбу за Съезд. Ц. К., вынуждаемый взятым на себя обязательством не допускать Съезда, принужден был вести борьбу против комитетов. Меньшинство, с своей стороны, продолжало войну, нападая со стороны периферий. Таким образом комитеты были осаждаемы сверху и снизу. Дезорганизация положительной работы возросла до крайности. Факты вам известны. И все же сила комитетов была такова, что была очевидна неизбежность Съезда при сохранении уставных условий его созыва. Тогда Совет партии—меньшевистский центр—прибегнул к нарушению и к фактической

отмене устава. Ему принадлежало право созыва Съезда и счета резолюций. Он произвольно установил такие условия этого счета, что собрать половину решающих голосов Партии за Съезд для комитетов большинства оказалось ни при каких условиях невозможным. Он постановил считать резолюции по двухмесячным срокам (с 1 окт. по 1 дек., с 1 дек. по 1 февр. и т. д.). Между тем, при конспиративных и пространственных условиях России, при общей дезорганизации связей и сношений, вызванной кризисом партии, многие комитеты только в декабре—январе узнали об этом постановлении Совета, а также и о других мелко-формальных ограничительных постановлениях (требование точной даты на резолюции, конспиративных подписей членов комитета и т. д.). Дело сводилось к произвольному уничтожению прав комитетов по созыву Съезда. Рамки устава таким образом были разрушены его официальным хранителем—Советом, и комитеты большинства решили вступить на новый путь. Тремя конференциями комитетов—Южной, Кавказского Союза и Северной—было выбрано Б. К. Б. Немедленно после этого—9 декабря 1904 года—один из примкнувших к Бюро комитетов—Петербургский—сделал Ц. К. запрос, в котором, опираясь на безусловную необходимость Съезда и на невозможные формальные условия его созыва, созданные произволом С. П., требовал ответа,—соберет ли Ц. К. съезд. Ц. К. взял месяц срока для ответа. Между тем, революционное настроение в России возрастало, в силу многих условий, о каковых не приходится сейчас говорить. Разразились январские события—поворотный пункт в жизни страны, начало общей революции. 9 января ответа от Ц. К. Петербургский комитет, разумеется, не получил, но и не настаивал на ответе в такое время. Однако революционная неделя прошла, прошла и еще неделя—ответа не было. Между тем и для слепого было уже очевидно, что, помимо прежних, далеко неудовлетворительных, тактических и организационных запросов, с переходом в революционную фазу явились новые, ответить на которые не в силах и не вправе были центры, созданные в мирное время, да и вообще никакие центры.

Тогда Б. К. Б., опираясь на факт произвольной отмены устава центрами и на революционное право, вытекающее из революционного характера положения, приступило к созыву III партийного Съезда. Комитеты быстро стали присоединяться к этой работе и не только «твердые». В то же время на почве новых событий борьба оттенков в партии обострилась и углубилась, сопровождаясь новым их дроблением, разрывающим старые рамки большинства и меньшинства. Уже в октябре 1904-го года можно было констатировать, что к старым организационным разногласиям присоединились новые и очень важные тактические (план «Земской кампании» «Искры», принятый частью меньшин-

ства и решительно отвергнутый остальной Партией). Теперь присоединились разногласия по вопросу о народном восстании, Временном правительстве и т. д.—разногласия настолько глубокие и важные, что даже возможность единства партийной тактики стала сомнительной: различное отношение, например, к вопросу о вооружении масс, о подготовке боевого ядра революционной армии и т. д., должно было выразиться в совершенно различной практике.

Тогда, наконец, Ц. К., прислушавшись к голосу жизни, убедившись, что Съезд необходим и что партия его требует, изменил тактику: 4-го марта он высказался за немедленный съезд; 12-го соединился с Б. К. Б. в общий О. К. П.

86. Исключительные законы против социалистов в Германии были введены всемогущим диктатором Бисмарком в виду угрозного роста рабочей партии при выборах в рейхстаг (парламент); законы воспрещали сочинения, собрания и союзы, направленные к ниспровержению общественного строя, нарушающие согласие между классами населения. Правительство могло вводить, где нужно, исключительное положение, высылать подозрительных лиц.

Исключительные законы не остановили роста социал-демократии; они были отменены в 1890 г., с уходом Бисмарка в отставку.

87. Жанна Ролан (1754—1793 г.г.) была душой жирондистов (см. прим. 95) в эпоху Великой французской революции, гильотинирована якобинцами: замечательны ее «Записки» о революционных днях, полные метких суждений о важнейших деятелях Франции в разгар революционной бури.

88. Лопухин—впоследствии в революцию 1905—1906 г.г. выступил в печати с разоблачениями относительно деятельности департамента полиции.

89. Партия «народовольцев» — см. прим. 275 к VII тому.

90. Резня армян татарами в Баку 6—9 февраля 1905 г. была спровоцирована правительством, с целью выпустить накопившуюся революционную энергию через клапан национальной вражды.

91. Икс—псевдоним П. П. Маслова — см. прим. 123 к VII тому.

92. «Возвращение отрезков» в аграрной программе Р. С.-Д. Р. П.—см. IV том Собр. сочин. Н. Ленина, стр. 115—116.

93. Кригэ—см. о нем подробности в статье Н. Ленина: «Маркс об американском черном переделе».

94. Генри-Джордж (1839—1897)—американский экономист, автор книги: «Прогресс и бедность», защитник национализации земли как главного средства к исцелению всех социальных бедствий; в программе Г. Джорджа, национализация обозначала передачу всей земли, как главного орудия производства, в руки всего народа или государ-

ства и раздачу ее участками в аренду лично трудящимся; в качестве средства к установлению национализации предполагалось введение налога на землю, равного ее доходу, что побудило бы нынешних частных собственников продать свои земли или передать их в полное распоряжение государственной власти.

95. Жирондисты—правое крыло Конвента в эпоху Великой Французской Революции; получили свое имя, как представители департамента реки Жиронды в южной Франции; высказывались против централистической диктатуры и террора якобинцев; были сметены народным движением в конце мая 1793 г.

96. Бакунин—см. прим. 299 к XIV тому.

97. Ткачевизм—см. прим. 163 к VII тому.

98. Мильеран—см. прим. 328 к VII тому.

99. Галлифэ—усмиритель коммунаров в «майскую кровавую неделю» 1871 г., впоследствии военный министр Франции.

100. Варлэн—видный деятель I Интернационала.

101. Надеждин—см. прим. 33 к XIV тому.

102. Резолюция Международного Социалистического Конгресса в Амстердаме.

Конгресс самым решительным образом осуждает ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику, обоснованную на классовой борьбе, в таком направлении, чтобы—вместо завоевания политической власти путем победы над нашими противниками—обратиться к политике уступок существующему порядку вещей.

Последствием подобной ревизионистской тактики было бы превращение партии, стремящейся к возможно скорому преобразованию существующего буржуазного общественного строя в социалистический,—и, следовательно, партии революционной в лучшем смысле этого слова,—в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому Конгресс, в противоположность ревизионистским стремлениям, выражает свое убеждение, что классовые противоречия не только не ослабляются, но все более и более обостряются, и заявляет:

1) что партия слагает с себя всякую ответственность за политические и экономические условия, проистекающие из капиталистического способа производства, и что, поэтому, она не может оправдывать таких средств, которые обусловлены поддержанием господствующего класса у власти;

2) что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на Международном Конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в пределах буржуазного общества.

Далее Конгресс осуждает всякое стремление к затушевыванию существующих классовых противоречий, облегчающему сближение с буржуазными партиями.

Конгресс выражает надежду, что социал-демократические фракции будут попрежнему употреблять ту огромную силу, которой они достигли,— как благодаря увеличению числа членов партии, так и благодаря сильному росту стоящих за ними масс избирателей,— для выяснения целей социал-демократии и воспользуются соответственными основными положениями нашей программы для того, чтобы самым энергичным и ревностным образом всюду стать на защиту интересов рабочего класса, расширения и обеспечения политической свободы и других прав; для того, чтобы вести борьбу против милитаризма, против маринизма, против колониальной политики, против бесправия, угнетения и эксплуатации, во всех ее формах, еще энергичнее, чем это было для нее возможно до сих пор, наконец, для того, чтобы энергично действовать в пользу создания социального законодательства и выполнения политических и культурных задач рабочего класса.

103. Ойяма—см. прим. 176 к VII тому.

104. Мукден—столица китайской провинции—Маньчжурии; была более 4 лет оккупирована русскими войсками; в феврале 1905 г. под Мукденом разыгралось двухнедельное сражение между русской армией, руководимой Куропаткиным, и японской под предводительством Ойямы; сражение закончилось полным разгромом русской армии и переходом Мукдена к японцам.

105. Фейербах (1804—1872)—ученик Гегеля; в «Сущности христианства» доказывал, что господство религиозных систем над умами кончилось; свет сознания указывает человеку высшую цель в самом себе и в земной жизни, вне которой другой не существует. Задача Фейербаха сделать «молодое поколение из верующих—мыслителями, из молещиков—работниками, из кандидатов «загробного мира»—студентами земного»...

106. Материализм Фохта, Бюхнера и Молешота, видных естествоиспытателей второй половины XIX в., является философской основой для материалистического истолкования истории: см. работу Бельтова (Г. В. Плеханова): «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

107. Оляр—известный французский историк, автор книги: «Политическая история Французской Революции».

108. Меринг—см. прим. 107 к IV тому.

109. Здесь идет речь о брошюре Н. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», которая перепечатана в V томе Собрания сочинений.

110. Декларация 22 «Твердокаменных».

К партии.

Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р. С.-Д. Р. П. — единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного съезда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием.

Товарищи! тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорной конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному объединенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность внутренней борьбы — в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша партия может стать действительной партией.

Под именем «меньшинства» в партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними,—

целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы «Южный Рабочий» и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их и лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом, интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственного широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организационном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция — эта часть партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы, — Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии.

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мни-

мых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь свалить ответственность за него на все большинство партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но за частую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например: обвинение Ц. К. в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и общеморальном (обвинение видных деятелей партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу). Никогда еще партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно — внесение розни в Ц. К. партии путем кооптации насильственно навязанных ему членов меньшинства, — и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши Ц. О. и Советом партии, меньшинство не стесняется теперь эксплуатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим пред-

ложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее идти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более, чем неразумно, скованные одной цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрчивали бы свои силы на мелкую борьбу и дразни, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без съезда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, кооптация меньшинства в Ц. К., и, следовательно, полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки кооптационной дразни; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не прекратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: съезд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только съезд может положить конец этому. Только он, поставивши борющиеся стороны лицом к лицу, заставивши их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но съезд может быть подделан путем раскассирования организаций, заявляет меньшинство. Это лживая инсинуация, отвечаем мы, инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку и, держа в руках Совет Партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоспособной инсинуации? Выражают

опасения, что съезд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? Съезд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни в виду исключительности исторического момента, в виду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий съезд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. — Переход редакции Ц. О. в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать Ц. О. на уровне общепартийных интересов достаточно мотивирована. Кружковой орган не может и не должен быть органом партии.

II. — Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к обще-русскому центру Ц. К. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами и в то же время совершенно игнорирует Ц. К., — это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. — Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуя (требуется?) обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустраимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дразги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее: предоставление меньшинству одной (или более) литературной группы с правом представительства на съездах самые широкие формальные гарантии относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте) те партийные издания, которые им угодно. Точное определение границ права Ц. К. влиять на личный состав комитетов. Мы считаем весьма важным, чтобы те меры, по изданию литературы недовольных, которые Ц. К. предлагал меньшинству второго съезда, были закреплены уставом, чтобы рассеялся меньшинством же созданный мираж «осадного положения», чтобы неизбежная внутри-

партийная борьба велась в приличных формах и не тормозила положительной работы.

Мы не разрабатываем здесь наших предложений подробно, так как предлагаем не проект устава, а лишь общую программу борьбы за единство партии. Поэтому мы лишь кратко наметим направление некоторых частных желательных, по нашему мнению, изменений устава, несколько не связывая себе рук по отношению к дальнейшей его разработке, на основании новых указаний опыта. Необходимо, например, преобразовать Совет Партии, как учреждение, показавшее на практике свою негодность в своем теперешнем виде к выполнению поставленной ему задачи — объединения деятельности центров и высшего контроля над нею. Он должен стать коллегией, целиком выбираемой съездом, а не третьей инстанцией, избираемой съездом пятого над центрами, защищающими себя через своих делегатов. Следует также, сообразуясь с указаниями партийной критики, пересмотреть § 1-й устава в смысле более точного определения границ партии и т. д.

Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к съезду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны? Всем своим образом действий заграничное меньшинство говорит: нет! И оно продолжает действовать в этом смысле уверенно, решительно, полагаясь на отдаленность России, на частую смену тамошних работников, на незаменимость своих вождей, своих литературных сил. У нас рождается партия! — говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии, литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе.

Товарищи! печатайте и распространяйте это воззвание.

111. Реформисты в Италии — см. прим. 207 к VII тому.

112. Акимов — см. прим. 141а к VII тому.

113. Тов. Иогансон — член Ц. К. в начале 1905 г.

114. Тов. Валерьян (псевдоним Любимова) — член Ц. К. в начале 1905 г.

115. Дейч — см. прим. 210 к XIV тому.

116. Б-ъ — член Ц. К. в начале 1905 г.

117. Второв (псевдоним В. Н. Носкова) — член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в 1904 и начале 1905 г.г.

118. Глебов (псевдоним В. Н. Носкова) — член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в 1904 и начале 1905 г.г.

119. Лесков (псевдоним Н. Романова) — представитель Северного Комитета на III съезде Р. С.-Д. Р. П., тверской статистик.

120. Жарков — представитель Екатеринославского Комитета с совещательным голосом на III съезде Р. С.-Д. Р. П.

121. Михайлов (Постоловский) — представитель Сев.-Западного Комитета на III съезде Р. С.-Д. Р. П.

122. Сосновский (псевдоним Десницкого-Строева) — делегат Нижегородского Комитета на III съезде Р. С.-Д. Р. П.

123. Три резолюции по вопросу об отношении к правительству накануне переворота.

1 резолюция Филиппова (Румянцева).

Принимая во внимание:

1) что под влиянием революционного движения, охватившего Россию, наметившиеся буржуазные партии начинают выступать открыто с целью обеспечить свои политические позиции в момент перехода от самодержавия к буржуазно-демократическому режиму;

2) что рабочие массы в потоке общедемократического движения также стремятся к открытому и организованному заявлению своих политических и экономических требований;

III партийный съезд констатирует необходимость для С.-Д.:

1) пользоваться каждым случаем открытого политического выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для развития его самосознания, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную с.-д. силу;

2) использовать все легальные и полулегальные рабочие общества; союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния С.-Д. на такие организации и превращения их в опорные пункты будущей открытой Р. С.-Д. Р. П.;

3) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации на-ряду с сохранением и развитием их конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода—во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности Партии, не останавливаясь и перед возможностью столкновения с вооруженной силой правительства,

Такая тактика делает невозможным для чуждых социал-демократии элементов мнимое политическое представительство рабочих масс.

2 резолюция Лескова.

Принимая во внимание:

1) что правительство под страхом революционного взрыва стремится частными подачками и полумерами затемнить политическое и классовое самосознание рабочих и возможно больше раздробить их как класс;

2) что эта политика будет неизбежно усиливаться с ростом С.-Д. как организующей силы пролетариата;

3) что и в настоящий момент Р. С.-Д. Р. П. уже имеет в рядах пролетариата многочисленных сознательных и пользующихся влиянием сторонников, а отдельные пункты ее программы-минимум проникли в сознание самых широких слоев пролетариата и вызвали в нем самостоятельное движение для проведения их в жизнь, —

III партийный съезд констатирует необходимость для Р. С.-Д. Р. П. организовать начавшееся открытое революционное выступление пролетариата и обращается ко всем партийным организациям с призывом противопоставить развращающей политике правительства широкую агитацию в массах пролетариата, призывая его к полному и категорическому отказу от участия в каких бы то ни было правительственных комиссиях, анкетах, выборах в создаваемые правительством карикатурные подобию народного представительства и т. п. способах совлечения пролетариата с его революционного пути, к немедленному революционному осуществлению пролетариатом его неотъемлемых прав — свободы собраний, слова, союзов, стачек, к установлению тем же путем 8-часового рабочего дня и других условий охраны труда и интересов трудящихся масс. Вместе с тем III партийный съезд признает несовместимым с принципами С.-Д., как партии неуклонно революционной, — вовлечение рабочих в легальные общества, в участие в петициях и требованиях, обращаемых к правительству, земским собраниям, городским думам и т. п.

В заключение III съезд особенно подчеркивает громадное значение организации открытого выступления пролетариата как неизбежной прелюдии к вооруженному восстанию.

3 резолюция Сосновского (Десницкого-Строева).

Принимая во внимание:

1) что самодержавное правительство в своих попытках сохранить существующий порядок делает и будет делать все возможное для совлечения пролетариата с единственно правильного революционного пути, постоянно будет стараться затемнять классовое самосознание пролетариата, обольщая его возможностью улучшения классового положения при сохранении самодержавия;

2) что в настоящий революционный момент все другие партии, возникшие уже и возникающие, с своей стороны также делают и будут делать попытки затемнить классовое сознание пролетариата, взять на себя представительство его интересов и руководство в борьбе за изменение политического строя России;

3) что правительство в союзе с менее, чем С.-Д., последовательно революционными партиями попытается заменить истинное представительство народа неполным представительством наименее враждебных самодержавию классов и сословных групп, —

III партийный съезд предлагает Партии:

1) отказываясь от участия во всех попытках правительства затемнить классовое самосознание пролетариата и совлечь его с единственно правильного революционного пути (комиссии, анкеты, так называемый Земский Собор и т. д.), — в то же время использовать все подобные шаги правительства в целях самой широкой агитации и пропаганды наших ближайших задач и невозможности их осуществления помимо вооруженного восстания, в целях закрепления и расширения организационных связей С.-Д. в самых широких массах пролетариата;

2) в то же время путем открытого выступления С.-Д. в агитации и пропаганде, пользуясь для этого решительно всеми возможными средствами (митинги под открытым небом и в закрытых помещениях, выступление в легальных обществах, проникновение в профессиональные союзы и т. д.), всегда и неуклонно исполнять нашу задачу организации пролетариата под знаменем революционной С.-Д.

124. Комиссия Шидловского — см. прим. 73 к VII тому.

125. Идея «Земского Собора» — сословного законовещательного органа, в духе учреждения Московского государства XVI — XVII в.в., была выдвинута реакционной бюрократией и поддерживалась в 1904 — 1905 г.г. правым земским крылом — шиповцами.

126. См. русское издание «Обращения» в брошюре: «Кёльнский процесс коммунистов».

127. «Новая Рейнская Газета» — см. прим. 103 к IV тому.

128. Один из членов Б. К. Б., организатор и член III съезда, был А. А. Богданов (на съезде Максимов), выступивший в легальной литературе с рядом философских работ, в которых пытался сочетать философию Маркса с философией Авенариуса и Маха. Плеханов в полемике с большевиками воспользовался этим обстоятельством с целью вызвать сомнение в ортодоксальности большевиков.

129. Турати — см. прим. 207 к VII тому.

130. Вандея — французская провинция, — прославилась контр-революционными выступлениями в эпоху Великой Французской Революции; оказывала поддержку сторонникам короля (роялистам) и аристократии.

131. Проект резолюции Н. Ленина по вопросу о Временном Правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы российского пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что вооруженное народное восстание при полном успехе его, т.-е. при ниспровержении самодержавия, необходимо вызовет учреждение Временного Революционного Правительства, которое одно только способно обеспечить полную свободу агитации и созвать действительно выражающее волю народа Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов;

3) что эта демократическая революция в России не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) что следует распространять в рабочем классе убеждение в необходимости Временного Революционного Правительства и обсуждать в рабочих собраниях условия немедленного осуществления полностью всех ближайших политических и экономических требований нашей программы;

б) в случае победоносного восстания народа и полного ниспровержения самодержавия допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей Партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимыми условиями такого участия являются: строгий контроль Партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости С.-Д., стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо-враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие С.-Д. во Временном Революционном Правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное Правительство со стороны вооруженного и предводимого С.-Д. пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

132. Речь Л. Б. Красина (Зимина). — Я, как, вероятно, и все остальные, с наслаждением слушал речь докладчика. Однако, некоторые места меня не удовлетворили. Докладчик сказал, что вопрос о Временном Правительстве навязан нам нашими противниками; мне же кажется,

что вопрос этот очень важен сам по себе, что он навязан нам всем ходом русской революции.

Это — вопрос не теоретический, — нет, он вполне реален; и не потому он имеет для нас реальное значение, что нам, быть может, придется участвовать во Временном Правительстве, а потому, что Временное Правительство является одним из звеньев в цепи событий совершающейся русской революции.

За исключением пролетариата, все классы проявили дилетантское отношение к революции. Единственный класс, запечатлевший кровью свое серьезное отношение к революции, — был пролетариат. Если разобрав при этом отношение нашей Партии ко всем политическим вопросам последнего времени, мы отметим тенденцию конкретизировать наши требования. Так, прежде мы ограничивались одним общим лозунгом: «долей самодержавие!». Затем мы перешли к более конкретному лозунгу — созыв Учредительного Собрания; теперь, наконец, мы говорим уже о вооруженном восстании. Общее требование политической свободы сменяется требованием демократической республики, и этим путем мы пришли и к конкретизации средств к достижению этой республики — к требованию вооруженного восстания. И вот теперь, когда наши общие требования подхвачены либеральной буржуазией, когда все либеральные тараканы выползли из своих щелей, когда нет такой продажной газеты, страницы которой не пестрили бы требованием созыва народных представителей, — теперь мы должны, конечно, идти все дальше и все больше конкретизировать наши требования.

Вопрос о революции ставится перед пролетариатом в совершенно конкретной форме. Мы говорим, что политическое перерождение России может быть достигнуто лишь путем созыва Учредительного Собрания. Но кто же будет созывать его? Неужели же царское правительство? Этого никто из нас не может допустить. Но предположим это на минуту. Как же осуществится техника этого созыва? Разве народ может быть сколько-нибудь правильно представлен, если созываться Учредительное Собрание будет при помощи существующего административного аппарата, даже если бы на бумаге и были признаны все наши демократические требования. Но допустим даже, что Учредительное Собрание создано с соблюдением наших требований — всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Предположим, оно даже провозгласит республику. Но разве царское правительство может исполнить это постановление? — Нет! Оно разорвет бумажку Учредительного Собрания и силою разгонит это собрание. Таким образом, нам остается только революционный путь.

Либералы думают, что дело лишь в созыве Учредительного Собрания, но докладчик правильно указал здесь, что настоящая борьба только и начинается после свержения самодержавия.

Политический переворот может быть прочен лишь тогда, когда он произведен силой вооруженного народа. С этой точки зрения, Временное Правительство является неизбежным. Его главная задача — это воспользоваться всем грандиозным правительственным аппаратом. Временное Правительство означает для нас закрепление приобретений революции, вооружение народа, задача с этой целью оружия из arsenалов, осуществление некоторых требований нашей программы-минимум: например, введение 8-ми-часового рабочего дня. Оно означает для нас упорную борьбу против реакции. Поскольку мы, с.-д., являемся революционерами, постольку для нас обязательна поддержка Временного Правительства, пока оно остается временным. Если мы и не примем участия во Временном Правительстве, мы организуем силы пролетариата и будем давить на него, будем влиять на его решения, будем влиять на каждый шаг его, с целью осуществления основных требований нашей программы-минимум, которые пролетариат и предъявит Временному Правительству.

В нашей среде не существует разногласий по вопросу о том, что предстоящий переворот будет только политический, а не социалистический. Результатом его будет только усиление влияния буржуазии, и в жизни Временного Правительства будет, наконец, такой момент, когда революция пойдет на убыль, когда сила буржуазии заставит ее пытаться отнять у пролетариата его завоевания. Пролетариат уже теперь добился многих улучшений, сохранение которых требует от него новых усилий. И вот, когда пролетариат будет истощен страшными жертвами, буржуазия воспользуется случаем, чтобы отнять у него завоеванные права. В такой момент наши представители должны будут, конечно, уйти из Временного Правительства, чтобы не обагрить своих рук кровью пролетариата. Наша задача — в строгом контроле пролетариата над Временным Правительством и даже над Учредительным Собранием. Мы уже теперь должны прививать пролетариату скептицизм и подозрительность, учить его, что даже по отношению к Учредительному Собранию он должен проявлять то недоверие, которое он теперь питает к либералам.

При попытке конкретно разъяснять пролетариату ход революции, мы неизбежно наталкиваемся на вопрос о Временном Правительстве. Возможно, что мы будем в нем участвовать, возможно, что и нет. Вопрос не в этом, а в том, чтобы организовать и иметь возможность давить изнутри или извне на Временное Правительство, добиваясь осуществления требований пролетариата.

Что касается резолюции т. Ленина, то я вижу ее недостаток именно в том, что она не подчеркивает вопроса о Временном Правительстве с этой стороны и недостаточно ярко указывает связь между Временным Правительством и вооруженным восстанием. В действительности, Временное Правительство выдвигается народным восстанием как орган послед-

него, и оно представляет собою реальную силу лишь постольку, поскольку реальна сила восставшего народа и связь между последним и Временным Правительством. Я нахожу, далее, неправильным выраженное в резолюции мнение, будто Временное Революционное Правительство появляется лишь после окончательной победы вооруженного восстания и падения самодержавия. Нет, оно возникает именно в процессе восстания и принимает самое живое участие в его ведении, обеспечивая своим организующим воздействием его победу. Думать, будто для С.-Д. станет возможно участие во Временном Революционном Правительстве с того момента, когда самодержавие уже окончательно пало, — наивно: когда каштаны вынуты из огня другими — никому и в голову не придет разделить их с нами.

Если без нашего участия образуется Временное Правительство достаточно сильное, чтобы окончательно сломить самодержавие, то, конечно, оно не будет нуждаться в нашем содействии, и, состоя из представителей враждебных пролетариату групп и классов, сделает все зависящее от него, чтобы не допустить С.-Д. к участию во Временном Правительстве. Далее, в рабочих кругах надо распространять не столько убеждение в необходимости Временного Правительства, — сколько конкретизировать при агитации наиболее вероятный ход революции, указывая на то, в каком отношении пролетариат заинтересован в вопросе о Временном Правительстве.

Самый вопрос об участии или неучастии С.-Д. во Временном Правительстве, т.-е. о том, возможно оно или нет и стоит ли участвовать в нем, если это участие возможно, — должен быть решен и может быть решен только на основании конкретных данных, в зависимости от условий времени и места. Это должно быть выражено и в резолюции. Остальные мои поправки стилистического характера.

133. Речь Андреева. — Нам важно, чтобы по поводу резолюции, касающейся такого важного вопроса, высказывались возможно полнее. В виду разногласий по этому вопросу, было вполне уместно опровергнуть в докладе мнение наших противников, в том числе и такого некогда ортодоксального с.-д., как т. Плеханов. Вообще я присоединяюсь к резолюции, но думаю, что она нуждается в некоторых существенных поправках и дополнениях. В ней говорится: «вооруженное восстание... при ниспровержении самодержавия... вызовет учреждение Временного Правительства». Я думаю, что учреждение Временного Правительства возможно не после низвержения самодержавия, а в самом ходе революции. Затем было уже указано, что в ходе революции возможно возникновение не одного Временного Правительства, а нескольких, что правительство, разбитое в одном пункте, сосредоточит свои силы в другом и это вызовет в разных местах образование самостоятельных временных правительств.

Во 2-ом пункте задачей Временного Правительства ставится: «обеспечение полной свободы агитации» и т. д. Это слишком узкая постановка вопроса. Необходимо внести дополнение, касающееся осуществления ближайших требований нашей программы. Было бы невероятно, чтобы пролетариат ограничился низвержением властей и не постарался сбросить часть давящей его кабалы и провести революционным путем некоторые из своих непосредственных требований. Задачей Временного Правительства является также беспощадная борьба попыток контр-революции. Эту задачу следовало бы формулировать во 2-ом пункте приблизительно следующим образом: «вооруженное народное восстание для полного своего успеха погребует учреждения временных революционных правительств и Временного Революционного Правительства, задачей которого, с точки зрения пролетариата, является беспощадная борьба и подавление контр-революции, осуществление полностью ближайших социально-экономических требований с.-д. программы-минимум и созыв Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования для пересмотра и санкционирования основ нового государственного строя». Тут важно отметить, что роль так называемого Учредительного Собрания сравнительно скромная; отмена самодержавного режима выпадает на долю Временного Правительства, так как, по справедливому замечанию т. Зими́на, царское правительство не приведет в исполнение постановления Учредительного Собрания об отмене самодержавия.

134. Речь Сосновского. — Я бы предложил небольшую поправку к пункту в резолюции т. Ленина. Я согласен, что вопрос о Временном Правительстве носит теоретический характер и в значительной степени вызван полемикой, возникшей вокруг него. В виду этого, желательно ставить этот вопрос возможно конкретнее. На мой взгляд, необходимо поэтому в пункте в, говорящем об условиях участия с.-д. во Временном Правительстве, вставить одно условие, подразумевающееся у т. Ленина, но не выраженное им ясно. Именно, в резолюции не подчеркнута широта участия С.-Д. в революции и ее роль руководительницы по отношению к другим слоям населения. Вместе с тем не подчеркнута активная роль организаций местных и общих — в контроле над представителями С.-Д. во Временном Правительстве и в поддержке их. Без такой поддержки и такого контроля со стороны партийных организаций участие во Временном Правительстве было бы авантюризмом.

135. Заявление 17-ти участников съезда. — «Предлагаем Бюро озаботиться о возможно точном соблюдении регламента III съезда — не допускать отклонения ораторов от точных рамок поставленного на обсуждение вопроса и вообще принять все меры к возможному ускорению съезда, в виду крайней необходимости возможно скорее окончить работы съезда и крайней утомленности всех делегатов».

Подписи: Сергеев, Сосновский, Тигров, Орловский, Камский, Барсов, Осипов, Лесков, Петров, Константинов, Жарков, Китаев, Мосальский, Летнев, Осетров, Рыбкин, Вельский.

Бюро присоединяется к заявлению.

136. Брантинг — вождь шведской соц.-демократии, один из лидеров II Интернационала, теперь премьер в Швеции.

137. Союз Союзов — см. прим. 33 к VII тому.

138. Здесь идет речь об июльской революции 1830 г. во Франции, о революциях 1848 г. во Франции, Германии и Италии и о крушении монархии во Франции в 1870 г.

139. Гладстон (1809—1898) — видный политический деятель Англии во 2-й половине XIX в., вождь либералов (буржуазно-демократических классов); значительно расширил избирательное право в Англии, требовал самоуправления («гомруля») для Ирландии.

140. Речь идет о деятельности народовольцев, о ряде покушений на Александра II, кончая 1 марта 1881 г.

141. Парижский Международный Конгресс — I конгресс II Интернационала в 1889 г.

142. Джиолити — итальянский политический деятель, вождь империалистской крупной буржуазии.

143. Шиповцы — сторонники Д. Н. Шипова (см. примечание 82 к VII тому); их лозунг вначале: «права и властное земство» и требование совещательного представительства в разгар революционного движения 1905 г.

144. Кн. С. Трубецкой — либерал, первый выборный ректор Моск. Университета.

М. Федоров — к.-д., гласный Петербургской Думы.

145. Родичев — см. прим. 42 к VII тому.

Головин — к.-д., председатель II Гос. Думы.

Петрункевич — см. прим. 128 к VII тому.

Долгоруковы — см. прим. 64 и 192 к VII тому.

Ковалевский, М. — см. прим. 188 к VII тому.

Новосильцев — к.-д., земский деятель.

Шаховской — к.-д., секретарь I Гос. Думы.

Гейден — см. прим. 183 к VII тому.

Львов, Г. Е. — член I Гос. Думы, впоследствии председатель Земгора и глава I Временного Правительства в революцию 1917 г.

Львов, Н. Н. — член I Гос. Думы, мирнообновленец.

146. Булыгин — министр вн. дел после 9 января, когда был уволен Святополк-Мирский; автор проекта о Совещательной Думе (закон 6/VIII 1905 г.: см. прим. 52 к VII тому).

147. Трепов, Д. Ф. — см. прим. 151 к VII тому.

148. Барон Фредерикс — министр двора при Николае II, реакционер.

149. «Гражданин» кн. Мещерского — см. прим. 15 к IV тому.

150. Российский Освободительный Союз — не есть какая-либо партия с определенной программой, — это союз всех желающих передачи власти от самодержавия в руки народа при помощи вооруженного восстания, путем созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права. «Неотложная необходимость — читаем в воззвании Союза — достижения всеобщей ближайшей цели, Учредительного Собрания, вызвала возникновение Российского Освободительного Союза, который поставил себе целью сплотить всех желающих политической свободы России и практически выполнить дело революции. И когда эта цель будет достигнута, Российский Освободительный Союз прекратит свою деятельность, возложив на организованную гражданскую милицию охрану народных представителей и дело общественной безопасности».

Устав Рабочего Союза состоит из 43 параграфов. Цель Рабочего Союза определяется так: 1) организовывать дружины для вооруженного восстания; 2) сбор необходимых денежных средств на вооружение и литературу строго пролетарского характера. Организация Рабочего Союза состоит из коллегий четырех ступеней: 1) группы рабочих (преимущественно из одной и той же мастерской); 2) Советы завода; 3) Районные Собрания; 4) Комитеты Рабочего Союза. Все высшие коллегии состояются из выборных представителей низшей коллегии, с двумя исключениями: во-первых, в Комитеты Рабочего Союза входит по одному члену Центрального Комитета Российского Освободительного Союза; во-вторых, о выборности этого Ц. К., о каком-нибудь контроле над ним не говорится ни слова. Об отношении Рабочего Союза к Российскому Освободительному Союзу говорится только: «Через нас (Ц. К. Р. О. С.) Рабочий Союз будет связан со всеми другими рабочими и нерабочими союзами». Об организации самого Российского Освободительного Союза, об отношении его Ц. К. ко всему Росс. Осв. Союзу, не говорится ни слова. В воззвании к рабочим непосредственную задачу свою Ц. К. Росс. Осв. Союз излагает так: «Мы выработаем подробный план восстания, укажем вам, как формировать дружину, научим, как вооружиться, запасем огнестрельное оружие. Мы, наконец, объединим действия всех желающих освободить Россию, разбросанных во всех городах и местах, от ига самодержавия и, объединив, подадим сигнал ко всеобщему восстанию».

151. Восстание «Потемкина» — см. прим. 260 к VII тому.

152. Абдул-Гамид — турецкий султан.

153. Речь идет о Первом Интернационале (1864—1876 г.г.).

154. Версальцы — буржуазное правительство, возглавляемое Тьером, имело резиденцию в Версале, старинном поместье французских королей.

155. Речь идет о войне Наполеона с Австрией.

156. Людовик XVI был казнен в январе 1793 г. по приговору революционного суда. При реставрации Бурбонов в 1815 г., с появлением у власти клерикалов, была поставлена в Париже часовня во искупление тяжкого греха французского народа.

157. Горемыкин — см. прим. 185 к VII тому.

158. Речь идет о победоносном восстании рабочих в Берлине 18 марта 1848 г., вынудившем прусского короля Фридриха-Вильгельма IV на конституционные уступки.

159. Брошюра: «Две тактики» написана в первой половине июня 1905 г. до восстания «Потемкина», в июле — написано только предисловие к брошюре.

160. Бебель — см. прим. 301 к XIV тому.

161. Эрфуртская программа — см. прим. 135 к XIV тому.

162. «Средо» — см. 26 прим. к IV тому.

163. «Рабочая Мысль» — см. прим. 3 к IV тому.

164. Прокопович — см. прим. 97 к VII тому.

165. Брентано — см. прим. 105 к VII тому.

166. Брошюра Н. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» перепечатана в V томе Собрания сочинений.

167. Гредескул — см. прим. 332 к VII тому.

168. Каблуков — см. прим. 41 к IV тому.

Герценштейн — профессор-экономист, знаток аграрного вопроса, к.-д., член I Гос. Думы, убит черносотенцами в Териоках 18/VII 1906 г.

Мануилов — к.-д., экономист, либеральный ректор Московского Университета, министр народного просвещения в первом Временном Правительстве 1917 г.

169. Луи Блан — см. прим. 25 к XIV тому.

170. Примечание автора к 2-му (легальному) изданию брошюры: «Две тактики...» в Сборнике: «За 12 лет».

Переводя Энгельса, я сделал здесь ошибку в первом издании, приняв слово *Buttermilch* не за собственное имя, а за нарицательное. Эта ошибка доставила, конечно, необыкновенно много удовольствия меньшевикам. Кольцов писал, что я «углубил Энгельса» (перепечатано в сборнике «За два года»), Плеханов и теперь напоминает эту ошибку в «Товарище», — одним словом, нашелся прекрасный повод замять вопрос о двух тенденциях в рабочем движении 48-го года в Германии — тенденции Борна (сродни нашим экономистам) и тенденции марксистской. Использовать ошибку оппонента, хотя бы и по вопросу о фамилии Борна, это более, чем естественно. Но замять посредством поправок к переводу суть вопроса о двух тактиках — значит спасовать по существу спора.

171. Бюлов — см. прим. 104 к VII тому.

172. Рувье — премьер-министр во Франции летом 1905 г.

173. Безобразовцы — группа сановников во главе с адмиралом Безобразовым, хищническим захватом лесных богатств на реке Ялу в Корею вызвала русско-японскую войну 1904—1905 г.г.

174. Линевич — новый русский главнокомандующий в Маньчжурии, сменивший Куропаткина после Мукденского разгрома.

175. Ледрю-Роллен — см. прим. 258 к VII тому.

176. Кавеньяк — см. прим. 68 к VII тому.

177. Речь идет о политическом порядке, который установился во Франции после июльской революции 1830 г. и продолжался до февральской революции 1848 г.; его характерная особенность — беззастенчивое господство крупной буржуазии.

178. Манифест об организации Булыгинской Думы.

Государство российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем. Согласие и единение царя и народа, великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, и является доньше залогом ее единства, независимости и целостности, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем.

В манифесте нашем, данном 26-го февраля 1903 года, призывали мы к тесному единению всех верных сынов отечества для усовершенствования государственного порядка установлением прочного строя в местной жизни. И тогда озабочивала нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, наши предшественники.

Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов.

В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную Думу, распространив силу сих законов на все пространство империи, с теми лишь изменениями, кои будут признаны нужными для некоторых, находящихся в особых условиях, ее окраин.

О порядке участия в Государственной Думе выборных от великого княжества финляндского, по вопросам общих для империи и сего края узаконений будет нами указано особо.

Вместе с сим повелели мы министру внутренних дел безотлагательно представить нам к утверждению правила о приведении в действие Положения о выборах в Государственную Думу, с таким расчетом, чтобы члены от 50 губерний и области Войска Донского могли явиться в Думу не позднее половины января 1906 года.

Мы сохраняем всецело за собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной Думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания.

179. Ш а р а п о в — черносотенный публицист.

180. Указ 18 февраля 1905 года давал право органам сословного и общественного управления, ученым обществам и частным лицам представлять в комиссию под председательством министра внутренних дел Булыгина планы и проекты по вопросам «усовершенствования» государственного строя. Этим указом широко воспользовались для манифестаций конституционного характера земства, думы и друг. организации либеральной буржуазии.

181. Бюджетный конфликт с Бисмарком — см. прим. 110 к VII тому.

182. 10 августа 1792 — день крушения монархии во Франции в эпоху Великой Французской революции.

183. С. С. — см. прим. 85 к IV тому.

184. Крестьянский союз — см. прим. 10 к VII тому.

185. Мир с Японией был заключен Витте (см. прим. 30 к VII тому) в американском городе Портсмуте 16 августа 1905 г., при посредничестве президента Соединенных Штатов Рузвельта. Россия теряла половину Сахалина, всю южную Маньчжурию с Порт-Артуром и под видом оплаты содержания своих пленных в Японии платила большую контрибуцию.

186. Речь идет о статье Парвуса в № 110 «Искры»: «Социал-демократия и Гос. Дума».

187. Стахович — см. прим. 30 к IV тому.

188. В. Либкнехт — см. прим. 92 к IV тому.

189. Речь идет о войне между Францией и Пруссией, руководимой Бисмарком; кончилась в 1871 г. полным разгромом Франции и образованием Германской империи.

190. Кишиневский погром 1903 г. — см. в IV томе статью Н. Ленина: «Мобилизация реакционных сил и наши задачи».

191. О бакинской резне — см. выше прим. 90 к этому тому.

192. П. П. С. — см. прим. 271 к VII тому.

193. В. Стэд — известный английский корреспондент, пытавшийся летом и осенью 1905 г. выступить в качестве посредника между либеральным «обществом» и властью.

194. Университетская автономия 27 авг. 1905 г., как показала практика, давала долю власти и свободы в университетах только либеральным профессорам.

195. Глазов — министр народного просвещения 1904—1905 г.г., из генералов.

196. Витте — см. прим. 30 к VII тому.

197. Гессен, И. В. — см. прим. 84 к VII тому.

198. Манифест 17 октября — см. прим. 21 к VII тому.

199. Кузьмин-Караваев — см. прим. 236 к VII тому.

200. Косич — либеральный генерал, командовавший тогда войсками Казанского военного округа.

201. Кони — известный юрист и писатель, председатель Петербургского Окружного Суда во время процесса В. И. Засулич.

202. Пронунциаменто — испанское слово для обозначения военного заговора и государственного переворота под руководством кучки военных.

203. Восстание крестьян в Малороссии — см. прим. 306 к VII тому.

СОДЕРЖАНИЕ.

1904 год. — Ноябрь.

Земская кампания и план «Искры» (брошюра)	Стр. 7
---	-----------

Декабрь.

О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов («Вперед», № 1)	23
Пора кончить («Вперед», № 1)	27

1905 год. — Январь.

Падение Порт-Артура («Вперед», № 2)	32
Соловья баснями не кормят («Вперед», № 2)	38
Рабочая и буржуазная демократия («Вперед», № 3)	43
От народничества к марксизму («Вперед», № 3)	50
Начало революции в России («Вперед», № 4)	55
Революционные дни («Вперед», № 4)	58

Февраль.

Две тактики («Вперед», № 6)	69
О боевом соглашении для восстания («Вперед», № 7)	76
Должны ли мы организовать революцию? («Вперед», № 7)	82
Извещение о созыве третьего партийного съезда (коллективное) («Вперед», № 8)	90
Новые задачи и новые силы («Вперед», № 9)	94
Предисловие к брошюре: «Докладная записка директора департамента полиции Лопуховна»	101

Март.

Пролетариат и крестьянство («Вперед», № 11)	104
О нашей аграрной программе (письмо III съезду) («Вперед», № 12)	108
Социал-демократия и Временное Революционное Правительство («Вперед», №№ 13 и 14)	112
Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства («Вперед», № 14)	124

Апрель.

Маркс об американском „черном переделе“ («Вперед», № 15)	132
С больной головы на здоровую («Вперед», № 15)	137

Открытое письмо председателю Совета Р. С.-Д. Р. П. тов. Плеханову (коллективное) («Вперед», № 16)	143
--	-----

А п р е л ь — М а й.

Речи на III съезде Р. С.-Д. Р. П.	154—180
---	---------

М а й.

Извещение о III съезде Р. С.-Д. Р. П. (коллективное) («Пролетарий», № 1) .	181
Всероссийский съезд адвокатов («Пролетарий», № 2)	184
Международное значение русской революции («Пролетарий», № 2) . .	191
О Временном Революционном Правительстве (статья первая: Историческая справка Плеханова) («Пролетарий», № 2)	195
Разгром («Пролетарий», № 3)	204
Революционная борьба и либеральное маклерство («Пролетарий», № 3) .	207
О Временном Революционном Правительстве (статья вторая: Только снизу или и снизу и сверху) («Пролетарий», № 3)	213

И ю н ь.

Демократические задачи революционного пролетариата («Пролетарий», № 4)	220
Первые шаги буржуазного предательства («Пролетарий», № 5)	225
«Революционеры» в белых перчатках («Пролетарий», № 5)	230
Борьба пролетариата и холопство буржуазии («Пролетарий», № 6) . . .	234
Третий шаг назад («Пролетарий», № 6)	239
Три конституции (листовка)	248
Революционная армия и Революционное Правительство («Пролетарий», № 7)	250
Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана («Пролетарий», № 7)	256

И ю л ь.

Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры («Пролетарий», № 8)	261
Революция учит («Пролетарий», № 9)	266
Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти («Пролетарий», № 10)	273
Две тактики социал-демократии в демократической революции (брошюра). 281	373
Предисловие к брошюре: «Рабочие о партийном расколе»	374

А в г у с т.

Гойкот Булыгинской Думы и восстание («Пролетарий», № 12)	379
Свидание в Бьеркоэ («Пролетарий», № 12)	385
«Они не оправдали ни надежд, ни опасений» («Пролетарий», № 13) . .	387
«Единение царя с народом и народа с царем» («Пролетарий», № 14) . .	392
В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? («Пролетарий», № 15)	399
Самое ясное изложение самого путаного плана («Пролетарий», № 15) .	408
Предисловие к третьему изданию брошюры: «Задачи русских социал-демократов»	410

Сентябрь.

Отношение социал-демократии к крестьянскому движению («Пролетарий», № 16)	412
Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? («Пролетарий», № 16)	420
Мир и реакция («Пролетарий», № 17)	424
Встреча друзей («Пролетарий», № 18)	429
Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги! («Пролетарий», № 18)	435
Игра в парламентаризм («Пролетарий», № 18)	437
Революция и контр-революция («Пролетарий», № 19)	448
Социализм и крестьянство («Пролетарий», № 20)	452

Октябрь.

Политическая стачка и уличная борьба в Москве («Пролетарий», № 21)	460
Последнее слово «Искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания («Пролетарий», № 2)	465
Уроки московских событий («Пролетарий», № 22)	479
Всероссийская политическая стачка («Пролетарий», № 23)	486
Первые итоги политической группировки («Пролетарий», № 23)	488
Буржуазные „соглашатели“ и пролетарские революционеры («Пролетарий», № 23)	494
Первая победа революции («Пролетарий», № 24)	499
Мелко-буржуазный и пролетарский социализм («Пролетарий», № 24)	505
Приложение I. Летопись событий (ноябрь 1904 г. — сентябрь 1905 г.)	513—516
Приложение II. Несколько документов из истории Р. С.-Д. Р. П.:	
№ 1. Документы, относящиеся к подготовке III съезда Р. С.-Д. Р. П.	519
№ 2. Резолюции III съезда Р. С.-Д. Р. П.	522
№ 3. Документы по вопросу о партийном объединении	535
№ 4. Документы по вопросу об отношении соц.-демократии к Гос. Думе	543
Примечания	551

